ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2017. № 417. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2017. № 417. April

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 417 Апрель 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Ефремова Д.А. Функционально-семантические особенности личных местоимений в тексте биографических эссе 5
Жилякова Э.М., Буданова И.Б. А.Н. Островский и Карло Гоцци (C. Gozzi) 13
Пронин А.А. Наррация эмоций как элемент когнитивной системы документального фильма 21

ИСТОРИЯ

Андреева Т.Л., Керн К.Е. Лингвистический аспект как фактор внешней политики КНР в XXI в. 25
Бойко В.П. Зарождение и развитие русского предпринимательства в творчестве И.С. Тургенева 30
Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. *Хозан тӧс* – заячий фетиш в мифологических представлениях и обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.) 36
Груздинская В.С. «Историографические среды» как канал формирования научного сообщества историографов в советской исторической науке в 1960–1980-х гг. 49
Елкин М.Е. Место и роль японо-американского военно-политического союза в концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности Японии» 54
Залялова (Михеичева) В.Л. Проблема дефицита медицинских кадров в провинциях Российской империи во второй половине XIX в. (на материалах Вятской и Казанской губерний) 58
Зиновьев В.П., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Роль З.М. Цибульского в создании первого в Азиатской России университета: к 200-летию со дня его рождения и 140-летию учреждения Томского государственного университета 63
Ивонина О.И. Роль ООН в системе нового миропорядка 75
Качин Н.А. Создавая «прочный фундамент»: из истории формирования В.М. Флоринским книжного фонда Научной библиотеки Томского университета 80
Кононенко А.А. Революция 1917 года в Тюмени глазами обывателя 88
Крестьянников Е.А. Особенности устройства института мировых судей в дореволюционной Сибири: вопросы судейской независимости и исполнения несудебных обязанностей 94
Кудряшев В.Н. Народность и государство в славянофильской доктрине (1840–1880-е гг.) 103
Муратшина К.Г. Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция, риски 110
Носова Н.П. «Неудобный класс». Становление советской парадигмы отношения к крестьянству (эволюция ленинских взглядов) 121
Пашин В.П. Взлет и падение дальневосточной казачьей группы генерала Ф.Л. Глебова 128
Перевощиков Д.В. Повседневная жизнь и досуг иностранных военнопленных в Удмуртии в 1945–1948 гг. (на примере лагеря № 371) 132
Плаксина Н.Е. Переписка пижемских старообрядцев как источник по истории происхождения и бытования иконы на Нижней Печоре (XIX в.) 142
Сорокин А.А. Крестьянский волостной суд Российской империи в оценках общественности конца XIX в. 147
Татарникова А.И. Переселенческие поселки в Западной Сибири конца имперского периода: численность, социальная инфраструктура, санитарное состояние 155
Терехов О.Э. Большевизм в культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера 163

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 417 April 2017

CONTENTS

PHILOLOGY

Efremova D.A. Semantic and functional peculiarities of personal pronouns in biographical essays 5
Zhilyakova E.M., Budanova I.B. A.N. Ostrovsky and Carlo Gozzi 13
Pronin A.A. Narration of emotions as an element of the cognitive system of the documentary 21

HISTORY

Andreeva T.L., Kern K.E. Linguistic aspect as a factor of the foreign policy of the People's Republic of China in the 21st century 25
Boyko V.P. Russian business origin and development in I.S. Turgenev's works 30
Burnakov V.A., Tsydenova D.Ts. Hozan tös: the hare fetish in mythological ideas and ceremonialism of the Khakas (the end of the 19th – the middle of the 20th centuries) 36
Gruzdinskaya V.S. "Istoriograficheskie sredy" as a channel forming the academic community of historiographers in the Soviet historical science in the 1960s–1980s 49
Elkin M.E. The role of Japan–United States political and military relations in the concept "comprehensive national security of Japan" 54
Zalyalova (Mikheicheva) V.L. The problem of medical personnel shortage in the provinces of the Russian Empire in the second half of the 19th century (based on materials of Vyatka and Kazan provinces) 58
Zinoviev V.P., Nekrylov S.A., Fominykh S.F. The role of Z.M. Cybulski in the creation of the first university in the Asian part of Russia: the 200th anniversary of his birth and the 140th anniversary of Tomsk State University establishment 63
Ivonina O.I. The role of the UN in the new world order 75
Kachin N.A. Creating the "firm basis": from the history of the creation of the book fund of the Tomsk State University Research Library by V.M. Florinsky 80
Kononenko A.A. The 1917 revolution in Tyumen in a layman's view 88
Krestyannikov E.A. The features of the structure of justices of the peace in pre-revolutionary Siberia: issues of judicial independence and execution of non-judicial duties 94
Kudriashev V.N. Narodnost and the state in the Slavophile doctrine (1840s–1880s) 103
Muratshina K.G. The Programme of Cooperation Between Russian Far East and Eastern Siberia and Chinese North-Eastern Regions (2009–2018) and its role, evolution and risks in the Russian-Chinese cross-border interaction 110
Nosova N.P. The "awkward class". Formation of the Soviet peasant paradigm as a political discourse of power 121
Pashin V.P. The rise and fall of the Far Eastern Cossack group of General F.L. Glebov 128
Perevoshchikov D.V. Everyday life and leisure of foreign PoWs in Udmurtia during 1945–1948 (a case study of Camp 371) 132
Plaksina N.E. Personal correspondence of the Old Believers of Pizhma as an information source on the origin and existence of icons in the Lower Pechora (19th century) 142
Sorokin A.A. The peasant volost court of the Russian Empire in the estimates of the public of the late 19th century 147
Tatarnikova A.I. Resettlement towns in Western Siberia in the late imperial period: population, social infrastructure, sanitary condition 155
Terekhov O.E. Bolshevism in Oswald Spengler's cultural and historical concept 163

Тяпкин М.О. Охрана лесов на юге Западной Сибири в первой половине 1918 г. 169
Хайницкая Э.А. Влияние коммунистической идеологии на мировые и этнические религии в Еврейской автономной области в XX в. 176
Черемных О.А., Шевляков А.С. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 182

ПРАВО

Груздев В.В. О методе гражданского права 191
Качалов В.И. Уголовно-процессуальные особенности апелляционного пересмотра судебных решений, принятых в ходе исполнения приговора 195
Лозинский И.В. К вопросу о перспективах дальнейшего развития Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации 203
Ряховская Т.И. Деятельность Конституционного Суда РФ в сфере обеспечения прямого действия Конституции мерами охраны 210
Соколовская Н.С., Чаднова И.В. К вопросу об использовании в доказывании по уголовному делу объяснений граждан 214

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 219

Tyapkin M.O. Forest conservation in the south of Western Siberia in the first half of 1918 169
Khainitskaya E.A. The influence of the communist ideology on world and ethnic religions in the Jewish Autonomous Region in the 20th century 176
Cheremnykh O.A., Shevlyakov A.S. Sanitation and public services and utilities provision in the cities of Western Siberia during the Great Patriotic War 182

LAW

Gruzdev V.V. On the method of civil law 191
Kachalov V.I. Criminal procedural features of the appellate review of judicial decisions made during the execution of the sentence 195
Lozinsky I.V. On the development prospects of Chapter 22 of the RF Criminal Code 203
Ryakhovskaya T.I. The Constitutional Court of the Russian Federation on ensuring the direct action of the constitution by security measures 210
Sokolovskaya N.S., Chadnova I.V. On the use of citizens' explanations in proving in a criminal case 214

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 219

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 5–12. DOI: 10.17223/15617793/417/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-114.2

Д.А. Ефремова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТЕКСТЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ ЭССЕ

Рассматривается семантика и функционирование личных местоимений 1 л. ед. и мн. ч. в тексте биографических эссе XIX–XXI вв. Выявляются основные референты личных местоимений, и устанавливается доминирующий модальный характер их функций – субъективный или объективный. Особенности употребления изучаемых местоимений отражают межстилевой статус биографических эссе.

Ключевые слова: личные местоимения; биографические эссе; публицистический стиль; научный стиль; субъективная и объективная модальность; английский язык.

Исследования в области лингвистики текста показали, что элементы различных уровней языка функционируют в таких комплексных и сложных структурах, как текст, иным образом по сравнению с единицами меньшего объема (предложениями и фразами). Необходимостью изучения данного вопроса обусловливается актуальность лингвистических и филологических работ об использовании личных местоимений в тексте и их роли в нем. Вопросы взаимосвязи функционально-стилистической принадлежности текстов и своеобразия применения в них личных местоимений также не раз рассматривались лингвистами [1; 2. С. 177–181; 3. С. 31–42]; жанровая природа использования личных местоимений анализировалась в работах Э. Бенвениста, Р.П. Дронсейки, О.В. Мякшевой [4. С. 288; 5. С. 8–32; 6. С. 31–42]. Тем не менее эти исследования в основном проводились на примере текстов художественного, публицистического и научного стилей и их основных жанров; биографический текст и особенности применения в нем личных местоимений специального описания не получили.

Этот факт во многом и определяет новизну данного исследования, основной целью которого является установление взаимосвязи между стилевыми и типовыми особенностями биографических эссе и лексическими и функциональными характеристиками личных местоимений 1 л.

В статье не ставится задача выявить всю совокупность факторов, влияющих на употребление личных местоимений в биографических текстах, в частности, не рассматривается влияние экстралингвистических факторов, например тематики биографического эссе или профессиональной деятельности героя. Для изучения особенностей использования личных местоимений в тексте биографических эссе применялись приемы лингвистического наблюдения и методы контекстуального и суперлинеарного анализа. Материалом для исследования послужили 30 англоязычных биографических эссе XIX–XXI вв. общим объемом около 1 500 с. Выбор такого временного периода объясняется тем, что начиная с XIX в. в рамках биографического жанра выделяются разновидности текстов: стремящиеся к объективному способу изложения и к субъективному [7. С. 38–41], которые и рассматриваются в данной статье. Формально эти типы биографического текста отличаются особенностями употребления личных местоимений. Материал для исследования отбирался на основе выведенного нами ранее определения биографического эссе, по которому оно понимается как тип биографического текста, характеризующийся небольшим объемом и ассоциативностью. Проявление остальных типовых черт биографических эссе определяется интенцией автора и подтипом биографического эссе. В зависимости от доминирущего модального плана биографические эссе подразделяются на субъективные, характеризующиеся высокой степенью авторского присутствия, и псевдообъективные, стремящиеся к непредвзятому типу изложения. При выделении подтипов биографического эссе учитывались тональность, композиция, членимость текста, пространственно-временной континуум. Субъективные биографические эссе характеризуются доверительной, интимной тональностью, экспериментами в области композиции и сюжета, отходом от жесткого объемно-прагматического членения, нарушением хронологически линейного развертывания пространственно-временного континуума, а псевдообъективные биографические эссе отличаются деловой, бесстрастной тональностью, более жесткой композицией [8. С. 362–363].

Наиболее релевантными в плане языкового разграничения субъективных и псевдообъективных эссе являются категории тональности и пространственно-временного континуума. Доверительная интимная тональность субъективных биографических эссе находит свое отражение в использовании разговорной лексики, игры слов, лексических единиц с необычной сочетаемостью (зевгмы, оксюморона), открытой побудительности (глаголов в повелительном наклонении), восклицательных предложений, риторических вопросов, умолчания. Деловая бесстрастная тональность псевдообъективных биографических эссе выражается в применении эвфемизмов, высокой, формальной лексики, форм имплицитной побудительности (например, конструкций с should) и цитат. С точки зрения пространственно-временного континуума субъективные биографические эссе характеризуются наличием ретроспективных (чаще всего реализуемых формой Past Perfect, а также ретроспективными глаголами, например, remember, recollect, recall и др.) и

проспективных фрагментов (актуализируемых формами Future-in-the-Past и конструкциями с модальным глаголом to be to). Псевдообъективным биографическим эссе свойственно жесткое следование хронологически линейному развертыванию пространственно-временного континуума. Для анализа использовались различные подтипы биографических эссе (субъективные и псевдоообъективные) широкой тематики и в указанном временном диапазоне в соотношении 50% : 50% (см. таблицу).

Псевдообъективные биографические эссе	Субъективные биографические эссе
1. Pearson C.W. Tennyson // C.W. Pearson Literary and Biographical Essays. A Volume of Papers by the Way. Boston : Sherman, French & Co, 1908. P. 131–147	1. Hindus M. Charles Reznikoff: A Biographical Essay. URL: http://www.english.illinois.edu/maps/poets/m_r/reznikoff/bio.htm (дата обращения: 13.11.2015)
2. Nichols J. Biographical Essay on the Genius and Works of Hogarth. URL: http://cle.ens-lyon.fr/anglais/biographical-essay-on-the-genius-and-works-of-hogarth-part-i--168357.kjsp?RH=CDL_ANG110201 (дата обращения: 20.11.2015)	2. Zeisl B. Erich Zeisl. Biographical Essay. URL: http://www.zeisl.com/essays-and-articles/biographical-essay-barbara-zeisl.htm (дата обращения: 20.11.2015)
3. Robert G.G. Dr. Chalmers // G.G. Robert Essays Biographical, Historical and Miscellaneous. Lnd. : Longman, 1858. P. 1–125	3. Johnson P. Sean Connery // P. Johnson Brief Lives. Lnd.: Arrow Books, 2010. P. 77; Johnson P. Princess Diana // P. Johnson Brief Lives. Lnd. : Arrow Books, 2010. P. 93–96
4. Masson D. Shakespeare and Goethe // D. Masson Essays Biographical and Critical Chiefly on English Poets. Cambridge : McMillan & Co, 1856. P. 1–36	4. Collet S.D. George Jacob Holyoake and Modern Atheism: A Biographical and Critical Essay. Lnd. : Trubner, 1855. 60 p.
5. Bondi I. Biographical Essay of Ernst Haas. URL: http://www.ernst-haas.com/essays.html (дата обращения: 20.11.2015)	5. Schurz C. Abraham Lincoln. A Biographical Essay. Boston : Houghton Mifflin & Co, 1907. 134 p.
6. Klein P.G. Biography of F. A. Hayek. URL: https://mises.org/library/biography-f-hayek-1899-1992 (дата обращения: 20.11.2015)	6. Williams S.F. Thackeray // Essays, Critical, Biographical, and Miscellaneous. Lnd. : William Freeman, 1862. P. 35–68
7. Miller H. The Infant Prince // H. Miller Essays, Historical, and Biographical, Political, Social, Literary and Scientific. Edinburgh : William P. Nimmo, 1872. P. 18–21	7. Prestwich A.G. Evenings with Madame Mohl // A.G. Prestwich Essays Descriptive and Biographical. Edinburgh : William Blackwood & Sons, 1901. P. 93–108
8. Hayward A. General von Radowitz // A. Hayward Biographical and Critical Essays. Lnd. : Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1858. P. 269–280	8. Baily J.T.H. Francesco Bartolozzi, R.A., a biographical essay. Lnd. : Otto Ltd, 1907. 222 p.
9. Naggar C. Chim in the Spanish Civil War. URL: http://old.david-seymour.com/LEIPZIG-3.doc (дата обращения: 20.09.2015)	9. Carlyle T. Montaigne // T. Carlyle Montaigne and Other Essays: Chiefly Biographical. Lnd. : James Gowans, 1897. P. 1–89
10. Saunders S. A Biographical Essay of Alessandro Grandi. URL: http://blog.magnificatbaroque.com/2009/08/11/a-biography-of-alessandro-grandi/#ixzz21m4sTmbA (дата обращения: 20.12.2013)	10. Ingraham C.A. Washington Irving // C.A. Ingraham Washington Irving: and other Essays Biographical, Historical and Philosophical. N.Y. : Nabu Press, 2010. P. 3–58
11. Graham W. Luther – The Man // W. Graham Essays Historical and Biographical. Lnd. : James Nisbet & Co, 1888. P. 67–86	11. Foster J. Daniel Defoe // J. Foster Oliver Cromwell; Daniel Defoe, Sir Richard Steele, Charles Churchill, Samuel Foote; biographical essays. Lnd.: J. Murray, 1860. P. 71–112
12. Tuckerman H.T. Daniel Boon // H.T. Tuckerman Biographical Essays: Essays, Biographical and Critical; or, Studies of Character. Boston : Phillips, Sampson & Co, 1857. P. 42–58	12. Fingerhut B.M. Look for the Lift: A Biographical Essay of Gerhart Niemeyer. URL: https://home.isi.org/look-lift-biographical-essay-gerhart-niemeyer#sthash.X21pnFbj.dpuf (дата обращения: 20.09.2015)
13. Macaulay T.B. Frederic the Great // T.B. Macaulay Biographical Essays. Leipzig : Bernhard Tauchnitz, 1857. P. 1–93	13. Hendrick E. Lewis Miller. A Biographical Essay. Lnd. : Knieckerbocker Press, 1925. 200 p.
14. Hardie M. George Morland: A Biographical Essay. Lnd : Otto Ltd, 2011. 139 p.	14. Muller F.M. Julius Mohl // F.M. Muller Biographical Essays. Lnd. : Longmans, Green & Co, 1884. P. 272–304
15. De Quincey T. Shakespeare // T. de Quincey Biographical Essays. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2004. P. 4–73	15. Gill B. Cole. N.Y. : Holt, Rinehart &Winston, 1972. P. 1–39

Функционально-семантические особенности личных местоимений в текстах неразрывно связаны со стилевой, жанровой и отчасти типовой принадлежностью последних. Так, отмечается, что обращение к местоимениям в письменной речи ограничено стилем: они редко употребляются в официально-деловом и научном стилях, но в публицистическом и художественном – весьма популярны [1]. С точки зрения функционально-стилистической принадлежности биографический текст рассматривается как межстилевое явление, лежащее на стыке научного, публицистического и художественного стилей [9. С. 144], поэтому представляется, что употребление личных местоимений в нем определяется чертами данных стилей. Биографическое эссе рассматривается как тип биографического текста, наиболее приближенный к публицистическому стилю и обнаруживающий, в большей степени, характеристики данного стиля: краткость, лаконичность, избирательную эмоционально-оценочную подачу информации, призывность, структурную и смысловую прозрачность, новизну [8. С. 355]. Когда лингвисты говорят о чертах публицистического стиля, в области его грамматической организации отмечается зависимость употребления личных местоимений от жанра текста [10. С. 17, 168; 11; 12. С. 45]. В таких жанрах, как очерк, репортаж, полемические заметки, интервью, применение местоимений 1 л. ед. ч. обусловлено их личностным характером, однако в обзоре печати, обозрении, отличающихся более объективной подачей информации, предпочтение отдается личному местоимению 1 л. мн. ч. и безличным формам изложения. Рассмотрим, каким образом употребление личных местоимений в биографических эссе зависит от их типовой принадлежности и доминирующего модального плана (субъективного или объективного). Авторы биографических эссе псевдообъективного подтипа склонны прибегать к повествованию от 3 л. а субъективных – к повествованию от 1 л. В первом случае в языке это отражается в использовании неопределенно-личного местоимения «one», безличных конструкций, личного местоимения «they», не имеющего конкретного референта:

They say that it was Tennyson's special aim and mission to be the mediator between the views of the parsonage in which he was educated and the world of philosophy and science in which he became so ardent an enquirer [13. P. 137].

Личное местоимение 3 л. мн. ч. в обобщенно-личном значении, как и неопределенно-личное местоимение «one», безличные конструкции, употребляется, поскольку источник информации либо неточен, либо неизвестен. Подобная форма повествования дает возможность повысить объективный план высказывания и избежать обвинений в предоставлении неверных или плохо проверенных сведений.

Однако если автор стремится явно присутствовать на страницах своего произведения, он прибегает к личной форме повествования, используя личные местоимения «I», «we». Личное местоимение «I» традиционно имеет в литературе три типа референта: самого писателя, условного повествователя или рассказчика [14. С. 3–4]. Для мемуарной литературы, в том числе и для биографических эссе, характерен лишь первый референт. Использование личного местоимения 1 л. ед. ч. свойственно субъективным биографическим эссе. При этом данное местоимение имеет разнонаправленные функции и используется как для субъективации текста, так и с целью увеличить доверие к сообщаемым сведениям, т.е. для усиления его объективности. Общее количество выявленных и проанализированных примеров актуализации личного местоимения «I» в субъективных биографических эссе составляет 421. Личное местоимение «I», его падежная и притяжательная формы в биографических эссе, как и в публицистическом тексте, применяется преимущественно для усиления субъективного плана текста в 93%[1] проанализированных примеров употребления местоимения 1 л. ед. ч. (в абсолютных показателях – 391), а именно для введения авторских оценок, предположений, мнения:

The refusal to be competitive explains much, **I think,** about Reznikoff's life and work. *It may explain* why he never practiced law, after a brief trial of it, despite the fact that he had been graduated second in his class from law school. *It certainly explains* why his most oft-quoted reticent utterances in verse were recommendations of the joys of a simple, uncompetitive life… [15].

Личное местоимение «I» в сочетании с глаголом умственного действия «think» используется для введения в текст субъективного авторского представления, размышления о мотивах действий героя, личностный характер которого усиливается предположениями, выраженными в параллельных структурах с нарастанием уверенности: «It may explain», «It certainly explains». Авторская точка зрения вводится не только при помощи сочетания личного местоимения 1 л. ед. ч. с глаголами умственного действия (например, believe, suppose, reckon etc.), но и модальных фраз с этим местоимением и его падежной и притяжательной формой (например, to me, as I see it, in my humble opinion etc.). Субъективность подобных фрагментов, помимо параллельных структур, усиливается эмфатическими конструкциями и инверсией.

В биографических эссе, написанных родственниками или друзьями героев, личное местоимение «I» употребляется для введения собственных воспоминаний (в сочетании с ретроспективными глаголами remember, recall, recollect, used to, would). Очевидно, что подобное использование способствует субъективации текста:

Looking back, **I remember** that whenever we took an "Ausflug", which we did almost every Sunday, and **I would rave** about a field of green clover or the prospect of climbing up a rather brown-baked hill, my father **would correct** my lens, and say, "Aber Barbara, das sind ja keine Wiesen. Das ist ja kein Berg. Die gibt es nur in Oesterreich"! (But Barbara, those aren't real meadows, that's not a mountain. You can only find those in Austria!") [16].

Данный пример взят из биографического эссе, написанного дочерью известного композитора о своем отце. Как представляется, автор употребляет личное местоимение таким образом, чтобы показать следующее: она наравне с героем (своим отцом) может ассоциировать себя с событиями, продемонстрировать свою личностную сопричастность событиям. Подобное использование личного местоимения 1 л. ед. ч. также характерно и для публицистического текста [17. С. 230].

Личное местоимение первого лица единственного числа в сочетании с глаголами говорения (например, say, exclaim, retort, reply etc.) используется авторами для введения диалогов, которые способствуют оживлению повествования. Нужно отметить, что жанровый канон требует от авторов биографических эссе жестко документированных диалогов [18. С. 24], тем не менее, в субъективных биографических эссе авторы отходят от данного требования:

When Sean arrived, **I said**: "Your wife is a good philosopher. She told me about Kant." "About what?" "About Kant." Unfortunately, in Sean's pronunciation there is no real difference between "Kant" and "cunt". "No philosopher can be called 'cunt'" [19. P. 77].

Недокументированный диалог в данном примере, вводимый при помощи личного местоимения «I» и глагола говорения «say», построен на игре слов, произошедшей из-за дефектов в произношении известного актера, при этом за счет шутливого тона создается эффект присутствия читателя в описываемой ситуации. В подобных примерах повествование также оживляется путем использования анекдотических ситуаций и стилистических приемов, основанных на применении лексических единиц с необычной сочетаемостью.

Личное местоимение «I» употребляется для объективации текста, увеличения достоверности предоставляемой информации в 7% проанализированных примеров употребления местоимения 1 л. ед. ч (в абсолютных показателях – 30). В этом случае автор вводит цитату (прямую или косвенную) или предъявляет иные доказательства правильности собственного мнения (например, фактическую информацию):

She had **good clean elegant** handwriting, much better than usual for her generation, so I assume she had an old-fashioned governess at some stage. **I have several letters from her** [Ibid. P. 93].

Свою индивидуально-субъективную характеристику почерка принцессы Дианы («good clean elegant»), вводимую в текст при помощи личного местоимения в

сочетании с глаголом мнения «assume», автор подтверждает фактом личной сопричастности. Личное местоимение 1 л. ед. ч., употребляемое для объективации текста, также вводит косвенные цитаты:

I realized at that moment that all my previous education had served only one purpose – to get me into that classroom with that man. I would have *to start over*.

Starting over seems to be a way of life for Niemeyer students. Over the years, many have voiced this notion to **me**… [20].

Свое мнение о педагогических способностях героя, имплицитно выраженное в предложениях с анадиплосисом, автор подтверждает при помощи непрямой цитаты, вводимой падежной формой личного местоимения «I».

Таким образом, личная форма повествования с местоимением «I» в биографическом эссе, как и в публицистическом тексте, преимущественно применяется для субъективации текста. Использование биографами личного местоимения «we» является особенностью псевдообъективных биографических эссе, в которых личное местоимение «I» не употребляется. Личное местоимение 1 л. мн. ч., в отличие от уже рассмотренного, не имеет однозначного референта, а характеризуется их разнообразием. Так, для научного стиля «“Мы” – это и аудитория, и читатель, и вообще все люди. Это всякий, каждый и никто в частности. Для пишущего научный труд совершенно неважно конкретное лицо речи. Такая местоименная форма типична для стиля научной речи с его обобщенностью и отвлеченностью» [2. С. 163]. Для биографических эссе наиболее характерно употребление этого местоимения как исследовательского «мы» в научном тексте, при этом референтом является сам автор. Личное местоимение 1 л. мн. ч. используется, чтобы звучать более скромно, менее категорично.

Indeed, from more than one circumstance, **we might suppose**, that tenuity and obesity were, to Hogarth's imagination, one of the seven deadly sins, and one of the cardinal virtues, so forcibly would he impress us with the conviction that the former is as certain a *sign of rascality* as the latter of *honesty* [21].

Стремлением снять с себя ответственность за высказывание, выразиться мягко продиктованы использование личного местоимения «we» вместо «I», а также применение модального глагола невысокой степени категоричности «might» и лексической единицы «suppose», выражающей предположение, неуверенность. Представляется, что подобное употребление объясняется отсутствием у автора реально подтвержденной информации об отношении героя биографии к худощавости или полноте и желанием смягчить оценочный характер суждения, выраженного при помощи лексических единиц с отрицательной коннотацией – «rascality» и положительной – «honesty».

Авторы биографических эссе используют личное местоимение «we», имеющее референтом самого автора, для объективации текста, для того, чтобы придать ему достоверное звучание, что характерно для 74%[2] проанализированных примеров употребления личного местоимения «we» этой семантики (в абсолютных показателях – 206). В этом случае при помощи личного местоимения 1 л. мн. ч. вводится новая информация или дается комментарий по поводу ее отсутствия, приводятся цитаты, ссылки на авторитетные источники:

We regret not to transcribe the whole of the paper which Chalmers prepared to give in his defense. It is as perfect specimen of *egotistical rodomontade* as ever came to our observation; but the concluding sentences are all that **we can give:** “Compel me to retire from my classes, and you give a blow to the religious interests of my parish which all the punctualities of discipline will never restore…” [22. P. 20].

Личное местоимение «we» используется для того, чтобы ввести цитату, которая представляет собой текст, написанный героем биографического эссе. Таким образом автор пытается объективировать собственную оценку этого текста, выраженную лексической единицей с отрицательной коннотацией «egotistical rodomontade».

Хотя в биографических эссе личные местоимения «we», имеющие своим референтом автора, используются *в основном для объективации текста*, они функционально разнонаправлены. «We» применяется и как средство субъективности в 26% проанализированных примеров употребления личного местоимения 1 л. мн. ч. в этом значении (в абсолютных показателях – 37): для введения авторского мнения, предположений, оценок, рассуждения, описания биографом собственных действий или намерений, а также для формирования авторского метатекста. Термин «метатекст» трактуется как выделенная метамаркерами (пунктуационными знаками, сменой временных планов, сильной позицией и др.) комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтеткст, которая может быть использована, с одной стороны, для передачи оценки содержания текста и поддержания контакта с читателем, с другой – для выделения главной на фоне второстепенной информации. Авторский метатекст помогает читателю распознавать, как текст организован и связан функционально и семантически [23; 24. P. 235]:

Precisely **as we have insisted** that Shakespeare’s face, as the best portraits represent it to us, is no mere general face or face to let, but a good, decided, and even rather *singular face*; so **we would insist** he had a specific character, as thoroughly a way of his own thinking about things and going through his morning and evening hours, as any of ourselves [25. P. 10].

Личное местоимение 1 л. мн. ч. вводит комментирующую ссылку на свой предтекст в начале биографического эссе, где автор впервые пишет о «peculiar face», которым обладал его герой. Этот метатекст выполняет двоякую функцию. С одной стороны, обеспечивает связность текста, которая формируется за счет употребления the Present Perfect Tense во фразе «as we have insisted», отсылающей читателя к прошлому повествованию; с другой – интенсифицирует авторскую характеристику внешности героя биографического очерка, привлекая к ней внимание за счет употребления лексического повтора «as we have insisted», «we would insist» и текстового повтора, построенного на контекстуальных синонимах «peculiar face», «singular face». Применение

модального глагола «would» свидетельствует о стремлении автора звучать менее категорично.

Личное местоимение «we» и его падежная и притяжательная формы имеют в биографических эссе и других референтов и используются в совместно-ограничительном значении, относясь к *автору и читателю*. Личное местоимение 1 л. мн. ч. такой семантики является частью приема интимизации в научном тексте [2. С. 177]. Подобным образом это местоимение с таким референтом используется и в биографических эссе: для установления контакта с читателем, ведения диалога с ним и вовлечения его в действие или приглашения к совместному рассуждению. Это позволяет читателю ощутить себя участником описываемых автором событий, героем биографического эссе:

And so, **readers**, for the present are **we. Let us** enter together, then, if it seems worthwhile, the room of this imaginary dilettante during his absence**, let us** turn the key in the lock, so that he may not come to interrupt **us**; and **let us** look for a little time at the two masks he has provided for **us** over the mantelpiece, receiving such reflections as they may suggest [25. P. 2].

Судя по прямому обращению к читателям в первой строке, не остается сомнений относительно референта личного местоимения «we» и его падежной формы далее. Для активизации воображения читателя, возбуждения его интереса автор эссе создает яркий образ некоего дилетанта в области литературы, который обязательно на своем столике у камина, несмотря на неискушенность в вопросах поэзии и прозы, имеет портреты таких гениев, как Шекспир и Гёте. К нему в гости и приглашает читателя автор, побуждая его сначала представить себе комнату, затем войти в нее, затворить дверь и т.д.

Личное местоимение «we» также имеет в биографических эссе референтом коллективный обобщенный субъект. Как отмечает Н.М. Разинкина, в XX в. в научных трудах «господствует манера письма, связанная с использованием безличных и обобщенно-личных грамматических конструкций» [2. С. 181]. В биографических эссе данный коллективный обобщенный субъект ограничивается автором контекстуально: при употреблении местоимения подразумеваются лица, знающие героя биографического эссе и его профессиональную деятельность, либо все лица, знакомые с произведениями автора. Функционирование личного местоимения с таким референтом имеет разнонаправленный характер: оно используется как средство объективации в 55%[3] примеров использования личного местоимения 1 л. мн. ч. в этом значении (в абсолютных показателях – 84) и субъективации – в 45% примеров (в абсолютных показателях – 68). Личное местоимение «we», имеющее референтом коллективный обобщенный субъект, как и в научном тексте, применяется для придания достоверного звучания определенной информации, введения цитат и общепринятых истин.

These anticipatory experiments mark him as a pioneer of what **we now call multimedia or time-based arts** [26].

Личное местоимение «we» используется для введения широко известного современного термина «multimedia arts», обозначающего целое направление в современном искусстве, одним из основателей которого был герой биографического эссе. Применение столь распространенного именования способствует усилению объективного модального плана.

Обобщенно-личная форма изложения используется также как средство субъективности, прежде всего для введения комментария по поводу качества и количества информации у биографа, ее наличия или отсутствия, а также авторского рассуждения, которое, благодаря личному местоимению, приобретает значение всеобщности[4]:

Clearly, the Austrian revival owes as much to Hayek as to anyone. But are Hayek's writings really «Austrian economics» – part of a separate, recognizable tradition – or should **we regard** them, instead, as an original, deeply personal, contribution? Some observers charge that Hayek's later work, particularly after he began to turn away from technical economics, shows more influence of his friend Sir Karl Popper than of Carl Menger or Mises: one critic speaks of «Hayek I» and «Hayek II»; another writes on «Hayek's Transformation» [29].

Личное местоимение «we» имеет референтом всех людей, читавших труды известного австрийского экономиста, и используется для введения рассуждения о том, насколько новаторскими можно считать книги по экономике героя биографии. Альтернативный вопрос вводит две противоположные точки зрения на работы Friedrich August von Hayek. Для объективации текста автор приводит ссылки на коллективный обобщенный субъект, подтверждающие обе точки зрения, и так и оставляет вопрос без ответа, предоставляя читателям самим принять решение о том, что считать правильным.

Личное местоимение первого лица множественного числа, его падежная и притяжательная формы в биографических эссе, как и в публицистических текстах, имеют своим референтом и все британское / американское (или иное в зависимости от национальности автора) сообщество. В этом значении личное местоимение 1 л. мн. ч. функционально неоднородно и используется для объективации текста, прежде всего введения дополнительной информации и активизации фоновых знаний своих соотечественников в 54%[5] проанализированных примеров употребления личного местоимения «we» в рассматриваемом значении (в абсолютных показателях – 42) и для субъективации текста: для сближения автора и читателей, приглашения их к совместному рассуждению – в 46% случаев использования (в абсолютных показателях – 36). Когда личное местоимение 1 л. мн. ч. этой семантики используется для субъективации, дистанция между автором и читателем сокращается и они проникаются сходными чувствами:

We are reminded of the day which must have mingled with the first recollections of even the most aged of our readers, and which men in the prime of early manhood are quite old to remember too, – that happy fourth of June, the birthday of the good George III, on which, for two whole generations, and a little longer, there used to be such waving of flags and flashing of gunpowder, and, notwithstanding all **our** wars abroad, and all **our** difficulties and troubles **at home**, so large an amount of hearty national enjoyment[6] [30. P. 18].

Притяжательная форма «our» имеет своим референтом британское сообщество, о чем свидетельствует лексическая единица **at home**, и употребляется автором

для установления контакта с читателями, в рядах которых биограф видит, прежде всего, своих соотечественников, и активизации их фоновых знаний. Автор призывает британцев вспомнить прошлое и вместе ощутить радость описываемого исторического события, несмотря на все проблемы, на которые он ссылается, используя лексические единицы с отрицательной коннотацией «wars», «difficulties and troubles».

Итак, функционально-стилевое своеобразие биографических эссе (их положение на стыке 3 стилей: научного, публицистического и художественного[7]) обусловливает функционально-семантические особенности употребленных в них личных местоимений. Черты публицистического стиля обнаруживаются в многообразии типов изложения (от безличного – повествования от 3 л. в псевдообъективных биографических эссе – до личного – повествования от 1 л. ед. ч. в субъективных биографических эссе). Личное местоимение «I», которое относится к автору (а не к рассказчику или условному повествователю), используется, прежде всего, для субъективации текста: для введения авторских оценок персонажа, описываемых событий или самого себя, предположений биографа, его мнения, воспоминаний или введения недокументированных диалогов. Однако данное местоимение применяется также для объективации суждений автора путем введения цитаты или фактической информации.

Семантика и функционирование личного местоимения «we» обнаруживают больше сходства с научным стилем, что выражается в общности референтов – автор, автор и читатель, коллективный обобщенный субъект. «We» употребляется для повышения объективного плана повествования: для проявления писательской скромности, введения новой информации, цитат, ссылок на авторитетные источники. Кроме того, личное местоимение 1 л. мн. ч. применяется для усиления субъективности: для введения авторского мнения, предположений, передачи оценок, рассуждения, описания собственных действий или намерений. В целом можно сказать, что личные местоимения в биографических эссе функционально двунаправлены и используются как средства объективности и субъективности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее за 100% принято общее количество проанализированных примеров актуализации местоимения 1 л. ед. ч. – 421.

[2] За 100% принято количество проанализированных примеров актуализации местоимения 1 л. мн. ч., имеющего референтом автора, – 280.

[3] За 100% принято количество проанализированных примеров актуализации местоимения 1 л. мн. ч., имеющего референтом коллективный обобщенный субъект, – 152.

[4] Термин «значение всеобщности» широко применяется в философии, логике и нейролингвистическом программировании [27. С. 322; 28. С. 115] и в наиболее общей форме определяется как значение, выражающее общность субъекта или объединения субъектов, характеристику, не имеющую исключений.

[5] За 100% принято количество проанализированных примеров актуализации местоимения 1 л. мн. ч., имеющего референтом определенное национальное сообщество, – 78.

[6] Невыделенные формы личного местоимения 1 л. мн. ч. имеют иные значения.

[7] Черты художественного стиля не обнаруживаются в употреблении и семантике личных местоимений биографических эссе, но проявляются в лексической, синтаксической и композиционной организации рассматриваемого типа текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб И.Б. Литературное редактирование. URL: http://knigi.link/literaturnoe-redaktirovanie-stilistika/stilisticheskoe-ispolzovanie-mestoimeniy-29303.html (дата обращения: 20.09.2016).
2. Разинкина Н.М. Стилистика научного текста. М. : URSS, 2004. 216 с.
3. Суздальцева В.Н. Закономерности речевой организации авторского повествования в газетно-публицистическом тексте // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 1981. № 1. С. 31–42.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
5. Дронсейка Р.П. К вопросу об эгоцентризме личного местоимения «я» и альтруизме личного местоимения «мы» (на примере прозы Б. Акунина) // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 8–32.
6. Мякшева О.В. Местоимения и специфика их функционирования в текстах разных жанров одного лица // Материалы 9 научно-практической конференции «Научный потенциал мира». София : «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2013. Т. 13: Филологические науки. С. 31–36.
7. Ушакова Е.В. Литературная биография как жанр в творчестве П. Акройда : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 195 с.
8. Ефремова Д.А. Основные жанрово-стилистические особенности текстов биографических эссе и их типологическая дифференциация // Культура в зеркале языка и литературы. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2012. С. 354–363.
9. Ефремова Д.А. Типы англоязычных биографий второй половины XX – начала XXI в. // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 143–146.
10. Барковская Н.В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 11. С. 16–25.
11. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публикации. М. : Изд-во МГУ, 1971. 266 с.
12. Сищук Ю.М. Лингвостилистические особенности публицистических текстов Карла Крауза : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 166 с.
13. Pearson C.W. Literary and Biographical Essays. A Volume of Papers by the Way. Boston : Sherman, French & Co, 1908. 260 p.
14. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М. : Институт русского языка РАН, 1994. 336 с.
15. Hindus M. Charles Reznikoff: A Biographical Essay. URL: http://www.english.illinois.edu/maps/poets/m_r/reznikoff/bio.htm (дата обращения: 13.11.2015).
16. Zeisl B. Erich Zeisl. Biographical Essay. URL: http://www.zeisl.com/essays-and-articles/biographical-essay-barbara-zeisl.htm (дата обращения: 20.11.2015).
17. Ионова С.В. Модальные характеристики текстов региональных СМИ // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство. Волгоград, 2009. С. 225–239.
18. Галич А.А. Современная художественная документально-биографическая проза. Проблемы развития жанров : дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1984. 181 с.

19. Johnson P. Brief Lives. Lnd. : Arrow Books, 2010. 304 p.
20. Fingerhut B.M. Look for the Lift: A Biographical Essay of Gerhart Niemeyer. URL: https://home.isi.org/look-lift-biographical-essay-gerhart-niemeyer#sthash.X21pnFbj.dpuf (дата обращения: 20.09.2015).
21. Nichols J. Biographical Essay on the Genius and Works of Hogarth. URL: http://cle.ens-lyon.fr/anglais/biographical-essay-on-the-genius-and-works-of-hogarth-part-i--168357.kjsp?RH=CDL_ANG110201 (дата обращения: 20.11.2015).
22. Robert G.G. Essays Biographical, Historical and Miscellaneous. Lnd. : Longman, 1858. 467 p.
23. Женетт Ж. Типы интертекстуальных отношений. URL: www. knigosvet.ni/articles (дата обращения: 13.11.2015).
24. Kopple V.W.J. Metadiscourse and the Recall of Modality Markers // Visible Language. 1988. № 22 (2). P. 233–272.
25. Masson D. Essays Biographical and Critical Chiefly on English Poets. Cambridge : McMillan & Co, 1856. 475 p.
26. Bondi I. Biographical Essay of Ernst Haas. URL: http://www.ernst-haas.com/essays.html (дата обращения: 20.11.2015).
27. Ильенков Э.В. О всеобщем // Философия и культура (Мыслители XX в.). М. : Политиздат, 1991. С. 320–339.
28. Холл М. Боденхаймер Б. Полный курс НЛП. СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. 635 с.
29. Klein P.G. Biography of F.A. Hayek. URL: https://mises.org/library/biography-f-hayek-1899-1992 (дата обращения: 20.11.2015).
30. Miller H. Essays, Historical, and Biographical, Political, Social, Literary and Scientific. Edinburgh : William P. Nimmo, 1872. 495 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 февраля 2017 г.

SEMANTIC AND FUNCTIONAL PECULIARITIES OF PERSONAL PRONOUNS IN BIOGRAPHICAL ESSAYS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 5–12.
DOI: 10.17223/15617793/417/1

Darya A. Efremova, Moscow State University of International Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: efremovadarya@yandex.ru

Keywords: biographical essay; personal pronouns; publicistic style; scientific style.

The article deals with the semantics and functioning of personal pronouns of the 1st person singular and plural, both subjective and pseudoobjective, in biographical essays of the 19th–21st centuries. These types of biographical essays differ in tone, composition, space-time continuum and text segmentation, type of narration (personal, impersonal). Subjective biographical essays are characterized by the personal type of narration (1st person singular) whereas pseudoobjective by both personal (1st person plural) and impersonal. The article deals primarily with the personal type of narration. The research draws on the statement that from the functional stylistic point of view biographical essays possess an intermediate stylistic status at the intersection of scientific, publicistic and belles-lettres styles. The article establishes the main referents of the pronouns concerned and discovers the dominant modal character of their functions: objective or subjective. It turns out that in biographical essays only one referent which is a biographer him/herself is characteristic of the personal pronoun “I”, whereas a number of referents: a biographer, a biographer and his/her readers, all people in general or all people familiar with the subject of biography, a biographer together with his/her compatriots or contemporaries are typical of the personal pronoun “we”. Pronouns of the 1st person singular act as means of subjective and objective modality. When biographers intend to sound subjective, they resort to the pronoun “I” to introduce their personal evaluation of themselves, their characters or events of their life; their suppositions, opinions, reflections and undocumented dialogues. Paradoxically, the personal pronoun “I” is also employed as a means of objectivity to justify the author’s judgment by inserting a citation or factual information. Like in the publicistic style, in biographical essays the personal pronoun of the 1st person singular predominantly functions subjectively (in 93 % of the analyzed examples). The pronoun “we” may also perform functions of various modal characters. It acts as a means of objectivity when biographers tend to sound modest, unbiased and when they intend to insert new information, references. What is more, the pronoun “we” is employed as a means of subjectivity to introduce the author’s opinion, suppositions, evaluation, to introduce his/her reasoning, to describe his/her own actions or intentions. The plural personal pronoun of the 1st person is mostly used as a means of objectivity, which is akin to the scientific style (in 74 % of the analyzed examples). The article posits that the semantics and functional peculiarities of the pronouns in question in biographical essays reflect their intermediate stylistic status at the intersection of scientific and publicistic styles.

REFERENCES

1. Golub, I.B. (2010) *Literaturnoe redaktirovanie* [Literary editing]. Moscow: Logos. [Online] Available from: http://knigi.link/literaturnoe-redaktirovanie-stilistika/stilisticheskoe-ispolzovanie-mestoimeniy-29303.html. (Accessed: 20th September 2016).
2. Razinkina, N. M. (2004) *Stilistika nauchnogo teksta.*[Stylistics of the scientific text]. Moscow: URSS.
3. Suzdal’tseva, V.N. (1981) Zakonomernosti rechevoy organizatsii avtorskogo povestvovaniya v gazetno-publitsisticheskom tekste [Typical speech characteristics of author’s narration in newspaper text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*. 1. pp. 31–42.
4. Benvenist, E. (1974) Obshchaya lingvistika. [General Linguistics]. Moscow: Progress.
5. Dronseyka, R. P. (2012) About Egocentrism of the Personal Pronoun “I” and Altruism of the Personal Pronoun “We” (based on prose by B. Akunin). *Yazyk. Slovesnost’. Kul’tura – Language. Philology. Culture*. 1. pp. 8–32. (In Russian).
6. Myaksheva, O.V. (2013) [Pronouns and their functioning in texts of various genres written by the same person]. *Nauchnyy potentsial mira* [Scientific Potential of the World]. Proceedings of the IX conference. Vol. 13. Sofia: Byal GRAD-BG. pp. 31–36. (In Russian).
7. Ushakova, E.V. (2001) *Literaturnaya biografiya kak zhanr v tvorchestve P. Akroyda* [Literary biography in P. Ackroyd’s works]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Efremova, D.A. (2012) Osnovnye zhanrovo-stilisticheskie osobennosti tekstov biograficheskikh esse i ikh tipologicheskaya differentsi-atsiya [Basic stylistic and genre peculiarities of biographical essays and their typology]. In: Ushkova, N.V. & Kuz’mina, E.A. (eds) *Kul’tura v zerkale yazyka i literatury* [Culture reflected in language and literature]. Tambov: Tambov State University.
9. Efremova, D.A. (2013) Tipy angloyazychnykh biografiy vtoroy poloviny XX – nachala XXI v. [Types of English biographies of the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries]. *Filologiya i kul’tura – Philology and Culture*. 1 (31). pp. 143–146.
10. Barkovskaya, N.V. (2004) Tipy povestvovaniya i ikh analiz [Types of narration and their analysis]. *Filologicheskiy klass*. 11. pp. 16–25.
11. Kostomarov, V.G. (1971) *Russkiy yazyk na gazetnoy polose: nekotorye osobennosti yazyka sovremennoy gazetnoy publikatsii* [The Russian language in newspapers: some peculiarities of modern newspaper language]. Moscow: Moscow State University.
12. Sishchuk, Yu.M. (2002) *Lingvostilisticheskie osobennosti publitsisticheskikh tekstov Karla Krauza* [Linguistic and stylistic peculiarities of publicistic texts by Karl Kraus]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
13. Pearson, C.W. (1908) *Literary and Biographical Essays. A Volume of Papers by the Way*. Boston: Sherman, French & Co.
14. Kozhevnikova, N.A. (1994) *Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX–XX vv.* [Types of narration in the Russian literature of the 19th–20th centuries]. Moscow: Institute of the Russian Language of RAS.

15. Hindus, M. (1984) *Charles Reznikoff: A Biographical Essay*. [Online] Available from: http://www.english.illinois.edu/maps/poets/m_r/reznikoff/bio.htm. (Accessed: 13th November 2015).
16. Zeisl, B. (c. 2005) *Erich Zeisl. Biographical Essay*. [Online] Available from: http://www.zeisl.com/essays-and-articles/biographical-essay-barbara-zeisl.htm. (Accessed: 20th November 2015).
17. Ionova, S.V. (2009) Modal'nye kharakteristiki tekstov regional'nykh SMI [Modal characteristics of regional mass media texts]. In: Tupikova, N.A. (ed.) *Yazyk regiona: Leksika. Grammatika. Funktsional'noe prostranstvo* [Regional Language. Lexis. Grammar. Functional Dimension]. Volgograd: Volgograd State University.
18. Galich, A.A. (1984) *Sovremennaya khudozhestvennaya dokumental'no-biograficheskaya proza. Problemy razvitiya zhanrov* [Modern non-fictional biographic narrative. Problems of genre development]. Philology Dr. Diss. Donetsk.
19. Johnson, P. (2010) *Brief Lives*. London: Arrow Books.
20. Fingerhut, B.M. (2002) *Look for the Lift: A Biographical Essay of Gerhart Niemeyer*. [Online] Available from: https://home.isi.org/look-lift-biographical-essay-gerhart-niemeyer#sthash.X21pnFbj.dpuf. (Accessed: 20th September 2015).
21. Nichols, J. (2012) *Biographical Essay on the Genius and Works of Hogarth*. [Online] Available from: http://cle.ens-lyon.fr/anglais/biographical-essay-on-the-genius-and-works-of-hogarth-part-i–168357.kjsp?RH=CDL_ANG110201. (Accessed: 20th November 2015).
22. Robert, G.G. (1858) *Essays Biographical, Historical and Miscellaneous*. London: Longman.
23. Genette, G. (c. 1964) *Tipy intertekstual'nykh otnosheniy* [Types of intertextual relations]. [Online] Available from: www. knigosvet.ni/articles. (Accessed: 13th November 2015).
24. Kopple, V.W.J. (1988) Metadiscourse and the Recall of Modality Markers. *Visible Language*. 22 (2). pp. 233–272.
25. Masson, D. (1856) *Essays Biographical and Critical Chiefly on English Poets*. Cambridge: McMillan & Co.
26. Bondi, I. (1962) *Biographical Essay of Ernst Haas*. [Online] Available from: http://www.ernst-haas.com/essays.html. (Accessed: 20th November 2015).
27. Il'enkov, E.V. (1991) *Filosofiya i kul'tura (Mysliteli XX v.)* [Philosophy and culture. (Thinkers of the 20th century)]. Moscow: Politizdat. pp. 320–339.
28. Hall, M. & Bodenheimer, B. (2006) *Polnyy kurs NLP* [Full course of NLP]. Translated from English. St. Petersburg: Praym-Evroznak.
29. Klein, P.G. (2007) *Biography of F.A. Hayek*. [Online] Available from: https://mises.org/library/biography-f-hayek-1899-1992. (Accessed: 20th November 2015).
30. Miller, H. (1872) *Essays, Historical, and Biographical, Political, Social, Literary and Scientific*. Edinburgh: William P. Nimmo.

Received: 23 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 13–20. DOI: 10.17223/15617793/417/2

УДК 821.161.1:821.131.1.0

Э.М. Жилякова, И.Б. Буданова

А.Н. ОСТРОВСКИЙ И КАРЛО ГОЦЦИ (C. GOZZI)

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-34-01023).

Исследованы отношения А.Н. Островского к художественному наследию итальянского драматурга Карло Гоцци. Интерес к Гоцци определялся близостью русскому драматургу эстетики и поэтики итальянского автора. Рассматривается вопрос о характере освоения Островским драматургической поэтики К. Гоцци, восходящей к театру дель арте и проявившейся в сказках и пьесе «Женщина, истинно любящая».

Ключевые слова: А.Н. Островский; Карло Гоцци; комедия дель арте; народность; сказка.

Имя «знаменитого итальянца, графа Carlo Gozzi» (1720–1806), автора «всего семи пьес из народных сказок», А.Н. Островский поставил «наряду с Мольером и пр<очими> великими поэтами» [1. С. 373]. Изучение вопроса об отношении русского драматурга к К. Гоцци вносит дополнительную черту в характеристику деятельности Островского, связанную с переводами сказок, отличающихся символическим, небытовым содержанием. Творчество К. Гоцци имело для Островского двойной интерес: К. Гоцци представал в сознании русского драматурга как создатель театральной сказки и как оппонент и противник театральной реформы К. Гольдони, глубоко почитаемого итальянского драматурга.

В библиотеке Островского сохранилось два издания произведений К. Гоцци:

1. Gozzi C. Opere edite ed inedite. T. 1–14. Venezia, stamp. di G. Zanardi, 1801–1803.

2. Gozzi C. Théâtre fiabesque. Trad. pour la première fois par A. Royer. Paris, M. Lévy fr., 1865 [2. С. 167–168].

В книге на французском языке представлены 5 пьес-фьяб: «Ворон», «Король-олень», «Турандот», «Зобеида» и «Зелёная птичка». В двух томах итальянского издания содержатся пометы Островского: в первом томе отчёркнуты строки в пьесе «Король-олень» («Il re cervo»), представляющие собой фантастическую сцену – каменная статуя гримасничает, обнаруживая своими действиями озвученную ложь; в четырнадцатом томе в общем оглавлении к собранию сочинений подчёркнуты названия всех пьес.

Вопрос о внимании Островского к творчеству Гоцци поднимался в исследованиях А.М. Линина [3], Н.П. Кашина [4], А.Л. Штейна [5]. Особый интерес вызывает работа А.М. Линина «Островский – переводчик Гоцци», опубликованная в 1926 г. Исследователь впервые публикует сохранившийся фрагмент рукописи перевода пьесы «Женщина, истинно любящая» [6] с комментарием, в котором называет возможное время создания данного перевода – 1874 г. После текста рукописи приводится фрагмент перевода «Ragionamento ingenuo, e Storia sincera dell'origine delle mie dieci Fiabe teatrali» («Простое рассуждение и правдивый рассказ о происхождении моих десяти театральных сказок») [7].

В 1933 г. Н.П. Кашин пишет статью «Островский и итальянцы», в которой сопоставляет творчество Островского с Гольдони и Гоцци на материале пьес русского драматурга и итальянцев. Опираясь на текст публикации Линина, Кашин сравнивает «Женщину, истинно любящую» и пьесу А.Н. Островского «Поздняя любовь». Исследователь, поставив вопрос о том, что могло привлечь Островского именно в этом произведении Гоцци, отмечает, что в пьесе «нет ничего сказочного, напротив, она приближается к бытовой реальной комедии», но «эта её сторона, такой отличительный её характер, очевидно, и привлёк к себе Островского» [4. С. 29], а «прежде всего, характер “истинно любящей женщины”» [Там же. С. 30].

Из письма Ф.А. Бурдина от 9 июля 1874 г. известно, что Островский ранее «доискивался» К. Гоцци: «Сообщу тебе очень интересную для тебя вещь: у племянника есть очень любопытный экземпляр итальянского писателя Герарди (Gherardi), который, по его словам, много талантливее, веселее и оригинальнее Гоцци, которого ты так доискивался. Когда приедешь в Москву, попроси у него прочесть, может быть ты найдёшь, что тебе нужно» [8. С. 192].

Однако внимание Островского к творчеству Гоцци можно отнести к более ранним годам, 1867–1868, когда появился замысел написать большую пьесу, сюжет которой был бы основан на сказочных мотивах. Речь идёт о драматической сказке «Иван-царевич». Островским были написаны план «волшебной сказки в 5 действиях и 16 картинах» и незавершенный текст пьесы (семь картин).

Среди многочисленных источников «Иван-царевича» Л.М. Лотман упоминает имя Гоцци: «Наряду с комедийной и сатирической традицией, наряду с народно-импровизационной комедией, образцы которой, начиная от балаганных импровизаций и вплоть до театра К. Гоцци, были ему (Островскому. – *Э.Ж., И.Б.*) хорошо известны, в работе над “Иваном-царевичем” сказались и широкая эрудиция писателя в области повествовательного фольклора, прежде всего сказки» [9. С. 339]. По жанровой принадлежности это произведение относится к драматическим сказкам-феериям. Английскими переводами произведений такого типа Островский занимался в середине восьмидесятых годов («Белая роза» («Аленький цветочек») и «Синяя борода»).

Сказка «Иван-Царевич» построена на основе русского фольклора: мотивы, образы, песни взяты из народного творчества, происхождение их уходит в разные исторические эпохи. Они позволяют полно, разносторонне представить жизнь, реальность русского быта, русского сознания «в непрерывности исторического развития» [9. С. 16].

Многое в пьесе сближает текст Островского со сказкой Гоцци. Общность проявляется прежде всего в жизнеутверждающем тоне произведения, проникнутого народным юмором, весельем, пародией. Три Ивана – Царицын сын, Девкин сын и Кошкин сын, живут в неволе у Мельника-Колдуна, их посещает – Нищая (Баба Яга), из рассказа которой они узнают о четвёртом Иване, дураке, сыне Карги, который живёт у царя Аггея. Кошка, мать Кошкина сына, даёт сыну платок, на котором он и другие Иваны, как на ковре-самолёте, могут улететь от Мельника, и волшебное кольцо, позволяющее принимать какой угодно вид. Иваны бегут от Мельника, который «садится с Каргой на метлу и улетают за ними вдогонку» [10. С. 301]. На пути Иванов встречается избушка на курьих ножках, «Баба Яга в ступе, пестом погоняет, помелом след заметает», Баба Яга говорит, что Ивану-Царевичу нужно жениться на царевне Милолике, которая находится у Кащея в Кавказских горах. Три Ивана, преодолевая все трудности, пытаются овладеть златогривым конём, убить Кащея и освободить царевну Милолику.

Волшебная сказка, построенная на фольклорных мотивах и образах, устремлена к современности: отношения героев строятся на основе их положения – бедных и богатых, тупости и глупости тех, кто имеет деньги и связи, и всё преодолевающие Иваны наделены силой и весёлым нравом. Повествование строится на сочетании прозаического текста со стихотворной формой, представлены разнообразные размеры и жанры (хоровые арии, куплеты и отдельные речи).

Роднит пьесу Островского со сказками К. Гоцци характер использования фантастического элемента. Искусство фантастики у Гоцци заключается «в признании правдоподобности самым неправдоподобным ситуациям и сюжетам, иначе говоря – в умении правдоподобно изображать неправдоподобность или же находить элементы правдоподобности в том, что с первого взгляда кажется неправдоподобным» [11. С. 14]. Так, у К. Гоцци в «Короле-Олене» великий волшебник Дуранданто выступает в образе попугая; статуя обладает искусством говорить и указывать на ложь или правду экзаменуемого королём и т.д. У Островского в сказке «Иван-Царевич» представлен «огромный список» участников волшебной сказки и «чудес».

Однако более всего связь Островского с Гоцци проявляется в «превращениях». В «Короле-Олене» Дерамо превращается в Оленя, потом в Старика. Сказочные превращения в финале, после вмешательства волшебника, когда «мгновенно Дерамо оказывается одетым в богатое платье», Тарталья «одет в рваную рубашку, через дыры которой видно его голое тело» [12. С. 260], затем «Голова Дерамо меняется. На ней тюрбан с драгоценными камнями. Голова Тартальи превращается в голову ужасного рогатого чудовища. Подмышками у него костыли, как у калеки» [Там же. С. 261]. «Превращения» знаменуют победу над предателем и завистником Тартальей. Читая в 1-м томе собрания сочинений К. Гоцци комедию «Король-Олень», Островский отчёркивает сцену с фантастическими элементами: во время испытания женщины Дерамо смотрит на статую, которая смехом выражает своё негодование к словам героини:

«К л а р и ч е (в сторону)
Отец, из-за тебя я лгать должна.
(Громко.)
Да, мой король, я этого хочу.
Д е р а м о (оборачивается, как выше, к статуе, последняя делает смеющееся лицо, затем снова приходит в неподвижность)
Клариче, нет, я знаю, что в душе
Вы просто оскорбить меня боитесь
Своим отказом. Может быть, страшит вас
И что-нибудь другое, – только вы
Неискренни со мною» [12. С. 207–208].

Многочисленные подобные «превращения» вводит Островский в сказке «Иван-Царевич»: Кошка дарит своему сыну кольцо, обладающее волшебной силой: «Девкин сын и Кошкин сын перекидывают кольцо с руки на руку. На Царицыном сыне является царское платье, на Девкином сыне – платье слуги, на Кошкином сыне – скоморошье» [10. С. 228].

У Островского, как и у Гоцци, фантастическое и реальное сосуществуют благодаря глубине и условности сказочного текста. При этом современное содержание в одном контексте с фольклорным создаёт комический эффект, направленный на критику проблем, имеющих актуальный смысл во все времена русской истории.

Указывая на близость пьесы Островского к сказкам Гоцци, тем не менее, следует заметить, что у Островского волшебная комедия по своему замыслу и художественному исполнению приближается к бытовой сказке. С этим связан огромный интерес Островского к сказкам А.Н. Афанасьева. Театральная сказка Гоцци, напротив, удаляется от бытового содержания в сторону наполнения её символическим смыслом. Во всех сказках, в противоположность бытовому театру К. Гольдони, Гоцци акцентирует внимание на проблемах общечеловеческих.

Новая литературная встреча Островского с Гоцци предположительно произошла в 1873 г., когда Комиссия Управления императорскими московскими театрами обратилась к Островскому с просьбой срочно написать пьесу-оперу для спектакля с участием драматической, оперной и балетной трупп, которая исполнялась бы на сцене Большого театра. Приступая к созданию «Снегурочки», Островский опирался на широкий пласт художественных традиций: это обращение к русскому фольклору, использование опыта написания сказки «Иван-Царевич», интерес к В.А. Жуковскому с его «Сказкой о царе Берендее, о сыне его Иване-Царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери», внимание к пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Отношение Островского к театральной сказке К. Гоцци совпадает с его восприятием «Сна в летнюю ночь» Шекспира: это волшебные сказки для театра, где конфликт носит философский характер и посвящён теме любви. Связь с этой традицией проявляется в общем рисунке пьесы, для которой характерны, как для Шекспира и К. Гоцци, светлый, жизнеутверждающий тон всего произведения, сочетание фантастического и реального, включение в состав героев царей и обыкновенных людей, использование прозаического и

стихотворного текста. Однако при всей значительности влияния на Островского Шекспира в «Снегурочке» [13, 14], наиболее сильно ощущается школа театральной сказки К. Гоцци, которая проявляется в повышенной, далёкой от бытового материала философско-поэтической постановке проблемы любви. В плане «Девушки-Снегурочки» в Прологе с самого начала работы над пьесой определился её философско-диалогический характер: «Спор Весны и Мороза. <Весна-> Счастье в том, чтобы любить. Моро<оз-> Счастье в том, чтобы не любить» [10. С. 209].

Непосредственно за «Снегурочкой» была написана «Поздняя любовь». Следует заметить, что Островский действительно перевёл первое действие и три сцены второго действия «Женщины, истинно любящей» («La donna innamorata da vero»). Учитывая достоверный анализ Н.П. Кашина (при отсутствии точных сведений о времени перевода) можно предполагать знакомство Островского с этой пьесой Гоцци в 1874 г.

А.Л. Штейн, соглашаясь с сопоставительным анализом Н.П. Кашина и объясняя преодоление односторонности просветительского искусства тяготением русского драматурга к сочетанию в его творчестве реального и фантастического, делает акцент на том, что «интерес к Гоцци был связан у Островского прежде всего с мыслью о том, что в театре, кроме изображения реальной жизни, нужно чудесное и фантастическое» [5. С. 53].

Комедия «La donna innamorata da vero» не является характерной для «сказочного» творчества Гоцци, она приближается к бытовой реальной комедии. Гоцци, «почувствовав одряхление не избранного им жанра как такового, а бесперспективность тех идеалов и того пафоса, которые он вкладывал в свой жанр (фьябы. – *Э.Ж., И.Б.*)», обратился к созданию «“испано-итальянского” репертуара» [15. С. 10].

Героиня пьесы испанка донна Лукреция Сплендори любит дона Фернандо Онорио, влюблённого в донну Лауру Кортци, следует за ним в Неаполь, где тот проводит всё время в игорном доме. Лукреция, жалея Фернандо, предлагает ему последнюю оставшуюся у неё вещь – бриллиантовое кольцо, память о брате. Слуга графа Оттавио Бранди, тоже влюблённого в Лауру, передаёт Фернандо письмо и 500 цехинов. В письме Оттавио сообщает о своей любви к Лауре и просит Фернандо, как своего друга, сблизиться с Лаурой, отвлечь ухаживаниями её сердце от француза Рокафеличе.

Фернандо убивает на дуэли Рокафеличе и попадает в тюрьму. Вице-король требует от Фернандо объяснения и, узнав, что дело произошло из-за дамы, думая, что это Лукреция, высылает её из Неаполя. Далее, переодетая мужчиной, она служит в гостинице у Тартальи, дочь которого, Виттория, влюбляется в неё. Переодетая цыганкой, Лукреция оказалась в доме Лауры, она гадает, давая характеристику этой кокетке. Затем под видом солдата Лукреция проникает в тюрьму и даёт возможность бежать Фернандо. В финале Лукреция во дворе вице-короля неаполитанского дона Гонзало разрушает помолвку Фернандо и Лауры; все поражаются её верному постоянству – и добродетель торжествует: Лукреция соединяется с Фернандо, а Лаура с Оттавио.

Пьеса К. Гоцци, близкая по содержанию к мещанским буржуазным пьесам, оказывается родственной фьябам итальянского писателя. Здесь нет фантастического элемента, но присутствуют любимые герои комедии дель арте: Тарталья – богатый содержатель гостиницы, Труффальдино – слуга дона Фернандо, Бригелла – слуга графа Оттавио и сержант Панталоне; происходит сочетание стихов и прозы, смешного и трогательного, трагического и комического. Главное, что роднит «Женщину, истинно любящую» со сказками Гоцци, – это тема верной, всепобеждающей любви женщины.

Сравнивая два произведения – пьесу Гоцци и «Позднюю любовь» Островского, Н.П. Кашин показал, что в «сценах из жизни захолустья» на национальном материале воссоздана история беззаветной любви Людмилы, девушки не первой молодости, к игроку и вольному человеку Николая Андреевичу Шаблову: ради этого чувства почти без колебаний отдаёт она доверенное ей отцом заёмное письмо кокетки Лебёдкиной. Три персонажа – Людмила, Николай Шаблов и Варварва Харитоновна Лебёдкина – «легко просятся на сопоставление с характерами комедии Гоцци и для воссоздания которых Островский нашёл прекрасные живые и яркие образы в окружающей его жизни» [4. С. 31].

Н.П. Кашин указал на общие у Островского и Гоцци приёмы и мотивы: мотив гадания, мотив испытания. Наконец, немаловажным становится «подробность», которая как нельзя более свидетельствует о связи «сцен из жизни захолустья и итальянской комедией» [4. С. 28]. Речь идёт о близости монологов, открывающих «Женщину, истинно любящую» и пьесу «Трудовой хлеб».

Л у к р е ц и я. Страдать всю жизнь? Мучительная ночь, несчастные дни, вот в чём пройдёт моя жизнь. Этого ли заслуживает бедная женщина, слепо отдавшаяся своему любовнику? Беглянка, не соединённая с ним священными узами, я потеряла для него всё, что имела. Любовь… любовь, верность, – эти жертвы не имеют силы над сердцем любовника, даже настолько, чтобы победить в нём наклонность к недостойному пороку, буйству и разврату. (Смотрит на двери игорного дома.) Вот он выходит из этого ужасного притона развратников, бледный, заспанный, одуревший, разгорячённый, сердитый. Буду благоразумна [6. С. 165]	Л ю д м и л а (выходит из своей комнаты, прислушивается и подходит к окну). Какая ужасная погода! Вьюга, ветер! Страшно глядеть! А всё уж лучше глядеть на осеннюю вьюгу, чем в свою душу, там ещё страшнее. Что там? Бедно, ах, как бедно! Хоть бы какой луч света или сильная буря, а то вечно плаксивое ненастье. Замереть надо, ничего не видеть, ничего не чувствовать, ни о чём не думать, а только ждать. Я было успокоилась душой, думала: пора моя прошла, уж я больше не полюблю никого, и так тихо потекли скучные дни… и вдруг этот случай, этот разговор! И без того горько жить на свете, а вот ещё новое горе: ношусь я с этой любовью, лелею её, и она растёт, растёт без границ, а он, может быть, и не знает. Что за жизнь в самом деле, как подумаешь, как бедны даже желания мои! <…> [4. С. 35]

Этот монолог был исключен Островским при постановке пьесы на сцене и не попал в печатный текст[1].

Перевод А.Н. Островского выполнен близко к тексту К. Гоцци. Точность можно отнести к принципам перевода русского драматурга – она продиктована установкой Островского на бережное отношение к наследию итальянского театра. Здесь стоит отметить, что близость к тексту в данном случае обусловлена и черновым характером рукописи. При более детальной проработке и, если бы Островский завершил перевод, в итоговом варианте могла найти место углубленная русификация, повлекшая бо<u>л</u>ьшие изменения в тексте. Несмотря на это, уже на этом этапе Островский делал пометы на полях и вносил изменения, касающиеся адаптации итальянских идиом. Подобными выражениями наполнена речь персонажей, восходящих у Гоцци к комедии масок: Труфальдино, Бригеллы, Панталоне и Тартальи:

C. Gozzi	Подстрочный перевод	А.Н. Островский
Truff. (a parte) che fa Lingua urta dove il dente duole. ec. [16. P. 19]	(в сторону) что язык бьётся в ту сторону, где зуб болит и пр.	Труфальдино гов <орит>: в сторону, что язык всегда бьётся в ту сторону, где зуб болит и пр. **(на полях: Что у кого болит, тот про то и говорит?)** [3. С. 171]
Truff. <…> che gli gira il capo, e **si riporta alle gambe** ec. [16. P. 33]	<...> что у него кружится голова, и что он **подчиняется ногам** и пр.	Труфальдино <…> что у него кружится голова, и что **душа у него ушла в пятки** и пр. [6. С. 177]

Реплики Труффальдино соответствуют канону дель арте – написанный текст является лишь базой для импровизации актёра, который может вносить в речь добавления на своё усмотрение. Островский наполняет речь Труффальдино и Тартальи устойчивыми выражениями, пословицами, поговорками, которые, будучи частью простонародного языка, гармонично составляли основу языкового воплощения комических персонажей дель арте.

Tart. Eh birbante ! t ' ho già osservata che lo **guardavi con due occhi da gatta soriana**. <...> Se si **ammala** Giannetto, e tu gli porti il brodo <...> Se ti piace sposalo pure, e **vatti a far squartare**, che a me non importa un diavolo, <...> [16. P. 44]	Ах, плутовка! Я уж заметил, что ты на него **смотрела двумя глазами тигровой кошки**. <...> Если Джанетто **заболеет**, ты приноси ему бульон <...> Если он тебе нравится, выходи за него, **четвертуйся**, и чёрт с вами; <...>	**Тарталья**. Ах, плутовка! Я уж заметил, что ты на него **с улыбочкой** (надписано над строкой; после «что» – зачёркнутое «он») **поглядываешь** («поглядывает» исправл., раньше было «поглядываешь». После этого слова зачёркнуты: **«на тебя, как кот на крупу»**). <…> Если Джанетто **захворает**, ты приноси ему бульон <…> Если он тебе нравится, выходи за него, **полезай в петлю**, и чёрт с вами; <…> [6. С. 181]

Как видно, в приведённых примерах Островский не просто подбирает адекватное выражение, которое бы являлось смысловым аналогом итальянской фразы, – драматург старается, чтобы выражения были близки и по лексическому содержанию: «зуб болит – у кого что болит», «подчиняется ногам» – ушла в пятки», «смотрела глазами тигровой кошки» – «как кот на крупу».

В переводе Островский стремится не только передать разговорность, но и усиливает её, а иногда проявляет ярче, чем в тексте оригинала, внося небольшие, но меткие дополнения:

Tart. Guardalo con dolcezza zotica [16. P. 46]	Смотри на него с неприкрытой сладостью	**Тарталья.** Гляди на него послаще, **ешь его глазами-то!** [6. С. 182]

На полях рукописи перевода Островский отметил особенность этой пьесы, в которой герой комической линии говорит октавой: «У Гоцци изложено только содержание речей Труфальдино, а форма представляла октаву» [6. С. 166]. Обычно октавой написаны речи героев, представляющих первую линию «высоких» героев – Дона Фернандо, Лукреции, Дона Оливии и Лауры. Речи Бригеллы, Панталоне и Тартальи выдержаны в переводе Островского прозой с обязательным связующим речь оборотом «говорит, что». К первой фразе Труфальдино [«Труфальдино <u>(говорит), что</u> дон Фернандо пригвоздил себя к валету, как почтальон к лошади: <u>что</u> если бы он поставил шестёрку, так нажил бы большое состояние. <u>Что</u> он сам мысленно ставил на шестёрку, и <u>что</u> в уме он выиграл триста пятьдесят один цехин…» [Там же. С. 167]. А.Н. Линин дает в «Примечаниях переводчика» комментарий, указывающий на сохранение Островским импровизационного стиля Гоцци: «Островский имеет в виду здесь актерскую импровизацию. «Форма» выражения реплик была уже готовая, и актер пользовался тем большим успехом, чем большее количество готовых традиционных формул, concetti, имелось в его распоряжении и чем удачнее мог их вспоминать, комбинировать и применять» [3. С. 186].

Таким образом, комедия К. Гоцци «Женщина, истинно любящая» заинтересовала Островского сочетанием глубокого психологизма при выражении страсти женской души и народности, ярко блещущей в типах, взятых К. Гоцци из театра дель арте.

Кроме фрагмента текста «Женщины, истинно любящей», в Пушкинском Доме сохранился небольшой отрывок перевода «Ragionamento ingenuo e storia sincera delle mie dieci fiabe teatrali» (в переводе Островского: «Простое рассуждение и правдивый рассказ о происхождении моих десяти театральных сказок»[2]).

Рукопись находится под одним шифром с рукописью пьесы «Женщина, истинно любящая» с формулировкой «Приложение» [17]. Переведённый фрагмент – только начало трактата (полторы страницы из шестидесяти двух, если считать по страницам полного собрания сочинений), но факт обращения к нему говорит о стремлении Островского понять теоретические установки Гоцци при создании театральных сказок и донести эту драматургическую поэтику до читателей.

В «Чистосердечном рассуждении» К. Гоцци излагает своё отношение к «пьесам характеров» К. Гольдони и защищает театр дель арте (commedia dell'arte) – комедию масок. К. Гоцци выступил с критикой «писанной драматургии» Гольдони и Кьяри, не принял их отрицания комедии дель арте во имя реформы театра. К. Гоцци, признавая талант Гольдони, обвинял его в грубом натурализме – в «постыдном обнажении мерзких сюжетов из повседневной жизни» [12. С. 48]: «Он выставлял на сцене все истины, которые попадались ему под руку, грубо и дословно копируя действительность, а не подражая природе с изяществом, необходимым для писателя. Он не сумел или попросту не пожелал отделить то, что можно изображать на сцене от того, что на ней абсолютно недопустимо, и руководился единственным принципом, что истина не может не иметь успеха. Благодаря этому его комедии всегда отдают дурными нравами» [Там же. С. 65].

Именно К. Гольдони Гоцци определяет как «самого яркого противника нашей импровизированной комедии из всех, когда-либо существовавших в Италии» [Там же].

Эти нападки Гоцци на Гольдони спустя 100 лет представляются Островскому не столь существенными и справедливыми в сравнении с защитой К. Гоцци театра сказок, комедии дель арте.

Негодование Гоцци питается его уважением к театру масок. Именно этот театр он считает национальной ценностью: «<…> публика упорствует в своём пристрастии к старинной импровизированной комедии дель арте, которая, разумеется, не более как простонародное зрелище, либо построенное на грубой фантастике, унижении порока и восхвалении добродетели, либо же представляющее преувеличенную пародию нравов, остроумную и приятную, но в обоих случаях вполне невинные развлечения, дозволенные, определённые и допустимые и притом составляющие исключительную нашу национальную ценность <…>» [Там же. С. 50].

Гоцци утверждает воспитательное воздействие театра масок на народную нравственность в силу близости театра масок к природе: «Мы никогда не должны забывать, что театральные подмостки служат всенародной школой» [Там же. С. 52]. Импровизированная комедия, «благодаря естественной мимике и характерным забавным костюмам обладает для смехотворного эффекта верным оружием, настолько ярким, точным и сильно действующим, что никогда нельзя будет уменьшить их влияние на народ» [Там же. С. 41]. Эта комедия, по мнению Гоцци, – самая древняя в Италии, сохраняющая свою связь с фольклором: «Течение веков и данные опыты позволяют мне предсказывать, что если только в Италии не закроются театры, импровизированная комедия никогда не исчезнет и её маски никогда не будут уничтожены» [12. С. 41].

Свою роль как автора обновлённой импровизационной комедии Гоцци видит в сохранении поэтики чудесного, фантастического, условного: «Я только развлекал моих соотечественников на подмостках невинными произведениями, изображая чудесное, любовь к которому так свойственна человеческой природе, а также сильные и честные страсти, соответствующие обстоятельствам, облекая их доступным мне художественным красноречием, разумеется, ни в какой степени не вредным. Я подражал природе, хотя это и признаётся нежелательным, соединяя шутливые полёты фантазии и строгую, иногда аллегорическую мораль» [Там же. С. 48].

Таким образом, Гоцци приходил, «с одной стороны, к реабилитации дискредитированной Гольдони комедии масок со всей присущей ей условностью и буффонадой, а с другой стороны, к возрождению в театре сказочной тематики» [11. С. 14]. Этот эстетический принцип К. Гоцци, при котором возрождение комедии масок, сохранявшей фольклорные основы, сочеталось с воссозданием театральной сказки, проникнутой современными идеями, для Островского был необычайно важен. Полемика антибуржуазного пафоса Гоцци с позиции защиты патриархальных ценностей против Гольдони, представлявшего новую эпоху буржуазного мира и третьего сословия, в восприятии Островского приобрела новое качество. На первый план вышло то общее, что объективно роднило Гоцци и Гольдони: в масках дель арте великие итальянские драматурги запечатлели народные фольклорные типы национальных героев[3].

Сказка Гоцци с ее поэтикой, идущей от комедии дель арте, волновала Островского и как предчувствие нового времени. В этих сказках в фантастической форме выразилось ожидание наступления другой жизни, безмятежной, радостной и со счастливым концом.

В 1881 г. он просит П.М. Невежина: «Если увидите Садовского, спросите у него, где можно купить комедии Гоцци (на французском языке)» [1. С. 30][4]. 1 января 1883 г. с большой радостью сообщает П.И. Вейнбергу о приобретении Гоцци: «После 25-летних напрасных исканий по библиотекам Италии мне удалось наконец найти экземпляр полного собрания сочинений Карло Гоцци. Этот интересный драматический писатель у нас совсем неизвестен, да и в Европе его знают больше по мемуарам, чем по пьесам. Шиллер перевёл одну его пьесу, да у французов переведено прозой 5 или 6, только и всего, а он написал 14 томов. Если хотите, чтобы я перевёл Вам что-нибудь из Гоцци, отвечайте. Я знаю итальянский язык хорошо и умею переводить быстро, размером подлинника и почти слово в слово. Только одна просьба, не торопите» [Там же. С. 148]. Это письмо важно не только сообщением о собрании сочинений К. Гоцци, сохранившемся в библиотеке драматурга, но и указанием на характер его переводческой манеры: точность в переводе размера и самого слова.

На это предложение Островского поступил ответ Вейнберга от 14 января 1883 г.: «И скорее "Il re cervo"

(«Король-Олень». – *Э.Ж., И.Б.*)» [19. С. 50]. Письмо и пометы свидетельствуют о предполагавшейся работе над переводом сказки «Король-Олень». 7 мая 1883 г. Островский пишет П.И. Вейнбергу: «Перевод комедии Гоцци движется к концу» [1. С. 169]. К этому же письму следует прибавить письмо Островского к Вейнбергу от 25 сентября 1883 г.: «Но я обещаю положительно, что к концу года доставлю Вам несколько переводов пьес Сервантеса (настоящие перлы искусства) и пьесу Гоцци. Всё это у меня готово, но я очень совестлив и боюсь показываться перед публикой, пока не уверен, что мой перевод совершенно близок к подлиннику, что мной перебраны все слова и фразы русского языка для выражения того или другого оттенка мысли Сервантеса и что уж больше ничего сделать нельзя» [Там же. С. 186]. Островский уточняет характер своего перевода: «перевод совершенно близок к подлиннику», тщательнейшая работа со словом. К сожалению, перевод до сих пор не обнаружен.

В письмах к А.Д. Мысовской, взявшейся за «переделку» «Снегурочки» в либретто для спектакля, Островский в 1885 г. обращает внимание на создание ярких, зрелищных спектаклей на праздники: «Серьёзный репертуар для всего сезона у меня уж составлен, но есть большой пробел в лёгком репертуаре. Именно, нам не достаёт пьес с блестящей обстановкой для утренних спектаклей на Рождество и на масленицу и для вечерних по праздничным дням и во время разгара сезона, когда спектакли посещаются особой публикой, когда в каждой ложе вы видите маменьку с гувернантками и боннами с удивительными бантами на головах и на прочих частях тела» [Там же. С. 373]. Он предлагает Мысовской сделать для сцены «хорошенькую сказку». Для образца Островский предлагает Гоцци: «А если будете писать драматизированные сказки, то можете составить себе блестящее имя, как составил себе имя знаменитый итальянец, граф Carlo Gozzi. Он написал всего семь пьес из народных сказок, а стоит наряду с Мольером и пр<очими> великими поэтами» [1. С. 373].

Имя Гоцци в сознании Островского более всего связано с опытом мирового театра в создании драматизированных сказок: «Не угодно ли Вам будет обратить внимание, – пишет он Мысовской 21 мая 1885 г. из Щелыково, – на следующую мысль, которую я давно думал привести в исполнение, но за недосугом до сих пор откладывал. У англичан есть особого рода представления, которые даются в зимний сезон, начиная с Рождественских праздников, – это нечто среднее между феериями и оперетками, – сюжетом служат всегда общеизвестные сказки: “Сандрильона”, “Синяя борода” и пр.; тут есть все: и пение, и музыка, и балет, а главное, много движения и остроумия. Подобное надо завести и у нас. Образцов драматической обработки сказок у меня довольно; есть и итальянские известного К. Гоцци, и множество французских и английских; все это надо сообразить и переработать по-русски» [1. С. 354].

Не случайно как управляющий Московскими театрами Островский определяет особое место сказок Гоцци в праздничном репертуаре, поскольку в сознании драматурга театр Гоцци несет в себе жизнеутверждающую энергию, проявляющуюся в его народном, фольклорном начале.

Таким образом, творчество Карло Гоцци занимало чрезвычайно важное место в художественном сознании Островского. Интерес к Гоции определялся близостью русскому драматургу эстетики и поэтики итальянского автора как в создании фантастических сказок, так и в написании пьес испано-итальянского репертуара. Драматургия К. Гоцци в переводах А.Н. Островского открывала новую страницу русского театра. В эпоху, когда сцена была заполнена пьесами «поучительного реализма» и натурализма, пьесы Гоцци утверждали необходимость поисков художественных способов воплощения психологии нового человека, рождаемого быстрыми переменами русской жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В 1884 г. Островский написал пьесу «Не от мира сего», где главной темой выступает безусловная любовь женщины кроткого характера, не от мира сего. Сюжетная схема этой пьесы перекликается с пьесой Гоцци: главный герой (Виталий Петрович Кочуев/Дон Фернандо Онорио), будучи не свободным (женат/живёт с дамой), имеет роман на стороне с ветреной дамой-кокеткой (мадемуазель Клеманс/Донна Лаура), помимо указанного порока ещё увлекается игрой в карты, где ему не сопутствует удача, вследствие чего проигрывается до долгов, которые стремится погасить (отдать кольцо/заплатить по счетам) главная героиня (Ксения Васильевна/Донна Лукреция Сплендори), идя на жертвы со своей стороны. В итоге главный герой задумывается над своим поведением и избавляется от пороков, чтобы стать достойным настоящей любви женщины. Помимо этих линий в пьесе есть персонаж комментатора – разъяснителя действий / событий / поступков / характеров (Труффальдино/Елохов).

[2] В России известно под заглавием «Чистосердечное рассуждение и подлинная история происхождения моих десяти театральных сказок».

[3] Подобное осмысление масок дель арте происходит в повести И.С. Тургенева «Вешние воды», написанной в эти же годы: образ верного старого слуги Панталоне и пса по имени Тарталья становится олицетворением итальянской жизни в обыкновенном проявлении ее высоких и смешных, трагических и комических сторон жизни.

[4] В июле 1881 г. М.П. Садовский сообщил А.Н. Островскому, что Гоцци у него есть и отправлен драматургу [18. С. 162].

ЛИТЕРАТУРА

1. Островский А.Н. Полное собр. соч. и писем : в 12 т. М., 1973–1980. Т. 12.
2. Библиотека А.Н. Островского. Л., 1963.
3. Линин А.М. Островский – переводчик Гоцци // Известия Азербайджанского государственного университета. 1926. Т. 6–7. С. 162–164, 185–188.
4. Кашин Н.П. Островский и итальянцы // Театр и драматургия. 1933. № 4. С. 29–35.
5. Штейн А.Л. Островский и мировая драматургия // А.Н. Островский Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М., 1974. Т. 88, кн. 2. С. 43–77.
6. Островский А.Н. <Перевод> К. Гоцци. Женщина, истинно любящая // Известия Азербайджанского государственного университета. 1926. Т. 6–7. С. 165–184.

7. Островский А.Н. <Перевод> К Гоцци. Простое рассуждение и правдивый рассказ о происхождении моих десяти театральных сказок // Известия Азербайджанского государственного университета. 1926. Т. 6–7. С. 184.
8. А.Н. Островский и Ф.А. Бурдин. Неизданные письма из собрания Гос. театр. музея им. А.А. Бахрушина. М. ; П., 1923.
9. Лотман Л.М. Вступительная статья, подготовка текста и примечания // Островский А. Снегурочка: Пьеса. Л., 1989. С. 7–64, 207–318.
10. Островский А.Н. Снегурочка: Пьеса. Л., 1989.
11. Мокульский С. Карло Гоцци и его сказки для театра // Гоцци К. Сказки для театра. М., 1956. С. 3–75.
12. Гоцци К. Сказки для театра. М., 1956.
13. Батюшков Ф.Д. Генезис «Снегурочки» Островского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1917. № 5. С. 44–66.
14. Кашин Н.П. «Снегурочка». Весенняя сказка в четырех действиях с прологом А.Н. Островского (Опыт изучения) // Пушкин. Островский. Западники и славянофилы. Труды Всероссийской библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1939. Сб. IV. С. 69–101.
15. Томашевский Н. Карло Гоцци (1720–1806) // Гоцци К. Сказки. М., 1983. С. 5–12.
16. Gozzi C. Opere edite ed inedite. Tome 10. Venezia. Stamperia di G. Zanardi, 1803. 253 p.
17. РО ИРЛИ РАН. Ф. 218 <Архив М.М. Шателен>. Оп. 23.038/СХIIIб.15. Л. 60–61.
18. Островский А.Н. Дневники и письма. М. ; Л., 1937.
19. Неизданные письма А.Н. Островскому. М. ; Л., 1932.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2017 г.

A.N. OSTROVSKY AND CARLO GOZZI

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 13–20.
DOI: 10.17223/15617793/417/2
Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru
Irina B. Budanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irinakorniltseva@mail.ru
Keywords: A.N. Ostrovsky; Carlo Gozzi; commedia dell'arte; nation; fairy tale.

The paper studies A.N. Ostrovsky's attitude to the artistic heritage of the Italian playwright Carlo Gozzi (1720–1806). Interest in Gozzi is determined by the proximity of the Russian playwright's aesthetics and poetics to the Italian author. This paper considers the question of the nature of Ostrovsky's development of Gozzi's dramatic poetics, going back to the theater dell'arte and appearing in fairy tales and plays such as "True Love". The work is based on Gozzi's works preserved in Ostrovsky's book collection, marks made in the books, the playwright's correspondence with his contemporaries. Ostrovsky's book collection has two editions of works by Gozzi: 1) Gozzi, C. (1801–1803) *Opere edite ed inedite*. Vols 1–14. Venezia: stamp. Di G. Zanardi; 2) Gozzi, C. (1865) *Théâtre fiabesque*. Trad. pour la première fois par A. Royer. Paris: M. Lévy fr. In the book in French there are 5 fiaba plays: "The Raven", "The Stag King", "Turandot", "Zobeide" and "The Green Bird". Two volumes of the Italian edition have Ostrovsky's marks: in the first volume he highlighted the lines in the play "The Stag King", ("Il Re Cervo") representing a scene of fantastic imagination: the stone statue grimaces revealing the voiced lie by its actions, and in the fourteenth volume in the table of contents of the collection he underlined the titles of all plays. The author of the paper date Ostrovsky's interest in Gozzi to the second half of the 1860s, the time he was working on "Prince Ivan" and searched for artistic forms inherent to the theatrical world of Gozzi. They have a similar life-affirming tone of works imbued with folk humor, fun, parody. Ostrovsky's play is close to Gozzi's tales in using the genre of folk improvisation comedy, the combination of reality and fiction, prose and poetic forms, "transformation". Continued relations can be seen in "The Snow Maiden" and in the play "Labor Bread", associated with the translation of "True Love". There is no fantastic element in the play, but there are favorite heroes of commedia dell'arte: Tartalia is a wealthy innkeeper, Truffaldino is the servant of Don Ferdinando, Brighella is the servant of Count Otavio and Sergeant Pantalone: there is a combination of poems and prose, the funny and the touching, the comic and the tragic. The main connecting line of commedia dell'arte and "True Love" is the theme of the faithful, all-conquering love of a woman. Ostrovsky's work on this Gozzi's comedy shows his adoption of psychologism combined with national characters manifested in the use of the types of theater dell'arte. Gozzi's works were of double interest for Ostrovsky: Gozzi as the creator of the theatrical fairy tale and Gozzi as the opponent of Goldoni's theatrical reform. This is evidenced by Ostrovsky's translation of "Ingenuous Disquisition and Sincere History of My Ten Tales for the Theatre". For Ostrovsky, the art of creating folk types of national heroes the Italian playwrights objectively shared came to the fore. Gozzi's works attracted Ostrovsky's attention not only by their characterological national character, he saw them as as a way to create the festive repertoire of the Russian scene, in which the presentiment of a new time took place.

REFERENCES

1. Ostrovskiy, A.N. (1980) *Polnoe sobr. soch. i pisem: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 12 vols]. Vol. 12, Moscow: Iskusstvo.
2. Stepanov, A.N. (ed.) (1963) *Biblioteka A.N. Ostrovskogo* [Library of A.N. Ostrovsky]. Leningrad: USSR AS Library.
3. Linin, A.M. (1926) Ostrovskiy – perevodchik Gotstsi [Ostrovsky as the translator of Gozzi]. *Izvestiya Azerbaydzhanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6–7. pp. 162–164, 185–188.
4. Kashin, N.P. (1933) Ostrovskiy i ital'yantsy [Ostrovsky and the Italians]. *Teatr i dramaturgiya*. 4. pp. 29–35.
5. Shteyn, A.L. (1974) Ostrovskiy i mirovaya dramaturgiya [Ostrovsky and world dramaturgy]. In: Guzovskaya, L.A. et al. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 88. Book 2. Moscow: Iskusstvo.
6. Ostrovskiy, A.N. (1926) <Perevod> K. Gotstsi. Zhenshchina, istinno lyubyashchaya [<Translation> from C. Gozzi. True Love]. *Izvestiya Azerbaydzhanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6–7. pp. 165–184.
7. Ostrovskiy, A.N. (1926) <Perevod> K Gotstsi. Prostoe rassuzhdenie i pravdivyy rasskaz o proiskhozhdenii moikh desyati teatral'nykh skazok [<Translation> from C. Gozzi. Ingenuous Disquisition and Sincere History of My Ten Tales for the Theatre]. *Izvestiya Azerbaydzhanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6–7. pp. 184.
8. Brodskiy, N.L. et al. (eds) *A.N. Ostrovskiy i F.A. Burdin. Neizdannye pis'ma iz sobraniya Gos. teatr. muzeya im. A.A. Bakhrushina* [A.N. Ostrovsky and F.A. Burdin. Unpublished letters from the collection of the State Theater Museum of. A.A. Bakhrushin]. Moscow; Petrograd.
9. Lotman, L.M. (1989) Vstup. st., podgotovka teksta i primech. [Introduction, text preparation and commentaries]. In: Ostrovskiy, A. *Snegurochka: P'esa* [The Snow Maiden: A play]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
10. Ostrovskiy, A.N. (1989) *Snegurochka: P'esa* [The Snow Maiden: A play]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
11. Mokul'skiy, S. (1956) Karlo Gotstsi i ego skazki dlya teatra [Carlo Gozzi and his tales for the theater]. In: Gozzi, C. *Skazki dlya teatra* [Tales for the theater]. Translated from Italian by S. Mokul'skiy. Moscow: Iskusstvo.

12. Gozzi, C. (1956) *Skazki dlya teatra* [Tales for the theater]. Translated from Italian by S. Mokul'skiy. Moscow: Iskusstvo.
13. Batyushkov, F.D. (1917) Genezis "Snegurochki" Ostrovskogo [Genesis of Ostrovsky's "The Snow Maiden"]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. 5. pp. 44–66.
14. Kashin, N.P. (1939) "Snegurochka". Vesennyaya skazka v chetyrekh deystviyakh s prologom A.N. Ostrovskogo (Opyt izucheniya) ["The Snow Maiden". A spring tale in four acts with the prologue of A.N. Ostrovsky (Experience of studying)]. *Trudy Vserossiyskoy biblioteki im. V.I. Lenina*. IV. pp. 69–101.
15. Tomashevskiy, N. (1983) Karlo Gotstsi (1720–1806) [Carlo Gozzi (1720–1806)]. In: Gozzi, C. *Skazki* [Tales]. Translated from Italian by Ya. Blokh, M. Lozinskiy, T. Shchepkina-Kupernik. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Gozzi, C. (1803) *Opere edite ed inedite* [Edited and unpublished works]. Vol. 10. Venice: Stamperia di G. Zanardi.
17. Manuscript Department of the RAS Institute of Russian Literature. Fund 218 <Arkhiv M.M. Shatelen> [<Archive of M.M. Shatelen>]. List 23.038/CXIIIb.15. Pages 60–61.
18. Ostrovskiy, A.N. (1937) *Dnevniki i pis'ma* [Diaries and letters]. Moscow; Leningrad: Asayeppa.
19. Academia. (1932) *Neizdannye pis'ma A.N. Ostrovskomu* [Unpublished letters to A.N. Ostrovsky]. Moscow; Leningrad: Academia.

Received: 24 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 21–24. DOI: 10.17223/15617793/417/3

УДК 654.197

А.А. Пронин

НАРРАЦИЯ ЭМОЦИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ КОГНИТИВНОЙ СИСТЕМЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА

Рассматриваются когнитивные аспекты коммуникации автор–герой–зритель, актуальные для публицистического кинонарратива. С позиции постклассической нарратологии анализируется специфика передачи опыта в процессе экранной коммуникации, определяется значение «наррации эмоций» для публицистического кинонарратива, реконструируются последовательность и динамика «эмоционального заражения», возникающего в ходе создания и восприятия фильма.

Ключевые слова: документальный фильм; нарратив; эмоция; когнитивность; автор; зритель.

Постклассическая нарратология, ориентированная на когнитивный подход к любым текстам, обосновывает представление о нарративе как об универсальном способе освоения и передачи опыта, свойственном человеку, и выводит данное понятие за пределы искусства и творческих практик. Способы представления истории могут быть какими угодно: от живого бытового рассказа до фильма, главным остается постижение ее смысла адресатом, который мысленно реконструирует как порядок событий, так и «окружающую среду», а также оценивает их с определенной временной дистанции. Согласно Д. Герману, происходит «глобальная ментальная репрезентация», позволяющая представить «мир истории» [1. P. 13–14].

В этом смысле документальный фильм как публицистический кинонарратив представляет собой явление особое, поскольку его аудиовизуальная природа позволяет «облегчить» такую мысленную реконструкцию – за счет экранной репрезентации зримых фрагментов «мира истории», его пространственной ориентации, конкретных «примет времени» и т.д. Очевидная информативность публицистического кинотекста, его звукозрительная фактуальность являются безусловными преимуществами для воспринимающего и постигающего историю зрителя. Качественный документальный фильм содержит «структурированный временной ход уникальных событий <…> который вводит разрушение или дисбаланс в порождаемую нарративом ментальную модель мира рассказчиков и интерпретаторов <…> показывая, каково это – пережить подобный <…> разрушительный опыт» [2. С. 24]. Последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку позволяет говорить об еще одном существенном преимуществе экранных историй – психологическом.

Сергей Эйзенштейн, размышляя в своей последней незавершенной книге «Метод» (1936–1948 гг.) об универсальной природе искусства, «ставит акцент на (выразительном) движении, визуальной репрезентации и характере, в которых ищется диалектическая триада: кинезис, мимезис и психика» [3]. По сути, это соответствует идеям Л.С. Выготского, который в своей знаменитой «Психологии искусства» обосновывал эффективность комплексного метода анализа произведения: «от формы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов и структуры к воссозданию *эстетической реакции* и установлению ее общих законов (курсив мой. – *А.П.*)» [4. С. 41]. Более того, по мнению финской исследовательницы П. Тикки, Эйзенштейн вплотную подходил к биодинамическому изучению эмоциональной выразительности и представлял кинематограф как психологическую «лабораторию эмоций» [5. С. 88, 91–94]. Вслед за Выготским С. Эйзенштейн утверждал концепцию активного зрителя, а также указывал на своего рода «телесную имитацию» зрителем увиденного на экране действия. Последнее особенно важно, поскольку тем самым пионеры изучения природных свойств кинематографа, определяющих воздействие кинотекста на зрителя, предвосхищали или, скорее, подготавливали своими рассуждениями современные концепции, актуализирующие представление о «телесных глубинах человеческого смыслотворчества» [6. С. 11]. Разумеется, сегодня речь идет уже не просто о «биомеханике», а о глубинных психофизических процессах, определяющих восприятие мира человеком. Его сознание прокручивает опыт как «мысленное кино» (А. Домасио), и, соответственно, фильм есть не что иное, как «наглядное представление разворачивающегося в мозгу нарратива», – продолжая эту логическую линию, Л.Д. Бугаева предлагает говорить о «***наррации эмоций***» как об одном из элементов комплексной наррации фильма, посредством которого «передается и переживается опыт» [7. С. 16]. Исследователь подчеркивает, что «особый смысл при этом приобретает фигура обладателя опыта (experiencer), каковым предстает не только герой на экране, но и автор фильма, а также зритель» [8. С. 123].

На наш взгляд, такая постановка проблемы является перспективной и для исследования публицистического кинонарратива, поскольку в нем всегда происходит драматизация событий (фабулы), а следовательно, происходит передача эмоций от нарратора зрителю – как открыто, посредством изображения эмоционального состояния рассказчика или героя, так и имплицитно, с помощью композиционно-монтажных и других кинематографических приемов, используемых автором. Для демонстрации открывающихся при этом возможностей проанализируем в данном ракурсе фрагмент из известного документального фильма «Оптическая ось» (2013, автор М. Разбежкина), где обитатели современной нижегородской ночлежки, отвлекшись от разглядывания фотографий вековой давности таких же бездомных, рассказывают о своих тяжелых судьбах. Их лица, речь практически лишены каких-либо выраженных эмоций, герои как обладатели опыта (уже пережитого) просто констатируют результат жизненных обстоятельств, который

они не ожидали получить, но получили. Восстанавливает скрытую эмоциональность этих личных нарративов – страшных, по сути, историй утраты социальной идентичности – уже личный опыт автора и зрителей. Учитывая содержащийся на фотографии начала XX в. опыт «прошлого» несчастья, который транслируется благодаря сконструированной автором ситуации узнавания, мы получаем многоступенчатую модель наррации эмоций: от героев через автора к зрителю. Очевидно, в процессе записи интервью сам автор, провоцировавший героев на откровенность, пережил состояние сопереживания несчастью другого (с имплицитной проекцией на собственное «счастье»), следовательно, этот опыт восприятия руководил его дальнейшими творческими действиями по «реконструкции эмоций»: он подсознательно рассчитывал вызвать подобный психологический эффект у зрителя, отбирая для фильма соответствующие нарративные высказывания. То есть здесь действует не только авторская *интерпретация событий*, которая имеет «рещающее значение в развертывании информационной цепочки» [9. С. 194], но и *категоризация* содержащегося в фабуле событийного ряда по шкале «драматичность»: от трагедии жизни до комедии или фарса. Для публицистического кинонарратива это крайне важно, поскольку определяет когнитивный потенциал экранной истории, ее воздействие на зрителя. Передачу эмоционального опыта в фильме можно представить как своего рода электрическую цепь, в которой обладающий определенным социокультурным и жизненным опытом автор выполняет функцию «трансформатора» драматического напряжения истории, повышающего его с целью эффективного воздействия на эмоции зрителя. И это, с позиций современной когнитивистики, считающей нарратив, как уже было сказано, способом освоения и передачи опыта, является для автора главной установкой.

Чтобы ее эффективно реализовать, необходимо не только соответствующее «нарративное умение», по остроумной формулировке В.И. Тюпы, но и гораздо более важное – нечто не зависящее от авторской воли, содержащееся в любой истории. И согласно мнению Д. Германа, «правильные» истории не просто передают семантическое содержание событий, но априори содержат в своей структуре и универсальный *способ переживания событий*: «почувствовать, каково это быть на месте героя» (для его обозначения исследователь предлагает использовать древнегреческое понятие *квалиа* [10. С. 143–156]). С точки зрения психологии восприятия, это единственно возможный универсальный вариант *освоения* чужого опыта, позволяющий быстро реагировать на сообщение – не включая длительных и зависящих от целого комплекса факторов (возраст, образование, лабильность мышления и т.п.) аналитических процессов, за которые отвечает сознание. Мгновенная ментальная проекция «себя» на ситуацию, на события нарратива обеспечивает осуществление наррации эмоций, которая, безусловно, является наиболее динамичным элементом комплексной наррации фильма.

Безусловно, сопереживание героям всегда считалось само собой разумеющимся компонентом коммуникации в искусстве, вся его история со времен Античности опиралась на аристотелевский тезис о *катарсисе*, который невозможен без погружения в мир истории и сопереживания ее героям. Именно поэтому для постклассической нарратологии вполне логичным было прийти к мысли о придании «квалиа» категориального статуса, поскольку если всякий нарратив, в принципе, может быть понят и прочувствован адресатом, в нашем случае – зрителем, то такой код переживания *обязан быть* внутри истории, иначе она не смогла бы стать таковой.

Несомненно, возникает вопрос: а как действует «квалиа»? На наш взгляд, действие «квалиа» обеспечивается актуализацией воспринимающим субъектом оппозиции *присутствие / отсутствие*. Для доказательства данного положения вернемся к примеру из «Оптической оси». Несложно заметить, что в данном случае сопереживание строится на эксплуатации таких фундаментальных для человека концептов, как «дом» и «семья». «У меня есть дом и семья, но каково же было бы оказаться на месте этого человека, который все это потерял» – такова расшифровка кода, обеспечивающего сопереживание, а следовательно, и наррацию эмоций по цепочке от автора (реципиент 1-й ступени) к зрителю (реципиент 2-й ступени). Очевидно, что весь процесс чувственного восприятия этой мысли происходит благодаря работе оппозиции *присутствие/отсутствие* (по отношению к дому, семье), которая делает чужой опыт своим переживанием его. Не ставя перед собой задачи проанализировать все возможные инструменты создания эффекта квалиа, мы все-таки рискнем предположить, что благодаря мысленной смене состояний («каково было бы, если я…»), обеспечивающей характерную для нарратива темпоральность, возникает своего рода ***ценностная перспектива***, через которую пропускается содержание истории, и таким образом порождается эмоциональный отклик субъекта, а значит, нарратив достигает цели.

Важно и то, что автор, используя оппозицию присутствия / отсутствия как принцип отбора, сознательно выбрал для фильма именно эти высказывания, именно этих людей, т.е., пользуясь термином из теории интертекстуальности, произвел операцию ***выдвижения*** [11. С. 378] ключевого действия в буквальном смысле на передний план (камера дает героев крупно). С одной стороны, для фильма такое укрупнение, представляется естественным, технологичным, но, с другой – оно должно быть обосновано авторским восприятием того, что становится главным для повествуемой истории в данный момент.

Характерно, что известный противник «нарративного кино» М. Разбежкина действует здесь против своих же установок, поскольку оказывается вовлеченной в процесс наррации эмоций, пережив состояние «квалиа» и оказавшись перед необходимостью (как обладатель опыта и автор-трансформатор) передать драматическое напряжение истории дальше, конечному адресату. Первое психологическое действие произошло неосознанно, а вот второе включало в себя и авторскую интенцию, и опыт управления наррацией: точно оценив потенциал воздействия микроистории на восприятие сопереживающего зрителя, автор включает ее в нужный контекст.

Данный эффект можно определить как ***эмоциональное заражение*** (данный термин введен в терминологию теории журналистики Л.А. Майдановой [12] и сегодня активно используется исследователями психологии масс-медиа [13. С. 302]) нарративом. Оно происходит непосредственно в акте коммуникации, и анализ эпизода из «Оптической оси», приведенный выше, наглядно демонстрирует, как «заражение» протекает в коммуникативной цепи нарратива герой–автор–зритель. Не ставя перед собой задачи анализировать психологические факторы и механизмы данного процесса, отметим, что наиболее эффективной по воздействию является, безусловно, интуитивно избираемая автором опора на фундаментальные, базовые человеческие эмоции. К. Изард выделяет таких всего 10: *радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, интерес, вина* [14], и если оценить наррацию эмоций в анализируемом нами фрагменте, то «заражение», очевидно, происходит по линии *печали* и *страха*. Данные эмоции взаимообусловлены («смешанные чувства») и воздействуют через актуализацию индивидуального опыта – в разной степени и различных пропорциях. Очевидно, одного зрителя история бездомного больше «заразит» печалью, а другого – страхом оказаться на его месте, стать социальным изгоем. Это очень «тонкая материя», которая еще только ожидает своих исследователей, прежде всего психологов.

Что касается общего эффекта воздействия наррации эмоций на зрителя, то, если обратиться к известной теории У. Северина и Дж. Танкарда, она может быть компонентом любой из четырех моделей воздействия на аудиторию, которые они выделяют («теория пули», ограниченного воздействия, умеренного воздействия, сильного воздействия») [15. С. 57–60]. Пожалуй, наименее «нарративной» является модель «пули», построенная на жесткой пропаганде, хотя и здесь среди других манипулятивных приемов могут быть использованы микроистории, как, например, в фильмах «Анатомия протеста», «Анатомия предательства» и других производства канала НТВ (2013–2015).

Три других модели вполне могут описывать эффект воздействия наррации эмоций на зрителя. Так, в «Оптической оси», в целом, его можно оценить как *сильное* и одновременно *ограниченное*, поскольку наррация в фильме не «сплошная», она постоянно «размывается» дискурсом героев и автора: ассоциативными мыслями, потоком сознания, диалогическим взаимодействием, риторикой, созерцательными фигурами и т.п. Наиболее показательным в этом смысле является эпизод с дедом-ложкарем: когда в течение нескольких минут камера (дискурс автор) просто следит за процессом изготовления ложки из заготовки и автобиографическое повествование прерывается, возникает своеобразная «нарративная пауза», и это определяет дискретность наррации фильма. Однако стоит отметить, что для зрителя данное действие все равно связано с историей героя, поскольку в целом «повествовательный слой как бы подчиняет себе дискурс, который начинает “обслуживать” повествовательный уровень» [16. С. 253].

В большинстве телевизионных документальных фильмов такое подчинение проявляется гораздо сильнее, нежели в кинодокументалистике, однако воздействие наррации эмоций также испытывает «сопротивление материала», возникающего из-за естественного доминирования фактуальности, высокой информативности авторского дискурса. Речь идет прежде всего о выдвижении на передний план каких-либо статистических данных (особенно в виде инфографики), а также оценочных суждений персонажей-экспертов. Так, в военно-исторических телефильмах с помощью компьютерной графики даются сведения о численном составе войск, участвовавших в сражении, данные о их вооружении, количестве потерь и т.д. Связанные с основной линией повествования, эти представленные визуально факты все же прерывают собственно рассказ о событиях, который ведут их участники, и, соответственно, эмоциональное воздействие нарратива ограничивается.

Наиболее *сильное* воздействие наррации эмоций проявляется в тех публицистических кинонарративах, где нарратор сам открыто проявляет эмоции, т.е. эмоция изображена на экране. Например, в фильме «Василий Гроссман. Я понял, что я умер» (2014) невестка писателя со слезами на глазах рассказывает о моменте, когда после изъятия из кабинета рукописей романа «Жизнь и судьба» сотрудники КГБ предложили Гроссману поехать вместе с ними – эмоции, переживаемые нарратором, безусловно, самым непосредственным образом сказываются на восприятии истории зрителем. *Страх, гнев, печаль* – весь эмоциональный комплекс переживается реципиентами (и автором, и зрителем) в процессе синхронной наррации в сильнейшей степени – как «квалиа». Собственно, именно сопереживание, порождаемое наррацией эмоций, и обеспечивает силу воздействия нарративного публицистического произведения на аудиторию. Данный пример также показывает, что в плане эффективности воздействия на зрителя наррация эмоций в фильме зависит как от содержания реальной истории (фабулы), так и от того, насколько умело автор фильма «включает» механизмы сопереживания – вне зависимости от степени осознанности им собственной роли в процессе «эмоционального заражения».

Таким образом, можно утверждать, что наррация эмоций в документальном фильме является важнейшим элементом когнитивной системы документального фильма, во многом определяющим процесс его создания и восприятия зрителем. Благодаря эффекту «эмоционального заражения», усиленного аудиовизуальной природой экранной коммуникации, включается механизм действия «квалиа», обеспечивающий ментальную проекцию событий реальности («мира истории») на собственное «я» автора и зрителя как обладателей опыта. Конечно, в фильме содержатся и иные знания: факты, мнения, гипотезы, однако, на наш взгляд, именно наррация эмоций как характерная особенность публицистического кинонарратива и определяет устойчивый интерес массового зрителя к телевизионной документалистике, ориентированной на роль рассказчика «реальных историй» из реальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Herman D. Logic Story: Problems and Possibilities of Narrative. University of Nebraska Press, 2002.

2. Herman D. Description, Narrative and Explanation: Text-type Categories and the Cognitive Foundations of Discourse Competens // Poetics Today. 2008. № 29.2.
3. Булгакова О. Теория как утопический проект // НЛО. 2007. № 88. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/bu3.html (дата обращения: 14.02.2017).
4. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968. 344 с.
5. Tikka P. Enactive Cinema: Simulatorium Eisensteinense. Juvaskyla, 2008.
6. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2007.
7. Бугаева Л.Д. Нарратив, медиа и эмоции // Русский след в нарратологии : матер. Междунар. науч.-практ. конф. Балашов, 2012. С. 12–16.
8. Бугаева Л.Д. Кино как модель сознания: Пия Тикка // Международный журнал исследователей культуры. 2013. № 1 (10).
9. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. 3-е изд. М., 2010.
10. Hermann D. Basic Element of Narrative. Hobocken, NJ, 2009.
11. Арнольд И.В. Семантика, стилистика, интертекстуальность. СПб., 1999. 444 с.
12. Майданова Л.А.Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987. 178 с.
13. Виноградова С.М., Мельник Г.С. Психология массовой коммуникации. М., 2014. 512 с.
14. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 2000. 464 с.
15. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004. 432 с.
16. Ямпольский М. Язык-тело-случай: кинематограф в поисках смысла. М., 2004. 376 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 марта 2017 г.

NARRATION OF EMOTIONS AS AN ELEMENT OF THE COGNITIVE SYSTEM OF THE DOCUMENTARY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 21–24.
DOI: 10.17223/15617793/417/3
Aleksandr A. Pronin, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: prozin@mail.ru
Keywords: documentary; narrative; plot; emotion; cognition; audience; author.

The article discusses cognitive aspects of communication, the author–character–audience relevant to journalistic cinema narative. On the basis of the provisions of the psychological aspects of the perception of the film developed by L. Vygotsky, S. Eisenstein, A. Damasio and other researchers, features characteristic for the on-screen documentary and the mechanism of the "narration of emotions" as one of the elements of a comprehensive narration of the film are analyzed. The main object of analysis is the film "Optical Axis" (2013) by Marina Razbezhkina. The study suggests that in the process of recording interviews with homeless people the author herself, provoking the characters to be frank, experienced empathy for the misfortune of another (with the implicit projection of her own "happiness"); and this experience led her to further creative action for the "reconstruction of emotions": she unconsciously hoped to cause a similar psychological effect in the viewer, selecting corresponding narrative statements for the film. The first psychological effect happens unconsciously. D. Herman describes this process with the ancient Greek concept "qualia". The second includes the author's intention and narration management experience: accurately assessing the potential impacts of the microhistory on the empathic perception of the viewer, the author includes it in the right context. This process is suggested to be qualified as "emotional contagion" with a narrative. It takes place directly in the act of communication: author–character–audience, and most effective is relying on basic human emotions the author intuitively selects. In terms of impact on the viewer, the narration of emotions in the film depends on the content of the real story (plot) and how well the author of the film "starts" the mechanism of empathy, using intermedial capabilities of the film text. In the end, the article concludes that the narration of emotions in the documentary is the most important element of the cognitive system of the documentary, which largely determines the process of creation and perception. Due to the effect of "emotional contagion" reinforced with the audio-visual nature of the film communication, the mechanism of the action of "qualia" works and provides mental projection of events of reality ("world of the story") on one's own "self" and the viewer as possessors of experience. Of course, the film contains other knowledge: facts, opinions, hypotheses; however, in the author's opinion, it is narration of emotions as a characteristic feature of publicistic cinema narative that determines the sustained interest of the mass audience to television documentaries focused on the role of the narrator of "real stories" from real life.

REFERENCES

1. Herman, D. (2002) *Logic Story: Problems and Possibilities of Narrative*. University of Nebraska Press.
2. Herman, D. (2008) Description, Narrative and Explanation: Text-type Categories and the Cognitive Foundations of Discourse Competence. *Poetics Today*. 29.2.
3. Bulgakova, O. (2007) Teoriya kak utopicheskiy proekt [Theory as a utopian project]. *NLO*. 88. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/bu3.html. (Accessed: 14th February 2017).
4. Vygotskiy, L.S. (1968) *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow: Iskusstvo.
5. Tikka, P. (2008) *Enactive Sinema: Simulatorium Eisensteinense* [Enactive Cinema: Simulatorium of Eisenstein]. Juvaskyla.
6. Johnson, M. (2007) *The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
7. Bugaeva, L.D. (2012) [Narrative, media and emotion]. *Russkiy sled v narratologii* [The Russian Footprint in Narratology]. Proceedings of the international conference. Balashov. pp. 12–16. (In Russian).
8. Bugaeva, L.D. (2013) Kino kak model' soznaniya: Piya Tikka [Cinema as a model of consciousness: Piya Tikka]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovateley kul'tury*. 1 (10).
9. Dobrosklonskaya, T.G. (2010) *Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi* [Issues of studying media texts: The experience of studying contemporary English media speech]. 3rd ed. Moscow: KRASAND.
10. Herman, D. (2009) *Basic Element of Narrative*. Hobocken, NJ.
11. Arnol'd, I.V. (1999) *Semantika, stilistika, intertekstual'nost'* [Semantics, stylistics, intertextuality]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
12. Maydanova, L.A. (1987) *Struktura i kompozitsiya gazetnogo teksta* [Structure and composition of newspaper text]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
13. Vinogradova, S.M. & Mel'nik, G.S. (2014) *Psikhologiya massovoy kommunikatsii* [Psychology of mass communication]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
14. Izard, K.E. (20000) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Translated from English by A. Tatlybaev. St. Petersburg: Piter.
15. Bryant, J. & Thompson, S.C. (2004) *Osnovy vozdeystviya SMI* [Fundamentals of Media Effects]. Translated from English. Moscow: Izdatel'skiy dom Vil'yams.
16. Yampol'skiy, M. (2004) *Yazyk-telo-sluchay: kinematograf v poiskakh smysla* [Language-body-case: cinema in search of meaning]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Received: 14 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 25–29. DOI: 10.17223/15617793/417/4

ИСТОРИЯ

УДК 327

Т.Л. Андреева, К.Е. Керн

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В XXI в.

Статья посвящена языковому аспекту внешней политики КНР в современном мире. Рассматриваются понятие «мягкая сила» как основной внешнеполитический инструмент Китая, роль языковой политики как составного элемента политики «мягкой силы» КНР. Анализируются предпосылки становления языковой политики в качестве внешнеполитического инструмента в Китае, а также основные формы и направления лингвистической политики Китая, их результаты.
Ключевые слова: «мягкая сила»; языковая политика; китайский язык; взаимодействие; Китай.

XXI в. – век существенных изменений в конфигурации международных отношений. В значительной степени данный процесс связан с использованием государствами «мягкой силы» во внешней политике. В этом случае Китай не только не является исключением, но и играет ведущую роль в данном процессе. Убедившись в невозможности достижения внешнеполитических целей за счет растущей военной мощи, китайское руководство перешло к использованию «мягкой силы» [1. С. 84]. «Мягкая сила» – это совокупность способов и методов, направленных на получение желаемого результата посредством сотрудничества вместо принуждения [2. С. 113]. Понятие «мягкой силы» тесно связано с китайской традицией и культурой, является олицетворением образов и символов китайского даосизма [3. С. 138]. Прообраз «мягкой силы» прослеживается в китайской философии («вода по своей природе является “мягкой” субстанцией, она всегда принимает форму русла реки или сосуда; но во время наводнения она способна превратиться в “жесткую силу”, сокрушающую всё вокруг» [4. С. 37]). «Мягкая сила» восточных стран имеет схожий набор инструментов. Он делится исследователями на «сильный» и «слабый» инструментарий [5. С. 27]. К числу наиболее сильных инструментов «мягкой силы» восточных стран и в частности Китая относят национальную кухню, моду (восточные мотивы в одежде становятся всё более популярными), массовую культуру, а также в ряде некоторых случаев – уникальный элемент имиджа страны (например, в Индонезии – официальная идеология «панча сила») [Там же]. Кроме того, «сильным» инструментом «мягкой силы» восточных стран принято считать традиции и культуру [Там же]. К «слабым» инструментам «мягкой силы» стран Востока сегодня относят технологии, уровень и качество жизни, которые, по мнению исследователей, значительно отстают от западных [Там же. С. 28]. Сегодня термин «мягкая сила» прочно вошел в риторику китайских политологов, включая в себя представление о гармоничном мире, «соседской дипломатии», «публичной дипломатии» [4. С. 37]. Заложенные на VIII съезде КПК новые принципы и направления новой дипломатии Китайской Народной Республики отражают тот факт, что «мягкая сила» используется в качестве одного из основных инструментов ведения внешней политики КНР в современных условиях [6. С. 44]. Министром иностранных дел Китайской Народной Республики Ван И были выделены семь основных направлений и новых принципов китайской дипломатии: 1) строительство качественно новых отношений с ведущими державами мира; 2) создание мирной и стабильной внешнеполитической среды; 3) дальнейшее проведение политики реформ и открытости; 4) установление отношений с развивающимися государствами на основе взаимной выгоды; 5) активное участие в решении международных и региональных проблем; 6) отстаивание принципов, декларируемых Уставом ООН; 7) защита интересов китайских граждан за рубежом [6. С. 45]. Обозначенный курс китайской дипломатии демонстрирует, что Китай не намерен использовать силовые методы в своей внешней политике. Наблюдается поэтапный переход к более широкому применению «мягкой силы» на международной арене.

Одним из составляющих элементов и наиболее «сильных» инструментов «мягкой силы» китайского правительства на сегодняшний день является языковой фактор. Языковая политика, которая включает не только внутреннюю, но и внешнюю составляющую, становится всё более эффективным способом решения внешнеполитических задач страны. Сегодня она выступает рычагом влияния на международное положение КНР [7. С. 116]. Языковая политика – это сознательное целенаправленное воздействие государства и общества в целом на развитие и функционирование языка, включающее совокупность мер, предпринимаемых для изменения или сохранения существующего функционального распределения языковых норм [8]. Основными составляющими языковой политики Китайской Народной Республики являются решение внутригосударственных языковых вопросов (сохранение диалектов национальных меньшинств), а также достижение внешнеполитических задач (распространение и популяризация китайского языка за пределами Китая) [Там же].

Среди многообразия инструментария «мягкой силы» высшее руководство КНР избрало распространение китайского языка и культуры ввиду ряда причин [1. С. 85].

1. В результате успехов в экономике и выдвижения Китая в ряд наиболее влиятельных и развитых государств мира интерес к стране, ее культуре, истории, традициям беспрецедентно возрос. Усилившееся внимание мирового сообщества к Китаю стимулиро-

вало изучение китайского языка во многих странах мира [Там же].

2. Проведение в Пекине летних Олимпийских игр в 2008 г. послужило толчком к развитию изучения китайского языка: требовались переводчики с китайского и на китайский для зарубежных участников. Кроме того, гости Олимпиады стали проявлять большой интерес к китайскому языку и культуре [1. С. 85].

3. Немаловажным фактором усиления интереса иностранных граждан к изучению китайского языка и распространения его за рубежом является наличие в Китайской Народной Республике необходимой организационной и институциональной лингвистической инфраструктуры. Речь идет об организации институтов международного образования для иностранных студентов, стипендиальных программ для привлечения обучающихся из других стран, а также программ изучения китайского языка для студентов всех уровней владения языком [Там же. С. 86]. Так, в 2014–2015 гг. число иностранных студентов, прибывших для получения образования в Китай, составило 377 054 человека, или 59% от общего числа иностранных студентов во всей Азии [9].

4. Сегодня все больше внимание общественности привлекают периодические вспышки напряженности в некоторых районах КНР, таких как Синьцзян-Уйгурский автономный район, а также Тибет [10. С. 22]. Увеличивается число исследователей, занимающихся изучением внутриполитической ситуации КНР, а значит, и потребность в изучении китайского языка также растет.

5. Изучение китайского языка для многих становится фактором строительства успешной карьеры, позволяет найти лучшую работу. Изучение и преподавание китайского языка особенно необходимо в странах, динамично развивающих торгово-экономическое партнерство и долгосрочное сотрудничество с КНР. К их числу относятся такие страны, как Россия, США, Республика Корея, Япония [Там же]. В государствах Восточной и Юго-Восточной Азии некоторые экспортно-импортные компании даже ввели знание китайского языка в качестве критерия, необходимого при приеме на работу [11].

Более того, в марте 2013 г. на встрече китайского и немецкого руководства в Берлине, посвященной распространению китайского языка в Германии, Си Цзиньпин лично отметил, что «важным инструментом общения является язык» и что «очарование культуры страны и притягательная сила народа главным образом выражаются и передаются посредством языка» [1. С. 86].

Однако основа для ведения такой активной языковой политики и взятия курса на распространение китайского языка за рубежом была заложена еще в прошлом столетии. Важной вехой стало начало политики «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина в конце 1970-х гг. [12]. Именно тогда стандартизированный китайский язык путунхуа впервые начали продвигать за пределы Китайского государства. В 1982 г. Международной организацией по стандартизации (ISO) был утвержден пиньинь в качестве международной общепринятой транскрипции китайского языка [Там же]. В 1984 г. было создано специальное государственное учреждение – Государственная канцелярия Китайской Народной Республики по делам распространения китайского языка и культуры за рубежом [12]. Результаты начала развертывания языковой политики Китайской Народной Республикой не заставили себя ждать. Сегодня на китайском языке говорят не только 1,3 млрд жителей Китая, но и около 40 млн иностранцев [11]. Изучение китайского языка и культуры Китая стало «модной тенденцией», в политический дискурс было введено понятие «китайская лихорадка», или «китайский бум» [Там же]. На сегодняшний день китайский язык не только является одним из основных рабочих языков таких международных организаций, как ООН и ШОС, но и активно соперничает с английским в регионе Юго-Восточной Азии [Там же].

В нынешних реалиях лингвистический фактор во внешней политике Китая обретает новые формы. В первую очередь это связано с принятием осенью 2013 г. руководством КНР стратегии «Один пояс – один путь». В основе данной стратегии лежит идея о том, что «ближняя внешняя политика Китая достигла этапа всестороннего развития, с каждым днем возрастает ценность языковой стратегии… Изучать языки окружающих стран чрезвычайно важно для обеспечения безопасности государства» [7. С. 116]. Таким образом, Китай стремится развивать языковые связи с близлежащими государствами, к числу которых относятся 29 стран: Россия, Монголия, Казахстан, Киргизия, Южная Корея, Япония, Филиппины, Малайзия, Бруней, Индонезия, Сингапур, Северная Корея, Вьетнам, Узбекистан, Туркмения, Турция, Иран, Бангладеш, Шри-Ланка, Таиланд, Камбоджа, а также Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия, Непал, Бутан, Бирма и Лаос [Там же. С. 117].

Взаимодействие с данными государствами предполагает не только экспорт китайского языка и культуры на их территорию, но и популяризацию изучения языков этих стран в самом Китае. Так, в рамках описанной политики в ноябре 2013 г. на базе Пекинского университета языка и культуры китайским руководством был образован Координационный инновационный центр языков и культур окружающих стран [13]. Задачами центра стали разработка внешней языковой стратегии государства, подготовка специалистов в области лингвистики, а также координация изучения иностранных языков в Китае и китайского языка за рубежом [Там же]. Более того, при университете созданы Лингвистическая академия и несколько специализированных институтов, готовящих специалистов в области языкознания [Там же].

Другим немаловажным направлением языковой политики Китая в современном мире становится усиление позиций страны в глобальном информационном пространстве посредством увеличения количества китайских иноязычных СМИ [14. С. 74]. Китайским правительством создается система контролируемых государством средств массовой информации на таких иностранных языках, как английский, русский, французский, испанский, арабский, японский и др. Было увеличено количество зарубежных координационных пунктов китайского агентства «Синьхуа» до 186, а

транслирование государственного телевизионного канала CCTV с 2009 г. ведется не только на китайском и английском, но и на арабском, французском и русском языках [14. С. 74]. Проводимая диверсификация иноязычных СМИ на территории КНР позволяет китайскому руководству привлечь внимание всё более многочисленной зарубежной аудитории к событиям в стране. Все это имеет цель популяризации и экспорта китайской культуры далеко за пределы КНР.

Несмотря на то что Китай допускает контролируемое вхождение иноязычных СМИ на китайский медиарынок, одновременно с этим китайское руководство проводит активную политику сохранения языкового и культурного наследия малых народностей Китая. Активно ведется развитие программ, направленных на сохранение нематериального, культурного и языкового наследия страны. Их составными элементами являются масштабные лингвистические исследования, посвященные вопросам изучения истоков китайского языка, а также проблемы его сохранения во всем региональном многообразии. В рамках данного курса китайским руководством в качестве основной была выдвинута задача исследования и сохранения на современных аудио- и видеоносителях всех языков страны (диалектов малочисленных народностей), прежде всего, исчезающих [15. С. 139]. По мнению исследователей, выбор данного курса не случаен и имеет тесную связь с политикой страны [11]. Так, в политическом лексиконе высшего эшелона китайских властей все чаще встречается понятие китайской мечты – «великого возрождения сильной китайской нации», которое не представляется возможным без сохранения и поддержания исторического и культурного богатства страны.

Стоит отметить, что активное участие в реализации языковой политики принимает и Тайвань, составляя, таким образом, своеобразную «конкуренцию» материковому Китаю. Одним из крупнейших достижений в области языковой политики Тайваня можно считать организацию в ноябре 1972 г. в городе Тайбэе Международной Ассоциации содействия распространению и развитию китайского языка. В июле 1997 г. организация приобрела свое нынешнее название – Международная Ассоциация китайского языка [16. С. 176]. Основной сферой деятельности Ассоциации является проведение международных конференций, посвященных изучению китайского языка за рубежом, а также популяризации китайского языка среди иностранных студентов [Там же].

Активно развивается сотрудничество Китайской Народной Республики и Российской Федерации в сфере образования [17, 18]. В настоящее время обучение китайскому языку осуществляется в ряде вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Владивостока и др. [19]. Важную роль при этом играют Институты Конфуция, функционирующие при российских университетах. Институты Конфуция представляют собой некоммерческие научно-образовательные центры, основными задачами которых являются организация курсов китайского языка и культуры, а также проведение научно-практических конференций и консультаций по вопросам обучения в КНР [1. С. 88]. Общее число Институтов Конфуция в России – более двадцати [20]. В настоящий момент изучение языков и культур рассматривается руководством двух стран в качестве базиса для дальнейшего расширения и укрепления взаимодействия и долговременного сотрудничества в экономической, социально-политической и других сферах жизни общества на основе стратегии развития Китая и России [18. С. 158]. Кроме того, изучение российской и китайской культур, а также языков двух государств в рамках единого геополитического пространства Северо-Восточной Азии и АТР делает возможным их исследование в контексте взаимовлияния и определение перспективных направлений дальнейшего сотрудничества [Там же. С. 159].

Таким образом, можно сделать вывод, что лингвистический аспект является неотъемлемым фактором внешней политики Китайской Народной Республики в современных условиях. Языковая политика китайского правительства направлена не только на внутригосударственную сферу, но и на внешнеполитическую, становясь основополагающим аспектом построения дальнейших внешних связей в рамках политического взаимодействия с другими государствами. Языковая политика Китая сегодня обретает различные формы: от стремления распространить китайский язык и культуру за рубеж посредством предоставления стипендий для иностранных студентов и привлечения их в КНР для получения образования до диверсификации и популяризации китайских средств массовой информации в других государствах. В то же время активно проводится политика сохранения и защиты китайского языка, языков малочисленных народностей Китайской Народной Республики, а также культурного и исторического достояния страны.

Сегодня можно судить о следующих успехах языковой политики Китая: количество иностранцев, желающих изучать китайский язык, с каждым годом неуклонно растет; в обществе наблюдаются такие новые явления, как «китайский бум» и «китайская лихорадка», которые как нельзя лучше отражают востребованность и интерес к китайскому языку и культуре по всему миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватаняр Ягья, Ли Минфу. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 7. С. 84–93.
2. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, NY : Public Affairs, 1999. P. 113.
3. Лао Цзы Дао Дэ Дзин. Учение о пути и благой силе. М. : Наука, 1998. С. 138.
4. Ван Яо. «Мягкая сила» ответственной державы // Информационные войны. 2015. № 4 (36). С. 36–42.
5. Леонова О. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель. 2014. № 3. С. 18–28.
6. Мокрецкий А. Основные направления китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 44–59.
7. Завьялова О. Лингвистические новации и внешняя политика Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 116–119.

8. Хохлова И. Языковая политика национальных государств и ее развитие в современном мире // Россия и Запад: диалог культур. URL: http://www.regionalstudies.ru/journal/homejornal/rubric/2012-11-02-22-15-01/286-2013-07-26-10-48-41.html (дата обращения: 17.12.2016).
9. Китай назван одной из самых популярных стран среди иностранных студентов // Южный Китай: особый взгляд. URL: https://www.south-insight.com/node/217713?language=ru (дата обращения: 17.12.2016).
10. Андреева Т., Керн К. Тибетский фактор в американо-китайских отношениях // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 22–26.
11. Сергеева А. Китайский язык как инструмент реализации «китайской мечты» // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#top-content (дата обращения: 10.12.2016).
12. Саськова Е. Алфавит китайского языка как элемент языковой политики КНР // Современные научные исследования и инновации: электронный научно-практический журнал. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62296 (дата обращения: 10.12.2016).
13. 北京语言大学将组建中国语言文化国际传播协同创新中心 (Пекинский университет языка и культуры открыл международный Координационный инновационный центр языков и культур окружающих стран) // Образовательный портал. Пекин, 2016 URL: http://www.teachingchinese.net/?p=2878 (дата обращения: 14.01.2017).
14. Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2009. № 1. С. 74–83.
15. Завьялова О. Языки Китая: новейшие исследования и открытия // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 139–143.
16. Буров В. Международная Ассоциация китайского языка // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 176–184.
17. 学好汉语 如虎添翼 (Изучение китайского языка: благо или угроза) // 人民日报 (Газета «Женьмин жибао»). URL: http://www.hanban.edu.cn/article/2017-01/06/content_670898.htm (дата обращения: 23.01.2017).
18. Гурулева Т., Макаров А. Становление и развитие нового лингвистического направления в контексте российско-китайского межцивилизационного взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 158–163.
19. 谁需要汉语 (Кем востребован китайский язык) // 人民日报 (Газета «Женьмин жибао»). URL: http://www.people.com.cn/GB/paper39/7945/754135.html (дата обращения: 19.01.2017).
20. 中俄合作加强不影响中美关系 (Сотрудничество России и Китая не влияет на американо-китайские отношения) // 人民日报 (Газета «Женьмин жибао»). URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2016-07/04/content_1692504.htm (дата обращения: 28.01.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2017 г.

LINGUISTIC ASPECT AS A FACTOR OF THE FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE 21ST CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 25–29.
DOI: 10.17223/15617793/417/4
Tatyana L. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru
Kristina E. Kern, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: k-k-13@mail.ru
Keywords: "soft power"; language policy; Chinese language; cooperation; China.

The analysis of the linguistic aspect of the foreign policy of the People's Republic of China is becoming more relevant today owing to the fact that the impact of "soft power" factors – methods to achieve the desired result without the use of violence – enhances in foreign policy processes. The foreign policy of China is not an exception. One of the main elements of "soft power" is the language policy. The article is devoted to the linguistic aspect of China's foreign policy in modern conditions as an instrument of "soft power." The definition of the concept "soft power", the principal components and instruments of "soft power" in Eastern countries are underlined in the article. New principles and direction of China's diplomacy, pledged at the VIII Congress of the CPC, reflect the fact that "soft power" is used as one of the main tools of China's foreign policy. In addition, a special place is given to the language policy of the country. It is important to note that the language policy was chosen by the Chinese leadership as one of the priorities of foreign policy directions for a number of reasons, which include an increased interest in China after its reaching economic success and the rapid growth in the number of countries which co-operate with China. Moreover, big demand in specialists in the Chinese language is also significant. The attention is focused on the premises of the active implementation of the language policy of the PRC. An important step for the People's Republic of China was the beginning of the policy of "reform and opening" under the guidance of Deng Xiaoping in the late 1970s. In addition, a decisive role played the standardization of the Chinese language and the foundation of the State Office of the People's Republic of China on the spreading of the Chinese language and traditional culture abroad in 1984. The correlation of the new strategy of the Chinese leadership, "One Belt – one way" and the desire to spread the Chinese language and culture abroad is considered in the article as well. An important place is given to the consideration of the Russian-Chinese cooperation in the area of language, to main projects and activities carried out in this area. The language policy of the People's Republic of China is one of the determining factors of the country's foreign policy in the modern world. This linguistic aspect influences both the domestic and foreign policy of the Chinese leadership. The language policy of the PRC is multidirectional: it includes not only the spread of the Chinese language abroad, but also the desire to preserve the languages of ethnic minorities in the country, protection of cultural and linguistic diversity of China. Today, the international position of the country and its image directly depend on the success of the implementation of China's language policy.

REFERENCES

1. Vatanyar Yagya & Lee Minfu. (2015) Institut Konfutsiya kak faktor "myagkoy sily" vo vneshney politike KNR v XXI veke [The Confucius Institute as a factor of "soft power" in China's foreign policy in the 21st century]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – Inernational Affairs*. 7. pp. 84–93.
2. Nye, J. (1999) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, NY: Public Affairs.
3. Lao Tzu Tao Te Ding. (1998) *Uchenie o puti i blagoy sile* [The doctrine of the path and good power]. Moscow: Nauka.
4. Van Yao. (2015) "Myagkaya sila" otvetstvennoy derzhavy ["Soft power" of the responsible power]. *Informatsionnye voyny – Information Wars*. 4 (36). pp. 36–42.
5. Leonova, O. (2014) "Myagkaya sila": instrumenty i koeffitsienty vliyaniya ["Soft power": tools and coefficients of influence]. *Obozrevatel' – Observer*. 3. pp. 18–28.
6. Mokretskiy, A. (2015) Osnovnye napravleniya kitayskoy diplomatii [The main directions of Chinese diplomacy]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1. pp. 44–59.
7. Zav'yalova, O. (2015) Lingvisticheskie novatsii i vneshnyaya politika Kitaya [Linguistic innovations and foreign policy of China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6. pp. 116–119.

8. Khokhlova, I. (2012) Yazykovaya politika natsional'nykh gosudarstv i ee razvitie v sovremennom mire [Language policy of national states and its development in the modern world]. [Online] Available from: http://www.regionalstudies.ru/journal/homejornal/rubric/2012-11-02-22-15-01/286-2013-07-26-10-48-41.html. (Accessed: 17th December 2016).
9. Yuzhnyy Kitay: osobyy vzglyad. (2017) *Kitay nazvan odnoy iz samykh populyarnykh stran sredi inostrannykh studentov* [China is named one of the most popular countries among foreign students]. [Online] Available from: https://www.south-insight.com/node/217713?language=ru.
10. Andreeva, T. & Kern, K. (2016) The Tibetan factor in the US-China relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 22–26. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/404/3
11. Sergeeva, A. (2013) *Kitayskiy yazyk kak instrument realizatsii "kitayskoy mechty"* [The Chinese language as a tool for the realization of the "Chinese dream"]. [Online] Available from: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskiy-yazyk-kak-instrument-realizatsii-kitayskoy-mechty/. (Accessed: 10th December 2016).
12. Sas'kova, E. (2016) Alfavit kitayskogo yazyka kak element yazykovoy politiki KNR [Alphabet of the Chinese language as an element of the Chinese language policy]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 1. [Online] Available from: http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62296. (Accessed: 10th December 2016).
13. Teachingchinese.net. (2012) 创新中心 [Peking University of Language and Culture opened the International Coordination Innovation Center for Languages and Cultures of Surrounding Countries]. [Online] Available from: http://www.teachingchinese.net/?p=2878. (Accessed: 14th January 2017). (In Chinese).
14. Evdokimov, E. (2009) Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve [China's policy in the global information space]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 1. pp. 74–83.
15. Zav'yalova, O. (2016) Yazyki Kitaya: noveyshie issledovaniya i otkrytiya [Languages of China: Recent Research and Discoveries]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. pp. 139–143.
16. Burov, V. (2013) Mezhdunarodnaya Assotsiatsiya kitayskogo yazyka [The International Association of the Chinese Language]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' – Oriens*. 4. pp. 176–184.
17. *People's Daily*. (2017) [Learning Chinese: a good or a threat?]. [Online] Available from: http://www.hanban.edu.cn/article/2017-01/06/content_670898.htm. (Accessed: 23rd January 2017). (In Chinese).
18. Guruleva, T. & Makarov, A. (2010) Stanovlenie i razvitie novogo lingvisticheskogo napravleniya v kontekste rossiysko-kitayskogo mezhtsivilizatsionnogo vzaimodeystviya [Formation and development of a new linguistic direction in the context of Russian-Chinese intercivilizational interaction]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. pp. 158–163.
19. *People's Daily*. (2002) [Who needs the Chinese language?]. [Online] Available from: http://www.people.com.cn/GB/paper39/ 7945/754135.html. (Accessed: 19th January 2017). (In Chinese).
20. *People's Daily*. (2016) [Cooperation between Russia and China does not affect US-China relations]. [Online] Available from: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2016-07/04/content_1692504.htm. (Accessed: 28th January 2017). (In Chinese).

Received: 05 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 30–35. DOI: 10.17223/15617793/417/5

УДК 94 (470) «18»

В.П. Бойко

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Рассматриваются творчество русского писателя И.С. Тургенева как источник по истории экономической и общественной мысли России второй половины XIX в. и его отношение к процессу зарождения отечественной буржуазии. Делается попытка выявить причины негативного отношения писателя к новым явлениям социально-экономической жизни страны и той роли, которую играли в ней предприниматели. Автор приходит к выводу, что в произведениях Тургенева наблюдается все возрастающий интерес к предпринимательству купцов, которые были заинтересованы, прежде всего, в собственном обогащении и не стремились занять в стране лидирующие позиции, как это было на Западе.

Ключевые слова: история; Россия; И.С. Тургенев; купцы, предпринимательство.

История России могла кардинально измениться в конце 1825 – начале 1826 г., когда произошло восстание декабристов в Петербурге и на Украине. Если бы это восстание завершилось положительно, то главным его результатом была бы отмена крепостного права, ведь именно этот пункт был коренным положением всех программных документов. После разгрома движения декабристов и начала периода реакции эта освободительная акция отодвинулась на второй-третий план и осталась только в мечтах просвещенных и прогрессивно настроенных людей, которых в стране насчитывалось единицы, и одним из них стал 24-летний выпускник Петербургского университета Иван Тургенев. В декабре 1842 г. он написал черновой вариант статьи «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», которую готовил не только для публикации, но и как образец своих будущих занятий в комиссиях, подготавливавших освобождение крепостных крестьян. Однако время для результативной работы таких комиссий еще не подошло, и подготовительные материалы стали одной из составных частей первого и самого известного произведения И.С. Тургенева – «Записок охотника», которые позднее А.И. Герцен назвал «шедевром», «поэтической обвинительной речью против крепостничества» [1. С. 228]. Некоторое время Тургенев даже служил в Министерстве внутренних дел, надеясь, что его привлекут к разработке проектов по освобождению крестьян, но в результате секретных работ в 1846 г. был получен правительственный документ, подтверждавший незыблемость власти помещика над своими крещеными душами, т.е. крестьянами как орудием и опорой самодержавной власти [2. Т. 1. С. 356].

В начале 1847 г. в № 1 журнала «Современник» в разделе «Смесь» был издан первый рассказ «Записок охотника» под названием «Хорь и Калиныч», который начинается с тонкого этнографического сопоставления орловских и калужских крестьян: «Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах» [2. Т. 1. С. 7]. Стоит ли говорить, что жители лесного калужского, вятского, вологодского, архангелогородского и некоторых других краев были в большей степени расположены к предпринимательству и перемещению на восток, в Сибирь, где их талантам открывалось более широкое и благоприятное поле деятельности, чем в коренной (Европейской) России. Об этом писал много поездивший по Сибири и другим краям страны С. Турбин: «Замечание, сделанное И.С. Тургеневым, при сравнении калужского крестьянина – торговца, промышленника и отчасти земледельца, с орловским, исключительно пахарем, поразительно верно и применяется всюду в России» [3. С. 51].

Именно из таких предприимчивых крестьян вышли основатели многих известных купеческих родов. Одним из них был род крупных московских чаеторговцев Боткиных, из которого вышли не только умелые дельцы, но и выдающиеся представители отечественной культуры и науки. Василий Петрович Боткин (1810–1869) – автор статей о русской и западной литературе, знаменитой в свое время книги «Письма об Испании» – родился именно в такой семье бывших крепостных крестьян, разбогатевших благодаря своему уму и энергии на чрезвычайно выгодной в начале XIX в. чаеторговле. Боткин учился в Московском частном пансионе, где получил хорошее знание языков, заинтересовался историей живописи и архитектуры, теорией музыки и литературой. В начале 1840-х гг. Боткин был членом кружка Станкевича и Белинского, где в 1842 г. познакомился с И.С. Тургеневым, быстро с ним подружился и в 1845 г. совершил совместное путешествие по Франции. В 1850-е гг. Тургенев и Боткин не только друзья, но и единомышленники, о чем свидетельствует их оживленная переписка. В своих письмах Боткин рассказывал о литературно-общественной жизни Москвы, о последних днях жизни и смерти Н.В. Гоголя, о его похоронах и других заметных явлениях московской жизни. Тургенев критически откликнулся на известную диссертацию Н.Г. Чернышевского «Эстетическое отношение искусства к действительности», в то время как Боткин оценил ее весьма положительно, соглашаясь с тем, что природа есть фундамент искусства. Тургенев же был не согласен с тезисом, что «искусство – суррогат действительности» [4. С. 349].

В конечном итоге переписка «либерального буржуа» Боткина с «либеральным дворянином» Тургене-

вым сводилась к главной теме разговоров в стране среди прогрессивно настроенной публики – желанию содействовать ликвидации крепостного строя. В.П. Боткин хотя и совмещал участие в торговых операциях фирмы своего отца Петра Кононовича Боткина с участием в кружках и перепиской со многими выдающимися деятелями общественного и даже революционного движения в России, но вскоре отошел от активной общественной позиции. В начале 1860-х гг. Боткин отказался от своих прежних радикальных взглядов, а его участие в периодике почти полностью прекратилось, в то время как Тургенев до конца жизни находился в центре значимых в стране событий, всегда сочувствовал и откликался на новые веяния отечественной и зарубежной истории. В то же время В.П. Боткин, оставшись после смерти отца старшим в семейном деле, имел незыблемый авторитет и настоял, чтобы все младшие братья получили университетское образование; один из них, Сергей Петрович, стал выдающимся русским врачом.

Главным и наиболее убедительно прописанным персонажем рассказа «Хорь и Калиныч» является, конечно, крестьянин по прозвищу Хорь. Свое прозвище он получил за то, что выделился из деревенской общины и поселился на отстроенном в лесу хуторе. На барские работы он и члены его семьи не привлекались, но платили своему барину значительный денежный оброк. В результате его хозяйство и семья процветали: усадьба состояла из нескольких сосновых срубов, в которых проживало семьями восемь старших и два младших неженатых сына. Все они состояли при деле своего отца, т.е. занимались мелким и средним предпринимательством, держали крепкое хозяйство, платили помещику оброк в сто рублей и на жизнь, как говорится, не жаловались. Из таких семей вышли многие крупные российские купеческие роды, которые занимались преимущественно изготовлением льняных, а потом и хлопчатобумажных тканей сначала в своих избах, затем в кустарных мануфактурах и на фабриках, где трудилось уже по несколько сотен, а то и тысяч рабочих. К их числу можно отнести сложившиеся династии Гучковых, Крестовниковых, Мамонтовых, Морозовых, Прохоровых, Рябушинских, Третьяковых, Боткиных и другие известные в отечественной истории фамилии [5–7].

В рассматриваемом рассказе И.С. Тургенев примечает ростки новых отношений в российской действительности в середине XIX в. По его мнению, это произошло благодаря беседам с Хорем: «Он много видел, много знал, и от него я многому научился. Например, из его рассказов узнал я, что каждое лето, перед покосом, появляется в деревнях небольшая тележка особенного вида. В этой тележке сидит человек в кафтане и продает косы. На наличные деньги он берет рубль двадцать пять копеек – полтора рубля ассигнациями; в долг – три рубля и целковый. Все мужики, разумеется, берут у него в долг. Через две-три недели он появляется снова и требует денег. У мужика овес только что скошен, стало быть, заплатить есть чем; он идет с купцом в кабак и там уже расплачивается. Иные помещики вздумали было покупать сами косы за наличные деньги и раздавать в долг мужикам по той же цене; но мужики оказались недовольны и даже впали в уныние…» [2. Т. 1. С. 14–15]. Писатель беседовал с Хорем о многом и проникся большим уважением к его уму и познаниям, хотя грамоты он сам и все его сыновья, кроме любимца Феди, не знал. «Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычагом не выворотишь, как выражаются мужики, жерновом не вымелешь. Он действительно понимал свое положенье. Толкуя с Хорем, я в первый раз услышал простую, умную речь русского мужика» [Там же. С. 16]. Эти качества «государственного», во все вникающего человека, хотя и простого звания, выгодно оттеняются легковесными рассуждениями и поступками его барина – калужского мелкого помещика Полутыкина, над которым Тургенев слегка посмеивается. Это следует из самой фамилии помещика, его небольших слабостей, главными из которых являются его бесхозяйственность и наивность, хотя он и был «страстным охотником и, следовательно, отличным человеком». Видимая логическая ошибка в этом утверждении также дополняет ироническую характеристику помещика, который любил свататься ко всем богатым невестам губернии, и, получив отказ всем жаловаться на несправедливость судьбы, имел в доме французскую кухню, которая, по мнению повара, «состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба – грибами, макароны – порохом; зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв форму ромба или трапеции» [Там же. С. 8]. Поэтическая натура другого крепостного крестьянина помещика Полутыкина также показывает несправедливость положения, когда один человек является, по сути, собственностью другого, когда ради прихоти барина Калиныч забрасывает свое хозяйство, семью, целыми днями и неделями сопровождает его на охоте, не получая взамен ничего, включая расходы на обувь, над чем беззлобно подтрунивает его закадычный товарищ Хорь.

И.С. Тургенев прекрасно знал, что крепостной крестьянин не имел никаких юридических прав и свою собственность записывал на имя своего помещика. Когда его литературный критик и заинтересованный корреспондент Иван Васильевич Анненков (1812–1887) усомнился в правдивости рассказа Тургенева «Постоялый двор», то писатель ему отвечал: «Человек крепостного состояния не *имеет* (выделено автором. – *В.Б.*) приобретать собственность иначе, как на имя своего господина (не далее как неделю тому назад я дал доверенность одному моему богатому мужику в Тамбове – купить 150 десятин на его деньги – и на мое имя), притом вся рассказанная мною история буквально совершилась в 25 верстах отсюда – и “Наум” жив и процветает до нынешнего дня» [4. С. 484]. А история, описанная Тургеневым в этом рассказе, напоминает ситуацию, которую рассказал позднее Н.С. Лесков в повести «Леди Макбет Мценского уезда», когда ради вспыхнувшей страсти к молодому приказчику молодая жена предает деловые интересы мужа и тот в результате теряет все. Только у Тургенева эта драма обошлась без крови, и предан-

ный муж отправляется в странствие по святым местам: «Везде, куда только стекаются богомольные русские люди, можно увидеть его исхудавшее и постаревшее, но все еще благообразное и стройное лицо: и у раки св. Сергия, и у Белых берегов, и в Оптиной пустыне, и в отдаленном Валааме; везде бывал он…» [2. Т. 5. С. 306]. Его же счастливый соперник Наум хозяйничал на постоялом дворе лет пятнадцать, потом выгодно сбыл его другому мещанину, а сам занялся хлебной торговлей и разбогател сильно. «Но надолго ли?» – задает риторический вопрос автор и тут же отвечает на него: «Не такие столбы валились и злому делу рано или поздно приходит злой конец» [Там же. С. 307]. Такое отношение к нажитому неправедным путем богатству было широко распространено среди народа и сильно мешало развитию отечественного предпринимательства, особенно на начальной его стадии в дореформенный период.

В другом рассказе Тургенева «Уездный лекарь» речь идет о докторе, которого вызвал к себе писатель, заболевший после охоты «с отъезжего поля», т.е. поздней осенью. Доктор был «малый неглупый, выражался бойко и довольно забавно. Странные дела случаются на свете: с иным человеком и долго живешь вместе и в дружеских отношениях находишься, а ни разу не заговоришь с ним откровенно, от души; а с другим же едва познакомиться успеешь – глядь, либо ты ему, либо он тебе, словно на исповеди, всю подноготную и проболтал» [2. Т. 1. С. 39]. Словом, рассказал уездный лекарь Трифон Иванович историю про свою вспыхнувшую невольно страсть к смертельно больной девушке, которую он не смог вылечить привычными тогда средствами – кровопусканием, микстурами и горчичниками. Вскоре она скончалась, но в памяти доктора этот несостоявшийся роман остался как светлая и романтическая история, в то время как жизнь у него сложилась, как он сказал, вполне прозаически: «Ведь я с тех пор в законный, как говорится, брак вступить успел… Как же… Купеческую дочь взял: семь тысяч приданого. Зовут ее Акулиной; Трифону-то под стать. Баба должен я вам сказать злая, да благо спит целый день…» [Там же. С. 47]. Налицо привычные стереотипы в отношении купцов и купеческих дочерей: можно взять богатое приданое, но потом терпеть всю оставшуюся жизнь попреки и несправедливости.

В других произведениях И.С. Тургенева также довольно часто упоминаются купцы, но обязательно при этом присутствует какая-либо материальная выгода или плутовство, которые стали одной из главных характеристик русского купечества в отечественной литературе начиная с Н.В. Гоголя. Впрочем, внешний вид купцов был солиден. Например, однодворец Овсянников из одноименного рассказа в «Записках охотника» был одет как купец: «Носил он просторный синий сюртук с длинными рукавами, застегнутый доверху, шелковый лиловый платок на шее, ярко вычищенные сапоги с кистями и вообще с виду был похож на зажиточного купца» [Там же. С. 56]. Приметил И.С. Тургенев и еще одну особенность внешнего вида состоятельных людей в России: «Заметим кстати, что с тех пор как Русь стоит, не бывало еще на ней раздобревшего и разбогатевшего человека без окладистой бороды; иной весь свой век носил бородку жидкую, клином, – вдруг, смотришь, обложился кругом словно сияньем, – откуда волос берется!» [2. Т. 1. С. 127]. Здесь же, в рассказе «Контора», передано главное отличие образа жизни купца от дворянского уклада словами приказчика, который в барском имении был на должности дежурного конторщика: «И живет-то купец по простоте, по-русскому, по-нашенскому: поедешь с ним в дорогу, – он пьет чай, и ты пей чай; что он кушает, то и ты кушай. Купец… как можно: купец не то что барин. Купец не блажит; ну, осерчает – побьет, да и дело с концом. Не мозжит, не шпыняет… А с барином беда! Всё не по нем: и то нехорошо, и тем не угодил» [Там же. С. 141]. Это говорит представитель управленческого, по сути дела бюрократического, аппарата крупного поместья, численность которого была весьма значительна и доходила до нескольких десятков человек, а хитрость, с которой эти управленцы обкрадывали своих помещиков, была, может быть, и изощреннее, чем у государственных чиновников.

В рассказах «Бурмистр» и «Контора» только приоткрывается тайна обогащения: притеснение слабых, обман и мошенничество, предварительный сговор, прямое воровство – вот неполный перечень уголовных преступлений, которые совершали посредники между помещиками и крестьянами, которые довольно часто привлекали себе в союзники купцов. Купцы быстрее и эффективнее находили общий язык с разного рода приказчиками и управляющими, в то время как с дворянами, особенно родовитыми и чиновными, держать себя еще не умели. Время их торжества наступит после освободительных реформ правительства Александра II и выдвижения на первое место капиталов, а не чинов и званий. А пока, в середине XIX в., присутствуя на игре в биллиард в трактире на Лебедянской ярмарке, когда один из игроков сделал эффектный удар, даже свое одобрение и восхищение купец должен был высказывать осторожно: «Князь с треском положил желтого в крайнюю лузу. “Эк”, – одобрительно крякнул всем животом толстенький купец, сидевший в уголку за шатким столиком на одной ножке, крякнул и оробел. Но, к счастью, никто его не заметил. Он отдохнул и погладил бородку» [Там же. С. 173]. Кстати, о бородах: в Николаевскую эпоху во второй четверти XIX в. купцы носили бороды повсеместно, это было их правом и отличительным знаком, в то время как у чиновников и дворян ношение бороды являлось определенным вызовом. На бороды у представителей господствующего класса смотрели подозрительно. Например, в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» приезжий сановник «с негодованием, доходившем до голода, посмотрел на бороду князя Козельского» [Там же. С. 251]. Одной из причин такого отношения стало участие России в подавлении революционного брожения в Европе, где на баррикадах повсеместно сражались мужчины с бородами и бородками, которые вырастали часто из-за того, что их некогда, да и негде было брить. В результате появился даже тайный циркуляр о запрещении дворянам отпускать бороды, но на практике это при-

вело к моде на бороды, и среди портретов известных русских писателей второй половины XIX в. трудно найти таковой без бороды.

Даже лошадей купцы подбирали по своему вкусу – внешне представительных, но с серьезными изъянами, которые обходились им гораздо дешевле первоклассных рысаков: «Он (жеребец голландской породы. – *В.Б.*) принадлежал к числу лошадей, о которых говорят охотники, что “они секут и рубят, и в полон берут”, то есть на ходу вывертывают и выкидывают передними ногами направо и налево, а вперед мало подвигаются. Купцы средних лет подлюбливают таких лошадей: побежка их напоминает ухарскую походку бойкого полового; они хороши в одиночку, для гулянья после обеда: выступая фертом и скрутив шею, усердно везут они аляповатые дрожки, нагруженные наевшимся до онемения кучером, придавленным купцом, страдающим изжогой, и рыхлой купчихой в голубом шелковом салопе и лиловом платочке на голове» [2. Т. 1. С. 177]. Надо сказать, что стойкое неприятие женщин купеческого происхождения в русской литературе преодолевалось всю вторую половину XIX в., пока не были признаны в начале XX в. кустодиевские красавицы-купчихи, своеобразные эталоны женской красоты. А пока женщинам купеческого сословия отказывали и в образовании, и во вкусе, и в женском обаянии и красоте. Вот их характеристики, сделанные дворянами-неудачниками: «Даша его теперь поперек себя толще, водится с купцами – братьями Кондачковыми, белится и румянится, пищит и бранится» [Там же. С. 203]; «поездка за границу окончательно истощила мои средства, а на купчихе с молодым, но уже дряблым телом, вроде желе, я жениться не хотел, – и удалился к себе в деревню» [Там же. С. 263] и другие нелестные для купчих сравнения.

Одной из черт провинциального, да и московского, купечества считалась страсть к пикникам. Городские сады, по наблюдениям Тургенева, как правило, пустовали, «но если в соседстве города находится жиденькая березовая рощица, купцы, а иногда и чиновники, по воскресным и праздничным дням, охотно туда ездят с самоварами, пирогами, арбузами, становят всю эту благодать на пыльную траву возле самой дороги, садятся кругом и кушают и чайничают в поте лица до самого вечера» [2. Т. 5. С. 174]. Подметил И.С. Тургенев и один из самых распространенных способов формирования крупных капиталов в дореформенной России – откуп, когда предпринимателю, представившему в казну крупный залог, предоставлялось монопольное право на продажу товаров, обложенных акцизом, т.е. дополнительным государственным налогом. Это были товары, пользующиеся неизменным огромным спросом, прежде всего, хлебное вино (водка), соль, табак и табачные изделия, спички и некоторые другие. В рассказе «Странная история» Тургенев так говорит о занятиях старинного знакомого своего отца, который сильно на этом разбогател: «Он занимался откупами, то есть ссужал откупщиков залогами за крупные проценты… “Риск – благородное дело!” Впрочем, и риску было мало» [2. Т. 7. С. 195]. Добавим от себя, что многие сибирские золотопромышленники вышли из откупщиков и стали знаменитыми на всю Россию богачами. Это Поповы, Базилевские, Бенардаки, Мясниковы и некоторые другие, которые смогли свои капиталы переориентировать в середине XIX в. на более доходную и современную область предпринимательства – добычу золота [8. С. 85–87].

Здесь же, в этом рассказе упоминается местная знаменитость – безграмотный, психически неуравновешенный мещанин, который занимался мистикой, т.е. вызывал для желающих за небольшую плату образы умерших родных или знакомых. Надо ли говорить, что этот полублаженный Васенька пользовался от купечества огромным уважением и они часто его посещали, чтобы увидеть своих умерших предков. Автор рассказа посетил этого неграмотного мистика и сам убедился в его способностях, когда увидел загаданный им образ своего гувернера, старомодного старичка Дессера. После долгих размышлений автор рассказа пришел к выводу, что «человек этот, несомненно, обладал значительной магнетической силой; действуя, конечно, непонятным для меня способом на мои нервы, он так ясно, так определенно возбудил во мне образ старика, о котором я думал, что мне показалось, что я его вижу перед глазами…» [2. Т. 7. С. 204]. Отметим, что российское предпринимательство и коммерция в дореформенное время освещены И.С. Тургеневым как зачаточное и примитивное, хотя перспективы их развития очевидны и могут дать позитивные результаты. Через 30 лет в романе «Новь» уже отмечены определенные сдвиги в такой характеристике, показаны некоторые итоги такого развития. Хотя главная идея последнего романа Тургенева заключалась в развенчивании революционного народничества, критическом отношении к народническим иллюзиям, но результаты буржуазного развития страны, носители новых отношений в экономике не вызывают у писателя также никаких симпатий. Именно здесь, в этом романе, им было употреблено слово «буржуй», несущее в себе различную, в большей степени негативную, нагрузку [2. Т. 4. С. 471].

Вот, например, описание лучшей в округе фабрики купца Фалеева, который и был назван первым по Москве алтынником и буржуем: «Фабрика, очевидно, была в полном расцветании и завалена работой; отовсюду несся бойкий гам и гул непрестанной деятельности: машины пыхтели и стучали, скрыпели станки, колеса жужжали, хлюпали ремни, катились и исчезали тачки, бочки, нагруженные тележки; раздавались повелительные крики, звонки, свистки; торопливо пробегали мастеровые в подпоясанных рубахах, с волосами, прихваченными ремешком, рабочие девки в ситцах: двигались запряженные лошади… Людская тысячеголовая сила гудела вокруг, натянутая как струна. Всё шло правильно, разумно, полным махом; но не только щегольства или аккуратности, даже опрятности не было заметно нигде и ни в чем…» [2. Т. 7. С. 261]. Под стать таким фабрикам в романе «Новь» были изображены и хозяева новой жизни, купцы и фабриканты: «Купец Голушкин, с которым предстояло познакомиться главному герою романа революционеру Нежданову, был сын разбогатевшего торговца москательным товаром – из староверов-

федосеевцев. Сам он не увеличил отцовского состояния, ибо был, как говорится, жуир, эпикуреец на русский лад – и никакой торговой сообразительности в делах не имел. Это был человек лет сорока, довольно тучный и некрасивый, рябой, с небольшими свиными глазками; говорил он очень поспешно и как бы путаясь в словах; размахивал руками, ногами семенил, похохатывал… вообще производил впечатление парня дурковатого, избалованного и крайне самолюбивого… Эта же самая страсть, победившая в нем прирожденную скупость, бросила его, как он не без самодовольства выражался, в оппозицию (прежде он говорил просто “в позицию”, но потом его научили) – свела его с нигилистами: он высказывал самые крайние мнения, трунил над собственным староверством, ел в пост скоромное, играл в карты, а шампанское пил, как воду» [2. Т. 7. С. 267–268].

Впрочем, при малейшей опасности, угрозе со стороны властей вся оппозиционность у купца Голушкина исчезла, и он «всё и всех выдает, желает перейти в православие, жертвует в гимназию портрет митрополита Филарета и препроводил уже пять тысяч рублей для раздачи “увечным воинам”» [2. Т. 4. С. 383]. Такой образ купца с преувеличенно комическими чертами довольно часто встречался в литературе пореформенного периода, хотя в жизни, конечно, таких купцов можно видеть довольно редко. Господствующим типом был купец расчетливый, деловой, хваткий до любой прибыли, каким был, например, владелец уже описанной выше фабрики купец Фалеев. По словам его управляющего Соломина, это был человек «из новых», который «тряпки не сосет», т.е. своего не упустит, но в поведении «вежлив очень – и рукавчики носит, – а глаз всюду запускает, не хуже старого. Сам шкурку дерет – и сам приговаривает: “Повернитесь-ка на этот бочок, сделайте одолжение; тут есть еще живое местечко… Надо его пообчистить!”» [Там же. С. 348]. Купцам, по мнению Соломина, скоро будут принадлежать не только фабрики и заводы, но и земли, которыми нынешние владельцы, помещики и чиновники хотя и владеют, но получать с них доход, так и не научились. Купцы же, используют свои способы обогащения, которые можно назвать одним словом – «хищничество».

Одним из немногих положительных героев нового буржуазного времени у И.С. Тургенева стал механик и управляющий фабриками Василий Федотович Соломин. Соломин у него «настоящий», не выдуманный, он определенно нравится писателю как представитель народа, получивший образование за границей и реализовывавший свои таланты на родине. Однажды его фабрику посетил какой-то важный английский мануфактурист и от того ли, «что Соломин с ним по-английски говорил, или он точно был поражен его сведениями – только он всё его по плечу хлопал, и смеялся, и звал его с собою в Ливерпуль» [Там же. С. 310]. В самом деле, оказавшись на чужой фабрике, и не текстильной, на которой он работал и для этого учился два года в Англии, а на писчебумажной, Соломин чувствовал себя как дома: «Он клал руку на машину, как ездок на шею лошади; тыкал пальцем колесо – и оно останавливалось ли начинало вертеться; брал на ладонь из чана немного того месива, из которого выделывается бумага – и оно тотчас показывало свои недостатки» [2. Т. 4. С. 317]. Но не только знание техники отличает Соломина от большинства персонажей романа «Новь», ему удается дать ответ на актуальные социальные вопросы. Например, он определяет причину неудач предпринимательства у дворян: «Тут нужен коммерческий расчет; тут всё надо поставить на другую ногу; выдержка нужна. Дворяне этого не соображают. Мы и видим сплошь да рядом, что они затевают суконные, бумажные и другие фабрики, а в конце концов – кому все эти фабрики попадают в руки? Купцам» [Там же. С. 318]. Тургеневский Соломин не поддается общественному ослеплению как «слева», так и «справа». В этом он похож, как отмечал в свое время критик Д.Н. Овсянико-Куликовский, на другого героя эпохи – Базарова, который также был человеком дела, но был в большей степени ненастоящим, вымышленным образом, и потому он преждевременно умирает. А Соломин – человек надежный, деятельный, волевой, добряк и меньше всего эгоист [9. С. 109]. Поэтому он в романе избегает репрессий и смерти, женится на одной из тургеневских девушек, ушедших в революцию, Марианне, увлекает преданных ему рабочих на переезд в новые края и основывает там, в Перми, небольшой заводик на артельных началах.

Это уже было продолжением дел, которые начинали в свое время на востоке страны ссыльные декабристы, основавшие первые в стране кооперативные союзы. Мирный переход к справедливому переустройству мира, эволюционное движение в этом направлении были естественными как в сознании дворянских революционеров, утерявших к тому времени свой радикализм, так и «западников», видевших развитие страны на пути западной капиталистической цивилизации. Это уже был более реалистичный путь развития страны, который, к сожалению, в России не осуществился, хотя попытки модернизировать аграрный строй в России были.

В начале XX в., после подавления революции 1905–1907 гг., которая была в основном крестьянской, С.Ю. Витте, а затем и П.А. Столыпин предложили свой вариант модернизации страны. Затевая свои реформы, опоздавшие почти на 50 лет, П.А. Столыпин имел, вероятно, в виду, что конечным результатом его деятельности на посту главы правительства станет значительный слой зажиточных мужиков, которые будут жить отдельно от общины на своих хуторах или отрубах, политикой не будут интересоваться, поскольку всем довольны и всеми силами будут поддерживать консервативные порядки и царский режим. Другими словами, это будет время тех мужиков-хуторян, о которых Тургенев говорил за полвека до этого в рассказе «Хорь и Калиныч». Однако, разрушая общину как пережиток прошлого и источник революционного брожения, Столыпин потревожил хрупкий мир российской деревни, которая в условиях малоземелья мечтала не о переделе тощих крестьянских наделов, а об обширных жирных помещичьих и государственных землях, которые должны были, по их мнению, принадлежать тем, кто на них работает. Пар-

тия социалистов-эсеров, а вслед за ними и партия большевиков в своих программах такие положения имели, и эта вековая крестьянская мечта увлекла за ними в 1917 г. крестьянские и солдатские массы. В результате эсеры выиграли выборы во Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было законным путем определить государственное устройство страны и основные принципы внешней и внутренней политики, но было грубо разогнано большевиками, которые поначалу щедро разделили землю между крестьянами, а затем их беспощадно ограбили в период коллективизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1965. Т. 8.
2. Тургенев И.С. Собр. соч. : в 12 т. М. : Худож. лит., 1975.
3. Турбин С. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки С. Турбина и старожила. СПб., 1872.
4. Переписка И.С. Тургенева в двух томах. М. : Худож. лит., 1986. Т. 1.
5. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М. : Наука, 1989.
6. Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики: Семейные хроники. М. : ВЛАДОС-МПГУ, 1993.
7. Бурышкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М. : Высш. шк., 1991.
8. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009.
9. Овсянико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. Т. 2: И.С. Тургенев. СПб. : Обществ. польза; Прометей, 1909.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 апреля 2017 г.

RUSSIAN BUSINESS ORIGIN AND DEVELOPMENT IN I. S. TURGENEV'S WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 30–35.
DOI: 10.17223/15617793/417/5

Vladimir P. Boyko, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Keywords: history; I.S. Turgenev; merchants; entrepreneurial business.

The aim of the article is to study the origin and development of Russian business in the second half of the 19th century. The main sources are pieces of art of the great Russian writer Ivan Turgenev, his correspondence with Russian public figures, writers and critics. Many aspects of the economic and cultural development of the country were described in these written works. Turgenev was an active opposer of serfdom in Russia and did a lot for its abolition. The main charges against this system were the famous "Notes of a Hunter", which shows the negative side of serfdom and ways to overcome it. One of the progressive ways of the country's development was the emergence of the first entrepreneurs from people's, especially peasants', environment; they combined the desire for freedom and commercial calculation. Such a national entrepreneur became the peasant, nicknamed Hor', who had stood out of the community and got settled far in the forest. His family and he did not work for the landlord, but paid him large cash rents. As a result, his family with two younger unmarried sons and his eight sons' families prospered and lived happily in a farmstead consisted of several pine log cabins. All his children took part in father's business: they were involved in small and average business, and run their strong economy. They paid the landlord's dues of a hundred rubles, and saved a small start-up capital, which they were ready to invest on occasion. From these families came many large Russian merchant dynasties. They were mainly involved in the manufacture of linen and later cotton fabrics. First they did their business in their log huts, then in manufactories, and then in factories that employed several hundred or even thousands of workers. There formed the dynasties of the Guchkovs, the Krestovnikovs, the Mamontovs, the Morozovs, the Prokhorovs, the Ryabushinskys, the Tretyakovs, the Botkins and other well-known names in the country's history. Ivan Turgenev correctly noted the sprouts of the new relations in the Russian reality of the second half of the 19th century. The article concludes that both Russian business and commerce in the pre-reform period are highlighted as rudimentary and primitive, although the prospects for their development was evident and could give positive results. 30 years later, some progress in commerce was marked in the novel *Virgin Soil*. Although the main idea of Turgenev's last novel was the rebuking of revolutionary populism, in fact, the results of the bourgeois development and the heroes of the new economic relations also did not cause Turgenev's positive emotions. It was in this novel that the word "bourgeois" was used with different meanings, but mostly negative. However, there were energetic and enterprising people among factory managers and workers who the domestic economy could rely on.

REFERENCES

1. Herzen, A.I. (1954–1965) *Sobr. soch.: v 30 t.* [Works: in 30 vols]. Vol. 8. Moscow: USSR AS.
2. Turgenev, I.S. (1975) *Sobr. soch.: v 12 t.* [Works: in 12 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Turbin, S. (1872) *Strana izgnaniya i ischeznuvshie lyudi. Sibirskie ocherki S. Turbina i starozhila* [Country of exile and disappeared people. Siberian essays of S. Turbin and the old-timer]. St. Petersburg: Izdanie K.N.Plotnikova.
4. Khudozhestvennaya literatura. (1986) *Perepiska I.S. Turgeneva v dvukh tomakh* [Correspondence of I.S. Turgenev in two volumes]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Bokhanov, A.N. (1989) *Kollektsionery i metsenaty v Rossii* [Collectors and patrons of art in Russia]. Moscow: Nauka.
6. Kuz'michev, A. & Petrov, R. (1993) *Russkie millionshchiki: Semeynye khroniki* [Russian millionaires: Family chronicles]. Moscow: VLADOS-MPGU.
7. Buryshkin, P.A. (1991) *Moskva kupecheskaya: Memuary* [The merchant Moscow: Memoirs]. Moscow: Vysshaya shkola.
8. Boyko, V.P. (2009) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX v. Ocherki sotsial'noy, otraslevoy i mental'noy istorii* [Merchants of Western Siberia in the late 17th–19th centuries. Essays on social, industrial and mental history]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
9. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1909) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 2: I.S. Turgenev. St. Petersburg: Obshchestv. pol'za; Prometey.

Received: 11 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 36–48. DOI: 10.17223/15617793/417/6

УДК 395+397+398

В.А. Бурнаков, Д.Ц. Цыденова

ХОЗАН ТÖС – ЗАЯЧИЙ ФЕТИШ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОБРЯДНОСТИ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)

Рассматривается традиционный мифо-ритуальный комплекс хакасов, связанный с фетишем *«Хозан тöс»*. Хакасы видели в нем могучего духа-покровителя, а представители рода *Пӱрӱт* воспринимали даже в качестве тотема. В отношении этого божка была выработана определенная система норм обращения с ним. Она выражалась в особых ритуалах почитания, его строгой периодичности, посвящении животных – *ызых'ов*, специфике жертвенных подношений и прочее. В его функцию входили защита и обеспечение благоприятных условий жизни людей, успех в хозяйственной деятельности, сохранение здоровья и др.

Ключевые слова: хакасы; традиция; культ; миф; обряд; фетиш; *тöс*; заяц; *Хозан / Ах тöс*.

В культуре хакасов особое место отводилось образу зайца. Он получил широкое распространение в мифо-ритуальной практике, в том числе в виде фетиша [1. С. 112], выступающего также в роли тотема. Отметим, что в этнографии под фетишами принято понимать отдельные материальные объекты, к которым наблюдается особое, религиозное отношение [2. С. 33–34; 3. С. 212]. Термин «тотем» в нашем случае обозначает почитаемое животное, с которым связывается вера в сверхъестественное родство и особую сакральную преемственность определенной группы людей (рода) [2. С. 70–71]. В качестве синонима данных ритуальных изделий будет использоваться слово «божок», получившее наряду с другими широкое распространение в исторических источниках [4. С. 7; 5. С. 101].

Рассматриваемые культовые предметы именовались хакасами *тöс'ами*. В мировоззрении хакасов фетиши *тöс'ы* олицетворяли собой различных по своей природе духов и четко выделялись своей функциональной спецификой. Соответственно, они были разнообразны по формам и материалам, из которых изготавливались. В отношении каждого из них бытовал особый обрядовый комплекс. Вплоть до середины XX в. *тöс'ы* были широко распространены в ритуальной сфере этого народа. Они имелись практически в каждой хакасской семье. Большой популярностью среди них пользовался *Хозан тöс* – 'заячий фетиш'.

Данный *тöс* привлекал к себе внимание многих исследователей, в трудах которых встречаются интересные сведения об этом культовом изделии, вместе с тем приходится признать, что во многом они носят отрывочный и разрозненный характер. Отметим, что до сих пор отсутствует обобщающая работа по рассматриваемой проблематике. Цель статьи – системное рассмотрение заячьего фетиша и его места в мифологических представлениях и обрядности хакасов с учетом новых этнографических материалов.

Хозан тöс – 'заячий фетиш': разнообразие имен и форм

Хозан тöс – 'заячий фетиш' считался одним из ключевых духов-покровителей людей и их хозяйства. В народном быту заячий божок, помимо уже обозначенного, имел такие известные названия, как *Ах тöс* – 'Белый *тöс*', *Чоғархы тöс* – 'Верховный *тöс*', *Ызых тöс* – 'Священный *тöс*', *Ингархы тöс* и др. [1. С. 112; 6. С. 30; 7. С. 340; 8. С. 99; 9. С. 411, 505–507; 10. С. 51, 61, 104; 11. С. 123–124; 12. С. 8, 10; 13. С. 120–122; 14. Л. 88]. В отношении него не только использовались различные наименования, но и были распространены многообразные формы его символического изображения (рис. 1–3).

Рис. 1. Один из вариантов *Хозан / Ах тöс'а*. Реконструкция (художник Д.Ц. Цыденова)

Рис. 2. Один из вариантов *Хозан / Ах тöс'а*. Реконструкция (художник Д.Ц. Цыденова)

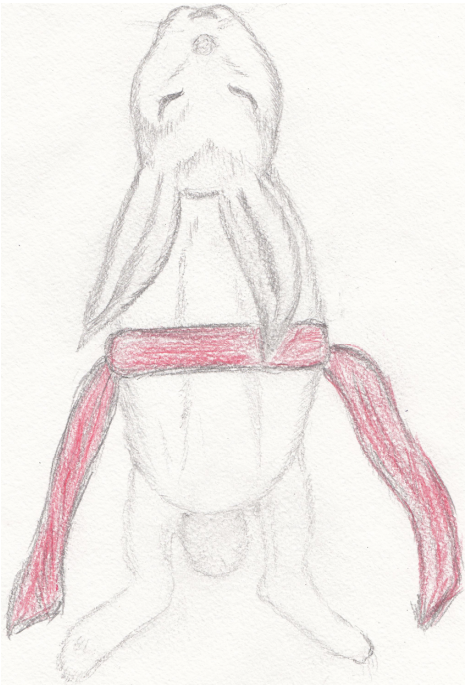

Рис. 3. Один из вариантов *Хозан / Ах тӧс'а*. Реконструкция (художник Д.Ц. Цыденова)

По материалам дореволюционных исследователей у сагайцев и качинцев[1] *Хозан тӧс* обычно представлял собой конструкцию, состоявшую из вилообразной березовой палки высотой 1–1,5 м. На самой развилке крепилась голова зайца белого цвета. К концам рогатины с обеих сторон повязывались «косички», сплетенные из волоса коня соловой масти. Туда же иногда прикреплялись кусочки шкур бобра, выдры и соболя. Кроме того, к заячьим ушам пришивались кусочки ткани красного цвета. На голову фетиша надевалась берестяная шапка цилиндрической формы. Его помещали в специально изготовленный берестяной короб [7. С. 340; 8. С. 100; 9. С. 411–597; 10. С. 51, 61; 15. Л. 28, 37 об.]. В.Я. Бутанаев дополнил и уточнил описания предшественников следующими деталями. Так, например, в глазницы заячьей головы, по данным исследователя, вставлялись синие бусины, олицетворявшие глаза этого духа. Кроме того, одна косичка *тӧс'а* могла сплетаться из волос, взятых с хвоста буланого коня, другая – от солового. А туловище божка порой опоясывалось красной лентой – *чалама* [13. С. 120].

В архивных материалах «Этнографической экспедиции Томского государственного университета в Хакасию в 1970-х гг.» также представлены оригинальные сведения о различных внешних вариациях *Хозан тӧс'а*, в прошлом бытовавших у местного населения. Исследователи зафиксировали, что при оформлении фетиша могла использоваться не только заячья голова, но и такие части тела, как шея и передние лапы. В связи с этим в документах отмечалось: «Бралась высокая развилка, между ними укреплялась заячья голова, отрезанная вместе с шеей, потом на все это надевалась берестяная шапка в виде туеска (*тӧс пӧрік*)» [16. Л. 7]. «Ах тӧс – это голова зайца с передними лапами, насаженная за уши на развилку (ок. 1 м длиной). Эти лапки обшиваются красным материалом» [17. Л. 28].

А.В. Адрианов сообщает еще об одной разновидности изображения этого фетиша у обозначенных субэтнических групп хакасов. Основное отличие описываемого им варианта божка заключается опять-таки в специфике изображения заячьей символики – главным образом, в использовании лишь шкурки этого зверя. Автор писал: «Ак-тӧс представляет таловую палку около 2 арш., с развилиной, к которой подвешена передняя часть заячьей шкурки, накрытая берестяным футляром» [18. С. 519]. Добавим, что в материалах одного из православных миссионеров XIX в. также представлен схожий вариант «шайтана для благополучия людей и скота». Божок представлял собой содранную с головы белого зайца-ушкуна шкурку. Она была надета на палку и снизу обвязана красной лентой [19. С. 180].

Следует обратить внимание, что в историко-этнографической литературе встречаются описания и иных вариантов изображений *Хозан тӧс'а* у хакасов. Так, например, Д.А. Клеменц повествует об одном из таковых, увиденных им у кызыльцев. На нем вместо цельной головы были представлены лишь заячьи уши, очевидно, выступавшие одним из ключевых маркеров этого животного, по поводу чего автор писал: «Ингарха-тюс синоним Хозан-тюс <…> Палка с развилкой около 1½ аршин длиной. На развилках повешены пряди конских волос, заплетенные в косы, и два заячьих уха. Сверху закрыт длинным берестяным туясом» [6. С. 30].

В 1970-е гг. М.С. Усманова в ходе полевых этнографических исследований в Хакасии подтвердила бытование описанных предшественниками вариантов изображений заячьего *тӧс'а* [16. Л. 26; 17. Л. 14]. Исследовательница, помимо того, выявила у кызыльцев новые названия и варианты оформления фетиша. Среди зафиксированных ею наименований были такие, как *Илгеркі тӧс* – '*Тӧс*, располагающийся на полке', *Суг чиҷең тӧс* – 'Пьющий воду *тӧс*' и *Эберга*[2]. По ее сведениям, фетиш изготавливали из цельной заячьей шкурки, но без головы и лап. Посередине опоясывали красной лентой. Оборачивали ее берестой, а сверху закрывали шляпкой из этого же материала; нередко шкурку помещали и в туясок. Все это соединялось с полутораметровой палкой и прикреплялось к иве или березе [20. С. 211; 21. Л. 6; 22. Л. 41]. Помимо этого, этнограф зафиксировала у кызыльцев совершенно новый вариант изготовления этого божка. Так, бралась обычная березовая ветвь длиной 15–20 см. На нее надевалась шапка, сшитая из шкуры белого зайца. Его помещали в берестяной туясок [23. Л. 25].

Локализация в пространстве

В ритуальной практике хакасов *Хозан тӧс* относился к той категории фетишей, которые чаще располагались за пределами жилища. Верили, что их сакральная сила оказывала благотворное воздействие не только на людей, их жилище, но и на домашний скот, а также на все пространство, где они находились. По свидетельству Д.А. Клеменца, заячий *тӧс* «ставят не в

юрте, а за двором, чаще всего у реки» [6. С. 30]. Подобное размещение фетиша подтверждается и материалами Н.Ф. Катанова, писавшего о том, что он устанавливается «не в юрте, а в роще, подальше от улуса. Степные обитатели привешивают его к сенокосной изгороди» [9. С. 411]. Исследователь также сообщал, что, помимо прочего, некоторые хакасы этого божка «привязывают к березе (вместе с веткой) перед селением» [8. С. 99]. На данную локализацию *Хозан тöс'а* обращали внимание и другие исследователи [7. С. 340; 10. С. 51; 18. С. 519].

Вместе с тем согласно собранным М.С. Усмановой новым этнографическим материалам география размещения заячьего фетиша все же была более обширной. Его могли располагать, как уже было отмечено, в отдаленном от людей пространстве, например в местах выгона скота – в степи и в лесу, также в непосредственной близости от жилища, например во дворе, в близлежащих специализированных хозяйственных строениях, где содержались домашние животные [20. С. 211], и даже на крышах домов [21. Л. 10]. Приведем архивные сведения о бытовавших у хакасов вариантах локализаций этого *тöс'а*: «Мы Ах тöс выносили в поле. Сшивали для него коробок из бересты и вешали на березу» [25. Л. 7]; «Ах тöс. Кусочек заячьей шкуры пришивали к березовому или лиственничному прутику. Ставили в лесу, в ложке. Клали его в берестяной туесок» [26. Л. 18]; «Хозан тöс где-нибудь на поле ставили. Вешали на березу. Шахтили[3] ему молоком» [27. Л. 3]; «Раньше у нас вдоль р. Абакана от Сартыкова до Чаптыкова была изгородь, чтобы скот не ходил на покосы. На этой изгороди он [*Хозан тöс*] и находился. Такой тöс был у Трояковых» [16. Л. 26]; «Суғ шежең. Делали из заячьей шкурки. Подвешивают во дворе на иву, кто-то на крышу. Досками закрывали, чтобы никто не трогал» [25. Л. 10]. Широкая вариативность расположения *Хозан тöс'а* в пространстве, по всей видимости, определялась его охранительными и покровительствующими функциями. Они распространялись не только непосредственно на людей, но и на домашнее хозяйство и прежде всего на скот, а также на то пространство, где он пасся.

Хозан тöс – фетиш *сöök'а Пӱрӱт*

Согласно мифологическим представлениям хакасов *Хозан / Ах тöс* изначально считался духом-покровителем лишь *сöök'а* – рода *Пӱрӱт*[4] [1. С. 112–113; 10. С. 104–107; 12. С. 24, 27, 191–192]. В дальнейшем же, как справедливо замечает С.Д. Майнагашев, посредством заключения брачных союзов этот фетиш получил повсеместное распространение. При этом он был воспринят не только остальными качинскими родами, но и иными субэтническими группами хакасов [11. С. 123–124]. Позднее данную реалию у хакасов, вдобавок обусловленную и верой в особую силу качинских фетишей, отмечал и Л.П. Потапов: «Старинные тöси кызыльцы заменяли качинскими. Как правило, кызыльцы обращались к качинским шаманам, привозя их за десятки и даже сотни километров. Своих шаманов у кызыльцев было мало, и они считались менее сильными, чем шаманы качинские» [28. С. 395].

В этой связи представляется уместным привести предание, записанное еще в конце XIX в. Н.Ф. Катановым. В нем отображен процесс распространения *Хозан тöс'а* внутри хакасского народа, произошедшего в результате брачных контактов: «Жили (качинцы) на Песчаном Холме (*Хум Тигей*). Когда жили там, был холостой парень. Потом тот парень отправился в землю, орошаемую Качей. Когда он женился, оттуда сюда (т.е. с Качи на Абакан) перешел и «тöс» (т.е. предмет почитания) той девицы и распространился здесь» [9. С. 505].

Несмотря на широкое распространение культа *Хозан тöс'а* среди хакасов, лишь для представителей *сöök'а Пӱрӱт* заяц в прошлом был абсолютно табуированным животным. Он воспринимался в качестве родового тотема [11. С. 123–124]. Прежде всего, это выражалось в том, что им запрещалось не только убивать и есть зайца, но даже прикасаться к нему [30. С. 192]. В этой связи Д.Е. Хайтун, проводя в 1945–1948 гг. полевые этнографические исследования в Хакасии, со слов стариков записал бытовавшие в прошлом нормы, связанные с этим животным. Ученый сообщал о том, что в прошлом «если кто-либо из членов рода Пӱрӱт увидит зайца, он, боясь нарушить табу, бросается от него бежать. На членов иных сеоков запрет не распространяется, но мужчина, взявший жену из рода Пӱрӱт, соблюдает табу так же строго, как и его жена» [1. С. 112–113]. По традиционным представлениям хакасов, невесткам *сöök'а Пӱрӱт* в отношении к их родовому покровителю и в целом к зайцам также строго предписывалось соблюдение обычая избегания – *хазынас* [13. С. 121]. Со временем значение этого обычая стало существенно ослабевать, но все же не исчезло полностью. Родовой культ в реликтовых формах продолжал бытовать до середины XX в. Оригинальные сведения об этом этнокультурном явлении обнаружены и в архивных материалах томских этнографов: «Моя мать не ела зайца. Даже близко не подойдет, если увидит в лесу. Если застрелишь зайца, то ешь в другом доме <…> Фамилия моей матери Кокова. Мать и невестка не ели мяса зайца. Уважали его, как свекра (Тутатчиков Антон Прокопьевич, 1901 г.р., с. Доможаково)» [14. Л. 88]; «У Кочелоровых был хозан тöс, если их невестка подойдет к нему, то у нее мочевой пузырь заболит» [16. Л. 61]; «У них [представителей *сöök'а Пӱрӱт*] еще нельзя было зайца таскать. Невесткам нельзя было подходить к нему» [31. Л. 15]; «Невесткам, которые выходят замуж за "бюрют" нельзя зайца видеть и есть его» [14. Л. 81]; «Любая невестка, вышедшая за парня из рода Бюрют, боится зайца. Смотреть на него не станет, потому что Бюрют – это зайцы» [Там же. Л. 84]; «Когда таиг[5] делали, женщины синим товаром (дабой) накрывались[6]. Бабы стали бояться ах тöс. Если бабы сööка Пюрют будут есть зайца или близко подходить к ах тöсю, то спина заболит. Заяц – это наш брат, это старший, поэтому бабам нельзя близко подходить» [Там же. Л. 90]; «Мы зайца не боялись, а вот наши невестки боялись зайца. Мясо заячье варили, невесток к нему не подпускали»

[17. Л. 7]; «Килижековы относятся к роду Бюрют. Их женщины не подходили к зайцу. Если ты в заячьей шапке, не входи в ней [в жилище]. Оставь на улице» [Там же. Л. 17]; «Ах тöс обязательно был у всех Бюрют: Соевых, Балыковых, Кыштымовых, Борщиковых и др. Если в деревне есть несколько семей сеока Бюрют, то не обязательно в каждой семье ставить. Можно одного на всех поставить. Их бабы близко к нему не подходили. Если увидят, то убегают» [Там же. Л. 28].

Хозан тöс в обрядовой практике

По религиозно-мифологическим представлениям хакасов, как уже было отмечено, *Хозан тöс* выступал не только в качестве одного из ключевых охранителей рода, но также и покровителем домашних животных, в частности лошадей и овец [6. С. 30; 13. С. 121; 18. С. 519]. По традиции верующие дважды в год совершали особые обряды почитания этого фетиша. Это происходило весной, «как только вернулись птицы», и осенью – «когда пожелтеют листья деревьев и птицы возвратятся в землю [своего] царя» [9. С. 505]. Следует отметить, что исследователи в своих трудах представили несколько различающиеся описания этого ритуала [9. С. 411, 505–507; 13. С. 121–122; 18. С. 519–520]. Вместе с тем в структуре обозначенных сакральных действ обнаруживаются неизменные общие составляющие. Так, например, правом отправления обряда и непосредственного участия в нем обладали только мужчины. Женщины допускались к священнодействию лишь в качестве зрителей. При этом они, облачившись в одежды красного / синего цветов, должны были находиться поодаль. В связи с этим Н.Ф. Катанов писал: «Человек, держащий в руках опахало и обмахивающий, к ним (т.е. к женщинам) близко не подходит. Когда он в шутку хочет подойти, они отбегают, говоря только: “Не подходи, не подходи!”» [9. С. 505–506; 14. Л. 90].

Универсальным явлением у хакасов было и то, что в качестве жертвенного животного всегда выступал молодой баран, и обязательно белой масти. От его туши отделялись особые ритуальные части, непосредственно подносимые *Хозан тöс’у*. Таковыми являлись органы, взятые исключительно с правой стороны, а именно плюсна, нижние ребра, почка и соответствующая половина курдюка. Они отваривалась в отдельном котле. В дальнейшем же, в процессе отправления обряда, произносилось молитвенное обращение к духам-покровителям, в том числе и к заячьему божку. Одновременно с этим голова фетиша обмазывалась жертвенной пищей и окроплялась *арағ’ой*[7] [9. С. 505–506; 18. С. 519].

Основные отличия, отмеченные исследователями, касались лишь локализации обряда, специфики размещения *Хозан тöс’а* во время этого процесса, а также заключительных действий в отношении подносимой этому духу пищи и др. Так, Н.Ф. Катанов сообщает о том, что жертвоприношение совершалось на «юге от улуса». В избранном пространстве устанавливалось «вилообразное дерево, на него между вилами прикалывают Хозан тöс». Причем таким деревом могла быть исключительно только береза. Все обрядовое действо сосредоточивалось вокруг этого установленного верующими сакрального центра. Ключевой фигурой в данном процессе являлся не шаман, а *чильбегчі*[8]. Жертвенная пища в конце ритуала сжигалась [9. С. 505].

По сведениям же А.В. Адрианова, для проведения этого обряда заячий *тöс* специально снимали и перемещали в юрту того человека, который инициировал совершение сакрального действа. Использование березы в нем не зафиксировано. Кроме того, ритуальная пища не сжигалась, а отдавалась на съедение детям [18. С. 519]. Исследователь при этом отмечал, что обряд совершал специально приглашенный для этого шаман. Ученый первым обратил внимание и на тот факт, что основным ритуальным инструментом у отправителя обряда был *сабыт* – специально изготовленная березовая ветвь с прикрепленными к ней цветными лентами-*чалама* белого, синего или красного цветов. Это изделие использовалось им в качестве магического опахала [Там же. С. 520–521].

Согласно материалам Н.Ф. Катанова, помимо обозначенных ритуалов представители *сöök’а Пӱрӱт* один раз в три года проводили особый родовой обряд жертвоприношения *Хозан тöс’у*. Его отправляли в лесу, непосредственно у той березы, к которой был прикреплен фетиш. В качестве жертвенного животного опять-таки выступал белый барашек, но при этом обязательно с желтыми щеками. Животное с подогнутой правой передней ногой трижды обводили по солнцу вокруг дерева и закалывали. Разделанная туша отваривалась в большом котле. Попутно участники обряда мастерили из березовых ветвей жертвенный стол – *сірее / типсі*. На нем располагался чествуемый божок, туда же выкладывалось приготовленное мясо. Как и при обычных ежегодных «кормлениях» заячьего *тöс’а*, в этом случае отбирались соответствующие ритуальные части жертвенной пищи. Они извлекались исключительно с правой стороны туши, главным образом это были часть грудинки, подложное ребро, почка, передняя голень, часть хвоста. Подносимую духу пищу *чильбегчі* с разных сторон развешивал на березу. Перед ней же с западной стороны выстилалась баранья шкура, на которую устанавливался фетиш. Его направляли лицом к огню. Ведущий с молитвенным обращением плескал на дерево *арағ’ой*. Затем жертвенной пищей начинал обмазывать голову *Хозан тöс’а*. Далее руководитель обряда бросал эти ритуальные куски в огонь. После того как подношение сгорало, *тöс* разворачивали лицом на восток. И в это время *чильбегчі* произносил следующее пожелание: «Вернись в свой зимник! Войди в свой зимник!» [8. С. 100; 9. С. 507].

Помимо обязательных периодических жертвоприношений *Хозан тöс’у* дополнительно посвящались специально избранные животные – *ызых’и*, а именно соловый конь и белая без отметин овца [6. С. 30; 8. С. 100; 10. С. 104; 18. С. 520]. Данный обряд обычно совмещался с вышеупомянутыми ритуалами, но мог производиться и независимо от них. То обстоятельство, что фетишу ставили посвящаемых животных – *ызых’ов*, способствовало закреплению за ним такого названия, как *Ызых тöс* [14. Л. 88], которое

определяло его особый статус, так как не каждому фетишу посвящали животных. Подобное наименование использовалось лишь в отношении духов-покровителей очень высокого сакрального уровня. Посвящаемый *Хозан тöс'у* соловый конь считался «старшим *ызых'ом*» и ставился *сöök'ом Пӱрӱт* на девятилетний срок [10. С. 105]. Отметим, что в основных чертах обряд посвящения *ызых'а* этому духу-покровителю совпадал с вышеописанными ритуалами жертвоприношения. В этой связи не будем на нем останавливаться подробно. Акцентируем внимание лишь на специфических элементах.

По сведениям Е.К. Яковлева, руководил обрядом шаман, но без бубна и соответствующего облачения. При этом исследователь пояснял, что сакральное действо мог проводить как шаман, так и «человек, знающий наговоры», названный им «полушаманом»[9]. На месте обряда устанавливалась береза, к которой привязывался посвящаемый конь. Здесь же верующие проводили обряд очищения *ызых'а* путем обмывания молоком и отваром чабреца, а также окуривания. Затем в гриву и хвост коня вплетали по две ленты *чалама* белого и синего цветов. В дальнейшем проводилось жертвоприношение белого барана и подношение соответствующих ритуальных частей его туши духам-покровителям. Обряд завершался гаданием – *терік*. Для этого отвязывали коня. Хозяин клал на круп *ызых'а* чабрец (*ирбен от*) и ставил чашу с *арагʼой*. Затем его пускали вперед. При первых движениях животного сосуд падал. Если он приземлялся дном вниз, то участники восклицали *алтын терік*, что означало успешный результат обряда. В случае же, когда чаша падала дном вверх, произносили *хара терік*, т.е. неудача [10. С. 105–106; 14. Л. 88, 90]. Согласно архивным материалам по завершении ритуала посвящения *ызых'а* его непосредственный хозяин относил заячий *тöс* обратно на свое исконное место – на остров, и высоко прикреплял к березе [Там же].

Вера хакасов в покровительствующую силу *Хозан тöс'а* была велика. Утрата или повреждение фетиша, как полагали, могли негативно отразиться на всей хозяйственной деятельности и в целом благополучии жизни людей, которым он принадлежал. В этнографических материалах, собранных М.С. Усмановой, приводится связанная с этим поверьем история. Согласно повествованию у одной семьи выкрали заячьего божка. И в скором времени стали проявляться последствия этой утраты. У них стал пропадать скот, и над ними нависла угроза полного обнищания. Отец семейства, чтобы не допустить дальнейшего усугубления ситуации, решился на отчаянный шаг. Он сам выкрал этот *тöс* у чужих людей, в результате чего, как полагают верующие, ему удалось сохранить благосостояние своей семьи и рода [17. Л. 17]. В связи с подобными реалиями местное население старалось тщательно следить за своими фетишами, в чем лично пришлось убедиться исследователю П.Е. Островских. Ученый едва не стал невольным участником схожей истории, связанной с *Хозан тöс'ом*. Однажды в ходе своих экспедиционных поездок по Хакасии он обнаружил этот *тöс*. Фетиш располагался за селением. На тот момент исследователь не обладал в полной мере знанием местной традиции и решил прихватить его с собой для музейной коллекции. Этнограф так описывал дальнейшее развитие событий: «Отъехавши от одного улуса с версту, я увидал на изгороди такой тöс; думая, что он уже не имеет религиозного значения, так как казался очень старым и как бы заброшенным, я положил его тотчас же в тарантас; но инородцы увидали с крыши избы и двое из них нагнали меня верхами и потребовали возвратить покражу» [7. С. 340].

Со временем большие коллективные обряды жертвоприношения *Хозан тöс'у* существенно редуцировались и совершались все реже. В советские годы это было связано с глобальными социокультурными изменениями, а также с усилением антирелигиозных кампаний и атеистическим воспитанием населения. В результате этого, например, перестали посвящать заячьему фетишу *ызых'а* коня, так как основная часть этих животных находилась в государственной собственности. Вместе с тем индивидуальные ритуальные действа в отношении него, как и остальных *тöс'ов*, совершались вплоть до 1950–1960-х гг. В этой связи Л.П. Потапов отмечал, что «вплоть до XX в. появлялись все новые и новые тöси, что говорит о жизненности культа» [28. С. 394–395].

Ситуативные акты поклонения *Хозан тöс'у*

В традиционной обрядовой практике хакасов помимо общеродовых обрядов жертвоприношений *Хозан тöс'у* имели распространение и сугубо индивидуальные способы его почитания. Заметим, что в советский период в связи с широкой антирелигиозной борьбой все больше актуализировались индивидуализированные формы ритуального взаимодействия с *тöс'ом*.

Вынужденное незапланированное поклонение этому фетишу верующими объяснялось неожиданно возникшими в их жизни трудностями. Как правило, это были внезапные заболевания людей или домашних животных, частые и продолжительные неудачи в хозяйственной и иной деятельности и т.д. Люди были убеждены, что эти негативные явления могли быть ниспосланы сверхъестественными существами, в том числе и *Хозан тöс'ом*. Полагали, что таким образом заячий божок давал людям понять, что ему требуется дополнительная жертва. Подобная неблагоприятная ситуация нередко объяснялась еще и тем, что были нарушены правила обращения с фетишем. Считалось, что в большинстве случаев несчастье происходило по вине самого заболевшего человека. Верили, что при непочтительном к нему отношении *тöс* мог мгновенно наказать виновника, наслав на него болезни и другие бедствия. Отправление обрядности в данной ситуации не предполагало массовости и, как правило, ограничивалось лишь узким кругом участников. Обычно это был заболевший человек и его самые близкие родственники, а также шаман или знающий старик. Сама программа ритуальных действий была значительно упрощена.

В представлениях хакасов самой распространенной карой *Хозан тöс'а* было причинение сильнейшей боли в спине и чаще – в области поясницы, лопаток и др. [6. С. 30; 12. С. 29; 18. С. 520; 20. С. 211; 31. С. 131]. Вери-

ли, что этот дух из лука невидимыми стрелами поражал данные части тела человека. Для выздоровления же требовались личное раскаяние провинившегося и задабривание фетиша путем принесения ему жертвы. По традиции для разрешения возникшей проблемы нередко обращались еще и к шаману либо *чильбегчі*. Сведения о данной ритуальной практике хакасов представлены в архивных материалах: «Ах тöс вешали за забором, где-нибудь на столбе. Если у человека заболит спина, голова, то режут барана, приглашают шамана. Баран обязательно с черной головой» [17. Л. 28]. «Кормят [*Хозан тöс'а*] молоком, водкой, также как бы мазали, или махали туда-сюда перед ним бараньей костью (*чілің*). Кормят его только мужчины. Женщинам из рода пюрют к нему нельзя подходить, а то внезапно ударит в поясницу, спина при этом отнимается» [16. Л. 7]; «Этот тöс может выстрелить в спину, сразу упадешь. В этом случае шаман идет к тöсу и брызгает ему» [14. Л. 88]; «На поскотине прикрепляли ак тöс – это целая шкурка зайца, надетая на развилку, шапку не надевали на него. Кто дотронется до него, он в спину ударит. Однажды у меня заболела спина, пригласили чильбегжи. Я тогда была подростком. Он взял у матери платок, начал водить вокруг моей головы и говорить, "алас-алас". Потом бьет им по спине с обеих сторон и наговаривает, чтобы больше не трогал и то, чем стрелял, забрал обратно. Тöс поставили около дома, а меня посадили перед ним. Здесь же развели огонь и сварили бараний курдюк без соли. Мне дали съесть три кусочка, а тöсу бросали вместе с супом курдюк» [17. Л. 17]; «Ах тöс – целиком заяц белый. Его устанавливали здесь на горе. Зашьют в бересту. Бересту шили по длине зайца. Бересту вешали высоко на березку, поэтому его называли чоғарха. Если кого молнией побьет или припадок сделается, то ах тöс почитают. Его кормили молоком. Если кто-нибудь заболеет, ходили к той березе шухтить. Его ставил шаман или кöрӳгжи» [32. Л. 10]. «Ах тöс – голова зайца белого укрепляют на развилке косы у этого тöся из белого конского волоса. Каждый год шаманы над ним шаманили. Развилка всегда была березовая, шаман, который шаманил чильбегчи, сначала ербеном окуривает (аластапча). Резали овечку, костью с мясом как будто мазали косы этому тöсю. Овечку колет старый человек, он же может кормить тöся. Тöсю брызгают арагу» [16. Л. 47].

Среди хакасов были распространены случаи, когда представители хакасских родов и семей, не имевшие *Хозан тöс'а*, обращались к нему за исцелением. При этом моление о даровании здоровья больному проводилось втайне от хозяев фетиша. Были убеждены, что в результате таких действий болезнь могла перейти непосредственно на самих держателей заячьего *тöс'а*. «Когда у меня заболела спина, мы потихоньку рано утром, чтобы эти соседи не увидели, кланялись ему. Со мной ходила моя мать. Нам нельзя было держать зайца. Наши мужчины и женщины не подходили к нему. Его держали только люди сеока пюрют» [16. Л. 30]; «Если у людей нет этого тöса, а ребенок заболеет, нужно потихоньку подойти к этому дому снаружи и кланяться этому тöсу, чтобы не видели хозяева дома и не прогнали их. Если кланяются чужие, то их болезнь перейдет к хозяевам. Поэтому чужие подходят к тöсу снаружи тайком от хозяев» [16. Л. 61].

У кызыльцев одним из распространенных названий заячьего *тöс'а*, как уже было отмечено, являлось *Суғ чиҷең тöс* – 'Пьющий (букв. поедающий) воду *тöс*'. Это наименование подчеркивало особый характер обрядовых действ, с ним связанных. Следует заметить, что, несмотря на тождественность функций этого фетиша, обрядовая практика кызыльцев в отношении него несколько отличалась от ритуалов, проводимых другими этническими группами хакасов. Так, например, его было принято «кормить» только чистой водой из реки или колодца. В ходе этого священнодействия, когда отправлялись за водой, нельзя было оглядываться, а также разговаривать с кем-либо по пути. Набирая воду, требовалось трижды перевернуть ведро сначала в одну сторону, а затем в другую. Затем с принесенной водой совершали троекратный обход по солнцу вокруг больного и давали ему выпить глоток. Оставшуюся воду выливали за жилищем [6. С. 30; 20. С. 211]. Новые этнографические сведения об этом сакральном акте у хакасов представлены и в архивных материалах: «Суғ жещең насылал золотуху, жар. Помню, что это было где-то в 1910 году. Шаман сажал заболевшего человека около колодца. Выливал на него много ведер воды (не помню сколько) и что-то наговаривал» [14. Л. 74–75]; «Моего отца он выстрелил в поясницу. Шаман шухтил на суғ жежен. Хозяин [фетиша] воду приносил из речки котелком. Три раза зачерпывает и выливает, а потом четвертый раз зачерпывает и домой приносит. Шаман из двери этой водой шухтит, отгоняет его» [23. Л. 25]; «Тöс суғ шешен кормили водой. Он помогал от радикулита. Менял тöс тот, кто его ставил» [21. Л. 6]; «Если кто-нибудь заболеет, то на этого зайца брызгали водой – арығ суғ – светлая (чистая) вода. Прим этом говорят сöк-сöк, не делай людей больными» [33. Л. 15].

В этнографических реалиях хакасов *Хозан тöс* мог размещаться не только за пределами жилища, но и внутри него. В.Я. Бутанаев, вероятно, исходя из данного факта, выделил его в качестве самостоятельного фетиша и противопоставил его заячьему божку, локализованному вне жилого пространства людей. Исследователь сообщил, что этот дух-покровитель, называемый *Ілгеркі тöс* или *Ах тöс*, размещался на мужской половине юрты. По описанию автора, «он состоял из березовой развилки, между концами которой приделаны заячья шкурка, четыре плетеных из шерсти косички и маленькая модель лука со стрелой» [13. С. 122]. К сожалению, ученый всего лишь ограничился этим замечанием и не привел достаточных аргументов, позволяющих определить его в качестве отдельного фетиша. Между тем имеются основания не согласиться с подобным суждением.

Функциональная специфика «домашнего» заячьего *тöс'а* была идентична *Хозан тöс'у*, располагавшемуся за порогом жилища. По свидетельству Е.К. Яковлева, *Ілгеркі тöс* был родовым духом-покровителем *сöök'а Пӳрӳт* и, несмотря на это, размещался на полках с посудой на женской половине. Он имел следующий вид: к рогатине прикреплялись заячья шкурка и косички из конского волоса. Божок заворачивали в

бересту. Более того, ему посвящали коня соловой масти [10. С. 51, 106].

Несколькими десятилетиями позже подобную картину религиозной жизни хакасов имел возможность видеть и Д.Е. Хайтун [1. С. 112]. Ученый сообщал о том, что *Хозан тöс*, будучи духом-покровителем рода *Пӳрӳт*, встречался и у других качинских *сööк'в*, в частности *Ах Хасха*, хранился в правом углу юрты и якобы «помогал от болезни спины». Между тем внешние параметры описываемого божка имели свою специфику. Так, он был изготовлен из тряпок, куска заячьей шерсти и шапочки из бересты [Там же].

По сведениям М.С. Усмановой, у кызыльцев *Хозан тöс'а* нередко размещали внутри юрты. Его подвешивали к потолку. Он имел следующий вид: целая шкурка зайца перевязывалась красной тканью, к которой пришивали нити красного и синего цветов. Верили, что фетиш помогает при припадках, головных болях и поносе у детей и других болезнях. Ему делали возлияние молоком и *арагʼой* [20. С. 210].

Можно предположить, что практика установки хакасами *Хозан тöс'а* внутри жилища более позднего происхождения, нежели его размещение за границами жилого пространства. Данное обстоятельство, на наш взгляд, могло определяться опять-таки причинами брачного союза между представителями разных родов или даже субэтнических групп. Как уже было сказано, женщина, происходящая из семьи / рода, в которых почитался заячий *тöс*, выходя замуж, в качестве приданого нередко брала с собой еще и этот фетиш. Несмотря на это, она все же не могла в полной мере проводить ритуалы в отношении этого божка, как это происходило в отцовском роду. Непреодолимым препятствием этому выступала традиция, запрещавшая женщинам проводить родовые обряды жертвоприношения, в том числе и *Хозан тöс'у*. Подобным правом обладали лишь уважаемые мужчины этого *сööк'а*. Следует заметить, что данная реалия имела место не только у хакасов, но и у других тюркоязычных народов Южной Сибири. Так, например, у телеутов, шорцев, кумандинцев и других, выходя замуж, каждая женщина забирала из родительского дома фетиши – эмегендеров / öрекеннеров. Их шила мать девушки или ее старшие родственницы. Они либо перевозились в дом мужа вместе с приданным, либо женщина приезжала за ними к родителям перед рождением первого ребенка [34. С. 123–124]. При этом, как отмечает Н.П. Дыренкова, «после замужества они не имеют права присутствовать при камланиях; когда, например, устраивают камлание родовому огню (огонь считается родовым), чествуя его белой овцой, то вышедшие замуж женщины не допускаются» [35. С. 253].

Общеизвестно, что вся хозяйственная и культовая деятельность хакасской женщины в основном ограничивалась домашним пространством. На данный факт недвусмысленно указывает и сам термин *ипчі* – 'женщина', буквально переводимый с хакасского языка как домашняя [36. С. 34]. Поэтому вся обрядовая практика женщины, в том числе в отношении к заячьему *тöс'у*, должна была проходить в жилище. При этом совершаемые ритуалы были максимально адаптированы к условиям жилого пространства, в связи с чем культовые предметы были сосредоточены на женской стороне юрты.

Кроме того, в отдельных случаях владельцы *Хозан тöс'а* при его изготовлении заранее планировали устанавливать его в своем доме. Это могло объясняться имевшими место случаями его кражи с мест предыдущей локализации – в степи, лесу и др., о чем уже было сказано ранее.

Хозан тöс в мифологическом повествовании

Следует остановиться на образе духа, воплощением которого служил заячий фетиш. По религиозно-мифологическим представлениям хакасов, *Хозан тöс* олицетворял дух старой девы, брошенной своими родственниками на произвол судьбы и после смерти принявшей образ зайца [13. С. 121]. Новые варианты данного мифа в ходе экспедиционных работ в Хакасии удалось записать М.С. Усмановой:

«Откуда пришел Ах тöс. Братья "Бюрют чон" жили на р. Каче на "Хум Тигей". Была у них старая сестра. Она была старой девой. Братья покинули ее и перекочевали сюда. Оставили ей немного еды и ушли. У одного из братьев через некоторое время заболела поясница. Пригласили шамана. Он пошаманил и сказал, что больного ест сестра. Она превратилась в зайца – в тöс. Она ходит с батожком – развилкой. Нужно сделать этот тöс. Изготавливали его из целой шкурки зайца. Посох с развилкой – высотой метр и больше. Чтобы сороки не клевали шкурку, на нее надевали берестяную шапку-туясок. А потому, что она была без зубов, то кормили ее саламатом. Держали ее на задах, где людей было не так много» [14. Л. 73].

«Наш род пришел из Ачинска. Старых с собой не брали, там оставляли. Одна бабушка превратилась в "ах тöс" – 'заячий тöс'» [Там же. Л. 81].

«Откуда пришел этот тöс [Хозан тöс]? Говорят, что качинцы раньше жили на реке Каче под Красноярском. Потом, когда туда пришли русские, качинцы переселились на юг. Когда они уходили, то свою сестру, старую деву, они придавили мешком с зерном и оставили там. Когда же качинцы пришли на новое место, у них стали часто умирать люди. Тогда шаманы сказали, что эта старуха превратилась в белого зайца и пришла вслед за ними. Она наводит болезни. Поэтому сделали ее изображение и кормят ее» [16. Л. 7].

«Рассказывают, что давным-давно у пюрют была белая (светлая) дочь. Она не выходила замуж. Состарилась. И когда они уходили, то ее оставили. Эта женщина превратилась в тöс. Шаман сказал, что она превратилась в хозан тöс (заяц) и пюрют должны покоряться зайцу» [33. Л. 15].

«Ах тöс (голова зайца) сеока Пюрют. Предание: "Когда уходили из Качинской землицы, то там остались зайцы, они там голодали и хотели догнать ушедших людей, но не смогли и превратились в тöс"» [37. Л. 2].

Обращает на себя внимание тот факт, что схожие мифологические представления о девушке, покинутой братьями и после своей смерти ставшей почитаемым духом, были широко распространены и среди бурят

[38. С. 43, 106]. В этой связи вызывает большой интерес то, что в устном народном творчестве хакасов зафиксированы иные версии об изначальном появлении у них заячьего фетиша. В частности, было распространено повествование о том, что некогда *Хозан тӧс* был бурятским божком, а его непосредственной прародиной, соответственно, была Бурятия (*Пыраат чир*) [10. С. 106–107; 39. С. 94]. На подобные суждения хакасов обращал внимание этнограф С.Д. Майнагашев, писавший, что «первоначальная родина духа “аттыг прат” (тӧся сеока Пӱрӱт) – именитые буряты» [40. С. 70]. Е.К. Яковлев еще в конце XIX в. со слов старика-хакаса Капчора – известного знатока традиций и фольклора своего народа, записал повествование, согласно которому в незапамятные времена представители *сӧӧк’а Пӱрӱт* в целях улучшения своей жизни и дальнейшего развития хозяйственной деятельности купили у бурят заячий *тӧс*, «хороший для скота и для людей полезный» [10. С. 106]. Впоследствии же он стал восприниматься ими в качестве родовой святыни. Следует добавить, что этот же информатор поведал исследователю еще и *алғыс* – молитву, адресованную этому фетишу. В ней представлены данные, указывающие на изначальную локализацию и подчеркивающие божественное происхождение этого духа. Приведем ее полностью:

«Ты перешел к нам от братских [бурят. – *Прим. авт.*], поступил к [роду] пюрют, а теперь ты известен повсемирно [у хакасов]. Но ты будь верен своему роду [Пӱрӱт]. Вот одежда твоя ушканья (заячья), красным сукном ты одеваешься. Бобр – твоя постель. Выдра – плеть твоя. Соболем махаешь. Трость у тебя березовая. Баранья голень, с правой стороны последние два ребрышка, да правая почка – твое кушанье. Лысый соловый конь тебе ставлен. Под березой ты стоишь. Из березовой лесинки тебе делается кроватка. Белого барана заколем, сварим, на кроватку положим, твое кушанье. Будь же для скота и для людей хорошим. Старые годы прошли. Настали новые годы. Воротились сыны земли и разные птицы, а у зверей новая шерсть вырастает. По-прежнему, по-старинному вычитываю я все это. Тебя злым шайтаном не считаю. Будь же добр к скоту и к людям. С землей вместе ты родился. С небом вместе создался. На высоких горах, по высоким камням ты ходишь. По облакам разгуливаешь. На высокие горы подымайся, в облаках разгуливай! Вознесись, вознесись, вознесись!» [10. С. 107].

Томские исследователи продолжали фиксировать поверья хакасов о бурятских корнях этого почитаемого духа и в 1970-х гг. Так, например, их информатор – Кыштымова (дев. фам. – Белоглазова) Варвара Павловна (76 лет), представительница этого рода, проживавшая в с. Доможаково, в чрезвычайно лаконичной форме сообщила им следующее предание: «Раньше у нас [сӧӧк’а Пӱрӱт] не было тӧсей, а у бурят был Ах тӧс. Наши смотрят, у них есть бог, они молятся ему, а у нас же нет. Вот они и купили Ах тӧс за одну лошадь» [14. Л. 89–90]. Представление о покупке «заячьего духа» *сӧӧк’ом Пӱрӱт*, безусловно, не следует понимать в буквальном смысле. Ибо исходя из религиозно-мифологических представлений, ни один коллектив не согласился бы ни за какие материальные ценности продать чужакам свою родовую святыню – духа или божество, от которого зависели успех хозяйственной деятельности и в целом жизненное благополучие. На наш взгляд, в рассмотренных преданиях в символической форме передана мысль о бытовавшей в прошлом практике заключения брачных союзов между хакасскими (например, *сӧӧк Пӱрӱт*) и бурятскими родами. По традиции в подобной ситуации посредством калыма невеста символически как бы покупалась. И, соответственно, вместе с ней «приобретался» ее родовой дух-покровитель.

Отметим еще один немаловажный факт. Во время родового жертвоприношения *Хозан тӧс’у* главный исполнитель обряда в процессе священнодействия надевал на голову девичью / женскую шапку *сахпа*, украшенную перламутровыми пуговицами [Там же]. На обязательное использование этого элемента женской одежды в ритуале обращали внимание отдельные исследователи [10. С. 105–106]. Л.П. Потапов по этому поводу писал: «При молении этому родовому покровителю (тёсю) шаман надевал старинную богатую женскую шапку, которая до последнего времени еще сохранилась у хакасов в качестве “свадебной” или “шапки свахи”» [41. С. 177]. В.П. Дьяконова и Н.И. Клюева, анализируя особенности одежды сибирских народов, в том числе и головных уборов, отметили поразительное сходство некоторых хакасских и бурятских женских шапок [42. С. 83]. Более определенно по этому вопросу высказалась этнограф Ю.А. Шибаева. Изучая традиционную одежду народов Южной Сибири и при этом опираясь на этнографические материалы, собранные у хакасов в 1913–1914 гг. С.Д. Майнагашевым, она констатировала: «У бурят в старину была женская лисья шапка, совершенно аналогичная качинской тӱлгӱ пӧрік. Это подтверждает положение о бурятском происхождении качинского рода Пӱрӱт и объясняет, почему шаман этого сеока, молясь родовому покровителю, надевал тӱлгӱ пӧрік – головной бурятский убор!» [40. С. 70].

Отметим, что в культуре бурят образу зайца придавалось особое сакральное значение. Согласно мифам заяц (бур. *шандаган*) благодаря чуткому слуху помог божеству Неба *Тэнгэри* спасти солнце и луну. Кроме того, этот зверь выступал яркой символической фигурой в эсхатологических воззрениях данного народа [43. С. 708; 44. С. 8–9, 17]. Его образ занимал одно из важнейших мест в бурятском шаманизме. Верили, что заяц может шаманить (*бөөлэхэ*) [45. С. 40]. В процессе посвящения в шаманы обязательным было использование заячьей шкурки. М.Н. Хангалов писал: «После обряда теломытия молодой шаман берет к себе в юрту заячью шкурку и хранит ее вместе с тростями. Это называется “получил зайца”, по-бурятски – *шандага аба*» [46. Т. 2. С. 131]. По материалам Г.Н. Потанина, бурятские шаманы во время камлания посредством *жодо* – специальной березовой ветви, часто прикрепляли к ней еще и шкурку этого зверя для того, чтобы адресованная духам просьба была гарантированно удовлетворена [43. С. 92]. Заячья шкурка часто использовалась и на общественных обрядах – *тайлганах* [46. Т. 1. С. 426].

Широкое распространение среди бурят-шаманистов получил и непосредственно заячий фетиш – *шандагатан онгон*. Он представлял собой цельную белую шкурку зайца (ушкана) с пришитым в его центральной части шелковым лоскутом с изображением женщины. Изделие прикреплялось к березовой ветви. Туда же дополнительно подвязывался женский платок [47. С. 383. Рис. 5]. Подобное оформление фетиша недвусмысленно подчеркивает, как и у хакасов, его женский образ. Отметим, что у бурят бытовали и иные варианты заячьих онгонов с различающимися наименованиями, но при этом олицетворявших собой шаманских духов, таких как Булгаша / Хан-Булгаша, Идирхин / Алхынсан-Идирхин, Терен-Тиби и др. [38. С. 98, 100; 43. С. 115, 117–120; 49. С. 247].

Наличие у бурят и хакасов схожих заячьих фетишей и определенное их семантическое тождество, единый женский образ, а также представленные фольклорные данные, вероятно, могут свидетельствовать не только о межкультурных контактах, но и в определенной степени о генетическом родстве этих народов. Данная мысль подтверждается и выводами палеогенетических исследований [49. С. 150]. Добавим, что не только у хакасов выявляются фетиши с бурятскими корнями, но и у тувинцев. Так, Г.Н. Потанин во время своих центральноазиатских экспедиционных исследований зафиксировал у них культовое изделие – *ээрен*, названное им «Бурят онгон» – ‘Бурятский фетиш’ [43. С. 122].

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что использование шкурки зайца, главным образом белого окраса, в качестве фетиша было свойственно и другим тюркским народам Сибири. У алтайцев, по наблюдениям Г.Н. Потанина, «самый распространенный онгон – так называемый джаик. В разных местах это имя различно: джаик, яик, ыик, іик. Этим именем называется шкурка белого зайца, прикрепленная к середине шнура в сажень и более длиной; к ушам, передним и задним ногам и к хвосту зайца пришиты длинные и узкие лоскутки цветной бязи в палец или в два шириной и до 1½ – 2 четвертей длиной; эти лоскутки называются ялама <…> весь этот онгон бывает обыкновенно свернут и уложен в войлочный мешочек, который завязывается завязкой и всегда висит на кереге против дверей» [43. С. 93]. По алтайским представлениям, *Ак Дьайык / Јајік* – это высокочтимый женский небесный дух, «воплотившийся в шкуре зайца» и выступающий посредником между Ульгенем (как и другими небожителями) и людьми [50. С. 163, 171–172; 51. С. 272]. Схожее наблюдение встречается и в материалах Н.П. Дыренковой, писавшей, что у алтайцев и телеутов «заяц причисляется к чистым духам – *ак тӱс* или *ак тӧс*. Шкурка зайца вешается при камлании Ульгеню и небесным духам» [52. С. 303].

Заячий божок в форме белой шкурки этого зверя с цветными лентами был широко распространен и среди тувинцев. Он назывался *Ак ээрен* (‘Белый фетиш’) [29. С. 92; 43. С. 27, 94–95; 53. С. 222–224]. Образ и функциональная специфика *Ак ээрен* во многом соответствовали алтайской *Ак Дьайык*. В сознании верующих она также представлялась в образе «золотой небесной девицы», осуществляющей связь людей с духами неба [29. С. 108; 53. С. 222–224].

Отметим, что в религиозно-мифологическом сознании хакасов, помимо уже представленной версии, присутствовала также мысль и о небесном происхождении *Хозан тӧс’а*. Так, в одной из шаманских молитв к нему обращались со следующими словами:

Сотворен (ты) белым небом!
Преобразился в белого зайца!
Соловый жеребец (у тебя) – имеет от роду шести лет!
Белое и красное (одеяние) похожи на половину луны!
Путешествуешь ты по ясному небу!
Останавливаешься ты на белом хребте!
Получаешь тень от белой березы!
Имеешь дом (владыка) на свежем облаке!
Имеешь селение на белом облаке!
О шести звезд, находящиеся ниже Луны!
Стягивайтесь, подобно белой нитке!
О три звезды, находящиеся ниже Солнца!
Стягивайтесь, подобно голубой нитке!
Селений твоих столько, сколько белых гнид!
Путешествуешь ты по ясному небу!
Останавливаешься на белом хребте!

[9. С. 492–493].

Можем констатировать, что в суждениях хакасов, алтайцев и тувинцев о рассматриваемом духе-покровителе выявляются схожие архаические воззрения. Во-первых, это находит свое проявление в наличии ключевой составляющей данного ритуального предмета – белой заячьей шкурки. И как следствие – в общности его наименования – «Белый фетиш»: *Ах тӧс* – у хакасов, *Ак Дьайык* – у алтайцев и *Ак ээрен* – у тувинцев. Во-вторых, тождественной для всех них является вера в небесное происхождение этого божества. В-третьих, рассматриваемое сверхъестественное существо у перечисленных народов непременно связано с женским образом. В-четвертых, в их мышлении он осознавался в качестве одного из важнейших семейно-родовых духов-покровителей и охранителей, способствующих благополучию жизни верующих. Все это, очевидно, может свидетельствовать об их этнокультурных и этногенетических связях. Добавим, что в родоплеменной структуре обозначенных народов выявляются и общие *сӧӧк’и*, например у хакасов и телеутов / теленгитов: тиилек / телег, телеңеш / теленет, пурут (хак. пӱрӱт), чедыбер (хак. *читі пӱӱр*), иркит, ыркыт (хак. *іргіт*), халмах / калмак (хак.) [54]. У тувинцев и хакасов также обнаруживаются тождественные *сӧӧк’и*: телек, иргит, сарыглар, кыргыз, чода [55. С. 4–5]. В действительности не всегда созвучные названия родов могут обозначать один род, тем не менее они могут свидетельствовать о возможных этнокультурных контактах в прошлом. Однако рассмотрение данной обширной проблемы выходит за рамки нашей статьи.

Таким образом, представленный материал позволяет сделать следующие выводы. В культуре хакасов образу зайца придавалось большое значение. Свое яркое воплощение он получил в таком ритуальном изделии, как *Хозан / Ах тӧс*. Этот фетиш воспринимался в качестве одного из главных и сильнейших духов-покровителей людей и их домашнего хозяйства, в связи с чем пользовался особой популярностью среди верующих. В народе были распространены многообразные варианты его изображения, названий и способов размеще-

ния в пространстве. При этом он мог быть установлен как внутри жилища, так и за его пределами. В отношении него была сформирована особая обрядность. Она включала в себя периодическое проведение общественных ритуалов жертвоприношения, посвящения *ызых'ов*, а также индивидуальные акты кормления и почитания. Специфические обрядовые нормы и практики в отношении *Хозан тöс'а* предписывались представителям *сöök'а Пӳрӳт*. Это было обусловлено их верой его в тотемистическую сущность. Обнаруживаются и локальные особенности почитания этой святыни главным образом у кызыльцев, в ритуальных действах которых использовалась вода. Анализ религиозно-мифологических представлений и обрядности, связанных с заячьим фетишем, выявляет элементы, свидетельствующие об историко-культурных, а в отдельных случаях и генетических связях хакасов с алтайцами, тувинцами и бурятами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сагайцы (хак. *сағайлар*), качинцы (хак. *хаастар*), кызыльцы (хак. *хызыллар*) – субэтнические группы хакасов.
[2] Возможно, название Эберга происходит от слова *ибірерге* в значении обхода или вращения [24. С. 114], так как с этим фетишем у кызыльцев была связана магическая практика исцеления человека посредством троекратного обхода вокруг него.
[3] Шахтеть, шихтеть, шёхтеть или шухтеть – религиозный термин, преимущественно распространенный среди кызыльцев. У верующих означает проводить обряд, молиться духу или божеству, кормить их. Слово, очевидно происходит от сакрального возгласа *сöök*, произносимого при совершении какого-либо ритуала. На кызыльском диалекте озвучивалось как «*шöök*».
[4] По материалам Н.А. Алексеева, помимо *сöök'а Пӳрӳт* он почитался в качестве родовой святыни и *сöök'ом Хасха* [29. С. 40].
[5] *Тайыг* – общественный обряд жертвоприношение духам и божествам.
[6] Н.Ф. Катанов зафиксировал не синий, а красный цвет ткани / одежды, в которые должны были облачаться женщины, в связи с чем ученый сообщал о том, что в процессе ритуала они, «накрывшись и одевшись чем-нибудь красным, садятся вдали» [9. С. 505].
[7] *Арағa* – традиционный спиртной напиток хакасов, более известный как арака.
[8] *Чильбегчі* – человек, совершающий обряд или врачующий посредством опахала – *сабыт*, одежды и иных средств с обязательным произнесением специальных молитв. В качестве таковых могли выступать как шаманы, так и иные лица, практикующие соответствующие ритуалы и методы народной медицины.
[9] Следует заметить, что хакасы называли таких людей *алғысчыл'ами*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у хакасов // Труды Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. 1959. Т. 27. Сер. Ист. науки. Вып. 1. С. 111–124.
2. Токарев С.А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 622 с.
3. Кабо В.Р. Фетишизм // Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. М., 1993. Вып. 5. С. 212–214.
4. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л. : Наука, 1970. 296 с.
5. Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1978. 160 с.
6. Клеменц Д.А. Заметка о тюсях // Известия Восточно-сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1892. Т. XXIII, № 4–5. С. 23–35.
7. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
8. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-Литография Императ. Казан. ун-та, 1897. 104 с.
9. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов : образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
10. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск : Тип. В.И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.
11. Майнагашев С.Д. Отчет о поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 года // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях. Петроград, 1915. С. 117–128.
12. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
13. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
14. Архив Музея археологии и этнографии им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (далее – АМАЭС ТГУ). № 681-1 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Таштыпский р-н ХАО. Июль 1975 г.».
15. Архив Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Ф. 1. Оп. 1. Д. 664 «Яковлев Е.К. Материалы по этнографии хакасов».
16. АМАЭС ТГУ. № 682-3 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Июль–август 1976 г.».
17. АМАЭС ТГУ. № 681-5 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия. Лето (август) 1975 г.».
18. Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки Императорского Русского географического общества по отд. Этнография, 1909. Т. 34. С. 489–524.
19. П.Ф.Т. Встреча с шаманом // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 13. С. 176–182.
20. Усманова М.С. Культ тёсей у кызыльцев // Из истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1975. Вып. 16. С. 206–215.
21. АМАЭС ТГУ. № 679 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Лето 1973 г.».
22. АМАЭС ТГУ. № 678-2 «Этнографическая экспедиция в Хакасию летом 1973 г.».
23. АМАЭС ТГУ 678-3 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию и Шарыповский район Красноярского края. Август–сентябрь 1973 г.».
24. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
25. АМАЭС ТГУ. № 677-9 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия–Чулым. Лето 1972 г.».
26. АМАЭС ТГУ. № 678-1 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию, Ужурский и Шарыповский районы Красноярского края. Август 1973 г.».
27. АМАЭС ТГУ. № 677-8 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия. Лето 1972 г. Тетрадь № 8».
28. Потапов Л.П. Хакасы // Народы Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 376–419.
29. Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск : Наука, 1984. 233 с.
30. Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск : [Тип. Енис. губ. упр-я], 1898. 298 с.
31. Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока // Труды Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. 1956. Т. 14. С. 111–142.

32. АМАЭС ТГУ. № 678-4 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию и Шарыповский район Красноярского края. Август–сентябрь 1973 г.».
33. АМАЭС ТГУ. № 818-2 «Этнографическая экспедиция Томского университета. Август 1977 г. Полевой дневник № 1. Вели: Усманова М.С. и Г. Витовтова». 34 л.
34. Дыренкова Н.П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков (духи emegender ~ örökenner) // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936) : сб. ст. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. С. 123–145.
35. Дыренкова Н.П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л. : Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. Вып. I. С. 247–259.
36. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия, 1999. 240 с.
37. АМАЭС ТГУ. № 682 «Материалы этнографических экспедиций 1976 г.».
38. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 128 с.
39. Бутанаев В.Я. Почитание тёсей у хакасов // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. С. 89–112.
40. Шибаева Ю.А. Одежда хакасов. Сталинобад : [б. и.], 1959. 126 с.
41. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан : Хакас. обл. гос. изд-во, 1952. 217 с.
42. Дьяконова В.П., Клюева Н.И. Этнографические коллекции 30-х годов по алтайцам и хакасам в собрании МАЭ // Собрание Музея антропологии и этнографии АН СССР (Сборник МАЭ, № 35). Л. : Наука, 1980. С. 73–84.
43. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV: Материалы этнографические. СПб. : Тип-я В. Киршбаума, 1883. 1082 с.
44. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004. Т. 3. 312 с.
45. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 120 с.
46. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004. Т. 1. 508 с.; Т. 2. 312 с.
47. Жамцарано Ц.Ж. Онгоны агинских бурят // Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. СПб. : Тип-я. В. Киршбаума, 1909. С. 379–394.
48. Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. СПб., 1859. Т. 4, вып. 1. С. 236–248.
49. Богунов Ю.В. Мальцева О.В., Богунова А.А. Балановская Е.В. Нанайский род Самар: структура генофонда по данным маркеров Y-хромосомы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 2. С. 146–152.
50. Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманству) // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 160–183.
51. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1980. 318 с.
52. Дыренкова Н.П. Атрибуты шаманов у турецко-монгольских народов Сибири // Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая : статьи и этнографические материалы. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 277–339.
53. Потапов Л.П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Материалы по археологии и этнографии западной Тувы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 171–237.
54. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 92 с.
55. Потапов Л.П. Полевые исследования тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Материалы по археологии и этнографии западной Тувы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1966. Т. II. С. 2–12.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 февраля 2017 г.

HOZAN TÖS: THE HARE FETISH IN MYTHOLOGICAL IDEAS AND CEREMONIALISM OF THE KHAKAS (THE END OF THE 19TH – THE MIDDLE OF THE 20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 36–48.
DOI: 10.17223/15617793/417/6

Venariy A. Burnakov, Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@ngs.ru
Darima Ts. Tsydenova, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ruta22@rambler.ru

Keywords: Khakassia; tradition; religion; myth; ritual; fetish; tös; hare; Hozan / Ah tös.

The aim of the work is studying of the spirits patron of the Khakas in its material manifestation as a Hozan / Ah tös fetish. To achieve this aim, the following tasks are solved: identification of its sacred significance and role in the worldview and ritual practices of the people, the analysis of its external characteristics, identification of the variations of its symbolic design, consideration of the ways of ritual interaction with this sacred object. The chronological scope of the work covers the late 19th – mid-20th centuries. The choice of these temporal boundaries is primarily caused by the state of the source database on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work is based on complex, system and historical approaches to the study of the past. The research methodology is based on historical-ethnographic methods: scientific description, concrete historical and relic methods. The tös cult is a phenomenon which arose and existed in the traditional environment where the form of relationship between the world, the visible (rational) and the invisible (irrational) is characterized by the lack of rigid insuperable borders. Moreover, in the religious and mythological consciousness of this people, the idea of direct crossing of these worlds and, as a result, their fixed interinfluence is essential. Periodic violation of these relations, as believers thought, led to an imbalance in the nature and life of people. For the latter, this led to various disasters and misfortunes. The ceremonial practice of the traditional society in this case aimed to recover the broken balance and, as a result, to solve the arising contradictions between the worlds and protect the vital interests of people. A significant role in this process was assigned to attendants of the cult, including shamans, and directly to töses. In the culture of the Khakas, the image of a hare was given a great value. It was vividly embodied in such a ritual product as Hozan / Ah tös. This fetish was perceived as one of the main and strongest spirits patrons of people and their households. In this connection, it was especially popular among believers. People had diverse versions of its image, names and places to keep it. It could be placed both inside and outside houses. Special ceremonies were created for it: periodic public rituals of sacrificial offering, initiation of yzykhs, individual acts of feeding and honoring. Specific ceremonial regulations and practices concerning Hozan tös were set by representatives of the söök Purut as they believed in its totemic essence. Local features of the veneration of the relics are found mainly in the Kyzylts: they used water in rituals. Analysis of religious and mythological ideas and ceremonies connected with the hare fetish reveals the elements testifying to the historical, cultural, and genetic links of the Khakas and the Altaians, the Tuvinians and the Buryats.

REFERENCES

1. Khaytun, D.E. (1959) Perezhitki totemizma u khakasov [Remnants of totemism among the Khakas]. *Trudy Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.I. Lenina*. 27:1. pp. 111–124.
2. Tokarev, S.A. (1990) *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat.
3. Kabo, V.R. (1993) Fetishizm [Fetishism]. In: Bromley, Yu.B. et al. (eds) *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Religioznye verovaniya* [Code of ethnographic concepts and terms. Religious beliefs]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
4. Ivanov, S.V. (1970) *Skul'ptura narodov Severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX v.* [Sculpture of the peoples of the North of Siberia of the 19th – first half of the 20th centuries]. Leningrad: Nauka.
5. Toshchakova, E.M. (1978) *Traditsionnye cherty narodnoy kul'tury altaytsev (XIX – nachalo XX v.)* [Traditional features of the national culture of the Altaians (19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Klements, D.A. (1892) Zametka o tyusyakh [Note on the töses]. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. XXIII:4–5. pp. 23–35.
7. Ostrovskikh, P.E. (1895) Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic notes on the Turks of the Minusinsk territory]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 297–348.
8. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sent. 1896 g. v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the trip from May 15 to September 1, 1896, in the Minusinsk District of the Yenisei Province]. Kazan: Kazan Imperial University.
9. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov: obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym* [Dialects of the Uriyanghai (Soyots), the Abakan Tatars and the Karagas: samples of folk literature of Turkic tribes, published by V.V. Radlov]. Vol. 9. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
10. Yakovlev, E.K. (1900) *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob"yasnitel'nyy katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya* [Ethnographic survey of the alien population of the valley of the Southern Yenisei and the Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum. Description of the Minusinsk Museum]. Vol. 4. Minusinsk: Tip. V.I. Kornakova.
11. Maynagashev, S.D. (1915) Otchet o poezdke k turetskim plemenam Minusinskogo i Achinskogo uezdov Eniseyskoy gubernii letom 1914 goda [Report on the trip to the Turkish tribes of Minusinsk and Achinsk districts of the Yenisei Province in the summer of 1914]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskom, arkheologicheskom i etnograficheskom otnosheniyakh*. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. 117–128.
12. Zelenin, D.K. (1936) *Kul't ongonov v Sibiri* [Cult of the Ongons in Siberia]. Moscow: USSR AS.
13. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burhanism of the Turks of Sayan-Altai]. Abakan: Khakass State University.
14. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 681-1. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Tashtypskiy r-n KhAO. Iyul' 1975 g.* [Ethnographic expedition of TSU in Tashtypsky district of Khakass Autonomous Oblast. July 1975].
15. Archive of the N.M. Martyanov Minusinsk Museum of Local Lore. Fund 1. List 1. File 664. *Yakovlev E.K. Materialy po etnografii khakasov* [Yakovlev, E.K. Materials on the Ethnography of the Khakas].
16. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 682-3. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu. Iyul'–avgust 1976 g.* [Ethnographic expedition of TSU to Khakassia. July–August 1976].
17. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 681-5. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU. Khakasiya. Leto (avgust) 1975 g.* [Ethnographic expedition of TSU. Khakassia. Summer (August), 1975].
18. Adrianov, A.V. (1909) Ayran v zhizni minusinskogo inorodtsa [Ayran in the life of the Minusinsk foreigner]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otd. Etnografiya*. 34. pp. 489–524.
19. P.F.T. (1884) Vstrecha s shamanom [Meeting with the shaman]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. pp. 176–182.
20. Usmanova, M.S. (1975) Kul't tesey u kyzyl'tsev [The Cult of töses of the Kyzyls]. In: Bozhenko, L.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Vol. 16. Tomsk: Tomsk State University.
21. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 679. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU. Leto 1973 g.* [Ethnographic expedition of TSU. Summer of 1973].
22. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 678-2. *Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu letom 1973 g.* [Ethnographic expedition to Khakassia in the summer of 1973].
23. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 678-3. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu i Sharypovskiy rayon Krasnoyarskogo kraya. Avgust–sentyabr' 1973 g.* [Ethnographic expedition of TSU to Khakassia and Sharypovo district of Krasnoyarsk Krai. August–September, 1973].
24. Subrakova, O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
25. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 677-9. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU. Khakasiya–Chulym. Leto 1972 g.* [Ethnographic expedition of TSU. Khakassia-Chulym. Summer of 1972].
26. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 678-1. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu, Uzhurskiy i Sharypovskiy rayony Krasnoyarskogo kraya. Avgust 1973 g.* [Ethnographic expedition of TSU to Khakassia, Uzhur and Sharypovo districts of Krasnoyarsk Krai. August 1973].
27. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 677-8. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU. Khakasiya. Leto 1972 g. Tetrad' № 8* [Ethnographic expedition of TSU. Khakassia. Summer of 1972. Notebook No. 8].
28. Potapov, L.P. (1956) Khakasy [The Khakas]. In: Levin, M.G. & Potapov, L.P. (eds) *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
29. Alekseev, N.A. (1984) *Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri (opyt areal'nogo sravnitel'nogo issledovaniya)* [Shamanism of the Turkic-speaking peoples of Siberia (experience of areal comparative research)]. Novosibirsk: Nauka.
30. Kuznetsova, A.A. & Kulakov, P.E. (1898) *Minusinskie i achinskie inorodtsy* [Minusinsk and Achinsk foreigners]. Krasnoyarsk: [Tip. Enis. gub. upr-ya].
31. Khaytun, D.E. (1956) Perezhitki totemizma u narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Remnants of totemism among the peoples of Siberia and the Far East]. *Trudy Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.I. Lenina*. 14. pp. 111–142.
32. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 678-4. *Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu i Sharypovskiy rayon Krasnoyarskogo kraya. Avgust–sentyabr' 1973 g.* [Ethnographic expedition of TSU in Khakassia and Sharypovo district of Krasnoyarsk Krai. August–September 1973].
33. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 818-2. *Etnograficheskaya ekspeditsiya Tomskogo universiteta. Avgust 1977 g. Polevoy dnevnik № 1. Veli: Usmanova M.S. i G. Vitovtova* [Ethnographic expedition of Tomsk University. August 1977. Field Diary No. 1 by M.S. Usmanova and G. Vitovtova].
34. Dyrenkova, N.P. (1937) Perezhitki ideologii materinskogo roda u altayskikh tyurkov (dukhi emegender ~ örökenner) [Remnants of the ideology of the maternal clan among the Altai Turks (emegender ~ örökenner spirits)]. In: Meshchaninov, I.I. (ed.) *Pamyati V.G. Bogoraza (1865–1936)* [In memory of V.G. Bogoraz (1865–1936)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
35. Dyrenkova, N.P. (1926) Rod, klassifikatsionnaya sistema rodstva i brachnye normy u altaytsev i teleut [The clan, the classification system of kinship and marriage norms among the Altaians and the Teleut]. In: Bogoraz, V.G. & Shternberg, L.Ya. (eds) *Materialy po svad'be i semeyno-*

rodovomu stroyu narodov SSSR [Materials on the wedding and the family and clan structure of the peoples of the USSR]. Vol. 1. Leningrad: Izdanie Komissii po ustroystvu studencheskikh etnograficheskikh ekskursiy.
36. Butanaev, V.Ya. (1999) *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakas-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan: Khakasiya.
37. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University (AMAES TGU). 682. *Materialy etnograficheskikh ekspeditsiy 1976 g.* [Materials of Ethnographic Expeditions of 1976].
38. Manzhigeev, I.A. (1978) *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy* [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]. Moscow: Nauka.
39. Butanaev, V.Ya. (1986) Pochitanie tesey u khakasov [Veneration of töses by the Khakas]. In: Gerasimova, K. (ed.) *Traditsionnaya kul'tura narodov Tsentral'noy Azii* [Traditional Culture of the Peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka.
40. Shibaeva, Yu.A. (1959) *Odezhda khakasov* [Khakas clothes]. Stalinobad: [s.n.].
41. Potapov, L.P. (1952) Kratkie ocherki istorii i etnografii khakasov (XVII–XIX vv.) [Brief essays on the history and ethnography of the Khakas (17th–19th centuries)]. Abakan: Khakas. obl. gos. izd-vo.
42. D'yakonova, V.P. & Klyueva, N.I. (1980) Etnograficheskie kollektsii 30-kh godov po altaytsam i khakasam v sobranii MAE [Ethnographic collections of the '30s on the Altaians and the Khakas in the MAE collection]. In: *Sobranie Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 35. Leningrad: Nauka.
43. Potanin, G.N. (1883) *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on North-Western Mongolia]. Vol. IV. St. Petersburg: Tip-ya V. Kirshbauma.
44. Khangalov, M.N. (2004) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 3. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya.
45. Galdanova, G.R. (1987) *Dolamaistskie verovaniya buryat* [Dolamaic beliefs of the Buryats]. Novosibirsk: Nauka.
46. Khangalov, M.N. (2004) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vols 1–2. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya.
47. Zhamtsarano, Ts.Zh. (1909) Ongony aginskikh buryat [The Ongons of the Aginsk Buryats]. In: *Sbornik v chest' semidesyatiletiya G.N. Potanina* [Collection in honor of the seventieth birthday of G.N. Potanin]. St. Petersburg: Tip-ya. V. Kirshbauma.
48. Gomboev, G. (1859) O drevnikh mongol'skikh obychayakh i sueveriyakh, opisannykh u Plano-Karpini [About the ancient Mongolian customs and superstitions described by Plano Carpini]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva*. 4:1. pp. 236–248.
49. Bogunov, Yu.V. et al. (2015) The Nanai clan Samar: structure of gene pool based on Y-chromosome markers. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*. 2. pp. 146–152. (In Russian).
50. Karunovskaya, L.E. (1935) Predstavleniya altaytsev o vselennoy (materialy k altayskomu shamanstvu) [Representations of the Altaians about the universe (materials on the Altai shamanism)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4–5. pp. 160–183.
51. Alekseev, N.A. (1980) *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
52. Dyrenkova, N.P. (2012) *Tyurki Sayano-Altaya: stat'i i etnograficheskie materialy* [Turks of the Sayan-Altai: articles and ethnographic materials]. St. Petersburg: RAS MAE. pp. 277–339.
53. Potapov, L.P. (1960) Materialy po etnografii tuvintsev rayonov Mongun-Taygi i Kara-Kholya [Materials on the ethnography of Tuvinians in Mongun-Taiga and Kara-Khol districts]. In: Potapov, L.P. (ed.) *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. Materialy po arkheologii i etnografii zapadnoy Tuvy* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition. Materials on archeology and ethnography of western Tuva]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
54. Butanaev, V.Ya. (1994) *Proiskhozhdenie khakasskikh rodov i familiy* [The origin of Khakas clans and surnames]. Abakan: Laboratoriya Etnografii NIS AGPI.
55. Potapov, L.P. (1966) Polevye issledovaniya tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Field research of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition]. In: Potapov, L.P. (ed.) *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. Materialy po arkheologii i etnografii zapadnoy Tuvy* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition. Materials on archeology and ethnography of western Tuva]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Received: 12 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 49–53. DOI: 10.17223/15617793/417/7

УДК 930.1

В.С. Груздинская

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДЫ» КАК КАНАЛ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ИСТОРИОГРАФОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1960–1980-х гг.

Рассматривается проблема влияния научной коммуникации на формирование дисциплинарного сообщества историографов. На материале советской исторической науки показана роль «историографических сред» как специфической формы научной коммуникации в складывании советского историографического сообщества в 1960–1980-х гг. «Историографические среды» представляли собой заседания-обсуждения историографических докладов, которые проходили на базе Института истории Академии наук СССР. В «средах» принимали участие столичные и провинциальные ученые, представляющие различные дисциплинарные поля, взаимодействие между которыми способствовало производству историографического знания.

Ключевые слова: история исторической науки; «историографический ренессанс»; «историографическая среда»; Институт истории Академии наук СССР; научная коммуникация.

В середине XX в. в советской исторической науке начинается процесс «возрождения» историографии как научной дисциплины. После длительного «забвения» историография возвращается в семейство исторических наук. На базе Института истории Академии наук (АН СССР) возникают Комиссия по истории исторической науки, Научный совет по проблеме «История исторической науки», Группа (а позднее – Сектор) по изучению истории исторической науки, деятельность которых была нацелена на институциональное развитие историографии, важнейшим аспектом которого, бесспорно, стало складывание научного сообщества историографов.

Научное сообщество как важнейший институциональный элемент науки характеризуется несколькими признаками, а именно общностью научных интересов, наличием единых стандартов профессионального поведения, наличием единых содержательных когнитивных установок [1. С. 422; 2]. На наш взгляд, к перечисленному необходимо добавить еще один признак – наличие научной коммуникации между акторами (учеными и их коллективами, организационными структурами разного масштаба и ранга). В отечественном науковедении считается, что «одной из ведущих характеристик науки является ее коммуникативная природа» [3]. В свою очередь, под научной коммуникацией понимается «совокупность знаковых средств, технических устройств и организационных структур, при посредстве которых происходит распространение и накопление информации о результатах исследований, а также ее преобразование в достоверное и практически полезное знание» [4. С. 88]. Ученые как акторы коммуникации вынуждены считаться с мнениями коллег, выстраивать свое поведение по определенным внутренними нормами образам, а также «производить» новое знание в соответствии со сложившимися и утвердившимися когнитивными установками, которые транслируются и поддерживаются сообществом. Иными словами, «состояние научной коммуникации (широта, напряженность, интенсивность) определяет жизнеспособность научного сообщества, непосредственно отражается на уровне эффективности научных исследований» [5. С. 292].

В имеющихся историко-научных исследованиях коммуникация рассматривается по преимуществу как результат деятельности научного сообщества в процессе производства научного знания. Нам же представляется интересным ракурс рассмотрения научной коммуникации как фактора формирования сообщества ученых. В связи с этим в предлагаемом исследовании предпринята попытка проследить влияние такой формы научной коммуникации, как «историографические среды» на складывание научного сообщества историографов в советской исторической науке в 1960–1980-е гг.

Основной массив использованных нами источников составляют неопубликованные делопроизводственные документы, включающие стенограммы заседаний, отчеты, планы работ Комиссии по истории исторической науки, Группы по истории исторической науки, Научного совета по проблеме «История исторической науки». Эти материалы хранятся в Научном архиве Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН), но документы по деятельности Научного совета, хранящиеся в этом архиве, не обработаны. Во время работы в архиве ИРИ РАН нам предоставили несколько объемистых папок со стенограммами заседаний – «историографических сред» разных годов. Очевидно, что это далеко не все стенографические материалы, однако судьба остальных неизвестна. В личной беседе сотрудница Центра «Историческая наука России» ИРИ РАН проф. Л.А. Сидорова сообщила нам, что возможной причиной утраты документов может быть затопление книгохранилища. Естественно, эти обстоятельства затрудняют исследование интересующей нас проблемы. Вопрос о частоте заседаний остается важным, поскольку свидетельствует о степени влияния «историографических сред» на складывание научного сообщества историографов, но до конца не проясненным. Как отмечает исследовательница К.П. Яркова, «поначалу предполагалось проводить их в первую среду каждого месяца, но впоследствии этот график был изменен и “среды” собирались, как правило, раз в два месяца» [6. С. 67]. Так, из отчетов Группы по изучению истории исторической науки (а с 1967 г. – Сектора) известно, что в 1962 г. на «средах» было заслушано пять докладов [7. Л. 27], в 1963 г. – шесть [8. Л. 87], в 1965 г. – пять [9. Л. 34], в 1966 г. – семь [10. Л. 302], в 1967 г. – четыре [11. Л. 264]. Информация по количе-

ству сообщений на заседаниях в 1964 г. в Отчете отсутствует. Также необходимо иметь в виду, что количество докладов не прямо пропорционально количеству заседаний, поскольку на одной «среде» могло быть заслушано несколько докладов.

Все же архивные материалы не позволяют установить какую-либо закономерность проведения заседаний, что связано со спецификой и состоянием источников, а также с перерывом в проведении «историографических сред». Из Справки о деятельности Научного совета за период 1973–1978 гг. известно, что «среды» возобновили работу в конце 1977 г. [11. Л. 190–226]. Возникает вопрос, когда же была приостановлена их деятельность? И с чем это связано? В указанной Справке не содержатся ни ответ на данный вопрос, ни упоминания о «средах» вплоть до конца 1977 г., ясно, что этот процесс начался до 1973 г. Известно, что в 1967 г. «среды» проводились, информация же после отсутствует. Значит, работа заседаний была приостановлена в промежутке между 1968–1972 гг. и концом 1977 г.

Также в качестве источников нами были использованы документы личного происхождения (опубликованные дневники М.В. Нечкиной и воспоминания участника заседания – Д.П. Урсу).

«Историографические среды» представляли собой заседания с обсуждением докладов на историографические темы с участием столичных и провинциальных представителей академической и вузовской науки и призваны были стать интегрирующей площадкой для ученых, интересующихся историографическими сюжетами. Отчеты упомянутых институций не содержат упоминаний о том, когда же состоялась первая «среда». Возможно, данное обстоятельство связано не только с состоянием источников, но и с неформальной природой этих заседаний на первых порах. В дневниках М.В. Нечкиной сохранилась следующая запись: «Готовить устное выступление на первой историографической среде 4 января 1960 г. – по вопросу «Предмет и метод истории исторической науки (историографии)»… Подготовила, выступала 4 января 1961 г.» [12. С. 122]. Можно заметить расхождение в датах намеченного и реального заседания, которое не вызвано какими-то таинственными обстоятельствами, а является всего лишь опиской в дневниках. Наше предположение подтверждает стенограмма заседания, датированная 4 января 1961 г. На первой «среде» выступили видные столичные ученые, которые к этому времени уже проявили интерес к историографической тематике: И.С. Галкин, А.М. Сахаров, Р.А. Киреева, М.А. Алпатов, В.Е. Иллерицкий, С.С. Дмитриев, И.М. Краснов, Е.А. Луцкий, Е.В. Гутнова, К.Н. Тарновский, Е.Н. Городецкий, Г.Д. Алексеева, С.О. Шмидт, И.С. Смирнов, С.И. Якубовская, В.П. Данилов [13. Л. 159]. Названные ученые принимали участие в подготовке очередного тома «Очерков истории исторической науки в СССР», в публичном обсуждении на страницах «Истории СССР» периодизации истории советской исторической науки.

В дальнейшем в работе заседаний будут принимать участие и провинциальные ученые. Сохранилось воспоминание преподавателя Одесского университета, африканиста Д.П. Урсу о своем выступлении на «среде» 28 мая 1980 г. Историк прочитал доклад, посвященный применению количественных методов в историографии. Как он сам отмечает, причиной выступления на «историографической среде» было намерение ознакомить широкую научную общественность с результатами докторского исследования [14. С. 101]. Причем апробация в среде специалистов Института Африки АН СССР была недостаточна для исследователя, так как он «хотел большего – сказать новое слово в историографии вообще, безотносительно к конкретным географическим, хронологическим или тематическим координатам». В качестве коммуникативной площадки, позволяющей широко презентовать свои научные достижения, историком были выбраны «историографические среды». Далее через знакомого историка Д.П. Урсу передал статью Е.Н. Городецкому (заместителю руководителя Научного совета по проблеме «История исторической науки» М.В. Нечкиной), который посчитал, «что она должна быть предметом доклада на очередной среде», но с некоторыми дополнениями: Е.Н. Городецкий посоветовал «указать на Нечкину как на первооткрывателя некоторых вопросов» [Там же]. Приведенный пример свидетельствует о функционировании научного сообщества историографов со своими правилами поведения (ссылка на М.В. Нечкину как на научный авторитет; процедура одобрения темы доклада) и когнитивными установками (обращение к теоретическим проблемам историографии и науковедения) в рамках конкретной формы научной коммуникации – «историографическая среда», которая за два десятилетия трансформировалась от «академического кружка» в начале 1960-х гг. до научного мероприятия высокого статуса в 1980-е гг.

«Историографические среды» как коммуникативная площадка обладали интегративностью, которая проявилась в том числе и в широком спектре поднимаемых проблем. По тематическому содержанию можно выделить несколько групп докладов. Первую составляли теоретико-методологические сюжеты, которые со временем также претерпевали изменения. Если в начале 1960-х гг. на волне оттепельного тренда увеличения интереса к ленинскому наследию преобладали доклады, посвященные пересмотру теоретических воззрений В.И. Ленина, то со второй половины 1970-х гг. акцент делается на сугубо науковедческих аспектах. Предполагаем, что возможные причины «поворота» связаны с взлетом мирового науковедения, а также с образовавшейся после ликвидации в 1970 г. Сектора методологии истории институциональной лакуной в разработке методологических проблем.

Вторая группа докладов посвящалась истории советской исторической науки и историографии советского общества. Интерес изучения историографии советского периода в 1960-е гг. был вызван подготовкой последних томов «Очерков истории исторической науки». К концу 1970-х гг. наблюдается снижение интереса к данной проблеме. Так, из девяти запланированных на 1978 г. выступлений только один доклад В.Д. Поликарпова о первом этапе Гражданской войны освещал советский период [11. Л. 37].

К следующей группе нами отнесены доклады, посвященные русской дореволюционной историографии в разных ракурсах: периоды, историки и их методологические подходы. На «средах» поднимались проблемы не только отечественной, но и зарубежной историографии. В 1960-е гг. было только одно выступление на эту тему. В 1978 г. планировались доклады о состоянии историографической работы в ГДР (М.Н. Машкин) и о концепциях современной китайской историографии, обосновывающие территориальные претензии КНР к СССР (Б.П. Гуревич) [11. Л. 37].

Мы видим, что «историографические среды» становятся формой коммуникации специалистов разных областей исторической науки, которых объединяет интерес к историографическим проблемам.

С точки зрения организации заседаний «историографические среды» проходили по единому сценарию: сначала председатель приветствовал участников, затем выступление докладчика, далее присутствующие задавали ему вопросы, после же переходили к обсуждению / прениям, завершалась работа ответным словом докладчика и подводящей итоги речью председателя. Сфокусируем свое внимание на одном из заседаний, состоявшемся 11 апреля 1962 г. Такой микроисторический ракурс дает возможность плотно описать интересующий нас феномен конкретной коммуникативной площадки.

На повестке дня апрельской «среды» стоял доклад саратовского историка М.С. Персова «Пропаганда исторического опыта буржуазных революций в работах В.И. Ленина» [15. Л. 1].

Заседание открывает председатель, которым, кстати, был М.А. Алпатов, а не М.В. Нечкина, выбравшая в данном случае роль эксперта. Далее следовал этап заслушивания доклада. К сожалению, у нас нет текста самого доклада, так как на заседании он не стенографировался и в архиве не сохранилась его копия. По окончании выступления председатель спросил, есть ли вопросы у присутствующих. Вопросов не оказалось, и «среда» вступила в стадию обсуждения доклада. Первым взял слово Б.Г. Вебер. Прежде всего, историк отметил актуальность затронутой проблемы, но обратил внимание на не сводимость актуальности к политическим запросам: «Докладчику следовало бы пойти несколько дальше в смысле того, чтобы сделать шаг от политического анализа к углубленному историографическому анализу», – делает замечание историк и следом дополняет: «Некоторые моменты даны, но пока еще слишком схематично и несколько упрощенно» [Там же. Л. 2]. Б.Г. Вебер высказал свое несогласие с некоторыми трактовками докладчика относительно проблемы места масс в буржуазной революции в концепции В.И. Ленина.

Следующей взяла слово М.В. Нечкина. Она указала на отсутствие историографического подхода при анализе проблемы: «Здесь есть основания предъявить большой серьезный счет докладчику» [Там же. Л. 5]. Но в отличие от Б.Г. Вебера, который достаточно мягко критиковал доклад, Милица Васильевна ревностно подошла к вопросу о применении историографического подхода. По словам М.В. Нечкиной, при исследовании проблемы «Ленин как историк» просто необходимо выйти «за пределы собрания сочинений Ленина». В упрек автору было поставлено то, что он игнорировал предшественников, которые уже изучали тему: «Вы забыли такого историка, как Б.Ф. Поршнев. Вы его критиковали, но не заметили его как предшественника. А он очень много сделал в этой области. Это лежит в обязанности каждого докладчика, показать, что в данном направлении сделано до него. Тогда нам интересно его (докладчика. – *В.Г.*) увидеть в ряду других предшественников и что им сделано» [15. Л. 7]. Непреложный элемент современного канона историописания, предполагающий наличие историографического обзора темы, в начале 1960-х гг. был реанимирован после долгого забвения, связанного с самодостаточностью классиков как в политике, так и в исторической науке. Назрела необходимость обучить советских историков так называемому историографическому подходу и тем самым сформировать когнитивные исследовательские установки у ученых-историографов. В этом деле Милица Васильевна решила использовать даже анекдот. «Какая разница между мертвецом и предшественником?» – спрашивает историк и отвечает: «О мертвеце говорят или хорошее, или ничего, а о предшественнике или ничего, или плохое. Нам надо придерживаться этого анекдота» [Там же]. Вряд ли это удачная метафора, скорее это возвращение к историографическому канону предшествующих десятилетий. В завершении выступления Милица Васильевна делится с присутствующими своими размышлениями относительно направления изучения ленинского наследия, которое должно идти вглубь его «источниковедческого анализа».

Следующим к трибуне вышел М.Я. Гефтер. Историк положительно оценил доклад в сравнении со сложившейся практикой: подмена историографического изучения Ленина «необходимым количеством цитат на исторические темы» [15. Л. 9]. М.Я. Гефтер соглашается с замечаниями, сделанными в предыдущих выступлениях, относительно историографического подхода, но его больше интересуют проблемы, возникающие в связи с рассмотренным в докладе сюжетом, т.е. осмысление опыта буржуазных революций. По существу, речь идет о важной функции проблемной историографии – ее когнитивном потенциале в осмыслении конкретной проблематики и очерчивании новых проблемных полей. Историк рефлексирует, указывая на необходимость дискуссий по некоторым проблемам. На этом выступления по докладу завершились.

Видимо, выступающие ознакомились с текстом доклада заранее, так как М.Я. Гефтер зачитывал (в стенограмме зафиксировано «читает») выдержки из В.И. Ленина для аргументации своих тезисов. Наш тезис косвенно подтверждают воспоминания о «среде» 28 мая 1980 г. Д.П. Урсу, который сетует: «Мой доклад, как мне показалось, аудитория слушала невнимательно, так как с его текстом те, кто собирался выступить, давно познакомились» [14. С. 104]. Традиционно экспертами на заседаниях выступали специалисты в данной области. Так, на «среде» 1962 г. свои замечания выразили Б.Г. Вебер, занимающийся историей Французской революции; М.В. Нечкина, исследующая революционную ситуацию в России во

второй половине XIX в., и представитель «нового направления» М.Я. Гефтер, в центре внимания которого были исторические взгляды В.И. Ленина. Выступающие сошлись во мнении, что главный недочет работы М.С. Персова состоял в отсутствии историографического подхода.

После выступления М.Я. Гефтера слово взял докладчик. М.С. Персов болезненно воспринял критику. Он сразу же согласился с замечаниями по поводу отсутствия анализа взглядов своих предшественников, и чтобы себя реабилитировать стал по поводу и без повода ссылаться на них. Историк не принял замечания относительно отсутствия в докладе историографической проблематики: «Видимо, мы друг друга не поняли. Может быть, я действительно неправильно сделал, что адресовался в группу по истории исторической науки. Но то, что поставили передо мной (в качестве нормы историографического анализа. – *В.Г.*) я считаю себя, да и других неспособных выполнить эту задачу» [15. Л. 16]. Последнее следует рассматривать как ответ на упрек М.В. Нечкиной о том, что В.И. Ленин как историк оказался исключенным из историографического контекста. Докладчик же трактовал это замечание как необходимость «установить, как рассматривал вопрос Ленин в атмосфере науки» как отечественной, так и всемирной. Такая реакция докладчика на замечания подтверждает тот факт, что историографический стиль мышления только предстояло сформировать.

Завершается заседание речью председателя. М.А. Алпатов попытался разрядить атмосферу словами: «Вы обиделись на то, что мы предъявили к Вам непомерные требования. Но я не так понял М.В., как поняли Вы» [Там же. Л. 24]. Далее поясняет, что от докладчика не требовалось «поднять всю мировую историографию», нужно было сравнить взгляды В.И. Ленина с предшественниками, хотя бы с К. Марксом и Ф. Энгельсом. А заканчивается «среда» словами председателя: «…нам было бы неприятно и горько, если бы Вы ушли от нас с какой-то обидой» [Там же. Л. 25].

«Среды» представляли собой форму коммуникации, для которой характерны привычные для конференции поведенческие нормы и стратегии. Именно так и воспринимались заседания. Например, упомянутый уже Д.П. Урсу вспоминает: «…на деле это была настоящая научная конференция, собравшая не только московских историков. Зал заседаний Института истории СССР в здании на улице Дмитрия Ульянова был заполнен» [14. С. 99]. Однако отличие от конференции заключалось в количестве докладов (на «средах» не больше двух), разнообразии тем выступлений (от методологических вопросов до конкретно-историографических) и регулярности их проведения (несколько раз в год) и несменяемости локализации коммуникативной площадки (в Институте истории АН СССР).

Интересно понимание «историографических сред» их организатором Милицей Васильевной «как своеобразной лаборатории для дальнейшей разработки методологических вопросов историографии, как научного форума, способного выявить лакуны в изучении проблем истории исторической науки, поощрить новые творческие замыслы историографов» [11. Л. 218]. На характер заседаний повлияла тонкая натура М.В. Нечкиной. Это проявилось и в названии заседания – «историографическая среда», которое имело двойное значение (среда – день и среда – пространство) и выходило за рамки академической лексики, и в создании особой психологической атмосферы (в камерной обстановке представители академической и вузовской, столичной и провинциальной науки вместе решали научные проблемы, обменивались мнениями). В обозначенном ракурсе можно увидеть аллюзию «сред» с дореволюционными «журфиксами» в университетской среде, когда в фиксированный день недели преподаватели устраивали у себя дома семинары. Возможно, эта аналогия была проявлением академической памяти, однако это предположение нуждается в отдельном исследовании. Атмосфера узкого круга единомышленников, созданная на «историографических средах», работала на более глубокое проникновение когнитивных установок историографического мышления. Но организаторам заседаний удалось установить связь между камерностью «сред» и трансляцией полученного на них знания внутри всего складывающегося научного сообщества. Этим мостом стал сборник «История и историки», к публикации в котором рекомендовали наиболее значимые доклады, заслушанные на «историографических средах».

Безусловно, «историографические среды» не являлись единственным или основным каналом научной коммуникации складывающегося историографического сообщества в 1960–1980-е гг., в этот период прошло несколько крупных историографических конференций, организовывалось обсуждение дискуссионных сюжетов на страницах научной периодики, которые, в отличие от заседаний – «сред», имели широкую научную направленность. Но «историографические среды» обладали такими специфическими свойствами, как разноплановость историографических проблем, универсальность формы, относительная регулярность и высокий профессиональный уровень организации, камерность атмосферы, что в совокупности, с одной стороны, оказывало точечное воздействие на складывание когнитивных ценностей, а с другой – способствовало их более глубокому усвоению представителями историографического сообщества – складывалась интеллектуальная сеть единомышленников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки : учеб. М., 2005.
2. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm (дата обращения: 11.01.2017).
3. Бондарев В.П., Бойченко О.В. Структура и функционирование научного коллектива (коммуникативный аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 80–97.
4. Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков : сб. ст. Челябинск, 2011. С. 290–302.

5. Яркова К.П. Научный совет «История исторической науки» Отделения истории Академии наук СССР (1958–1985): возникновение, деятельность, итоги : дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2007.
6. Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1859.
7. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1871.
8. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2095.
9. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2206.
10. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2311
11. Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1820. Оп. 1. Д. 369.
12. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 119–137.
13. АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 368.
14. Урсу Д.П. Историография как точная наука // Харківський історіографічний збірник. Харьков, 2010. Вип. 10. С. 99–137.
15. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. «Стенограмма Заседания Группы по истории исторической науки от 11 апреля 1962».

Статья представлена научной редакцией «История» 28 февраля 2017 г.

“ISTORIOGRAFICHESKIE SREDY” AS A CHANNEL FORMING THE ACADEMIC COMMUNITY OF HISTORIOGRAPHERS IN THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE IN THE 1960S–1980S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 49–53.
DOI: 10.17223/15617793/417/7

Viktoriya S. Gruzdinskaya, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E –mail: vik11910314@yandex.ru

Keywords: history of historical science; “historiographical renaissance”; “istoriograficheskaya sreda”; Institute of History of USSR Academy of Sciences USSR; academic communication.

The purpose of the present article is to identify the influence of “istoriograficheskie sredy” as a communication form on forming historiographers’ academic community in the Soviet historical science in the 1960s–1980s. “Istoriograficheskie sredy” are were meetings where historians discussed historiography research papers. They took place in the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. In the research, the author used office documents as sources. They are shorthand records, accounts, working plans of the Commission on the History of the Historical Science, the Group on the History of the Historical Science, the Academic Council on the issue “The history of the historical science”. These sources are kept in the Scientific Archive of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. The work with shorthand records was difficult. Firstly, these documents belong to the unsystematized part of archive materials. Secondly, only a few shorthand records were preserved. The author found out that the possible reason for this might have been a flood in the archive. The state of the sources prevents researches from studying the question of how often “sredy” were organized. The methodological part of this research is based on the institutional approach. The author states that in the soviet historical science the process of institutional development of historiography as a subject took place in the second half of the 20th century. Researchers name this process “historiographical renaissance”. The formation of historiographers’ academic community was one of these directions. An academic community is characterized as having the following features: similarity of academic interests; united standards of behavior and cognitive position. The author suggests adding one more feature. It is academic communication between members receiving academic knowledge. In some modern research works academic communication is presented as a result of a community’s activity. The author suggests that academic communication should also be an element forming an academic community. This aspect is the reason for defining the purpose of the present article. To sum up, the meetings aimed to integrate historians interested in historiography. Metropolitan and provincial scholars presented various disciplinary fields in the “sredy”. Also, “istoriograficheskie sredy” were a universal form of academic communication, because its script structure repeated the conference form known to each scholar. Yet these were more localized forms. “Istoriograficheskie sredy” were not the only or main channel of academic communication forming the historiographical community. On the one hand, they impacted patchily on establishing a cognitive position, on the other hand, they promoted the development of the intellectual net of supporters.

REFERENCES

1. Ushakov, E.V. (2005) *Vvedenie v filosofiyu i metodologiyu nauki* [Introduction to the philosophy and methodology of science]. Moscow: Ekzamen.
2. Ogurtsov, A.P. (1993) Nauchnyy diskurs: vlast’ i kommunikatsiya (dopolnitel’nost’ dvukh traditsiy) [Scientific Discourse: Power and Communication (Complementarity of Two Traditions)]. *Filosofskie issledovaniya*. 3. [Online] Available from: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm. (Accessed: 11th January 2017).
3. Bondarev, V.P. & Boychenko, O.V. (2011) Struktura i funktsionirovanie nauchnogo kollektiva (kommunikativnyy aspekt) [Structure and functioning of a scientific team (communicative aspect)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18 Sociology and Political Science*. 1. pp. 80–97.
4. Korzun, V.P. (2011) Kommunikativnoe pole istoricheskoy nauki: novye rakursy istoriograficheskogo issledovaniya [Communicative field of historical science: new perspectives of historiographic research]. In: Alevras, N.N. et al. (eds) *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional’noy i mirovoy kul’tury XVIII–XXI vekov* [History and historians in the space of national and world culture of the 18th–21st centuries]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
5. Yarkova, K.P. (2007) *Nauchnyy sovet “Istoriya istoricheskoy nauki” Otdeleniya istorii Akademii nauk SSSR (1958–1985): vozniknovenie, deyatel’nost’, itogi* [Academic Council “History of Historical Science” of the Department of History of the USSR Academy of Sciences (1958–1985): emergence, activity, results]. History Cand. Diss. Ivanovo.
6. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 1859. (In Russian).
7. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 1871. (In Russian).
8. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 2095. (In Russian).
9. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 2206. (In Russian).
10. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File 2311. (In Russian).
11. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1820. List 1. File 369. (In Russian).
12. Voprosy istorii. (2005) Dnevniki akademika M.V. Nechkinoy [Diaries of Academician M.V. Nechkina]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 119–137.
13. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1820. List 1. File 368. (In Russian).
14. Ursu, D.P. (2010) Istoriografiya kak tochnaya nauka [Historiography as an exact science]. *Kharkivs’kiy istoriografichniy zbirnik*. 10. pp. 99–137.
15. Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 1. List 1. File *Stenogramma Zasedaniya Gruppy po istorii istoricheskoy nauki ot 11 aprelya 1962* [The transcript of the meeting of the Group on the History of the Historical Science of April 11, 1962].

Received: 28 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 54–57. DOI: 10.17223/15617793/417/8

УДК 94(5)

М.Е. Елкин

МЕСТО И РОЛЬ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА В КОНЦЕПЦИИ «КОМПЛЕКСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯПОНИИ»

Ставится задача выявления и рассмотрения влияния японо-американского военно-политического сотрудничества на политику японских руководителей, проводимую во время реализации концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности» Японии. Главной целью данного исследования служит углубление понимания сущности вышеназванной концепции при помощи анализа положений «Японо-американского договора (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности», а также предпринятых действий в рамках данного договора, следствием которых стало усовершенствование механизмов связей между Японией и США.

Ключевые слова: Япония; концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности»; японо-американское военно-политическое сотрудничество; «Японо-американский договор (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности».

В настоящее время японо-американские отношения являются одной из наиболее актуальных тем для современных исследователей Азиатско-Тихоокеанского региона. Их отсчет традиционно начинают с середины XIX в., а если точнее – с 1854 г., времени подписания Канагавского договора, который открыл японские порты Симода и Хакодате для американской торговли и позволил США создать постоянное консульство, тем самым разрушив стену изоляции Японии от внешнего мира [1]. До начала Второй мировой войны двусторонние отношения между Японией и США не отличались постоянством и колебались от дружеских до конфронтационных. Толчок абсолютно новому периоду в отношениях между Японией и Соединенными Штатами произошел одновременно с капитуляцией Японии в 1945 г. и её оккупацией де-юре союзническими, а де-факто – американскими войсками, что повлекло за собой подписание «Японо-американского договора (о гарантии) безопасности» в 1951 г. и его эволюцию в «Японо-американский договор (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности» 1960 г. Этот документ ознаменовал собой официальное начало военно-политического сотрудничества двух государств и повлиял не только на характер внутренней и внешней политики обеих стран в АТР и их сотрудничество, но и на мировую ситуацию в целом.

Что касается основных и наиболее значимых положений данного договора, то следует отметить, что, в отличие от Сан-Францисского мирного договора, новый документ привнес больше равноправия в двусторонние отношения между Японией и США. Хотя за Соединенными Штатами закреплялась возможность создания и использования военных баз на территории Японии, а также размещения собственного военного контингента в любом количестве, тем не менее были упразднены положения о вмешательстве американской армии во внутреннюю политику Токио. Кроме того, относительно других государств Япония могла самостоятельно принимать решения по военным вопросам. Стоит напомнить, что ранее для заключения соглашений в такой деликатной сфере необходимо было получить одобрение администрации США [2]. Также новый договор обязывал Японию предоставлять защиту военным базам Соединенных Штатов в случае нападения, но освобождал от оказания помощи США в случае их участия в вооруженном конфликте с третьими государствами. Еще одним ключевым пунктом договора стало положение, определяющее характер поведения государств в случае международных споров. Оно обязывало придерживаться положений Устава ООН и разрешать разногласия мирным путем, воздерживаясь от «угрозы силой или использования силы». Договор был рассчитан на 10 лет, однако ни одна из сторон не спешила его денонсировать, что автоматически продлевало его из года в год [3. С. 169]. Поэтому вполне естественно можно сделать вывод о продуктивности двусторонних отношений в рамках вышеназванного соглашения.

В целом японо-американский военно-политический союз сформировывался на базе общности национальных интересов сторон в борьбе против социалистических сил как в самой Японии, так и на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, а также национально-освободительного движения в АТР [Там же].

В середине 1970-х гг. японским правительством была неформально сформирована и принята новая концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности», подразумевавшая отказ от предшествующей позиции «выжидания и зависимости» и переход к активному сотрудничеству США на базе сплочения трех центров капитализма с подключением к глобальному противодействию мировой социалистической системе [4. С. 99]. Именно в данный период начинается, по сути, новый этап в развитии двусторонних отношений между Японией и США, что, в первую очередь, проявилось в повышении уровня военно-политического сотрудничества и согласованности в характере отношений с третьими государствами.

После поражения в Индокитае США осознали неприятный для себя факт: они не в состоянии самостоятельно контролировать военно-политическую обстановку в АТР. В это же время Белый дом вспомнил о своем союзнике в регионе, значение которого несколько снизилось в результате улучшения отношений с КНР. Первым, кто высказался о необходимости увеличения удельного веса Японии в американо-японском союзе, был известный политолог Збигнев Бжезинский, в то время занимавший пост советника

президента по проблемам национальной безопасности. Он активно раскритиковал позицию Токио, обвинив в игнорировании безопасности не только собственной страны, но и Азии в целом [3. С. 170].

С этого момента и в течение второй половины 1970-х гг. США активно настаивали на увеличении военной мощи Японии. Объяснялось это, в первую очередь, тем, что Соединенные Штаты не хотели больше тратить огромные суммы на поддержание безопасности и стабильности в АТР, но в то же время ослаблять свои позиции американцам также не хотелось [5. С. 55]. Естественно, лучшим выходом в данной ситуации было требовать от Японии разделения обязанностей в сфере безопасности при сохранении доминирующих позиций Соединенных Штатов.

По причине вышесказанного, чтобы придать союзу более равноправный характер, США решили провести изменения в области военного сотрудничества: при помощи сокращения военного контингента и вооружений на территории Японии преследовалась цель побудить Японию к самостоятельному наращиванию военного потенциала, в первую очередь военно-морского флота [Там же. С. 56].

Стоит отметить, что многие японские политические деятели с большим интересом встретили идею об увеличении политического веса Японии в партнерстве с США. Однако на данном этапе в кругах японской политической элиты доминировала идея о разделении ответственности, в которой по большей части преследовались экономические цели. В частности, в совместном коммюнике 1977 г. говорилось, что «США сохраняет гибкое военное присутствие в западной части Тихого океана, а Япония же берет на себя обязательства по укреплению экономической устойчивости региона». Однако через некоторое время такой вариант перестал удовлетворять желаниям США.

Как известно, с активизацией военно-силового давления в 1980-х гг. на мировую социалистическую систему в связи со вводом советских войск в Афганистан и провозглашением доктрины Картера произошел пересмотр политики Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Главным отличием новых планов США стала идея об объединении военно-политических усилий всех крупных империалистических государств под своей эгидой вместо предыдущего стремления к самостоятельной борьбе за безопасность свободного мира. Что касается Японии, то в новых планах США ей отводится особая роль, поскольку, по мнению Белого дома, она является не только опорой американской стратегии в регионе, но и одним из самых главных элементов глобальной политики Соединенных Штатов [6. С. 98]. Данные заявления в первую очередь означали не что иное, как необходимость адаптации Токио к новому характеру сотрудничества с США.

В японских правящих кругах, конечно же, нашлись сторонники вышеназванных идей, в связи с чем в правительстве стала преобладать точка зрения, в соответствии с которой Япония рассматривалась как необходимый элемент в системе взаимоотношений между двумя мировыми системами, а ее участие в борьбе против социализма и его влияния на мировую политику становилось необходимым. Данный «идеологизированный» подход коренным образом повлиял на оценку международной обстановки членами японского руководящего аппарата, ответственными за выработку и реализацию внешней политики, что привело к отказу от теории «многополярности» и переходу к теории «баланса сил между Востоком и Западом» [3. С. 149]. Эта теория предполагала сплочение всего «западного мира» в целях борьбы с мировым социализмом и была схожа с новыми идеями в политике США в АТР. Естественным следствием стало и переосмысление роли Японии в рамках борьбы двух систем, ее действий, форм и средств внешней политики.

Министр иностранных дел М. Ито, отмечая, что «разрядка между Востоком и Западом пошла вспять», в первую очередь указывал на ряд факторов, повлиявших на политическое мышление японских руководителей. К этим факторам относились: потеря стратегического приоритета США и ослабление позиций Запада в третьем мире; усиление протекционизма в зоне «свободного мира»; растущий советский военный потенциал на Дальнем Востоке, а также усиление нестабильности в Индокитае. Кроме того, СССР и его союзникам по социалистическому блоку приписывалось активное использование военных средств в целях «политического проникновения» в развивающиеся страны. Другими словами, оценивая ситуацию в мире в этот период, можно отметить, что соотношение сил на международной арене менялось в ущерб капиталистической системе, и такой процесс не устраивал Запад и США, в том числе и Японию.

Вследствие этого на первый план японской политики по обеспечению национальной безопасности вышла именно политическая безопасность. Для ее осуществления предполагалось расширение военно-политических связей между США и Японией до военно-политической интеграции трех главных центров мирового империализма (США, Япония, Западная Европа) и создания так называемого стратегического треугольника. Центральная роль в данном союзе, отводившаяся именно США, возвращала к начальному этапу японо-американских отношений, когда взаимодействие в целом координировалось в соответствии со стратегическими задачами Вашингтона. В частности, говоря о конкретных средствах, предусмотренных японским руководством для достижения политической безопасности, имелась в виду в первую очередь военно-политическая и экономическая поддержка намерений США в осуществлении давления на социалистические государства и СССР. Что касается изменений во внешней политике на региональном уровне, в первую очередь в самом важном для Японии районе – на Дальнем Востоке и в ЮВА, то новые требования предусматривали действия, аналогичные глобальным. Другими словами, планировалась реализация следующих условий: сохранение недружественных отношений между КНР и СССР, поддержка существования Тайваня как независимого от Китая государства, содействие антикоммунистическим режимам в странах АСЕАН, сужение сфер деятельности Советского Союза в Азиатско-Тихоокеанском бассейне и усиление собственной военно-политической роли Японии в регионе [3. С. 161]. На реализацию данных идей и должна была быть направлена азиатская политика Токио.

Тяжелое состояние мировой экономики во время депрессивного периода 1979–1982 гг. требовало решительных мер от США и Японии в плане обеспечения экономической безопасности и стабильности в рамках двухстороннего соглашения.

Постоянный рост товарооборота между двумя странами совсем не означал положительной динамики в развитии связей, скорее даже наоборот. Характеризуя торговые японо-американские отношения периода 1979–1986 гг., многие исследователи отмечают, что Соединенные Штаты впервые оказались в положении «проигрывающих» в экономическом плане: в 1981 г. американский дефицит в торговых отношениях с Японией вырос до 16 млрд долл., а в 1986 г. достиг отметки в 58 млрд долл. [7. С. 20].

Естественно, со стороны Вашингтона незамедлительно последовали протекционистские меры различного характера, например был лимитирован экспорт японской стали в США в 1984 г. Более того, растущее недовольство в американских правящих кругах практически привело к кризису торговых отношений между США и Японией, когда правительство президента Р. Рейгана в 1987 г. ввело стопроцентную пошлину на несколько видов товаров, мотивируя свои действия стремлением защитить американских производителей электроники [Там же].

Однако именно такая реакция в США подвигла японцев немного сбавить темпы своей экономической активности на американских рынках. Более того, задача унять недовольство американской политической элиты стала чрезвычайно актуальной для Токио. Так, Япония была вынуждена ограничить экспорт таких востребованных на американском рынке товаров, как автомобили, мотоциклы, электроника. Находясь под таким давлением, администрация премьер-министра Я. Накасонэ в 1985 г. приняла так называемую программу действий, направленную в первую очередь на уравновешивание импортом из США экспорта в эту страну. Следующим шагом данной программы стало повышение кура японской йены к американскому доллару на 20%. Именно по причине растущего недовольства Соединенных Штатов Япония увеличила свою активность на западноевропейском рынке, добившись там значительных результатов, в первую очередь, из-за поддержки США, которые стремились перенаправить японский экспорт в другое русло. Однако в скором времени последовала достаточно жесткая реакция Европейского экономического сообщества, потребовавшего «усмирить» присущую японской торговле агрессивность [8. С. 130].

Такой аспект двухсторонних японо-американских отношений, как обеспечение военной безопасности, в первую очередь Японии, также нашел свое место в новой программе. С 1976 г. японским правительством было решено удерживать военные расходы в пределах 1% от ВНП, что, однако, не мешало ежегодно увеличивать финансирование японских вооруженных сил. Кроме того, в рамках «Японо-американского договора (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности» началась всеобщая модернизация Сил самообороны, проводившаяся на базе приобретения лицензий и последующего воспроизводства американского вооружения и техники. Был принят план лицензионного производства 155 американских истребителей-перехватчиков «Ф-15» и 75 патрульных самолетов противолодочной обороны «Р-3С» [9. P. 129].

Под влиянием американского руководства в сентябре 1986 г. Кабинет министров Японии выступил с официальным заявлением, гласившим о присоединении Японии к осуществлению «стратегической оборонной инициативы» Р. Рейгана. Будучи в то время премьер-министром Японии, Я. Накасонэ активно поддерживал идею включения страны в американскую общую стратегию. Интересно отметить тот факт, что данная стратегия предусматривала возможность применения ядерного оружия, однако, несмотря на явное противоречие с 9-й статьей Конституции Японии, Я. Накасонэ активно обсуждал вопросы сотрудничества двух союзных государств в этой сфере. Так, например, японский ВМФ стал участвовать в учениях с американскими кораблями-носителями ядерных боеголовок, а в 1986 г. японская администрация пошла на беспрецедентный шаг, дав разрешение ядерному линкору «Нью-Джерси» на вход в порт Сасебо [3. С. 202].

Вышеназванный аспект новой программы осуществления военной безопасности представлял собой усовершенствование системы американо-японского «договора безопасности» путем оказания активной помощи США в поддержании военного контроля в Дальневосточном регионе. В эту сферу также входила и так называемая военная кооперация с Южной Кореей, безопасность которой предполагалось рассматривать через призму безопасности самой Японии [10].

Таким образом, совершенствование механизмов связей между Японией и США в рамках «договора безопасности» позволяет сделать вывод, что к концу первой половины 1980-х гг. американо-японские отношения перешли на качественно новый уровень, означавший смену приоритетов в политическом курсе японской администрации от опоры на США к взаимодействию с США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Treaty of Kanagawa // Encyclopædia Britannica Online. URL: http://www.britannica.com/EBchecked/topic/310822 (дата обращения: 22.12.2016).
2. Treaty of Peace with Japan // United Nations Treaty Series 1952 (reg. no. 1832). Vol. 136. P. 45–164. URL: http://www.taiwandocuments.org/sanfrancisco01.htm (дата обращения: 22.12.2016).
3. Алиев Р.Ш.-А. Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (теория и практика). М. : Главная редакция восточной литературы, 1986.
4. Панов А.Н., Пинаев Л.П. Военно-политические концепции правящих кругов Японии // Япония 1978: ежегодник. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 94–109.
5. Арин О.А. Россия: ни шагу вперед. М. : Эксмо, 2003. 352 с.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Полиграф, 1999. 320 с.
7. Русаков Е.М. Это только начало? // Азия и Африка сегодня. 2009. № 1. С. 18–23.

8. Сафронов В.Н. СССР–США–Япония в годы холодной войны. М. : Цветная печать, 2003.
9. Arinori M. Life and resources in America. Washington, 1982.
10. National Defense Program Outline // Defense of Japan 1989, Japan's Foreign Relations-Basic Documents, Database of Japanese Politics and International Relations, Institute of Oriental Culture, University of Tokyo. 1979 Vol. 3. P. 262–266. URL: http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/docs/19761029.O1E.html (дата обращения: 23.12.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 6 марта 2017 г.

THE ROLE OF JAPAN–UNITED STATES POLITICAL AND MILITARY RELATIONS IN THE CONCEPT "COMPREHENSIVE NATIONAL SECURITY OF JAPAN"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 54–57.
DOI: 10.17223/15617793/417/8
Maxim E. Elkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: scat-rat@yandex.ru
Keywords: Japan; national security; concept "comprehensive national security"; Japan–United States political and military relations; Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan.

The article seeks to identify and consider the influence of the Japanese-American military-political cooperation on the policy of the Japanese leaders pursued during the implementation of the concept "comprehensive national security of Japan". The main goal of this research is improvement of understanding of the essence of the concept above by means of the analysis of provisions of the Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan, and also the taken actions within this treaty whose consequences were the improvement of relations between Japan and the USA. The author emphasizes the main and most significant provisions of the Treaty: in difference from the San Francisco Peace Treaty, the new document introduced more equality in the bilateral relations between Japan and the USA. Though the possibility of creation and use of military bases in the territory of Japan and also an option of accommodation of American military contingent in any quantity was still assigned to the United States, regulations on intervention of the American army in the domestic policy of Tokyo were abolished. Besides, concerning other states, Japan could make decisions on military questions independently. The article also notes the fact that to make the union more balanced, the USA decided to carry out changes in military cooperation. By means of reduction of the military contingent and arms in the territory of Japan, the USA aspired the aim to induce Japan to independent accumulation of military potential. Reconsideration of the role of Japan within the fight of capitalist and socialist systems, its actions, forms and means of foreign policy turned out to be a natural result of such transformations in the structure of the Japanese-American bilateral relations. As a result of the aforesaid, political security came out to the forefront of the Japanese national security policy. To implement it, military-political relations between the USA and Japan were supposed to expand to military-political integration of three main centers of the imperialistic world: USA, Japan and Western Europe. In such a way, concerning the problem of this article, the following conclusion has been drawn: improvement of mechanisms of relations between Japan and the USA within the Treaty of Mutual Cooperation and Security allowed the American-Japanese relations to be lifted to a qualitatively new level by the end of the first half of the '80s, which first of all meant the change of priorities in the political line of the Japanese administration from support by the USA to interaction with the USA.

REFERENCES

1. Encyclopædia Britannica Online. (n.d.) *Treaty of Kanagawa*. [Online] Available from: http://www.britannica.com/EBchecked/topic/310822. (Accessed: 22nd December 2016).
2. Taiwandocuments.org. (1952) Treaty of Peace with Japan. *United Nations Treaty Series 1952 (reg. no. 1832)*. 136. pp. 45–164. [Online] Available from: http://www.taiwandocuments.org/ sanfrancisco01.htm. (Accessed: 22nd December 2016).
3. Aliev, R.Sh.-A. (1986) *Vneshnyaya politika Yaponii v 70-kh – nachale 80-kh godov (teoriya i praktika)* [Foreign policy of Japan in the '70s - early '80s (theory and practice)]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
4. Panov, A.N. & Pinaev, L.P. (1979) Voenno-politicheskie kontseptsii pravyashchikh krugov Yaponii [Military-political concepts of the ruling circles of Japan]. In: Kovalenko, I.I. (ed.) *Yaponiya 1978: ezhegodnik* [Japan 1978: Yearbook]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
5. Arin, O.A. (2003) *Rossiya: ni shagu vpered* [Russia: not a step forward]. Moscow: Eksmo.
6. Bzhezinskiy, Z. (1999) *Velikaya shakhmatnaya doska* [The great chess board]. Moscow: Poligraf.
7. Rusakov, E.M. (2009) Eto tol'ko nachalo? [Is this just the beginning?]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 1. pp. 18–23.
8. Safronov, V.N. (2003) *SSSR–SShA–Yaponiya v gody kholodnoy voyny* [USSR—USA–Japan during the Cold War]. Moscow: Tsvetnaya pechat'.
9. Arinori, M. (1982) *Life and resources in America*. Washington.
10. National Defense Program Outline. (1979) *Defense of Japan 1989, Japan's Foreign Relations-Basic Documents, Database of Japanese Politics and International Relations.* Vol. 3. Institute of Oriental Culture, University of Tokyo. [Online] Available from: http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/docs/19761029.O1E.html. (Accessed: 23rd December 2016).

Received: 06 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 58–62. DOI: 10.17223/15617793/417/9

УДК 908(470)

В.Л. Залялова (Михеичева)

ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ В ПРОВИНЦИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Изучен вопрос дефицита медицинских работников в Российской империи во второй половине XIX в. Проведен анализ источников, в числе которых статистические данные, периодические издания, актовые материалы и др. На примере Вятской и Казанской губерний обозначены проблемы, с которыми сталкивались представители медицинских профессий, повлекшие за собой дефицит медицинских кадров.

Ключевые слова: медицинские профессии; врачи; Российская империя; Вятская губерния; Казанская губерния.

Вопрос здравоохранения населения России является актуальным в настоящее время. Медицинские профессии важны для современного общества, от услуг медицины невозможно отказаться. Несмотря на технический прогресс и современные технологии, проблема дефицита медицинских кадров остается открытой. В провинциальных городах и больницах нередко можно долгое время стоять в очередях для прохождения медицинских процедур или ожидая приема того или иного врача. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. численность жителей России составляет 143 436 145 человек, из которых 715 801 являются врачами по профессии [1]. То есть на одного врача в РФ приходится 200 пациентов. Эти показатели не кажутся плачевными, однако стоит отметить, что в результатах переписи отсутствует указание на квалификацию медицинских работников. Отсюда возникает проблема нехватки медицинских кадров для обеспечения потребностей населения России.

Обозначенная проблема имеет глубокие корни в истории России, в разное время тому были различные причины. Вторая половина XIX в. была пограничным периодом, в рамках которого происходил переход от традиционного общества к развитию технического прогресса, модернизации и индустриализации. Поэтому в этот момент сложились специфические условия, оказавшие влияние на нехватку медицинских кадров.

Благодаря техническому прогрессу в Российской империи в XIX в. происходили изменения на рынке труда: постепенный отток занятых сельскохозяйственными работами и увеличение числа лиц, обращенных к фабрично-заводскому и кустарно-ремесленному производству. Это оказало большое влияние на перечень профессиональных занятий населения: одни профессии «подстраивались» под изменяющиеся условия труда, другие с течением времени переставали существовать из-за невостребованности. Тем не менее, несмотря на происходящие изменения, одной из наиболее важных сфер занятости оставалась медицинская отрасль. Именно в этот период в народе начало расти осознание необходимости медицинских профессий и оказываемых их представителями услуг, которые спасали от болезней и сохраняли жизнь. Теперь от медицинской помощи население не отказывалось и даже испытывало недостаток в ней. Российское общество остро ощущало проблему дефицита медицинских кадров на рынке труда.

Для исследования проблем медицины в провинции в качестве примера были рассмотрены материалы Вятской и Казанской губерний, располавшихся на востоке европейской части России на территории современного Поволжья. Этот район имел средние темпы экономического развития в XIX в. Тем не менее рассматриваемые губернии имели свои особенности. Вятская губерния была одной из крупнейших по численности населения в Российской империи, а соседняя Казанская губерния занимала одно из первых мест по плотности населения (1 895 человек на 1,6 км^2) [2. С. 3–5]. То есть представленные губернии были густонаселенными. Во многом это было связано с речными путями по Волге, Каме, Вятке. Благодаря этим крупным судоходным рекам процветала инфраструктура городов и уездов Вятской и Казанской губерний. Развивались торговля и промышленность в регионе, вместе с этим изменились рынок труда и перечень профессиональных занятий, в числе которых были медицинские профессии, необходимые для обеспечения народного здравия увеличивающегося населения не только в Вятской и Казанской губерниях, но и в Российской империи в целом во второй половине XIX в.

В ходе исследования были изучены статистические материалы, к которым можно отнести Памятные книжки, Календари, Обзор губернии, результаты Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Использованы материалы Национального архива Республики Татарстан и Государственного архива Кировской области. Проанализированы периодические издания «Волжский вестник», «Вятский край», «Казанские губернские ведомости» и «Северный вестник», в которых были опубликованы объявления о предоставлении медицинских услуг или сведения о поиске медицинского специалиста на открытую вакансию. Кроме того, периодика содержит информацию, напрямую указывающую на проблемы, с которыми сталкивались медицинские работники в России во второй половине XIX в.

В статье использован сравнительно-сопоставительный метод исследования, который позволил сравнить полученные статистические данные Казанской и Вятской губерний в разные годы. Метод исторической реконструкции дал возможность воссоздать картину условий труда и проблем медицинских работников Российской империи второй половины XIX в. Для объективной оценки полученных данных применен метод исторической ретроспекции.

Медицинская деятельность включала в себя профессии, в числе которых были: врачи, ветеринары, акушерки и повивальные бабки, аптекари, фармацевты, фельдшеры, лекарские ученики и оспопрививатели. Для формулировки понятия «медицинские профессии» необходимо обратиться к термину «профессия» – род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования [3. С. 813]. В настоящее время профессия является следствием полученного образования, определяющего положение человека в обществе, поэтому ее целью является обеспечение всем необходимым для жизни совместно с возможностью саморазвития и карьерного роста. С точки зрения автора, медицинский профессиональный труд представляет собой действия компетентного специалиста, имеющие общественную значимость, так как они связаны с поддержанием народного здравия. Представитель медицинских профессий должен был быть профессионалом своего дела, образованным, деликатным, учтивым, способным выслушать, объяснить и посочувствовать [4. С. 23–26]. Перечисленные качества должны быть развиты и у современных медиков. Однако медицинских профессионалов не хватало во все времена.

Для описания проблемы нехватки медиков автор обратился к цифрам, приведенным в статистических материалах. Общее соотношение числа жителей государства и отдельных губерний с количеством медицинских работников было представлено в результатах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Согласно переписи медицинские работники относились к группе занятий «врачебной и санитарной деятельностью», коих в империи насчитывалось 118 819 лиц (0,09%) из общего числа жителей Российской империи – 125 680 682 душ обоего пола [5]. Так, например, в Вятской губернии проживали 3 030 831 человек, из которых в медицинской сфере были заняты 1 549 работников (0,05% жителей Вятской губернии). Стоит отметить, что 716 работников обслуживали население городов, где поживали 95 642 человека [6. С. 64–65]. Обстановка в соседней Казанской губернии была лучше, так как на общее число жителей губернии (2 170 665) человек приходилось 1 628 работников (0,07%), занятых в медицинской сфере. В городах Казанской губернии насчитывалось 185 588 человек, их обслуживали 1 231 медицинский работник [7. С. 178–179]. Из указанных данных следует, что в среднем на одного городского медика в Казанской губернии приходилось по 150 больных, в Вятской – 133. Такие цифры кажутся небольшими, однако с учетом того, что в уездах проживало более 90% населения, медицинское обслуживание было затруднительным. Так, на одного медика Казанской губернии приходилось 1 333 человека, а Вятской – 1 956. Стоит обратить внимание, что представленные расчеты указывают на общее количество медицинских работников, а не на отдельные профессии, например врачи, фельдшеры и др.

Острый недостаток в медицинских специалистах фиксировала не только перепись населения, но и другие источники. Так, например, статистические материалы – Памятные книжки и Календари, Обзоры губерний, Всеподданнейший отчет губернатора, – издаваемые в губерниях на базе материалов статистических комитетов и отчетов губернаторов, содержали информацию об имеющихся медицинских профессиях и количестве лиц, трудящихся по ним. В Памятных книжках Вятской губернии за 1860 и 1870 гг. были представлены следующие данные (таблица).

Медицинские работники в Вятской губернии в 1858 [8. С. 170–212] и 1869 гг. [9. С. 64–65]

Медицинские профессии	За 1858 г.	За 1869 г.		
	Всего в губернии	В городах	В уездах	Всего в губернии
Врачи	34	17	27	44
Ветеринары	7	4	2	6
Сверхштатные фармацевты		1		1
Фельдшеры	35	22	106	128
Повивальные бабки	11	14	11	25
Лекарские ученики	35		24	24
Ветеринарные фельдшеры			3	3
Оспопрививатели		5	217	222

Источники содержат указания на конкретные профессии, хотя и без уточнения квалификации. Согласно данным Памятных книжек в 1858 г. в Вятской губернии проживали 2 123 904 человека, следовательно, на одного врача приходилось 62 647 пациентов, а в 1869 г. численность населения губернии увеличилась до 2 359 561 человека, теперь один врач должен был обслуживать 53 626 лиц. В 1872 г. в Вятской губернии числился 61 врач на 2 394 111 жителей [10. С. 38], т.е. по 39 247 пациентов на врача. За 14 лет в Вятской губернии прибавились 27 врачей. Эти показатели были низкими в сравнении с соседней Казанской губернией. В 1857 г. Казанская губерния имела 60 врачей на 1 502 895 жителей, по 25 048 на одного врача [11. С. 153–186]. По данным отчета Казанского губернатора за 1869 г., в губернии проживали 1 690 467 человек, которых обслуживали 98 врачей из расчета 17 249 душ на одного врача [12. Л. 1 об.–7]. В 1874 г. – 101 врач, данные о численности населения в этот год в отчете Казанского губернатора отсутствовали [13. Л. 32 об.]. Прирост врачей с 1857 по 1874 г. в Казанской губернии – 41. Обе рассматриваемые губернии испытывали нехватку медицинских работников, но Казанская губерния находилась в лучших условиях по сравнению с соседней Вятской. По мнению автора, это было связано с наличием в г. Казань Императорского университета, который выпускал дипломированнных врачей.

К концу XIX в. ситуация изменилась, но попрежнему наблюдался дефицит медицинских кадров. Так, в 1898 г. в Вятской губернии насчитывались 116 врачей, 318 фельдшеров и фельдшериц, 119 повивальных бабок на 3 113 000 жителей (на одного врача приходилось 26 836 пациентов) [14. С. 84–140]. В Казанской губернии в 1899 г. проживали 2 311 637 человек, из которых 256 врачей, 263 фельдшеров и фельдшериц, 126 повивальных бабок (на одного врача приходилось 9 029 пациентов) [15. С. 15–46]. Тем не

менее даже этого количества не хватало для контроля народного здравия.

За рассматриваемый период количество медицинских работников в обозначенных губерниях выросло почти в 3–4 раза (с учетом увеличения численности населения), но проблема дефицита медицинских профессий, в частности врачей как наиболее грамотных и востребованных из них, оставалась открытой. Медицинским работникам приходилось сталкиваться с рядом проблем: недоверие населения к медикам; отсутствие знаний о личной гигиене и гигиене труда; удаленность пациентов и сложность связи с ними; применение народной медицины и знахарства; гендерное неравенство, не допускающее женщин к интеллектуальному труду.

Долгое время официальная медицина была доступна лишь представителям царского двора и лицам высших сословий. Поэтому простым людям приходилось обращаться к «народной» медицине и лечить болезни «выжидательным методом» [16. С. 44]. Во второй половине XIX в. благодаря реформам императора Александра II получила развитие земская медицина, которая стала доступна и простым жителям провинции. Однако медикам пришлось столкнуться с невежеством населения и бороться с ним [17. С. 68–69]. Малограмотность жителей сформировала особое мировоззрение, в рамках которого к медицине относились настороженно и предпочитали ей обращение к народным целителям – знахарям. Простых людей пугали неизвестность понятий, которыми пользовался медицинский специалист, его медицинские приборы, используемые для диагностики и лечения. К тому же из-за нехватки медицинского персонала большое количество пациентов не имели возможности добраться до ближайшего врача или фельдшера, и наоборот, врач не всегда мог попасть к пациентам из-за их удаленности, а также наблюдать за выздоровлением.

Особенностью лиц, занятых медицинской профессиональной деятельностью в Российской империи, было то, что их относили к числу «служащих», которые находились в ведении земств и ведомств. Чтобы понять, кто такие «служащие», необходимо обратиться к толкованию указанного понятия. Согласно словарю С.И. Ожегова «служащие» – это лица, работающее по найму в различных областях умственного труда. При этом не все медицинские работники были служащими, они могли быть и частными работниками, о чем свидетельствуют объявления в газетах. Медики могли находиться на земской, городской, военной, правительственной службе, но могли быть в найме при больнице на заводе или фабрике.

Никто не будет спорить о том, что труд медиков носил интеллектуальный характер, но это не значит, что все они обладали знаниями, полученными в результате профессионального образования. Разумеется, чтобы стать врачом или акушером требовался определенный уровень образования, в то время как работа повивальных бабок зачастую не была подкреплена даже начальным уровнем образования, приобретенным в народных школах. Повивальные бабки (повитухи) – женщины, принимающие младенцев во время родов – в своей работе ориентировались на практические навыки, зачастую не имея даже первоначальных медицинских знаний. Нехватка квалифицированных медицинских работников вынуждала население обращаться за помощью к некомпетентным лицам нетрадиционной медицины. Эту проблему пытались решить в городах и уездах губерний Российской империи. Так, например, в 1871 г. в городской думе уездного г. Глазов Вятской губернии был поднят вопрос об обучении повитух у акушерок. Причиной тому послужила увеличивающаяся смертность младенцев и матерей при родах из-за травм, которые наносили неграмотные повитухи во время операций. Оградить население от их труда не было возможности, так как акушерок не хватало. Глазовским земским собранием было принято решение привлекать повивальных бабок к обучению у акушерок. Чтобы заинтересовать их, предложено выдавать по окончании курса денежное поощрение [18. Л. 1–8]. Подобные меры по устранению нехватки акушерок не были единственными.

Чтобы улучшить уровень народного здравия, в периодических изданиях публиковали информацию о востребованных медицинских работниках, а также поднимали темы, связанные с обменом опытом в решении вопроса о нехватке медицинских специалистов между губерниями и соседними странами.

Региональные периодические издания содержали информацию о врачах, месте и времени их приема. Так, в «Казанских губернских ведомостях» 1863 г. опубликовано следующее объявление врача В.В. Громова: «…место его жительства находится на поперечной Воскресной улице, от Воскресной церкви к 2-й гимназии, в домик купца Маслова, рядом с домом Карпова. Прием больных с 8 до 9 час. утра и с 3-х до 4-х часов по полудни. В остальное время в случае его отсутствия предлагается имеющим надобность в медицинской его помощи и визитации оставлять подробные адресы с обозначением места жительства больнаго и времени ожидания им медицинскаго визита, тем более в случаях, не терпящих отлагательства» [19. С. 29]. Имели место объявления зубных врачей: «Зуболечебный кабинет дантиста Д.Л. Аронсова в г. Вятке на Спасской ул., в д. Свенторжецкаго» [20. С. 4].

Стоит обратить внимание, что во второй половине XIX в. получила развитие идея привлечения женщин к врачебному делу в качестве решения проблемы нехватки врачей и других медицинских специалистов. В 60-х гг. XIX в. в Европе и Российской империи начали появляться женские врачебные курсы. Первой русской женщиной, окончившей медицинские курсы в 1867 г. в Цюрихе, была Н.П. Суслова. В течение 10 лет подобные курсы открывались на средства благотворителей и в Российской империи. За это время они выпустили несколько сотен женщин-врачей и акушерок. Однако в результате длительных споров о роли женщины в семье и обществе подобные курсы перестали существовать [21. С. 60–72]. Противники женского профессионального образования аргументировали свою позицию следующим образом: во-первых, невозможность работы женщин в медицине объяснялось анатомическими «недостатками» – мозг женщины был меньше, а значит, не способен усвоить сложные медицинские знания наравне с мужчиной; во-вторых, женщина-врач подры-

вала общественные устои о положении женщины в обществе (считалось, что работающие женщины искажают образы матери и жены, которые должны были беречь домашний очаг, а не призывать своей профессиональной деятельностью к изменению общественных устоев и подрыву института семьи). Защитники женского медицинского образования считали, что врачи-женщины более гуманны и с большим вниманием заботятся о больных; привлечение женщин к медицинской практике позволило бы избавить жителей Российской империи от дефицита в сфере медицинских услуг. Кроме того, женщины-врачи работали за меньшее вознаграждение. Так, например, в 1884 г. в городах Орлов и Вятка Вятской губернии на земскую службу были приняты женщины-врачи: одна из них состояла при орловской городской земской больнице в качестве акушерки, заведуя женским отделением, при этом совершая разъезды по вверенным участкам; вторая была приглашена губернской управой в качестве заведующей вятским родильным отделением [22. С. 3–4]. Они вели работу с женским и детским населением. Их деятельность облегчала работу других врачей, которые из-за большого количества участков не справлялись с медицинскими потребностями населения.

Как было указано ранее, к опыту применения женского труда в медицинской сфере во многих городах и уездах Российской империи относились скептически, и проблема нехватки медицинских работников оставалась открытой вплоть до конца существования Российской империи.

Таким образом, профессии, относящиеся к группе занятий «врачебной и санитарной деятельностью», являлись наиболее важными как для жителей Российской империи, так и для других государств. К концу XIX в. не удалось искоренить интерес народа к «народной» медицине, но получилось воспитать уважительное отношение к представителям профессий народного здравия и сформировать осознание в народе необходимости официальной медицины для сохранения жизни и здоровья. Экономические преобразования только увеличивали потребности населения в медицинском обслуживании. Безусловно, медицинские профессии не оставались неизменными, трудовая деятельность претерпевала изменения, что расширяло специализацию медицинских работников: помимо врачей общей практики появлялись зубные врачи, врачи женского и детского здоровья и др. Несмотря на то что медиков не хватало для полного обслуживания населения страны, предпринимались меры по увеличению числа лиц, представителей востребованных профессий в области медицины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/ new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 30.12.2016).
2. Ивановский В.В. Описание экономического состояния Казанской губернии и некоторых уездов Вятской губернии, в связи с вопросом о соединении этих губерний рельсовым путем / сост. В.В. Ивановский. Казань : Типография и литография В.М. Ключникова, 1899. 249 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 24-е изд. М. : Оникс, 2007. 1200 с.
4. Разумная Н.Н. Условия становления земской медицины в Российской империи // Журнал исторических, политических и международных исследований. 2016. № 1 (57). С. 22–31.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и некоторым занятиям / под ред. Н.А. Тройницкого, 1905. URL: https://vivaldi.nlr.ru/bv000001450/view#page=4 (дата обращения: 25.09.2015).
6. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. X: Вятская губерния. СПб. : Типография кн. В.П. Мещарского, 1904. 288 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. XIV: Казанская губерния / под ред. Н.А. Тройницкаго. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 284 с.
8. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка : Типография губернского правления, 1860. 358 с.
9. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка : Типография губернского правления, 1870. Отдел четвертый. 96 с.
10. Памятная книжка Вятской губернии на 1873 год. Вятка : Типография губернского правления, 1873. Отдел шестой. 68 с.
11. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния / сост. М. Лаптевым. СПб. : печ. в воинской типографии, 1861. 634 с.
12. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 359. Оп. 1. Д. 29.
13. НА РТ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 44.
14. Краткий статистический очерк Вятской губернии за 1898 год // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1900 год. Вятка : Губернская типография, 1899. С. 33–171.
15. Памятная книжка Казанской губернии на 1901 г. Казань : Типография губернского правления, 1901. Ч. 3. 63 с.
16. Португалов В.О. Вопросы общественной гигиены. СПб. : Типография А. Морятовского, 1873. 623 с.
17. Врачи и врачебное дело в старинной России : публичная лекция, читанная 24-го марта 1891 года в пользу Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Казанской губернии ординарным профессором Н.П. Загоскиным. Казань : Типография Императорского Университета, 1891. 72 с.
18. Государственный архив Кировской области. Ф. 585. Оп. 108. Д. 338.
19. Объявления // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1863. № 5.
20. Объявления // Вятский край. 1898. № 5.
21. Герценштейн Г. О женщинах-врачах и женских врачебных курсах // Северный вестник. 1893. № 9, сентябрь. С. 69–95.
22. Вятка. Женщины-врачи. Областная хроника // Волжский вестник. 1884 г. 17 (29) июня. № 70. С. 3–5.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 февраля 2017 г.

THE PROBLEM OF MEDICAL PERSONNEL SHORTAGE IN THE PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY (BASED ON MATERIALS OF VYATKA AND KAZAN PROVINCES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 58–62.
DOI: 10.17223/15617793/417/9

Valentina L. Zalyalova (Mikheicheva), Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University (Elabuga, Russian Federation). E-mail: mikheicheva92@mail.ru
Keywords: medical profession; doctors; Russian Empire; Vyatka Province; Kazan Province.

The article examines the issue of shortage of health workers and determines their significance for society of the Russian Empire in the second half of the 19th century. Problems that representatives of medical professions faced that resulted in shortage of medical personnel are outlined on the material of Vyatka and Kazan provinces. The study used statistical materials that include memorial books, calendars, region's review, the results of the First General Census of the Russian Empire in 1897. Materials of the National Archive of the Republic of Tatarstan (NA RT) and the State Archive of Kirov Oblast (GAKO) were also used. Newspapers and magazines *Volzhskiy vestnik*, *Kazanskie gubernskie vedomosti* and *Severnyy vestnik* were analyzed, as they published ads about medical services and job openings. In addition, the periodicals reveal the problems health workers faced in Russia in the second half of the 19th century. The second half of the 19th century saw transition from a traditional to an industrial society. At this point, there were specific problems that influenced the lack of medical personnel. Health care workers faced the following problems: distrust; lack of knowledge about personal hygiene; remoteness of the patient; inequality of the sexes. For a long time, conventional medicine was only available to higher classes. Therefore, ordinary people were treated with folk remedies. In the second half of the 19th century thanks to the great reforms of Emperor Alexander II medicine available to the common people of the provinces began to develop. But illiterate residents were wary and preferred traditional medicine. Ordinary people were afraid of the unknown concepts and medical equipment. Due to the lack of health workers, many patients were not able to get to the nearest doctor or paramedic. The doctor also could not always get to patients because of the large distances and observe recovery. Thus, the medical profession was very important for the inhabitants of the Russian Empire. By the end of the 19th century an attempt to get rid of people's addiction to traditional medicine failed, but people were taught to respect doctors and understand that official medicine was necessary to preserve life and health. Economic reforms only increased people's needs in healthcare. Of course, the medical profession did not remain constant, its activities changed, which expanded the specialization of medical workers: in addition to physicians dentists, doctors of women's and children's health and others appeared. Despite the fact that there were not enough doctors for full service of the population of the entire province of the Russian Empire, measures were taken to increase the number of persons who would be representatives of the popular professions in the field of medicine.

REFERENCES

1. All-Russia Population Census of 2010. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/ new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 30th December 2016). (In Russian).
2. Ivanovskiy, V.V. (1899) *Opisanie ekonomicheskogo sostoyaniya Kazanskoy gubernii i nekotorykh uezdov Vyatskoy gubernii, v svyazi s voprosom o soedinenii etikh guberniy rel'sovym putem* [Description of the economic state of Kazan Province and some districts of Vyatka Province, on the connection of these provinces by rail way]. Kazan: Tipografiya i litografiya V.M. Klyuchnikova.
3. Ozhegov, S.I. (2007) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 24th ed. Moscow: Oniks.
4. Razumnaya, N.N. (2016) Usloviya stanovleniya zemskoy meditsiny v Rossiyskoy imperii [Conditions for the formation of zemstvo medicine in the Russian Empire]. *Zhurnal istoricheskikh, politicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy – Journal of History, Politics and International Studies*. 1 (57). pp. 22–31.
5. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897 g. Kratkie obshchie svedeniya po imperii. Raspredelenie naseleniya po glavneyshim sosloviyam, veroispovedaniyam, rodnomu yazyku i nekotorym zanyatiyam* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. Brief general information on the Empire. Distribution of the population according to the main estates, creeds, mother tongue and some occupations]. St. Petersburg: parovaya tipo-litografiya N.L. Nyrkina. [Online] Available from: https://vivaldi.nlr.ru/bv000001450/view#page=4. (Accessed: 25th September 2015).
6. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897]. Vol. X. St. Petersburg: Tipografiya kn. V.P. Meshcharskogo.
7. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897]. Vol. XIV. St. Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del.
8. Korolev, V. (ed.) (1860) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1860 god* [Memorial book of Vyatka Province for 1860]. Vyatka: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
9. Tipografiya gubernskogo pravleniya. (1870) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1870 god* [Memorial book of Vyatka Province for 1870]. Vyatka: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
10. Tipografiya gubernskogo pravleniya. (1873) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1873 god* [Memorial book of Vyatka Province for 1873]. Vyatka: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
11. Laptev, M. (1861) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Kazanskaya guberniya* [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kazan Province]. St. Petersburg: pech. v voinskoy tipografii.
12. National Archive of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 359. List 1. File 29. (In Russian).
13. National Archive of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 389. List 1. File 44. (In Russian).
14. Gubernskaya tipografiya. (1899) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii i Kalendar' na 1900 god* [Memorial book of Vyatka Province and the Calendar for 1900]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya. pp. 33–171.
15. Kil'dyushevskiy, N.P. (ed.) (1901) *Pamyatnaya knizhka Kazanskoy gubernii na 1901 g.* [Memorial book of Kazan Province for 1901]. Vol. 3. Kazan: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
16. Portugalov, V.O. (1873) *Voprosy obshchestvennoy gigieny* [Issues of public hygiene]. St. Petersburg: Tipografiya A. Moryatovskogo.
17. Zagoskin, N.P. (1891) *Vrachi i vrachebnoe delo v starinnoy Rossii: publichnaya lektsiya, chitannaya 24-go marta 1891 goda v pol'zu Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchitelyam i uchitel'nitsam Kazanskoy gubernii* [Doctors and medical practice in ancient Russia: a public lecture, read on March 24, 1891 in favor of the Society for Mutual Assistance to Teachers of Kazan Province]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta.
18. State Archive of Kirov Oblast. Fund 585. List 108. File 338. (In Russian).
19. Kazanskie gubernskie vedomosti. (1863) Ob"yavleniya [Ads]. *Kazanskie gubernskie vedomosti*. 5. Unofficial part.
20. Vyatskiy kray. (1898) Ob"yavleniya [Ads]. *Vyatskiy kray*. 5.
21. Gertsenshteyn, G. (1893) O zhenshchinakh-vrachakh i zhenskikh vrachebnykh kursakh [About female doctors and women's medical courses]. *Severnyy vestnik*. 9. September. pp. 69–95.
22. Volzhskiy vestnik. (1884) Vyatka. Zhenshchiny-vrachi. Oblastnaya khronika [Vyatka. Female doctors. Regional Chronicle]. *Volzhskiy vestnik*. 17 (29) June. 70. pp. 3–5.

Received: 27 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 63–74. DOI: 10.17223/15617793/417/10

УДК 95(570)“18/19”

В.П. Зиновьев, С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых

РОЛЬ З.М. ЦИБУЛЬСКОГО В СОЗДАНИИ ПЕРВОГО В АЗИАТСКОЙ РОССИИ УНИВЕРСИТЕТА: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ И 140-ЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки РФ образовательных организаций по проекту «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности» (№ 33.1687.2017/ПЧ).

Рассматривается деятельность известного томского предпринимателя и мецената, городского головы З.М. Цибульского, направленная на открытие в Томске Сибирского университета в 1870-е гг. Цибульский был не только крупнейшим жертвователем на университет, но и одним из тех общественных деятелей, которые организовывали его открытие. Приводятся новые факты из переписки З.М. Цибульского о перипетиях борьбы за университет в Томске.

Ключевые слова: З.М. Цибульский; меценатство; Императорский Сибирский университет; Томск.

Открытию первого в Азиатской России университета предшествовала, как известно, серьезная борьба между городами, претендовавшими на его размещение. То, что Сибирский университет был основан в Томске, дело не случая, а результат борьбы местного просвещенного общества, в котором большую роль играли и меценаты.

23 марта (8 апреля) 2017 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Захария Михайловича Цибульского, одного из крупнейших жертвователей на первый в Сибири университет. 22 июля 1888 г., когда состоялось торжественное открытие Императорского Томского университета, «Сибирская газета», отдавая дань уважения тем, кто много сделал для того, чтобы Томск обрел долгожданное детище, прославившее этот сибирский город, разместила на своих страницах биографические очерки о первых жертвователях на первый университет в Сибири Павле Григорьевиче Демидове – ревнителе русского просвещения, ученом-натуралисте, меценате, пожертвовавшем еще в начале XIX в. 100 тыс. руб. на университеты в Тобольске и Киеве, – и сибирском золотопромышленнике, потомственном почетном гражданине и кавалере, колыванском 1-й гильдии купце З.М. Цибульском. Оговорившись при этом, что очерк еще об одном крупном жертвователе А.М. Сибирякове, заказанный редакцией в Петербурге, не был к моменту выхода этого номера газеты получен.

З.М. Цибульский родился в селе Балахтинском Минусинского округа в семье местного волостного писаря. Его матерью была дочь местного крестьянина Назарова – Варвара Гордеевна. Единственный и любимый ребенок воспитывался, тем не менее, в строгости. В 11 лет он уже «заменял при отце помощника волостного писаря». Однако продолжалось это недолго. После переезда Цибульских в Ачинск, где отец поступил на службу в городскую ратушу, Захария устроили писцом в окружной суд. Неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы Ачинский городской голова Родионов не взял по своим служебным делам в Красноярск молодого человека, обладавшего к тому же каллиграфическим почерком. Там Цибульский был замечен енисейским губернатором И.Г. Ковалевым, пригласившим его для письменных работ. В 1835 г., когда Ковалева назначили тобольским губернатором, Захарий переехал вместе с ним.

Однако канцелярская служба не удовлетворяла честолюбивого юношу. Начавшаяся в то время в Сибири «золотая лихорадка» дразнила его воображение. Он поступает на службу к известному золотопромышленнику Якиму Рязанову, а затем переходит в компанию предпринимателя М.А. Красильникова, торговавшего главным образом мукой, где его годовое жалованье составило 2 тыс. руб.

В 28 лет З. Цибульский женится на дочери одного из учредителей К° Красильникова Бобкова – Феодосии Емельяновне. Ее отец владел золотыми приисками в Енисейской тайге. По наследству дочери достались дом в Томске и золотые прииски в Ачинском округе. Однако З. Цибульскому нелегко было вести самостоятельно дело без достаточного наличного капитала и при долгах по наследству. Проявив недюжинное трудолюбие и энергию, он сумел за 18 лет преодолеть выпавшие на его долю невзгоды. Как повествует об этих годах З.М. Цибульского автор очерка, «жизнь его проходила в ежегодных поездках на прииски, в глухую сибирскую тайгу, в хозяйничьи в этой тайге, да в неприятных изворотах недостаточно денежного человека между платежами и получениями по “ассигновкам”. Наконец, в 1864 г. была открыта богатая золотая россыпь по системе реки Абакана, принесшая Цибульскому более 3 пудов золота, возможность приобрести значительное состояние и заняться, между делом, благотворительностью. Именно эта сторона деятельности принесла ему известность и благодарность потомков» [1].

Известно, что З.М. Цибульский пожертвовал 15 тыс. руб. на окончание постройки реального училища в Томске, 10 тыс. руб. на Добровольный флот, 18 тыс. руб. на стипендии, 5 тыс. руб. на пособие томским погорельцам и др. Помимо этого он завещал 150 тыс. руб. на постройку в Томске собора [2. С. 99]. К нему многократно обращались за помощью разного рода люди. На некоторых сохранившихся до нашего времени письменных обращениях есть такого рода пометки, сделанные рукой З.М. Цибульского: «Послал 25 руб.», «Послал 50 руб.» и др.

Вот что, например, писал Цибульскому находившийся в запасе после 10 лет военной службы надзира-

тель артиллерийского имущества, пострадавший во время «приготовления снарядов», Иван Маковкин, проживавший в селе Кабанское в Забайкалье в июле 1882 г. и обратившийся к нему с просьбой о помощи: «Осмелюсь доложить Вам, как Вы уже везде известны своею милостивою благотворительностью, не тошто в российских пределах, даже и в отдаленном Амурском крае. Ваше громкое имя несется везде, что доказывают "Московские ведомости", "Русский курьер"….» [3].

Несмотря на то что о З.М. Цибульском как предпринимателе и жертвователе написано уже немало [4; 5; 6. С. 298–301], тем не менее, неопубликованные ранее источники, главным образом личного харктера, позволяют представить масштабнее его роль в судьбе первого в Азиатской России высшего учебного заведения – Императорского Томского университета.

История с учреждением университета в Сибири, начавшаяся в 1803 г., вступила в решающую фазу лишь спустя почти три четверти века, когда в 1875 г. генерал-губернатором Западной Сибири был назначен Г.Н. Казнаков. При докладе Александру II 25 апреля он остановился на характеристике тяжелого положения в Сибири со здравоохранением, народным образованием и судебной системой. Одной из первоочередных мер по выходу из него Казнаков назвал открытие здесь университета. В ответ царь «высочайше соизволил» представить проект этого учреждения [7. С. 3].

Прибыв из Петербурга в Омск, где в то время располагалась резиденция Западно-Сибирского генерал-губернаторства, Н.Г. Казнаков занялся необходимыми подготовительными мероприятиями, связанными с учреждением будущего университета. Наряду с изучением состояния народного образования в регионе решался и вопрос о выборе города, который мог бы стать университетским центром. Чтобы избежать излишних расходов казны, Казнаков стал изыскивать возможность сбора средств на сооружение университета путем пожертвований.

Затраты на строительство университетских зданий генерал-губернатор в письме на имя министра народного просвещения от 30 ноября 1875 г. определил в 500 тыс. руб., предложив компенсировать часть этих денег из пожертвования П.Г. Демидова на Сибирский университет в 50 тыс. руб., сделанного еще в начале XIX в., которое к тому времени с процентами составило уже более 151 тыс. руб. [8. Л. 33–34].

Летом 1875 г. Н.Г. Казнаков совершил поездку по Западной Сибири, побывав и в Томске, где поинтересовался у томского губернатора А.П. Супруненко, «имеет ли он ввиду кого-либо из граждан, кто пожертвовал бы крупную сумму». На это Супруненко ответил, что «кроме купца Цибульского не может указать никого».

Об этом и дальнейшем ходе дела с пожертвованием поведал сам З.М. Цибульский в письме к сыну уральского золотопромышленника Т.П. Зотова Наркису Титовичу в Петербург (через него Цибульский осуществлял свои сделки с золотом, приобретением ценных бумаг, закупал оружие и припасы для охоты, одежду, вина и т.п.), судя по содержанию их переписки, длившейся на протяжении нескольких лет.

Во время посещения Казнаковым Томска Цибульского в городе не было, он вернулся туда в начале января 1876 г. Вот что Цибульский пишет: «После этого разговора, зимой уже, Казнаков, писавши губернатору Супруненко об отводе места под университет в Томск, выразился так: что, "пожертвование Цибульского, крайне было бы желательно и дало бы делу мощный толчок", присовокупляя: что "чем пожертвование будет крупнее, тем и старание (его Казнакова) о награждении меня будет горячее". Переписка эта между Супруненко и Казнаковым велась без всякого ведома моего; и познакомился я с ней по приезде моем в Томск из Летаков (?) в первых числах января с. г. – Такое предложение, заявленное мне чрез г. Супруненко в первом случае, как о деле хорошем, было очень приятно, потому что оно служило на пользу родной нашей Сибири; но 2-е – обещание о награде – меня, возмутило! Одинаково, не смотря на столь легкое понятие обо мне Казнакова, я побежден был собственными чувствами об обещании благ и пожертвовал 100 тыс. на устройство Сибирского университета в Томске» [9].

20 января 1876 г. А.П. Супруненко сообщил об этом пожертвовании Н.Г. Казнакову по телеграфу: «Потомственный почетный гражданин Колыванский первой гильдии купец Захарий Михайлович Цибульский пожертвовал сто тысяч рубл. на сооружение университета в Томске. Деньги эти уже представлены и будут сданы мною на хранение в губернское казначейство. Пятьдесят тысяч из этого капитала заключаются в пяти процентных безымянных билетах, а пятьдесят тысяч в именных, вместо которых в марте месяце Цибульский представит наличные деньги или безыменные билеты» [10. Л. 89].

Забегая вперед, отметим, что уже в апреле того же года за пожертвование «на устройство предположенного учреждению в Сибири университета 100 т. рублей» Цибульскому был пожалован орден Св. Владимира 3-й степени. Ранее за свою благотворительность он был удостоен орденов Св. Анны III ст. (1869), Св. Станислава II ст. (1871) и Св. Анны II ст. (1875) [11. Л. 1, 6 об., 7 об., 9 об.].

19 января 1876 г. томская городская дума постановила уступить под постройку университета несколько участков земли, принадлежавшей городу, общей площадью 89 422 квадратных сажени земли [10. Л. 85]. Эта земля была оценена в 107 тыс. 307 руб. 20 коп. [12. Л. 14 об.].

Н.Г. Казнаков предложил избрать в качестве университетского центра Томск, мотивировав это тем, что это «город со значительным населением, лежащий почти в центре Сибири и притом связанный пароходным сообщением с Тобольском, Тюменью и некоторыми другими городами западной ее половины» [8. Л. 9].

Однако затем он поменял свой выбор, отдав предпочтение Омску. В итоговом министерском представлении, датированном 29 мая 1876 г., университет предлагалось открыть с 1 июля 1880 г. в составе четырех факультетов в Омске, именовать его Сибирским университетом и подчинить ведению генерал-губернатора Западной Сибири [13. Л. 19 м об.–19 н].

Оставалось только рассмотреть это представление в Соединенных департаментах государственной экономии и законов, а затем в Общем собрании Государственного совета. Однако события на Балканах, обострение меж-

дународной обстановки и возможность вступления России в войну против Турции отодвинули вопрос о Сибирском университете на второй план.

И хотя сам проект представления не был опубликован и не стал предметом общественного обсуждения, но один из его пунктов сделался достоянием внимания центральной и сибирской прессы. В нем речь шла о городе, где предстояло строить университет. Им, как говорилось выше, был Омск.

Сам Н.Г. Казнаков мотивировал выбор Омска на роль университетского города тем, что Томск хотя и был выгоден в географическом отношении, находясь «почти в центре Сибири», а пароходным сообщением связывался с Тобольском, Тюменью, Омском и другими сибирскими городами, тем не менее, имел и «некоторые важные неудобства». В первую очередь, по его мнению, это было наличие в городе «весьма значительного числа ссыльных, контингента населения, который, – как полагал Казнаков, – нельзя считать выгодным для преуспеяния здоровой жизни университета» [10. Л. 131].

В Омске же, по словам генерал-губернатора, «центре главного местного управления», можно было бы подыскать более подходящее место под университетские здания, также сюда на учебу могли приезжать выпускники не только сибирских гимназий, но и гимназий Оренбургского учебного округа, а также средних учебных заведений Туркестанского края, когда те «достигнут размеров гимназий» [Там же].

Скорее всего, Н.Г. Казнаков отдал предпочтение Омску не без влияния своего окружения, убеждавшего генерал-губернатора, что статус Омска заметно повысится после открытия университета [14. С. 27].

Проект документа «Об учреждении в Сибири университета» был передан в Соединенные департаменты государственной экономии и законов и должен был рассматриваться осенью того же года. Однако обсуждение по разным причинам было отложено до апреля 1877 г.

Еще до того как стало известно, что университет решено открыть в Омске, а не в Томске, на страницах столичной и сибирской печати набирала силу полемика вокруг того, следует ли вообще открывать в Сибири университет, а если открывать, то в каком городе. Когда же стали распространяться слухи о намерении властей учредить университет в Омске, то количество публикаций заметно возросло. Причем большинство авторов высказывались за то, что университет следовало открыть именно в Томске. «Несмотря на все аргументы в пользу Омска, как города будущего, и его административные преимущества, – писал Н.М. Ядринцев, – мысль избрания его резиденцией университета, противоречащая вообще интересам сибирского края и общества, являлась вдобавок неожиданностью для сибиряков и, понятно, вызвала самые горячие протесты» [15. С. 83].

Томская дума поручила городскому голове Е.И. Королеву обратиться с просьбой к общественным самоуправлениям городов Сибири походатайствовать за Томск. В первую очередь откликнулись думы городов Восточной Сибири: Нерчинска, Иркутска, Енисейска, Верхнеудинска [8. Л. 288–296], а затем и ряда других городов. В итоге большинство сибирских городов поддержали Томск в его притязаниях на университетский центр Сибири.

Не остался в стороне и З.М. Цибульский. 31 августа 1876 г. он обратился к министру народного просвещения Д.А. Толстому с докладной запиской «По вопросу о Сибирском университете» [8. Л. 199–203]. «Ни в одной части России общество, – писал З.М. Цибульский, – не прочувствовало такого глубокого недостатка высшего образования… Поэтому известие о намерении правительства учредить в Томске университет было встречено сибиряками с невыразимым восторгом. Наши начинания, касались ли они науки и воспитания, городского хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными вследствие недостатка знания. Мы желаем исследовать Сибирь для себя, а, между тем, к нам приезжают Норденшильды, Бремы, представители чужих интересов. Мы жертвуем деньги на приюты, городские и сельские школы, но заведения эти не приносят всей ожидаемой от них пользы по неимению хороших преподавателей. Нам должно заботиться о городском благоустройстве, ассенизации наших жилищ, но где взять исполнителей? Неисчерпаемые естественные богатства Сибири лежат нетронутыми, ожидая умелые руки для их разработки. Приведенные и другие подобные задачи невымышленные, а действительные и насущные, разрешатся в благоприятном смысле, когда в Сибири будет рассадник высшего образования. Вот почему весть об университете была встречена единодушным сочувствием, которому, в особенности, подействовало удачное избрание Томска – университетским городом» [Там же. Л. 199].

З.М. Цибульский сообщил министру, что он лишь по просьбе генерал-губернатора Н.Г. Казнакова «отступился от условного пожертвования», позволив потратить внесенные им 100 тыс. руб. «вообще на Сибирский университет». При этом он надеялся, что генерал-губернатор «в виду единодушного общественного мнения» не допустит, чтобы «какой-либо другой город был предпочтен Томску» [Там же. Л. 200 об.].

Подверг он сомнению и главный довод Н.Г. Казнакова против Томска, пенявшего на то, что это город ссыльных, которые не лучшим образом могут повлиять на студентов. «Но ведь колонизация всей Сибири, – возражал он, – производилась ссыльными. Еще очень недавно Омск был точно таким же местом ссылки, как теперь Томск, но достаточно было прекратить ссылку и последние следы ссыльного элемента там исчезли. Совершенно во власти правительства применять такую же меру и к Томску. В строгом смысле слова, Томск даже не составляет ссыльной колонии, так как преступники посылаются не на поселение, а на житие, в виде исправительного наказания за маловажные преступления; причем крайний предел запрещения отлучаться из города, назначенного для жительства, ограничивается пятью годами. Следовательно, с прекращением ссылки, достаточно будет времени, какое употребится на постройку университета, чтоб Томск очистился от ссыльных». К этому он добавил, что политические ссыльные, которых в Томске было не так уж много, «никогда не име-

ли малейшего влияния на… общество Сибири». В качестве подтверждения Цибульский привел пример с сосланным на поселение в Томск в 1857 г. М.А. Бакуниным, который, по его словам, «слыл здесь пустым человеком» [8. Л. 202 об.].

Упомянул З.М. Цибульский и о поддержке кандидатуры Томска думами ряда сибирских городов, высказавшими свое несогласие с выбором Омска. «Это, – подчеркнул он, – ясно доказывает, что сочувствие Томску не вытекает из эгоистической заботы одних лишь его гражданах о выгодах своего города; такое узкое воззрение не заслуживало бы поощрения. Пусть откроют в Сибири две подписки: на университет в Омске и на университет в Томске, тогда увидят наглядным образом, что первому никто не сочувствует, на второй же посильные приношения деньгами, учреждением стипендий, коллекциями для музея и т.п. потекут широкою рекою» [Там же. Л. 203].

В конце записки З.М. Цибульский подчеркнул: «Ошибкой в выборе пункта для университета значилось бы дискредитировать здесь самую идею высшего образования, отделить ожидаемые от университета Сибири благие результаты, может быть, на целое столетие. Прикажите, Ваше сиятельство, для пользы нашего отечества, изучить подробно и беспристрастно вопрос о выборе города для Сибирского университета. От этой отсрочки дело только выиграет и, несомненно, получит справедливое разрешение…» [Там же].

З.М. Цибульский в письме Н.Т. Зотову от 31 августа 1876 г. высказал даже намерение забрать свое пожертвование, если Государственный совет не даст своего согласия на открытие университета в Томске. «Если утверждение университета почему либо не воспоследует в нынешнем 1876 году, – писал он, – то я оставлю за собой право жертвуемые 100 т[ыс.] употребить по моему усмотрению исключительно по г. Томску и не премину заявить своевременно» [9].

Далее Цибульский предлагал, несмотря на возможную войну России с Турцией, не медлить с началом строительства университета, а приступить к нему, использовав для этого капитал П.Г. Демидова и его пожертвование. «…на эти 230 т[ысяч], – писал он, – и начать бы постройку, а с этим вместе, т.е. с утверждением этого учреждения тотчас открыть подписку по Сибири, как я и писал в док[ладной] записке мин[истр]у. Я положительно убежден, что капитал, требующийся на постройку ун[иверсите]та около 500 т[ыс.], как предполагал Казнаков, пожертвуют сибиряки в особенности иркутские богачи и енисейцы, а затем наши томские и проч[ие]. Ведь делу этому все здесь сочувствуют! – Ежели универс[итет] откроют в Томске» [Там же].

Последующие письма З.М. Цибульского Н.Т. Зотову в Петербург также наполнены беспокойством о судьбе будущего университета в Томске. 7 февраля 1877 г. он, например, попросил написать ему «что-либо поподробнее об университете: где это дело и что о нем думают» [16].

18 апреля 1877 г. он пишет тому же адресату: «Разузнай толком и уведомь резонно: как нам здесь понимать вопрос об университете? Утвержден ли он в Сибири или только опять идет об этом разговор? Или же утверждено только предположение об учреждении университета в Сибири, как об этом писали в какой-то газете. На счет этого я решительно как в потемках нахожусь. …На чем же все остановилось и чем все затормозилось! Наблюди, пожалуйста, как можешь и везде, что же насчет этого будет делать Казнаков, пребывающий теперь в СПБ. Неужели он еще станет пороть дичь: и настоять за Омск!» [17].

Рассмотрение министерского представления в Соединенных департаментах Государственной экономии и законов было отложено вначале на осень 1876 г., а затем и вовсе перенесено на весну 1877 г.

Дело «Об учреждении в Сибири университета» должно было рассматриваться в общем собрании Государственного совета для принятия окончательного решения 14 мая, прежде чем царь подпишет указ об учреждении университета. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не действия, предпринятые членом ученого комитета при Министерстве народного просвещения, профессором В.М. Флоринским, горячим сторонником открытия университета именно в Томске.

В своих воспоминаниях В.М. Флоринский пишет, что в то время, когда вопрос об учреждении университета в Сибири рассматривался в департаментах Государственного совета, его не было в Петербурге. По возвращении в столицу он, узнав о том, что верх берет Омск, попытался уговорить графа Д.А. Толстого еще раз вернуться к рассмотрению этого вопроса. «Выбором города для университета, – убеждал он министра, – определяется его будущность, успех или неуспех задуманного предприятия» [14. С. 37].

Однако Д.А. Толстой ответил отказом, заявив, что сделать ничего нельзя, так как две трети членов Государственного совета уже высказались в пользу Омска. Тем не менее Флоринскому удалось уговорить министра дать свое согласие на то, чтобы попытаться убедить председателя Государственного совета, великого князя Константина Николаевича еще раз вернуться к рассмотрению вопроса о выборе университетского города. При личной встрече В.М. Флоринский, хорошо знавший великого князя, будучи лечащим врачом его жены, получил согласие председателя Государственного совета на «более обстоятельное обсуждение» университетского вопроса с «участием лиц, знающих оба эти города и вообще Сибирский край» [Там же. С. 38].

При докладе Александру II 16 мая 1877 г. Константину Николаевичу удалось убедить царя в том, чтобы поручить министру народного просвещения создать комиссию «из лиц, практически знакомых с Сибирью… с тем, чтобы соображения этой комиссии о том, в каком из сибирских городов предпочтительнее учредить предполагаемый университет со всеми необходимыми для разрешения этого вопроса статистическими и другими сведениями». После обсуждения этого вопроса министр должен был снова обратиться со своим заключением в Государственный совет [8. Л. 233 б – 233 в]. Предполагалось, что вся работа будет завершена к осени 1877 г., когда члены Государственного совета приступят к работе.

Комиссию возглавил товарищ министра народного просвещения князь А.П. Ширинский-Шихматов [8.

Л. 234–236]. В состав комиссии вошли бывший тобольский губернатор, член совета министра внутренних дел, тайный советник А.И. Деспот-Зенович, причисленный к Министерству народного просвещения, непременный член медицинского совета Министерства внутренних дел профессор В.М. Флоринский, главный инспектор училищ Западной Сибири А.П. Дзюба [8. Л. 236; 10. Л. 304]. Министр предложил генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову включить в комиссию еще и представителя от Омска, которым стал вице-губернатор Акмолинской области М.Н. Курбановский [10. Л. 337].

Н.Г. Казнакову было поручено организовать сбор статистических и других сведений, необходимых «для возможно полного обсуждения в комиссии настоящего дела». Еще раньше В.М. Флоринский попросил своего давнего знакомого А.И. Дмитриева-Мамонова, в то время председателя томского губернского правления, собрать и прислать ему подробные статистико-экономические сведения о положении городов Западной Сибири, а также планы университетского места и самого Томска [14. С. 41]. 10 июля 1877 г. А.И. Дмитриев-Мамонов отправил в Петербург все необходимые материалы [18. С. 234].

З.М. Цибульский все это время не переставал интересоваться тем, как решался университетский вопрос в Петербурге. 11 июля 1877 г. он получил телеграмму от Н.Т. Зотова, из которой узнал о том, что «еще город для университета не избран», и в свою очередь сообщил, что томская городская дума направила свое письменное ходатайство в Петербург. «Нужно тебе сказать, – писал он, – что, независимо, ходатайства бумажного, томские предполагают послать в СПБ депутацию, чему я много способствую, ибо учреждение университета в Омске крайне нелогично. А это разделяют вполне иркутяне и красноярцы. Говоря о двух только городах на том основании, что имею в заручке личные некоторых почтенных граждан отзывы, случайно со мной видевшихся. Независимо [от] могущей поехать в СПБ депутации, я, как жертвователь, предполагаю послать Министерству народ[ного] просвещения свое заявление за Томск как справедливость дела и показа для края требуется и как это дело в начале при пожертвовании было начато, все г. Казнаков исказил или перефразировал» [19].

Уже после того как стало известно о предстоящей работе комиссии, З.М. Цибульский 3 августа 1877 г. направил записку великому князю Константину Николаевичу. Выразив свое несогласие с предложением Н.Г. Казнакова учредить университет в Омске, он напомнил, что свое пожертвование сделал в надежде на то, что университет будет в Томске, и опроверг все доводы защитников Омска. Это и утверждение, что Томск являлся «ссыльным городом», и что население к югу и западу от Омска по численности своей доставит много слушателей университету. Что касается первого довода, то он, по мнению Цибульского, отпадет с отменой ссылки в Сибирь. Относительно же второго довода он писал: «…к югу и западу от Омска преобладает население сельское, и преимущественно кочующие; важнейшие же города, заключающие в себе приготовительные средне-учебные заведения и могущие, вследствие этого, поставлять контингент слушателей для университета, расположены по главному Сибирскому тракту, для которого Томск, по своему географическому и торговому положению, служит неоспоримым, всеми признаваемым, средством. Что же касается инородцев и кочующие племена Киргизских степей, то едва ли основательно и своевременно предоставлять им блага цивилизации с этим преимуществом в ущерб коренного русского населения, ввиду чего Сибирский университет должен быть по преимуществу русским и преследовать цели в духе отечественной национальности» [20].

Интересуясь судьбой своей записки, З.М. Цибульский 15 ноября 1877 г. писал Н.Т. Зотову: «…благосклонно ли будет принята моя записка об университете, посланная велик[ому] князю. Но ты об этом все молчишь и молчишь, а пишешь только, что Г[осударственный] С[овет] пока не отвечает. Оно, конечно, так и быть доверяю, коль скоро нет одного из членов комиссии. Это [касается] нашего начальника по учебной части Дзюбы, который, однако же, теперь в ПБ-ге, так как он из Омска выехал 16 октября и будто бы по требованию уже данному из СПБ-га, а что до этого (отъезда своего и по неволе) он будет удерживаться Казнаковым в тех видах, что сам Каз[нако]в предполагал в сем ноябре ехать в ПБг; теперь же пока неизвестно, когда он поедет. Если доверять этим слухам, то становится ясным, что Каз[нако]в домогается самолично представить доклад Государю об университете» [21].

В другом письме тому же Н.Т. Зотову он, приведя копию докладной записки Константину Николаевичу по вопросу о Сибирском университете, попросил своего адресата «дознать: будет ли она иметь какой-либо успех?». Далее Цибульский посетовал на то, что «прежнюю записку, посланную мною министру, видно положили под сукно!? О ней я переписал записку Великому князю, усиленную на всякий случай» [22].

Комиссии, однако, сразу же после летнего каникулярного времени собраться не удалось. С задержкой были собраны и все необходимые для ее работы материалы [10. Л. 333].

Омские представители А.П. Дзюба и М.Н. Курбановский, несмотря на неоднократные напоминания из Петербурга, смогли выехать лишь в конце октября [8. Л. 322; 10. Л. 340]. Поэтому первое заседание комиссии удалось провести лишь 22 ноября 1877 г.

Всего состоялось семь заседаний. На заседании, состоявшемся 19 декабря, была зачитана выше приведенная докладная записка потомственного почетного гражданина Захария Михайлович Цибульского на имя министра народного просвещения от 31 августа 1876 г. по вопросу о Сибирском университете. «Комиссия признала небесполезным поместить эту записку в своих протоколах» [23. С. 148]. В итоге свой окончательный выбор она сделала в пользу Томска.

Для окончательного решения вопроса об учреждении в Сибири университета предстояло выполнить еще несколько формальностей. 11 февраля 1878 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой вошел в Государственный совет с вторичным представлением «Об учреждении университета в Сибири». Соеди-

ненные департаменты государственной экономии и законов Государственного совета 18 марта 1878 г. вынесли заключение: «1) Разрешить учреждение Императорского Сибирского университета в г. Томске. 2) Предоставить министру народного просвещения ныне же приступить к предварительным, по сему предмету, распоряжениям, с тем, чтобы, по составлении и утверждении, в установленном порядке, технических смет и чертежей на постройку зданий университета и факультетских клиник при оном, представлено было им, министром, Государственному совету о требующихся на сие дело расходах, а равно о тех могущих потребоваться, против первоначальных предположений, изменениях, необходимость коих к тому времени выяснится; и 3) Предоставить министру внутренних дел войти в соображение возбужденного министром народного просвещения вопроса о прекращении ссылки преступников в г. Томске с его округом, и затем дать этому делу дальнейший ход, в установленном для сего порядке» [8. Л. 212]. Общее собрание Государственного совета 1 мая выразило согласие с мнением Соединенных департаментов.

В письме Н.Т. Зотову от 12 мая 1878 г. из д. Изындаево (ныне на территории Тяжинского района Кемеровской области) Цибульский писал: «Шлю большое и даже очень большое спасибо тебе, душою уважаемый Норкис Титович, за две твои весьма благоприятные телеграммы: об университете… Вести эти я получил здесь, будучи на гусиной охоте. Учреждение университета в Томске радует нас всех» [24].

16 мая 1878 г. Александр II утвердил представление Государственного совета, которым разрешалось открыть Императорский Сибирский университет в г. Томске в составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского. Министру народного просвещения было поручено сделать предварительные распоряжения по устройству университета и приступить к сооружению необходимых для него зданий [25. С. 352–353].

Таким образом, потребовалось ровно 75 лет для того, чтобы идея об открытии университета в Сибири, начала воплощаться в жизнь. В развернувшейся борьбе Томска и Омска за то, чтобы стать университетским городом, победу одержал Томск. В этом есть большая заслуга и З.М. Цибульского.

В дальнейшем З.М. Цибульский озаботился началом строительства, сетуя на то, что оно откладывается и откладывается, виня в этом генерал-губернатора Н.Г. Казнакова. 7 января 1879 г. он пишет Зотову: «В феврале Казнаков поедет в ПБг, боюсь, чтобы чего еще не напакостил. Уведомь телеграммой меня, когда окончательно приступят к постройке университета, вернее о том… что и как переговоришь с Флоринским» [26].

13 января Цибульский снова возвращается к этой же теме, уведомив Зотова о том, что Казнаков «поездку эту откладывает», и просит своего адресата сообщить ему телеграммой о том, «когда приступ к постройке университета окончательно вырешится и когда, вероятно, будет послан сюда архитектор, а может быть поедет с ним и Флоринский» [Там же].

В том же письме Цибульский затронул вопрос о пожертвованиях на строительство университета, посетовав на то, что «известный богач Немчинов» пожертвовал только тысячу рублей, и объяснив это тем, что предложение о пожертвовании исходило от генерал-губернатора Казнакова [27].

Дело в том, что генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков еще летом–осенью 1878 г. направил известным предпринимателям, имевшим сибирские корни, среди которых были В.И. Асташев, А.М. Сибиряков, В.И. Базилевский, Я.А. Немчинов, И.И. Базанов, братья Трапезниковы, В.Н. Сабашников и другие, письма, в которых призывал тех жертвовать на Сибирский университет. «Существование Сиб[ирского] университета, – писал Н.Г. Казнаков, – будет в свое время обеспечено средствами государства; но работы по устройству университетских зданий, для возведения которых в распоряжении М[инистерства] н[ародного] пр[освещения] имеется сумма частных пожертвований только до 261 тыс. руб., тогда как стоимость их исчислена приблизительно в 600 тыс. руб., могут быть произведены тем успешнее, чем больше оказано будет содействия со стороны общества к покрыванию необходимых для этого расходов. Такое содействие было бы особенно дорого в данную минуту, когда государственное казначейство вследствие понесенных им громадных расходов, вызванных политическими событиями последнего времени, не может обойтись без затруднений в деле открытия учреждений, требующих значительных затрат» [10. Л. 228–229].

Еще до получения этого письма А.М. Сибиряков в августе 1878 г. принял решение пожертвовать 100 тыс. руб. серебром на Сибирский университет в Томске, которые предназначались «на расходы по заведению для университета библиотеки, физического кабинета, химической лаборатории и разных клиник для изучения предметов, имеющих войти в состав университетской программы, с тем, чтобы эти деньги поступили в распоряжение совета университета, и отчет во всех, сделанных на них расходов, публиковался в одной из местных или столичных газет». Об этом он уведомил министра народного просвещения через своего посредника А.К. Трапезникова [Там же. Л. 236–237, 239].

12 октября 1878 г. министр народного просвещения, граф Д.А. Толстой уведомил А.М. Сибирякова о том, что Александр II за пожертвованные 100 тыс. руб. на Сибирский университет объявил ему «высочайшую благодарность» [28. Л. 2].

В 1880 г. А.М. Сибиряков «в воздание особого усердия… на пользу образования, выразившегося значительным пожертвованием на учреждаемый в Сибири университет», был награжден орденом Св. Владимира III ст. [Там же. Л. 17].

О пожертвованиях на Сибирский университет сообщила и американская пресса. «The Daily Graphic» (Нью-Йорк) 14 января 1879 г. в небольшой заметке «Университет в Сибири» сообщала: «Александр Сибиряков, собственник богатых золотых приисков Сибири пожертвовал 100 000 рублей (75 тыс. долларов) на предполагаемый университет. Томск должен стать

Афинами в Северной Азии. Другой сибирский меценат, Асташев, пожертвовал обширный особняк под университет с землей, которую можно использовать под ботанический сад. Другим жертвователем является Цибульский и правление в настоящее время располагает суммой свыше 300 000 рублей, на которые начнется строительство».

Десять тысяч рублей пожертвовал и московский купец А.К. Трапезников, высказав пожелание, чтобы эта сумма была пошла на «потребности упомянутого университета» по усмотрению генерал-губернатора [10. Л. 230–231]. Александр II объявил за это пожертвование А.К. Трапезникову благодарность [Там же. Л. 250]. От 1 до 1,5 тыс. руб. на университет перечислили Я.А. Немчинов и опекун В.Н. Сабашникова [Там же. Л. 240, 274].

Томский купец Е.И. Королев, к которому также обращался Н.Г. Казнаков, отказался жертвовать под предлогом, что он значительную сумму уже потратил на строительство Троицкого собора в Томске [Там же. Л. 236]. Когда после смерти З.М. Цибульского его как городского главу предложили ввести в состав Строительного комитета, то Министерство народного просвещения отказалось сделать это, напомнив о его отказе пожертвовать на университет.

В письме Зотову от 13 января Цибульский писал: «Не подлежит сожалению, что если бы предложение о пожертвовании исходило не от Казнакова, то он (Немчинов) дал бы (как надо думать) минимум 25–50 т. Я же писал тебе, что вмешательство сильных страны нашей только напортит дело, вот только так и выходит» [29].

Спустя 8 дней он отправляет еще одно письмо в Петербург тому же Н.Т. Зотову, в котором приписывает генерал-губернатору Н.Г. Казнакову намерение чинить препятствия началу строительства университета в Томске и называя его в письме Булдыхиным.

«Мы здесь, – писал Цибульский, – имеем основание опасаться того, что если нашему Булдыхину не удалось отстоять Омск, то он тормозит и будет тормозить тем, что коль скоро избран не Омск, а Томск, в таком случае (как он изволил думать) пусть же Сибир[ский] унив[ерситет] покак не будет ни там, ни здесь. Предлог этому он, конечно, возьмет предположение об образовании в Запад[ной] Сибири колоний из политической дряни и по своему положению вообще; как говорится, может из мухи сделать слона… Вернее слухи остановились на том, что Булдыхин поедет в П[етер]Б[ург] около числа 3 или 15-го февраля. Вот, до этого приезда мне и хотелось бы получить сведение о разрешении приступа к постройке университета. При этом только известии я буду спокоен. Сообщите мне скорее по телеграфу переговоры твои с Флоринским и Деспот-Зеновичем, имея то же самое в виду: что если понадобится, то здесь я мог бы дать делу толчок или через министра или через кого-либо из Высш[их] Особ» [30].

Возвращаясь к теме о пожертвованиях на Сибирский университет, З.М. Цибульский писал Н.Т. Зотову: «Здесь демидовских денег, пожертвованных на унив[ерситет], считают до 160 т., но говорят: что будто бы их еще нельзя взять. А если нельзя, то сделанных пожертвований для постройки насчитывается до 150 т., потому что Сибиряковское пожертвование сделано условно и исключительно на кабинеты и т.п. Значит денег мало, а казна дать не может по своему затруднительному финансовому положению; стало быть для Булдыхина опять есть лазейка… Мол искреннее выражается так: что “универс[итет] есть мое Детище”. Какой же тятенька и какая же маменька не позаботится о своем детище! Может быть, что, мол, искренние, как я их назвал, и подкуривают меня, но это все равно! Я хочу идею мою, которой задался, привести в исполнение; ибо я не от каких добрых предприятий не пятился; вот и думаю: дать новый ощутительный толчок при том убеждении, что многие последуют моему примеру в особенности тогда, когда начнется дело приготовления к постройке.

Наилучшее дело было бы, если б вместе с разрешением приступа к постройке велели хоть по Сибири открыть и подписку на унив[ерситет], но никак не через генерал-губернатора, о чем я уже и писал тебе. …Одним словом: так генерал-губернатор только напортил дело. Если бы подписку открыли, положим, хоть через Флоринского, да когда бы он сюда приехал, тогда обсудили бы как это дело начать и провести» [30].

Через три дня, 24 января 1879 г., З.М. Цибульского избрали томским городским головой. «Ты не удивляйся, – писал он в Петербург Н.Т. Зотову, – что я на старости лет, при хвором уже здоровье, сунулся в головы, и не думай, что мной овладело честолюбие. Нет и нет. Принял я на себя это трудное для меня дело по обстоятельствам крайне убедительным: “Глас народа, глас божий”. Это гул от всего города, т.е. всех сословий, начиная от извозчика и кончая губернатором». Наряду с З.М. Цибульским баллотировались: И.А. Еренев, П.В. Михайлов, Е.И. Королев (бывший голова), И.И. Сорокин и Я.И. Акулов. За Цибульского было подано 54 голоса из 67, за Е.И. Королева, занявшего 2-е место, – 32 голоса.

Сообщив о своем избрании, З.М. Цибульский далее писал Зотову: «Итак, очевидно, что до 1-х чисел июня мне придется прожить в Томске, но и дела предстоит много и я не знаю еще как Бог все устроит; много есть преткновений и затруднений на счет улучшения городской обстановки вообще, и мне без обиняков прямо говорят, что “только на меня и надеются и от меня ожидают лучших преобразований”. Легко говорить» [31].

В этом же письме З.М. Цибульский написал, что он через 2–3 дня будет телеграфировать Зотову просьбу заказать изготовить ему мундир, добавив: «При коем нужно приложить: шпагу, шляпу и проч. принадлежности». Еще он пожаловался на глухоту, посетовав, что присланные ему «ушные машинки» «мало уменьшают глухоту» [Там же].

14 февраля 1879 г. Цибульский в ответ на полученную от Зотова телеграмму с сообщением о скором начале постройки университета, которое, по его словам, его и «многих порадовала», выразил удивление тем, что «Флоринский все еще почему-то остается в Казани», хотя, как писал он, «весна уже на носу» [32].

20 апреля 1879 г. Цибульский, объяснив свое длительное молчание, тем, что много времени у него от-

нимали обязанности городского головы, которые, по его словам, шли «все очень хорошо», сообщил, что в Томске ждут «развязки насчет приступа к постройке университета на основании того, что деньги решено позаимствовать из пожертвований». «Ну, а затем, – писал он, – если разрешат подписку, то заем, может быть, и восполнит и очень может быть, что государственному казначейству не придется на стройку давать ни гроша. Телеграфируй мне о том, когда будет послан сюда архитектор и кто он по фамилии?» [33].

О том, как З.М. Цибульский относился к работе в должности городского головы, свидетельствует его письмо Зотову, которое он направил с оз. Шира, где лечился местными грязями. В нем он озаботился решением проблемы с утилизацией нечистот, попросив Зотова разузнать подробнее о печах для их сжигания, устраиваемых в Петербурге и других местах, а также о присылке ему образцов ламп «без стекол с фитильными горелками» на керосине для освещения городских улиц, о которых он вычитал из газет. Наряду с этим он интересовался также и приобретением для городских нужд двух пожарных машин. Последнее было вызвано дошедшими до Цибульского известиями о пожарах, случившихся в сибирских городах [34]. 7 июня 1879 г. Главное управление Западной Сибири сообщило в Министерство народного просвещения о новом пожертвовании З.М. Цибульского: «Почетный гражданин г. Томска, коммерции советник Захарий Цибульский для скорейшей закладки фундамента открываемого в г. Томске Сибирского университета представил ныне в Министерство народного просвещения 40 т. рублей» [10. Л. 262].

В том же году З.М. Цибульский пожертвовал еще 20 тыс. руб. на учреждение при открываемом в г. Томске Сибирском университете трех именных стипендий [35. С. 1–2].

Помимо денежных пожертвований З.М. Цибульский передал будущему университету коллекцию из 882 минералов и 138 образцовых горных пород из месторождений Восточной Сибири (Нерчинский округ, Минусинский округ и др.). При открытии вуза она вместе с коллекциями герцога М. Лейхтенбергского, Г.А. Траутшольда, П.П. Иванова, Седакова и других послужила основой минералогического кабинета [36. С. 290–291].

Что касается строительства университета, то о нем шла речь в письме Цибульского Н.Т. Зотову от 23 ноября 1879 г. Оно было вызвано недовольством петербургского архитектора А.К. Бруни, разрабатывавшего проект университетских построек, тем, что министерство народного просвещения признало годовое вознаграждение ему в 10 тыс. руб. слишком большим. «…если Бруни желает послужить делу, – писал З.М. Цибульский, – пусть не дорожится и берет цену, какую ему предложат, ибо уступка может вознаградиться предстоящими здесь постройками: собора Королевым; семинарии – министерством народного просвещения; театра – томским обществом. Ведь эти дела он может взять за себя и все это ему уже будет “заодномя” по совокупности». Он также выразил сожаление, что с Флоринским он еще не был «не только не знаком, но и ни единой черты взаимной никогда между нами не было и нет до сих пор».

«Все это, впрочем, – закончил свое письмо З.М. Цибульский, – мое мнение, основанное на том, что предстоит; но я прошу тебя, однако ж, не ставить меня в обязательное положение перед Бруни. А пусть он действует по своим соображениям. Разрешение вопроса по принятию мер к чему-либо приступить есть насущное и хорошо сделают, если в декабре распорядятся учреждением комитета и главное присылкою архитектора для осмотра места под здание университета, а затем для заготовления материалов – пока хоть бута, т.е. фундамента или бутового камня с приготовлением канав; ну а главное: это к выписке из России мастеров для выделки кирпича и самой кладки» [37].

18 марта 1880 г. был учрежден Строительный комитет для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске, который возглавил местный губернатор В.И. Мерцалов. Томский городской голова З.М. Цибульский вошел в него в качестве члена. Торжественная закладка главного университетского здания состоялась 26 августа 1880 г. в присутствии З.М. Цибульского. Имя этого жертвователя значилось на медной доске, заложенной в углубление на месте первого камня. В своей речи член Строительного комитета от Министерства народного просвещения В.М. Флоринский отметил: «Почетный гражданин города Томска, коммерции советник Захарий Михайлович Цибульский при первой вести о Сибирском университете внес на осуществление сего учреждения сначала 100 т. руб., а впоследствии еще 40 т. руб. При наращении процентами этот капитал в настоящее время составляет около 160 т. руб. Сверх того З. Мих. Цибульский внес 12 т. рублей на две стипендии для Сибирского университета, одну имени Государя императора, другую имени наследника Цесаревича» [38. С. 4, 17].

Будучи членом Строительного комитета и городским головой, З.М. Цибульский активно занимался решением проблем, связанных со строительством университета. Для примера можно привести его участие в решении проблемы обеспечения строительства кирпичом, которого на все университетские сооружения требовалось порядка 14 млн штук [39]. Комитет на первых же порах встретил затруднения. Маленькие кирпичеделательные заводы Томска, в большинстве своем использующие ручной труд, не могли удовлетворить потребности такой масштабной стройки. Все вместе они едва производили в год до 2 млн штук кирпича. Требовалось вводить новые, еще неизвестные для Сибири приемы изготовления кирпича, как, например, машинное производство. Для этого пришлось бы приглашать из Европейской России техников, машинистов и кирпичных дел мастеров.

Строительный комитет принял предложение члена комитета З.М. Цибульского и почетного гражданина П.В. Михайлова построить такой завод и производить на нем для потребностей университета по 3 млн штук кирпича в год. Цену кирпича с доставкой к университетским постройкам они назначили довольно умеренную, не более 12 руб. за тысячу штук при условии, что «кирпич будет выделываться, возможно, лучшего качества (по образцам) и узаконенной меры» [40].

Как писало «Восточное обозрение, «на основание кирпичеделательного завода для выкладки кирпича

собственно для сибирского университета покойный З.М. Цибульский положил около 35 тыс. рублей» [41].

Однако поставлять кирпич с 1 июля 1882 г. со своего завода, построенного при материальном содействии комитета, как они обещали, не удалось. Машинное производство кирпича началось лишь в 1890 г., когда университет был уже открыт. В 1882 г. с завода Михайлова было доставлено всего 175 тыс. штук [42]. Остальной, необходимый для постройки университетских сооружений кирпич поставлялся небольшими заводами.

Последнее пожертвование на Томский университет Цибульский сделал за месяц до смерти. 14 ноября 1882 г. начальнику губернии торговым домом «Петров и Михайлов» были переданы 5 000 руб. билетами третьего восточного займа, пожертвованные Захарием Михайловичем Цибульским на стипендию при Сибирском университете по случаю 300-летнего юбилея Сибири [43].

Скончался З.М. Цибульский после тяжелой болезни 14 декабря 1882 г. В пятницу 17 декабря Томск отдал последний долг своему городскому голове. «Похороны его, – писали “Томские губернские ведомости”, – имели вполне общественный характер: печальную колесницу провожал буквально весь город…» [44].

«Томские губернские ведомости» поместили соболезнование от Строительного комитета. «Наш город, – отмечалось в нем, – потерял в нем одного из самых видных общественных деятелей, оставившего по себе вечный памятник – Сибирский университет, первый камень которого заложен на средства, пожертвованные покойным. Искренне сожалеет об утрате З.М. и Строительный комитет, лишившийся в нем почти неизменного сотрудника, всегда относившегося к задачам комитета с глубоким сочувствием, а к созидаемому университету с полною верою в его великое значение для всей Сибири. Отходя в другой, лучший мир, Захарий Михайлович мог, по праву, унести с собой сознание, что не только мы, его современники, не забудем его добрых дел, но и наши отдаленные потомки из года в год будут с уважением и признательностью вспоминать имя того, кто своей жертвой дал толчок сооружению Сибирского университета, не переставая с любовью трудиться для скорейшего открытия первого рассадника высшей науки в родной стране» [45]. Газета «Восточное обозрение» через несколько месяцев после смерти З.М. Цибульского привела его слова: «У меня нет наследников и нет другого дела для жизни, как университет» [46].

Еще в феврале 1879 г. министр народного просвещения граф Д.А. Толстой, обращаясь к Александру II, писал: «С целью вызвать и поддержать частные пожертвования на пользу Сибирского университета, и дабы крупные пожертвования частных лиц и городских обществ, делаемые на пользу университета, не терялись из виду современников и потомства, я полагал бы, с своей стороны, справедливым поставить портреты покойного известного благотворителя отечественного просвещения статского советника Демидова, пожертвовавшего в 1803 году 100.000 руб. асс[игнациями] на Сибирский университет, а равно потомственных почетных граждан Цибульского и Сибирякова, в актовом зале будущего Сибирского университета; имена же лиц, принесших на Сибирский университет менее значительные пожертвования, внести на мраморную доску, в том же актовом зале, а именно: Томскую городскую думу, пожертвовавшую 50.000 руб., Трапезникова – 10.000 руб. и полковника Богдановича, пожертвовавшего 4.000 р. на учреждение при Сибирском университете стипендии, дабы этим оказать им выражение должной оценки и постоянной памяти их доброго патриотического дела» [47. Ст. 801–804].

Такое разрешение царя было получено. Портрет З.М. Цибульского кисти петербургского художника Боброва был размещен в актовом зале Главного корпуса университета после его открытия для занятий в 1888 г. В настоящее время он хранится в Музее книги Научной библиотеки Томского государственного университета.

И в наши дни, когда Национальный исследовательский Томский государственный университет готовится отметить свое 140-летие, он не только отдает дань уважения тем, кто стоял у его истоков, но и продолжает нести ту миссию, к которой он был призван с самого первого дня существования: утверждать идеалы науки, образования и культуры на огромной территории азиатской части России.

ЛИТЕРАТУРА

1. З.М. Цибульский // Сибирская газета (Томск). 1888. № 55 (22 июля). С. 23–24.
2. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1998. Т. 4. (С–Я), кн. 2. 160 с.
3. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо И. Маковкина З.М. Цибульскому из с. Кабанское в Томск. июль 1882 г.
4. Разумов О.Н. Цибульский // Деловая элита старой Сибири. Новосибирск : Сова, 2005. С. 241–249.
5. Ноздрин Г.А., Погребняк А.И., Шиловский М.В. Цибульский Захарий Михайлович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск : ГЕО, 2013. Т. 2: М–Я. С. 384.
6. Дмитриенко Н.М. Томские купцы. Биографический словарь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 334 с.
7. Историческая записка о возникновении в Сибири университета // Открытие Императорского Томского университета 22 июля 1888 года. Томск, 1888. [3-я пагин.] 61 с.
8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733 (Департамент народного просвешения Министерства народного просвещения) . Оп. 149. Д. 211.
9. Музей истории ТГУ Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 31 авг. 1876 г.
10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 125 (Главный инспектор училищ Западной Сибири). Оп. 1. Д. 474.
11. ГАТО. Ф. 3 (Томское губернское управление). Оп. 11. Д. 1362.
12. ГАТО. Ф. 103 (Комитет по постройке зданий Сибирского университета в городе Томске). Оп. 1. Д. 10.
13. РГИА. Ф. 565 (Департамент государственного казначейства Министерства финансов). Оп. 4. Д. 15179.
14. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания. 1875–1880 // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 14–229.
15. -ский. Первый сибирский университет // Вестник Европы. 1879. Т. 6, кн. 11. С. 58–92.

16. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 7 февр. 1877 г.
17. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 18 апр. 1877 г.
18. Дмитриев-Мамонов А. К истории первого университета в Сибири (1875–1899 гг.): памяти В.М. Флоринского // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 230–267.
19. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от (?) июля 1877 г.
20. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского великому князю Константину Николаевичу от 3 авг. 1877 г. (копия).
21. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 15 нояб. 1877 г.
22. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург. нояб.(?) 1877 г. (?).
23. Труды комиссии, учрежденной по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб., 1878. С. 148.
24. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из д. Изындаево в Петербург от 12 мая. 1878 г.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 53. Отд. 1. 1878. 464 с.
26. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 7 янв. 1879 г.
27. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 13 янв. 1879 г.
28. РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 327.
29. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 13 янв. 1879 г.
30. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург Н.Т. Зотову от 21 янв. 1879 г.
31. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 24 янв. 1879 г.
32. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 14 февр. 1879 г.
33. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 20 апр. 1879 г.
34. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо Цибульского Зотову с оз. Шира в Петербург от 14 июля 1879 г.
35. Положения о стипендиях на счет процентов с пожертвованных капиталов при Императорском Томском университете и других учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1894. 112 с.
36. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. 544 с.
37. Музей истории ТГУ. Ф. З.М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову из Томска в Петербург от 23 ноября 1879 г.
38. Описание празднества, бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 года, по случаю закладки Сибирского университета. Томск, 1880. 73 с.
39. Научная библиотека ТГУ. Отдел рукописей и книжных памятников (НБ ТГУ ОРКП). Журналы Строительного комитета (ЖСК) № 20. Заседание 31 окт. 1880 г.
40. НБ ТГУ. ОРКП. ЖСК № 32. Заседание 23 янв. 1881 г.
41. Восточное обозрение. Газета литературная и политическая. 1884. № 3 (19 янв.).
42. НБ ТГУ. ОРКП. ЖСК № 164. Заседание 17 февр. 1883 г.
43. Томские губернские ведомости. 1882. № 50. 16 дек.
44. Томские губернские ведомости. 1882. № 51. 23 дек
45. Томские губернские ведомости. 1882. № 50. 22 дек.
46. Университетское дело в Сибири и его превратности // Восточное обозрение. 1883. № 20 (19 мая).
47. Сборник постановлений Министерства народного просвещения. 1877–1881. СПб., 1883. Т. 7: Царствование императора Александра II, 1877–1881. 1883. 2294 стб.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 февраля 2017 г.

THE ROLE OF Z.M. CYBULSKI IN THE CREATION OF THE FIRST UNIVERSITY IN THE ASIAN PART OF RUSSIA: THE 200TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH AND THE 140TH ANNIVERSARY OF TOMSK STATE UNIVERSITY ESTABLISHMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 63–74.
DOI: 10.17223/15617793/417/10

Vasily P. Zinoviev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru
Sergey A. Nekrylov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru
Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergey.fominyh1940@mail.ru

Keywords: Z.M. Cybulski; patronage; Imperial Siberian University; Tomsk.

On the basis of archival documents, periodicals, personal papers, mainly letters, the history of donations of the famous Siberian entrepreneur and philanthropist, Tomsk mayor Z.M. Cybulski to the university in Tomsk is reconstructed (second half of the 1870s – early 1880s). It is emphasized that Cybulski, whose 200th anniversary of birth is celebrated this year, was not only the largest benefactor of the university, but also one of the public figures who organized its opening. The history of the establishment of the University in Siberia is observed. It had began in 1803 and entered into a crucial phase nearly three-quarters of a century later, when in 1875 G.N. Kaznakov was appointed Governor-General of Western Siberia. Having received the consent of Alexander II on the establishment of the University in Siberia, he took the necessary preparatory steps, including the organization of fundraising for the construction of the university by donation. The first to respond was Z.M. Cybulski, donating 100,000 rubles. However, offering Tomsk as a city for the future university Kaznakov later changed his mind and chose Omsk. Z.M. Cybulski played an important role in the fact that Tomsk was finally chosen. He not only donated a considerable sum for the construction of the university in this city, but also actively defended it as a university center. The article first introduces letters by Cybulski to N.T. Zotov, son of the Ural gold industrialist T.P. Zotov, to Petersburg. The letters allow to reconstruct the vicissitudes of this struggle and to show Cybulski's role in the fate of the first higher education institution in the Asian part of Russia – the Imperial Tomsk University. From these letters one can see that Z.M. Cybulski was not only interested in how the university issue was being solved in the government circles in St. Petersburg, but also actively advocated Tomsk. He sent memoranda to the Minister of Education and Chairman of the State Council. As a result, on May 16, 1878, Alexander II approved the submission of the State Council which allowed to open the Imperial Siberian University in the city of Tomsk. It is noted that Z.M. Cybulski as a member of the Building Committee for the construction of the Siberian University buildings in Tomsk and the mayor of the city was actively engaged in solving the problems connected with the construction of the university. This concerned in particular the task of providing bricks for the construction. In the conclusion it is emphasizes that National Research Tomsk State University, which is preparing to celebrate its 140th anniversary, not only pays respect to those who stood at its source, but also continues to carry the mission it had from the very first day of its existence: to assert the ideals of science, education and culture in the vast territory of Asian Russia.

REFERENCES

1. Sibirskaya gazeta. (1888) Z.M. Tsibul'skiy [Z.M. Cybulski]. *Sibirskaya gazeta*. 55 (22 July). pp. 23–24.
2. Zinov'ev, V.P. & Rezun, D.Ya. (eds) (1998) *Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri* [Brief encyclopedia on the history of merchants and commerce in Siberia]. Vol. 4. Book 2. Novosibirsk: RIPEL plyus.
3. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo I. Makovkina Z.M. Tsibul'skomu iz s. Kabanskoe v Tomsk. iyul' 1882 g.* [Letter of I. Makovkin to Z.M. Cybulski from v. Kabanskoe in Tomsk. July 1882].
4. Razumov, O.N. (2005) Tsibul'skiy [Cybulski]. In: Startsev, A.V. et al. *Delovaya elita staroy Sibiri: istoricheskie ocherki* [Business elite of old Siberia: Historical essays]. Novosibirsk: Sova.
5. Nozdrin, G.A., Pogrebnyak, A.I. & Shilovskiy M.V. (2013) Tsibul'skiy Zakhariy Mikhaylovich [Zakhary Mikhailovich Cybulski]. In: Rezun, D.Ya. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri* [Encyclopaedic dictionary on the history of merchants and commerce in Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: GEO.
6. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy. Biograficheskiy slovar'* [Tomsk merchants. Biographical dictionary]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina. (1888) Istoricheskaya zapiska o vozniknovenii v Sibiri universiteta [Historical note on the establishment of a university in Siberia]. In: *Otkrytie Imperatorskogo Tomskogo universiteta 22 iyulya 1888 goda* [The opening of the Imperial Tomsk University on July 22, 1888]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina.
8. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733 *Departament narodnogo prosvesheniya Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Department of National Education of the Ministry of National Education]. List 149. File 211.
9. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 31 avg. 1876 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to Petersburg on August 31, 1876].
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 125 *Glavnyy inspektor uchilishch Zapadnoy Sibiri* [Chief Inspector of Vocational Schools of Western Siberia]. List 1. File 474.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3 *Tomskoe gubernskoe upravlenie* [Tomsk Province Administration]. List 11. File 1362.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 103 *Komitet po postroyke zdaniy Sibirskogo universiteta v gorode Tomske* [Committee for the construction of buildings of the Siberian University in the city of Tomsk]. List 1. File 10.
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 565 *Departament gosudarstvennogo kaznacheystva Ministerstva finansov* [Department of the State Treasury of the Ministry of Finance]. List 4. File 15179.
14. Florinsky, V.M. (2014) Zametki i vospominaniya. 1875–1880 [Notes and memories. 1875–1880]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
15. -skiy. (1879) Pervyy sibirskiy universitet [The First Siberian University]. *Vestnik Evropy*. 6:11. pp. 58–92.
16. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 7 fevr. 1877 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on February 7, 1877].
17. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 18 apr. 1877 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on April 18, 1877].
18. Dmitriev-Mamonov, A. (2014) K istorii pervogo universiteta v Sibiri (1875–1899 gg.): pamyati V.M. Florinskogo [To the history of the first university in Siberia (1875–1899): In memory of V.M. Florinsky]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot (?) iyulya 1877 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to Petersburg on July (?), 1877].
20. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo velikomu knyazyu Konstantinu Nikolaevichu ot 3 avg. 1877 g.* [Letter of Z.M. Tsibulsky to Grand Duke Konstantin Nikolaevich on August 3, 1877]. (A copy).
21. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 15 noyab. 1877 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on November 15, 1877]
22. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg. noyab.(?) 1877 g.(?)* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to Petersburg. November (?), 1877(?)].
23. Florinsky, V.M. (1878) *Trudy komissii, uchrezhdennoy po vysochayshemu poveleniyu dlya izucheniya voprosa ob izbranii goroda dlya Sibirskogo universiteta* [Proceedings of the committee, established by the highest order to study the issue of the selection of the city for the Siberian University]. St. Petersburg: [s.n.].
24. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz d. Izyndaevo v Peterburg ot 12 maya 1878 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from the village of Izindaevo to St. Petersburg on May 12, 1878].
25. Russian Empire. (1878) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. 53. Part 1.
26. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 7 yanv. 1879 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on January 7, 1879].
27. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 13 yanv. 1879 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on January 13, 1879].
28. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 121. File 327. (In Russian).
29. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 13 yanv. 1879 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on January 13, 1879].
30. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg N.T. Zotovu ot 21 yanv. 1879 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg Zotov on January 21, 1879].
31. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 24 yanv. 1879 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on January 24, 1879].
32. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 14 fevr. 1879 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on February 14, 1879].
33. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Z.M. Tsibul'skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 20 apr. 1879 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to St. Petersburg on April 20, 1879].
34. Museum of History of TSU. Fund "Z.M. Cybulski". *Pis'mo Tsibul'skogo Zotovu s oz. Shira v Peterburg ot 14 iyulya 1879 g.* [Cybulski's letter to Zotov from Lake Shira to St. Petersburg on July 14, 1879].
35. Izd. kantselyarii popechitelya Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga. (1894) *Polozheniya o stipendiyakh na schet protsentov s pozhertvovannykh kapitalov pri Imperatorskom Tomskom universitete i drugikh uchebnykh zavedeniyakh Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga* [Regulations on scholarships from interest on donated capital under the Imperial Tomsk University and other educational institutions of the West Siberian Educational District]. Tomsk: Izd. kantselyarii popechitelya Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga.
36. Tipo-litografiya Sibirskogo Tovarishchestva Pechatnogo dela. (1917) *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical sketch of Tomsk University for the first 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo Tovarishchestva Pechatnogo dela.

37. Museum of History of TSU. Fund “Z.M. Cybulski”. *Pis’mo Z.M. Tsibul’skogo N.T. Zotovu iz Tomska v Peterburg ot 23 noyabrya 1879 g.* [Letter of Z.M. Cybulski to N.T. Zotov from Tomsk to Petersburg on November 23, 1879].
38. Tipografiya i litografiya Mikhaylova i Makushina. (1880) *Opisanie prazdnestva, byvshego v g. Tomske 26 i 27 avgusta 1880 goda, po sluchayu zakladki Sibirskogo universiteta* [Description of the festival, which was held in Tomsk on August 26 and 27, 1880, on the occasion of the Siberian University foundation]. Tomsk: Tipografiya i litografiya Mikhaylova i Makushina.
39. Research Library of TSU. Department of Manuscripts and Book Monuments (NB TGU ORKP). *Zhurnaly Stroitel’nogo komiteta № 20. Zasedanie 31 okt. 1880 g.* [Journals of the Construction Committee 20. Meeting on October 31, 1880].
40. Research Library of TSU. Department of Manuscripts and Book Monuments (NB TGU ORKP). *Zhurnaly Stroitel’nogo komiteta № 32. Zasedanie 23 yanv. 1881 g.* [Journals of the Construction Committee 32. Meeting on January 23, 1881].
41. *Vostochnoe obozrenie*. (1884). 3 (19 January).
42. Research Library of TSU. Department of Manuscripts and Book Monuments (NB TGU ORKP). *Zhurnaly Stroitel’nogo komiteta № 164. Zasedanie 17 fevr. 1883 g.* [Journals of the Construction Committee 164. Meeting on February 17, 1883].
43. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1882). 50. 16 December.
44. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1882). 51. 23 December.
45. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1882). 50. 22 December.
46. Vostochnoe obozrenie. (1883) Universitetskoe delo v Sibiri i ego prevratnosti [University matter in Siberia and its vicissitudes]. *Vostochnoe obozrenie*. 20 (19 May).
47. Tipografiya Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”. (1883) *Sbornik postanovleniy Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1877–1881* [Collection of decrees of the Ministry of National Education. 1877–1881]. Vol. 7. St. Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”.

Received: 15 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 75–79. DOI: 10.17223/15617793/417/11

УДК.327.94

О.И. Ивонина

РОЛЬ ООН В СИСТЕМЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Рассматривается изменение образа ООН в контексте дискуссий историков и политиков о характере полномочий и статусе организации. Автор указывает на причины и результаты эволюции различных подходов к оценке ООН, ее роли в системе нового миропорядка, детерминированные как объективным изменением повестки дня международной безопасности, так и характером политического дискурса исследователей в рамках постмодернистской парадигмы. Делается вывод о том, что изменения в структуре, функциях и повестке дня ООН свидетельствуют о переходном характере организации как институционально-правовой основы нового миропорядка и органа глобального управления.

Ключевые слова: демократический транзит; ООН; новый мировой порядок; глобальное управление; эпоха Постмодернити; международные отношения.

Первоначальный импульс концепциям нового миропорядка был задан осмыслением отечественной и зарубежной наукой характера международных отношений после окончания холодной войны в категориях транзитологии, использующей приставку «пост» для обозначения переходных этапов развития как отдельных социально-политических систем, так и мира в целом [1. С. 14–15].

Концепт нового миропорядка (глобального порядка, миропорядка эпохи Постмодерна) был создан представителями неолиберального конструктивизма и преемственно связан с теорией демократического транзита. Данная теория была адресована в первую очередь посткоммунистическим режимам, занятым поиском собственного места в международной политике в условиях системных преобразований, последовавших за падением «железного занавеса», Берлинской стены, разрушением институциональных и нормативных основ социалистического содружества в лице ОВД и СЭВ [2. P. 116].

Акцент теории демократического транзита на либерализации политического режима как обязательном компоненте процесса системной модернизации разделил политическое пространство новой эпохи на мир отсталого тоталитаризма и либеральное сообщество как символы конкурирующих друг с другом альтернатив современного развития, удачно заменившие прежнюю дихотомию Востока и Запада в дискурсе мировой политики.

Альтернативой прежней концепции миропорядка, основанной на уверенности в том, что смысл и вектор мирового развития определяются интересами ее лидеров или даже единственного гегемона, стала стратегия мультикультурализма. Она сформировала образ нового мира как совокупности самых разных траекторий и динамики социокультурных изменений, определенных соблюдением двух непременных условий сотрудничества народов в процессе конструирования современного миропорядка – уважения самобытности и самостоятельности (суверенности) различных акторов мировой политики. Данная модификация постмодернистского дискурса глобализации делала акцент на множественности участников взаимодействия в рамках современной мировой системы. Ее создатели исходили из того, что характер развития каждой страны во все большей степени определяется воздействием мир-системных трендов. В эпоху Постмодернити глобальная повестка дня мирового сообщества формируется не конкурирующими идентичностями, а приоритетной для всех проблемой безопасности. Это означает, что критерием цивилизованности / современности / адекватности состоянию международного окружения становится способность конкретного общества, страны или народа жить не только собственными, но и общими проблемами, выходя за рамки своего локального модуса бытия в процессе взаимовыгодного и конструктивного взаимодействия [3. С. 56–57].

Предлагаемая конструкторами демократического транзита концепция многосоставного международного сообщества должна была устранить дихотомию восприятия современного мира как театра военных действий уникального и универсального, локального и всеобщего, делая участниками международного взаимодействия развитые и развивающиеся страны, традиционные и модернизированные сообщества. Казалось, что возрождение национально-культурного шовинизма и фундаментализма, отбрасывающего мир к «темным векам Средневековья», в мире Постмодернити невозможно в принципе.

Многомерная оптика нового мира должна была изменить и повестку дня мировой политики. Проблемы разоружения и ограничения вооружений, создания систем коллективной безопасности, нераспространения ОМУ, механизмов контроля за соблюдением международных договоренностей – эти и другие вопросы, еще недавно имевшие статус стратегических, оказались вытесненными на периферию глобальной политики. Статус глобальных обрели проблемы противодействия нелегальной миграции, наркотрафику, коррупции и отмыванию нелегальных доходов, обеспечения безопасности международных пассажирских и грузопотоков, международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями и пандемиями, словом, все то, что затрагивает интересы частных лиц. Подобную «приватизацию» мировой политики исследователи связывали со сменой ее главных участников, полагая, что место солдата и дипломата на ее сцене заняли турист и террорист [4. P. 630–631].

Признание множественности участников глобальной политики, плюрализма отстаиваемых ими интересов и ценностей в системе международного взаимодействия скорректировало представления о траектории развития глобальной цивилизации. Понятие «демократический мир» в работах международников стало как свойством самой мировой политики, так и маркером новой технологии управления международны-

ми процессами – стратегии «вовлечения», предусматривающей добровольное участие в принятии решений по глобальной повестке дня самых разных ее акторов. «Демократический мир» девальвировал значение эксклюзивного в мировой политике. Глобальная по своим движущим силам и направленности, она поставила под вопрос саму возможность доминирования на ее сцене обладающих уникальными возможностями игроков, независимо от предлагаемых ими обоснований (исторических, экономических, морально-психологических, институциональных) собственной исключительности. Различные модификации концепции демократического мира, предлагаемые в качестве альтернативы теориям устойчивой гегемонии, баланса сил, однополярной системе мировой политики, выражали понимание новой природы интерактивной коммуникации между различными доменами и акторами мировой системы и, тем самым, отрицали возможность централизованной формы управления международными процессами [5. P. 293].

Такое понимание конфигурации нового миропорядка способствовало возрождению интереса к проекту «всемирной федерации народов» И. Канта, основанному на универсальной ценности стремления к всеобщему миру и экономической безопасности. Не случайно конфликт интерпретаций кантовского трактата «О вечном мире» сконцентрировался вокруг понимания немецким философом нормативно-правовой базы нового миропорядка [6. С. 86–87].

Отталкиваясь от просвещенческой интуиции «вечного мира», неолибералы усматривали в таких международных организациях, как ООН, ЕС, СБСЕ, Международный Суд ООН, Международный Уголовный суд, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), реальные контуры «всемирного гражданского состояния», т.е. мирового сообщества народов, связанных единством целей и ценностей устойчивого и безопасного развития. По мнению конструкторов мирового правопорядка, «всемирно-гражданское состояние публичной безопасности» уже реализовано в полномочиях международно-правовых институтов и органов Организации Объединенных Наций. Все они отражают базовые признаки политической культуры и моральные стандарты либеральной демократии: плюрализм, уважение прав и свобод человека, склонность к компромиссам и достижению консенсуса по общезначимым проблемам, открытую и гласную политику, неукоснительное следование законам и принятым на себя международно-правовым обязательствам [7. С. 266].

Итоги дискурса нового миропорядка как формы управления современными международными процессами определили характер дискуссии по вопросу о роли в нем Организации Объединенных Наций. По мнению ряда исследователей, за время, прошедшее после создания организации в 1945 г., она не претерпела радикальных изменений, отражая исторические обстоятельства своего возникновения в условиях безусловного доминирования в ней стран антигитлеровской коалиции. Вот почему сейчас, как и прежде, она парализована противоречиями национальных интересов и ценностей ее государств-основателей настолько, что не в состоянии предпринимать каких-либо действий, не соответствующих букве Устава [8. P. 16–18].

Продолжавшийся в течение всей послевоенной истории процесс возвышения и упадка наций, который увеличил представительство в ООН с 51 до 193 государств-членов, до сих пор не получил адекватного отражения в структуре и принципах ее деятельности. Единственное признание организацией изменений политической карты мира произошло в 1965 г., когда число членов Совета Безопасности было увеличено с 11 до 15. Несоответствие Совета Безопасности своему статусу гаранта всеобщего мира объяснялось неизменными полномочиями внутреннего круга постоянных членов. По мнению некоторых экспертов, это свидетельствует как о безосновательном приписывании себе способности воздействия на мировые процессы, так и о пренебрежении мнением международной общественности. Некоторые из государств-обладателей права вето демонстрируют, тем самым, наглядный пример «исторической инерции», стремясь сохранить прежние роли и правила (в данном случае – Ялтинско-Потсдамской системы мира), невзирая на изменения как структуры нового миропорядка, так и своего статуса в нем [9. P. 272–273].

За последнее время существенно изменился сам характер угроз всеобщему миру и безопасности: многочисленные конфликты происходят сегодня уже не между суверенными государствами на почве пограничных и территориальных разногласий, а разворачиваются внутри государств, принимая форму гражданских войн, межконфессиональных и межэтнических столкновений. Благодаря принятой на Всемирном саммите 2005 г. доктрине «ответственности по защите» изменилось представление о приоритетах и формах обеспечения всеобщей безопасности. Усилия ООН должны быть направлены на обеспечение гуманитарной или личностной безопасности, т.е. на защиту людей (в первую очередь гражданского населения), а не суверенных государств, от агрессии, геноцида, бедности, экологической опасности и экономических рисков [10].

Исходя из понимания новых вызовов и угроз мировому сообществу, превентивную дипломатию и миротворческие операции Организации Объединенных Наций следует признать недостаточно эффективными, так как компетенция ООН пока не позволяет ей стать управляющим органом мирового сообщества, институтом глобального управления. Тем самым, сегодня ООН рискует повторить судьбу своей предшественницы – Лиги Наций, не сумевшей предотвратить Вторую мировую войну, по окончании которой мир почти сразу же столкнулся с противостоянием держав в холодной войне.

Вместе с тем у Организации Объединенных Наций сохраняется шанс на то, что третья попытка создания в ее лице органа глобального управления окажется более успешной. Надежды на адаптацию ООН к меняющимся глобальным обстоятельствам связывают с изменением повестки дня этого «международного форума». Организация способна привлечь внимание самых разных акторов нового миропорядка к обсуждению проблем нелегальной миграции, увеличения

числа беженцев и вынужденных переселенцев в результате локальных конфликтов; состоянию окружающей среды и меняющегося климата; вопросам борьбы с наркотрафиком и распространением оружия массового поражения в так называемых несостоятельных государствах [11].

Подобное превращение организации в широкий политический форум, на котором конкурируют различные модели и подходы к обеспечению международной безопасности, сделает ООН институциональным выражением международного сообщества, главным участником процесса выработки норм и инновационных решений в системе нового миропорядка [12. P. 36–37].

Признаком формирующейся новой политической культуры ООН аналитики считают все большую озабоченность большинства ее членов проблематикой прав человека и демократического правления. По этим вопросам государства все более склоняются к признанию того, что все происходящее в данной сфере легитимно становится общим делом. В итоге глобальная политическая культура ООН основывается на понятии сопутствующих юрисдикций, когда первоочередные задачи по защите прав человека и демократии сохраняются за отдельными государствами, а Организация Объединенных Наций имеет право подключаться к их выполнению даже с использованием силы, только если сами государства не выполняют своих обязательств в этой области.

В контексте дискуссий о трансформации политической культуры ООН активизировались попытки разрешить объективно существующие противоречия между фундаментальными принципами международного права: правами человека и государственным суверенитетом; правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности государств. Противоречие существует и на нормативном уровне между пунктами 1 и 7 статьи 2 Устава ООН.

С одной стороны, суверенное равенство трактуется как абсолютное право, с другой – как ограниченное ситуацией «любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии». В этом смысле Устав ООН вносит свои аргументы в доктрину «ограниченного суверенитета». Очевидно, что внесение в Устав пункта 7 во многом носило конъюнктурный характер, было обоснованием готовящегося Нюрнбергского процесса и последующей денацификации Германии. Однако объективные регулирующие свойства этого положения более существенны, чем это предполагалось в 1945 г., и сегодня могут быть применены против неопределенного круга международных субъектов.

Подобный сдвиг в деятельности ООН служит важным показателем большей, чем прежде, готовности государств к многостороннему сотрудничеству с нею в решении проблем мира и безопасности. ООН пока не стала символом мирового правительства, но уже достигла такой стадии своего развития, когда государства ищут ее одобрения за те действия, которые еще недавно считались их суверенными прерогативами.

Главной движущей силой транзита ООН в направлении адаптации к вызовам глобализации считаются МНПО – международные неправительственные организации. Они не обременены инерцией истории и сложившихся образцов поведения на международной арене, а потому активно осваивают новые сферы международной коммуникации, содействуя становлению новых отраслей и институтов международного права. Наиболее существен их вклад в дело расширения и содействия демократии посредством мониторинга выборов, контроля за соблюдением прав человека, содействия размещению беженцев и вынужденных переселенцев и т.д. Центральная роль МНПО в мировом политическом процессе проявляется в их регулярном участии в конференциях ООН по вопросам состояния окружающей среды, проблемам устойчивого развития, прав человека. Члены МНПО официально представлены в таких структурах Организации, как МОТ, ОЭСР, ЮНЕСКО, ЭКОСОС.

Существенным результатом участия МНПО в деятельности органов организации стало появление у нее новой функции – международного банка информации, производной от информационно-аналити-ческих и контрольных функций различных ее органов. Различные органы ООН осуществляют мониторинг уровня взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах, определяя, тем самым, степень эффективности применения конвенциональных норм международного права, регулирующих взаимодействие в сфере обеспечения всеобщей безопасности. Формирование повестки дня основных органов оганизации (в лице Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности), а также проектов и рекомендаций специальным и вспомогательным органам ООН (МАГАТЭ, Комиссии Международного права, Комитета по правам человека) невозможно без осуществления этой функции.

ООН в состоянии предоставлять разнообразную, а главное, обработанную по единой методике информацию глобального (т.е. значимого для всех акторов международных отношений) характера. Эффективность выполнения ООН функции информационного банка определяется не только доступностью созданных ею ИБД для всех государств (а не только для членов ООН), но и относительной дешевизной информационного капитала ООН. Кооперация множества участников, которые предоставляют организации фрагментированную информацию, а получают от нее взамен систематизированную (агрегированную), существенно снижает их транзакционные издержки, делая информационное сотрудничество членов ООН по-настоящему взаимовыгодным.

Заслугой МНПО, участвующих в деятельности ООН, можно считать поставленную ими проблему «дефицита демократии» в деятельности международных межправительственных организаций и на глобальном уровне принятия решений в целом. В условиях широкого распространения ценностей демократии и прав человека требование МНПО сделать прозрачным процесс принятия решений за счет выработки четких процедур воспринимается как голос мировой общественности [13. P. 22–23].

По многим ключевым проблемам мировой политики до сих пор нет четких ответов на вопрос о том, кто формирует повестку дня ООН, выделяя приори-

тетные проблемы мирового развития, кто обеспечивает финансовые, материальные и кадровые ресурсы для решения глобальных проблем, кто применяет силу к нарушителям норм международного права. Решения, как правило, принимаются должностными лицами ООН и многочисленной бюрократией ее структурных подразделений, не считающих себя обязанными отвечать, чьи интересы они продвигают. Тем самым, МНПО выполняют не только функцию общественного контроля за принятием решений по глобальным вопросам, но и выступают в роли своеобразных сдержек и противовесов по отношению к государствам как главным акторам традиционного миропорядка.

Конструктивная роль МНПО в переходе к новым принципам деятельности ООН проявляется в обнаружении ими альтернативных путей разрешения глобальных проблем на конференциях по вопросам экологии, прав человека, народонаселению, в обеспечении информацией, предложениях обсуждения новых направлений и путей международного сотрудничества. Таким образом, МНПО как негосударственные участники мирового процесса не только заполняют пробелы в международном праве, которые национальные правительства и наднациональные структуры не могут заполнить сами, но и во многом корректируют повестку дня глобального сообщества [1].

Итогом размышлений о месте ООН в системе нового миропорядка следует считать признание ООН организацией переходного типа. С одной стороны, Организация Объединенных Наций является структурообразующим элементом классической системы международных отношений, основанной на принципах суверенного равенства входящих в нее государств, с другой – демонстрирует стремление адаптировать свою структуру и функции к вызовам глобализации. В итоге сегодня ООН принадлежит двум мирам глобальной политики – исторически сложившейся мир-системе государств и становящейся системе нового миропорядка. Таким образом, ООН способна стать мостом через пролив, соединяющим два мира мировой политики, обеспечив доступ МНО и отдельным индивидам в мир – систему государств и доступ национальных государств в многополярный мир, способствуя созидательной конкуренции различных способов обеспечения мира и безопасности, прав и свобод человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивонина О.И. Транзитивность как предмет исторического дискурса // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе / отв. ред. М.В. Удальцова. Новосибирск, 2000. С. 14–30.
2. Crawford G. The World Bank and Good Governance: Rethinking the State of consolidating Neo-Liberalism? // The IMF, World Bank and Policy Reform. New York, 2006. 356 p.
3. Ивонина О.И. Конфликт и консенсус в американской теории международных отношений рубежа веков // Историческое знание в системе политики и культуры : материалы IV Междунар. науч. ист. чтений памяти профессора В.А. Козюченко / под ред. Е.Г. Блосфельд. Волгоград : Перемена, 2005. С. 56–62.
4. Slaughter A.-M. Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform // American Journal of international Law. 2005. Vol. 99, July. P. 619–631.
5. Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic restraint and Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton : Princeton University Press, 2001. 312 p.
6. Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Левиафан в поисках миропорядка. Проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 78–88.
7. Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Проблема международной безопасности в политической теории И. Канта // Вестник НГУЭУ. 2014. № 3. С. 258–268.
8. Glennon M.J. Why the Security Council Failed? // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82, № 3, May–June. P. 16–35.
9. Status in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 324 p.
10. Глобальные вопросы повестки дня ООН. URL: www. un.org/ru/globalissues/index.shtml (дата обращения: 27.02.2017).
11. Предполагаемые стратегические рамки на период 2016–2017 годов. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_23/_A-69-6-Prog13/A-69-6-Prog13_R.pdf.
12. Staur G. Shared responsibility. The United Nations in the Age of Globalization. Montreal : McGill Quenn`s University Press, 2013. 212 p.
13. Ruhlman M. Who participates in Global Governance? States, bureaucracies and NGO in the United Nations. London ; New York : Routledge, 2015. 176 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 марта 2017 г.

THE ROLE OF THE UN IN THE NEW WORLD ORDER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 75–79.
DOI: 10.17223/15617793/417/11

Olga I. Ivonina, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ivonina@ngs.ru

Keywords: democracy transition; United Nations; International law; New World Order; global governance; Postmodernity.

The subject of this study is the “new world order” as a key concept reflecting the nature of contemporary international relations, as well as ways of representing this category in the postmodernist historical narrative at the turn of the 21st century. The author points to various interpretations of the “new world order” concept, caused by the difference in the socio-cultural, civilizational and geopolitical researchers’ optics. The multi-semantic nature of Postmodernity as a special stage in the world system development is aggravated not only with the ideological depth of this concept, but also with the heterogeneity and confrontation of theoretical and methodological orientations of the authors and their discursive practices. The substantial core of the debate about the contemporary international system nature was formed by the “democratic peace”, “cooperative security” and multiculturalism concepts. The main author’s objective was to study the United Nations evolution as the new world order institutional and regulatory basis. In its overview, the author specified the features of different approaches to the assessment of the UN and its role in the new world order, determined both by the objective changes in the international security agenda and by the nature of researchers’ political discourse within the postmodern paradigm. The author’s methodology involves the integration of historical, political and legal approaches to the study

of the new world order configuration and the UN's place in it. As a result, the author made the following conclusions. The concept of the "new world order" entered the lexicon of the international relations history at the turn of the 21st century to refer to the transitional stage of the world community development – from the Cold War confrontation to constructive interaction for the sake of peace, progress and global security. The main load-bearing structure in the architecture of the new "post-bipolar" world became multilateral diplomacy institutions and, above all, the United Nations as the only universal international organization capable to serve as not only a global security guarantor, but also the organ of global governance and the main new world designer. Evolution of the Organization powers, structures, agenda and functions for more than the 70-year period of its history made the UN a transitional type organization. Inclusion in its structure of sovereign and non-sovereign actors of the new world order (represented by non-governmental international organizations, multinational and regional communities, civil society institutions) allows the Organization to involve in the changing world politics agenda and to perform effectively its traditional and new functions.

REFERENCES

1. Ivonina, O.I. (2000) Tranzitivnost' kak predmet istoricheskogo diskursa [Transitivity as an object of historical discourse]. In: Udal'tsova, M.N. (ed.) *Sotsial'nye vzaimodeystviya v tranzitivnom obshchestve* [Social interactions in a transitive society]. Novosibirsk: NGAEiU.
2. Crawford, G. (2006) The World Bank and Good Governance: Rethinking the State of consolidating Neo-Liberalism? In: Paloni, A. & Zanardi, M. (eds) *The IMF, World Bank and Policy Reform*. New York: Routledge.
3. Ivonina, O.I. (2005) [Conflict and consensus in the American theory of international relations at the turn of the century]. *Istoricheskoe znanie v sisteme politiki i kul'tury* [Historical knowledge in the system of politics and culture]. Proceedings of the IV international conference in memory of Professor V.A. Kozyuchenko. Volgograd: Peremena. pp. 56–62. (In Russian).
4. Slaughter, A.-M. (2005) Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform. *American Journal of international Law*. 99. July. pp. 619–631.
5. Ikenberry, J. (2001) *After Victory. Institutions, Strategic restraint and Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press.
6. Ivonin, Yu.P. & Ivonina, O.I. (2016) Leviathan in search of world order. The problem of international security in the works of Hobbes and Kant. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 78–88. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/407/13
7. Ivonin, Yu.P. & Ivonina, O.I. (2014) Issue of international security in Kant's political theory. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 3. pp. 258–268. (In Russian).
8. Glennon, M.J. (2003) Why the Security Council Failed? *Foreign Affairs*. 82:3. May–June. pp. 16–35.
9. Paul, T.V. et al. (eds) (2014) *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. UN. (n.d.) *Global'nye voprosy povestki dnya OON* [Global issues on the UN agenda]. [Online] Available from: www.un.org/ru/globalissues/index.shtml. (Accessed: 27th February 2017).
11. UN. (2014) *Predpolagaemye strategicheskie ramki na period 2016–2017 godov* [Anticipated strategic framework for 2016–2017]. [Online] Available from: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_23/_A-69-6-Prog13/A-69-6-Prog13_R.pdf.
12. Staur, G. (2013) *Shared responsibility. The United Nations in the Age of Globalization*. Montreal: McGill Quenn`s University Press.
13. Ruhlman, M. (2015) *Who participates in Global Governance? States, bureaucracies and NGO in the United Nations*. London; New York: Routledge.

Received: 01 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 80–87. DOI: 10.17223/15617793/417/12

УДК 378.4(571.16), 027.6

Н.А. Качин

СОЗДАВАЯ «ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ»: ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ В.М. ФЛОРИНСКИМ КНИЖНОГО ФОНДА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

Рассматривается роль попечителя Западно-Сибирского учебного округа и разностороннего ученого Василия Марковича Флоринского (1834–1899) в формировании первоначального книжного фонда библиотеки в период с 1875 по 1888 г. Особое внимание уделяется анализу концепции библиотеки, сформулированной Флоринским в «Проекте предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета». Исследование базируется на материалах из личного архива В.М. Флоринского, который хранится в Государственном объединенном музее Республики Татарстан.

Ключевые слова: В.М. Флоринский; Научная библиотека Томского университета; Томский государственный университет.

В XIX столетии в Европе меняется представление об университете, теперь он рассматривается не только как место для передачи знаний, но и как исследовательское учреждение, где такие знания появляются. Учеба и исследования становятся взаимосвязанными процессами, а сами исследователи уделяют внимание вопросам публикации научных трудов. В такой системе важную роль начинают играть университетские библиотеки как «хранилища знаний», оказывающие влияние на развитие университета и всей мировой науки XIX в.

Василий Маркович Флоринский (1834–1899), чьё имя неразрывно связано с учреждением и открытием Томского университета, также отмечал особую значимость библиотеки как «фундамента» и «источника духовной силы» для будущего «рассадника высшего образования» в Сибири.

В данной статье автор ставит перед собой цель охарактеризовать концептуальный подход В.М. Флоринского к предназначению и принципам формирования библиотеки как неотъемлемой части Сибирского университета.

Флоринский получил медицинское образование, окончив в 1858 г. Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, и в 1861 г. успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины. Во многом полученное образование сформировало его мировоззрение и предопределило активную позицию в деле развития отечественного образования и науки.

Стоит заметить особенность самоидентификации отечественной медицинской элиты XIX в. Начиная с 1830-х гг. ученые врачи активно встраиваются в государственную систему, предоставляя ей экспертную оценку о состояние империи: «Движимые интеллектуальной любознательностью и пафосом служения просвещенному государству, они поставляли правительству необходимое знание о российских регионах – местах своей службы; о физиологической и культурной специфике своих пациентов – разнообразных российских подданных» [1. С. 53]. При этом медицинское сообщество в отношениях с государством стало ощущать свой «элитарный статус» как носителей передового (западного) знания, способных повлиять на формирование основ «рационального правления» [1, 2].

Впервые свои соображения по поводу отечественного образования Флоринский изложил в европейских заметках 1861–1863 гг. [3]. Решением конференции Медико-хирургической академии от 15 апреля 1861 г. Флоринский был командирован на два года за границу для изучения избранных им предметов – акушерства, женских и детских болезней. За отведенное время зарубежной стажировки Василий Маркович успел подробно ознакомиться с особенностями организации учебного и научного процессов в ведущих европейских университетах – Берлинском, Лейпцигском, Пражском, Венском, Мюнхенском и Парижском. Как и многие его современники [4], Флоринский отмечал лидирующую роль Германии в мировой науке, которая, по его мнению, «стала главой всемирного процесса», унаследовав «это дорогое достояние от Франции»: «Немецкая наука находится ныне на верху своей славы. Она быстро и пышно расцвела благодаря усвоенному ею аналитическому методу… число германских университетов по населению слишком велико (25 на 40 млн жителей). Они развились при исключительных условиях разобщенной государственной жизни и в свое время принесли громадную пользу для науки и общего народного образования, вызывая в этом отношении похвальную конкуренцию между областями…» [3. Л. 28, 61, 67]. Он связал такие успехи немцев с особенностями их национального характера («народным гением»): рационализмом, исполнительностью, усидчивостью, кропотливостью в труде и умеренностью в потребностях.

«Русская наука», по мнению Флоринского, еще отставала, прежде всего, за счет её изолированности и непонимания со стороны государства важности распространения рационального (научного) знания: «Причина того и другого кроется в пренебрежении *русского правительства (Николаевского времени)* [зачеркнуто] к науке вообще и к медицине в особенности. *Предыдущему царствованию европейская наука мерещилась как пугало в форме атеиста и бунтовщика. Мы чурались ее, как заразы, заграждая молодым людям всякий доступ в чужие края* [зачеркнуто]» [Там же. Л. 21–22]. При этом ученый отмечал, что ситуация начинает меняться, новый император и его правительство уже обратили внимание на разви-

тие образования и науки: «Теперь, с воцарением Александра II этот взгляд изменился. Двери заграницы открыты всем и каждому. Правительство само усердно содействует капитальным преобразованиям всего нашего внутреннего строя» [3. Л. 22]. Со временем, писал Флоринский, благодаря «национальным силам» отечественная наука догонит немцев и станет новым мировым лидером. И в этом процессе активную роль должно сыграть государство как «общая коллективная семья»: «Оно должно всеми мерами содействовать образованию, а не затруднять его из пустых экономических расчетов: ибо это его гордость и сила, принцип его счастья и залог будущего прогресса» [Там же. Л. 59].

Начиная с 1850-х гг. отечественная врачебная элита в процессе «национализации медицинской науки» постепенно начинает рассматривать Запад как интеллектуальный ресурс, представляя себя своеобразными «оценщиками», которые критически относятся к существующим западным институтам науки и образования. Такая позиция снимала с медиков в России комплекс «вторичности» и делала их «творцами» нового научного прогресса [1, 2]. Так, Флоринский отмечал в заметках, что немецкая наука «может скоро исчерпать себя и выродиться в бесплодном стремлении к отысканию отрывочных фактов, а не основных начал», по его мнению, ей не хватает «идейной, философской стороны [духовной стороны]… потому наука их скорей ведет к ремеслу, чем к творчеству» [3. Л. 62].

Таким образом, еще до своего перехода на службу в Министерство народного просвещения ученый-медик задумывался о важности развития отечественной науки в России. Уже с середины 1875 г., как признавался Флоринский, он был неразрывным образом связан с вопросами открытия высшего учебного учреждения в Сибири: «Это увлекательное дело, к которому я вначале прикоснулся случайно и, казалось, мимолетно, впоследствии силой обстоятельств втянуло меня в совершенно иную сферу служебной деятельности, заставило посвятить ему лучшую половину моей жизни, расстаться со столичным комфортом и надеждами верного обеспечения в будущем и переселиться в далекую, холодную и некультурную Сибирь» [5. Янв. С. 80–81]. Все эти 24 года своей жизни Флоринский посвятил себя идеалу «духовного служения» государству на территории еще «пустынной и не просвещенной Сибири».

По замыслу Флоринского, ключевой составляющей будущего Сибирского университета должна была стать библиотека. Её концепцию он изложил еще в 1877 г. в «Проекте предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета» [6]. Именно библиотека, по его мнению, была тем самым неотъемлемым элементом «прочного фундамента» университета: «Для всякого учебного учреждения библиотека составляет необходимейшее пособие – источник духовной силы, без которого немыслима ученая жизнь. Эта потребность делается неотложною и незаменимою <…> так как в сибирской глуши университет будет единственным источником света и разума, а его библиотека – единственным литературным пособием при ученых трудах» [6. Л. 1].

Флоринский считал, что главной проблемой, с которой столкнется новое учебное учреждение – удаленность от основных центров науки, где хранятся ключевые источники информации. Библиотека могла ликвидировать этот конкурентный недостаток университета за счет своего универсального книжного состава, куда должны были входить основополагающие труды в области науки и литературы: «В столичных университетах ученый исследователь всегда имеет возможность отыскать литературные источники в любом из богатых книгохранилищ; но в Томске <…> можно рассчитывать только на местную университетскую библиотеку. Поэтому она должна заключать в себе возможно полное собрание литературы по всем отраслям знаний» [Там же].

У основателя Томского университета сложились определенные представления о принципах и подходах к формированию книжного фонда библиотеки. По его мнению, книжное собрание университета должно состоять, прежде всего, из многотомных фундаментальных трудов («старые сочинения», «трудов творящих науку»), которые написаны известными учеными своего времени. Каждому исследователю, как считал Флоринский, необходимо изучить историю литературы своего предмета, т.е. разрабатывать научную тему на «исторической почве», опираясь на предшественников.

Разбирая «драгоценные вклады», Василий Маркович высоко оценивал поступившие в распоряжение университета фундаментальные труды: «…невольно удивляешься колоссальному труду и терпению, положенным на эти издания. Сравнительно с ними, нынешние ученые работки представляются школьными тетрадками» [7. Л. 144]. При этом ученый отмечал, что уже «новая наука» повсеместно диктует свои правила, а «старые авторитеты» «развенчиваются» и становятся «отсталыми и устаревшими». В связи с этим процессом он задавался важным вопросом, как должен был выглядеть научный прогресс: «Неужели научный прогресс должен заключаться в беспрерывной смене старых кумиров и в увлечении новыми божками, новыми идеями и новыми методами научных работ?» [Там же. Л. 145]. И тут же отвечал на него категоричным отрицанием: «Плоха та наука, которая забывает свои корни, заботясь лишь о весеннем цветке <…> По моему, хорошо не то, что модно, а то, что прочно и устойчиво; прочность же создается не иначе, как на старых фундаментах» [Там же].

Именно поэтому Сибирскому университету нужна хорошо организованная и универсальная по своему составу библиотека, считал Флоринский, которая будет удовлетворять исследовательский интерес ученых разных специальностей, а в этом деле особенно важны именно «старые сочинения»: «Обширная и всесторонняя по содержанию библиотека есть необходимейший и самый прочный фундамент нашего духовного развития, и плохой тот профессор, который будет иметь перед глазами только новости текущего дня, не интересуясь, что делали и как думали наши предшественники. Профессор без хорошей библиотеки – это воин без оружия <…> Мыслящий профессор должен искать в книге не текущие новости, а новые

идеи. Для этой цели старая хорошая книга сплошь и рядом дает больше пищи, нежели современный газетный листок, которым, к сожалению, у нас слишком много увлекаются» [5. Март. С. 825]. Он признавал, что найти такие сочинения будет достаточно сложно, в отличие от «новейшей текущей литературы», и для этого потребуется определенный «случай»: «Для приобретения их недостаточно иметь средства, – нужно иметь случай. Этих сочинений нельзя найти в книжных в магазинах, очень часто нельзя найти и у лучшего букиниста. Поэтому ценность их определяется не одним только достоинством содержания, но и редкостью или трудностью приобретения» [6. Л. 2].

Флоринский также разработал стратегию пополнения университетской библиотеки, поставив перед собой главную задачу – сформировать основной книжный фонд еще до открытия университета. По задумке автора стратегии, необходимо обратить внимание на приобретения частных книжных собраний, тщательно подобранных их владельцами. Ученый-медик знал, каким образом можно было заполучить подобные коллекции. Так, его надежды были обращены к их собирателям или наследникам, которые могли продать или пожертвовать свои «книжные сокровища» для будущего Сибирского университета во имя идеалов русской науки: «Из уважения к науке они не захотят, чтобы собранное ими в течение жизни с любовью и благоговением было расточаемо через руки букинистов и непросвещенной толпы. Они не променяют дорогих их сердцу интересов науки на несколько десятков рублей, вырученных с продажи на пуды печатной бумаги» [Там же].

Выбранная стратегия комплектования фондов достаточно быстро оправдала себя. Например, благодаря «случаю» и активным действиям Флоринского удалось приобрести родовую библиотеку графов Строгановых, которая и по сей день является «книжной жемчужиной» Томского университета [8, 9]. Уже в 1880 г. приехав в Томск и приступив к разбору поступивших ящиков с книгами, он следующим образом оценит это уникальное приобретение: «О значении Строгановской библиотеки я здесь распространяться не буду. Скажу лишь вкратце, что это оказался неоценимый научный клад, такое сокровище, каким едва ли могут обладать даже самые богатые и старые наши столичные университеты» [5. Март. С. 585]. Достигнутый успех в получении столь ценной библиотеки мотивировал его на дальнейшие поиски необходимых для университета книжных собраний.

В адрес Министерства народного просвещения сразу после известия об открытии Сибирского университета стали поступать многочисленные предложения о покупке тех или иных личных книжных собраний. По указанию министра народного просвещения Д.А. Толстого Флоринскому поручались следующие полномочия: контролировать поступившие книжные клады, организовать их прием и разборку, а также найти новые источники привлечения пожертвований на приобретения книг [10. С. 1–2].

В поисках «книжных сокровищ» для университета Василий Маркович старался привлечь все имеющиеся у него ресурсы, прежде всего, личные связи, сложившиеся за годы учебы и работы в Медико-хирургической академии, службы в Министерстве народного просвещения и Казанском университете. Ему удалось установить доверительные отношения с директорами Императорской публичной библиотеки – Иваном Дмитрием Деляновым (1818–1897) и сменившим его в 1882 г. Афанасием Федоровичем Бычковым (1818–1899). Приезжая в Петербург по служебным делам, Флоринский проводил много времени в дублетном фонде Публичной библиотеки, надеясь найти там необходимые для университета книги. В своей дневниковой записи, сделанной в декабре 1880 г. ученый вспоминает: «Для Сибирского университета еще отобрал из дублетов Публичной библиотеки большую партию книг. Иван Давыдович Делянов и Афанасий Федорович Бычков настолько любезны, что не потребуют немедленной уплаты и позволяют оставить отобранные экземпляры на хранение в библиотеке до тех пор, пока Сибирский университет изыщет средства для расплаты и пересылки» [5. Июнь. С. 608]. Из этой столичной «книжной сокровищницы» Флоринским было отобрано свыше 3,3 тыс. томов, в том числе редких художественных и научных изданий XVII–XVIII вв.

Таким образом, благодаря деловым связям и целеустремленной деятельности Флоринского Сибирскому университету удалось привлечь значительное число дарителей, в том числе многих известных отечественных ученых и государственных деятелей. Отметим лишь некоторые коллекции, появившиеся в университете его стараниями: «медицинские библиотеки» профессоров-медиков Сергея Александровича Громова (1774–1856), Николая Мартыновича Якубовича (1816–1879), Василия Александровича Басова (1812–1879), Ивана Тимофеевича Глебова (1806–1884); разнообразные по своему содержанию книжные собрания Александра Ивановича Артемьева (1820–1874) и графа Федора Петровича Литке (1797–1882); «естественнонаучные библиотеки» братьев Сергея Ивановича (1827–1886) и Василия Ивановича (1809–1888) Лапшиных; гуманитарная по своему составу библиотека Александра Васильевича Никитенко (1804–1877) и др. [8].

В этой работе Флоринский смог проявить «библиофильскую страсть» к поиску необходимых для университета книг, ведь уже с момента поступления в Медико-хирургическую академию в 1853 г. он с увлечением стал собирать личную библиотеку. Сначала это был чисто научный интерес к коллекционированию книг по медицине, но со временем его собрание стало пополняться совершенно разными изданиями, не связанными с медициной. Ученый «разыскивал и собирал» одновременно и другие понравившиеся ему предметы, отмечая особую «страсть» к этому делу: «…стремления коллекционировать все, к чему временно приходила охота. Получив средства, я собирал и книги, и рукописи, и картины, и разные редкости. Заинтересовавшись предметом, я делался настоящим старьевщиком, разыскивая, где только возможно, подходящие вещи. Это доставляет мне большое удовольствие» [11. Л. 38]. Подобное увлечение появилось у него еще в детстве, когда он с друзьями натолкнулся

на археологические находки из древнерусских могил, встреча с которыми произвела на него глубокое впечатление: «Все это <…> запечатлевшееся в детской душе, по всей вероятности, и было причиной тому, что с давних пор пристрастился к русским древностям. Эту слабость я чувствовал в себе всю жизнь, она сопутствовала меня и во время заграничных путешествий и многочисленных скитаний по [всей] Русской земле, в городах и селах, где только представлялся к тому случай» [Там же. Л. 37–38]. Эта «страсть к разыскиванию» и многолетний библиофильский опыт пригодились Флоринскому в деле комплектования фондов библиотеки Сибирского университета.

В уже упоминаемом «Проекте предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета» 1877 г. Флоринский особое внимание уделил формированию коллекции «Сибирика», в которую должны были войти сочинения по изучению всех сторон жизни Сибирского края. Он отмечал, что подобное собрание крайне необходимо, так как будущий университет должен стать не только учебным учреждением, но и центром научного изучения всей Сибири «по всем царствам природы, по истории и этнографии ее жителей». Автор проекта признавался, что сам проявляет интерес к этой теме и уже собрал небольшую коллекцию изданий, которую он планировал пожертвовать университету [6. Л. 3]. Стоит отметить, что Флоринский практически до самой своей смерти продолжал формировать это тематическое собрание, так и не успев передать его университету.

За это время Флоринский собрал достаточно большую коллекцию книг по сибирской тематике, в которую, как сам он отмечал, вошли работы следующих авторов (свыше 600 томов): «…С. Гербейштейна, М. Страленберга, Ж. Лаперуза, И. Биллингса, И.Г. Гмелина, П. Палласа, И.И. Лепехина, И. Фалька, С.П. Крашенинникова, Г.А. Сырачева, П.И. Крузенштерна, В.М. Головина, Миллера, Э. Гофмана, К.И. Максимовича, Р. Маака, А.Ф. Миддендорфа, Н.А. Северцова, Н.М. Пржевальского и др.» [Там же].

Основатель Сибирского университета также обратил внимание на зарубежные работы, затрагивающие разные области жизни Сибирского края. Например, в составе личной библиотеки ученого, оставленной в Казани, находились труды на французском – Джона Перри (Etat présent de la grande Russie. La Haye, 1717), Генриха Клапрота (Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1827), Филиппа Авриля (Voyage d'Orient. Paris, 1692), Иоганна Фишера (Recherches historiques sur les principales nations établies en Sibirie… Paris, [1801]); на испанском – Мануэля Виллегаса (Historia de Moscovia y vida de sus czares. Madrid, 1736), на датском – Александра Гумбольдта (Humboldts Reiser i der Europæiske og asiatiske Rusland. Kjøbenhavn, 1856), на английском – Руфина Пётровского (The story of a Siberian exile. London, 1841).

Поручение формировать коллекцию «Сибирика» от Флоринского получил рижский книгопродавец Н.Л. Киммель; так, в своем письме к попечителю Западно-Сибирского учебного округа он отмечал: «…относительно имеющей быть устроенною Вами библиотеки при Сибирском университете, позволяю себе заметить, что поручением мне собирать для [неё] в возможной [полноте] все эти литературные произведения, которые способствовали изучению… преимущественно Сибири, Ваше Превосходительство поставили мне весьма интересную задачу, которую постараюсь исполнить с особенной охотою и… вниманием» [12. Л. 4]. При этом Киммель просил прислать ему уже имеющийся у Флоринского список книг, касающихся Сибири, и уточнить тематику необходимых изданий: «…предполагается ли Вами включить в состав Вашего собрания лишь сочинения, относящиеся исключительно к северу азиатской и европейской частей нашей Империи, или же могут быть допущены сочинения о полярных странах, и в последнем случае, какие именно предложены Вами географические границы таких стран» [13. Л. 4]. Василий Маркович обращал внимания Киммеля на свою заинтересованность в приобретении редких иностранных изданий о Сибири.

Ученый-медик не смог остаться безучастным к процессу формирования библиотечного фонда, хорошо зная, какие именно книги необходимы университету. Так, он пожертвовал ему около 3,3 тыс. изданий из своего книжного собрания. По своему содержанию переданная коллекция носила медицинский характер, в том числе с включением значительного числа сочинений и по другим литературным отделам (см. таблицу).

Особое место в этом книжном собрании занимали фундаментальные труды, отобранные Флоринским с особой тщательностью. Много подобных изданий было в медицинском собрании, в составе которого находились многотомные монографии светил медицинской науки XVIII–XIX вв.: Ф. Морисо (1637–1709), Ж. Астрюка (1684–1766), А. Галлера (1708–1777), Р.Б. Сабатье (1732–1811), Н. Шамбона де Монто (1748–1826), Б. Белла (1749–1806) С.Г. Фогеля (1750–1837), К. Шпренгеля (1766–1833), В.М. Рихтера (1767–1822), Ж.Л. Кювье (1769–1832), Й. Франка (1771–1842), Ф.Ж.В. Бруссе (1772–1838), В.А. Хасе (1784–1837), М.Й. Блуффа (1805–1837), Ф. Вагнера (1805–1864), К.Г. Вундерлиха (1815–1877), Э.Г. Дюбуа-Реймона (1818–1896), Р. Вирхова (1821–1902), С. Жакку (1830–1913) и др. Здесь же были представлены редкие трактаты по медицине Гиппократа и Парацельса, а также ранние фундаментальные сочинения по гинекологии и акушерству португальского врача Родриго де Кастро (1550–1627) и голландского анатома Ренье де Графаафа (1641–1673). Среди редких сочинений XVII в. отметим работы Лазара Ривьера (1589–1665), Франциска Сильвия (1614–1672), Антони ван Левенгука (1623–1723) и Говарда Бидлоо (1649–1713).

Основатель Сибирского университета также пожертвовал библиотеке фундаментальные труды по естественным наукам таких известных ученых, как К. Линней (1707–1778), Л. Эйлер (1707–1783), Ж.Л. Буффон (1707–1788), А.К. Клеро (1713–1765), П.С. Паллас (1741–1811), И.Э. Боде (1747–1826), Д.М. Велланский (1774–1847), К.Г. Мертенс (1796–1830), А.Ф. Попов (1815–1879).

Состав книжного собрания библиотеки В.М. Флоринского переданной в дар Томскому университету

Отрасль знания, вид литературы	Количество (по наименованию)	Доля по отношению к книжному фонду, %
Медицина (учебные пособия; периодические и продолжающиеся издания)	1 293	57,98
Учебные пособия	354	15,87
Религиозно-теологическая литература	102	4,57
Естественные науки	87	3,90
История	50	2,24
Законодательство	50	2,24
Нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация учебных заведений Российской империи; образование и педагогика	48	2,15
Периодические и продолжающиеся издания	47	2,11
Художественная литература	32	1,43
Филология (словари и лексиконы)	25	1,12
Делопроизводственная документация	24	1,08
География и путешествия (карты, атласы)	22	0,99
Экономика и статистика	20	0,90
Философия	18	0,81
Правоведение	16	0,72
Адрес-календари, памятные и справочные книги	13	0,58
Земледелие и садоводство	10	0,45
Прочая литература (искусство, строительство, певческие книги, домоводство и др.)	19	0,85
Всего	**2 230**	**100**

В составе этой коллекции обнаружилось большое собрание учебной литературы XVIII–XIX в. по географии, математике, геометрии, истории и языкознанию. Флоринский отмечает, что приобрел эту коллекцию пособий в Казани, а её собирателем был профессор Казанского университета Фридрих Иванович Фатер: «В числе книг немедицинского содержания находится… довольно значительная коллекция употреблявшихся в России в конце прошлого и в первой половине текущего столетия учебников для средних и низших школ, могущая быть пригодною для разработки вопроса по истории русского просвещения» [10. С. 5].

Ученый считал важным, что будущие студенты Сибирского университета смогут познакомиться с философской литературой, и признавался, что сам бы с удовольствием погрузился в чтение подобных трудов: «Не по душе мне наши медицинские науки, претендующие на положительное, реальное знание, но неудовлетворяющие самым неприхотливым требованиям философского мышления; не могу я удовлетвориться изучениям лишь того, что вижу и осязаю; хотелось проникнуть в глубину вещей, в самые законы и принципы жизни, работать не одними органами чувств, а высшими способностями, данными человеку разумным анализом, отвлеченным философским обобщением» [7. Л. 142–143]. В библиотеке Флоринского находились сочинения представителей разных философских школ и течений: Ф. Бэкона (1561–1628), Б. Спинозы (1632–1677), И. Канта (1724–1804), Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), Г. Риттера (1791–1869), Д.С. Милля (1806–1873), Д.Г. Льюиса (1817–1878), Г. Спенсера (1820–1903), Э.М. Диллона (1854–1934).

Флоринский проявил интерес и к литературе религиозно-теологического содержания. В частности, в его собрание вошли издания по истории христианской церкви (Milner J. Geschichte der Kirche Christi. Gnadau, 1819–1821. Т. 1–2, 5; Иоаннов А. Полное историческое известие о древних стригольниках… СПб., 1831; Napiersky K.E. Beiträge zur Geschichte der Kirchen und Prediger in Livland. Mitau, 1850; Щапов А. Русский раскол старообрядства… Казань, 1859; Сушков Н.В. Пятое августа 1867 года. М., 1867), теологические труды (Auszüge aus dem Briefwechsel der Deutschen Gesellschaft thätiger Beförderer reiner Lehre… Basel, 1783. Т. 1; Феофилакт (Горский). Orthodoxae orientalis ecclesiae dogmata seu doctrina christiana de credendis: в 2 ч. Petropoli, 1818; Sonntag K.G. Sittliche Ansichten der Welt und des Lebens für das weibliche Geschlecht. Riga, 1820. Т. 2), литургия (Neu-vielvermehrtes Rigisches Gesang-Buch, bestehend aus schönen geistreichen Liedern… Riga und Leipzig, 1741; Рудаков А. Краткое учение о богослужении православной церкви. СПб., 1875), катехизисы и проповеди (Pouget F.-A. Catechismes du diocese de Montpellier. Paris, 1724; Hagberg C. Predikningar. Stockholm, 1817; Harms C. Predigten christologische. Kiel, 1821; Draseke J.H.B. Predigten über die letzten Schiksale unsers Herrn von der St. Ansgarii-Gemeinde in Bremen. Lüneburg, 1826), тексты Библии на разных языках (D.N. Jesu Christi Testamentum Novum: gr. lat. Theodoro Beza… Amsterodami, 1647; Meie Issanda Jesusse Kristusse Uus Testament ehk Ue Seädusse Ramat. Peterburri Liñnas, 1825; Das Neue Testament. Berlin, 1837; Uusi testamentti englannin ja ulkomaan Pipliaseuran kustantama. Helsingissä, 1858).

В 1885 г. В.М. Флоринский становится попечителем Западно-Сибирского учебного округа и переезжает вместе с семьей в Томск, к этому времени в результате его плодотворной деятельности удалось собрать свыше 70 тыс. томов книг и журналов. Такое большое количество книг предстояло еще систематизировать и описать, а кроме того, отрегулировать принципы работы самой библиотеки. Флоринский решил поручить эту работу своему знакомому по совместной деятельности в Казанском обществе археологии, истории и этнографии Стефану Кировичу Кузнецову (1854–1913). Впоследствии известный библиофил и историк книги И.Г. Иваск отметит заслуги Кузнецова на посту главного библиотекаря Сибирского университета: «Организация молодой библиотеки – нового рассадника знания; развитие и укрепление хранилища духовной пищи в первом сибирском центре высшей культуры; неустанная бессменная работа библиотека-

ря-радетеля, библиотекаря-книголюба, библиотекаря-энциклопедиста – вот какие неувядающие цветы вплетены в венок Стефана Кировича на протяжении 17-летнего служения его делу культуры и науки в Сибири» [13. С. 257].

Получив новые должные полномочия, Флоринский использовал их для пополнения фондов университетской библиотеки. В своих служебных поездках по учебному округу он обратил особое внимание на книжные собрания учебных заведений, где могли храниться ценные издания XVIII – первой половины XIX в. Флоринский составил список книг и рукописей, хранящихся в библиотеках уездных училищ, которые могли быть полезны для университета. В 1887 г. он обратился к министру народного просвещения с прошением об их передаче в библиотеку университета. Не забыл Василий Маркович и о покупке отдельных редких экземпляров: «Будущей весной непременно заеду к вам, если только изберу путь через Тобольск. Относительно “Иртыша превращающегося в Ипокрену”, то его нет ни в библиотеке Сибирского, ни Казанского университета. Я знаю этот журнал по экземпляру, находящемуся в библиотеке нашего профессора Булича, и то не по полному. Если бы возможно было достать экземпляр этого издания и не за особенно дорогую цену, то я был бы очень благодарен за эту находку. Для библиотеки Сибирского университета это был бы ценный вклад, как редкое и первое литературное Сибирское издание» [15. С. 55].

Даже после назначения Кузнецова Флоринский не оставался безучастным к деятельности библиотеки; так, именно он разработал принцип размещения всех книг по трем отделениям: иностранному, русскому и медицинскому. Из большого количества дублетов по его распоряжению формировались фонды студенческой и кафедральных библиотек. По замыслу Флоринского неделимыми книжными коллекциями должны остаться только библиотека Строгановых и частные собрания некоторых профессоров-медиков – В.И. Басова, В.Г. Лашкевича, П.А. Вальтера, П.А. и А.П. Загорских и его собственная. Для «лучшего порядка в распределении, описании и проверке» Флоринский также предлагал создать печатный каталог. Его первый том был издан в 1889 г. и включал в себя 20 тыс. названий книг, размещенных в иностранном отделении. Кроме того, в предисловии к нему Флоринский кратко охарактеризовал все частные книжные собрания и отдельные дарственные издания, переданные до открытия университета [10, 14].

Первым организационно-методическим документом, регулирующим деятельность библиотеки, стали «Правила пользования библиотекою Императорского Томского университета», составленные Флоринским. Уже доработанные «Правила…» были утверждены министром народного просвещения И.Д. Деляновым 15 июля 1892 г. [16]. В разделе «Пользование библиотекой» все книги, имеющиеся в фондах, делились на три категории пользования. К первой категории относились «сочинения запрещенные цензурой и издания, подлежащие тайне», пользоваться такими книгами разрешалось в библиотеке и только с разрешения Совета университета. Ко второй категории относились рукописи, а также редкие издания, эстампы, гравюры, и работать с такими экземплярами разрешилось только в библиотеке. Остальные книги, третьей категории, можно было выдавать на дом. В этом же разделе разъяснялось, кто имеет возможность получить книги на дом и количество таких книг. Стоит отметить также 53-й параграф, где было указано, что «никто не может пользоваться отпуском из Томска, не предоставив письменного удостоверения библиотеки о возвращении взятых им книг» [16. С. 102].

22 июля 1888 г. в своей приветственной речи на официальном открытии Томского университета Флоринский отметил роль библиотеки в основании «рассадника высшего образования» в Сибири: «Относительно учебных и научных пособий Томский университет может считать себя особенно счастливым. Люди, близко принимающие к сердцу потребности высшего просвещения, помогли ему подготовить к открытию учебных курсов богатые коллекции по многим отраслям естествознания… Едва ли найдётся другой университет, который ко дню своего открытия обладал бы таким богатым запасом книг по всем отраслям знания, каким в настоящее время обладает Томский университет. Мне особенно приятно указать здесь на эти богатые приобретения, потому что все они составились из добровольных пожертвований частных лиц, и при том не одних сибиряков, но по преимуществу ревнителей просвещения из Европейской России… идея основания университета на восточной окраине Русского государства близка и сочувственна не одним сибирякам, которым университет приносит прямую, осязательную выгоду, но и всем просвещённым людям» [17. С. 7].

Главный принцип, которым руководствовался Флоринский в своей работе, – как можно быстрее построить сам университет и снабдить его всей необходимой учебно-научной базой, затратив при этом минимум государственных денег. Этот принцип был реализован при организации первоначального книжного фонда библиотеки: еще до открытия Сибирского университета удалось создать универсальное и при этом фундаментальное по своему составу книжное собрание, которое и стало тем самым «прочным фундаментом» для успешной научно-педагогической деятельности всего университета.

Устроитель первого в Сибири университета смог не только решить проблему формирования книжного фонда библиотеки, но и концептуально сформулировал саму важность существования подобного учреждения при университете. Можно утверждать, что ученый на самых первых этапах развития библиотеки определил её научно-исследовательский характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный» : самосознание врача как просветителя Российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 47–82.

2. Вишленкова Е.А. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века : от представительства во власти к самоорганизации // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. : А. Гладышев, Т. Булыгина. Саратов ; Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. Вып. 10. С. 182–200.
3. Национальный музей Республики Татарстан (далее – НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959-100. Дневник заграничного путешествия 1861 г.
4. Пирогов Н.И. Университетский вопрос // Избранные педагогические сочинения. М. : Академия педагогических наук РСФСР, 1952. С. 380–463.
5. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. Янв. С. 75–109; Февр. С. 288–311; Март С. 564–596; Апр. С. 109–156; Май. С. 280–323; Июнь. С. 596–621.
6. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета.
7. Флоринский В.М. «От Екатеринбурга до Томска». Дневниковые записи 1881 г. // Музей истории ТГУ.
8. Качин Н.А. Собирая «хранилище духовной пищи» из истории создания В.М. Флоринским книжного фонда Научной библиотеки Томского университета // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 90–96.
9. Колосова Г.И. Личные библиотеки в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки ТГУ // Русская книга в дореволюционной Сибири : фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек : сб. науч. тр. Новосибирск, 1988. С. 31–46.
10. Флоринский В.М. Предисловие // Каталог главной библиотеки императорского Томского университета. Томск, 1889. Т. 1. С. 1–8.
11. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-205. Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени.
12. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-824. Письмо Н.Л. Киммеля к В.М. Флоринскому.
13. Иваск У.Г. С.К. Кузнецов [Некролог] // Библиографические известия. 1913. № 3. С. 257–258.
14. Ивановская Е.В. К вопросу о формировании фонда Научной библиотеки Томского государственного университета: книги из библиотек уездных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 77–80.
15. Дмитриев-Мамонов А.И. К истории первого университета в Сибири // Всемирный вестник. № 10. С. 28–67.
16. Правила пользования библиотекой Императорского Томского университета // Известия Томского университета. 1893. Кн. 5. Отд. 1–2. С. 94–106.
17. Флоринский В.М. Речь по поводу открытия Императорского томского университета, произнесенная 22 июля 1888 г. // Первый университет в Сибири. Томск : Тип. Сиб. вестника, 1889. С. 2–8.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 февраля 2017 г.

CREATING THE "FIRM BASIS": FROM THE HISTORY OF THE CREATION OF THE BOOK FUND OF THE TOMSK STATE UNIVERSITY RESEARCH LIBRARY BY V.M. FLORINSKY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 80–87.
DOI: 10.17223/15617793/417/12
Nikolay A. Kachin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kachinnikolay@mail.ru
Keywords: V.M. Florinsky; Research Library of the University of Tomsk; Tomsk State University.

The Research Library of Tomsk State University became an integral part of the first higher educational establishment in Siberia since its foundation in 1880. The key role in the formation of the original book fund of the library was made by V.M. Florinsky (1834–1899), the scientist of varied attainments, whose name was inextricably connected with the history of the creation and opening of the Siberian University in Tomsk. In the given article the author aimed to characterize the conceptual approach of Florinsky to the destiny and principles of the book fund formation as an integral part of the university. The research is, first of all, based on materials of the personal archive of Florinsky, particular emphasis has been placed on his diaries. The world view of Florinsky as a medical scientist and a member of the "medical corporation" formed his active "attitude to the state" in the development of Russian education and science. So, he wrote his first thoughts on this matter in his foreign notes (1861–1863). In 1875, he left the "Alma mater" and started to work in the Ministry of National Education. That was the very moment when he moved his scientific activity to the background, and the Siberian University became his lifework. He presented the concept of the future library in 1877 in his Project of Proposal on Donations for the Collection of the Library of the Siberian University. This project can be referred to as the program document of the library, where he stated his vision about the principles of and approaches to the formation of the book fund. In the search of book collections or even separate book volumes that could be necessary for the university, he used not only his experience of a bibliophile scholar, but also his personal contacts with friends and colleagues from different scientific and state organizations. Copies of books from the Public Library and the Hermitage Library that were personally chosen by Florinsky, as well as editions of the Censoring Committee and the Main Directorate on Press Affairs together with a book collection for the medical branch of the library Florinsky granted to the library made the foundation of the library book fund. Even after the completion of the book funds, Florinsky did not remain indifferent to the library activity. He chose a candidate for the position of the chief librarian and composed the main organizational and methodological document of the library. Thus, all these book collections made a firm foundation for the research-scientific activity of the University and made it stand out on the Russian and the world maps of centers for science and education. Florinsky not only solved the task – organized a research library before the official opening of the university, but also conceptually defined the significance of the existence of such an establishment at the University.

REFERENCES

1. Vishlenkova, E.A. (2011) "Vypolnyaya vrachebnye obyazannosti, ya postig dukh narodnyy": samosoznanie vracha kak prosvetitelya Rossiyskogo gosudarstva (pervaya polovina XIX veka) ["Performing medical duties, I realized the spirit of the people": the self-awareness of the doctor as an enlightener of the Russian state (first half of the 19th century)]. *Ab Imperio*. 2. pp. 47–82.
2. Vishlenkova, E.A. (2015) Vrachebnye obshchestva Peterburga v pervoy polovine XIX veka: ot predstavitel'stva vo vlasti k samoorganizatsii [Medical societies of Petersburg in the first half of the 19th century: from representation in the power structures to self-organization]. In: Gladyshev, A. & Bulygina, T. (eds) *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. Vol. 10. Saratov; Stavropol: North-Caucasian Federal University.
3. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund "V.M. Florinsky". 117959-100. *Dnevnik zagranichnogo puteshestviya 1861 g.* [Travel diary of 1861].
4. Pirogov, N.I. (1952) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical writings]. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. pp. 380–463.

5. Florinskiy, V.M. (1906) Zametki i vospominaniya [Notes and memoirs]. *Russkaya starina*. January. pp. 75–109.
6. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund "V.M. Florinsky". 117959-822. *Proekt predlozheniya k pozhertvovatelyam dlya sobraniya biblioteki Sibirskogo universiteta* [The draft proposal to donors for the collection of the library of the Siberian University].
7. Museum of History of TSU. Florinskiy, V.M. (1881) *"Ot Ekaterinburga do Tomska". Dnevnikovye zapisi 1881 g.* ["From Yekaterinburg to Tomsk". The diary entries of 1881].
8. Kachin, N.A. (2016) Creating "spiritual food storage": from the history of collecting the book fund of Tomsk State University Research Library by V.M. Florinsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 90–96. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/14
9. Kolosova, G.I. (1988) Lichnye biblioteki v otdele redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki TGU [Personal libraries in the Department of Rare Books and Manuscripts of the Research Library of TSU]. In: Dergacheva-Skop, E.I. et al. (eds) *Russkaya kniga v dorevolyutsionnoy Sibiri: fondy redkikh knig i rukopisey sibirskikh bibliotek* [The Russian Book in Pre-Revolutionary Siberia: Funds of Rare Books and Manuscripts of Siberian Libraries]. Novosibirsk: GPNTB.
10. Florinskiy, V.M. (1889) *Katalog glavnoy biblioteki imperatorskogo Tomskogo universiteta* [Catalog of the main library of the Imperial Tomsk University]. Vol. 1. Tomsk: Tipo-litogr. V.V. Mikhaylova i P.I. Makushina. pp. 1–8.
11. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund "V.M. Florinsky". 117959-205. *Mysli i vospominaniya o moem detstve i shkol'nom vremeni* [Thoughts and memories of my childhood and school time].
12. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund "V.M. Florinsky". 117959-824. *Pis'mo N.L. Kimmelya k V.M. Florinskomu* [Letter from N.L. Kimmel to V.M. Florinsky].
13. Ivask, U.G. (1913) S.K. Kuznetsov [Nekrolog] [S.K. Kuznetsov [Obituary]]. *Bibliograficheskie izvestiya*. 3. pp. 257–258.
14. Ivanovskaya, E.V. (2014) K voprosu o formirovanii fonda Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: knigi iz bibliotek uezdnykh uchilishch Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [On the Formation of the Tomsk State University Research Library funds: Books from the Libraries of the Uyezd Schools of the West Siberian Educational District]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2 (14). pp. 77–80.
15. Dmitriev-Mamonov, A.I. (1906) K istorii pervogo universiteta v Sibiri [To the history of the first university in Siberia] *Vsemirnyy vestnik*. 10. pp. 28–67.
16. Izvestiya Tomskogo universiteta. (1893) Pravila pol'zovaniya bibliotekoy Imperatorskogo Tomskogo universiteta [Rules for the use of the library of the Imperial Tomsk University]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 1893. 5:1–2. pp. 94–106.
17. Florinskiy, V.M. (1889) Rech' po povodu otkrytiya Imperatorskogo tomskogo universiteta, proiznesennaya 22 iyulya 1888 g. [Speech on the opening of the Imperial Tomsk University, delivered on July 22, 1888]. In: *Pervyy universitet v Sibiri* [The first university in Siberia]. Tomsk: Tip. Sib. vestnika.

Received: 27 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 88–93. DOI: 10.17223/15617793/417/13

УДК 908

А.А. Кононенко

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ТЮМЕНИ ГЛАЗАМИ ОБЫВАТЕЛЯ

Рассматриваются вопросы истории Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской большевистской революции в контексте истории уездного сибирского города Тюмени. В качестве приоритетов выбраны сюжеты, связанные с повседневными наблюдениями и оценками людей, попавших в непростую жизненную ситуацию. Сделана попытка создать эффект «включенности» читателя в события. Вряд ли стоит полагать, что в период революции произошел переход «от чужой к своей власти». Делается вывод, что интерес обычного горожанина не выходил за рамки будничной борьбы за выживание, а «героическими» эти события сделала их мифологизация второй половины 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: революция 1917 года; Тюмень; продовольственная и личная безопасность; криминализация жизни; передел собственности и прав; борьба за выживание; Гражданская война.

Данная статья не претендует на все многообразие взглядов, эмоций и мнений, обусловленных индивидуальной и групповой дифференциацией горожан в период революции 1917 г. Предлагаемый читателю текст преследует цель показать революционные события в небольшом уездном городе, численность которого едва достигала 50 тыс. человек, глазами обывателей. Что они видели и что не замечали, что чувствовали, переживали и чего пытались забыть – в общем, все то, что лежит в основе коллективного опыта, основу которого составляли поступки современников.

Исследования такого рода должны не только опираться на архивные материалы и периодическую печать, но и учитывать такие факторы, как быт, уровень жизни, слухи, сплетни, знаковые события. Например, наводнение весны 1914 г., которое для современников было гораздо важнее, чем мировые известия, такие как убийство в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда или покушение на убийство Г.Е. Распутина в Покровском. История почти бескровной Февральской революции, а затем и большевистской революции и созданной ею политической системы далеко не полна без отражения ее в судьбах людей на «микроуровне» – уровне захваченного ею врасплох «маленького человека» в российской глубинке.

В конце февраля 1917 г. в Тюмени ничто не предвещало будущих трагических событий. Неожиданно 1 марта по телеграфу приходит известие – царь отказался от престола за себя и своего сына, передав его брату Михаилу. Михаил отказывается царствовать. Утром 2 марта 1917 г., узнав из телеграфного сообщения об отречении монарха, местные жители и поднадзорные лица собрались на несанкционированный митинг в здании городской думы. Так как количество собравшихся оказалось значительно большим, чем могло вместить помещение думы (около 700 человек), было предложено перейти в помещение клуба приказчиков. Избранный тут же Временный исполнительный комитет послал своих представителей к начальнику местного гарнизона, уездному исправнику и помощнику начальника губернского жандармского управления. Офицеры гарнизона взяли отсрочку и предложили встретиться после 19 часов. Видимо, связавшись со штабом округа, к вечеру они определились и проинформировали о готовности поддержать революцию. Полицейский исправник И.И. Мельников и жандармский ротмистр В.М. Калмыков добровольно сдают оружие. Лишь начальник почтово-телеграфной конторы Г.С. Ерофеев, ссылаясь на военное время, отказывается выдать документацию и служебную переписку. Он отстранен от дел и отправлен под домашний арест. Народ воодушевлен. Оркестр исполняет «Марсельезу» и «Вы жертвами пали в борьбе роковой». 5 марта 1917 г. губернатор Н.А. Ордовский-Танаевский призвал население к спокойствию и сохранению личной и имущественной безопасности, но на следующий день Тобольская городская дума отказала ему в доверии за связь с «темными силами самодержавия» и отправила в отставку. В тот же день в Тюмени солдатами был проведен обыск в хозяйстве бывшего игумена Мартемиана в монастыре и в доме еще одного друга Г.Е. Распутина – сундучника Д.Д. Стряпчего. 10 марта состоялся массовый митинг на Базарной площади. Все выступающие говорили о поддержке нового строя, проклинали голштинскую династию, помещали на одежду красные банты, славили председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Революция тюменцами была признана. Пожалуй, единственным человеком, выступившим в защиту Романовых в Тюмени, был священник Знаменского собора о. Владимир (Хлынов) [1]. В марте 1917 г. во время службы в проповеди он поддержал свергнутого императора, был подвергнут критике, ему запретили службу и позднее перевели в Тобольск. Таким образом, как только прежняя власть в столице ушла в отставку, произошел беспрецедентный распад властных структур в провинции. Губернатор, органы внутренних дел и государственной безопасности без какого-либо сопротивления отрешились от своих обязанностей, а некоторые представители этих структур с воодушевлением перешли на сторону новой власти.

Февральско-мартовский переворот в Петрограде в значительной степени изменил жизнь в Тюмени. Приметой времени стали многочисленные собрания, митинги, демонстрации, участники которых распевали «Марсельезу», «Отречемся от старого мира» и носили по улицам портреты М.В. Родзянко, увитые красными лентами. Курьезный случай произошел во время проведения первой демонстрации в поддержку Временного правительства, когда колонны горожан двинулись по центральной улице к зданию городской управы. Из дома купца Брюханова на демонстрантов полетели стекла со второго этажа. «Оказывается, стекла были разбиты впавшим в помешательство лицом, много пострадавшим в дни первой русской рево-

люции, у которого радостное известие о свободе вызвало крайне повышенное болезненное настроение. Больной был отвезен в городскую больницу» [2].

Изменения коснулись не только общественно-политической сферы, но и культурной жизни. В городе действовали три кинотеатра – «Гигант», «Палас» и «Вольдемар», в которых демонстрировали слезливые мелодрамы и спектакли с весьма неприхотливыми названиями «Женитьба Адемара», «Умирающая роза», «Борьба за счастье», «Любовь императрицы» или заявленная как жуткая драма в пяти частях «Месть падшей». Любопытно, что целью одной из мелодрам – «Любовь императрицы» – было стремление показать «психологию настоящего времени», а действующими персонажами выступали бывшая царская семья, ее окружение, в том числе Г.Е. Распутин. Роли бывшего временщика последних Романовых уделялось большое внимание на страницах центральных и тюменских газет. И это, по-видимому, не случайно. У сильной власти постоянно находятся «подпорки», стабилизирующие ее положение, у слабеющего правителя, напротив, неизбежно появляется «теневой двойник», сбивающий его сакральную ауру. Репутацию Николая II подпортили Распутин и императрица, причем степень их влияния не имела значения.

Приметой нового времени стало огромное количество анонимных писем, поступавших в редакции газет. Различные «доброхоты» уверяли журналистов в обнаружении то одного, то другого тайного сторонника бывшего режима, требовали опубликовать имена секретных сотрудников царской охранки. В настоящий авантюрный роман, привлекший внимание читающей общественности, превратилась переписка между В.И. Колокольниковым – председателем Временного исполнительного комитета г. Тюмени, и редактором газеты «Ермак» А.М. Афромеевым. Последний заявил, что горожане имеют право знать, кто входит во временный исполком, после чего был арестован и выслан в Сургутский уезд. После обжалования этого решения в Министерстве юстиции известный журналист вернулся в Тюмень и проинформировал население о злоупотреблениях новой городской власти. В результате 16 марта 1917 г. на площади состоялся митинг из 50–60 человек с требованиями «Долой Колокольникова!», «Просить Никольского!» (врач, бывший глава города). 21 марта В.И. Колокольников уступил свое место известному адвокату Н.И. Беседных. Ему же, опасаясь травли со стороны городского руководства, продал свою газету «Ермак» А.М. Афромеев.

Значительное место в жизни горожан отводилось вопросам продовольственной и личной безопасности. Основная проблема, с которой сталкивалось население, – нехватка то одного, то другого товара повседневного спроса. Например, значительный дискомфорт испытывали изголодавшиеся курильщики в связи с табачным голодом и стремительным ростом цен на папиросы. В июне 1917 г. 100 папирос стоили 25 руб., причем в одни руки отпускалось не более 10. На глазах росла стоимость периодических изданий. Газеты в августе стоили 5 коп., в декабре – 10 коп. Но наибольшее озлобление населения вызывал рост цен на продукты питания. 31 марта 1917 г. выступили женщины, возмущенные стопроцентным повышением цен на молоко. Их поддержали солдаты и пристанские рабочие. 22 апреля 1917 г. горожанами в связи с повышением цены на мясо был объявлен бойкот торговцам – пришедшие на рынок домохозяйки вернулись домой с пустыми сумками. Испугавшись самочинных обысков и расправ со стороны солдат и горожан, 12 апреля на квартиру к председателю Временного исполнительного комитета Н.И. Беседных явился известный купец А.С. Колмаков и попросил арестовать его, чтобы укрыться в тюрьме от самосуда.

На протяжении лета–осени 1917 г. рост цен продолжался. Стоимость муки достигла 22 руб. за пуд. За фунт хлеба или кренделя продавцы требовали 12 коп. С 1 сентября чай стал продаваться по сахарным карточкам. Спекуляция карточками вызвала забастовку типографских и железнодорожных рабочих. С 1 января 1918 г. 1 фунт сахара-песка стал стоить 75 коп., рафинада – 80 коп. Сажень дров обходилась покупателю в 8 руб. 50 коп. при том, что, например, средняя пенсия составляла всего лишь 24 руб. 50 коп. Деньги стало нецелесообразно держать дома. Не случайно декабрь 1917 г. в Тюмени ознаменовался приливом вкладов в банки и сокращением мелких денежных знаков в обращении. Темпы инфляции с 1916 по 1919 г. можно проследить, обратившись к таблице, подготовленной обществом тюменских избирателей в мае 1919 г. [3].

Наименование товаров	1916 г.	1919 г.
Пшеничная мука (пуд)	1 руб. 50 коп.	75 руб.
Мясо (фунт)	8 руб. 16 коп.	220 руб.
Масло топленное (фунт)	33 руб. 50 коп.	280 руб.
Масло конопляное (четверть)	10 руб. 60 коп.	220 руб.
Дрова березовые (сажень)	8 руб.50 коп.	140 руб.

Война и революция спровоцировали дефицит не только продовольственных, но и промышленных товаров. Во всех мануфактурных магазинах были лишь шерстяные товары, шелк и тюль. Покупатели напрасно ходили из магазина в магазин. В магазинах Стахеевых 6 июня было получено 50–60 кусков материи, но ее разобрали за 3 часа, при этом два куска было украдено. 7 июня толпа женщин из 300 человек все утро осаждала магазин Стахеевых, требуя ситца. Уверения служащих ни к чему не привели. Женщины сели на прилавки, расположились на полу и стали ждать, что откуда-то «посыплется» мануфактура. Приказчики смиренно стояли за пустыми прилавками. Начали говорить, что товары спрятаны. Часть толпы отправилась в исполнительный комитет с требованием, чтобы в магазине был проведен обыск. Начиная с августа–сентября 1917 г. наблюдается дефицит мыла, причиной которого стало, по мнению респондентов, отсутствие правильного подвоза сырья и сокращение выработки на предприятиях. В качестве одной из мер для поставки мыла населению предлагалось его распространение поставить под контроль продовольственных комитетов [4].

Лозунг тех дней – «Берегись воров!». Кражи, грабежи, «наперсточники», подбрасывание «кукол» ста-

ли явлением повседневным. 9 июля 1917 г. начальник гарнизона полковник В.Я. Дмитриев и секретарь редакции газеты «Свободное слово» кадет Ф.С. Гусев были избиты солдатами 35-го запасного полка. Военнослужащие тюменского гарнизона к лету 1917 г. совершенно распустились: в казармах пьянствовали, варили самогон, играли в карты. Наблюдалось всеобщее падение нравов. Не отставали от солдат, как правило, являвшихся застрельщиками нарушения общественного порядка, и отдельные горожане. Криминальная обстановка в городе с каждым днем все более осложнялась. В ночь на 31 августа 1917 г. в своем собственном доме был убит крупный предприниматель А.С. Колмаков. Особенно в плане криминала выделялись Сараи, где преступным промыслом занимались целые семейные династии. Стрельба, кражи, хулиганство, драки как результат социальной неустроенности и раньше были общественным злом города, теперь же они достигли катастрофических размеров. Наблюдается активный рост детского и юношеского алкоголизма и проституции. При этом недостатка в клиентах – горожанах, а также солдатах тюменского гарнизона и военнопленных стран германского блока – не было.

Революция, безусловно, отразилась не только на быте, но и на личной жизни горожан. При самодержавии женщине отводилась роль домохозяйки и матери, теперь тюменки стали активными участницами всех общественных и политических мероприятий. Ни одно городское массовое событие не обходилось без женщин, требовавших увеличения пенсий семьям военнослужащих или погибших, возмущавшихся разгулом цен на товары и услуги. С ликвидацией старорежимных запретов возросла роль женщины-хозяйки, что нашло отражение как в наследовании капиталов, так и в получении ею общегражданских свобод. Военные действия, миграция населения, постоянный приток беженцев, появление новых людей в городе разрушили патриархальный быт горожан. Оставшись за мужей, пребывавших на фронте, тюменские женщины после свержения самодержавия превратились во внушительную общественную силу, они активно занимались трудом – рукоделием, торговлей, преподаванием, участием в различных творческих и профессиональных союзах, зарабатывали сдачей жилья в наем, работали в сфере услуг. В результате необратимых общественных процессов в 1917 г. произошло разрушение традиционных патриархальных ценностей, сократилась экономическая зависимость женщин в семье, они стали более активными, предприимчивыми и самостоятельными, увеличился их вклад в семейный бюджет. Этот процесс проходил на фоне ликвидации сословных границ и сословных ценностей. В связи с заполнением города солдатами – молодыми, здоровыми людьми, поставленными на бессемейное положение, летучие браки делаются законом жизни.

При знакомстве с материалами, позволяющими реконструировать события 1917–1918 гг. в Тюмени, складывается впечатление, что большевистская революция в Петрограде оценивалась тюменцами всего лишь как смена одного временного правительства другим. Если события февраля–марта 1917 г. действительно произвели серьезную переоценку традиционного уклада жизни населения России, жизни без царя, то поздняя осень 1917 – зима 1918 г. для тюменцев была временем значительно более серым и невыразительным. Общее ухудшение общественно-политического и экономического климата в стране осенью 1917 г., безусловно, отразилось на жизни тюменцев. Основные мысли горожан стали обращаться к вопросам элементарного выживания. Развал городского хозяйства, катастрофическая ситуация с водоснабжением города, массовая вырубка лесов, расцвет уголовной преступности, тягостные ощущения приближающегося голода обостряли общественную напряженность.

Так, 3 ноября 1917 г. дом купца В.Л. Жернакова был осажден толпой женщин и солдат, которые требовали «ревизии» купеческих запасов, изъятия чая, сахара и других продуктов. Не найдя излишков, толпа двинулась к следующему дому – купца Иванова [5]. В городе формируется военно-революционный комитет во главе с эсерами и меньшевиками. Параллельно возникает большевистская организация, основу которой составили бывшие фронтовики. 20 января 1918 г. в городском Совете произошло столкновение по вопросу власти и отношения к большевистской революции в Петрограде. Мнение меньшевиков отстаивал социал-демократ Н.Н. Авдеев. За предложенную им резолюцию, осуждающую большевиков, проголосовал 41 член Совета. За большевистскую резолюцию о взятии власти Советом, предложенную Г.П. Пермяковым, поступило 63 голоса [6]. Был сформирован новый исполком тюменского Совета рабочих и солдатских депутатов. Началось создание отряда тюменской Красной гвардии.

События в тюменском Совете происходили на фоне развала государственной власти в стране. Картина общественно-политической жизни в России была более чем странная: рабоче-крестьянское правительство в Петрограде называло себя временным, наряду с ним возникли Советы народных комиссаров в Москве, Курске, Архангельске, Екатеринбурге и более двух десятков «окраинных» небольшевистских правительств. Фактически старая российская государственность уже распалась, новая же еще не была создана. Всероссийское Учредительное собрание было разогнано большевиками и поддержавшими их левыми эсерами в ночь с 5 на 6 января 1918 г., а большевистская революция самоутверждалась под флагом мировой революции, претендуя на милленаристское начало. При общем ухудшении состояния жизни людей в стране и в городе это предопределило дальнейшее развитие событий.

В конфиденциальном докладе городского главы А.С. Флоринского продовольственной управе 19 января 1918 г. отмечалось:

«В настоящее, столь тревожное время является огромным опасением хранение вина и спирта в казенном винном складе. Охрана этого склада не может считаться надежной, а между тем нахождение в городе огромных запасов вина представляет большой соблазн для населения, низшие слои которого всегда могут при малейшем недосмотре или какой-либо слу-

чайности воспользоваться этим вином, а так как самовольное взятие вина происходит в обстановке насилия и своевольства, то обычно, как это показывает опыт многих городов, разгром винных складов имеет многочисленные человеческие жертвы и сопровождается пожарами и разграблениями имущества граждан» [7].

На государственном складе скопилось 50 тыс. ведер спирта, незаметное уничтожение которого, по мнению главы Тюмени, было нереально. Население обязательно узнает об этом и постарается забрать спирт силой, как это было в соседнем городе Шадринске. А.С. Флоринский предложил оптимальное решение – перегнать спирт в вино (имеется в виду белое столовое вино – водка) и продать населению по карточкам из расчета по 1 бутылке на человека по 5 руб., направив полученные деньги на «повышение культурного уровня населения». С этой целью предлагалось открыть в разных районах города 6 магазинов. Однако запасов спирта оказалось несоизмеримо больше. Уездный комиссар В.П. Михайлов озвучил цифру – 2 млн бутылок, из которых 1,5 млн должны быть проданы населению (40 тысячам). Получалось по 37,5 бутылок каждому жителю Тюмени, в том числе младенцам. Часть водки решили продать населению Ялуторовского и Туринского уездов [Там же. Л. 9].

Несмотря на серые будни, развал в сфере жилищно-коммунального хозяйства, криминализацию не только окраин, но и центра города, жизнь в Тюмени даже тогда была более благополучной, чем в Центральной России. Пребывавшая в январе 1918 г. в городе баронесса С.К. Буксгевден отмечала высокую степень благосостояния, особенно в сравнении с Петроградом. При наличии денег Тюмень казалась страной обетованной. Домашний хлеб, сдобные булочки, икра, деликатесная уха из стерляди в местном ресторане по ценам, о которых в столице можно было лишь мечтать. Не менее хлебосольным был стол в деревенских трактирах по пути из Тюмени в Тобольск: огромное количество пельменей (вареных, с бульоном, жареных), которые традиционно подавались к обеду, гигантского размера осетры и с трудом размещавшиеся на столах тарелки с икрой и дикоросами (клюква, брусника, грибы, кедровые орехи) [8].

Относительное продуктовое изобилие существовало до марта 1918 г., когда в Тюмени была установлена советская власть. Докатившаяся до Сибири на штыках кронштадтских матросов большевистская революция (в город прибыли «Первый Северный морской карательный отряд», пермский, екатеринбургский и омские красногвардейские отряды) помогла местным большевикам сместить городскую Думу, собрать двухмиллионную контрибуцию, сформировать городской Совет народного хозяйства, изъять оружие, в том числе охотничье. Горожане были неприятно шокированы первым публичным расстрелом 14 уголовников, приведенных из городской тюрьмы, осуществленным по приказу «Военного комиссара Северного района Западной Сибири» М.А. Запкуса. Первые шаги советской власти были энергичными: введение рабочего контроля над производством, изъятие и распределение товаров, в первую очередь продовольствия, создание революционных трибуналов, демобилизация военнослужащих старой армии, перенос губернского центра из Тобольска в Тюмень. Затем шли установление монополии на средства массовой информации, национализация предприятий, запрет частной торговли. В течение марта 1918 г. лишились собственности – кинотеатров «Гигант», «Био», «Вольдемар» и «Палас» – их владельцы И.С. Шустер, С.С. Шустер, М.А. Брюханов и А.Д. Ерофеева. Одной из форм борьбы с буржуазией было принудительное приобщение ее к физическому труду. Самым богатым людям города выдавались метлы, лопаты, и под присмотром красногвардейцев они отправлялись на уборку улиц и мощение тротуаров на Громовской и Новой улицах.

Тем не менее складывается впечатление, что руководство города в лице Н.М. Немцова, В.М. Кармашова, А.В. Неверова занималось лишь распределением произведенных ранее товаров и услуг, мало обращая внимание на восстановление производства, его рентабельность. Важнейшим источником пополнения городской казны были реквизиции и поборы, причем категория лиц, подлежавших революционному налогообложению, ежедневно расширялась. Впоследствии, после падения советской власти, было установлено, что всего Совет собрал с буржуазии 1 млн 868 тыс. руб., которые были израсходованы следующим образом: на содержание ревтребунала – 65 тыс. 625 руб.; подотчетным лицам – 56 тыс. руб.; на содержание губисполкома – 15 тыс. 319 руб.; содержание штаба Красной гвардии и Красной армии – 113 тыс. руб.; крестьянскому отделу – 500 тыс. руб.; Туринскому совдепу – 100 тыс. руб.; советским отрядам – 40 тыс. руб.; учебным заведениям – 8 тыс. 847 руб.; на борьбу с контрреволюцией – 32 тыс. руб. [9].

Конец мая 1918 г. ознаменовался выступлением чехословацкого корпуса и началом полномасштабной Гражданской войны в Сибири. Уже в июне Тюмень оказалась на осадном положении: город был заполнен красноармейцами и матросами Балтийского флота. Особенно много было матросов, считавшихся тогда «красой и гордостью революции». Это были люди без правил. Они ходили без бушлатов, с открытой шеей и носили ленты на бескозырках длиной до пояса. По воспоминаниям С.К. Буксгевден, «матросы были в почете, поэтому их обнимали женщины с обеих сторон. Женщины большевиков любили наряжаться. Руки женщин украшали реквизированные кольца и браслеты. Но декрет о национализации женщин в Тюмени в силу не вступил» [8. С. 410].

Рынок в городе работал, но так как Совет установил фиксированные цены, продукты быстро исчезали. Руководители большевиков в очередях не стояли – реквизированные продукты доставляли им прямо в Совет. С.К. Буксгевден вспоминала, что лучшим способом не привлекать к себе внимание было ношение потрепаной одежды: «Мы выглядели как настоящие пролетарии». Запомнился один местный житель, щеголявший в костюме, видимо, сшитом его женой из штор темно-красного цвета. Главным источником продуктов питания были продажа или обмен на рынке собственных вещей, которые остались от прежней жизни. Архаизация среды обитания сказалась и на сфере обеденных услуг. Рестораны и трактиры в Тюмени работали, но основны-

ми посетителями были солдаты и матросы, которые заказывали без оплаты самые дорогие вина и коньяки, а вместо металлических приборов, давно похищенных, пользовались деревянными ложками и вилками.

Частные вклады граждан были давно заморожены, банки не работали. В городе практиковались аресты наиболее зажиточных горожан, за которых можно было получить с родственников выкуп. Арестованные обоего пола содержались совместно. До людей доходили ужасные слухи об имитации расстрелов. Однако, по утверждению очевидца, серийных казней не было. На улицах и рекламных тумбах развешивались телеграммы о боях с казаками и чехами. Новости были противоречивыми, и излишне болтливые горожане могли легко стать жертвой доносчиков, которые щедро оплачивались властью. Слуги как класс давно исчезли. Если кто-то был недоволен своим работодателем, он угрожал донести на него в Совет и требовал прибавки к зарплате. Людей арестовывали по малейшему обвинению.

К середине июля 1918 г. чехословацкий корпус занял Ялуторовск, бои приблизились непосредственно к Тюмени. С целью взбодрить население большевики устраивали для трудящихся общественные балы, особенно после получения известий о поражениях на фронтах. Важное место в идеологической обработке населения занимали похороны красноармейцев, погибших в боях с Сибирской народной армией. Памятник Борцам революции на месте бывшего их захоронения и сегодня является одним из знаковых мест Тюмени. Сама похоронная процессия растянулась от железнодорожного вокзала до площади. Убитых оказалось вдвое больше, чем Совет подготовил гробов, поэтому комиссары реквизировали все готовые, в том числе предназначенные для женщин. Яркие бело-розовые «раковины» и красные гробы оказались меньшего размера и произвели на окружающих ужасное впечатление, так как из них торчали руки и ноги, когда их везли по улицам [8. С. 421]. Непросохшая краска оставляла на руках красные кровавые следы. Руководители процессии потребовали от горожан принять участие в мероприятии – нести своих мертвых товарищей. Желающих, однако, не нашлось. Звучали революционные гимны «Марсельеза» и «Интернационал». «Один фанатик предложил на митинге памяти арестовать и расстрелять всех буржуев сначала в домах с четными номерами, а потом с нечетными, одной из улиц. Потом перейти к другой улице, пока население не наполнится священным страхом» [Там же].

Вечером 19 июля 1918 г. большевики, опасаясь окружения, покинули город, который в течении суток принадлежал мародерам. «Склады на железной дороге, на пристани, на предприятиях были открыты, и имущество, продовольствие растаскивались грабителями. Тюмень выглядела как после большого погрома. На улицах (не могли всего захватить) валялись ящики, бочки с рыбой, пачки, даже не выделанные шкуры, банки с вареньем» [10]. 20 июля 1918 г. в город вошли войска Сибирской народной армии. За четыре с небольшим месяца своего правления тюменские большевики вступили в конфликт со значительной частью населения города и уезда. Опираясь исключительно на рабочих и беднейшую часть крестьянства, они сумели противопоставить себе практически все слои городского населения и не смогли организовать серьезную оборону Тюмени от войск Временного Сибирского правительства.

Взгляд на город в исследовательской перспективе единства времени, места и действия позволяет выявить характерные для того периода практики организации пространства принуждения, а также восприятия, усвоения и реинтерпретации этих конструктов историческими акторами. В связи с отречением императора и сомнительными перспективами Временного правительства верховная власть в России оказалась в «подвешенном» состоянии, что привело к беспрецедентному распаду всех государственных структур в провинции. Март 1917 г. не способствовал формированию новых органов власти, а привел к ликвидации старых. Это было время хаоса, распада, разрухи, психозов при одновременном возникновении самых необычных массовых иллюзий. Для старой правящей и новой демократической элиты было характерно игнорирование жизненных приоритетов и интересов народных масс, даже интересов собственного самосохранения. Сибирский город, находясь во власти традиционализма, склонного решать проблемы на основе уравнительных переделов, стремился закрыться в своем локальном мире. Горожане вступали в диалоги, дополняемые насилием, прежде всего, на основе сохранившегося враждебного отношения к государству. Основная часть тюменцев была проникнута чувством умеренного утилитаризма. Создается впечатление, что большинство важнейших событий 1917–1918 гг., таких как разгон Учредительного собрания, заключение Брестского мира, принятие новой советской Конституции, смена власти в период Гражданской войны, прошли мимо сознания горожан. Интерес «обычного» горожанина не выходил за рамки будничный борьбы за выживание, а знаковыми эти события сделала их мифологизация второй половины 1920–1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сбитнев А. Протоиерей В.А. Хлынов // Духовенство Тюменского района и г. Ялуторовска. 1907–1941 гг. Тобольск, 2008. С. 89–92.
2. Ермак (Тюмень). 1917. 13 марта.
3. Избиратель (Тюмень). 1919. № 1. 29 мая.
4. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 277. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.
5. Свободное слово (Тюмень). 1917. 7 ноября.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 1545. Оп. 1. Д. 49. Л. 59.
7. ГАТО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
8. Буксгевден С.К. Минувшее. Четырнадцать месяцев в Сибири во время революции. Декабрь 1917 – февраль 1919 // Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы. М. : Лента Книга; Вече; Гриф, 2012. 800 с.
9. ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 36. Л. 163–164.
10. Калугин Н.В. Мои воспоминания // Сибирский исторический журнал. (Тюмень) 2002. № 1. С. 63.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 февраля 2017 г.

THE 1917 REVOLUTION IN TYUMEN IN A LAYMAN'S VIEW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 88–93.
DOI: 10.17223/15617793/417/13

Anatoly A. Kononenko, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a-kononenko@yandex.ru

Keywords: revolution of 1917; Tyumen; food and personal security; criminalization of life; redistribution of property and rights; struggle for survival; Civil War.

The article deals with the history of the February bourgeois-democratic and the October Bolshevik revolutions in the context of the history of the provincial Siberian city Tyumen. The purpose of the work is to analyze the views, opinions and evaluations as well as the actions of the contemporaries of these events whose main intention was to survive in the political disorders and economic ruin. The sources are not only archives but also memories, rumors, gossip, speculation, stories related to public events, all that is called personal testimonies. The research methodology is based on an interdisciplinary approach to analyze the revolution through the prism of the history of everyday life, historical anthropology, gender history, the history of emotions as well as the experience concept which is the interpretation of active and passive experiences of an urban community. Subjects related to everyday observations and assessments of ordinary people caught in difficult life situations have been chosen as priorities. The author intentionally ignores the political or socio-economic component which is traditionally provided by official authorities regardless of their ideological orientation since they do not quite correctly reflect the essence and perception of the revolutionary events by ordinary people. The history of everyday life and subjectivity is limited to the world of ordinary people. It is based not so much on official documents but rather on personal correspondence, memoirs, rumors and evidence. The mood of people according to reports and their mood in real life are different things. The description of daily events made "from a bird's eye view" and with the help of official documents loses a quality important for the history of everyday life: it ceases to touch, loses the effect of indirect contact, of dangerous proximity. The article analyses the events from March 1917 to July 1918: dispersion of power, household difficulties and the redistribution of property rights, the change of power – everything that directly affected the everyday life of the district town. A steady decline in living standards which began in August 1914 and led to a humanitarian catastrophe of 1921 influenced the citizens' emotions more than the monarchy collapse, the collapse of state institutions, political community degradation, the establishment and the fall of the Soviet power, the Civil War in the region. The person in the revolution era was more concerned about food availability, an opportunity to get clothes, common and infectious diseases than paper decrees and orders. The late autumn of 1917 was a gray and inexpressive period and the Bolshevik revolution in Petrograd was estimated by Tyumen residents just as a change of one provisional government by another. The author has made an attempt to create the effect of "involvement" of the reader and to avoid the notorious "local conditions" which did not appear at a closer examination. It is hardly worth believing that there was a transition from "alien government to the native one" during the revolution. As a result, a conclusion has been made that the interest of an ordinary citizen did not go beyond everyday survival and these events became "heroic" only due to the mythologization of the second half of the 1920s and the 1930s.

REFERENCES

1. Sbitnev, A. (2008) *Dukhovenstvo Tyumenskogo rayona i g. Yalutorovska. 1907–1941 gg.* [Clergy of Tyumen Oblast and Yalutorovsk. 1907–1941]. Tobolsk. pp. 89–92.
2. *Ermak*. (1917). 13 March.
3. *Izbiratel'*. (1919). 1. 29 May.
4. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 277. List 1. File 1. Page 66. (In Russian).
5. *Svobodnoe slovo*. (1917). 7 November.
6. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1545. List 1. File 49. Page 59. (In Russian).
7. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 180. List 1. File 23. Page 1. (In Russian).
8. Buksgevden, S.K. (2012) Minuvshee. Chetyrnadtsat' mesyatsev v Sibiri vo vremya revolyutsii. Dekabr' 1917 – fevral' 1919 [The Past. Fourteen months in Siberia during the revolution. December 1917 – February 1919]. In: *Zhizn' i tragediya Aleksandry Fedorovny, imperatritsy* [Life and tragedy of Alexandra Feodorovna, the Empress]. Moscow: Lenta Kniga; Veche; Grif.
9. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 3894. List 1. File 36. Pages 163–164. (In Russian).
10. Kalugin, N.V. (2002) Moi vospominaniya [My memories]. *Sibirskiy istoricheskiy zhurnal*. 1. pp. 63.

Received: 01 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 94–102. DOI: 10.17223/15617793/417/14

УДК 347.97/99

Е.А. Крестьянников

ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ: ВОПРОСЫ СУДЕЙСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ИСПОЛНЕНИЯ НЕСУДЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Рассматриваются главные новшества в организации российской мировой юстиции конца XIX в. и их применение в Сибири: местные судьи наделялись обязанностями судебных следователей и нотариусов, а также лишались самостоятельности. Сделан вывод, что многофункциональность вместе с ограничениями независимости и несменяемости имели негативные последствия для деятельности сибирских мировых судей и отправления правосудия в целом.

Ключевые слова: судебное законодательство; мировой суд; Сибирь.

С проведением судебной реформы 1864 г. россияне получили шанс впервые апробировать незнакомые им раньше свободы, гарантированные установлением независимой судебной власти, теперь реально препятствовавшей произволу самодержавия. Либерализм эпохи не в последнюю очередь воплотился в установлении доступного и равного для всех выборного мирового суда, состоявшего из независимых и несменяемых единоличных судей, объединявшихся в самостоятельных корпоративных съездах в качестве второй инстанции. Однако, вступив в конфликт с авторитарным режимом, новая юстиция, с одной стороны, с первых дней существования стала испытывать нападки правительства, с другой – исправлялась по воле царского законодателя, неся ущерб собственному либеральному строению. С задержкой и дополнительными искажениями, часто продиктованными местными особенностями, реформировалась судебная система в провинциях страны.

В крупнейшем регионе – Сибири – Судебные уставы Александра II вводились на основании закона 13 мая 1896 г. [1] в то время, когда царизм уже задействовал и продолжал энергично использовать широкий арсенал средств для решения выдвинувшихся на первый план задач приспособления правосудия к политическому режиму и разнообразию имперского пространства. Значительный урон от консервативной судебной политики государства понес мировой суд. В конце XIX в. при проведении судебной реформы на окраинах страны уже не шло речи о выборности мировых судей, и во многом этим был продиктован практиковавшийся отказ от их съездов, задуманных в 1860-х гг. для того, чтобы установить барьер вмешательству в мировое судопроизводство извне. Ликвидация мирового суда в 1889 г. на большей части Европейской России, прежде всего в тех регионах, где были сильны позиции помещиков, наполнивших приходившее на смену мировым судьям судебно-административное учреждение земских участковых начальников, привела к негативным последствиям. Эта мера, продиктованная чуждым прогрессу курсом Александра III, кроме своей реакционности (в определенной степени реанимировалась власть поместного дворянства над крестьянами, утраченная им в ходе отмены крепостного права [2. P. 285–325]), явно ухудшила дело правосудия в сельской местности. Массовые злоупотребления и некомпетентность начальников очень быстро заставили вспоминать мировых судей добрыми словами даже их прежних критиков [3. С. 34].

Между тем непосредственно в процессе подготовки преобразования в Сибири, по словам министра юстиции Н.В. Муравьева, «были приняты в соображение… производящиеся общие работы по пересмотру Судебных уставов» [4. С. 5], которыми занималась под руководством указанного государственного деятеля «муравьевская» комиссия в 1894–1899 гг. [5. P. 161–184] (начало разработке сибирской судебной реформы положено 20 октября 1894 г. учреждением специальной комиссии под председательством товарища министра юстиции П.М. Бутовского [6. Д. 240. Л. 1]). Тогда планировалось «приблизить» суд к населению, «упростить правосудие», «удешевить» судопроизводство для населения «без лишнего отягощения казны», ограничить судебную автономию путем «проникновения» судебной системы «безличным правительственным началом», назначения всех без исключения должностных лиц судебного ведомства и установления «бдительного и строгого» правительственного «воздействия на суд» [7. С. 32–33]. Подразумевались падение роли судебной власти и дальнейшее возвышение над ней администрации, что неминуемо влекло за собой понижение статуса судей, в частности мировых.

По всем без исключения базовым позициям, обеспечивавшим судебную независимость новой российской юстиции (в качестве основополагающих компонентов самостоятельности российского пореформенного суда, к примеру, Т.Е. Планк выделяет несменяемость и высокую квалификацию судей, их достойное жалование и безусловный авторитет в глазах населения [8. P. 1–74]), в конце XIX в. при устройстве мирового института в Сибири наносился сокрушительный удар. В соответствии с законом 13 мая, в полной мере отражающим тенденции момента, мировые судьи края не избирались и лишались несменяемости. Назначение, перемещение и увольнение участковых и добавочных мировых судей всецело зависело от министра юстиции, им присваивался 6-й класс по чинопроизводству, а не 5-й, как предусматривалось уставами, и только для почетных мировых судей устанавливался трехгодичный срок исполнения обязанностей. Явный вред началам судебной независимости и справедливости судопроизводства причинял отказ от принципа специализации, воплотившийся в возложении на мировых судей несудебных обязанностей,

прежде всего, функций судебных следователей (таким образом, судьи подчинялись лицам прокурорского надзора и обстоятельствам, вытекавшим из необходимости расследовать преступления), а в малонаселенных частях края – еще и нотариусов. Для сибирских мировых судей, несмотря на их многофункциональность и сложность труда в суровом крае, предусматривалось пониженное содержание, обрекающее на служебную и личную «нищету». Н.В. Муравьев сообщал Николаю II, что «сибирский судебный округ» обходился казне на четверть дешевле по сравнению с остальными российскими округами [6. Д. 250. Л. 10], а ежегодное финансовое обеспечение здешних мировых судей, включавшее жалованье, например, устанавливалось на внушительных 600 руб. меньше, чем в 1898 г. в соседней Центральной Азии. Примечательно, что в компактной и комфортной в природно-климатическом отношении Черноморской губернии по закону 23 мая 1896 г. мировые судьи получали за свою деятельность больше денег: им ежегодно «на разъезды» прибавлялось по 200 руб. [9], которые, как показало будущее, очень бы пригодились судьям в Сибири.

Положение последней в дореволюционной России современные историки в продолжение сибирских дореволюционной и советской историографических традиций и сейчас определяют как обделенной имперским центром в правах и материальных выгодах: «Сибирь всегда давала стране больше, чем получала. При этом получала не то, что хотело население региона, а то, что предлагали Петербург и Москва» [10. С. 97]; «нужды сибирского населения всегда ставились на последнее место, если они не соответствовали интересам государства или российских предпринимателей» [11. С. 265]. В силу пристрастий и внутриполитических приоритетов царизма, а также специфики край являлся площадкой для экспериментов над собственной юстицией начиная с первой половины 1860-х гг. Однако ставившийся с тех пор вопрос о возможности судебного преобразования и введении мирового суда решался по-разному: сначала столичные и региональные чиновники с опорой на мнения представителей сибирских администраций, судебных деятелей и общественности озадачивались обсуждением тех мер, применение которых действительно позволило бы приспособить общие судоустройство и судопроизводство к уникальным условиям окраины; в 1890-х гг. все мероприятия готовились в министерских кабинетах с учетом правительственных интересов и очевидным пренебрежением потребностями зауральских владений, апробировались авантюрные новации с заведомо сомнительными результатами и выгодами для сибиряков и постановки правосудия вообще [12. С. 3–20].

В первоначальных предположениях комиссии П.М. Бутовского относительно будущего устройства сибирских судебных учреждений предлагалось ограничить в независимости и несменяемости всех судей региона вообще, но члены Государственного совета в ходе рассмотрения министерского проекта настояли на том, чтобы статус чиновников коронных коллегиальных судов остался таким же, как и в остальной России. Подчеркивалось, что за Уралом «обеспечение самостоятельности должностных лиц, ведающих судебные дела, составляет одно из самых надежных ручательств беспристрастного отправления правосудия, а вместе с тем и одно из главных условий правильного судоустройства»; именно там, «где, вследствие издавна установившихся привычек, имеют место сторонние влияния в самых широких размерах», по мнению сановников, было «видеть судей в положении возможно независимом не только желательно, но совершенно необходимо». Относительно мировых судей, впрочем, использовались иные логика и аргументация, приводившие к заключению даже о вредности их несменяемости: допускалось, что на места таковых в силу неизбежных погрешностей могли быть назначены люди, «не обладавшие нужными нравственными и служебными качествами», и в этих случаях считалось нормальным, если увольнение недостойных служащих будет подчинено «усмотрению той власти, которой предоставлено и само определение их на должность» [13. С. 286–287, 289–290].

В первых же комментариях представителей общественности закон 13 мая подвергался критике. «Полная зависимость судей от министра юстиции и при назначении, и при перемещении, или увольнении, является очень неблагоприятной особенностью этих правил», – писал популярнейший журнал «Русская мысль». Также утверждалось, что «мировой институт по выбору вполне возможен теперь в Сибири, так как городское население возросло, а проведение железной дороги обещает дальнейшее и быстрое возрастание» [14. С. 174]. Известный общественный деятель и публицист Н.Ф. Анненский указывал: «Именно в Сибири особенно важно видеть мирового судью в таком положении, которое исключало бы даже и самую мысль о доступности его посторонним влияниям и воздействиям». Ему думалось, что выполнить миссию насаждения правосудия в крае «с гораздо большим успехом может независимый и самостоятельный судья, нежели простой чиновник судебного ведомства» [15. С. 173].

Между тем статья 11 закона 13 мая возложила в Сибири, вразрез с пожеланиями некоторых местных судебных деятелей, обязанности съездов мировых судей на окружные суды (во второй половине 1880-х гг., когда проблему начали обсуждать, председатель Тобольского губернского суда З.Н. Геращеневский, тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель и бывший председатель Иркутского губернского суда А.А. Клопов, вопреки установке чиновников Министерства юстиции, решительно высказывались за введение в крае этих корпоративных учреждений [16. Д. 9921[е]. Л. 21; Д. 10393. Л. 39]). Примененный порядок, по мнению выдающегося дореволюционного процессуалиста И.Я. Фойницкого, «совершенно разрушал идею Судебных уставов о разделении юстиции на мировую, или местную, и общую» [17. С. 299]. Этим порядком наносился ущерб независимости мирового института. В корреспонденции ведущей российской юридической газеты «Право» отмечалось: «Самостоятельности мирового суда не будет, если он будет поставлен в слишком тесную связь с коронным судом» [18]. Образовать в крае съезды мешали какие-

то умозрительные, без особой конкретизации в комиссии П.М. Бутовского, «значительные затруднения» [19. С. 12], но в практической плоскости их отсутствие «вместо предполагавшихся удобств, породило только неудобства» (оценка мирового судьи с девятилетним стажем, а затем томского адвоката В.Н. Анучина) [20]. Чиновники ограничивались в самодеятельности, лишаясь возможности обмениваться опытом. В действительности отчетливо обнаружилась невыполнимость «для заброшенного в захолустье судьи посоветоваться со знающим человеком», что, по мнению старшего председателя Омской судебной палаты В.В. Едличко, стало одной из основных причин недостатков в деятельности мировой юстиции [21. Д. 350. Л. 3]. В.Н. Анучин писал: «Беспрестанно встречаются юридические вопросы, над которыми должен подумать даже опытный юрист, не то что “начинающий карьеру” молодой человек, каким, обыкновенно, бывает мировой судья. Книги, всевозможные неофициальные руководства для судебных следователей, для судей – про Сибирь молчат. Сосед-судья – самое меньшее за 75 верст, а разрешать вопрос нужно скорее. И судья разрешает его наугад, под страхом личной ответственности в случае ошибки» [22. № 49/50. С. 35–36]. Некоторые мировые судьи края, в подтверждение сказанному, прямо жаловались: «Советами пользоваться было не у кого» [23. Д. 183. Л. 14–14 об.].

Не получив съездов, регион много потерял. В свое время на российской периферии они олицетворяли собой главнейшие принципы нового суда, все то, что отличало его от дореформенных судилищ. Для многих подданных именно в этих регулярных собраниях мировых судей воплощались гласность, состязательность, равенство для всех и доступность судопроизводства, в конце концов, престиж судебной власти. В дни съездов в одном месте сосредотачивалось местное юридическое сообщество, нередко заключавшее в себе лучшие интеллектуальные силы. Подобные стечения юристов и народа, становясь вершиной торжества правосудия, являлись знаменательным событием в безмятежной и размеренной провинциальной жизни, и всего перечисленного лишилось сибирское общество. Что собой представляли съезды в глубинке, можно узнать из воспоминаний мирового судьи первых отечественных наборов В. Назарьева: «Прежде всего, с понятием о съезде, обыкновенно собирающемся в городе, соединяется понятие о суде гласном и публичном. Съезд представляет едва ли не единственное развлечение городских обывателей, а дела, решенные съездом, вызывают нескончаемые толки, пересуды и некоторое волнение умов не только в среде бедного населения, но даже в наших клубах и гостиных; наконец, на съезде выступают местные адвокаты и ораторы, присутствует товарищ прокурора, лицо совершенно независимое, и, не стесняясь никакими побочными, часто вредящими делу обстоятельствами, дает свое заключение. Все это вместе притягивает на съезд толпу более или менее заинтересованных лиц, прислушивающихся к решениям и приговорам, притягивает до такой степени, что при первом сколько-нибудь выдающемся деле помещение оказывается слишком тесным, и нахлынувшая публика должна расходиться по домам» [24. С. 171–172].

Таким образом, вроде бы теоретические и частные проблемы правового положения сибирских мировых судей имели вполне реальное воплощение в препятствиях их успешной деятельности, поскольку затрагивали вопросы судейских престижа и авторитета, рациональности судоустройства. Местная пресса в первые же дни функционирования реформированных судов (открывались 2 июля 1897 г.) рассказывала, что некоторые лица, назначенные на должности сибирских мировых судей, отказывались ехать в край, поскольку понижение в классе должности влекло за собой уменьшение размера будущей пенсии [25]. Сибиряков, по словам тобольского губернатора Л.М. Князева, «восторженно приветствовавших» судебную реформу [26. С. 13], в дальнейшем ожидало разочарование, и не в последнюю очередь потому, что ближайшие к ним суды не смогли заслужить должного доверия. Например, на крестьянском съезде Тобольского уезда в 1905 г. собравшиеся единодушно выступили за выборность мировых судей, а жители Ашлыкской волости указали: «Крестьяне желают, чтобы судьями были люди, пользующиеся хорошим именем, а не так как теперь – судьи назначаются начальством и почему-то хорошие из них вдруг переводятся на другое место» [27. С. 37]. Несколькими годами раньше член Красноярского окружного суда Е.Г. Шольп, обобщив собственный опыт прежней службы в должности мирового судьи и изучив отзывы крестьян и уездных чиновников, пришел к заключению, что одной из насущных «правовых нужд» сельского населения Енисейской губернии являлась судейская выборность [28].

В лице Юридического общества при Императорском Томском университете, представлявшем собой содружество правоведов-теоретиков (профессора университета) и правоведов-практиков (члены окружных судов, прокуроры, адвокаты, мировые судьи), вся сибирская общественность от юриспруденции решительно настаивала на расширении самостоятельности мировых судей. В протоколе заседания Судебной комиссии при обществе от 6 февраля 1910 г. говорилось: «По вопросу о несменяемости мировых судей в комиссии не возникло принципиальных разногласий; все члены комиссии, как и опрошенные судебные деятели Сибири, признали, что несменяемость является одним из условий правильного отправления трудных и тяжелых судейских обязанностей. Особенно желательно установление несменяемости для мировых судей Сибири». Чтобы избежать вероятности злоупотребления недобросовестными чиновниками таким важным правом, томские юристы предлагали установить порог в виде обязательного наличия трехлетнего стажа службы для наделения мирового судьи несменяемостью. За некоторым исключением, члены общества выражали положительное отношение и к началу избрания судей в целом, считая его вполне осуществимым в сибирских городах; в деревне же признавалась целесообразность пока сохранить назначаемость [29. С. 2, 8–9, 13–15].

Ограничения в организации сибирского мирового суда были прямым следствием намерений «муравьев-

ской» комиссии, которую ее сотрудник великий русский юрист А.Ф. Кони назвал однажды комиссией «об упразднении Судебных уставов» [30. С. 269]. Сам Н.В. Муравьев, являвшийся на словах горячим поборником либеральных начал, в суждениях многих современников представлялся ретроградом, с именем которого в конце XIX в. ассоциировалась деградация новых российских судов. Министр, по мнению его неизменного оппонента министра финансов С.Ю. Витте, «спустил флаг независимости юстиции» [31. С. 262], являлся, по оценке А.Ф. Кони, «фальсификатором правосудия» [32. С. 218], а также, как считал профессор-юрист Томского университета Н.Н. Розин, – идеологом тех реакционных сил, «которым были не только чужды, но и невыносимы принципы, заложенные в основание судебной реформы 1864 года» [33. С. 71]. Разработанные комиссией проекты не удостоились законодательной санкции, но под их влиянием проходило реформирование правосудия на окраинах империи: в 1896–1899 гг. аналогичное сибирскому устройство мирового суда получили Архангельская и Черноморская губернии, Центральная Азия и Закаспийская область [34].

«Муравьевская» комиссия, в какой собственно понятие «мировой» исключалось из лексикона [35. С. 269], переведя участковых судей из 5-го класса в 6-й, подчинила их назначение не «Высочайшей власти», а министру юстиции и, следовательно, – министерской администрации, в формировании судейского корпуса, по уверению известного правоведа И.В. Гессена, допускавшей «случайность», «участие протекции и искательства» [36. С. 257]. Сменяемый и пониженный в чине судья, по оценке И.В. Михайловского, примерившего позже на себе роль мирового судьи в Сибири и ставшего преподавателем университета в Томске [37. С. 165–167], был «слишком далек от идеала независимого и авторитетного судьи Судебных уставов» [38. С. 88].

В начале XX в. взгляд на положение мировых судей в стране характеризовался существенными подвижками, вызванными общественно-политическим подъемом. Под давлением общественности и самих судебных деятелей возрождалось начало судейской выборности, воплощенное в законе 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда», рассчитанном, однако, лишь на регионы с земскими учреждениями [30. С. 273–290; 39]. К их числу Сибирь, как известно, не относилась, а желаемый сибиряками и даже восхваляемый с кафедры единственного университета края порядок избрания мирового института [40] здесь так и не получил апробации.

Тот самый закон 1912 г. фактом восстановления самостоятельного мирового суда признал непригодным судебно-административное начало в устройстве власти на местах, но в конце XIX в. его применение, исказившее понимание миссии мирового правосудия, одним из отрицательных результатов имело окончательное разрушение идеи незыблемости и безупречности системы уставов 20 ноября: после того как в 1889 г. в лице земских начальников соединили вопреки принципу разделения властей функции управления и суда, ничего уже не препятствовало идти на дальнейшие эксперименты над судоустройством, используя в них различные совмещения обязанностей. Как можно теснее сосредоточить в руках одних и тех же судей разные функции, сделав их ближе к подданным в пространственном отношении, при этом тратиться на содержание меньшего числа сотрудников – замыслы, являвшиеся весьма притягательными для чиновников Министерства юстиции, готовивших сибирскую судебную реформу. Приводившиеся тогда аргументы в пользу соединения нескольких обязанностей в сибирском мировом суде [12. С. 13–14] по сути повторяли доводы тех, кто ранее поддерживал введение участковых начальников. И тем и другим одинаково симпатизировала идея многофункциональности и следовавшего за этим сокращения затрат государственного казначейства: «Задача приближения власти к населению сводится или к увеличению числа должностных лиц настолько, чтобы, невзирая на малонаселенность территории, органы власти были бы везде близки к населению; или к такому распределению работы, которое дало бы возможность ограничить деятельность каждого органа власти, без увеличения их числа, малым по пространству участком. Первый прием невозможен без понижения качеств личного состава служебных сил, вызывает притом увеличение расходов и податной тягости населения, а потому и нежелателен. Второй представляет собой единственный выход. Он заключается в отказе, для малонаселенных местностей, от принципа разделения властей и в подчинении всей организации началу объединения власти в одних руках. Тогда органы власти в прежнем не увеличенном числе, выполняя разнообразные функции управления, будут действовать каждый на пространстве малого участка; власть станет близко к населению, и непроизводительная затрата сил на передвижение устранится» [41. С. 217–218].

Озадаченная, прежде всего, улучшением состояния предварительного следствия, а не местной юстиции, «муравьевская» комиссия выбрала второй путь. Отказавшись от мысли об увеличении числа судебных следователей, большинство ее членов соглашались с «соединением в одной должности обязанностей единоличного судьи и следователя» [13. С. 24–32]. У решения нашлись противники в самой комиссии. А.Ф. Кони, в принципе сомневаясь в целесообразности возложения на участковых судей следовательских обязанностей, допускал такой порядок лишь при условии учреждения специальной «судебной полиции», занимавшейся бы расследованием незначительных дел [42. Д. 667. Л. 17–18 об.]. В.А. Желеховский писал: «Можно *a priori* безошибочно предсказать, что участковые судьи, заменив неудовлетворительных следователей, окажутся еще менее удовлетворительными в качестве одновременных следователей и судей». И.П. Закревский, остроумно замечая, что «при русских пространствах, как не приближай суд к населению, а все-таки окажется далеко», заявил: «Отмена самостоятельного института судебных следователей и возложение обязанностей производства предварительных следствий на должностных лиц, занятых, сверх того, судейскими и нотариальными обязанностями, представляет собой коренное ухудшение су-

ществующего судебного строя» [13. Приложения. С. 6, 10].

Действительно, за рассуждениями о территориальной близости к населению и удешевлении чиновники забывали подумать о качестве правосудия и его приближении к россиянам и сибирякам в этом смысле. Ни в «муравьевской» комиссии, ни тем более в той, которая разрабатывала положения судебного преобразования в Сибири, не сильно задавались вопросом, насколько необременительные по отдельности обязанности окажутся тяжелыми вместе, ничего не говорилось об авторитете и престиже судебной власти, которые с применением режима судьи-следователя падали, так как единоличный местный суд, и без того ущемленный в независимости, подчиняясь прокурорским работникам в следовательской деятельности, окончательно ее утрачивал (когда чуть позже на тех же основаниях готовилось судебное преобразование в Центральной Азии, именно на это обстоятельство указывал последовательный противник применяемого устройства туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский [43. Д. 38. Л. 94]).

За исключением служащих Министерства юстиции, наблюдалось общее неприятие употребленного на окраинах империи нововведения. К «неблагоприятным симптомам» относил создание института судьи-следователя в Сибири И.В. Михайловский [38. С. 88]. Опытный юрист и знаток прежнего развития российской мировой юстиции П. Стаматов предсказывал плачевные перспективы подобного преобразования в сибирских условиях: «Я убежден, что практика не замедлит явить всю несостоятельность возложения следственной части на мировых судей, и без этого обремененных массой других служебных обязанностей» [44. С. 37].

Модель полифункционального единоличного судьи сразу продемонстрировала свою несостоятельность. Порядок, при котором «мировой судья для пользы дела должен сидеть на месте, а для пользы другого должен быть подвижен, для пользы обоих должен обладать огромными знаниями законов и местной жизни и, кроме этого, должен, как нотариус, отвечать требованиям населения по удовлетворению их правовых нужд» [22. № 46/47. С. 36], порождал волокиту («такой медленности в отправлении правосудия много способствовало также совмещение в лице мировых судей функций следователей и нотариусов», – констатировала, например, «Сибирская жизнь» [45]) и отпугивал чиновников (местная пресса распространяла слухи, что некоторые из назначенных в край мировых судей, узнав о необходимости быть еще и следователями, отказывались от должностей [46]). Даже несложные на первый взгляд нотариальные функции не осуществлялись должным образом. Томский адвокат и будущий премьер-министр антибольшевистских правительств времен Гражданской войны П.В. Вологодский ровно через год после проведения судебной реформы в Сибири отмечал, что мировые судьи либо пренебрегали нотариальной работой, либо с ней не справлялись: «Обязанные исполнять нотариальные действия мировые судьи избегают этих новых обязанностей, да и не могут их правильно отправлять за разнообразием и сложностью других своих обязанностей» [47].

Закон 13 мая, сосредоточив в одном учреждении разные и малосовместимые направления деятельности по ведомству Министерства юстиции, не решил главную задачу – правосудие не приблизилось к населению. Потеря большого количества рабочего времени из-за многофункциональности, чудовищные служебные перегрузки и волокита (например, к рубежу первого и второго десятилетий в Томской губернии накопилось дел столько, что на их рассмотрение при условии игнорирования вновь возникших производств требовалось не менее двух лет [48. С. 238–239, 254–255]), создаваемый невыносимыми условиями труда хронический «кадровый голод», низкое качество и судейской, и следовательской, и нотариальной работы только отвращали от судебной власти наблюдавших все это сибиряков. Соединение судейских и следовательских функций томский поверенный Р.Л. Вейсман назвал «несчастным браком, требующим немедленного развода» [49. С. 41]. Другой современник указывал, что сибирскому мировому судье была уготована роль «вечно спешащих следователей и никогда не успевающих судей» [50. С. 45]. Обязанность проведения предварительных следствий, писал В.Н. Анучин, придала деятельности сибирских мировых судей «характер скачек с препятствиями» [22. № 51/52. С. 59].

Примененный порядок вопреки намерениям сделал мировой суд недоступным. В корреспонденции одного из популярнейших российских журналов «Русское богатство» имелось письмо из Иркутской губернии, где рассказывалось о создавшейся после сибирской судебной реформы ситуации: «В Сибири институт мировых судей введен уже около года, однако наше село еще не видало ни разу своего судьи в камере… Говорят, что местный судья все свое время посвящает обязанности следователя. Район, подлежащий ведению нашего судьи, так велик, дел, переданных ему дореформенными следователями, так много, что, по-видимому, мы не скоро дождемся мирового суда» [51. С. 170]. Из жалоб крестьян на юстицию, собранных в 1909 г. в Томской губернии, следовало, что из-за неустройств, вызванных в том числе несудейской работой, правосудие в некоторых местностях вообще отсутствовало: где-то места судей подолгу оставались вакантными, годами без рассмотрения лежали уголовные и гражданские дела, ввергая сибиряков в состояние отчаяния и способствуя развитию опасной деятельности злоумышленников [23. Д. 63. Л. 79–83 об.]. Следовательскими обязанностями чрезмерно перегруженные судьи нередко попросту пренебрегали. Множеством возникающих дел и потерей большого количества времени на выезды в качестве следователей объясняли накопление дел в своих участках мировые судьи Ялуторовского уезда Тобольской губернии, а один из них вовсе перестал производить расследования преступлений [52. Д. 869. Л. 31–32; 53. Д. 31. Л. 45]. «Сибирские вопросы» рассказывали, что в Тюкалинском уезде никого не удивляло, если трупы с признаками насильственной смерти месяцами лежали без выяснения причин убийства

«чуть ли не в каждой деревне» [54. С. 85–86]; тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман также приводил факты продолжительного «окарауливания» населением тел убитых людей до начала следственных действий. В одном из сел такой мертвец без обследования пролежал 106 дней, и подобные случаи, по словам начальника, вызывали «ропот» местных жителей [55. С. 13].

Административные чиновники и судебные деятели края с самого начала понимали всю нелепость совмещения судебных и следственных функций. Статья 8 закона 13 мая разрешала распределять в городах следственные и судебные обязанности, чем в Сибири стали незамедлительно пользоваться. Общее собрание отделений Томского окружного суда на следующий день после установления новой юстиции в крае возложило на двух мировых судей Томска только судебные полномочия, на двух других – следовательские [56]. К 1905 г. в Тобольской губернии из 40 мировых судей 3 занимались исключительно ведением предварительных следствий и 5 исполняли лишь судебные обязанности [53. Д. 155. Л. 101–102]. К 1 января 1909 г. в Томской губернии 6 мировых судей являлись следователями, 6 – собственно судьями и оставалось 36 «смешанных», как их тогда называли, судебно-следственных мировых участков [23. Д. 162. Л. 11–16].

Сибирские правоведы единодушно выступали за разделение обязанностей в мировом суде. Члены Томского юридического общества в общей резолюции своей Судебной комиссии отмечали, что «необходимо освободить мировых судей от принадлежащей им в настоящее время следственной функции». В протоколах отдельных заседаний содружества юристов пояснялось: «По вопросу о неудобствах соединения в одном лице мирового судьи органов мировой юстиции и производства предварительных следствий все члены комиссии высказались в принципе за полное отделение следственной власти от судебной. Такое соединение представляет массу практических неудобств и отражается самым невыгодным образом на интересах населения. В качестве судебных следователей мировые судьи находятся под давлением прокурорского надзора, чины которого обладают обширным арсеналом средств для воздействия на мирового судью в целях возможно быстрого производства каждого следствия. Уделяя все свои силы и посвящая все время производству предварительных следствий, мировые судьи допускают крайнюю медленность в разборе дел мировой подсудности» [29. С. 3, 19]. Подобное мнение высказывалось и губернаторами. Так, последовательным сторонником членения судебных и следственных полномочий являлся Д.Ф. фон Гагман. Во всеподданнейшем отчете за 1909 г. он, констатируя, что «труд мировых судей достиг огромных размеров и справиться с ним, исполняя обе функции (судьи и следователя), стало непосильным», настаивал на их отделении друг от друга [55. С. 12–13].

Тем временем и в правительственных кругах сознание непригодности института судьи-следователя становилось все более устойчивым. После ухода горячего сторонника этого института Н.В. Муравьева (рассказывали, что намеревавшихся встретиться с главой Министерства юстиции предупреждали: «Если Муравьев вас спросит, удобно ли соединение обязанностей судьи и следователя, вы не выдумайте сказать, что неудобно – поставите себе крест; он не выносит такого мнения» [22. № 46/47. С. 36–37]) с поста главы судебного ведомства (назначен 22 января 1905 г. послом в Италию [57. С. 77]), в последнем обозначилась готовность отказаться от зарекомендовавшего себя наихудшим образом учреждения. В 1910 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов в связи с предположением об увеличении состава сибирского мирового суда уже высказал неоспоримую мысль о необходимости раздробить мировые участки края на участки с мировой подсудностью и участки следственные [52. Д. 904. Л. 1]. 13 мая 1911 г. Государственная дума одобрила проект об увеличении штатов некоторых судебных органов империи, в том числе мировой юстиции Сибири [58. Д. 233. Л. 1, 52, 55–55 об.], получивший силу закона 28 мая. В дополнение к уже имевшимся вводились 21 должность мирового судьи в Томской губернии, 14 – в Тобольской, 9 – в Иркутской, 7 – в Енисейской и т.д. [59]. В густонаселенных районах теперь появилась возможность отказаться от совмещения судебных и следовательских обязанностей, что и было осуществлено незамедлительно: после внедрения нового территориального распределения сибирской мировой юстиции, например, в Тобольской губернии осталось лишь 6 «смешанных» участков [53. Д. 371. Л. 135–139], в Томской – всего 4 [21. Д. 321. Л. 11, 50–52].

С мировой юстицией сибиряки познакомились, когда уже «натянутая терпимость, с которой самодержавие относилось к суду ранее, сменилась неприкрытой враждебностью» и царизм находился «в состоянии войны с собственной судебной системой» [60. С. 475]. Разумеется, край, традиционно получавший от России блага по остаточному принципу, не мог рассчитывать на более передовую юстицию, чем та, какая бесповоротно уступала свои позиции в борьбе с консервативным напором завершающих десятилетий XIX в. Потеря независимости мирового института, реализация в его устройстве наиболее реакционных идей эпохи, вытекавшие из весьма противоречивой правительственной судебной политики [61. P. 371–394] и вдобавок вызываемые окраинными условиями, оставляли еще меньше шансов на получение Сибирью свобод, данных россиянам судебным преобразованием 1864 г. Лишенное многих либеральных качеств, правосудие региона к тому же строилось таким образом, что ни судьи, ни сибирское общество, ни, в конечном итоге, сама государственная власть не испытывали удовлетворения от новаций, опробованных в ходе применения Судебных уставов Александра II к Азиатскому Зауралью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 16. № 12932.
2. Wcislo F. The Land Captain Reform of 1889 and the Reassertion of Unrestricted Autocratic Authority // Russian History. 1988. Vol. 15, № 2/4.
3. Обнинский П.Н. Мировые судьи и их преемники // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. СПб., 1895. Т. 5.

4. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г. [СПб., 1897].
5. Taranovski T. The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1981. Vol. 29, № 2.
6. Российский исторический государственный архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 542.
7. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб., 1901.
8. Plank T.E. The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia // William and Mary Bill of Rights Journal. 1996. Vol. 5, № 1.
9. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 16. Отд. 2-е. № 12932, 12995; Т. 18. Отд. 2-е. № 15493.
10. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009.
11. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
12. Крестьянников Е.А. Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // Вопросы истории. 2016. № 9.
13. Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 2, ч. 2: Общие вопросы судоустройства. СПб., 1900.
14. Внутренне обозрение // Русская мысль. 1896. № 6.
15. Анненский Н.Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. 1896. № 6.
16. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87.
17. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1.
18. Ю-ъ. Возрождение мирового суда // Право. 1907. 4 февраля.
19. Временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями / составил, с разрешения г. министра юстиции, член консультации при Министерстве юстиции М.П. Домерщиков. СПб., 1897.
20. Анучин В.Н. К десятилетию судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1907. 1 июля.
21. Государственный архив Омской области. Ф. 25. Оп. 1.
22. Анучин В.Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909.
23. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 1.
24. Назарьев В. Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. 1872. № 3.
25. Сибирская хроника // Восточное обозрение. 1897. 23 июля.
26. РГИА. Коллекция печатных записок. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 г.
27. Н.С. Тобольские крестьяне о реформе суда // Сибирские вопросы. 1908. № 8.
28. Шольп Е.Г. Правовые нужды крестьян Енисейской губернии // Право. 1903. 27 апреля.
29. Реформа местного суда в Сибири // Труды Юридического общества при Императорском Томском университете. Томск, 1911. Вып. 2.
30. Полянский Н.Н. Мировой суд // Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. Т. 2.
31. Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Л., 1924. Т. 3.
32. Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 8 : Письма 1868–1927. М., 1969.
33. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг. : Юридический книжный склад «Право», 1916.
34. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 16. № 12483, 12995; Т. 18. № 15493; Т. 19. № 16490.
35. Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия / под ред. А.Д. Поповой, С.В. Лонской. М., 2016.
36. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.
37. Профессора Томского университета : биографический словарь. Вып. 1 : 1888–1917. Томск, 1996.
38. Михайловский И.В. К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы. Нежин, 1899.
39. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32. № 37328.
40. Из истории выборного мирового суда: (из доклада, прочтенного С.П. Мокринским 20 ноября в юридическом обществе) // Сибирская жизнь. 1914. 23 ноября.
41. Хроника законодательная. Преобразование судебной части и местных крестьянских учреждений // Юридическая летопись. 1890. Март.
42. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564. Оп. 1.
43. РГИА. Ф. 1149. Оп. 12.
44. Стаматов П. Судебные следователи и участковые судьи // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1897. № 8.
45. Сибирь в 1898 г. // Сибирская жизнь. 1899. 1 января.
46. Сибирская хроника // Восточное обозрение. 1897. 23 июля.
47. П. В-ий [Вологодский П.В.] Годовщина судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1898. 2 июля.
48. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. СПб., 1912. Вып. 27.
49. Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4.
50. А.Х. Мировой судья в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 5/6.
51. Плотников М. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 8.
52. Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГАТ). Ф. 152. Оп. 37.
53. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2.
54. Хроника // Сибирские вопросы. 1911. № 2/3.
55. РГИА. Коллекция печатных записок. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 г.
56. Томские губернские ведомости. 1897. 10 июля.
57. Прощание статс-секретаря Н.В. Муравьева с чинами Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 2.
58. РГИА. Ф. 1158. Оп. 1.
59. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 31. № 35330.
60. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.
61. Wagner W.G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: a Study in Inconsistencies // The Slavonic and East European Review. 1976. Vol. 54, № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 февраля 2017 г.

THE FEATURES OF THE STRUCTURE OF JUSTICES OF THE PEACE IN PRE-REVOLUTIONARY SIBERIA: ISSUES OF JUDICIAL INDEPENDENCE AND EXECUTION OF NON-JUDICIAL DUTIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 94–102.
DOI: 10.17223/15617793/417/14

Evgeniy A. Krestyannikov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Keywords: judicial legislation; justices of peace court; Siberia.

In article the author considers the organization of the legal agency nearest to the population in a separate and specific part of the country. The judicial reform of 1864 established an elected and independent justice of the peace court in the Russian Empire, which underwent significant changes in the distribution in regions of the country and in 1889 was eliminated in the villages of European Russia. In Siberia, it was introduced at the end of the 19th century having experienced the consequences of the smaller role of judicial authorities in its structure. Justices of the peace were not elected and were deprived of tenure, their rank dropped, salaries decreased, they were granted non-judicial functions. All this limited the independence of the justice of the peace court, and was caused by the conservative government policy in the judicial sphere. Its spokesmen at that time were Minister of Justice Nikolay V. Muravyev and most of members of the 1894–1899 Commission he headed that was engaged in the revision of the provisions of the judicial statutes of Alexander II. Plans of capital officials to minimize the influence of the liberal element in the organizations of the Russian judicial system and economize public finances found application in experiments in the imperial borderlands which had negative or at least doubtful results. In Siberia, the justices of the peace overloaded with responsibilities and different official burdens did not cope with their duties, their service became unattractive, they did not have authority among the population, which they could count on in case of their independent status. Experience showed that the judicial power in the person of justice of the peace officials was not close to people; the incompatibility of their duties only distanced justice from the Siberians who declared their desire to have an electoral, independent and close court. Local lawyers, both practitioners and theorists (professors of Tomsk University), insisted on the implementation of the principle of judicial independence in organization of the justice of the peace court and on the exclusion of crime investigation from the list of its functions. Heads of judicial institutions of the region tried to rid judges from investigator's duties using the right granted by the law. In 1911, after increasing the justice of the peace court staff, the separation of judicial powers from investigative ones was considerably successful, but judicial autonomy restored in the local Russian courts in 1912 was not introduced in Siberia. In general, the experience of the decrease in the legal status of justices of the peace and their multifunctionality in the conditions of Siberia showed its insolvency.

REFERENCES

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 16:12932.
2. Wcislo, F. (1988) The Land Captain Reform of 1889 and the Reassertion of Unrestricted Autocratic Authority. *Russian History*. 15:2/4.
3. Obninskiy, P.N. (1895) Mirovye sud'i i ikh preemniki [Justices of the peace and their successors]. *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy. Trudy Yuridicheskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete, i ego statisticheskogo otdeleniya*. 5.
4. Ministry of Justice of the Russian Empire. (1897) *Vsepoddanneyshiy otchet ministra yustitsii za 1896 g.* [The report of the Minister of Justice for 1896]. St. Petersburg.
5. Taranovski, T. (1981) The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 29:2.
6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 542. (In Russian).
7. Ministry of Justice of the Russian Empire. (1901) *Obshchiy obzor deyatel'nosti Ministerstva yustitsii i Pravitel'stvuyushchego Senata za tsarstvovanie imperatora Aleksandra III* [General overview of the activities of the Ministry of Justice and the Governmental Senate for the reign of Emperor Alexander III]. St. Petersburg: Senat. tip.
8. Plank, T.E. (1996) The Essential Elements of Judicial Independence and the Experience of Pre-Soviet Russia. *William and Mary Bill of Rights Journal*. 5:1.
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 16:2:12932.
10. Zinov'ev, V.P. (2009) *Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Essays on the social history of industrial Siberia. 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Krest'yannikov, E.A. (2016) Stsenarii vvedeniya mirovogo suda v dorevolyutsionnoy Sibiri [Scenarios for the introduction of the justice of the peace court in pre-revolutionary Siberia]. *Voprosy istorii*. 9.
13. Senatskaya tipografiya. (1900) *Vysochayshe utverzhdennaya komissiya dlya peresmotra zakonopolozheniy po sudebnoy chasti. Ob"yasnitel'naya zapiska k proektu novoy redaktsii Uchrezhdeniya sudebnykh ustanovleniy* [The highly approved committee for the revision of the legal provisions on the judicial part. Explanatory note to the draft new edition of the Institution of judicial acts]. Vol. 2. Part 2. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
14. Russkaya mysl'. (1896) Vnutrenne obozrenie [Internal overview]. *Russkaya mysl'*. 6.
15. Annenskiy, N.F. (1896) Khronika vnutrenney zhizni. Sudebnaya reforma v Sibiri [Chronicle of domestic life. Judicial reform in Siberia]. *Russkoe bogatstvo*. 6.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 87. (In Russian).
17. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [The course of criminal justice]. Vol. 1.St. Petersburg: Al'fa.
18. Yu-". (1907) Vozrozhdenie mirovogo suda [Revival of the justice of the peace court]. *Pravo*. 4 February.
19. Domershchikov, M.P. (1897) *Vremennye pravila o primenenii Sudebnykh ustavov v guberniyakh i oblastyakh Sibiri, s zakonodatel'nymi motivami i raz"yasneniyami* [The temporary rules on the application of the judiciary charters in the provinces and regions of Siberia, with legislative motives and explanations]. St. Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Martynova.
20. Anuchin, V.N. (1907) K desyatiletiyu sudebnoy reformy v Sibiri [Towards the tenth anniversary of judicial reform in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 1 July.
21. State Archive of Omsk Oblast. Fund 25. List 1. (In Russian).
22. Anuchin, V.N. (1909) Pasynki Femidy [Stepsons of Themis]. *Sibirskie voprosy*. 46–47.
23. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 10. List 1. (In Russian).
24. Nazar'ev, V. (1872) Sovremennaya glush'. Iz vospominaniy mirovogo sud'i [The modern wilderness. From memoirs of the justice of the peace]. *Vestnik Evropy*. 3.
25. Vostochnoe obozrenie. (1897) Sibirskaya khronika [Siberian chronicle]. *Vostochnoe obozrenie*. 23 July.
26. Russian State Historical Archive (RGIA). *Kollektsiya pechatnykh zapisok. № 101. Otchet o sostoyanii Tobol'skoy gubernii za 1897 g.* [A collection of printed notes. No. 101. Report on the state of Tobolsk Province for 1897.].
27. N.S. (1908) Tobol'skie krest'yane o reforme suda [Tobolsk peasants on the reform of the court]. *Sibirskie voprosy*. 8.
28. Shol'p, E.G. (1903) Pravovye nuzhdy krest'yan Eniseyskoy gubernii [Legal needs of the peasants of the Yenisei Province]. *Pravo*. 27 April.
29. Trudy Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Tomskom universitete. (1911) Reforma mestnogo suda v Sibiri [Reform of the local court in Siberia]. *Trudy Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Tomskom universitete*. 2.
30. Polyanskiy, N.N. (1915) Mirovoy sud [The justice of the peace court]. In: Davydov, N.V. & Polyanskiy, N.N. (eds) *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. Vol. 2. Moscow: Ob"edinenie.

31. Vitte, S.Yu. (1924) *Vospominaniya. Detstvo. Tsarstvovaniya Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894)* [Memories. Childhood. The reign of Alexander II and Alexander III (1849–1894)]. Vol. 3. Leningrad: Gos. izd-vo.
32. Koni, A.F. (1969) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 8. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
33. Rozin, N.N. (1916) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings]. Petrograd: Yuridicheskiy knizhnyy sklad "Pravo".
34. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 16:12483.
35. Popova, A.D. & Lonskaya, S.V. (eds) (2016) *Mirovaya yustitsiya v Rossii: sozdanie, deyatel'nost', istoricheskaya missiya* [World justice in Russia: creation, activity, historical mission]. Moscow: Prospekt.
36. Gessen, I.V. (1905) *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. St. Petersburg: Tipolitogr. F. Vaysberga i P. Gershunina.
37. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: biographical dictionary]. Vol. 1: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
38. Mikhaylovskiy, I.V. (1899) *K voprosu ob ugolovnom sud'e. Po povodu predstoyashchey sudebnoy reformy* [To the question of the criminal judge. On the forthcoming judicial reform]. Nezhin: tipo-litografiya M. V. Glezera.
39. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 32:37328.
40. Sibirskaya zhizn'. (1914) Iz istorii vybornogo mirovogo suda: (iz doklada, prochtennogo S.P. Mokrinskim 20 noyabrya v yuridicheskom obshchestve) [From the history of an elected justice of the peace court: (from a report read by S.P. Mokrinsky on November 20 in a legal society)]. *Sibirskaya zhizn'*. 23 November.
41. Yuridicheskaya letopis'. (1890) Khronika zakonodatel'naya. Preobrazovanie sudebnoy chasti i mestnykh krest'yanskikh uchrezhdeniy [Chronicle of legislation. Transformation of the judiciary and local peasant institutions]. *Yuridicheskaya letopis'*. March.
42. State Archive of the Russian Federation. Fund 564. List 1. (In Russian).
43. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1149. List 12. (In Russian).
44. Stamatov, P. (1897) Sudebnye sledovateli i uchastkovye sud'i [Judicial investigators and precinct judges]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. 8.
45. Sibirskaya zhizn'. (1899) Sibir' v 1898 g. [Siberia in 1898]. *Sibirskaya zhizn'*. 1 January.
46. Vostochnoe obozrenie. (1897) Sibirskaya khronika [Siberian chronicle]. *Vostochnoe obozrenie*. 23 July.
47. P. V-iy [Vologodskiy P.V.]. (1898) Godovshchina sudebnoy reformy v Sibiri [Anniversary of the judicial reform in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 2 July.
48. Ministry of Justice of the Russian Empire. (1912) *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii za 1911 g.* [Collection of statistical data of the Ministry of Justice for 1911]. Vol. 12. St. Petersburg.
49. Veysman, R.L. (1908) Yarkie nedostatki sibirskogo suda [Vivid drawbacks of the Siberian court]. *Sibirskie voprosy*. 3/4.
50. A.Kh. (1911) Mirovoy sud'ya v Sibiri [The justice of the peace in Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 5/6.
51. Plotnikov, M. (1898) Khronika vnutrenney zhizni [Chronicle of domestic life]. *Russkoe bogatstvo*. 8.
52. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 152. List 37. (In Russian).
53. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund 158. List 2. (In Russian).
54. Sibirskie voprosy. (1911) Khronika [Chronicle]. *Sibirskie voprosy*. 2/3.
55. Russian State Historical Archive (RGIA). *Kollektsiya pechatnykh zapisok. № 101. Otchet o sostoyanii Tobol'skoy gubernii za 1909 g.* [A collection of printed notes. No. 101. Report on the state of Tobolsk Province for 1909]
56. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1897). 10 July.
57. Zhurnal Ministerstva yustitsii. (1905) Proshchanie stats-sekretarya N.V. Murav'eva s chinami Ministerstva yustitsii [Farewell of State Secretary N.V. Muravyov with the officials of the Ministry of Justice]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 2.
58. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1158. List 1. (In Russian).
59. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 31:35330.
60. Wortman, R.S. (2004) *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [The rulers and judges: The development of legal consciousness in imperial Russia]. Translated from English by M.D. Dolbilov, S.L. Sevast'yanov. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
61. Wagner, W.G. (1976) Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: a Study in Inconsistencies. *The Slavonic and East European Review*. 54:3.

Received: 06 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 103–109. DOI: 10.17223/15617793/417/15

УДК 94(47) «18»

В.Н. Кудряшев

НАРОДНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО В СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ДОКТРИНЕ (1840–1880-е гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматривается трактовка славянофилами взаимодействия государства и народности в историческом процессе. Указывается, что славянофильство апеллировало к народности как главному субъекту исторической деятельности, т.е. народность была для него главной силой общественного развития, а государство – ее инструментом. Автор обращает внимание, что все построения славянофилов о принципах взаимоотношений государства и народности адресовались исключительно русскому народу и не могли рассматриваться как универсальные идеи, касавшиеся всех народов империи. Славянофилы, провозгласив идею русского национального государства, определили русский народ главной движущей силой данного процесса. Россия должна была стать русским государством, что в славянофильском варианте предполагало проведение ассимиляции остальных народов, входивших в состав государства.

Ключевые слова: славянофильство; народность; государство; этноцентризм; национализм.

Национальный дискурс, по признанию большинства исследователей в европейской и, с некоторым отставанием, в российской интеллектуальной традиции, формировавшийся под воздействием бурных национальных процессов в Европе конца XVIII – начала XIX в., изначально сосредоточился на определении принципов взаимодействия нации и государства [1. С. 298; 2. С. 33–43]. Целью данной статьи является выявление взглядов славянофилов на взаимоотношения феноменов народности и государства как в исторической ретроспективе, так и в перспективе развития современного им российского общества.

В исторической литературе нет единой точки зрения на периодизацию славянофильства. Но большинство исследователей сходятся во мнении, что выработка основных положений славянофильской доктрины произошла в трудах А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и др. в 1840–1850-х гг. И.С. Аксаков выступил продолжателем классической славянофильской традиции и, в одной версии, был последним ее представителем, в другой – стал связующим звеном с поздним славянофильством [3. С. 87–88; 4. С. 127–147; 5. С. 15]. Поэтому хронологические рамки данного исследования ограничиваются периодом активной научной и публицистической деятельности указанных персоналий, т.е. 1840–1880 гг.

И.В. Киреевский достаточно равнодушно относился к вопросу образования Древнерусского государства. Дискуссия о призвании варягов и последующая политическая история для него вторичны, поскольку государственность в его представлении не была определяющим фактором в консолидации русского общества [6. С. 224].

Славянофил писал, что христианство на Руси распространялось, в отличие от Европы, не посредством мощной, централизованной церковной системы, сросшейся с государственной властью, а исключительно через духовное воздействие сотен отшельников и монастырей. Именно они создавали единство Русской земли в условиях политической децентрализации. Русское духовенство формировалось на основе всех сословий, и поэтому Русская православная церковь всегда была близка и понимала интересы всех слоев общества и носила народный надсословный характер [Там же. С. 222–224].

Православная церковь никогда не претендовала на политическую власть, не использовала принудительные меры воздействия на общество. Церковь всегда дистанцировалась от государства в данном аспекте, но при этом способствовала укреплению государственности, духовно сплачивая общество. В то же время государство не претендовало на духовную власть и, по мнению славянофила, сознавая свое мирское назначение, никогда не называло себя «святым». И.В. Киреевский настаивал на автономном сосуществовании государства и церкви и взаимном невмешательстве государственной и духовной власти [6. С. 224–225]. Таким образом, государственное, политическое единство русского народа было вторично по отношению к духовному, религиозному единству, что исключало идею о царе-богоносце и кесарепапизме. Следовательно, православным был народ, но не государство. Но также нельзя видеть здесь противоположность или противостояние государства и народа. Это разнородные явления, существовавшие в разных сферах, но при необходимости взаимодействовавшие ради общих целей.

Комментируя мысли И.В. Киреевского и в целом соглашаясь с его идеей примата духовности в процессе формирования единства русского народа, А.С. Хомяков возражал против идеализации древнерусской истории. По его мнению, трудно переоценить значение принятия православия для России, но духовное единство не могло возникнуть как непосредственная реакция на акт крещения. Большинство русских восприняли христианство как обряд, внешнюю его сторону. Необходим был длительный духовный труд всех людей, чтобы православие стало стержнем народного сознания. Кроме того, опять же не отрицая значения духовных ценностей в создании единства общества, А.С. Хомяков считал важным сопровождение данного процесса «материальными» явлениями, т.е. готовности к консолидации в общественном и государственном устройстве. С этой точки зрения система государственной власти и сословная структура Киевской Руси не созрели до государственного единства. Таким образом, общество Древней Руси было разобщено и духовно, и политически [7. С. 225–228].

В трактовке А.С. Хомякова центростремительные процессы созрели в период монгольского ига. Теперь

православие, став основой духовной жизни народа, могло выступать объединяющим началом, способствуя политической централизации русских земель под эгидой Москвы. При первенстве православия как объединяющего начала, его действие было бы невозможно без готовности государства и общества к единению. Соглашаясь с автономией духовной и государственной власти в России, славянофил акцентировал внимание на их взаимодополняемости и взаимодействии [7. С. 237–238]. И в общественном сознании единство религиозное совпадало с единством государственным, что продемонстрировали события смутного времени, когда государственное единство было восстановлено благодаря консолидированной воле всех слоев общества [Там же. С. 230].

У А.С. Хомякова нет противопоставления народа и власти, но равно и царь не выступал некой силой вне и над обществом, он был частью его. Само общество у него выглядит как взаимодействие социальной, политической и духовной сферы при доминировании последней, но не абсолютной детерминированности ею всех остальных элементов [Там же. С. 224]. Таким образом, славянофилы подходили к тезису о приоритете русской народности как консолидирующем факторе в полиэтнической и поликонфессиональной России.

К.С. Аксаков считал важным разграничение понятий «русский народ» и «русское государство». По его мнению, входившие в многонациональное Российское государство этнические группы не создавали только в силу этого факта единого народа [8. С. 302]. Данную позицию поддерживал Д.А. Валуев, считавший принципиальным четко определить границы русской нации, включая в нее только православных велико-, бело- и малорусов [9. С. 18–19]. Проблема для славянофила носила не только этнический, но и политический характер, поскольку он настаивал на сохранении за Российской империей характера русского национального государства и тем самым определял критерии отнесения к господствующей нации. Представители всех других народностей России рассматривались как подданные государства и в силу этого могли рассчитывать на его покровительство и защиту [Там же]. Впрочем, сохранение полиэтничности Российской империи не виделось славянофилами обязательной целью ее развития. Очень емко высказался по данному поводу А.С. Хомяков, определив стратегию славянофильства в выстраивании межнациональных отношений: «Россия приняла в свое великое лоно много разных племен: Финнов прибалтийских, приволжских Татар, Сибирских Тунгусов, Бурят и т.д., но имя, бытие и значение получила она от Русского народа (т.е. человека Великой, Малой, Белой Руси). Остальные должны с ним слиться вполне, разумные, если поймут эту необходимость, великие, если соединятся с этой великой личностью; ничтожные, если вздумают удержать свою ничтожную самобытность» [10. С. 27].

Рассматривая проблему права народов на создание национального государства, Ю.Ф. Самарин отмечал, что государство и народ взаимосвязаны между собой, но связь носит не обоюдный характер. Государство всегда опиралось на народ, являвшийся его ядром: «...в основе самостоятельного государства всегда лежит народная стихия, более или менее цельная», и «государственная форма служит одним из проявлений этой стихии». Но обратная зависимость не носила характера общей закономерности, т.е. народ не всегда способен создать государство. Поэтому славянофил определял право народов на такое государственное устройство, «которое бы не нарушало свободы народной жизни во всех ее проявлениях, составляющих необходимое условие всякой живой народности. Мы разумеем под этим: свободу вероисповедания, официальное употребление народного языка в делах внутреннего управления и своеобразность гражданского быта» [11. С. 325–326]. Политическую самостоятельность публицист не относил к «числу существенно необходимых и неотъемлемых принадлежностей всякой живой, признанной народности» [Там же. С. 326].

Ю.Ф. Самарин настаивал на национальном характере Российского государства, созданного русским народом. Отказ от этого принципа он трактовал как покушение на единство империи, поскольку национальное единство заменялось бы опорой на разноплеменную элиту, наделенную индивидуальными привилегиями [12. С. 42–43].

Славянофил обратился к данной проблеме в дискуссии с газетой «Весть», авторы которой, признавая важнейшими факторами российского государственного единства наличие преобладающего национального ядра – великорусской народности и господствующей религии – православия, озаботились важностью гармонизации интересов большинства и национальных меньшинств. Для того чтобы меньшинства признали превосходство господствующих религии и национальности, следовало гарантировать сохранность их национальных языков и религий [13. С. 457–458]. Но в качестве главного средства достижения национального компромисса авторы «Вести» предложили формирование единого господствующего сословия, на которое и будет опираться император в управлении разноплеменным государством. То есть, не имея возможности сразу примирить национальности, следовало примирить их элиты [Там же. С. 459–461].

Ю.Ф. Самарин поставил под сомнение возможность существования Российского государства в условиях провозглашения равенства национальностей и религий при условии отказа национальных меньшинств от стремления к политической самостоятельности. Подобные условия, в его представлении, никак не могли распространяться на католические народы в силу того, что католическая церковь была всегда нацелена на достижение политического господства [Там же. С. 459–460].

Однако главное неприятие вызвало предложение формирования сословной, дворянской монархии. Это противоречило самой идее русской монархии как национального государства, где царь был главой всей нации без предрасположенности к какому-либо сословию или отвержения какого-либо сословия [Там же. С. 461–462]. Предложение газеты «Весть» вело к формированию аристократической монархии, отвергнутой большинством европейских стран, поскольку аристократическое правление всегда основывалось на

децентрализации. Главной тенденцией развития европейской государственности в XIX в. Ю.Ф. Самарин называл формирование национальных государств. Данное явление славянофил считал исторически закономерным и прогрессивным и задавался вопросом: где, как не в России, всегда демонстрировавшей «непобедимую силу народного начала», возможно было создание национального государства? Очевидно, Ю.Ф. Самарин имел в виду исключительно вариант развития России в направлении формирования русского национального государства на основе развития только русских национальных начал. Он категорически отрицал возможные попытки распространить идею создания национальных государств другими народами России, прежде всего поляками, как «неосуществимые притязания, основанные на одних воспоминаниях» [13. С. 482–483].

Отвергая в принципе предложение «Вести» как противоречившее всей сложившейся системе российской государственности, Ю.Ф. Самарин, тем не менее, попытался проиллюстрировать перспективы его реализации в различных регионах России. В великорусских губерниях ведущую роль дворянства можно было признать только в силу преимущественного рекрутирования из его среды чиновничества. Но управление представителями других сословий они осуществляли не как сословие, а как государственные служащие. Дворянство исторически сложилось как служилое сословие, любые стремления к статусу аристократии, т.е. политическому господству, пресекались самим русским народом [Там же. С. 464].

В Польше, отмечал славянофил, вечно бунтовавшая против Российского государства шляхта была разобщена с остальной частью польского народа. Польские дворяне никогда не скрывали презрения к холопству, но полагали, что оно всегда будет поддержкой в борьбе против России. Однако события 1862–1864 гг. показали, по мнению Ю.Ф. Самарина, полную изолированность шляхты. В Северо- и Юго-Западном крае к социальной пропасти добавляются религиозная и конфессиональная враждебность между польско-католическим дворянством и православным русским крестьянством. Весьма похожая ситуация в Остзейском крае, где господствовало немецкое дворянство, угнетавшее коренное население. Здесь социальный гнет налагался на национальную неприязнь между высшими и низшими сословиями. Таким образом, утверждал славянофил, в национальных регионах дворянство являлось источником религиозных и национальных конфликтов и никак не могло претендовать на роль представителей этих народов во власти. Равно и власть, опиравшаяся на дворянство, не получала тем самым опору в многонациональном российском сообществе [13. С. 465–469].

Кроме того, идея создания наднационального дворянского сословия упиралась в национальную замкнутость немецкого и польского дворянства. Именно они были носителями польского и немецкого национализма, а также религиозного противостояния православию. Поэтому любые уступки в их сторону не будут вызывать ответного стремления к усилению государственного единства [Там же. С. 477].

Ю.Ф. Самарин указывал на сложившийся в России правовой парадокс, ставший результатом попустительства правительства, сохранявшего традиционные привилегии местных дворянских корпораций в национальных регионах, когда польское и немецкое дворянство считалось частью общероссийского, но русские дворяне могли получить статус дворян в остзейском крае за особые заслуги на основе местных, а не общероссийских законов. То же касалось и возможности приобретения земель в Западном и Остзейском крае. И если в Польше после событий 1863 г. было стимулировано приобретение земель русским дворянством, то экономический уклад и поземельные отношения в Остзейском крае по-прежнему поддерживали полную монополию немецкого дворянства [13. С. 471–472].

В социологической конструкции славянофилов изначально присутствовало противоречие. Их идея «негосударственности» русского народа, казалось бы, отрицала Российское государство как русское национальное. Государство не имело связи с национальной идентичностью, которая была прерогативой народа. Этот подход, на первый взгляд, должен был совпадать с имперскими принципами индифферентности к этнической принадлежности при условии политической лояльности подданных. Негосударственность русского народа должна была вести к отсутствию у него претензий на политическое доминирование и статус господствующей нации Российского государства. Государство же, будучи носителем суверенитета, обеспечивало единство империи.

Обращаясь к конкретным явлениям из прошлого и настоящего России, славянофилы трактовали национальный вопрос иначе. К.С. Аксаков важнейшей чертой развития Московского государства считал национальный характер царской династии. В его трактовке русским народом царская династия воспринималась как часть национальной организации, а государство – как русское национальное. Формирование многонациональной Российской империи не должно было влиять на изменение характера государственности. А.С. Хомяков, Д.А. Валуев, Ю.Ф. Самарин подчеркивали, что русская национальность оставалась основой государственности, а государство – Русским.

Сама конструкция «государство – народ» была попыткой характеристики взаимодействия русского народа и государства и не касалась других народов. Возникший в результате реформ Петра I диссонанс в данной системе был проявлением национального кризиса только русского народа. Таким образом, все построения славянофилов о принципах взаимоотношений государства и нации адресовались исключительно русскому народу и не могли рассматриваться как универсальные идеи, касавшиеся всех народов империи.

И.С. Аксаков включился в публицистическую деятельность в период максимального накала полемики между западниками и славянофилами, что не могло не повлиять на направленность его статей, всегда носивших остро дискуссионный характер. Кроме того, после ухода из жизни своих старших товарищей он, возглавив славянофильскую публицистику, сосредоточился на попытке практической реализации положений доктрины в жизни российского общества.

Продолжая развивать идею о государстве и народе как явлениях разного порядка, И.С. Аксаков отметил, что в допетровский период между народом и государством существовало определенное взаимодействие, основанное на разграничении сфер влияния. В результате петровских реформ государство нарушает невмешательство и пытается трансформировать духовную жизнь народа на основе европейской культуры [14. С. 30–31].

Народ был не в силах сопротивляться этому давлению, поскольку он расколот на простонародье – низы, сохранившие национальный дух, но неграмотные и невежественные, и публику – образованную элиту, поддавшуюся духовной агрессии государства. Восстановить единство можно только поднявшись на новый уровень, создав общество, состоящее из людей мыслящих и одновременно осознающих связь с народными традициями. В него войдут представители народа, получившего образование, и публики, вернувшейся к народным корням [Там же. С. 41–42].

Народ у И.С. Аксакова – не просто совокупность личностей, он сам является коллективной личностью. Мысли и чувства каждого отдельного человека, его осознанная деятельность не влияли на развитие народа, его духовных начал. Данный процесс происходил бессознательно как совместное творчество множества личностей – «народного разума и воли». Примером тому служило формирование и развитие национальных языков – важнейшего средства народного единства. Язык всегда становился результатом творчества народа в целом, но не отдельных людей. Но эти духовные результаты народного творчества, народной мысли затем постигались отдельными личностями, что и являло акт самопостижения народа, выводило его на стадию самосознания, которое определялось мыслителем как «новое движение в бытие народном, новая ступень народной жизни» [Там же. С. 34–35].

Народное самосознание, писал И.С. Аксаков, осуществляется в обществе, или, иначе, оно формирует общество, т.е. «общество» – это «народ на второй ступени своего развития, народ самосознающий». Общество – это не нация, но необходимая ее часть, создающая единство государства и народа, – «среда, в которой совершается сознательная внутренняя деятельность известного народа; которая создается всеми духовными силами народа, вырабатывающими народное самосознание» [14. С. 32]. Общество не совпадает с народом, но существует нераздельно от него, так как должно подпитываться от народных корней.

Пока же в России не было нации, и единство ее создавало государство как внешняя сила [Там же. С. 34–35]. Общество как совокупность мыслящих индивидов, сознающих свое национальное единство, только предстояло создать. Государство не могло этого сделать, поскольку оно не было связано с народным самосознанием. Данный процесс мог реализоваться только как результат саморазвития народа. Общество должно было прийти на смену публике, и тогда народ будет развиваться в результате осознанной деятельности личностей [Там же. С. 36]. Таким образом, продолжая раскрывать тему раскола русского народа, мыслитель сосредоточился на поиске способов его преодоления.

Именно уровень развитости общества определял, по мнению И.С. Аксакова, силу народного самосознания, от которого зависела устойчивость национальности к ассимиляционному воздействию, равно и собственный ассимиляционный потенциал. «Бытовая сила народности», реализуемая в повседневной жизни простого народа, была пассивной и не могла являться показателем национального потенциала, который проявлялся в «деятельности народного духа в высшей области мысли и знания» и образовывал бы «новое сознательное народное единство» [15. С. 93]. Таким образом, И.С. Аксаков настаивал на приоритете русского народа в исторической деятельности, считая его, а не государство, главным субъектом творчества.

Как единый национальный организм Русь-Россия сложилась уже в допетровский период. Более того, духовное единство, существовавшее в русском народе, приводило к тому, что даже присоединенные в результате завоевания народы «русели сами собой» [16. С. 219]. Петр I создал «отвлеченное, государственное, механическое единство». Истинное же единение России могло возникнуть только на основе русской национальной духовности. Оно же было нарушено вследствие насильственной европеизации, что привело к ослаблению интегрирующей силы русской народности. Но именно петровские реформы заставили понять «духовную сущность его органических начал и оценить истинное значение живого, неотвлеченного единства» [Там же]. Поэтому, писал славянофил, российскую империю нельзя считать реализацией идей Петра I: «Степень могущества Российской империи всегда зависела и зависит от меры участия духовных сил русской народности во внешнем государственном устройстве России, от степени сближения правительства с народом, государства с землей» [Там же].

Истинного величия Российская империя достигала только на основе национального единения. Но до сих пор оно возникало при внешней угрозе. Важно добиться сближения государства и народа для решения внутренних, в том числе национальных проблем. И.С. Аксаков ожидал, чтобы «правительство яснее, виднее, тверже поставило знамя русской национальности как единственного своего руководящего начала не только внешней политики, но и внутренней» [17. С. 535]. В работах начала 1880-х И.С. Аксаков чаще начинает употреблять термин «национальный» вместо «народный», но в данном случае он не означал противопоставления интересов русского народа другим народам. Речь шла, прежде всего, о вовлечении народа в общественную жизнь через общественные дискуссии, развитие свободы слова и местного самоуправления. Государство не должно ограничивать народного потенциала, и тогда проявление русского национального духа позволит создать единство империи [18. С. 312].

И.С. Аксаков возвращался к необходимости разграничения государственной и народной сфер только для того, чтобы призвать к ограничению всевластия русской бюрократии и предоставлению большей свободы деятельности народу, но не в политической сфере (незыблемой прерогативе государства), а в духов-

ной, общественной. Он постоянно подчеркивал неразрывную связь государства и народа (русского), чье единство было залогом развития России. Более того, он писал: «Верховная власть в России получила свое уполномочие от народа (русского. – *В.К.*)» [17. С. 535], поэтому несет перед ним ответственность не юридическую, но моральную. Здесь важно понять – предполагало ли формирование «общества» изменения в политической и социальной организации России в сторону ее либерализации или имело целью только апологию русской национальной духовности. И.С. Аксаков подчеркивал невозможность создания общества без развития народного образования, широкого самоуправления, свободы слова. Общество виделось ему как явление вне сословных барьеров [14. С. 44–45]. Но он еще раз демонстрировал своими высказываниями, что его проект национального развития адресован только русскому народу. То есть перемены во взаимоотношении Русского государства и русского народа в результате формирования «общества» не должны были изменить национального характер Российской империи.

И.С. Аксаков резко выступал против попыток рассматривать Россию как многонациональный «агломерат», утративший русскую национальную основу [19. С. 79]. «Русское государство создано и стоит только Русью, то есть русскою народною стихией. Все прочие народности только приращения к ее цельному народному и государственному организму» [20. С. 63]. Россия была и остается русским национальным государством. Другие народы должны стать частью единого этнополитического образования. И.С. Аксаков противопоставлял ситуацию в Австрии, не ставшей единым политическим организмом, цельной национальностью, и в России: «Слава Богу, у нас в России, несмотря на разные новейшие точки зрения, один народ – Русский, одна национальность – Русская, – которой господство основывается не на количественной только, но преимущественно на качественной силе» [21. С. 49].

Настаивая на сохранении за великорусским этническим элементом доминирования, обусловленного историческим развитием России и ролью русского народа в этом многонациональном сообществе, И.С. Аксаков пытался показать, что речь идет не о политическом господстве, поскольку позиционировал себя противником централизации и сторонником местного самоуправления (но не федерализма), а о лидерстве русского народного, национального элемента, о сохранении опоры на нравственные и духовные силы великорусского племени [19. С. 77–78]. Все народы, вошедшие в состав России, «могут претворяться в ее органическую сущность или только пользоваться ее защитой», но она оставалась «святой Русью», т.е. общностью, единство которой обеспечивали русские национальные духовные ценности [16. С. 219].

И.С. Аксаков категорически возражал против восприятия царя как суверена польского, финляндского и т.д., критиковал сторонников имперского принципа, поскольку «он чужд всякой национальности и выражает собой отвлеченную идею государственности, свободную от всякой исключительности» [19. С. 79]. Император должен был оставаться символом незыблемости русского национального характера государства – исключительно «русским государем», а Россия – «цельным народным политическим организмом» [16. С. 217]. Иначе Россию ожидала судьба распадавшейся Австрии, где условиями государственного единства были «единая власть и верноподданничество», неизбежно ведущие ее к дезинтеграции. Император Российский, не «безродный», как австрийский, а «государь русский», «первый человек русской земли»» [20. С. 63].

При этом всегда подчеркивалось наличие обратной связи: чем крепче духовная мощь народности, тем сильнее его внешняя форма – государство. Поэтому для сохранения могущества государство должно блюсти интересы своего органического начала – народного духа, народности [18. С. 310]. Принцип невмешательства государства в сферу народного, национального действовал у И.С. Аксакова, только когда речь шла о русской народности, но в отношении к другим народам государство должно было иметь (и проявлять) русскую национальную основу.

Это не означало необходимости прямого административного вмешательства государства с целью принудительной ассимиляции нерусских народов. Государство должно противодействовать лишь очевидным проявлениям сепаратизма. И.С. Аксаков неоднократно повторял мысль об успешности задачи единения России только как естественного процесса их включения в общее «народное тело» и растворения в нем. Его протекание определялось силой народности – личности русского народа, в свою очередь, зависящей от национальной консолидированности [22. С. 245].

Причинами неуспешности русских ассимиляционных проектов, особенно в Западном крае и Прибалтике, славянофил считал отсутствие русского национализма как доминирующей государственной и общественной идеологии. Обрусение было только системой административно-бюрократических мер без какой-либо поддержки со стороны великорусской общественности. Это явилось результатом засилья государства, не дававшего возможности развитию «общественного национализма». Послепетровский раскол в самом обществе привел к развитию западнически-либеральных идей, выступавших против задачи русской национальной консолидации и провозглашавших необходимость реализации имперского принципа подданства, основанного на лояльности власти и индифферентной к национальности. Доминирование в русской культуре, литературе и языке европейского влияния размывало систему базовых духовных ценностей русской нации и тем самым ослабляло и общий духовный и ассимиляционный потенциал [23. С. 379–386].

В качестве контрпримера И.С. Аксаков использовал Пруссию, где государственная политика германизации польских земель находила полную поддержку немецкого общества и, по мнению славянофила, в силу этого не только достигла своих целей, но и не встретила особого сопротивления поляков. В России же существовал раскол между государством и обществом и

внутри самого русского общества. Поэтому любые действия правительства носили принудительный характер и воспринимались в штыки не только поляками, но и русской общественностью. И.С. Аксаков регулярно возвращался к мысли, что ассимиляция, проводимая самим русским народом, не вызовет сопротивления со стороны других народов и будет гораздо более действенной. Здесь, как правило, следовал отсыл к истории присоединения земель в эпоху Московского государства, когда обрусение проводилось единым русским народом и не встречало поэтому противодействия татар, быстро ставших частью русского этнополитического единства. При этом И.С. Аксаков не раскрывал методы и способы «народной» ассимиляции ни в прошлом, ни в настоящем [23. С. 379–386].

В то же время преимущество государственных наций не являлось безусловным. История знала много примеров, когда победители ассимилировались, воспринимая язык и культуру покоренных народов. Межнациональные отношения – это всегда противостояние народных характеров. Верх всегда берет народ, более преданный своим национальным ценностям. И.С. Аксаков был искренне убежден в невозможности ассимиляции народа, сохранявшего веру в свои духовные идеалы и ценности. Допускалось и сохранение «своего типа», но только для малочисленных народов в силу их безвредности [22. С. 245–248].

Итак, в славянофильской традиции взаимоотношения народности и государства первоначально трактовались только как взаимодействие русской народности и русского государства с точки зрения определения приоритетности консолидирующих факторов в русской истории. Но в условиях полиэтнического и поликонфессионального сообщества неизбежно актуализировались взаимоотношения русской народности с другими народностями Российской империи. Вследствие чего эта проблема приобретала многовекторный характер и неизбежно трансформировалась у славянофилов в вопрос о взаимоотношениях Российского государства и нерусских народностей.

Славянофильство апеллировало к народности как главному субъекту исторической деятельности. Славянофилы, провозгласив идею русского национального государства, определили русский народ главной движущей силой данного процесса. Россия должна была стать русским государством, что в славянофильском варианте предполагало проведение ассимиляции остальных народов, входивших в состав государства.

Славянофилы видели в обрусении проявление национальных сил русского народа. Для реализации этого потенциала народ необходимо было освободить из-под опеки государства, провести социально-экономические реформы, развить самоуправление. Только когда русский народ станет действительным лидером в культуре, нравственности, духовности, возможно будет естественное обрусение как длительный эволюционный процесс добровольной ассимиляции, т.е. приобщения инородцев к русской культуре и духовности. Это не означало полного отказа от опоры на государственную власть, но успех «русского дела» должен прийти, только когда сам русский народ станет самостоятельным субъектом развития. То есть народность была для них главной силой общественного развития, а государство – ее инструментом. Поэтому славянофилов можно отнести к этноцентристскому крылу русского национализма XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм» // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002. С. 297–307.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.
3. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М. : Изд-во МГУ, 1986. 271 с.
4. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М. : Наука, 1993. 207 с.
5. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М. : Мысль, 1983. 272 с.
6. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Избранные статьи. М. : Современник, 1984. С. 199–237.
7. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Полное собрание сочинений. М. : Университетская типография, 1900. Т. 1. С. 197–262.
8. Аксаков К.С. Западная Европа и народность // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. СПб. : Наука, 1992. С. 301–305.
9. Валуев Д.А. Предисловие // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. М. : Тип. Августа Семена, 1845. Т. 1, ч. 1. С. 1–19.
10. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений. М. : Университетская типография, 1900. Т. 1. С. 3–30.
11. Самарин Ю.Ф. Современный объем Польского вопроса // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1877. Т. 1. С. 325–350.
12. Самарин Ю.Ф. Письма из Риги. Современное отношение Остзейского края к России и к правительству // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1889. Т. 7. С. 32–57.
13. Самарин Ю.Ф. О политическом идеале газеты «Весть» // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9. С. 456–485.
14. Аксаков И.С.О взаимоотношении народа, государства и общества // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 28–59.
15. Аксаков И.С. В чем сила народности // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинов, 1886. Т. 2. С. 89–96.
16. Аксаков И.С. Где органическая сила России? // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 211–219.
17. Аксаков И.С. Все мы равно виноваты // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 529–537.
18. Аксаков И.С. В чем залог прочного развития и единства России? // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 307–317.
19. Аксаков И.С. Петербург или Киев // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 72–79.
20. Аксаков, И.С. По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 62–69.
21. Аксаков И.С. Передовая статья газеты «День» 13 ноября 1865 г. // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 44–50.
22. Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 244–252.
23. Аксаков И.С. Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 379–386.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 марта 2017 г.

NARODNOST AND THE STATE IN THE SLAVOPHILE DOCTRINE (1840S–1880S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 103–109.
DOI: 10.17223/15617793/417/15

Viacheslav N. Kudriashev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: Slavophilism; narodnost; state; ethnocentrism; nationalism.

The national discourse in the 19th-century Russian intellectual tradition initially focused on defining the principles of interaction between the nation and the state. The purpose of this article is to identify the Slavophiles' attitude to ethnic phenomena and the state, both in the historical perspective and in the perspective of the contemporary Russian society. The author believes that in historical literature there is no single point of view on the periodization of Slavophilism. But most researchers agree that the development of the main provisions of the Slavophile doctrine originated in the works of A. Khomyakov, I.V. Kireevsky, K.S. Aksakov and others the 1840s–1850s. I.S. Aksakov was the successor of the classical Slavophile tradition and, in one version, was its last representative, in another, he was the link with the late Slavophilism. Therefore, the chronological scope of this article is limited to the period of active academic and journalistic activities of those personalities, i.e. the 1840s–1880s. The author analyzes the Slavophile tradition of ethnic relations and the state. Initially it was treated only as an interaction of Russian nationality and Russian state, in terms of prioritizing the consolidating factor in Russian history. But in the multi-ethnic and multi-confessional community, relations of the Russian people with other peoples of the Russian Empire were inevitably actualized. As a result, this problem acquired a multi-vector character and inevitably transformed Slavophiles in the question of the relationship between the Russian state and the non-Russian nationalities. Slavophilism appealed to the nation as the main subject of historical activity. Slavophiles, declaring the idea of the Russian national state, defined the Russian people as the main driving force of this process. Russia was to be a Russian state, which, in the Slavophiles' option, assumed assimilation of other peoples that were part of the state. Slavophiles saw a manifestation of the national forces of the Russian people in Russification. To realize this potential, the people had to be freed from the care of the state to conduct socio-economic reforms, to develop self-government. Only when the Russian people became true leaders in culture, morality, spirituality, natural Russification could occur as a long evolutionary process of voluntary assimilation, i.e. familiarizing foreigners with Russian culture and spirituality. This does not mean a complete refusal to rely on state power, but the success of the "Russian matter" should come only when the Russian people will be an independent developing subject. The author concludes that the nation for Slavophiles was the main force of social development, and the state was its tool. Therefore, the Slavophiles, the author believes, can be attributed to the ethnocentric wing of Russian nationalism of the 19th century.

REFERENCES

1. Verderi, K. (2002) Kuda idut "natsii" i "natsionalizm" [Where do the "nations" and "nationalism" go?]. In: Anderson, B. et al. *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Translated from English and German by L.E. Pereyaslavtseva, M.S. Panin, M.B. Gnedovskiy. Moscow: Praksis.
2. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and nationalism after 1780]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Tsimbaev, N.I. (1986) *Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka* [Slavophilism. From the history of Russian social and political thought of the 19th century]. Moscow: Moscow State University.
4. D'yakov, V.A. (1993) *Slavyanskiy vopros v obshchestvennoy zhizni dorevolyutsionnoy Rossii* [The Slavic question in the social life of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Nauka.
5. Dudzinskaya, E.A. (1983) *Slavyanofily v obshchestvennoy bor'be* [Slavophiles in the social struggle]. Moscow: Mysl'.
6. Kireevskiy, I.V. (1984) Izbrannye stat'i [Selected articles]. Moscow: Sovremennik. pp. 199–237.
7. Khomyakov, A.S. (1900) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 197–262.
8. Aksakov, K.S. (1992) Zapadnaya Evropa i narodnost' [Western Europe and the Nation]. In: Stennik, Yu.V. (ed.) *Literatura i istoriya. Istoricheskiy protsess v tvorcheskom soznanii russkikh pisateley XVIII–XX vv.* [Literature and History. The historical process in the creative consciousness of Russian writers of the 18th–20th centuries]. St. Petersburg: Nauka.
9. Valuev, D.A. (1845) *Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh svedeniy o Rossii i narodakh ey edinovernykh i edinoplemennykh* [A collection of historical and statistical information about Russia and its faithful and kin peoples]. Vol. 1. Part 1. Moscow: Tip. Avgusta Semena. pp. 1–19.
10. Khomyakov, A.S. (1900) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 3–30.
11. Samarin, Yu.F. (1877) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Tip. A.I. Mamontova. pp. 325–350.
12. Samarin, Yu.F. (1889) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Moscow: Tip. A.I. Mamontova. pp. 32–57.
13. Samarin, Yu.F. (1898) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: Tip. A.I. Mamontova. pp. 456–485.
14. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 28–59.
15. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 89–96.
16. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 211–219.
17. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 529–537.
18. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 307–317.
19. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 72–79.
20. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 6. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 62–69.
21. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 44–50.
22. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 244–252.
23. Aksakov, I.S. (1886) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. pp. 379–386.

Received: 12 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 110–120. DOI: 10.17223/15617793/417/16

УДК 327.2 (571) + 327.2 (510) + 332.122 (1 – 67)

К.Г. Муратшина

ПРОГРАММА СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ РФ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КНР НА 2009–2018 гг. В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ТРАНСГРАНИЧНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ЗНАЧЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, РИСКИ

Статья посвящена анализу содержания и роли Программы сотрудничества приграничных регионов РФ и КНР на 2009–2018 гг. во взаимодействии двух стран. Изучены этапы реализации Программы и изменения, внесенные российской стороной. Использованы такие источники, как двусторонние дипломатические документы, отчеты по сотрудничеству российских регионов с Китаем в выполнении Программы, материалы федеральных и региональных СМИ. Также изучены актуальные исследования российских и китайских специалистов.

Ключевые слова: Россия; Китай; российско-китайские отношения; межрегиональное сотрудничество; Дальний Восток; Восточная Сибирь.

Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. [1] – важнейший документ для межрегионального взаимодействия России и Китая, по сути, определяющий тенденции двустороннего экономического сотрудничества в целом на десятилетие. В то же время данный документ является одним из самых противоречивых в истории современных российско-китайских отношений. После принятия Программа вызвала острые дискуссии, и несмотря на то, что сразу началось ее воплощение в жизнь, параллельно шли изучение ее экспертами и корректировка содержания российской части. Целью данного исследования стал анализ вносимых в этот крупнейший двусторонний документ изменений, а также некоторых его результатов. Стоит также отметить, что степень изученности данной проблемы в российском китаеведении не очень велика: количество аналитических публикаций сравнительно мало и в основном касается начального периода воплощения Программы в жизнь.

Как известно, подписана Программа была Президентом РФ Д.А. Медведевым и председателем КНР Ху Цзиньтао 23 сентября 2009 г. «на полях» сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Документ состоит из основной части и Приложения. На момент подписания он включал 205 ключевых проектов: 94 относились к российской территории, 111 – к китайской. Российская сторона предложила проекты преимущественно освоения своих природных ресурсов (разработка Березовского железорудного месторождения, Нойон-Тологойского месторождения полиметаллических руд, Култуминского и Быстринского золото-медных, Бугдаинского молибденового, Ново-Широкинского золото-полиметаллического месторождений, Солонеченского месторождения сурьмы, Савинского месторождения магнезитов, месторождения золото-серебряно-полиметаллических руд в Нижнеудинском районе, Евгеньевского месторождения апатитов, Куликовского месторождения цеолитов, оловорудного месторождения «Соболиное», Чинейского медного и титано-ванадий-железорудного, Голевского сыныритового месторождений и др.) и лишь частично – проекты несырьевых производств (например, строительство и модернизация цементных заводов, создание предприятия по глубокой переработке сои в Биробиджане, создание комплексов переработки древесины, лифтостроительного завода в Благовещенске и т.д.), а также масштабное строительство и реконструкцию пунктов пропуска через границу и сопутствующей инфраструктуры, необходимой для резко возраставшего вывоза российского сырья и ввоза китайских товаров. Запланированы были и проекты сотрудничества с КНР в области ведения сельского хозяйства на российской территории с китайским участием. В отношении последних существуют разные точки зрения [2, 3], однако в целом изучение данной проблемы показывает, что они чаще всего крайне рискованны с точки зрения экологии и человеческой безопасности [4].

На территории КНР китайскими партнерами было запланировано создание десятков предприятий обрабатывающей промышленности, в том числе в сфере высоких технологий: например, создание промышленной зоны по первичной обработке древесины с годовым объемом 200 тыс. куб. м в г. Хуньчунь, производство горных машин и листовой меди в г. Чифэн, среднекачественной и высококачественной мебели с объемом 300 тыс. наборов в год в г. Маньчжурия, производство монокристаллического кремния в г. Холиньгор, гальванических цементированных опалубок и однородной графитной продукции в г. Харбин, огнезащитных деревянных дверей и кухонных шкафов в г. Цицикар, фибролитов средней и высокой плотности в г. Суйфэньхэ, цветных дисплеев с большим экраном LED в г. Чанчунь, мембран литий-ионных батарей в г. Ляоюань, строительство международного логистического центра «Хуамао» в г. Муданьцзян и т.п. Вся продукция должна была производиться в основном из российского сырья.

Эксперты-китаеведы, специалисты по экономическим связям России с Китаем единогласно отмечали невыгодность большинства проектов Программы для российской стороны. Один из ведущих исследователей межрегионального сотрудничества РФ и КНР М.В. Александрова (Институт Дальнего Востока РАН) отмечает: «В документе явным образом лоббируются китайские интересы… Все проекты объединяет одно: китайские предприятия-изготовители конечного продукта будут использовать российские сырьевые ресурсы» [5. С. 200–201]. Эту же тенденцию отмечает В.Г. Гельбрас (Институт стран Азии и Африки

МГУ). По его мнению, перед нами – «ясная государственная программа КНР по освоению новых территорий… Намеченные формы освоения и методы действий Пекина напоминают историю освоения европейскими державами Южной и Центральной Африки в XIX в.» [6. С. 248–250]. Кроме того, следует обратить внимание на создание большого числа пунктов пропуска через границу, «упрощенный порядок оформления документов для китайцев» и риск увеличения китайской контрабанды [Там же. С. 242–243].

Невыгодность подобного характера экономического сотрудничества России с Китаем отмечали и зарубежные аналитики, в частности, обращая внимание на то, что китайские партнеры постоянно требуют снижения цен на сырье и добиваются его, закупая, например, железную руду в России с Кимканского месторождения всего лишь по 80 долл. за тонну, в то время как, например, Бразилия продает ее на мировых рынках по 170 долл. за тонну [7]. Кроме того, Россия, как справедливо отмечается, «получила то, что хотела», в виде огромных и не сравнимых с собственными внутригосударственными, бюджетными объемов китайских инвестиций в свои приграничные регионы, что чревато «потерей контроля над ними» [8], особенно на фоне одновременного стимулирования китайской стороной миграции в РФ своих граждан [9. P. 27]. Сохранение подобных тенденций позволило зарубежным наблюдателям сделать вывод о «неравноправной» сущности партнерства в целом [10]. Также логичным выглядит заключение о нехватке многовекторности в экономическом «повороте» России к странам Азии и сведении этих связей исключительно к формату «Китай плюс» [11. P. 49]. Достигнутый КНР за счет стабильного импорта сырья из России уровень развития северо-восточных регионов позволяет говорить о формировании в них полноценных промышленных кластеров высокой эффективности [12. P. 258–262]. Кроме того, отмечается, что типичным явлением стало наращивание Китаем импорта российских ресурсов ввиду их крайней дешевизны по сравнению с поставками других экспортеров [13. P. 38–39]. Можно лишь добавить, что, очевидно, этот последний фактор никак не способствует развитию и технологическому росту российской экономики.

Подписание Программы было болезненно воспринято россиянами – жителями восточно-сибирских и дальневосточных регионов страны, которые, как и все остальные, узнали о подписании столь фундаментального и затрагивающего их в социально-экономическом плане документа «явочным порядком», из СМИ. Помимо общего недовольства, отмечалось, что региональные власти включили в Программу даже те проекты, которые можно и нужно было реализовать своими силами, без какого бы то ни было привлечения иностранных партнеров: например, реконструкцию федеральной автодороги А-166 Чита–Забайкальск или автомобильных пунктов пропуска Староцурухайтуйский и Олочи. Как резюмировало информационное агентство «ЗабИнфо», «это дело точно надо было в Нью-Йорке подписать, места лучше не найти. Без программы эту колдобину никак не заровнять, только вкупе с китайцами» [14].

Другое информационное агентство, «Амур.инфо», привело данные о том, что месторождения, на которые «придут китайские инвесторы», «отечественные компании десятилетиями не разрабатывали» [15]. Мы можем отметить в этой связи, что многие, если не большинство, месторождения можно было бы не разрабатывать еще десятилетия или даже века, подумать о будущих поколениях дальневосточников, которые будут жить и работать здесь. Гораздо дальновиднее было бы озаботиться диверсификацией экспорта, подъемом региональной промышленности и сельского хозяйства и другими столь необходимыми Дальнему Востоку мерами, требующими в то же время, безусловно, жесткой стратегии управления и повышения роли государства в экономике и отдельных ее отраслях, которые до сих пор контролируются крупными олигархами и принадлежащими им корпорациями.

Также дальневосточными СМИ была приведена способная шокировать и оскорбить любого жителя Сибири и Дальнего Востока РФ официально озвученная специалистами Высшей школы экономики и поддерживаемая частью заинтересованных в плотном сотрудничестве с Китаем представителей бизнес-сообщества точка зрения «столичного истеблишмента»: «лицом региона» должна стать «добыча энергии, полезных ископаемых для стран Юго-Восточной Азии. Никакого другого варианта для развития нашего Дальнего Востока нет… В противном случае там должны быть созданы крупные университетские научные центры, созданы какие-то производства, где собирается большое количество ученых, интеллектуалов и т.д. Это сделать невозможно. Там ничего нет: на огромном пространстве живет сравнительно редкое население. И что мы в этих условиях можем предпринять? А рядом Китай, Япония, Южная Корея, которые испытывают острую нехватку энергии» [Там же]. Подобная позиция вызывает вопросы: почему российский гражданин должен заботиться об обеспечении энергией других стран? Ему важнее подумать о том, как здесь будут жить будущие поколения. И почему невозможно «создавать крупные университетские научные центры» и «какие-то производства», которые самим проживающим здесь людям и их потомкам как раз и нужны?

В своем первоначальном виде Программа ясно указывала, что призвана в полном объеме обеспечить выполнение задач Китая по обеспечению сырьем, поставками энергии и, как следствие, развитию промышленности его северо-восточных регионов. Что получала Россия, кроме краткосрочной выгоды для своих предпринимателей и истощения ресурсов, было неясно. Принятием Программы за российскими регионами, близкими к границе с Китаем, фактически был закреплен статус поставщика ресурсов для промышленных баз КНР, а также рынка сбыта для китайской продукции машиностроения, товаров народного потребления и некоего «окна» для китайской миграции в качестве рабочей силы для строительства несырьевых объектов на территории России. Как заявил в интервью газете «Ведомости» депутат Госдумы А. Коган, «китайцы согласны на предложение России строить на ее территории деревообрабатывающие заводы,

но при условии, что на этих заводах будут работать китайские рабочие. Китайцы предлагают создать для этого специальные таможенные коридоры и облегчить получение годовых виз и их пролонгацию, чтобы вечером эти рабочие смогли спокойно возвращаться к себе домой в Китай. Аналогичную схему они предлагают создать и в отрасли сельского хозяйства: Россия заинтересована в выращивании зерновых культур в этом регионе, а Китай – в ее плодородных землях» [16].

Присутствие китайской рабочей силы и использование китайского оборудования, как правило, является условием инвестиций Китая за рубежом, и на фоне масштабного инвестирования КНР в сырьевые отрасли страны-партнера не только собственная промышленность последнего не получает практически ничего, но и появляется тенденция к зависимости от импорта промышленной продукции из КНР и деиндустриализации. Это можно проследить на примере стран Латинской Америки, где подобная ситуация способствовала процессам так называемой примитивизации национальной экономики [17]. Именно поэтому ни одному эксперту, изучающему Программу, не стоит строить завышенных ожиданий по поводу возможного подъема промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока с помощью инвестиций из КНР.

Также хотелось бы отметить, что негативные эффекты от чрезмерного роста китайской миграции в российских регионах, в принципе, известны давно. Вот что относит к ним М.В. Александрова:

– недобросовестная конкуренция на рынке труда;

– продажа, в том числе по заниженным ценам, некачественной и несертифицированной сельскохозяйственной и пищевой продукции;

– нарушения законодательства при аренде земли, разрушение почв, использование чрезмерного количества химических удобрений;

– вырубка леса и вывоз в Китай верхнего плодородного слоя почвы с редкими растениями;

– незаконный отстрел диких животных, контрабанда ценных дикорастущих культур, пантов оленей, желчи медведей и др.;

– деятельность китайских криминальных группировок, активизация наркотрафика, нелегальное открытие гражданами КНР казино и притонов [18. С. 112].

Стоит отметить, что идея принятия совместного документа, подобного Программе, давно разрабатывалась Китаем: возможности использования ресурсов восточных регионов нашей страны изучались китайскими специалистами еще до распада СССР [19. С. 14]. А в первом десятилетии XXI в. Пекин сформировал и запустил план возрождения своих северо-восточных регионов как важнейшей производственной базы [20]. Двусторонняя Программа идеально синхронизировалась с проектами этого плана, на что и были направлены усилия Китая в переговорах с Россией, предшествовавших подписанию Программы. Россия, по сути, приняла такой «посыл» от своего партнера и выдала составленные на скорую руку, без какой-либо экспертной проработки предложения по сотрудничеству от своих краев и областей. В китайской аналитике Программа также воспринимается не как отдельный проект, а как часть тренда, запущенного еще в начале 2000-х гг. [21]. Более того, с течением времени Китай продолжил одностороннюю тенденцию синхронизации программ развития с выгодой для себя, выдвигая новые региональные проекты и даже пытаясь увязывать их либо напрямую с Программой, либо с различными вариантами российской Стратегии развития Дальнего Востока и Забайкалья, как это, в частности, происходит в случае провинций Цзилинь [22, 23], Ляонин [24] и Хэйлунцзян [25].

В 2011 г., спустя 2 года после принятия Программы, российской стороной была создана рабочая группа по реализации документа во главе с полномочным представителем Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе В.И. Ишаевым. Задача рабочей группы официально была обозначена так: «Оказание содействия осуществлению проектов Программы на территории России. Рабочая группа будет проводить постоянный мониторинг реализации проектов Программы, систематизировать, обобщать и распространять опыт взаимодействия региональных органов власти Дальнего Востока и Сибири с китайской стороной по вопросам реализации Программы» [26]. Как видим, текст Программы воспринимался чуть ли не как данность, которую критически оценивать и переосмысливать мог кто угодно (эксперты, общественники, журналисты), но только не рабочая группа. Не меньшее удивление вызывает состав группы: по информации «Российской газеты» из аппарата полпредства, это «заместители полпредов в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах, высшие должностные лица субъектов федерации Дальневосточного федерального округа, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области, заместители министров энергетики, транспорта, представители Ростуризма, Минпромторга и Минобрнауки» [27]. И ни одного (!) эксперта-китаеведа или просто специалиста, не аффилированного с органами власти.

Однако реакция неравнодушной к защите интересов страны части общества все же была услышана, и государство начало параллельно работу по изменению своей части Программы. Вопрос взяло на контроль Министерство регионального развития РФ, состоялся визит министра В.Ф. Басаргина в Китай, где российская делегация ознакомилась со спецификой ведения инвестиционных проектов и проектов по развитию промышленности Северо-Востока [28].

Первые изменения в ходе реализации Программы имели место уже в 2010 г. Как отмечают специалисты Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, которым удалось изучить фактические отчеты органов власти ДВФО Министерству регионального развития за 2010 г., со стороны РФ число проектов в целом было серьезно уменьшено: из списка «требующих китайских инвестиций» исчезли месторождения: Култуминское, Солонеченское, Чинейское, Удоканское, Евгеньевское, Куликовское, Соболиное, Ниланское, Согдюканское, Новиковское, Крутогоровское, Халактырское, а также проекты переработки древесины в Иркутской области, производства стройматериалов в Бурятии, производства и сборки бытовых электроприборов «Артем», деревообрабатывающего производства в Приморском

крае, производства стройматериалов в Сахалинской области, строительства Усть-Среднеканской ГЭС, а также все приоритетные проекты Чукотского АО. Кроме того, было отмечено, что «китайской стороне предложили инвестировать в объекты, у которых уже имеется собственник», а китайские рабочие «не получат никаких особых привилегий в квотах – их будут нанимать на общих условиях генерального подряда и субподряда» [29].

Как видим, изменения были внесены значительные. Минрегион начал масштабную работу по исправлению явного дисбаланса Программы, о чем было также заявлено на VIII Красноярском экономическом форуме в 2011 г. По словам заместителя директора департамента инвестиционных проектов министерства А. Печеновой, «перечень проектов формировался еще в 2008 году, то есть до кризиса… Необходимо пересмотреть Программу и заложенные в ней принципы. 40 российских проектов вообще должны быть исключены из Программы. Например, ряд проектов в сфере угольной, цементной промышленности уже экономически неэффективны в связи с изменением рыночной конъюнктуры». Также представитель Минрегиона отметила «слабую проработанность проектов на стадии бизнес-идеи» и озвучила давно назревший вопрос: «Правильно ли продавать Китаю лицензии на разработку месторождений с последующим вывозом сырья на переработку? Скорее, необходимо создавать добавочную стоимость на территории РФ». По поводу инвестиций из КНР комментарий был дан следующий: «Что касается привлечения китайских кредитов, инвестиций, то не всегда известны и понятны условия. Нужно выработать алгоритм взаимодействия, если мы хотим привлечь инвестиции и выстроить долгосрочное сотрудничество. Особенно важны обмен информацией, установление понятных взаимоотношений» [30]. Это был еще один сигнал о том, что Российское государство в случае с Программой провело серьезную «работу над ошибками» и задалось целью перестроить деятельность в данном направлении на более взвешенный и продуманный курс.

В данной ситуации важными являются выявление и анализ дальнейших изменений на региональном уровне, однако, как показало исследование, далеко не все регионы обеспечивают открытость подобных сведений не только для местных экспертных структур, но и в более широких масштабах. В ходе данного исследования автору удалось найти связанные с внесением изменений в Программу и размещенные в Интернете документы администрации Еврейской автономной области.

9 июля 2010 г., почти через год после подписания Программы, в ЕАО было принято Постановление об утверждении мероприятий по реализации на территории региона ее положений [31]. Вторым пунктом в Постановлении обозначен такой важный шаг, как создание рабочей группы по координации процесса реализации Программы. Однако и в эту группу вошли исключительно чиновники различных уровней: заместитель председателя правительства ЕАО, первый заместитель начальника управления сельского хозяйства, начальник управления промышленности, транспорта, связи и энергетики и т.д. Включены в нее и два представителя бизнеса (генеральный директор ООО «Рубикон» и генеральный директор ООО «Кимкано-Сутарский горно-обогатительный комбинат»), чья потенциальная заинтересованность в сотрудничестве с КНР может вызывать некоторые вопросы в плане объективности группы, но снова нет ни одного эксперта-китаеведа. Постановлением губернатора ЕАО от 27 июля 2010 г. № 219 [32] в рабочую группу был также включен ректор Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Отсутствие экспертов-китаеведов непосредственно в рабочих группах на местах создает значительные риски и ставит под угрозу не только новые подходы Минрегиона, но и всю выгоду сотрудничества для Российского государства.

Что же касается перечня мероприятий по реализации Программы, приводимого в Приложении к Постановлению № 209, то он предсказуемо включает большое количество проектов по обустройству новых и реконструкции действующих пунктов пропуска и сопутствующей инфраструктуры, развитие сотрудничества в области туризма, культуры, образования, а также в сфере промышленности и сельского хозяйства. Главными здесь представляются, конечно же, освоение Кимканского и Сутарского месторождений железных руд и строительство Дальневосточного горно-металлургического комбината. Вызывает удивление заявленный масштаб «сотрудничества в сфере трудовой деятельности» (п. 4): обозначены такие пункты, как «развитие сотрудничества в рамках Соглашения между РФ и КНР о временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ через проекты в сельском хозяйстве, животноводстве и строительстве на условиях генерального подряда и субподряда» и «обеспечение приоритетов в привлечении и использовании иностранных работников на территории ЕАО через проекты в агропромышленном комплексе и строительной отрасли»: либо в ЕАО масштаб проблем, связанных с китайской миграцией, в 2010 г. ощущался еще недостаточно остро, либо данный пункт мог быть недостаточно продуман при составлении предложений региона.

Не совсем однозначным представляется и раздел, посвященный гуманитарному сотрудничеству. С одной стороны, он включает в себя много полезных проектов – взаимодействие в области медицины, экологии, изучения русского и китайского языков. Однако всемерно обязывать сотрудничать столь большое количество организаций и коллективов приоритетным образом с Китаем, не предоставляя им при этом никакой альтернативы, – это, наверное, не совсем логично. Как должен будет поступить, скажем, творческий коллектив, желающий сотрудничать не с китайскими «режиссерами, актерами, балетмейстерами», а, например, с московскими, санкт-петербургскими, белорусскими, чешскими, индийскими, вьетнамскими, японскими, французскими или итальянскими? Безусловно, все эти проекты работают прежде всего на расширение социальной базы российско-китайского партнерства, но это расширение возможно только на добровольной и естественной основе и в случае при-

ведения отношений в состояние равноправных и взаимовыгодных, а также при условии элементарного роста культуры общения, изменения имиджа двух народов в глазах друг друга.

Работа по изменению Программы продолжилась, и 1 марта 2011 г. было принято новое Постановление [33] о внесении изменений в документы 2010 г. Изменения, как показывает анализ документа, были довольно заметные, как положительные, так и достаточно неоднозначные. Во-первых, добавлен п. 8: «Органам исполнительной власти, инициирующим внесение дополнительных инвестиционных проектов для включения в Список, обеспечить поэтапное представление указанных инвестиционных проектов: в управление экономики правительства ЕАО для получения положительного заключения о соответствии представленных инвестиционных проектов Единым стандартам подготовки региональных инвестиционных проектов для рассмотрения Экспертным советом по региональной инвестиционной политике при Министерстве регионального развития РФ; в управление внешнеэкономических связей правительства области – для подготовки предложений о включении инвестиционных проектов в Список и направления комплекта соответствующих документов в Министерство регионального развития РФ». Таким образом, региональная власть наконец-то озаботилась необходимостью единообразной экспертизы проектов. Но назревает следующий вопрос: кто мог войти в Экспертный совет? Были ли там специалисты непосредственно по Китаю? Ответа на этот вопрос Постановление не дает.

Во-вторых, были исключены 5 проектов: реконструкция Теплоозёрского цементного завода (п. 6.2 Постановления 2010 г.), создание предприятия по глубокой переработке сои в Ленинском муниципальном районе (п. 6.3), строительство свинокомплекса в пос. Смидович (п. 6.4), реконструкция Биджанского и Тепловского лососевых рыбоводных заводов (п. 6.6) и содействие в обеспечении работ по строительству животноводческого комплекса на 1500 голов крупного рогатого скота в с. Горное Ленинского района и строительству свиноводческого комплекса на 20 тыс. голов свиней в с. Партизанское Смидовичского района (п. 6.7). Мы можем только догадываться, почему данные проекты были аннулированы, в то время как проект по деревопереработке и освоение Кимканского и Сутарского месторождений продолжались, однако в этом есть свои плюсы: ведь начни область реализовывать их в рамках Программы, это обеспечило бы еще более значительный наплыв китайских мигрантов и необходимость еще большего, по сравнению с имеющимся, объема закупок китайского же оборудования. Возможно, подобные проекты, особенно в части, касающейся сельского хозяйства, государству вообще следовало бы признать стратегической отраслью безопасности, которая должна развиваться исключительно собственными силами и технологиями, особенно с учетом реалий импортозамещения.

Таким образом, в 2010–2011 гг. таким дальневосточным регионом, как ЕАО, была проведена определенная «работа над ошибками». Другие регионы также вносили коррективы, о чем свидетельствуют результаты круглого стола по реализации Программы, проведенного в ходе Первого Российско-Китайского ЭКСПО 2014 г. Так, например, в Забайкальском крае была продолжена реализация лишь пяти инвестиционных проектов из приложения к Программе, и, по словам чиновников, «это самый лучший результат среди регионов», а в обновленный список запланировано включение строительства дополнительного деревоперерабатывающего комплекса на территории края [34].

В рамках круглого стола был проведен мониторинг реализации 10 инвестиционных проектов Программы: освоения Берёзовского, Удоканского и Нойон-Тологойского месторождений, строительства цементного завода в Оловяннинском районе и микрорайона «Южный» в поселке Забайкальск, застройки «Северного жилого района» в Благовещенске и 104-го микрорайона в Улан-Удэ, создания горно-металлургического кластера в Приамурье, строительства Нижнеленинского лесопромышленного комплекса и Пашковского лесопромышленного комплекса в ЕАО. Кроме того, министром регионального развития РФ И.Н. Слюняевым были переданы китайской стороне актуализированный перечень из 35 инвестиционных проектов Программы на российской территории, проект Меморандума о порядке внесения изменений и дополнений в приложение к Программе и проект положения о Рабочей группе по оценке, отбору и сопровождению ключевых проектов сотрудничества [35]. Последнее представляется пусть и несколько запоздалым, но все же очень важным. Это означает, что работа экспертов Минрегионразвития, постоянный мониторинг и контроль проектов приносят свои результаты.

В то же время тенденция к сохранению однобокой структуры сотрудничества, приносящей большую краткосрочную выгоду и практически нулевую пользу для регионального развития, отнюдь не исчезла. Например, в Магаданской области глава регионального министерства природных ресурсов и экологии В. Митькин продолжил на двусторонних совещаниях презентовать для китайских инвестиций и дополнений в Программу лишь «минерально-сырьевые возможности» региона по «богатым запасам золота, серебра, сурьмы, цинка, свинца, меди, железа, угля» [34]. Хотя если сейчас драгоценные металлы и руды собственными силами и на пользу региону и стране в целом добыть нельзя, то можно было подождать, и они могли бы сохраняться еще столетия.

Изучение отчета ЕАО о ходе реализации мероприятий в рамках Программы за первое полугодие 2014 г. [36] показывает наличие выгодной для китайской стороны миграционной ситуации и развитие не производственных мощностей в обрабатывающей промышленности, а инфраструктуры пунктов пропуска через границу, например начало строительства железнодорожного мостового перехода через Амур на участке Нижнеленинское (РФ)–Тунцзян (КНР).

В сотрудничестве в «сфере трудовой деятельности», т.е., по сути, в допуске в РФ китайских мигрантов, цифры остаются значительными: для организаций, привлекающих работников из КНР в сфере строительства, квота составляет 28,1% от общего годового

объема, в сельском хозяйстве – 21,3%. Не обошлось без «ложки дегтя» и в, казалось бы, объективно полезной для обеих стран гуманитарной сфере сотрудничества: «С 07 по 12 мая 2014 г. Биробиджан посетила культурная делегация г. Хэган во главе с вице-мэром. Творческая часть китайской делегации приняла участие в фестивальных мероприятиях, представители Народного правительства г. Хэган в ходе официальных встреч в Биробиджане договорились об издании совместного [с российской стороной] учебника, а также о необходимости дальнейшего развития сотрудничества». О каком «совместном учебнике» идет речь, неясно. Но мы снова отметим отсутствие с нашей стороны экспертизы. В условиях вечной нехватки средств у российской стороны и инициативности китайцев можно заранее сказать, что «совместный учебник» может быть издан на деньги китайской стороны, и она же, как следствие, будет определять и его содержание.

Что касается сырьевых проектов сотрудничества ЕАО, то обращает на себя внимание то, что Пашковский лесопромышленный комплекс строит предприятие со стопроцентным китайским капиталом – ООО «Хэй Хуа». Это означает создание рабочих мест для десятков или даже сотен китайских граждан. Еще одно, казалось бы, имеющее большое значение для обрабатывающей промышленности региона лесоперерабатывающее предприятие ООО «Амурлес» перешло в ведение китайской госкорпорации «Лунсинь». Также с ходу представляющийся прорывом в развитии обрабатывающей промышленности Кимкано-Сутарский ГОК строят «силами подрядчика ООО “КС ГОК” – филиалом “CNEEC” (Китай)». Объем добытой и складированной на карьере «Центральный» Кимканского железорудного месторождения в 2013 г. руды составил около 1,85 млн т, а за одно лишь первое полугодие 2014 г. – более 2 млн т. Цифры, как видим, чудовищные, и возникает вопрос: если все эти миллионы тонн вывезены в Китай, то что, кроме ям, карьеров, уничтоженного леса и угодий, а также построенных китайцами дорог к границе и расширения пунктов пропуска осталось в ЕАО? Значит ли это, что изменения, внесенные в Программу центром, на региональном уровне не изменили ее общего характера и целей и лишь немного поправили ситуацию?

В то же время, если отвлечься от развития ситуации исключительно на местах, можно отметить, что в начале 2010-х гг. федеральные органы власти РФ начали серьезную работу по обеспечению приоритетного и ускоренного развития Дальневосточного региона страны. В 2012 г. был разработан проект соответствующей госкорпорации [37], а в 2013 г. создано Министерство по развитию Дальнего Востока, развернувшее серьезную работу по привлечению в регион российских и зарубежных инвесторов. Однако в свете вышеизложенного эта работа выглядит пока недостаточно всеобъемлющей и жесткой в плане отстаивания национальных интересов. Кроме того, Программа, документ, определяющий межрегиональное сотрудничество с набравшим мощь восточноазиатским соседом на целое десятилетие, давно подписан, вступил в силу, и уже видны сроки его окончания.

В этой связи следует обратить внимание и на твердость КНР в отстаивании своих позиций. Как заявил в одном из интервью посол Китая в России Ли Хуэй, «Программа… была разработана совместными усилиями… Инициатива была проявлена еще в 2007 г., её целью было гармоничное сочетание Программы возрождения Северо-Востока Китая со Стратегией развития регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири России. Эта инициатива уже сама по себе является новым прорывом в области регионального сотрудничества между Россией и Китаем. Программа базируется на взаимовыгодной основе, имеет большое значение для развития регионов и экономики обеих стран, отношений между обеими странами и их народами». Посол также отметил, что «тех, кто обеспокоен названной Программой, безусловно, меньшинство», и выразил ненавязчивое требование к российским журналистам: «Мы надеемся, что российские средства массовой информации будут способствовать пониманию значения Программы для взаимовыгодного развития наших стран» [28]. Упоминается Программа и в другой статье посла, посвященной современным российско-китайским отношениям: «Необходимо как следует реализовывать Программу сотрудничества между регионами Северо-Востока Китая и Дальнего Востока и Восточной Сибири России на 2009–2018 гг., ускорять строительство соответствующих систем и инфраструктуры» [38]. А в одном из своих интервью китайский посол более иносказательно выразился о необходимости выполнять договоренности о сотрудничестве, но смысл стал лишь очевиднее: «В китайско-российских отношениях пришло время ожидать щедрых осенних плодов после бурного весеннего цветения» [39].

В 2014 г. в ходе встречи между представителями Минрегиона, МИДа, Минвостокразвития, Минэкономразвития РФ, Госкомитета КНР по развитию и реформам и региональных органов власти двух стран по подведению промежуточных итогов реализации Программы заместитель министра регионального развития РФ С.В. Иванова обозначила заметно обновленные приоритеты российской стороны: «Нам необходимо совместно развивать отдалённые регионы, создавать новые производства с высокотехнологичными рабочими местами, улучшать инфраструктуру, открывать для бизнеса новые горизонты развития, а для граждан – возможности комфортно путешествовать, получать кросскультурное образование, знакомиться с культурой и традициями соседней страны» [34].

Это также свидетельствует о том, что федеральные органы власти и экспертное сообщество продолжали работу как по корректировке Программы, так и по совершенствованию механизмов развития Дальневосточного региона РФ. В 2014 г. была сформулирована концепция создания на Дальнем Востоке территорий опережающего развития (ТОР) [40], а в январе 2015 г. Президент РФ официально одобрил давно высказывавшуюся многими российскими специалистами идею бесплатной раздачи земли жителям Дальнего Востока с целью привлечения российских трудовых ресурсов в регион [41]. Если говорить о концепции ТОРов, то главной в ней, по словам представителей Минвосто-

коразвития, является ориентация на создание «производственных площадок», а также на то, что «работать там в первую очередь будут дальневосточники. Если требуемых специалистов можно найти в России, то резидент не может привлекать иностранных работников» [42]. В ходе Второго Российско-Китайского ЭКСПО 2015 г. концепция ТОРов была презентована китайской стороне в качестве приоритетного объекта для инвестиций [43].

Что касается правовой базы российско-китайского взаимодействия по Программе, то положение о ее реализации в том или ином виде включалось во многие основные двусторонние документы РФ и КНР, подписанные на высшем уровне, начиная со следующего года после ее принятия: 2010 г. (п. 7) [44], 2011 г. (п. 2 разд. III) [45], 2013 г. (п. 11 разд. I) [46]. Выводы российских госструктур и экспертного сообщества о необходимости исправления дисбаланса Программы тоже отразились в документах: например, Совместное заявление РФ и КНР 2011 г. предписывает «вносить необходимые коррективы в перечень проектов межрегионального сотрудничества в соответствии с национальными стратегиями социально-экономического развития двух стран» [46]. В Совместных заявлениях РФ и КНР 2014, 2015 и 2016 гг. Программа вообще не упоминается, а в Заявлении 2016 гг. стороны отмечают, что будут «расширять и углублять сотрудничество между регионами двух стран, активно применяя опыт, накопленный, в частности, в форматах “Дальний Восток России – Северо-Восток Китая” и “Волга–Янцзы”», и далее, что важно: «совершенствовать формы и механизмы взаимодействия» [47].

Кроме того, Совместным заявлением 2015 г. обозначено такое направление, как «усиление плановых начал в межрегиональном сотрудничестве, повышение его практической отдачи» и создание Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая [48]. Эта структура была создана, первые два ее заседания прошли в 2015 и 2016 гг. В них приняли участие вице-премьер Правительства РФ и полпред Президента в ДФО Ю.П. Трутнев, руководители Минвостокразвития, заместитель премьера Госсовета КНР Ван Ян, представители Министерства коммерции КНР, а также руководители дальневосточных российских регионов и северо-восточных китайских провинций. Российской стороной в обсуждении межрегионального сотрудничества на них делался упор на создание ТОРов и инвестиции в них, например в газохимическое производство, а также проекты в сфере услуг, например логистического характера [49], развитие международных транспортных коридоров, трансграничной инфраструктуры и сотрудничество в агропромышленной сфере [50]. Пока трудно сказать, какие результаты это может принести, но такое развитие событий дает основание предположить, что межрегиональное сотрудничество может стать более упорядоченным и выгодным для России. По сути, можно говорить о том, что та планомерная работа по изменению стратегии развития восточных регионов РФ, которая началась с пересмотра Программы, приобрела совершенно иные масштабы и вышла на качественно новый уровень.

Подведем итог. В Программу сотрудничества регионов РФ и КНР были внесены существенные изменения, которые определенно скорректировали курс и приблизили эту сферу сотрудничества к задаче следования национальным интересам Российского государства. Важнейший программный документ экономического сотрудничества РФ и КНР претерпел эволюцию, как и политика Российского государства в вопросе развития своих дальневосточных регионов в целом. Однако работа в этом направлении предстоит еще очень большая, и базисом ее должно стать не что иное, как широкое привлечение экспертов к оценке социально-экономической эффективности, наличия пользы и отсутствия вреда от каждого инвестиционного или просто двустороннего проекта, затрагивающего экономические интересы и уклад жизни российских регионов, от каждой возможной договоренности и каждого бизнес-предложения. Россия в данной сфере должна стараться предпринимать шаги, прежде всего, в своих национальных интересах, а также уметь отклонять либо обращать в более выгодное для себя русло те проекты, которые этому критерию не отвечают.

Кроме того, можно сделать вывод об отсутствии каких-либо перспективных целей, ставившихся перед подписанием Программы Россией, и совершенно очевидном выполнении тех задач, которые ставил перед собой Китай, а именно обеспечения своих северо-восточных регионов дешевым сырьем и повышения транспортной доступности российских ресурсов и российского рынка сбыта.

В сложившихся геополитических реалиях Россия просто обязана наращивать степень независимости своей экономики от кого бы то ни было, диверсифицировать направления экспорта и импорта, всемерно развивать импортозамещение. Кроме того, возможно, государству пора задуматься, стоит ли в принципе направлять столько усилий на то, чтобы силами своих регионов обеспечивать в таких масштабах другие страны дешевым сырьем, вычерпывая его миллионами тонн из своей земли. Ведь когда мы слышим доводы о якобы полной «взаимодополняемости» российской и китайской экономик, это имеет простое объяснение: темпы роста китайской экономики – объективно искусственные и зиждутся, будем честны, на посвоему нерациональной структуре перепроизводства товаров для всемирного «общества потребления», запрограммированного на бесконечное «переваривание» одноразовой, легко выходящей из строя и легко заменяемой продукции. Однако для российских регионов сотрудничество с Китаем может и должно быть взаимовыгодным, и многие отечественные синологи бессчетное количество раз предлагали варианты, как этого добиться. На современном же практическом уровне отношений только обязательная экспертиза, государственный мониторинг и контроль всех аспектов межрегионального взаимодействия могут способствовать построению сотрудничества, выгода в котором будет действительно взаимной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. // Ведомости. 2009. 12 окт.
2. Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института. 2015. № 2. С. 51–59.
3. Григоричев К.В. «Они есть, но их нет»: «китайские» теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 137–153.
4. Гельбрас В.Г. Китайская трудовая миграция в Россию: что она сулит нашей стране // Азия и Африка сегодня. 2016. № 5. С. 50–54.
5. Александрова М.В. Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления // Китай в мировой и региональной политике. М. : ИДВ РАН, 2010. С. 198–222.
6. Гельбрас В.Г. Китай и АТЭС в условиях глобального кризиса // Владивосток 2012: АТЭС и новые возможности России. М. : Университетская книга, 2011. С. 234–254.
7. China's Hunger Fuels Exports in Remote Russia // The International Herald Tribune. 2010. 9 June.
8. Bowen A., Rodeheffer L. Is Russia Losing Control of Its Far East? // The Diplomat. 2013. October. URL: http://thediplomat.com/2013/10/is-russia-losing-control-of-its-far-east/ (access: 20.10.2015).
9. De Haas M. Russian-Chinese Security Relations. The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2013. 58 p.
10. Singh A. Unequal Partners: China and Russia in Eurasia // The Diplomat. 2015. June. URL: http://thediplomat.com/2015/06/unequal-partners-china-and-russia-in-eurasia/ (access: 20.10.2015).
11. Engelbrekt K., Watts J. Sino-Russian Strategic Collaboration: Still an "Axis of Convenience"? Stockholm: Swedish National Defence College, 2015. 62 p.
12. Hartmann R., Wang J. A comparative geography of China and the US. New York : Springer, 2014. 387 p.
13. Jacobson L. et al. China's Energy and Security Relations with Russia. Hopes, Frustrations and Uncertainties. SIPRI Policy Paper. Stockholm : SIPRI, 2011. 45 p.
14. Китайцам на бумаге отдали все // Информационное агентство «ЗабИнфо». 2009. 13 окт. URL: http://kzab.ru/index.php?news=22572 (дата обращения: 04.05.2015).
15. Амурскую область продали Китаю? // Амур.инфо. 2009. 21 окт. URL: http://www.debri-dv.ru/article/2135/dalniy_vostok_ozhidaet_mirnaya_anneksiya_v_polzu_knr (дата обращения: 04.05.2015).
16. Dosch J., Goodman D. China and Latin America: Complementarity, Competition, and Globalisation // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. № 1. P. 3–19.
17. Россия не справится // Ведомости. 2009. 12 окт.
18. Александрова М.В. Программа соразвития Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения рабочей силы // Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? : материалы круглого стола. М. : Изд-во Института экономики, 2011. С. 108–122.
19. Иванов С.А. Воображаемое сотрудничество на российско-китайской границе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 11–18.
20. Кондратенко Г.В. Социальная компонента Плана возрождения Северо-Востока Китая на современном этапе // Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток : Дальнаука, 2014. С. 111–117.
21. Ли Тунвэнь. Элосы Юаньдун дицюй юй Чжунго Дунбэй дицюй хэцзо ши : на кит. яз. (История сотрудничества регионов Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая). URL: http://news.hexun.com/2012-06-21/142713918.html (дата обращения: 05.11.2015).
22. Александрова М.В. Торгово-экономические отношения пров. Цзилинь с Россией и план Чанцзиту // Китай в мировой и региональной политике. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 294–321.
23. Ма Кэ. Взаимодействие стратегии района Чанцзиту Китая со стратегией развития Дальнего Востока России в новой обстановке // Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток : Дальнаука, 2014. С. 160–168.
24. Юнь Паньгуан. Чжун Э дицюй хэцзо гуйхуа ган яо бэйцзин ся Ляонин юй Элосы цзинмао хэцзо тайши фэньси : на кит. яз. (Ситуационный анализ торгово-экономического сотрудничества провинции Ляонин с Россией в контексте Программы сотрудничества регионов России и Китая). URL: http://elsxk.hlju.edu.cn/new/wfile/wfile_1_20131211101552.pdf (дата обращения: 05.11.2015).
25. Ма Юцзюнь, Сунь Гошэн. Хэйлунцзян шэн лоши Чжун Э лян го дицюй хэцзо гуйхуа ган яо дуйцэ яньцзю / на кит. яз. (Исследование стратегии реализации провинцией Хэйлунцзян Программы межрегионального сотрудничества Китая с Россией) // Euroasia.cass.cn. 2011. URL: http://euroasia.cass.cn/news/544915.htm (дата обращения: 05.11.2015).
26. О Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.) // Информационно-аналитический портал «Хабаровск онлайн». 2011. 13 мая. URL: http://khabonline.com/business/new/programma/ (дата обращения: 04.05.2015).
27. Виктор Ишаев возглавил рабочую группу по сотрудничеству Дальнего Востока и Восточной Сибири с Китаем // Российская газета. 2011. 13 мая.
28. Посол Китая в России Ли Хуэй – о Программе сотрудничества Сибири и Северо-Востока Китая // Портал «Прибайкалье». 2010. 1 апр. URL: http://pribaikal.ru/rus-china-item/article/4004.html (дата обращения: 04.05.2015).
29. Изотов Д.А., Суслов Д.В. Пока только намерения: первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018 гг.) // ЭКО: всероссийский экономический журнал. 2011. № 3. С. 160–178. URL: http://dlib.eastview.com/browse/doc/24415705 (дата обращения: 04.05.2015).
30. Программа сотрудничества Дальнего Востока и Восточной Сибири с Северо-Востоком КНР пересматривается – Минрегион // CargoNews. 2011. 22 февр. URL: http://www.cargonews.ru/main/1740-programma-sotrudnichestva-dalnego-vostoka-i-vostochnoj-sibiri-s-severo-vostokom-knr-peresmatrivaetsya-minregion.html (дата обращения: 04.05.2015).
31. Об утверждении мероприятий по реализации на территории Еврейской автономной области положений Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.): Постановление от 9 июля 2010 г. № 203 // Администрация губернатора Еврейской автономной области. URL: http://npa.eao.ru/law?d&nd=642218923&prevDoc=642217107&mark=000002I00000I3V6ASNB22VDGSO000000411HO4LO2I0DRJF161R2VB#I0 (дата обращения: 04.05.2015).
32. О внесении изменения в состав рабочей группы по координации деятельности по реализации на территории Еврейской автономной области положений Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.): Постановление от 27 июля 2010 г. № 219 // Администрация губернатора Еврейской автономной области. URL: http://npa.eao.ru/law?d&nd=642217198&prevDoc=642218923&mark=000002D199OPIC3VVVVVU3FIS1MM35JAOEB28CRBCP00003C83EMUC74#I0 (дата обращения: 04.05.2015).
33. О внесении изменений и дополнения в Постановление губернатора ЕАО от 9 июля 2010 г. № 203 об утверждении мероприятий по реализации на территории Еврейской автономной области положений Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.): Постановление от 1 марта 2011 г. № 68 // Администрация губернатора Еврейской автономной области. URL: http://npa.eao.ru/law?d&nd=642218878 (дата обращения: 04.05.2015).
34. В рамках Российско-китайского ЭКСПО состоялся круглый стол «Промежуточные итоги реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)» // Новости металлургии. 2014. 2 июля. URL: http://news.metalweb.ru/news/news81949.html (дата обращения: 04.05.2015).

35. Подведены итоги Первого Российско-Китайского ЭКСПО // Информационный портал «Спецтехника-Инфо». 2014. 16 июля. URL: http://stidv.ru/news/show/?id_publicationArticle=1692 (дата обращения: 10.12.2016).
36. Отчет о ходе реализации мероприятий Еврейской автономной области в рамках Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.) за первое полугодие 2014 г. // Администрация губернатора Еврейской автономной области. URL: http://eao.ru/state/UPR/economy/otchet_1half_2014.doc (дата обращения: 04.05.2015).
37. Бизнесу указали путь в Сибирь // Московский комсомолец. 2012. 25 янв.
38. Ли Хуэй. Статья Посла КНР в РФ по официальному визиту Председателя Правительства РФ В.В. Путина в Китай // Посольство КНР в РФ. 2011. 10 окт. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/sgxw/t865941.htm (дата обращения: 19.05.2012).
39. В китайско-российских отношениях пришло время ожидать щедрых осенних плодов после бурного весеннего цветения – посол КНР в РФ Ли Хуэй // Жэньминь Жибао онлайн. 2013. 29 авг. URL: http://russian1.people.com.cn/31519/8382483.html (дата обращения: 08.10.2013).
40. На Дальнем Востоке предлагается создавать территории опережающего социально-экономического развития // КонсультантПлюс. 2014. 9 апр. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/32812.html (дата обращения: 04.05.2015).
41. Путин одобрил идею бесплатной раздачи земли жителям Дальнего Востока // Новости Mail.ru. 2015. 19 янв. URL: https://news.mail.ru/politics/20774132/?frommail=1 (дата обращения: 19.01.2015).
42. В тайгу за длинным рублем: интервью заместителя министра РФ по развитию Дальнего Востока К.И. Степанова // Официальный сайт Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. 2015. 17 марта. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ ID=3043 (дата обращения: 25.03.2015).
43. Новая экономическая политика Дальнего Востока обсуждалась на Втором Российско-Китайском ЭКСПО // Официальный сайт Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. 2015. 18 окт. URL: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3724&sphrase_id=35625 (дата обращения: 15.10.2016).
44. Совместное заявление РФ и КНР о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия // Министерство иностранных дел КНР. 2010. 28 сент. URL: http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t757139.htm (дата обращения: 25.01.2011).
45. Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Официальный сайт Президента РФ. 2011. 16 июня. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/966 (дата обращения: 19.12.2012).
46. Совместное заявление РФ и КНР о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Официальный сайт Президента РФ. 2013. 22 марта. URL: http://kremlin.ru/supplement/1423 (дата обращения: 09.12.2016).
47. Совместное заявление РФ и КНР // Официальный сайт Президента РФ. 2016. 25 июня. URL: http://kremlin.ru/supplement/5100 (дата обращения: 09.12.2016).
48. Совместное заявление РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества // Официальный сайт Президента РФ. 2015. 8 мая. URL: http://kremlin.ru/supplement/4969 (дата обращения: 08.05.2015).
49. Первое заседание Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Северо-Востока Китая прошло в рамках ВЭФ // Официальный сайт Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. 2015. 5 сент. URL: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3606 (дата обращения: 15.12.2016).
50. В Пекине состоялось второе заседание Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и северо-востока Китая // Журнал «Россия и Китай. 2016. 24 окт. URL: http://www.ruchina.org/china-article/china/1202.html (дата обращения: 15.12.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 27 февраля 2017 г.

THE PROGRAMME OF COOPERATION BETWEEN RUSSIAN FAR EAST AND EASTERN SIBERIA AND CHINESE NORTH-EASTERN REGIONS (2009–2018) AND ITS ROLE, EVOLUTION AND RISKS IN THE RUSSIAN-CHINESE CROSS-BORDER INTERACTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 110–120.
DOI: 10.17223/15617793/417/16

Ksenia G. Muratshina, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kseniakgm@mail.ru

Keywords: Russia; China; Russian-Chinese relations; regional cooperation; Far East; Eastern Siberia.

This paper aims to study the content, role and evolution of the Programme of Cooperation Between Russian Far East and Eastern Siberia and Chinese North-Eastern Regions (2009–2018) in the bilateral cross-border interaction. The Programme, due to its comprehensive structure, has become one of the key documents defining the modern history of Russian-Chinese economic relations and regional cooperation. At the same time, despite having received a considerable negative feedback from Russian sinologists at the beginning, it has been under-investigated in the course of its realisation so far. This paper consecutively analyses the following aspects: the structure of the Programme; the evaluations of it made by experts, politicians and ordinary Russian citizens; the stages of its implementation; the changes, amendments and corrections introduced by Russian regions and central government; the midline results of the Programme implementation and the consequent changes in Russian-Chinese regional cooperation on the whole, as well as in the development of Russian Far East. The research is based on the study of a large number of sources: bilateral Russian-Chinese diplomatic documents, official reports and statistics on the economic cooperation between Russian regions and China in the Programme implementation, as well as on the up-to-date media sources. The research demonstrates that considerable changes, introduced by Russia, took place both in the Programme and in the policy of the Russian state towards its Far-Eastern and Eastern Siberia regions on the whole. The changes were the result of the thorough work of governmental and expert structures. They substantially abridged the Programme, corrected the course of cooperation and advanced it towards the fulfillment of Russian national interests. Practically the Programme, obviously more beneficial for China and far from bringing benefit and effectiveness for Russia, has been realised only partly so far. However, China has still partly realised its objectives in terms of cheap raw materials and energy resources supplies from Russian border regions. At the same time, Russia's regional cooperation with China has started to develop, thanks to the establishment of the Far East Development Ministry and of the Bilateral Council on Regional Cooperation, to a more structural and controllable condition. And there is still a lot of work to do in this direction, based on the involvement of experts in the process of evaluating the social and economic efficiency, the benefit or harm from every investment initiative and bilateral project, every agreement and business proposal concerning the economic interests and the life of Russian regions.

REFERENCES

1. Vedomosti. (2009) Programma sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri Rossii i Severo-Vostoka KNR na 2009–2018 gg. [Program of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia of Russia and the Northeast of China for 2009–2018]. *Vedomosti*. 12 October.

2. Zuenko, I.Yu. (2015) Kitayskoe prisutstvie v sel'skom khozyaystve Dal'nego Vostoka: nekotorye aspekty problemy [The Chinese Presence in Agriculture of the Far East: Some Aspects of the Problem]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2. pp. 51–59.
3. Grigorichev, K.V. (2016) "Oni est', no ikh net": "kitayskie" teplitsy v prostranstve prigoroda ["They are, but they are not": "Chinese" greenhouses in the suburbs]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 137–153.
4. Gel'bras, V.G. (2016) Kitayskaya trudovaya migratsiya v Rossiyu: chto ona sulit nashey strane [Chinese labor migration to Russia: what it promises to our country]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 5. pp. 50–54.
5. Aleksandrova, M.V. (2010) Programma sotrudnichestva smezhnykh territoriy Rossii i Kitaya: istoriya, fakty, puti osushchestvleniya [Program of cooperation of adjacent territories of Russia and China: history, facts, ways of implementation]. In: Safronova, E.I. (ed.) *Kitay v mirovoy i regional'noy politike* [China in world and regional politics]. Moscow: IDV RAN.
6. Gel'bras, V.G. (2011) Kitay i ATES v usloviyakh global'nogo krizisa [China and APEC in the context of the global crisis]. In: Boytsov, V.V. (ed.) *Vladivostok 2012: ATES i novye vozmozhnosti Rossii* [Vladivostok 2012: APEC and new opportunities for Russia]. Moscow: Universitetskaya kniga.
7. The International Herald Tribune. (2010) China's Hunger Fuels Exports in Remote Russia. *The International Herald Tribune*. 9 June.
8. Bowen, A. & Rodeheffer, L. (2013) Is Russia Losing Control of Its Far East? *The Diplomat*. October. [Online] Available from: http://thediplomat.com/2013/10/is-russia-losing-control-of-its-far-east/. (Accessed: 20th October 2015).
9. De Haas, M. (2013) *Russian-Chinese Security Relations*. The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael.
10. Singh, A. (2015) Unequal Partners: China and Russia in Eurasia. *The Diplomat*. June. [Online] Available from: http://thediplomat.com/2015/06/unequal-partners-china-and-russia-in-eurasia/. (Accessed: 20th October 2015).
11. Engelbrekt, K. & Watts, J. (2015) *Sino-Russian Strategic Collaboration: Still an "Axis of Convenience"?* Stockholm: Swedish National Defence College.
12. Hartmann, R. & Wang, J. (2014) *A comparative geography of China and the US*. New York: Springer.
13. Jacobson, L. et al. (2011) *China's Energy and Security Relations with Russia. Hopes, Frustrations and Uncertainties. SIPRI Policy Paper*. Stockholm: SIPRI.
14. ZabInfo. (2009) Kitaytsam na bumage otdali vse [The Chinese were given everything on paper]. *Zabinfo News Agency*. 13 October. [Online] Available from: http://kzab.ru/index.php?news=22572. (Accessed: 04th May 2015).
15. Amur.info. (2009) Amurskuyu oblast' prodali Kitayu? [Was Amur Oblast sold to China?]. *Amur.info*. 21 October. [Online] Available from: http://www.debri-dv.ru/article/2135/dalniy_vostok_ozhidaet_mirna-ya_anneksiya_v_polzu_knr. (Accessed: 04th May 2015).
16. Dosch, J. & Goodman, D. (2012) China and Latin America: Complementarity, Competition, and Globalisation. *Journal of Current Chinese Affairs*. 1. pp. 3–19.
17. Vedomosti. (2009) Rossiya ne spravitsya [Russia will not cope]. *Vedomosti*. 12 October.
18. Aleksandrova, M.V. (2011) Programma sorazvitiya Dal'nego Vostoka i Severo-Vostochnogo Kitaya v svete tselesoobraznosti privlecheniya rabochey sily [Program for the development of the Far East and Northeast China in the light of the desirability of attracting the labor force]. In: Barkovskiy, A.N. & Kheyfets, B.A. (eds) *Privlechenie trudovykh migrantov ili autsorsing?: materialy kruglogo stola* [Attracting labor migrants or outsourcing?: Materials of the round table]. Moscow: Institute of Economics.
19. Ivanov, S.A. (2014) Voobrazhaemoe sotrudnichestvo na rossiysko-kitayskoy granitse [Imaginary cooperation on the Russian-Chinese border]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie – Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religious Studies"*. 8. pp. 11–18.
20. Kondratenko, G.V. (2014) Sotsial'naya komponenta Plana vozrozhdeniya Severo-Vostoka Kitaya na sovremennom etape [Social component of the plan for the revival of the Northeast of China at the present stage]. In: Larin, V.L. (ed.) *Rossiya i Kitay: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeystviya* [Russia and China: the experience and potential of regional and border cooperation]. Vladivostok: Dal'nauka.
21. Li Tongwen. (2012) *History of cooperation between the regions of the Far East of Russia and the Northeast of China*. [Online] Available from: http://news.hexun.com/2012-06-21/142713918.html. (Accessed: 05th November 2015). (In Chinese).
22. Aleksandrova, M.V. (2012) Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya prov. Tszilin' s Rossiey i plan Chantszitu [Trade and economic relations of the Jilin Province with Russia and the Changjit plan]. In: Safronova, E.I. (ed.) *Kitay v mirovoy i regional'noy politike* [China in world and regional politics]. Moscow: IDV RAN
23. Ma Ke. (2014) Vzaimodeystvie strategii rayona Chantszitu Kitaya so strategiey razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii v novoy obstanovke [Interaction of the strategy of the Changjit area of China with the development strategy of the Russian Far East in a new situation]. In: Larin, V.L. (ed.) *Rossiya i Kitay: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeystviya* [Russia and China: the experience and potential of regional and border cooperation]. Vladivostok: Dal'nauka.
24. Yun Panguan. (2013) *Situational analysis of Liaoning Province's trade and economic cooperation with Russia in the context of the Program of Cooperation between the Regions of Russia and China*. [Online] Available from: http://elsxk.hlju.edu.cn/new/wfile/wfile_1_20131211101552.pdf. (Accessed: 05th November 2015). (In Chinese).
25. Ma Yujun & Sun Gosheng. (2011) *Study of the Heilongjiang Province's Implementation of the Strategy for China's Interregional Cooperation Program with Russia*. [Online] Available from: http://euroasia.cass.cn/ news/544915.htm. (Accessed: 05th November 2015). (In Chinese).
26. Information and Analytical Portal Khabarovsk Online. (2011) *O Programme sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009–2018 gg.)* [On the Program of Cooperation between the Regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the PRC (2009–2018)]. 13 May. [Online] Available from: http://khabonline.com/business/new/programma/. (Accessed: 04th May 2015).
27. Rossiyskaya gazeta. (2011) Viktor Ishaev vozglavil rabochuyu gruppu po sotrudnichestvu Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri s Kitaem [Viktor Ishaev headed the working group on cooperation of the Far East and Eastern Siberia with China]. *Rossiyskaya gazeta*. 13 May.
28. Pribaykal'e. (2010) *Posol Kitaya v Rossii Li Khuey – o Programme sotrudnichestva Sibiri i Severo-Vostoka Kitaya* [Chinese Ambassador to Russia Li Hui on the Program for Cooperation between Siberia and the Northeast of China]. 1 April. [Online] Available from: http://pribaikal.ru/rus-china-item/article/4004.html. (Accessed: 04th May 2015).
29. Izotov, D.A. & Suslov, D.V. (2011) Poka tol'ko namereniya: pervye itogi realizatsii programmy sotrudnichestva mezhdu vostochnymi regionami Rossii i Severo-Vostokom KNR (2009–2018 gg.) [So far, only intentions: the first results of the implementation of the program of cooperation between the eastern regions of Russia and the North-East of the PRC (2009–2018)]. *EKO: vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. 3. pp. 160–178. [Online] Available from: http://dlib.eastview.com/browse/doc/24415705. (Accessed: 04th May 2015).
30. CargoNews. (2011) *Programma sotrudnichestva Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri s Severo-Vostokom KNR peresmatrivaetsya – Minregion* [The program of cooperation between the Far East and Eastern Siberia with the North-East of China is being revised – the Ministry of Regional Development]. 22 February. [Online] Available from: http://www.cargonews.ru/main/1740-programma-sotrudnichestva-dalnego-vostoka-i-vostochnoj-sibiri-s-severo-vostokom-knr-peresmatrivaetsya-minregion.html. (Accessed: 04th May 2015).
31. Administration of the Governor of the Jewish Autonomous Region. (2010) *Ob utverzhdenii meropriyatiy po realizatsii na territorii Evreyskoy avtonomnoy oblasti polozheniy Programmy sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009–2018 gg.): postanovlenie ot 9 iyulya 2010 g. № 203* [On approval of measures for the implementation of the Program of Cooperation between the Regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the PRC (2009–2018) on the territory of the Jewish Autonomous Region: Decree No. 203 of July 9, 2010]. [Online] Available from: http://npa.eao.ru/law?d&nd=642218923&prevDoc=642217107&mark=000002I000002I3V6ASNB22VDGSO000000411HO4LO2I0DRJF161R2VB#I0. (Accessed: 04th May 2015).
32. Administration of the Governor of the Jewish Autonomous Region. (2010) *O vnesenii izmeneniya v sostav rabochey gruppy po koordinatsii deyatel'nosti po realizatsii na territorii Evreyskoy avtonomnoy oblasti polozheniy Programmy sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vos-*

toka i Vostochnoy Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009–2018 gg.): postanovlenie ot 27 iyulya 2010 g. № 219 [On the introduction of changes in the composition of the working group on coordination of activities on the implementation in the territory of the Jewish Autonomous Region of the provisions of the Program of Cooperation between the Regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the PRC (2009–2018): Resolution No. 219 of July 27, 2010]. [Online] Available from: http://npa.eao.ru/law?d&nd=642217198&prevDoc=642218923&mark=000002D199OPIC3VVVVVU3FIS1MM35JAOEB28CRBCP00003C83EMUC74#I0. (Accessed: 04th May 2015).

33. Administration of the Governor of the Jewish Autonomous Region. (2011) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniya v Postanovlenie gubernatora EAO ot 9 iyulya 2010 g. № 203 ob utverzhdenii meropriyatiy po realizatsii na territorii Evreyskoy avtonomnoy oblasti polozheniy Programmy sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009–2018 gg.): postanovlenie ot 1 marta 2011 g. № 68* [On the introduction of amendments and additions to the Resolution of the Governor of the JAR No. 203 of July 9, 2010, on the approval of measures for the implementation in the territory of the Jewish Autonomous Region of the provisions of the Program of Cooperation between the Regions of the Far East and Eastern Siberia and the Northeast of the PRC (2009–2018): Resolution No. 68 of March 1, 2011]. [Online] Available from: http://npa.eao.ru/law?d&nd=642218878. (Accessed: 04th May 2015).
34. Novosti metallurgii. (2014) V ramkakh Rossiysko-kitayskogo EKSPO sostoyalsya kruglyy stol "Promezhutochnye itogi realizatsii Programmy sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri Rossiyskoy Federatsii i Severo-Vostoka KNR (2009–2018 gg.)" [Within the framework of the Russian-Chinese Expo, a round table "Interim Results of the Implementation of the Program of Cooperation between the Regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the PRC (2009–2018)" was held]. *Novosti metallurgii*. 2 July. [Online] Available from: http://news.metalweb.ru/news/news81949.html. (Accessed: 04th May 2015).
35. Spetstekhnika-Info. (2014) Podvedeny itogi Pervogo Rossiysko-Kitayskogo EKSPO [The results of the First Russian-Chinese Expo were summed up]. 16 July. [Online] Available from: http://stidv.ru/news/show/?id_publicationArticle=1692. (Accessed: 10th December 2016).
36. Administration of the Governor of the Jewish Autonomous Region. (2014) *Otchet o khode realizatsii meropriyatiy Evreyskoy avtonomnoy oblasti v ramkakh Programmy sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri Rossiyskoy Federatsii i Severo-Vostoka Kitayskoy Narodnoy Respubliki (2009–2018 gg.) za pervoe polugodie 2014 g.* [Report on the implementation of the activities of the Jewish Autonomous Region in the framework of the Program for Cooperation between the Far East and Eastern Siberia regions of the Russian Federation and the Northeast of the People's Republic of China (2009–2018) for the first half of 2014]. [Online] Available from: http://eao.ru/state/UPR/economy/otchet_1half_ 2014.doc. (Accessed: 04th May 2015).
37. Moskovskiy komsomolets. (2012) Biznesu ukazali put' v Sibir' [The business was shown the way to Siberia]. *Moskovskiy komsomolets*. 25 January.
38. Li Hui. (2011) *Stat'ya Posla KNR v RF po ofitsial'nomu vizitu Predsedatelya Pravitel'stva RF V.V. Putina v Kitay* [Article of the Ambassador of the PRC in Russia on the official visit of Chairman of the Government of the Russian Federation V.V. Putin to China]. 10 October. [Online] Available from: http://ru.china-embassy.org/rus/sgxw/t865941.htm. (Accessed: 19th May 2012).
39. *People's Daily Online*. (2013) V kitaysko-rossiyskikh otnosheniyakh prishlo vremya ozhidat' shchedrykh osennikh plodov posle burnogo vesennego tsveteniya – posol KNR v RF Li Khuey [Chinese Ambassador to Russia Li Hui: It is time to expect lavish autumn fruits after the tumultuous spring flowering in Chinese-Russian relations]. 29 August. [Online] Available from: http://russian1.people.com.cn/31519/8382483.html. (Accessed: 08th October 2013).
40. Konsul'tant Plyus. (2014) Na Dal'nem Vostoke predlagaetsya sozdavat' territorii operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [In the Far East, it is proposed to create territories for outpacing socio-economic development]. *Konsul'tant Plyus*. 9 April. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/32812.html. (Accessed: 04th May 2015).
41. Novosti Mail.ru. (2015) *Putin odobril ideyu besplatnoy razdachi zemli zhitelyam Dal'nego Vostoka* [Putin approved the idea of free distribution of land to residents of the Far East]. 19 January. [Online] Available from: https://news.mail.ru/politics/20774132/?frommail=1. (Accessed: 19th January 2015).
42. The official site of the Ministry of the Russian Federation for the development of the Far East. (2015) *V taygu za dlinnym rublem: interv'yu zamestitelya ministra RF po razvitiyu Dal'nego Vostoka K.I. Stepanova* [To the taiga for an easy ruble: an interview with Deputy Minister of the Russian Federation for the the development of the Far East K.I. Stepanov]. 17 March. [Online] Available from: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ ID=3043. (Accessed: 25th March 2015).
43. The official site of the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East. (2015) *Novaya ekonomicheskaya politika Dal'nego Vostoka obsuzhdalas' na Vtorom Rossiysko-Kitayskom EKSPO* [The new economic policy of the Far East was discussed at the Second Russian-Chinese Expo]. 18 October. [Online] Available from: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3724&sphrase_id=35625. (Accessed: 15th October 2016).
44. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (2010) *Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o vsestoronnem uglublenii rossiysko-kitayskikh otnosheniy partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya* [Joint statement of the Russian Federation and the PRC on the comprehensive deepening of the Russian-Chinese relations of partnership and strategic cooperation]. 28 September. [Online] Available from: http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t757139.htm. (Accessed: 25th January 2011).
45. The official site of the President of the Russian Federation. (2011) *Sovmestnoe zayavlenie Prezidenta RF i Predsedatelya KNR v svyazi s 10-letiem Dogovora o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdu RF i KNR* [Joint Statement by the President of the Russian Federation and the PRC Chairman on the occasion of the 10th anniversary of the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the Russian Federation and the PRC]. 16 June. [Online] Available from: http://news.kremlin.ru/ref_notes/966. (Accessed: 19th December 2012).
46. The official site of the President of the Russian Federation. (2013) *Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o vzaimovygodnom sotrudnichestve i uglublenii otnosheniy vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya* [Joint Statement of the Russian Federation and the PRC on Mutually Beneficial Cooperation and Deepening the Relationship of a Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation]. 22 March. [Online] Available from: http://kremlin.ru/supplement/1423. (Accessed: 09th December 2016).
47. The official site of the President of the Russian Federation. (2016) *Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR* [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China]. 25 June. [Online] Available from: http://kremlin.ru/supplement/5100. (Accessed: 09th December 2016).
48. The official site of the President of the Russian Federation. (2015) *Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR ob uglublenii vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya i o prodvizhenii vzaimovygodnogo sotrudnichestva* [Joint Statement of the Russian Federation and the PRC on Deepening the Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation and Promoting Mutually Beneficial Cooperation]. 8 May. [Online] Available from: http://kremlin.ru/supplement/4969. (Accessed: 08th May 2015).
49. The official website of the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East. (2015) *Pervoe zasedanie Soveta sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaya proshlo v ramkakh VEF* [The first meeting of the Cooperation Council between the regions of the Far East and the Northeast of China was held within the framework of the WEF]. 5 September. [Online] Available from: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/? ELEMENT_ID=3606. (Accessed: 15th December 2016).
50. Rossiya i Kitay. (2016) V Pekine sostoyalos' vtoroe zasedanie Soveta sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka Rossii i severo-vostoka Kitaya [The second meeting of the Cooperation Council between the regions of the Far East of Russia and the northeast of China took place in Beijing]. *Rossiya i Kitay*. 24 October. [Online] Available from: http://www.ruchina.org/china-article/china/1202.html. (Accessed: 15th December 2016).

Received: 27 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 121–127. DOI: 10.17223/15617793/417/17

УДК 94(470-570)

Н.П. Носова

«НЕУДОБНЫЙ КЛАСС». СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОТНОШЕНИЯ К КРЕСТЬЯНСТВУ (ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕНИНСКИХ ВЗГЛЯДОВ)

Показано формирование государственной парадигмы отношения к крестьянству в условиях становления советской государственности. Проблема рассмотрена в методологии дискурса, и прежде всего дискурса политического, как анализа явных и скрытых смыслов становления новой власти. Дискурс-анализ проведен с точки зрения оценки эволюции взглядов В.И. Ленина как ведущего политического лидера страны, позиций партийной и государственной элиты и практики реализации курса коммунистического строительства в аграрной стране.

Ключевые слова: государственное регулирование; сельское хозяйство; крестьянское хозяйство; Советское государство; государственная парадигма; политический дискурс.

Эволюция советской России – один из уникальных исторических примеров того, как государственная власть активно формирует хозяйственную систему в соответствии со своими политическими интересами. Наиболее рельефным этот исторический сюжет стал в практике государственного управления аграрной экономикой. Именно в области экономики решались кардинальные проблемы построения нового строя, оказывающие непосредственное влияние на все сферы общественной жизни, определявшие в конечном счете тип и характер развития страны. Своеобразие управления в Советской России определялось тем, что созидательные задачи пришлось решать в крестьянской стране.

Налаживание отношений с крестьянством, управление крестьянской экономикой не замыкались только на сфере хозяйственной деятельности, но и охватывали социальную, идеологическую, психологическую, культурную и другие области. Однако мы ограничим сферу нашего интереса проблематикой взаимосвязи государства и крестьянства, государства и аграрной экономики: государства как основы политической системы общества, государства как основного собственника земли, наконец, государства как субъекта управления. Особое место в этой взаимосвязи и взаимозависимости занимает крестьянство. Ортодоксальный марксизм рассматривал его как временный класс, часть которого после пролетаризации предполагалось использовать для решения задач новой власти. Реализация этой идеи встретила серьезные трудности в стране, где крестьянство являлось большинством населения. Идея пролетаризации крестьянства не сработала, все попытки примирить его с властью оказались безуспешными. Крестьянство на протяжении всей советской истории проявляло себя как «неудобный» для власти класс.

Интерес историков к поставленной проблеме проявился сравнительно давно. Взаимоотношения государства и крестьянства неоднократно обсуждались в советской исторической и экономической научной литературе. Специальных работ по государственному управлению сельским хозяйством в рассматриваемый период нет, но имеется довольно обширная литература по смежным проблемам, позволяющая использовать накопленный опыт исследования. Проблематика формирования модели отношений советского государства и крестьянства в контексте государственного управления сельским хозяйством находится на стыке двух традиционных направлений историографии: истории крестьянства, истории сельского хозяйства и истории советской государственности. Этим проблемам посвящена обширная исследовательская литература. Ее оценку можно найти в историографических обзорах по истории советского государства [1–2], истории крестьянства и советской аграрной истории [3–4]. Особую группу работ составляют исследования по истории экономических проблем советского сельского хозяйства [5–7].

В современной отечественной литературе происходит переоценка существовавших ранее позиций. С точки зрения изучаемых проблем поворотным моментом стала научная конференция «Крестьяне и власть», которая состоялась в апреле 1995 г. в Тамбове. На конференции выдающийся отечественный историк-аграрник В.П. Данилов впервые апробировал идеи своей концепции «Крестьянская революция в России» [8]. Эти идеи развиваются в работах его учеников и последователей, происходит становление и развитие новых парадигм изучения советской и российской аграрной истории [9–12]. Подробный анализ историографии аграрной проблематики представлен в фундаментальном труде «Аграрная история XX века: историография и источники» [13].

Серьезный вклад в изучение поставленной проблемы вносят зарубежные исследователи [14–18]. Защищаются первые диссертационные работы, анализирующие совместное сотрудничество российских и зарубежных исследователей [19].

Однако становление концептуальных позиций советской власти и прежде всего ее политического лидера в отношении к крестьянству, составлявшему в начале XX в. большинство населения страны, нельзя отнести к числу достаточно хорошо изученных проблем. В статье предпринята попытка проанализировать становление парадигмы отношения Советского государства к крестьянству в условиях начального этапа формирования советской государственности, когда только закладывались основы той системы партийно-государственного взаимодействия, которые впоследствии стали фундаментом и сутью советской государственности. Именно в это время нащупывались пути регулирования такой сложной сферы, какой является аграрное производство, и были заложены многие из тех ошибок, которые впоследствии стали

трагическими для страны. Важно изучить этот феномен, уяснить, что в нем можно развивать, что безнадежно устарело, какие уроки из прошлого опыта необходимо извлечь. С этой точки зрения важно изучить эволюцию ленинских взглядов по отношению как к классическому марксизму, так и к практике государственного строительства, а также определить их влияние на последующее развитие политической линии. Имеет смысл посмотреть на проблему в методологии дискурса, и прежде всего дискурса политического как анализа явных и скрытых политических смыслов становления новой власти. Дискурс-анализ предполагается провести с точки зрения оценки эволюции взглядов В.И. Ленина как ведущего политического лидера страны, позиций партийной и государственной элиты и практики реализации курса коммунистического строительства в аграрной стране.

В связи с поставленной выше целью источником исследования явились труды классиков марксизма, прежде всего К. Маркса, по социальным и экономическим проблемам крестьянства. Важнейшим источником для проведения анализа, предпринятого в работе, стали труды В.И. Ленина. Политической основой деятельности государства по управлению сельским хозяйством стала аграрная концепция большевиков, разработанная преимущественно В.И. Лениным. Кроме того, в работах В.И. Ленина содержится конкретный исторический материал по государственному строительству, проблемам аграрных преобразований и деятельности партийных и государственных органов, управлявших этими процессами. Учитывая характер эпохи, специфику времени, когда развитие событий преимущественно определялось и задавалось направлением политической линии, важное место среди использованных источников занимают документы и материалы коммунистической партии, а среди них – работы ее лидеров.

Уже с первых шагов создания новой государственности в основу ее концепции были положены идеи марксисткой модели общественного устройства. Традиционно принято считать, что марксизм исключал возможность прихода крестьян к социализму иначе, как после их пролетаризации и «экспроприации крупной, все больше и больше концентрирующейся земельной собственности» [20. С. 432]. Как видим, положения, сформулированные в Манифесте коммунистической партии, не оставляли места самостоятельной роли крестьянства, формам его хозяйствования в переустройстве общества.

Однако позиция К. Маркса в аграрном вопросе не была категорически прямолинейной. Размышляя о специфике аграрного производства в третьем томе «Капитала», Маркс пишет: «Мораль истории, которую можно извлечь, рассматривая земледелие… состоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию… которое требует либо руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей» [21. С. 135]. Маркс видит, что в сельском хозяйстве отчуждение труда как характерный порок капитализма имеет катастрофические последствия, так как «подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит последнее убежище ее природная энергия, в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций – в самой деревне» [22. С. 378–379].

Ведущий политический и государственный лидер новой России, фактический глава создаваемого государства В.И. Ленин считал, что верность марксизму необязательно должна отождествляться с полным совпадением взглядов. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую специалисты должны двигать во всех направлениях» [23. С. 184]. Сегодня широко известно несовпадение взглядов К. Маркса и В.И. Ленина на перспективы русской общины. Если Маркс допускал, что современная ему русская общинная собственность может явиться исходным пунктом коммунистического развития [22. С. 167], то Ленин был убежден в утопичности подобных упований и сделал все, от него зависящее, чтобы показать «реакционную» сущность русской крестьянской общины. В работе «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин подверг критике попытки народников истолковать позицию К. Маркса по аграрному вопросу в духе идеи о превосходстве мелкого крестьянского земледелия над крупным [24. С. 323].

В критике народничества для Ленина важно было показать не только несостоятельность, с его точки зрения, их теоретических концепций, но и представить свою позитивную программу. И здесь русские марксисты взяли на вооружение основную идею Манифеста коммунистической партии в отношении крестьянства, идею его пролетаризации. А поскольку неизбежна пролетаризация, крестьянство – временный класс. Он лишь союзник пролетариата на определенном этапе. Поэтому в отношении к нему достаточно определить основные политические установки, выработать тактическую линию, а в специальной подробной социально-экономической программе нет необходимости.

Позиция Ленина объяснима. Основную задачу партии он видел в борьбе пролетариата против буржуазии. Крестьянство в этой борьбе временно, и часть его неизбежно придет в ряды пролетариата: «В деревне мы преследуем две качественно различные цели: во-первых, мы хотим создать свободу буржуазных отношений, во-вторых – вести борьбу пролетариата» [25. С. 283]. Несколько позднее он более четко сформулировал свою позицию и позицию возглавляемой им партии в аграрном вопросе: «Мы сначала поддерживаем до конца, со всеми мерами, до конфискации – крестьянина вообще против помещика, а потом (даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянства вообще. Усчитать сейчас комбинацию сил против крестьянства, на другой день после революции (демократической) – пустая утопия» [26. С. 239–270].

В начале XX в., в период бурного развития капитализма в русской деревне, когда столыпинская реформа сделала неизбежным его ускорение, важным вопросом в партийной полемике становиться вопрос о собственности на землю. От решения его зависел не

только экономический рост, но и прогресс общества в целом. Именно в это время в программе большевиков появляется требование национализации земли. Вопрос о возможной национализации земли в России вызвал бурные споры. Идея обсуждалась в разных кругах и партиях. Можно выделить три основные концепции: муниципализации, раздела и национализации.

Взгляды Ленина по этому вопросу хорошо известны по брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». В отличие от исследователя-аграрника П. Маслова, отстаивающего идею муниципализации земли, Ленин считал необходимой ее национализацию. Аргументы были у обеих сторон. Не углубляясь в спор по экономическим вопросам между Масловым и Лениным, напомним, что Ленин (вслед за Марксом) утверждал, что национализация земли ликвидирует абсолютную ренту и перераспределяет дифференциальную ренту в пользу государства.

В этом плане интересна позиция Г.В. Плеханова, выступившего против ленинского проекта национализации земли. Плеханов рассматривает проект национализации в историческом контексте: «Аграрная история России более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий... У нас дело сложилось так, что земля вместе с крестьянами была закрепощена государством, и на основании этого закрепощения развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, нужно устранить его экономическую основу. Поэтому я против национализации… Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы» [27. С. 59–60]. Вывод Г.В. Плеханова о том, что земля в России принадлежала государству, не имеет под собой серьезного основания. Это теоретическое предположение, не более. Сейчас хорошо известно, что земля в России была предметом купли-продажи для всех сословий с древних времен, и тому подтверждение – тысячи сохранившихся актов, фиксировавших поземельные сделки. Следует сказать, что хотя Ленин, как и Плеханов, не изучал историю профессионально, однако его представления об аграрном строе феодальной России были более реалистичными. В частности, Ленин скептически относился к идеям национализации земли и «государственного феодализма» в допетровской России [28. С. 14].

Острая полемика по вопросу о собственности на землю в начале XX в. показала, что аграрный вопрос во время первой российской революции социал-демократией России был разработан недостаточно.

Этот вопрос начинает активно обсуждаться вновь в апреле 1917 г. В новых условиях идея о национализации земли соединяется уже с идеей революционной диктатуры, что придавало предполагаемой национализации иной смысл: «Национализация всех земель в собственность центральной государственной власти. Все распоряжение землей, все определение местных условий владения и пользования в руках местных советов крестьянских депутатов» [29. С. 166].

В противоположность сторонникам Временного правительства, предлагавшим жесткие меры за «самоуправство» в связи с охватившими деревню самочинными крестьянскими захватами помещичьих имений, большевики советовали крестьянам «брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества» [29. С. 422]. Большевики оказались единственной партией, которая «благословила» крестьянское движение снизу на насильственный захват помещичьих земель. По существу же большевистская позиция по аграрному вопросу оставалась прежней. Выступая в мае 1917 г. на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, Ленин разъяснял: «Хозяйство на отдельных участках, хотя бы и вольный труд на вольной земле, – это не выход из ужасного кризиса… Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах» [30. С. 188].

Как видим, отдавая предпочтение чисто политической стороне дела, большевики даже накануне взятия государственной власти не осознавали необходимости разработки аграрной социально-экономической программы социализма. Имея только основополагающие установки, РСДРП вступала в бурные события революционных преобразований. Не случайным поэтому стало обращение большевиков к эсеровской аграрной программе. В результате первый советский аграрный закон стал компромиссом между целями большевиков и левых эсеров.

Декрет о земле провозглашал уничтожение частной собственности на землю. Все помещичьи, монастырские, церковные и удельные земли передавались «в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания». Что касается конкретного осуществления этих мероприятий, то в Декрет о земле был целиком и без изменений включен выдвинутый эсерами в августе 1917 года «Примерный наказ». Поспешность принятия Декрета о земле обусловила определенную искусственность соединения двух его частей, где не были устранены противоречия. Текст декрета, написанный Лениным, оставлял решение вопроса о компенсации на усмотрение Учредительного собрания. Примерный наказ был за конфискацию без компенсации. Ленин охарактеризовал Примерный наказ как «выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России» [31. С. 23]. Это был «один из самых умных политических шагов Ленина, если рассматривать его как средство завоевания популярности среди крестьянства как основной массы российского населения или как прелюдию координированным действиям, направленным на то, чтобы расколоть и ослабить эсеров как основную политическую силу в российской деревне» [32. С. 432].

Декрет о земле при конкретном соотношении политических сил и развитии событий фактически создавал условия для национализации земли. Вопрос ее содержания: была ли эта национализация социалистической? Думается, прав В.В. Кабанов, который, оценивая утверждение Ленина о возможности реальных шагов к социализму в деревне уже летом 1918 г., считает этот вывод преждевременным и утопическим для того периода времени [33. С. 37].

Взгляды В.И. Ленина в аграрно-крестьянском вопросе во время революции и в первые месяцы после

нее характеризуются прежде всего противоречивостью, отражающей стремление поиска конкретных путей строительства социализма в крестьянской стране. В Декрете о земле Ленин исходил из того, что необходимо «предоставить полную свободу творчества народным массам», и выражал «полную готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения» [31. С. 27]. Позднее акцент смещается в сторону управления сверху, продиктованного желанием «встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы» [34. С. 201]. А уже весной 1918 г. он без колебаний произносит: «Революция требует беспрекословного повиновения единой воле руководителей трудового процесса» [34. С. 200]. Известно, что Ленин неоднократно высказывался против насилия над крестьянами и командных методов в экономике вообще. В то же время он допускал применение жестких способов борьбы против «отсталости» крестьянства. Он утверждал, чтобы ввести социализм, следует «учиться государственному капитализму немцев», при этом не нужно жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание… не останавливаясь перед варварскими методами борьбы против варварства» [34. С. 301]. В этих условиях и сложилось представление о том, что принуждение – самая подходящая мера для «темного» крестьянства.

Идея Манифеста коммунистической партии о пролетаризации крестьянства снизу развитием капитализма не сработала в новых условиях. По крайней мере потребовалось бы значительное время для развития этой тенденции естественным путем. Возникла необходимость иного подхода к крестьянству. И он был продиктован не столько теорией, сколько конкретно складывающимися обстоятельствами, условиями хозяйственной жизни, стремлением удержаться у власти.

На полученной крестьянами помещичьей земле еще не было собрано ни одного урожая. Остававшийся к весне 1918 г. у крестьян хлеб получить в порядке купли-продажи не могли, так как это противоречило принципам социализма, отменяющим товарно-денежное хозяйство. Приобрести его в порядке продуктообмена на промышленные товары (керосин, соль, спички, мелкий хозяйственный инвентарь и т.п.) было невозможно из-за их отсутствия. Именно весной начинают раздаваться голоса о переходе на практике к социалистическому строительству в деревне.

Из ложного вывода, что «задачи буржуазно-демократических преобразований» были решены к лету 1918 г., последовал следующий ошибочный шаг: постановка для деревни «задач социалистического характера». Такой подход нашел отражение в плане большевиков осуществить коллективизацию крестьянского хозяйства за три года. Именно в это время родилась идея, что сельскохозяйственная коммуна или артель – носитель групповой собственности – является всего лишь переходной формой к совхозу. В последующие годы упрочился взгляд, что колхозы – явление временное, обусловленное недостаточной развитостью производительных сил, а представление о совхозах трансформировалось в идеализацию «высшей», «последовательно социалистической» формы сельского хозяйства.

Особенно остро дискуссия по этому вопросу разгорелась на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 г. На основе его материалов было разработано Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода государства к социалистическому земледелию, утвержденное ВЦИК в феврале 1919 г. Активное участие в подготовке этого документа принял В.И. Ленин, включенный в комиссию по разработке Положения по предложению наркома земледелия С.П. Середы. Неудачно составленное юридически, Положение было воспринято на местах как указание насаждать социализм в деревне. Изъятие у крестьян переданной им помещичьей земли под совхозы и коммуны вызывало трения между советской властью и крестьянами. Кое-где происходило насильственное объединение крестьян в коммуны. Раздававшиеся время от времени призывы Ленина к постепенности и переходным мерам, особенно в деревне, не находили понимания.

Что это, реализация концепции «огосударствления крестьянства»? Как оценить происходившие события?

Обратимся к ленинскому проекту программы партии, написанному в марте 1918 г. Ленин предлагает здесь «социалистическую организацию производства в общегосударственном масштабе», «принудительное объединение всего населения в потребительско-производственные коммуны», «замену индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей» [34. С. 72, 74–75]. Как представляется, эта модель общественного устройства не ассоциировалась у Ленина с планом «огосударствленного» социализма по следующим причинам: во-первых, предполагалось, что государство утратит свои традиционные характеристики, во-вторых, предполагаемая модель должна была базироваться, по мнению Ленина, на *мощной обратной связи* (курсив мой. – *Н.Н.*), парализующей мертвящее воздействие государственных структур.

В этой обратной связи и суть дела. Указанные выше построения противоречили интересам крестьян – быть хозяином на своей земле и свободно распоряжаться результатами своего труда. Политика непосредственного вмешательства в крестьянскую экономику и, прежде всего, насильственное отчуждение продукта крестьянского труда неизбежно приводили к разрыву этой обратной связи. В 1918 г. действия комбедов, чрезвычайных комиссий и «троек» нередко провоцировали возмущение крестьян, недовольных актами насилия, произвола и беззакония. К весне 1919 г. они поставили советскую власть на грань политического и военного кризиса.

В.И. Ленин шаг за шагом начинает пересматривать свои позиции по отношению к крестьянству. Это особенно проявилось в период разработки программы РКП(б), ее редактирования и выработки резолюции VIII съезда партии «Об отношении к среднему крестьянству». В этих документах съезд признает, «что в настоящий момент имеет значение более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со

стороны местных властей и стремление к соглашению с ним. Тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества со средним крестьянством» [35. С. 78]. Однако Программа РКП(б), принятая съездом, все еще ориентировала на строительство социализма без купли-продажи в крестьянском хозяйстве, без эквивалентно-возмездных отношений в экономике. Да и сам Ленин в отношении крестьянства еще не до конца освободился от положений Манифеста.

Более активно позиция Ленина меняется в ходе политического кризиса 1921 г. и отмены политики «военного коммунизма». Возник вопрос: что делать? Эксперименты военного времени были отброшены жизнью. В своих последних статьях Ленин предложил то, что Н.И. Бухарин назвал его «политическим завещанием». В этих работах Ленин выступает как реформатор. Он рассматривает создание социалистического общества в России как длительный процесс строительства социализма с многомиллионными крестьянскими массами, которые «нельзя прогнать», с «которыми надо ужиться», «которых надо вовлечь в социалистическое строительство». Ленин приходит к выводу, что социализм – это система цивилизованных кооператоров. Это был, несомненно, крупный поворот в его взглядах на социализм, крестьянство и механизмы реализации его интересов. И произошел он не в связи с введением нэпа, а с учетом двухлетнего опыта этой политики, в результате глубокого переосмысления места и роли крестьянства. В период перехода к нэпу Ленин видел в крестьянине лишь мелкого буржуа, а его кооперирование как собственника, как хозяина относил к разновидности госкапиталистической формы хозяйствования. И лишь спустя полтора года он сделал новый и самый крупный поворот в своей позиции, признав возможность согласования и соединения интересов хозяев, собственников крестьянских хозяйств с интересами социализма [36. С. 370].

Сегодня трудно предположить, куда бы ушла ленинская мысль. Но, думается, поспешно поступают те исследователи и публицисты, которые отождествляют ленинскую концепцию о строе цивилизованных кооператоров с крестьянской теорией А.В. Чаянова. В «Указателе литературных работ и источников, цитируемых и упоминаемых В.И. Лениным» к полному собранию его сочинений нет ни одной отсылки к работам ведущих экономистов русской аграрной школы А.Н. Челинцева, Н.П. Макарова, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева. При этом следует отметить, что в дореволюционные годы Ленин бурно спорит с П.Л. Масловым, экономистами народнического направления В.П. Воронцовым, Н.Д. Даниэльсоном, В.А. Косинским др. И вопрос здесь не в том, во всяком случае, не столько в том, использовал ли В.И. Ленин труды А.В. Чаянова и других ведущих экономистов того времени при разработке своей аграрной концепции. Вопрос в принципе, в позиции, в «точке отсчета». А они у Ленина и Чаянова различны [37].

Как видим, концепция отношения Советского госу-дарства к крестьянству, включавшая в качестве основы взгляды на крестьянство и его будущее ведущего политического лидера страны В.И. Ленина, с течением лет многократно менялась, уточнялась, конкретизировалась на каждом новом витке истории. Проведенный анализ показывает, что было бы ошибкой представлять аграрную парадигму советской власти в виде некоего концептуального монолита. Нет оснований отождествлять взгляды В.И. Ленина и К. Маркса по вопросам отношения к крестьянству. Нельзя также отождествлять марксистский подход к крестьянству с последующим «развитием» аграрной теории в Советской России.

Вульгаризация, упрощение аграрной концепции Маркса в практике управления сельским хозяйством привели к курсу на создание такой системы аграрного производства, которая облегчила бы централизованное планирование и быстрое осуществление крупных инженерно-экономических мероприятий в масштабах сельского хозяйства всей страны. Сплошная коллективизация в наиболее сконцентрированном виде отразила внедрение этой концепции в практику организации сельскохозяйственного производства. С 1950-х гг. происходит укрупнение колхозов и возникает тенденция к последующей постепенной замене их сельскохозяйственными предприятиями, основанными на наемном труде. С этим же курсом связаны взятые на вооружение в 1970-е гг. установка на строительство аграрных городов и идея определения многих деревень как «неперспективных». В последующем было утверждено положение о слиянии двух форм собственности. Эта концепция настолько прочно утвердилась во всех сферах общественной жизни, что иная точка зрения, отстаивающая многообразие форм хозяйствования на селе, до конца XX в. не принималась всерьез. В течение всего периода советской истории крестьянство оказывалось «неудобным» для власти классом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября (1917 – середина 30-х годов): очерки. М. : Наука, 1981. 368 с.
2. Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930–1960-е гг.: очерки. М. : Наука, 1982. 384 с.
3. Данилов В.П. Основные итоги и направления изучения советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества. М. : Наука, 1971. С. 212–246.
4. Погудин В.И. Путь советского крестьянства к социализму: историографический очерк. М. : Мысль, 1975. 276 с.
5. Фигуровская Н.К. Аграрные проблемы в советской экономической литературе 20-х годов. М. : Наука, 1978. 258 с.
6. Фигуровская Н.К. Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х – 30-е годы. М. : Наука, 1983. 384 с.
7. Маневич В.Е. История развития советской экономической мысли в 20-е годы (основы концепции) // Вопросы экономики. 1989. № 10. С. 46–74.
8. Крестьяне и власть : материалы конференции / Тамбов. гос. техн. ун-т; Моск. высш. шк. соц. и эконом. наук. Москва ; Тамбов, 1996. С. 4–23.

9. Носова Н.П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917–1929). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. 345 с.
10. Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный». Феномен крестьянского бунтарства 1917–1922 годов. М. : НДП Медиа, 2003.
11. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М. : РОССПЕН, 2009.
12. Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М. : Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.
13. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара : Самар. ун-т, 2014. 486 с.
14. Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton : Princeton University Press, 1974. 127 p.
15. Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford : Oxford University Press, 1972. 253 p.
16. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. М. : Весь мир, 1997. 560 с.
17. History of the Russian peasantry in the 20th Century. Tokyo, 2002. Vol. 1. 152 p.
18. History of the Russian peasantry in the 20th Century. Tokyo, 2004. Vol. 2. 157 p.
19. Конанорова Е.А. Международные научные проекты по аграрной истории России (конец XX–XXI вв.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2007.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Сочинения : в 50 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Общая иллюстрация: хлопковый кризис 1861–1865 гг. // Сочинения : в 50 т. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 25, ч. 1. Гл. 6 : Влияние изменения цен. С. 117–149.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Издольное хозяйство и крестьянская парцеллярная собственность // Сочинения : в 50 т. М. : Госполитиздат, 1962. Т. 25, ч. 2. Гл. 47 : Генезис капиталистической земельной ренты. С. 344–379.
23. Ленин В.И. Наша программа // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 4: 1898 – апрель 1901. М. : Госполитиздат, 1971. С. 182–186.
24. Ленин В.И. Продолжение. Община. Взгляды Маркса на мелкое земледелие. Мнение Энгельса о современном сельскохозяйственном кризисе // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 3 : Развитие капитализма в России. М. : Госполитиздат, 1975. Гл. 4 : Рост торгового земледелия. С. 320–328.
25. Ленин В.И. Из экономической жизни России // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 6 : январь – август 1902. М. : Госполитиздат, 1972. С. 281–291.
26. Ленин В.И. Пересмотр аграрной программы рабочей партии // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 12 : октябрь 1905 – апрель 1906. М. : Госполитиздат, 1972. С. 239–270.
27. Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М. : Госполитиздат, 1959. С. 59–60.
28. Ленин В.И. Доклад об объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим) // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 13 : май – сентябрь 1906. М. : Госполитиздат, 1972. С. 1–66.
29. Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии) // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 31 : март – апрель 1917. М. : Госполитиздат, 1974. С. 149–186.
30. Ленин В.И. I Всероссийский Съезд крестьянских депутатов 4–28 мая (17 мая – 10 июня) 1917 г. // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 32 : май – июль 1917. М. : Госполитиздат, 1974. С. 163–189.
31. Ленин В.И. К гражданам России. Рабочим, солдатам и крестьянам! Доклад о земле 26 октября (8 ноября) // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 35 : октябрь 1917 – март 1918. М. : Госполитиздат, 1969. С. 1–34.
32. Карр Э. История Советской России. Кн. 1, т. 1–2 : Большевистская революция 1917–1923. М. : Прогресс, 1990. 763 с.
33. Кабанов В.В. Национализация земли в СССР: проблемы и перспективы // Тезисы 1 международной конференции философов, социологов, историков, экономистов, ученых-аграрников и практиков сельского хозяйства. Москва, 18–24 июня 1990 г. М., 1990.
34. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 36 : март – июль 1918. М. : Госполитиздат, 1977. С. 165–208.
35. Резолюции и постановления съезда. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 2 : 1917–1922. М. : Политиздат, 1983. С. 7–116.
36. Ленин В.И. О кооперации // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 45 : март 1922 – март 1923. М. : Политиздат, 1982. С. 369–377.
37. Носова Н.П. Государство и крестьянство Советской России. Поиск модели взаимодействия (анализ дискуссий 1920-х гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 3. С. 165–182.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 февраля 2017 г.

THE "AWKWARD CLASS". FORMATION OF THE SOVIET PEASANT PARADIGM AS A POLITICAL DISCOURSE OF POWER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 121–127.
DOI: 10.17223/15617793/417/17
Natalia P. Nosova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nosova-np@mail.ru
Keywords: state regulation; agriculture; peasant household; Soviet state; state paradigm; political discourse.

The article is devoted to the formation of the peasant paradigm shift in the conditions of the establishment of the Soviet state. The problem is considered in the methodology of political discourse as an analysis of explicit and implicit meanings of the formation of the new government. The discourse analysis has been performed in terms of assessing the evolution of views of Lenin as the major political leader of the country, from the position of the party and state elite and the practice of implementing the policy of communist construction in an agrarian country. Considering the specificity of the time, when the course of events was defined and set mainly by the direction of the political line, a prominent place among the used sources belongs to Lenin's works and materials of the Party and government. An important section of information is provided by the material free of political influence from the works of the Russian Economic School Agricultural Scientists. The analysis shows that it would be wrong to represent the agrarian paradigm of the Soviet power in the form of a conceptual monolith. There is no reason to equate the views of Lenin and Karl Marx on the questions of attitudes to the peasantry. In addition, Lenin's views on the peasants and their future were repeatedly changed, refined and specified over the years, at every new turn of history. The material analyzed in the article allows to show that the formation of the Soviet concept of attitudes to the peasantry took place in a complex environment of intense destruction of the old social system and the creation of economic mechanisms that met the political model of the new system. Gradually, based on the principles determined in the course of practical realization of the idea of creating a new economy, the policy, which is often in conflict with reality, was formed. This search was difficult and painful. The analysis of the formation of the state's peasant paradigm showed a number of possible options for development. The most preferable path turned out to be the strengthening of the governmental control in all the social spheres, especially among the "inconvenient" peasants, who were often a threat to the ruling party.

REFERENCES

1. Gorodetskiy, E.N. (1981) *Sovetskaya istoriografiya Velikogo Oktyabrya (1917 – seredina 30-kh godov): ocherki* [Soviet historiography of the Great October Revolution (1917 - the middle of the 1930s: essays)]. Moscow: Nauka.
2. Gorodetskiy, E.N. (1982) *Istoriograficheskie i istochnikovedcheskie problemy Velikogo Oktyabrya. 1930–1960-e gg.: ocherki* [Historiography and source study problems of the Great October Revolution. The 1930s–1960s: essays]. Moscow: Nauka.
3. Danilov, V.P. (1971) Osnovnye itogi i napravleniya izucheniya sovetskogo krest'yanstva [Problems of the Agrarian History of Soviet Society]. In: Kim, M.P. (ed.) *Problemy agrarnoy istorii sovetskogo obshchestva* [The main results and directions of studying the Soviet peasantry]. Moscow: Nauka.
4. Pogudin, V.I. (1975) *Put' sovetskogo krest'yanstva k sotsializmu: istoriograficheskiy ocherk* [The way of the Soviet peasantry to socialism: a historiographical sketch]. Moscow: Mysl'.
5. Figurovskaya, N.K. (1978) *Agrarnye problemy v sovetskoy ekonomicheskoy literature 20-kh godov* [Agrarian problems in the Soviet economic literature of the 1920s]. Moscow: Nauka.
6. Figurovskaya, N.K. (1983) *Razvitie agrarnoy teorii v SSSR. Konets 20-kh – 30-e gody* [The development of the agrarian theory in the USSR. The end of the 1920s–1930s]. Moscow: Nauka.
7. Manevich, V.E. (1989) Istoriya razvitiya sovetskoy ekonomicheskoy mysli v 20-e gody (osnovy kontseptsii) [he history of the development of Soviet economic thought in the 1920s (the basis of the concept)]. *Voprosy ekonomiki*. 10. pp. 46–74.
8. Tambov State Technical University. (1996) *Krest'yane i vlast': materialy konferentsii* [Peasants and power: conference proceedings]. Moscow; Tambov: Tambov State Technical University. pp. 4–23.
9. Nosova, N.P. (1993) *Upravlyat' ili komandovat'? Gosudarstvo i krest'yanstvo Sovetskoy Rossii (1917–1929)* [To govern or command? The state and the peasantry of Soviet Russia (1917–1929)]. Moscow: Moscow State University.
10. Telitsyn, V.L. (2003) *"Bessmyslennyy i besposhchadnyy". Fenomen krest'yanskogo buntarstva 1917–1922 godov* ["Senseless and merciless". The phenomenon of peasant rebellions of 1917–1922]. Moscow: NDP Media.
11. Kondrashin, V.V. (2009) *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoy voyne: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The peasantry of Russia in the Civil War: the question of the origins of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN.
12. Rogalina, N.L. (2010) *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii XX veka* [The power and the agrarian reforms in Russia in the 20th century]. Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven'.
13. Kabytov, P.S. (ed.) (2014) *Agrarnaya istoriya XX veka. Istoriografiya i istochniki* [Agrarian history of the 20th century. Historiography and sources]. Samara: Samara State University.
14. Lewin, M. (1974) *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*. Princeton: Princeton University Press.
15. Shanin, T. (1972) *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford: Oxford University Press.
16. Shanin, T. (1997) *Revolyutsiya kak moment istiny. 1905–1907–1917–1922* [Revolution as a moment of truth. 1905–1907–1917–1922]. Moscow: Ves' mir.
17. Okuda, H. (2002) *History of the Russian peasantry in the 20th Century*. Vol. 1. Tokyo.
18. Okuda, H. (2004) *History of the Russian peasantry in the 20th Century*. Vol. 2. Tokyo.
19. Konanorova, E.A. (2007) *Mezhdunarodnye nauchnye proekty po agrarnoy istorii Rossii (konets XX–XXI vv.)* [International academic projects on the agrarian history of Russia (the end of the 20th–21st centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Penza.
20. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols]. Translated from German. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. pp. 419–459.
21. Marx, K. & Engels, F. (1961) *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols]. Translated from German. Vol. 25. Part 1. Moscow: Gospolitizdat. pp. 117–149.
22. Marx, K. & Engels, F. (1962) *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols]. Translated from German. Vol. 25. Part 2. Moscow: Gospolitizdat. pp. 344–379.
23. Lenin, V.I. (1971) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. pp. 182–186.
24. Lenin, V.I. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. pp. 320–328.
25. Lenin, V.I. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 6. Moscow: Gospolitizdat. pp. 281–291.
26. Lenin, V.I. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 12. Moscow: Gospolitizdat. pp. 239–270.
27. Gospolitizdat. (1959) *Chetvertyy (ob"edinitel'nyy) s"ezd RSDRP. Protokoly* [The Fourth (Unity) Congress of the Russian Social Democratic Labour Party. Protocols]. Moscow: Gospolitizdat.
28. Lenin, V.I. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 13. Moscow: Gospolitizdat. pp. 1–66.
29. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 31. Moscow: Gospolitizdat. pp. 149–186.
30. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 32. Moscow: Gospolitizdat. pp. 163–189.
31. Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 35. Moscow: Gospolitizdat. pp. 1–34.
32. Carr, E. (1990) *Istoriya Sovetskoy Rossii* [History of Soviet Russia]. Book 1. Vols 1–2. Moscow: Progress.
33. Kabanov, V.V. (1990) [Nationalization of the land in the USSR: problems and prospects]. *Theses of the 1st international conference of philosophers, sociologists, historians, economists, agricultural scientists and agricultural practitioners*. Moscow. June 18–24, 1990. Moscow.
34. Lenin, V.I. (1977) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 36. Moscow: Gospolitizdat. pp. 165–208.
35. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1983) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses and plenums of the Central Committee]. Vol. 2. Moscow: Politizdat. pp. 7–116.
36. Lenin, V.I. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: in 55 vols]. Vol. 45. Moscow: Politizdat. pp. 369–377.
37. Nosova, N.P. (2016) Gosudarstvo i krest'yanstvo Sovetskoy Rossii. Poisk modeli vzaimodeystviya (analiz diskussiy 1920-kh gg.) [The state and the peasantry of Soviet Russia. Search for the model of interaction (analysis of discussions in the 1920s)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Tyumen State University Herald. Humanitarian Research. Humanitates*. 2:3. pp. 165–182.

Received: 24 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 128–131. DOI: 10.17223/15617793/417/18

УДК 93/94

В.П. Пашин

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КАЗАЧЬЕЙ ГРУППЫ ГЕНЕРАЛА Ф.Л. ГЛЕБОВА

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов фондов Центрального архива службы внешней разведки РФ рассматривается организационная и политическая деятельность одного из лидеров белой эмиграции на Дальнем Востоке – генерала Ф.Л. Глебова. Анализируемые документы показывают, что жизнь белой гвардии и казаков в эмиграции превратилась в выживание и борьбу за существование, а конечный результат их деятельности оказался ничтожным и напрасным. Делается вывод, что белая эмиграция была далеко не единой во взглядах и действиях по отношению к советской власти в России. При более гибкой политике Советского государства ее антисоветская деятельность могла быть значительно минимизирована.

Ключевые слова: Дальний Восток; генерал Глебов; казаки; белая эмиграция; диверсии.

В настоящее время история белого движения становится популярной в отечественной историографии. Но стремление «объединить» раскол 1917–1920 гг. нередко приводит к излишним теоретизированиям в отношении конкретных событий Гражданской войны и последующих фактов из жизни белой эмиграции. Так, Ю.Н. Ципкин [1. С. 33–45] подвергает сомнению (и вполне обоснованно), что изучение теории альтернатив в истории, исследование вопроса о перспективах единства белого движения есть доказывание того, чего на практике фактически не было.

Но в истории отсутствует сослагательное наклонение – «что было бы, если...». В этом ракурсе автору ближе точка зрения В.Ю. Соколова [2. С. 5], утверждающего, что одна из особенностей отечественной историографии заключается в отсутствии анализа судеб отдельных личностей. Исходя из данного посыла, в статье делается попытка показать отрезок жизни белого генерала Глебова в эмиграции на Дальнем Востоке. Даже в современных условиях страницы научно-исследовательской и популярной литературы крайне скудны в отношении указанного персонажа. В основном повторяются краткие биографические данные. Практически отсутствует информация о деятельности Фёдора Львовича Глебова в период его эмиграции в Китае.

В гражданской войне любого государства весомей, как правило, правда победителей. Это в полной мере относится и к российским событиям 1918–1920 гг. Здесь обе стороны сражались не только за личные интересы и материальные выгоды, но и за идеи, программные установки партий. Обе стороны через вооруженную борьбу пытались доказать и утвердить собственное видение будущего устройства России.

После поражения в Гражданской войне 1918–1920 гг. часть рядовых участников белого движения, вынужденных эмигрантов, желали вернуться на Родину. Однако враждебные советской России государства Европы, Америки и Азии не желали «мира и успокоения», стремились свергнуть укрепляющийся советский государственный режим, целенаправленно проводили пропагандистскую, организационную и материально-финансовую работу, направленную на разжигание ненависти эмигрантов к Советской России. Из их среды организовывали террористические группы, которые забрасывали на территорию России. Пропагандировали идеи, что вернувшихся на Родину белоэмигрантов неизбежно ждут концлагеря, смертная казнь и т.д.

Пропагандистская кампания в белоэмигрантской среде имела определенный успех, поскольку основывалась не только на вымыслах, но и на реальных фактах. Месть победителей в отношении побежденных имела место. Доказательством этому может служить следующий факт. В 1923 г. на сторону советской власти добровольно перешел генерал Иван Матвеевич Зайцев [3. Л. 95–97, 98–101]. В Москву он был переправлен через посольские каналы. Бывший генерал Генерального штаба имел продолжительный служебный и административный стаж работы, знал несколько иностранных языков. Перед отправкой в Москву генерал написал множество писем-обращений к солдатам и казакам, которые активно использовались большевистскими представительными органами для агитации в дальневосточных государствах, имея определенный успех в белоэмигрантских кругах.

В переписке с советским представительством И.М. Зайцев сообщал, что лично знает ещё несколько высокопоставленных офицеров, желающих под определенные гарантии вернуться на Родину. Генерал утверждал, что они готовы были даже уничтожить своих руководителей, «некоторых несочувствующих», и вернуться в Советскую Россию на трех пароходах генерала Глебова. Эмигранты просили только об амнистии со стороны победителей и получении денежного пособия для обзаведения хозяйственным инвентарем или же приеме на службу. Как видим, требования были самыми минимальными.

Слова И.М. Зайцева о желании вернуться на Родину со стороны высших офицеров, а тем более рядовых, имели под собой реальную почву. Например, в марте 1925 г. генерал-майор атаман Анисимов увел пароход «Монгутай» и всё находящееся на нём имущество в Советскую Россию. Одновременно с ним прибыли 54 младших офицерских чина и рядовых [2. Л. 57–59]. Подобных лиц было немало. В эмигрантской среде они давно отошли от любой политической деятельности, честным трудом зарабатывая себе на хлеб. Вне сомнения, случай с пароходом «Монгутай» высоко поднял авторитет советского генконсульства в Шанхае.

Однако после прибытия в Москву и зачисления в резерв по высшему командному составу при Управлении РККА И.М. Зайцев был вскоре в спешном по-

рядке уволен. Подобное увольнение и отношение Советского государства к выполнению взятых на себя обязательств также широко освещалась в белогвардейской среде, уже с негативной стороны.

Но были и такие офицеры белой эмиграции, которые активно сотрудничали с иностранными разведками как в индивидуальном порядке, так и организованными группами. Одной из подобных групп являлась организация генерал-лейтенанта Фёдора Львовича Глебова, официально носившая название «Дальневосточная Казачья группа». Она была сформирована из остатков войск Владивостокского Временного правительства и эвакуированных из Владивостока в Корею в августе 1922 г. казаков. В Корее она была взята на содержание японским правительством. «Содержание» – слишком громкое слово: им было выделено 100 тыс. йен. Члены отряда, чтобы выжить, занимались в Корее самой черновой работой – рытьём оросительных каналов, извозным промыслом, выполнением разовых видов работ. Невыносимые условия жизни заставили их перебраться в Шанхай – крупный центр белой эмиграции. Сохранение сплочённой военной организации позволило Глебову быстро занять видное место в среде белой эмиграции. Необходимо отметить, что здесь уже имелись организованные боевые единицы: Забайкальское казачье войско численностью 275 сабель во главе с генералом Эповым; Оренбургское казачье войско численностью 200–225 сабель во главе с заместителем войскового атамана генералом Анисимовым; Уссурийское казачество во главе с генералом Савельевым (около 100 человек). Однако называть их в полной мере организованными боевыми единицами не совсем корректно. Их, скорее, объединяло не воинское товарищество, а чуждая, часто враждебная обстановка, а также общая участь эмигрантов – отсутствие видимой перспективы возвращения на Родину.

В любом случае, из 7 000 беженцев в Шанхае более или менее организованную группу представлял отряд Глебова численностью свыше 600 человек [2. Л. 105]. Их организованности способствовал и тот факт, что основная часть группы проживала на кораблях. Помимо оружия у Глебова имелись еще суда – «Охотск», «Монгутай» (впоследствии был возвращен в СССР) и «Защитник». Подобная группировка, подчиненная только одному человеку, позволяла Глебову выделяться в общей массе юеженцев. По существу, это была единственная организованная, сплоченная военной дисциплиной и достаточно неплохо вооруженная сила белогвардейцев.

Денежных средств, выдаваемых японским правительством на содержание вооруженной группировки Глебова, явно не хватало. Поэтому Глебов, не бросая своих подчиненных на произвол судьбы, стал распродавать не только имущество с пароходов, но и сами пароходы. Продавались оружие, автомобиль и автомобильные моторы, моторная лодка, киноаппараты. А в ноябре 1924 г. за 15–18 тыс. долл. США был продан и пароход «Защитник».

Полученные от распродажи имущества и вооружения финансовые средства некоторое время поддерживали существование организованной группировки и позволяли Глебову сохранять собственный авторитет в отряде. Однако деньги тратились не только на содержание боевой группировки, но и на реализацию политических и личных амбиций генерала. Шикарно (по меркам того времени) проживая на суше, Глебов экономно вел хозяйство группы. Например, в целях экономии денежных средств даже вода привозилась не с суши, а с мест стоянки кораблей, для очистки ее пропускали через квасцы. При этом следует отметить, что автор не выявил в архивах конкретных фактов «роскошествования» Глебова. Советские донесения бездоказательно, без приведения конкретных фактов приписывали ему «роскошь жития». Но в чем это выражалось – не указывалось.

Значительные суммы от распродажи имущества Глебов тратил на реализацию собственных идей по объединению всех белоэмигрантских казачьих частей и, в конечном итоге, свержению советской власти. Так, в 1924 г. вышел первый номер газеты «Россия», являвшейся официальным рупором идей Глебова [2. Л. 29]. Редактором газеты был Н.В. Колесников – ярый монархист. Газета писала не о правах и интересах русских в Шанхае, их бедственном положении, а в основном рисовала фантастические картины насильственного свержения советской власти и восстановления монархии в России.

Обладая незаурядными организаторскими способностями и желая выйти из зависимости вышестоящего казачьего руководства, Глебов в апреле 1924 г. создает так называемый Совет войсковых атаманов Казачьих войск. Конечной своей целью Совет ставил объединение в одну казачью организацию выборного представительства казачьих войск Сибири, Урала и Дальнего Востока, консолидировав все антибольшевистские силы для борьбы с Советской Россией под руководством Великого князя Николая Николаевича (на совещании в Шанхае были представители сибирских, оренбургских, енисейских, забайкальских и семиреченских казаков) [2. Л. 121].

Намеченная программа была достаточно эклектична. Несмотря на задачу восстановления монархического государственного строя, предполагались равенство всех граждан перед законом, упразднение классовых привилегий, восстановление права частной собственности. Что-то было взято от царской России, что-то – от советской, что-то – из буржуазных идей. Подобные эклектичные принципы не вызвали большого энтузиазма в казачьих кругах. Слишком много было неопределенности и недосказанности в принимаемом документе.

Расположенные в других городах, прежде всего в Харбине, казачьи группировки отказались от вхождения в создаваемое объединение и подчинения Совету. Даже Шанхайские монархические общества отказывались не только от объединения, но и от совместного сотрудничества.

Не имея средств для мощной агитационной кампании, Совет не смог достигнуть положительных результатов по объединению всех военных монархических группировок. Его роль и значение очень быстро «сошли на нет». Подобный политический крен в сторону восстановления монархии в России вместе с распространяемыми большевиками слухами о при-

своении денег генералом Глебовым, настойчиво пропагандировшиеся в казачьей среде, имели некоторый успех. Казаки обратились с письмом к атаману Г.М. Семенову, который в конце 1924 г. издал приказ об отстранении Глебова от командования и назначении вместо него генерала Анисимова.

Приказ атамана Г.М. Семенова вызвал окончательный раскол в казачьей среде группы Глебова. Лично Глебов приказу не подчинился, но вынужден был «поделиться» имуществом. К Ф.Л. Глебову отошли пароходы «Охотск» и «Защитник», а к Н.С. Анисимову (атаману Оренбургского казачьего войска) – пароход «Монгутай» [2. Л. 174–175].

Выданные японским правительством денежные средства следовало отрабатывать. Начинается активная диверсионная деятельность казаков из отряда Глебова. Первоначально отряд осуществлял провокации и диверсии в приграничной полосе Приморья. Но действовал он крайне неудачно, местное население его практически не поддерживало. Группировка была рассеяна и ликвидирована советскими приграничными частями.

После неудач в Приморье Глебов пытается принять участие в создании и развитии партизанского движения на Амуре и в Забайкалье. Памятуя первые неудачные попытки постоянного действия на территории Советской России в Приморье, Глебов изменяет тактику. Теперь он пытается совершать эпизодические набеги на советскую территорию, главным образом на золотые прииски. Речь уже не велась о подъеме местного населения против советской власти. Уже отсутствует в отряде пропагандистская литература, распространяемая среди жителей Советской России. Отныне главной целью бандитских вылазок становилось обогащение участников набегов за счет имевшегося на золотых приисках золота. Нередко адреса золотых приисков указывали их бывшие владельцы, они же являлись и проводниками.

Но и это направление деятельности большого успеха не имело, и отряды в скором времени прекратили своё существование. Крупные золотые прииски имели хорошо вооруженную охрану, а местное население своевременно сообщало о появлении вооруженных людей в той или иной местности.

Желая сохранить своё положение в белоэмигрантской среде, генерал Глебов пытается «присоединиться» к службе в китайских войсках, втягиваясь таким образом во внутриполитический конфликт в Китае. Но его переговоры с командованием армии У-Пэй-Фу (проамериканским и проанглийским ставленником) оказались безрезультатными. Подобные метания (отказ от поддержки японской политики в Китае и переход на сторону английской политики) окончательно подорвали авторитет Глебова и его организации – Дальневосточной казачьей группировки.

Остатки группы в 1927 г. были определены Глебовым на службу в русский отряд Шанхайского международного волонтерского корпуса. Получив громкий титул «войсковой атаман Сибирского казачьего войска» (июнь 1927 г.), Глебов пытается организовать свои представительства в различных пунктах Китая. К весне 1929 г. им было создано 12 подобных представительств [4. Л. 383–393]. Основная их задача – получение информации о политической деятельности белоэмигрантских группировок и сбор сведений о СССР. Благодаря подобной информации, связям с западноевропейскими державами, Глебов пытается сохранить свой авторитет в белоэмигрантских кругах.

Последний значимый акт был проведен Глебовым в 1928 г., когда генерал пообещал провести крупную военную операцию под Владивостоком в обмен на военную и материально-финансовую помощь со стороны Японии. Однако громогласным заявлениям Глебова японские военно-правительственные круги не поверили, они не могли забыть переговоров Глебова с проанглийским ставленником У-Пей-Фу. Помощь со стороны Японии оказана не была. Соответственно, и планируемая провокация не состоялась.

Аналогичные переговоры в этот же период проходили и с представителями английского правительства по вопросу организации повстанческого движения в Приморье. Но и эти планы не были реализованы: англичане также помнили прежние связи генерала Глебова с японским правительством и фактически безрезультатные попытки развернуть партизанское движение в дальневосточных регионах России в середине 1920-х гг.

Таким образом, мы показали характерный путь одного из высших чинов белой эмиграции на Дальнем Востоке. Его организаторская деятельность на практике оказалась малоэффективной и нереализованно, политические взгляды – неустойчивыми и конъюнктурными. По существу, это была напрасная трата сил, средств и человеческих жизней. Но в эту «орбиту заката» вовлекались многие сотни белоэмигрантов рядового состава, которые не могли вернуться на Родину и приносить ей пользу. Бесперспективность и безысходность являлись постоянными спутниками жизни белой эмиграции на Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ципкин Ю.Н. Являлось ли Белое движение буржуазно-демократической альтернативой советской власти? // Россия и АТР. 2005. № 1. С. 33–45.
2. Соколов В.Ю. История в отсутствие человека: (некоторые особенности развития отечественной историографии в 1920–1930-е годы). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 256 с.
3. Центральный архив службы внешней разведки РФ (далее – ЦА СВР РФ) Арх. № 16799.
4. ЦА СВР РФ. Арх. № 1117. Т. 1. Л. 383–393.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 марта 2017 г.

THE RISE AND FALL OF THE FAR EASTERN COSSACK GROUP OF GENERAL F.L. GLEBOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 128–131.
DOI: 10.17223/15617793/417/18

Vasiliy P. Pashin, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: pashinvp@mail.ru
Keywords: Far East; General Glebov; Cossacks; white emigration; sabotage.

The article, based on the first introduced archive documents of the Central Archive of the Foreign Intelligence Service of Russia, analyzes the organizational and political activities of one of the leaders of the White emigres in the Far East, General F.L. Glebov in the 1920s. The documents show quite a mosaic picture of the mood of the White Guard emigration, from the desire to return to the Soviet Union and to honestly work to prove loyalty to the homeland to hatred and the desire to re-start a civil war in order to implement their own political ambitions. The latter was the mood of General Glebov. The documents describe his good organizational skills, his concern for his subordinates, even some austerity of his personal residence. Incoming information from the agents of the Soviet intelligence on Glebov's "luxurious life" was rather political in nature, as the only confirmation of such information was the fact that he did not stay with his group on board a ship but ashore. However, his organizational work was carried out without taking into account the political realities of the time. All his activities were subject to only one direction: organizing provocations against the USSR. To achieve this goal, he creates the Council of Atamans of Military Cossack Troops. To promote monarchist views, he organizes his own newspaper. At the same time he did not care to associate with anyone – Japan, Britain, the Chinese extremists. Indiscriminate means and methods to achieve goals met disapproval even in the White emigre circles in the Far East. Various Cossack groups in Harbin, Shanghai and other Chinese cities refused to cooperate with him. In the end, he was even suspended from command of the troops. There is evidence of the rapid degradation of General Glebov's activities – from bombastic ideas on restoring monarchy in Russia and attempts of the deployment of mass guerrilla movement in the Far East to gang robberies of local population in border areas. This activity became so notorious that it was condemned not only by the white emigration, but also by the world community. Any contact with Glebov was treated as a frankly unfriendly act against the USSR. Even the Government of Japan and England no longer cooperated with General Glebov, despite his promise to organize major provocations against the USSR. The documents clearly show that the organizational activities of General Glebov against the Soviet power proved to be ineffective and futile. However, General's ambitions involved hundreds and thousands of exiles. With a more flexible policy of the Soviet state, the anti-Soviet activities of the white emigration in the Far East could be greatly minimized.

REFERENCES

1. Tsipkin, Yu.N. (2005) Yavlyalos' li Beloe dvizhenie burzhuazno-demokraticheskoy al'ternativoy sovetskoy vlasti? [Was the White Movement a bourgeois-democratic alternative to the Soviet power?]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 1. pp. 33–45.
2. Sokolov, V.Yu. (1994) *Istoriya v otsutstvie cheloveka: (nekotorye osobennosti razvitiya otechestvennoy istoriografii v 1920–1930-e gody)* [History in the absence of a person: (some features of the development of Soviet historiography in the 1920s–1930s)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Central Archive of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. Archive 16799. (In Russian).
4. Central Archive of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. Archive 1117. Vol. 1. Pages 383–393. (In Russian).

Received: 06 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 132–141. DOI: 10.17223/15617793/417/19

УДК 94(470.51) «1945/1948

Д.В. Перевощиков

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И ДОСУГ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В УДМУРТИИ В 1945–1948 гг. (НА ПРИМЕРЕ ЛАГЕРЯ № 371)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-11-18002 а(р) «Иностранные военнопленные в Удмуртии (1941–1949 гг.): численность, состав, размещение, трудовое использование, медицинское обслуживание».

На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются некоторые стороны жизнедеятельности иностранных военнопленных на территории лагеря № 371 и г. Ижевска. Для исследования этой малоизученной страницы истории города и Удмуртии использованы также воспоминания очевидцев. Большое внимание уделено методам проведения антифашистской работы среди бывших военнослужащих армий гитлеровского блока. Выявлены некоторые особенности взаимоотношений местного населения и пленных. Приводятся их высказывания и отзывы, раскрывающие отношение как к Ижевску, так и в целом к СССР. Анализируются причины негативных сторон жизни пленных в лагере. Приведенные данные свидетельствуют о том, что не для всех бывших военнослужащих вражеских армий пребывание в советском плену являлось трагедией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Ижевск; военнопленные; лагерь; режим дня; нормы питания; антифашистская работа.

В настоящее время вопросы, связанные с историей Второй мировой войны, с достоверным освещением ее итогов и уроков, продолжают сохранять большую научную и общественную значимость. Укрепление связей между народами в сфере политики, экономики и культуры на основе взаимного доверия и уважения требует объективной оценки событий прошлого, особенно в вопросах, представляющих общий интерес. Проблема пребывания иностранных военнопленных в период Второй мировой войны и в первые годы после нее на территории СССР с начала 1990-х гг. стала предметом острых научных дискуссий. Повышенный интерес к данному вопросу был обусловлен его недостаточной изученностью, значительным объемом малоисследованных данных, нечасто подвергавшихся скрупулезному анализу. Существовало определенное несоответствие между уровнем разработанности проблемы и той заметной ролью в экономике и хозяйстве СССР, которую сыграли бывшие солдаты и офицеры из армий гитлеровского блока в 1941–1956 гг. Поэтому игнорировать эту тему невозможно, тем более что в советском плену находилось более 5 миллионов военнослужащих из армий противника. Кроме немцев в это число были включены солдаты и офицеры из союзных фашистской Германии стран. С 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г. советские войска захватили в плен 4 млн 377,3 тыс. человек различных национальностей из армий гитлеровского военного альянса [1. С. 33]. После безоговорочной капитуляции нацистской Германии эта цифра стала расти стремительно. Только в период с 9 по 14 мая 1945 г. в советский плен попали еще 1 млн 230 тыс. в основном немецких солдат и офицеров, включая 101 генерала [2. С. 693].

Разработка названной проблемы имеет не только научное, политическое, экономическое, но и гуманистическое значение. С одной стороны, после подписания межправительственных соглашений о воинских захоронениях стала более актуальной проблема розыска, сохранения и благоустройства могил иностранных военнопленных. Их родственники получили возможность выехать на места захоронений и поклониться праху своих близких, что определяет важность предоставления достоверной информации. С другой стороны, этот фактор должен послужить стимулом для ответной реакции – улучшения отношения к могилам советских военнослужащих, отдавших свою жизнь за освобождение стран Центральной Европы от фашизма. Решение указанных проблем, несомненно, будет способствовать укреплению гуманитарных связей и деловых контактов между народами и улучшению взаимоотношений государств, расположенных на западе и востоке Европы.

В истории Второй мировой войны, несмотря на то что с момента ее окончания прошло более 70 лет, еще достаточно много «белых пятен». Тема иностранных военнопленных периода Великой Отечественной войны, отчасти востребованная среди краеведов и публицистов, долгое время в силу закрытости архивных фондов не имела достаточного отражения в научной литературе.

Однако в последние десятилетия в данном направлении наблюдается определенный прогресс как в общероссийском масштабе, так и на уровне регионов. После 1990 г. данная проблема получила свое отражение в исследованиях В.Б. Конасова [3], С.И. Кузнецова [4]. Работу с пленными в тыловых районах рассмотрела И.В. Власова [5], взаимодействие советских политорганов с Национальным комитетом «Свободная Германия» – В.А. Всеволодов [6], деятельность Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР – И.В. Безбородова [7], трудовое использование военнопленных – С.Г. Сидоров [8], проблему уголовной ответственности гитлеровцев за военные преступления – А.Е. Епифанов [9], правовой статус пленных в годы Второй мировой войны – Т.А. Щелокаева [10]. Попытку изучить проблему правового регулирования военного плена в исторической ретроспективе предпринял А.А. Крупенников [11]. В течение последних 17 лет защищены кандидатские и докторские диссертации на материалах Среднего (Н.В. Суржикова) [12] и Южного Урала (Е.К. Рожкова) [13], Курской области (Ю.А. Ларичкина) [14], Европейского Севера (А.Л. Кузьминых) [15], Чувашии (Н.Б. Малясова) [16],

Западной Сибири (Н.М. Маркдорф) [17], Северного Кавказа и прилегающих к нему областей (Г.С. Оганян) [18]. Все эти работы полезны тем, что выявляют особенности содержания, медобслуживания и трудового использования военнопленных на указанных территориях СССР. Обобщающим исследованием, в определенной степени суммирующим и анализирующим данные по теме, является докторская диссертация А.Л. Кузьминых [19].

В историографии Удмуртии проблема военного плена затрагивалась в трудах Н.А. Родионова [20], А.А. Шепталина [21], в которых, в частности, выявлены география размещения спецконтингента, сферы использования труда военнопленных. Л.Л. Шубин и А.М. Шабардин [22] рассмотрели некоторые особенности медицинского обслуживания бывших военнослужащих армий противника, находившихся в республике.

Основными источниками по теме жизнедеятельности военнопленных как в СССР, так и, в частности, в Удмуртии являются архивные документы. Их можно условно разделить на категории. К первой категории документов относятся источники, которые дают обобщенную и целостную информацию об особенностях пребывания пленных во многих районах Советского Союза, в том числе в Удмуртии. Такие архивные материалы находятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного военного архива (РГВА). Ко второй категории относятся материалы, выявляющие лишь отдельные стороны, отрывочные данные о пребывании пленных в республике. Эти документы содержатся, в том числе, и в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). В данном исследовании нашли применение, главным образом, данные из материалов первой категории, поскольку они позволяют наиболее полно и продуктивно осветить некоторые стороны повседневной жизни военнопленных в одном из лагерей, размещавшихся на территории республики. Причем большинство из этих архивных документов впервые введено в научный оборот, что содействует ликвидации одного из «белых пятен» как региональной, так и в целом отечественной истории.

Целью данной работы являются выявление и анализ особенностей пребывания бывших военнослужащих армий гитлеровского альянса в лагере № 371. Задачи исследования включают в себя реконструкцию некоторых сторон жизни иностранных военнопленных в этом пункте содержания спецконтингента, а также привлечение источников, раскрывающих самые различные виды их деятельности.

В основу исследования положен комплексный подход, в рамках которого интегрируются разные пути и приемы процесса реконструкции исторической реальности.

Использование комплексного подхода, включающего в себя различные научные методы, ориентировано на построение междисциплинарной картины объекта посредством синтеза нескольких отличных друг от друга предметов изучения относительно одного и того же объекта – военнопленных, содержащихся в лагере № 371 в указанный период. Этот подход способен воспроизвести сложный, динамично развивающийся объект целиком, конкретно-исторически, во всем многообразии его реальных форм и взаимодействии с другими объектами как «полисистемный комплекс».

Метод анализа позволил выделить наиболее характерные и типичные черты пребывания военнопленных в лагере № 371. Синтезирование информации, полученной из различных источников, содействовало созданию целостной картины жизнедеятельности обезоруженных солдат и офицеров армий противника в этом пункте их содержания. Метод индукции способствовал формированию гипотез, выводов, проливающих свет на ранее малоизвестные или проблемные стороны функционирования системы военного плена в Удмуртии. Дедукция и внимательное изучение исторических источников позволили перейти от размытых и неясных общих утверждений к конкретным фактам, их подтверждающим, или, наоборот, опровергающим. Метод аналогии способствовал исследованию малоизученных сторон системы военного плена в Удмуртии на основе анализа этого феномена на общесоюзном уровне. Конкретизация позволила выявить отличительные признаки, которые помогают распознать характерные тенденции и закономерности развития системы содержания военнопленных на территории республики.

Историко-типологический метод способствовал выявлению особенностей жизни и трудовой деятельности бывших военнослужащих армий гитлеровского военного блока конкретно в лагере № 371. Историко-культурный метод нашел применение при анализе взаимоотношений лагерной администрации и населения УАССР со спецконтингентом, а также при рассмотрении процесса его адаптации к условиям содержания.

Описательный и документально-иллюстративный методы позволили детально реконструировать особенности организации, устройства и функционирования системы содержания бывших солдат, офицеров вермахта и других союзных ему армий в лагере № 371.

Текстологический метод помог извлечь новую информацию по теме исследования в процессе изучения и анализа рукописных или печатных документов – отчетов, переписки, созданных учреждениями, так или иначе связанными с системой содержания, медобслуживания и трудового использования обезоруженных солдат и офицеров армий противника.

Статистический метод на основе обработки цифровых данных таблиц, содержащихся в архивных документах, позволил прийти к полезным выводам, раскрывающим тенденции, закономерности процесса функционирования и развития лагеря № 371.

Несмотря на то что основной задачей иностранных военнопленных, содержавшихся в СССР в период Великой Отечественной войны и в первые годы после нее, являлся труд на различных предприятиях, у них оставалось свободное время на отдых и досуг. Главным образом, это являлось результатом конкретно установленной длительности рабочего дня представителей спецконтингента, которая составляла 8 часов в сутки. Пленные имели право на четыре выходных дня

в месяц. Длительность ежедневного ночного отдыха была установлена в размере 8 часов. Все перечисленные нормы были зафиксированы в Приказе НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г. [23. Д. 658. Л. 252–253]. В целом по всем лагерям для военнопленных указанная длительность рабочего дня соблюдалась, а ее превышение или, что нередко случалось, сокращение были результатом, как правило, неудовлетворительной организации труда иностранцев или недостатка опыта их использования в некоторых отраслях промышленности.

Режим дня в лагерях для военнопленных в СССР был во многих случаях следующим: подъем – 7:00, утренний туалет – 7:00–7:25, построение – 7:25–8:00, завтрак – 8:00–9:00, рабочее время – 9:40–14:00, обед – 14:00–15:00, рабочее время – 15:00–19:40, ужин – 19:40–20:40, отдых и культурные развлечения – 20:40–22:30, сон – 23:00 [24. С. 77–78]. Таким образом, в среднем у пленных оставалось около двух часов свободного времени в сутки.

При этом надо отметить, что все военнопленные были разделены на 4 категории трудоспособности. Такая структура была предложена 17 июля 1942 г. Директивой УПВИ НКВД СССР № 28/7309 [25. Д. 205. Т. 14. Л. 129 об.]. В первую группу входили вполне здоровые пленные. Ко второй причислялись иностранцы, страдавшие неопасными для жизни болезнями. С апреля 1944 г. тем и другим предписывалось трудиться по 8 часов в день [26. Д. 715. Л. 160–161]. Военнопленные, причисленные к третьей и четвертой категориям (хронически больные или инвалиды), были задействованы на внутрилагерных работах в облегченном режиме или вообще не привлекались к труду. Поэтому свободного времени у представителей третьей и четвертой групп было еще больше, чем у тех, кто исполнял свои обязанности 8 часов в день.

В большинстве мест содержания представителей спецконтингента в обязательном порядке велась широкомасштабная и активная антифашистская работа. Ее главной составной частью были коллективные читки центральных советских газет (в особенности «Известий») с переводом, прессы, выпускаемой в СССР на языках народов Центральной Европы, а также митинги, лекции, беседы, обсуждения тем, доклады, политинформации в основном по внешнеполитическим проблемам. Большая роль отводилась показу документальных и художественных фильмов, регулярному выпуску пленными стенгазет. В каждом лагере или спецгоспитале прилагались значительные усилия для формирования среди военнопленных антифашистского актива. Его создание являлось обязательным условием существования любого пункта содержания спецконтингента. Одним из методов, способствовавших формированию такого актива, являлись антифашистские курсы для пленных. Иногда руководство лагерей организовывало для их участников экскурсии в те населенные пункты, в районе которых располагались места содержания спецконтингента. Второй составной частью антифашистской работы было вовлечение пленных в кружки по интересам, в спортивные соревнования, организацию и проведение концертов, спектаклей, конкурсов. Большая роль отводилась лагерным библиотекам, чтению художественной и общественно-политической литературы на родном языке. Третьей частью антифашистской работы являлся сам труд на предприятиях, в строительстве и сельском хозяйстве, который, по мысли руководства лагерей для пленных, должен был способствовать их моральной перековке. Немаловажное значение имел субъективный фактор. Уровень антифашистской работы и интенсивность напрямую зависели от распорядительности, а также от организационных, интеллектуальных качеств начальников Управлений лагерей и их помощников. Поэтому ее размах и эффективность не были везде одинаковыми. Антифашистская работа, которую организовывало руководство лагерей, занимала большую часть досуга бывших военнослужащих вермахта и союзных ему армий.

Похожим образом обстояло дело в пунктах содержания спецконтингента, размещенных в Удмуртской АССР. Наиболее насыщенными и разнообразными были жизнь и досуг военнопленных, находившихся в лагере № 371. С 1945 по 1948 г. он дислоцировался в г. Ижевске. Пленные из этого лагеря трудились на местной ТЭЦ, в цехах металлургического завода (№ 71), на территории других промышленных предприятий, возводя производственные корпуса. Они работали также в системе треста № 51 Министерства вооружений СССР, участвовали в строительстве многих жилых домов и зданий городской инфраструктуры. За свой труд пленные получали зарплату, большую часть которой тратили по своему усмотрению в торговых точках города – в основном на рынке, а после отмены карточной системы в декабре 1947 г. и в магазинах.

В свободное от работы время Управлением лагеря для военнопленных № 371 организовывались конкурсы на лучшее отделение, роту, бригаду, пищевой блок. Таким образом, вводились элементы самоуправления, когда сами пленные наводили порядок у себя в бараках, столовых, хозяйственных помещениях. Например, подобное мероприятие состоялось весной 1947 г. Подводя итоги конкурса, начальник Управления лагеря подполковник Ф.М. Максимов отметил улучшение жилищно-бытовых условий и организации питания представителей спецконтингента. Для отличившихся в качестве поощрения были выделены дополнительные финансовые средства в сумме 1 300 руб. Эти деньги получили в качестве премии те пленные, которые лучше всего проявили себя при проведении конкурса.

Лагерь № 371 состоял из нескольких отделений. Крупнейшее из них – № 1, располагалось в заречной части Ижевска. Старшим этого отделения в мае 1947 г. был назначен пленный немец Шон. Из протокола заседания конкурсной комиссии, которая проинспектировала состояние бытовых условий жизни, можно узнать, что бывшие солдаты армий гитлеровского блока (в основном из Германии, Австрии, Румынии и Венгрии) размещались в бараках каркасного типа с общими нарами и койками. До проверки эти помещения были отремонтированы, проведена двукратная побелка и покраска, все пленные имели постельные принадлежности. Установив эти факты, комиссия

признала общее санитарное состояние бараков хорошим. В те же дни оценка «удовлетворительно» было поставлена отделению № 2, расположенному в северо-западной части Ижевска. Из протокола инспектирующей комиссии явствует, что здесь пленные помещались в бараках комнатного типа.

В лагере № 371 были организованы производственные мастерские, где сами пленные ремонтировали одежду, обувь, ботинки, шинели, френчи, брюки своих соотечественников. Один раз в неделю они ходили в баню, после мытья меняли белье. В каждом из двух крупнейших отделений работала парикмахерская [27. Д. 4. Л. 20–21 об., 29 об.].

Приказом НКВД СССР № 0172 от 27 июня 1945 г. был определен перечень лагерей, где разрешалось расконвоирование военнопленных. В этот список вошли два пункта содержания спецконтингента из Удмуртии, располагавшиеся в Увинском районе республики [28. Д. 748. Л. 85 об.]. Позднее расконвоирование произошло и лагере № 371. Поэтому некоторые военнопленные передвигались по Ижевску без конвоя. Интересно отметить, что иногда они временно жили не в самом лагере, а в помещениях, снятых у местного населения. В частности, об этом свидетельствуют воспоминания Ф. Федосеевой, ветерана труда, долгое время проработавшей на заводе № 74 (впоследствии ПО «Ижмаш») [29. С. 7].

Бывшие солдаты вражеских армий питались в лагере № 371 три раза в сутки. Обед состоял из двух блюд. Приготовление пищи на кухне второго отделения облегчало наличие электрической картофелеочистки [27. Д. 4. Л. 20–21 об.]. Овощи поступали в лагерь из подсобного хозяйства, земли для которого выделял пригородный колхоз «Новый путь крестьянина» [30. Д. 693. Л. 395].

12 ноября 1947 г. в МВД СССР была утверждена новая норма питания для пленных немецких солдат. Она предполагала выдачу в сутки на человека 600 г хлеба, 90 г муки, 30 г мяса, 100 г рыбы, 17 г сахара, 30 г соли, 600 г картофеля, 170 г квашеной капусты (кроме небольшого количества муки, макарон, сала, растительного масла, томатного пюре, суррогатного чая, перца, уксуса, моркови, свеклы, лука, а также 300 г хозяйственного мыла) [31. Д. 822. Л. 111]. Судя по воспоминаниям бывшего вольнонаемного сотрудника лагеря № 371 Л.А. Пантюхина, утвержденные в МВД СССР нормы питания выдавались пленным в полном объеме. Продукты получали на складе специальные работники из числа военнопленных. Они, учитывая всех представителей спецконтингента, рассчитывали, сколько полагается на каждого из них муки, картофеля, мяса и других продуктов. Все необходимое для утвержденных норм в наличии присутствовало. Не случалось таких инцидентов, когда продуктов не хватало, и поэтому пленным не дали положенного количества еды. Постоянно политотдел лагеря № 371 напоминал и требовал, чтобы соблюдалась Гаагская конвенция о военнопленных. Продукты завозились со склада на кухню. Поварами являлись лица из пленных. Они все знали о нормах питания и тоже старались их соблюдать [32. Д. 28. Л. 2–3].

Дополнительные продукты бывшие солдаты армий противника покупали на заработанные ими деньги в лагерном ларьке. Например, за февраль–апрель 1947 г. только во втором отделении пленным таким образом было продано картофеля – 1 500 кг, капусты – 6 026 кг, молока – 375 л, яиц – 200 шт., мёда – 20 кг. В течение третьего квартала 1947 г. в ижевском лагере военнопленные купили в продуктовых ларьках 18 000 кг мясных изделий (колбаса, холодец, котлеты), что составляло в среднем на одного пленного в месяц от 2 до 3 кг дополнительного мясного продукта. При этом уместно отметить, что колбасные изделия можно было приобрести в лагере от 15 до 30 руб. за килограмм. О голоде пленных не было тогда и речи. Поэтому заработанные деньги являлись для них реальным стимулом к добросовестному труду.

В лагере были широко развернуты мероприятия, направленные на искоренение среди пленных нацистских и шовинистических взглядов. Судя по отчету его руководства, в третьем квартале 1946 г. в пункте содержания спецконтингента находились 888 антифашистски настроенных немцев, австрийцев, венгров и румын. Это составляло примерно 25% от общего количества контингента. Таким образом, можно определить, что в этот период в Ижевске содержалось около 3 550 военнопленных. При этом антифашистский актив составлял 303 человека [27. Д. 4. Л. 2 об.]. Многие из них занимали ключевые должности. Например, из имевшихся к марту 1947 г. 44 производственных бригад 39 возглавляли антифашистски настроенные пленные [Там же. Л. 4 об.].

В лагере № 371 в рамках антифашистской работы много внимания уделялось актуальным внешнеполитическим вопросам. В третьем квартале 1947 г. с участием пленных были проведены доклады и лекции со следующими названиями: «Советский Союз и общественное мнение за границей», «Современное политическое и хозяйственное положение Германии», «Земельная реформа в Венгрии», «Вступление в силу мирных договоров» и др. [Там же. Л. 25].

В лагере № 371 существовало немало кружков по интересам. Причем их тематика нередко определялась самими пленными. В частности, работали литературные, драматические, музыкальные, шахматные, спортивные, хоровые кружки. Многие пленные их регулярно посещали. Пользовались определенной популярностью кружки по изучению языков – русского, английского, французского. У немалой части пленных, лояльно настроенных к СССР, имелся довольно живой интерес к Советскому государству и его порядкам. Поэтому в лагере № 371 функционировало три кружка по изучению истории ВКП(б). По положению на начало 1947 г. их посещали 39 человек. Это немало, если учесть многолетнюю антисоветскую пропаганду в гитлеровском «рейхе», в вермахте, в румынской и венгерской армиях. Самыми посещаемыми к тому времени являлись кружки по изучению русского языка и драматические – 46 и 42 пленных соответственно. В результате активной досуговой деятельности уже в третьем квартале 1946 г. среди пленных было проведено три шахматных турнира. Два литературных кружка выпустили по журналу под названием «Календарь искусства». В них пленные знакомились с творчеством писателей-современников

и их произведениями. За указанный период в лагере было выпущено 26 газетных номеров и 9 журналов на немецком, венгерском и румынском языках [27. Д. 4. Л. 2–2 об., 10]. В них пленные отразили в основном производственную и бытовую стороны своей жизни. Однако они не ограничивались созданием только внутрилагерных газет и журналов. Наиболее активные и талантливые посылали свои статьи в антифашистскую прессу, выпускаемую на иностранных языках в Москве. Например, в газету «Игаз-цо», издаваемую на венгерском языке, пленные только за два месяца 1947 г. направили 5 статей и 6 карикатур [Там же. Л. 31].

В лагере были организованы комната отдыха, а также библиотека-читальня, в которой в третьем квартале 1946 г. имелось 347 книг и брошюр [Там же. Л. 2]. Такое небольшое количество печатных изданий, конечно, не удовлетворяло потребности спецконтингента. Впоследствии по просьбе руководства лагеря в его библиотеку завезли дополнительное количество литературы. К концу 1947 г. там насчитывалось уже 2 054 книги [Там же. Л. 39].

Во время своего досуга пленные организовывали концерты, даже ставили театральные пьесы, в том числе «Золотое сердце», «Матросы из Катаро» и др. Интересно, что в спектаклях артисты-иностранцы использовали парики и грим, которые доставлялись из ижевского городского театра. По примеру многих лагерей для военнопленных был создан оркестр. Он состоял из 14 человек. Кроме того, пленные выпускали стенные газеты. В ижевском лагере проводились даже футбольные турниры, в которых участвовали 6 команд. В заречной части города проходили также матчи между коллективами первого и второго отделений [Там же. Л. 20 об.–21].

В 1945–1946 гг. в лагере № 371 существовали проблемы с демонстрацией пленным кинофильмов, связанные с отсутствием аппаратуры. Но впоследствии вопрос удалось решить. Во второй половине 1947 г. пленным были показаны фильмы «Волга-Волга», «Парень из тайги», «Тринадцать», «Бесприданница», «Сильва», «В долине жемчугов», «Где моя дочь?», «Побег с каторги», «В горах Югославии», «Мы вернемся», «Броненосец “Потемкин”», «Ленин в Октябре», «Золушка», а также немецкая трофейная картина «Девушка моей мечты». Демонстрировались и документальные киноленты: «Рим – открытый город», «Физкультурный парад 1947 года» и др. После сеансов среди пленных проводились обсуждения фильмов. Высказывались очень любопытные мысли, свидетельствующие о довольно высоком интеллектуальном уровне некоторых представителей спецконтингента, содержавшихся в ижевском лагере. В одном из отчетных документов записано: «В дискуссиях по показанным фильмам военнопленные говорят: “Советские кинофильмы в отличие от других стран богаты содержанием, и очень хорошо то обстоятельство, что мало искусственности. Каждый фильм имеет свою целевую направленность и воспитывает в человеке хорошие качества”». Немецкий военнопленный Штаймайер отмечал во время обсуждения киноленты «Девушка моей мечты»: «Этот фильм имеет хорошее оформление, но главное, что человеку нужно, это содержание, а оно отсутствует». В той же дискуссии пленный сравнил немецкую картину с фильмом «Волга-Волга», который тоже является комедией, но имеет целевую установку, чего нет в ленте «Девушка моей мечты» [27. Д. 4. Л. 2 об., 28, 36]. Со стороны, как говорится, виднее, и эти оценки советского киноискусства из уст бывших вражеских военнослужащих, иностранцев являются вполне объективными. Вряд ли здесь имеет место конформистская попытка приспособиться под идеологические условия лагеря. Для этого вышеприведенные высказывания являются слишком глубокомысленными и вдумчивыми.

В июле 1945 г. немецким, австрийским, венгерским и румынским военнопленным, содержавшимся в СССР, было разрешено осуществлять переписку с родственниками, проживающими в странах Центральной Европы [33. Д. 727. Л. 170–173]. Не стал исключением и лагерь № 371. По материалам писем с родины выпускались специальные бюллетени. С их помощью пленные знакомились с политическим и социально-экономическим положением в своих странах, в оккупационных зонах Германии. Эти бюллетени читались с большим интересом. У пленных исчезало недоверие, которое они иногда испытывали к газетам, распространявшимся среди них [27. Д. 4. Л. 26].

Для бывших иностранных солдат, которые, по мнению руководства лагеря, зарекомендовали себя с наилучшей стороны, проводились экскурсии в г. Ижевск. В ноябре 1947 г. они посетили выставку, посвященную 30-летию Октябрьской революции. Кроме того, 21 декабря, в день выборов, были проведены экскурсии на избирательные участки города, где побывали 153 пленных. В конце 1947 г. 80 бывших вражеских военнослужащих посетили ижевские магазины. Кроме того, 140 военнопленных побывали на спектакле «Глубокие корни», поставленном в городском театре. В отчете руководства лагеря об антифашистской работе за последний квартал 1947 г. приведены отзывы об этих экскурсиях. Пленный Г. Конен заявил: «Посетив избирательные участки, я невольно вспомнил о лживой пропаганде на родине, где нам говорили, что во время выборов в СССР в каждой кабине стоят комиссары и под пистолетом заставляют голосовать только за коммунистов. На практике я убедился в обратном. Лично был в кабинах, беседовал с избирателями, членами комиссии и всюду видел только радость и особое торжественное настроение избирателей». Венгерский военнопленный Л. Шиморяй отметил: «Я не мог раньше поверить, не увидев товаров в ваших магазинах, в такое их изобилие, и думал, что после отмены карточек у Вас будут сплошные драки в магазинах. Я посетил магазин и убедился, что каждый имеет возможность купить все, что ему нужно без карточек, без всякого шума, и это меня крайне поразило». Пленный Калеват после посещения спектакля оставил такой отзыв: «Я не ожидал, что далеко от Москвы в таком маленьком городе имеется прекрасный театр и такие хорошие артистические силы. Этот театр по своему уюту и красоте не уступает... театрам в других странах» [Там же. Л. 36]. Надо отметить, что в экскурсиях участвовали в ос-

новном пленные из антифашистского актива, хорошо относившиеся к СССР. Отчасти поэтому большинство из них положительно отзывалось об увиденном.

На вышеуказанные оценки повлияло и то, что жители Ижевска в основной своей массе относились к военнопленным вполне терпимо. Данную тенденцию подтверждают воспоминания Л.А. Пантюхина, который привел в них любопытные свидетельства взаимоотношений бывших вражеских солдат и жителей города: «Русский народ очень сердобольный, особенно женщины. Их мужья погибли на фронте, были в плену. А они пленных жалели. Вот в магазин пленные придут купить хлеба [магазин находился в здании, где впоследствии размещалась столовая “Юбилейная”], так их без очереди пустят, им ведь не разрешено долго ходить. Отношения были добрые. У молодых даже любовь завязывалась. Недалеко был клуб “Строитель”, так там оркестр играл лагерный, их отпускали выступать. Швейцарец пел прекрасно, у него голос был лирический. Он арию Ленского пел, а оркестр играл музыку танцевальную. Девушки со всего города приходили. Приходили наши ребята, которые тут служили, они знакомились. А в перерыве, когда один из музыкантов отдыхал, мог подойти, пригласить нашу девушку потанцевать. Это все было нормально...» [32. Д. 28. Л. 5–6]. Из этих слов можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев ижевчане и расконвоированные пленные, имевшие право без охраны передвигаться по городу, не только спокойно относились друг к другу, но и в некоторых случаях вполне дружелюбно. По словам местных старожилов, доходило даже до того, что после 1945 г. некоторые бывшие немецкие солдаты создавали свои семьи, добровольно оставаясь в Ижевске или уезжая в сельские населенные пункты Удмуртии [29. С. 6].

При этом, конечно, примерного поведения военнопленных и полного благополучия в лагере для них нельзя было ожидать. Широкоразвернутая воспитательная работа не всегда приводила к желаемым результатам. Например, немец И. Махула, несмотря на то, что окончил антифашистскую школу (курсы), выменивал за хлеб золотые кольца у соседей по бараку, был активным участником драк между пленными [27. Д. 4. Л. 27].

Время от времени случались и другие нарушения дисциплины и установленного порядка. Судя по отчету руководства лагеря № 371, в течение четвертого квартала 1947 г. был зафиксирован 1 случай профашистской агитации, 3 – пьянства, 1 – саботажа, 12 – скупки и перепродажи хлеба. В штрафной лагерь-взвод направлены 16 человек, предано суду Военного трибунала – 1, осуждено – 1. Простому аресту подвергнуты 93 пленных. Из этого числа большинство были наказаны за кражи личных вещей и хищения лагерного имущества [Там же. Л. 38].

Мелкое воровство являлось одной из труднопреодолимых проблем контингента лагеря № 371. Причем чаще всего пленные совершали кражи друг у друга, а иногда и на предприятиях, где трудились. За последние три месяца 1947 г. было зарегистрировано 76 случаев такого воровства [Там же. Л. 36 об.]. Долгое время военнопленные не несли за свои мелкие кражи никакого наказания. Только тогда, когда воровство превратилось в серьезную проблему, Управление лагеря приняло меры для предотвращения подобных случаев и наказания виновных. Эти мелкие кражи приводили даже к забавным случаям и казусам. Как уже отмечалось выше, в 1947 г. специальной комиссией было проведено обследование санитарного состояния 2-го лагерного отделения, где старшим являлся военнопленный Зизик. В результате проверки почти у каждого бывшего солдата армий гитлеровского блока под матрацем были обнаружены куски железа, проволока, тряпки [27. Д. 4. Л. 21 об.].

Кроме того, пленные, задействованные на объектах с невысокой зарплатой, сбывали по дешевке обмундирование и постельные принадлежности вольнонаемным сотрудникам ижевских предприятий за деньги, хлеб и картофель. Например, немец Хеферт, трудившийся на кирпичном заводе, продал одному из рабочих новую телогрейку за 10 руб. и за небольшое количество картошки. Причем пленные сбывали таким образом не свою, а чужую одежду и другие вещи, украденные у своих же соседей по бараку [Там же. Л. 29]. Вышеупомянутые инциденты свидетельствуют о низком уровне взаимовыручки и коллективизма среди бывших военнослужащих вермахта, которые старались перенести все сложности плена в одиночку, иногда в ущерб своим же товарищам. По утверждению заместителя начальника по политической части лагеря № 371 майора Трухина, зафиксированному в одном из отчетных документов, все случаи перепродажи похищенных вещей и краж в третьем квартале 1947 г. оставались без наказания [Там же].

Насколько, с одной стороны, трудноразрешимой, а с другой – комичной оказалась проблема мелкого воровства, иллюстрирует случай с пленным Паишем. Однажды, после того, как его уличили в краже, он заявил: «Держите меня все время в карцере, тогда я воровать не буду» [Там же. Л. 36 об.]. Данный способ наказания применялся в лагере № 371 и за другие провинности. В конце 1947 г. трое расконвоированных пленных, включая военного врача Петерсона, находясь в городе, были замечены в чрезвычайно нетрезвом виде, за что были помещены в карцер на пять суток [Там же].

Помимо пьянства, мелких краж, продажи похищенного обмундирования и спекуляции хлебом в лагере случались и гораздо более серьезные инциденты. Так, в начале 1947 г. был зафиксирован один побег и три случая грубого оскорбления пленными сотрудников лагерной администрации [Там же. Л. 12].

Как известно, гитлеровские солдаты и офицеры, а также многие военнослужащие из армий стран-сателлитов принесли много горя, страданий и материального ущерба населению временно оккупированных ими территорий СССР, не говоря уже о немалом количестве красноармейцев, погибших в боях с фашистскими войсками. Поэтому не все советские граждане могли сдерживать свой гнев по отношению к пленным. Этот вполне объяснимый фактор сработал и в лагере № 371. 20 июня 1947 г. в заречной части Ижевска, на строительстве жилых домов в районе кирпичного завода военнопленные бригадиры Кирер

и Рамеш заявили начальнику конвоя о том, что им нужно вернуться и заполнить рабочие карты для работников своих бригад, поскольку при уходе их из лагеря учетчика на месте не оказалось. Просьба была удовлетворена. Когда через 12–15 минут эти двое вернулись, начальник конвоя в эмоциональной форме начал их упрекать в опоздании, снял с плеча автомат и стал целиться им в ноги. Потом завел пленных в уборную и произвел очередь из трех патронов в верх крыши. Но вскоре он все же взял себя в руки и повел иностранцев в лагерь. Утром 21 июня Кирер и Рамеш отказались выходить с этим конвойным на работу. Впоследствии они объяснили причину своего решения и рассказали о происшедшем. Началось расследование инцидента. Выяснилось, что конвойный в тот день был чем-то сильно расстроен и не смог контролировать свои действия. Руководство лагеря охарактеризовало этот случай как возмутительный. Было принято решение проводить регулярную разъяснительную работу среди сотрудников конвоя в целях недопущения в будущем подобного отношения к военнопленным [27. Д. 4. Л. 33–33 об.]. Упомянутый инцидент говорит также о том, что некоторые советские граждане считали обращение с бывшими солдатами армий гитлеровского блока, находящимися в СССР, слишком либеральным.

Проанализированные данные о жизнедеятельности иностранных военнопленных в лагере № 371, который являлся довольно типичным советским учреждением подобного рода, позволяют утверждать, что пункты пребывания представителей спецконтингента как в республике, так и в целом в СССР (в данном аспекте между региональной и общесоюзной тенденциями не существовало значительной разницы) кардинально отличались от нацистских концлагерей. По существу, советская структура содержания пленных и гитлеровская изощренная и бесчеловечная система умерщвления обезоруженных врагов – совершенно разные виды изоляции военнослужащих из армий противника. Нацистские концлагеря получили вполне справедливое наименование «фабрик смерти», основной функцией которых было физическое уничтожение представителей «неполноценных рас», пленных (особенно советских) или политических противников гитлеровского режима. Нацистам это было нужно для освобождения «жизненного пространства» от «лишнего» населения, а также для истребления врагов фашизма.

17 июля 1941 г. руководством IV отдела Главного управления имперской безопасности (гестапо) был издан приказ, который предусматривал убийство советских военнопленных, представлявших потенциальную угрозу для нацизма [34. С. 74]. Это распоряжение реализовывалось в полном объеме различными методами. Гитлеровцы принуждали советских военнопленных совершать многокилометровые пешие переходы без отдыха и еды, размещали в лагерях под открытым небом. Местному населению запрещалось передавать пленным продукты питания. Все это приводило к многочисленным смертям от голода, холода и болезней. Советские военнопленные не имели никакой возможности даже через Красный Крест отправлять на родину и получать оттуда открытки, письма и, тем более, посылки [34. С. 75]. Довольно часто узники фашистских концлагерей подвергались бесчеловечным медицинским опытам, исход которых в абсолютном большинстве случаев был смертельным. Эсэсовцы уничтожили немалое количество советских военнопленных после использования их труда на строительстве секретных объектов «рейха», в том числе ставки Гитлера под Винницей. Нацисты беспощадно и цинично истребляли всех посторонних свидетелей их тайных мероприятий. Нередкими были случаи сожжения в крематориях живых узников концлагерей.

Главными целями руководства ГУПВИ НКВД СССР являлись не убийство военнопленных различными методами, а их изоляция, создание удовлетворительных условий для жизни представителей спецконтингента, максимальное использование труда этих иностранцев в промышленности, строительстве и даже в сельском хозяйстве, а также полномасштабная реализация антифашистских мероприятий в пунктах содержания обезоруженных военнослужащих армий противника. В советских лагерях их руководством не реализовывались расистские или националистические теории, там не было крематориев, газовых камер, «душегубок». Над военнопленными не проводились медицинские опыты. Жизнь в Удмуртии в частности и в советском плену в целом не являлась для бывших солдат и офицеров вермахта и союзных ему армий сплошным ужасом или адом, как это часто было в гитлеровских «фабриках смерти». Поэтому нельзя отождествлять советские пункты содержания пленных и нацистские концлагеря.

Очевидная разница в планах по отношению к пленным и мерах, которые к ним применялись, вполне закономерно отразилась на результатах их содержания. Из общей численности обезоруженных солдат и офицеров армий гитлеровского блока, содержавшихся в СССР, умерли 15% человек. Причем большинство из них ушли из жизни в результате запущенных и поэтому трудноизлечимых заболеваний, приобретенных еще на фронте, в окопах. Число погибших пленных, находившихся в нацистской Германии, достигло 57% [1. С. 34]. По данным исследователя А.Л. Кузьминых, смертность бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока, трудившихся в СССР, была почти в 6 раз ниже аналогичного показателя в отношении советских военнопленных, оказавшихся в гитлеровских концлагерях. На региональном уровне цифры не менее показательны. В пунктах содержания спецконтингента, расположенных на Европейском Севере СССР, умер каждый десятый бывший солдат или офицер армий гитлеровского военного блока [15. С. 251]. В то же время известно, что в фашистских концлагерях и за их пределами в Германии и других оккупированных ею странах погибло свыше половины общего количества советских военнопленных [34. С. 75]. Это более, чем каждый второй.

Исходя из вышеизложенного, советский пункт содержания спецконтингента нельзя называть «концлагерем». Необходимо также учитывать, что этот термин давно потерял изначально нейтральную окраску и теперь воспринимается всеми только сугубо нега-

тивно – как место намеренного, массового убийства узников с помощью изуверских методов, поэтому как определение лагеря ГУПВИ НКВД (МВД) СССР он не может быть использован. Проведенное исследование восполняет некоторые пробелы научного знания об иностранных пленных, находившихся в Удмуртии и Советском Союзе. В частности, оно включает в себя малоизвестные данные об условиях их жизни в одном из крупнейших лагерей, продовольственном снабжении, антифашистской работе, досуге бывших солдат и офицеров армий противника, их взаимоотношениях с гражданским населением, правонарушениях, совершенных представителями спецконтингента.

Жизнь пленных в лагере № 371 превзошла ожидания некоторых из них. Достаточно терпимые условия содержания, трехразовое питание, наличие собственных заработанных денег и свободного времени, заполняемого в том числе различной деятельностью по интересам, возможность без конвоя передвигаться по населенному пункту, благожелательность части его населения входили в серьезное противоречие с геббельсовской пропагандой. На этой почве разрушалось нарисованное гитлеровцами представление «об ужасах русского плена». Поэтому антифашистская работа среди обезоруженных вражеских солдат и офицеров, даже несмотря на проблемы, возникавшие в ходе ее развертывания, приносила руководству лагеря ощутимые плоды. Факты наличия добровольно оставшихся в Удмуртии бывших военнослужащих вермахта говорят не только о том, что нахождение в плену не являлось для них каким-то кошмарным событием, но и свидетельствуют о признании ими правоты антифашистских взглядов тех, кто освободил Европу от «коричневой чумы». Благодаря неплохой организации бытовых условий, различных мероприятий и насыщенной общественно-политической жизни в лагере № 371, некоторые представители его контингента, даже спустя многие десятилетия, вспоминали о тех годах, проведенных в Ижевске, как это ни удивительно, с ностальгией [35. С. 55].

Приведенные в исследовании данные о лагере № 371 позволяют утверждать, что он являлся во многом типичным и достаточно благополучным пунктом содержания военнопленных в Советском Союзе того времени. Первое качество этого места пребывания спецконтингента позволяет представить условия содержания бывших иностранных солдат и в других подобных учреждениях, располагавшихся в республике. Одной из причин его относительного благополучия является то, что с пленными работали специалисты, которые имели уже значительный опыт в этом деле, накопленный в лагерях № 75 и 155, возникших в Удмуртии в первые военные годы. При всей своей типичности ижевский пункт содержания спецконтингента имел и особенности. Одной из них являлось стремление его руководства точно и неуклонно соблюдать указания ГУПВИ НКВД СССР в отношении пленных. Подтверждается этот вывод, в частности, тем, что нормы питания бывших вражеских военнослужащих почти всегда соответствовали показателям, утвержденным на общесоюзном уровне.

Ижевский пункт содержания спецконтингента отличался также большим разнообразием досуговых мероприятий для пленных – от кружков по интересам до футбольных матчей и экскурсий в город. Военнопленные из лагеря № 371, особенно немцы, выделялись низким уровнем коллективизма, взаимовыручки, а также склонностью к мелким кражам как внутри пункта содержания, так и за его пределами. Изжить эти недостатки так и не удалось. Еще одной особенностью данного лагеря военнопленных являлось то, что большинство из них было задействовано на предприятиях Наркомата (Министерства) вооружений СССР, функционирующих в г. Ижевске.

На положении представителей спецконтингента отрицательно сказывались элементы нераспорядительности, иногда встречавшейся неудовлетворительной организации их условий жизни и труда. Некоторые бывшие солдаты армий гитлеровского блока оказывались жертвами вполне объяснимой ненависти тех советских граждан, которых серьезно затронули военные преступления гитлеровцев или их союзников. Необходимо учитывать неоднородность и разношерстность состава лагеря № 371. Не все пленные адекватно воспринимали мероприятия в рамках антифашистской работы. Поэтому возникали многочисленные случаи воровства, а также иногда саботажа, пронацистской агитации, оскорбления представителей администрации лагеря и даже побегов. На примере лагеря № 371 можно констатировать, что советский плен являлся трагедией главным образом для тех, кто не хотел освобождаться от нацистских взглядов, не желал «работать на русских» или пытался улучшить свое материальное положение за счет товарищей по бараку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал. 1996. № 3.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3.
3. Конасов В.Б. Гриф секретности снят: к истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991.
4. Кузнецов С.И. Японские военнопленные после Второй мировой войны. 1945–1956 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.
5. Власова И.В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
6. Всеволодов В.А. «Срок хранения постоянно!» (Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД СССР № 27). М., 2003.
7. Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
8. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. Волгоград, 2001.
9. Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997.
10. Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

11. Крупенников А.А. Тяжкая ноша плена. М., 2001.
12. Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале, 1942–1956 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.
13. Рожкова Е.К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002.
14. Ларичкина Ю.А. Иностранные военнопленные на территории Курской области: 1943–1950 : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006.
15. Кузьминых А.Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939–1949 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2003.
16. Малясова Н.Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР (1942–1949 гг.): состав, размещение и трудовое использование : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012.
17. Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные и интернированные в Западной Сибири : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012.
18. Оганян Г.С. Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943–1953 гг. (на примерах южных российских регионов) : дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2007.
19. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014.
20. Родионов Н.А. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск, 2015.
21. Шепталин А.А. Немцы в Удмуртии (Историко-демографические очерки). Ижевск, 1993.
22. Шубин Л.Л., Шабардин А.М. История работы эвакогоспиталя для военнопленных в г. Можга // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407.
23. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 658.
24. Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10.
25. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 205. Т. 14.
26. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 715.
27. Российский государственный военный архив. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4.
28. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 748.
29. Федосеева Ф. В окна и двери стучалась война // Машиностроитель. 2001. № 15. 26 апр.
30. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 693.
31. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 822.
32. ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 28.
33. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 727.
34. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. М., 1990. Т. 4.
35. Перевощиков Д.В. Военнопленные в Приуралье. 1941–1949 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 марта 2017 г.

EVERYDAY LIFE AND LEISURE OF FOREIGN POWS IN UDMURTIA DURING 1945–1948 (A CASE STUDY OF CAMP 371)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 132–141.
DOI: 10.17223/15617793/417/19

Dmitry V. Perevoshchikov, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: dmitryizh76@mail.ru

Keywords: Great Patriotic War; Izhevsk; prisoners of war (PoWs); camp; day regulations; norms of feeding; antifascist measures.

The paper describes some aspects of foreign PoWs' stay in Camp 371 in Izhevsk based on archival documents that are first introduced to the academia. The reminiscences of eye-witnesses are used for the research of the little known historical issue of Izhevsk and Udmurtia. The author enumerates the methods of antifascist measures in the camp. Some features of relations of the local population and PoWs are revealed. The paper contains opinions of PoWs disclosing their attitude to Izhevsk and the USSR. It discusses the issue of the food supply of PoWs in Camp 371. Their leisure is described: it consisted in visiting circles on different subjects, reading books and newspapers in their native language, watching movies, participating in sports competitions and even going on excursions in Izhevsk. The paper analyzes the negative features in the everyday life of foreign PoWs in Camp 371. The biggest problem of former soldiers and officers of Hitler's military alliance was petty thefts. The PoWs often stole different things from each other. They had a low level of mutual understanding and collectivism and tried to suffer the difficulties of captivity alone, sometimes with a damage to other PoWs. The former soldiers and officers of Hitler's military alliance who lived and worked in Izhevsk got hot food three times a day, received wages, had four free days a month and 2–3 hours of leisure a day. The duration of the PoWs' working day in most cases was 8 hours. Many PoWs who stayed in Udmurtia and in the USSR had a permit to move within a populated area without a convoy. With the money earned they bought food and goods at markets and in shops; they often took goods home during repatriation. The cases of PoWs who voluntarily stayed in Udmurtia and started families show the absence of tendencies in the Soviet captivity and the recognition by former PoWs of the truth of men who liberated Europe from fascism. Many decades later, some former representatives of the special contingent recollected years in Udmurtia with a nostalgia because PoW camps had satisfactory conditions for life, leisure and public political activities. The data in the paper show that the everyday life and leisure of foreign PoWs in Camp 371 was busy and diverse. The research assists in the elimination of the ample "gap" in the regional and Soviet history.

REFERENCES

1. Gurkin, V.V. & Kruglov, A.I. (1996) Krovavaya rasplata agressora [Bloody payment of the aggressor]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 3.
2. Mayorov, S. (ed.) (1947) *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoy voyny* [Foreign policy of the Soviet Union during the Patriotic War]. Vol. 3. Moscow: Gos. izd. polit. lit-ry.
3. Konasov, V.B. (1991) *Grif sekretnosti snyat: k istorii nemetskikh voennoplennykh v SSSR* [The classification of secrecy is removed: on the history of German prisoners of war in the USSR]. Vologda: Vologda Institute of Teachers' Advanced Training.
4. Kuznetsov, S.I. (1995) *Yaponskie voennoplennye posle Vtoroy mirovoy voyny. 1945–1956 gg.* [Japanese prisoners of war after World War II. 1945–1956]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
5. Vlasova, I.V. (1994) *Rabota s voennoplennymi v tylovykh rayonakh sovetskikh frontov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Work with prisoners of war in the rear areas of the Soviet fronts during the Great Patriotic War]. History Cand. Diss. Moscow.

6. Vsevolodov, V.A. (2003) “Srok khraneniya postoyanno!” (Kratkaya istoriya lagerya voennoplennykh i internirovannykh UPVI NKVD SSSR № 27) [“The period of storage is constant!” (A brief history of the camp of prisoners of war and internees of the Prisoner of War Command of the USSR NKVD No. 27)]. Moscow: Mosk. izd. dom.
7. Bezborodova, I.V. (1997) *Upravlenie po delam voennoplennykh i internirovannykh NKVD-MVD SSSR (1939–1953 gg.)* [Office for prisoners of war and internees of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR (1939–1953)]. History Cand. Diss. Moscow.
8. Sidorov, S.G. (2001) *Trud voennoplennykh v SSSR v 1939–1956 gg.* [The work of prisoners of war in the USSR in 1939–1956]. Volgograd: Volgograd State University.
9. Epifanov, A.E. (1997) *Otvetstvennost’ gitlerovskikh voennykh prestupnikov i ikh posobnikov v SSSR (istoriko-pravovoy aspekt)* [The responsibility of Hitler’s war criminals and their accomplices in the USSR (historical and legal aspect)]. Volgograd: Volgograd Law Institute.
10. Shchelokaeva, T.A. (2000) *Pravovoy status inostrannykh voennoplennykh v SSSR (1939–1956 gg.)* [The legal status of foreign prisoners of war in the USSR (1939-1956)]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
11. Krupennikov, A.A. (2001) *Tyazhkaya nosha plena* [The heavy burden of captivity]. Moscow: Reyttar”.
12. Surzhikova, N.V. (2001) *Inostrannye voennoplennye Vtoroy mirovoy voyny na Srednem Urale, 1942–1956 gg.* [Foreign prisoners of war of the Second World War in the Middle Urals, 1942–1956]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
13. Rozhkova, E.K. (2002) *Inostrannye voennoplennye i internirovannye na Yuzhnom Urale v 1943–1950 gg.* [Foreign prisoners of war and internees in the South Urals in 1943–1950]. History Cand. Diss. Orenburg.
14. Larichkina, Yu.A. (2006) *Inostrannye voennoplennye na territorii Kurskoy oblasti: 1943–1950* [Foreign prisoners of war in Kursk Oblast: 1943–1950]. History Cand. Diss. Kursk.
15. Kuz’minykh, A.L. (2003) *Polozhenie inostrannykh voennoplennykh na Evropeyskom Severe: 1939–1949 gg.* [The situation of foreign prisoners of war in the European North: 1939–1949]. History Cand. Diss. Vologda.
16. Malyasova, N.B. (2012) *Voennoplennye i internirovannye Vtoroy mirovoy voyny na territorii Chuvashskoy ASSR (1942–1949 gg.): sostav, razmeshchenie i trudovoe ispol’zovanie* [Prisoners of war and internees of the Second World War in the territory of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic (1942–1949): composition, placement and employment]. History Cand. Diss. Cheboksary.
17. Markdorf, N.M. (2012) *Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Zapadnoy Sibiri* [Foreign prisoners of war and internees in Western Siberia]. History Dr. Diss. Novosibirsk.
18. Oganyan, G.S. (2007) *Trudovoe ispol’zovanie voennoplennykh i internirovannykh inostrannykh grazhdan v SSSR: 1943–1953 gg. (na primerakh yuzhnykh rossiyskikh regionov)* [The employment of prisoners of war and interned foreign citizens in the USSR: 1943–1953 (on examples of southern Russian regions)]. History Cand. Diss. Pyatigorsk.
19. Kuz’minykh, A.L. (2014) *Sistema voennogo plena i internirovaniya v SSSR: genezis, funktsionirovanie, lagernyy opyt (1939–1956 gg.)* [The system of military captivity and internment in the USSR: genesis, functioning, camp experience (1939–1956)]. History Dr. Diss. Arkhangelsk.
20. Rodionov, N.A. (2015) *Udmurtskaya respublika. Put’ k Pobede 1945 goda* [Udmurt republic. Way to the Victory of 1945]. Izhevsk: UIHLL UB RAS.
21. Sheptalin, A.A. (1993) *Nemtsy v Udmurtii (Istoriko-demograficheskie ocherki)* [The Germans in Udmurtia (Historical and demographic essays)]. Izhevsk: [s.n.].
22. Shubin, L.L. & Shabardin, A.M. (2016) The history of the work of the evacuation hospital for prisoners of war in the city of Mozhga. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 174–178. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/407/27
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 658. (In Russian).
24. Rzheshevskiy, O. & Ivanitskiy, G. (1978) Pravda i lozh’ o zhizni nemetskikh voennoplennykh v SSSR [The truth and lies about the life of German prisoners of war in the USSR]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 10.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 2. File 205. Vol. 14. (In Russian).
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 715. (In Russian).
27. Russian State Military Archive. Fund 55p. List 3. File 4. (In Russian).
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 748. (In Russian).
29. Fedoseeva, F. (2001) V okna i dveri stuchalas’ voyna [The war was knocking at the windows and doors]. *Mashinostroitel’*. 15. 26 April.
30. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-551. List 2. File 693. (In Russian).
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 822. (In Russian).
32. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-1862. List 1. File 28. (In Russian).
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 1. File 727. (In Russian).
34. Rekunkov, A. (ed.) (1990) *Nyurnbergskiy protsess: sb. materialov: v 8 t.* [The Nuremberg Trials: Materials: in 8 vols]. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
35. Perevoshchikov, D.V. (2011) Voennoplennye v Priural’e. 1941–1949 gg. [Prisoners of war in the Urals. 1941–1949]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 3.

Received: 23 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 142–146. DOI: 10.17223/15617793/417/20

УДК 930.2:271.2:27-526.62(470.1)

Н.Е. Плаксина

ПЕРЕПИСКА ПИЖЕМСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И БЫТОВАНИЯ ИКОНЫ НА НИЖНЕЙ ПЕЧОРЕ (XIX в.)

Исследование осуществлено в рамках научного проекта № 15-14-11002, поддержанного РГНФ и Правительством Республики Коми.

Проведен источниковедческий анализ двух документов переписки нижнепечорских старообрядцев беспоповского даниловского согласия по поводу заказа икон из собрания Древлехранилища ИРЛИ РАН: письма лексинца Семена Дорофеевича наставнику Великопоженского скита Ивану Стахиевичу Томилову 1824 г., а также письма пижемского крестьянина Кирилла Кириковича Чуркина неизвестному иконописцу (конец XIX в.?). Письма отражают отношение пижемских старообрядцев к иконе и иконописцам, позволяют реконструировать взаимоотношения Выго-Лексинского общежительства с другими общинами староверов-поморцев по вопросу обеспечения их иконами, содержат сведения об иконографическом репертуаре заказываемых икон, их стоимости, способах получения.

Ключевые слова: старообрядчество; поморское согласие; икона; Выго-Лексинское общежительство; Нижняя Печора.

Одним из дискуссионных вопросов истории духовной культуры крупнейшего северного старообрядческого анклава на Нижней Печоре является вопрос о существовании здесь собственного иконописания. Существуют две точки зрения. Первая, основанная на данных визуального и технико-технологического обследования группы происходящих из Усть-Цилемского района икон, предполагает, что иконописная мастерская, обслуживавшая потребности в иконах местного старообрядческого населения, существовала в Великопоженском скиту, где сложилась своя особая иконописная школа, близкая к традициям выговского иконописания [1–3].

Согласно другой точке зрения иконы и книги поступали в Великопоженский скит из Выго-Лексинского монастыря, с которым печорские старообрядцы поддерживали тесные контакты на протяжении всей своей истории с начала XVIII в. Этой точки зрения придерживался крупнейший археограф-исследователь печорский книжности В.И. Малышев [4–6], более тридцати лет собиравший на территории Усть-Цилемского района и сопредельных с ним населенных пунктов памятники письменности.

В.И. Малышевым были выявлены документы хозяйственной деятельности Великопоженского скита и переписка его жителей с выговскими старообрядцами. В экспедиции 1955 г. В.И. Малышев и Ф.А. Каликин приобрели у Феодосии Васильевны Чупровой в д. Боровской на Пижме письмо некоего лексинца Семена Дорофеевича на Великие Луга Ивану Евстафьевичу [6. С. 448]. Текст этого письма был опубликован В.И. Малышевым [4. С. 492–493]. В дальнейшем экспедицией Пушкинского дома в 1972 г. на Пижме было обнаружено еще одно письмо, а точнее, его фрагмент, в котором говорится о заказе икон – это письмо жителя д. Замежная Кирилла Кириковича Чуркина, адресованное некоему иконописцу [7. С. 352]. Источниковедческий анализ этих писем имеет важное значение для исследования вопросов происхождения и бытования старообрядческой иконы на Нижней Печоре, позволяет полнее представить характер взаимоотношений пижемских старообрядцев с Выго-Лексинской киновией и внешним миром по поводу заказа икон, отражает особенности их отношения к иконе и иконописцу.

Обратимся к более раннему письму от 28 ноября 1824 г., адресованному Ивану Евстафьевичу. Этот период времени в истории Великопоженского скита был временем относительно спокойного существования накануне сильного потрясения, которым стал пожар, случившийся в обители в 1825 г. и уничтоживший почти все его строения. Наставником скита в этот период времени был Иван Евстафьевич (Стахиевич) Томилов, обладавший большим авторитетом среди местных жителей. Он и был, как предположил В.И. Малышев, адресатом рассматриваемого письма. Автором послания является лексинец Семен Дорофеевич. Согласно ревизским сказкам Повенецкого уезда 1834 г. житель Лексинского селения Семен Дорофеевич родился около 1756 г., умер в 1830 г., своей семьи не имел. Среди приписных жителей Лексинского селения называются его сестра Авдотья 60 лет и младший брат Иван [8. Л. 168 об.]. Авдотья Дорофеевна занималась в Лексе воспитанием девиц [9. С. 16]. Иван упоминается в письме Семена Дорофеевича на Пижму в связи выполнением заказа великопоженцев на книги – он занимался их поиском в «архиле» некоего «отца Антона Семеновича». В год написания письма Семену Дорофеевичу было 68 лет, сам он называет себя в письме стариком. Преклонный возраст не помешал ему в 1824 г. совершить дальнее путешествие в Великопоженский скит, о чем он сам сообщает в письме («бывший у вас старик»). Имя Семена Дорофеевича упоминается в письме лексинцев на Пижму от 4 ноября 1824 г. с благодарностью Ирине Лукиничне за присылку через него денег [10. С. 86]. Скорее всего, он был одним из монастырских сборщиков, которые «рассылались по разным местам России для сбора денег на поддержание своих богаделен и больниц» и развозили предметы культа, изготовленные в монастыре – живописные и меднолитые иконы, кресты, венчики для умерших, рисованные настенные листы и пр. [9. С. 17].

Семен Дорофеевич благодарил в письме «сиротского благотворителя» Ивана Стафиевича, а также всех «благотворителей и благотворительниц» за «отеческое призрение и неоставление» и сообщал о посылке четырех из заказанных икон: «Покров пресвятыя Богородицы, цена 12, иконы трех святителей Ва-

силия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, цена 10, икона собор Архистратига Михаила, цена 13, Георгия Великомученика на коне, цена 9». Автор письма сообщал, что прочие иконы остаются недоработанными за нездоровьем мастера, которому были отданы. Тот «божиим изволением пролежал лето все», в связи с чем Семен Дорофеевич сам «по осени ездил в Питербург». Цель поездки в Петербург и ее связь с иконным заказом не совсем ясны. Возможно, иконы были написаны в Петербурге, исполнитель должен был доставить заказ на Лексу, но из-за болезни мастера Семену Дорофеевичу пришлось ехать за ними самому.

Известно несколько имен даниловских иконописцев, работавших в первой половине XIX в., – мастер Григорий, Василий Иванов Локачев (Лайкачев) из Березовки, Семен Петров Кугрин (Богданов), Андрей Никитин Питерцов, Никита Васильевич Питерцов (1773–1849), Андрей Ефимов Куйкин из Шелтопорога [11. С. 11]. Г.И. Фролова называет имена мастеров из Березовки: сына мастера Григория Тимофея Григорьева и Тимофея Иванова, а также Александра Потапова из Огорелышей [12. С. 217]. Имеются отдельные сведения о связях даниловских иконописцев с Санкт-Петербургом. По сведениям Г.И. Фроловой, Тимофей Григорьев некоторое время проживал и работал в Петербурге [Там же]. Это подтверждает рапорт Повенецкого земского исправника начальнику Олонецкой губернии от 27 апреля 1860 г., сообщающий, что Тимофей Григорьев Кичугин, состоящий под надзором полиции, некоторое время находился в «дозволенной ему отлучке в Санкт-Петербург», после возвращения из которой «занялся сам, и чрез других иконописцов, заготовлением икон в духе раскола» [13. Л. 1]. Таким образом, иконы для Великопоженского скита вполне могли быть в это время написаны в Санкт-Петербурге. Центром, вокруг которого осуществлялась деятельность выговских иконописцев в Санкт-Петербурге, вероятно, была моленная Ивана Феоктистовича Долгова, завещанная им Выговскому старообрядческому общежительству и управлявшаяся в этот период Федором Петровичем Бабушкиным [14. С. 111]. На связь с Санкт-Петербургом может указывать и фамилия иконописцев Питерцовых из Шелтопорога – Никиты Васильевича и Андрея Никитина (как известно, фамилии в официальных документах стали появляться у староверов только ближе к середине XIX в.).

Ревизские сказки Повенецкого уезда позволяют уточнить некоторые сведения (фамилии, даты жизни) о даниловских иконниках, работавших в 1820-е гг. – возможных исполнителях заказов Великопоженского скита. Так, Тимофею Григорьеву Кичугину (Кичигину) по переписи 1834 г. было 42 года, т.е. родился он около 1792 г. В 1820-е гг. мог подвизаться в Санкт-Петербурге. По данным частного пристава 1855 г., «в прежние годы часто временно приезжал в город Петрозаводск для продажи икон, каковые развозил по другим местам» [15. Л. 6]. В 1820-е гг. еще работал его отец Григорий Семенов, в 1827 г. причисленный по предписанию казенной палаты в д. Березовку из Шелтопорога и умерший в 1829 г. В это же время работал иконописец Григорий Никитин Потьтоев (Поттоев) (род. ок. 1795), имя которого упоминается в докладе начальника Олонецкой губернии архиепископу Олонецкому за 1860 г. наряду с Василием Лайкачевым и Тимофеем Кичугиным в числе крестьян д. Березовки, которым подпискою запрещено заниматься иконописанием [16. Л. 6]. Григорий Никитин также был приписан к Березовке по предписанию казенной палаты из Шелтопорога в 1827 г. [8. Л. 85 об.–86]. Василий Иванов Лайкачев родился в 1810 г., согласно переписи 1834 г. был причислен в Березовку в 1827 г. из Выгозерского погоста, своей семьи не имел [Там же. Л. 87 об.]. Никите Васильеву (Питерцову. – *Н.П.*) из Шелтопорога в 1834 г. был 51 год, его сын Андрей родился в 1820 г. Андрей (Куйкин. – *Н.П.*), сын Ефима Семенова из Шелтопорога, родился в 1810 г. [Там же. Л. 88–89]. Таким образом, Андрей Семенов Куйкин, Андрей Никитин Питерцов и Василий Иванов Лайкачев принадлежат уже к следующему поколению иконописцев, чье зрелое творчество выпадает на самый сложный период в истории Выгорецкого общежительства – 1840-е гг.

По другим источникам прослеживается имя еще одного мастера, произведения которого приобретались пижемскими староверами, – крестьянина Выгорецкой Верховской трети Сергиева селения Афанасия Антонова. Оно известно по трем документам: надписи на лицевом «Житии святителя Николы Мирликийского», приобретенном В.И. Малышевым в д. Загривочной на Пижме («Сия книга Повенецкого уезда Выгорецкой Верховской трети Сергиева селения крестьянина Афанасия Антонова за подписанием Его своеручным декабря 1 дня 1806 года» [4. С. 480–481], надписи на Антоновском Иконописном подлиннике («Сей лечебник Повенецкого уезда Выгорецкия Верховской трети Сергиева селения государственного крестьянина Афанасия Антонова подписал своеручно 1809 года сентября 15 числа») [17. С. 386] и своеручно подписанной им в 1811 г. прориси с иконы «Чудо Георгия о змие» [18. Л. 39]. Очевидно, Афанасий Антонов был иконописцем и рисовальщиком, продолжателем иконописных традиций Сергиевского скита. Согласно ревизским сказкам Повенецкого уезда, он родился около 1789 г. [8. Л. 108 об.–109]. Его отец Антон Андреев (1749–1813) [19. Л. 26 об.] был причислен к Сергиевскому селению из деревни Космозеро Петрозаводского уезда а мать Ирина Гурьева взята в замужество с Кодозерского селения [20. Л. 273]. Афанасий Антонов был мирским иконописцем, имел жену и сына. Все три сохранившихся памятника, подписанные рукой Афанасия Антонова, датируются 1809–1811 гг., когда ему было немногим более 20 лет. Умер Афанасий Антонов в 1824 г. в 35-летнем возрасте. В связи с этим большой интерес представляют сведения письма Семена Дорофеевича на Пижму, который сообщает о «бедном общественном состоянии», постигшем даниловских старообрядцев: «Весьма оскудели во всем: в хлебных харчах, в платье и в обуви. Кое-как проживаем день к вечеру». Об этом же он напоминает в связи с выполнением иконного заказа: «Если оные наде выполнить, то Вы пришлите записку и при оном задаточек, ибо… у иконников и у

всех у нас скудость хлебная постигла». По опубликованным сведениям, в 1820-е гг. в Повенецком уезде Олонецкой губернии был голод, который дополнительно мог побудить даниловских старообрядцев искать поддержки среди одноверцев в отдаленных скитах Поморья. Информация о тяжелом экономическом положении жителей Повенецкого уезда, в который входили селения Выго-Лексинского общежительства, подтверждается ревизскими сказками 1834 г., демонстрирующими высокую смертность среди крестьян Даниловской волости (сел Сергиевского, Березовки, Шелтопорога, Огорелышей и др.) в 1820-е гг. Вероятно, это были первые потрясения, уже в те годы постигшие Выго-Лексинское общежительство.

Второе письмо (точнее, его фрагмент) адресовано с Пижмы некоему неизвестному иконописцу [7. С. 351; 21. Л. 1–1 об.]. Вероятно, оно было написано в конце XIX в., когда Великопоженский скит, окормлявший местных староверов, давно прекратил свое существование. Об авторе письма крестьянине д. Замежная Кирилле Кириковиче Чуркине известно крайне мало. По сведениям В.И. Малышева, он был не только владельцем одного из крупных книжных собраний на Печоре, но и рисовальщиком миниатюр и настенных листов [5. С. 16]. К сожалению, художественное творчество Кирилла Чуркина не сохранилось или же пока не выявлено. Интересно, что, несмотря на личный художественный опыт, Кирилл Чуркин не брался за написание икон, что можно объяснить особым отношением старообрядцев поморского согласия к иконописцам. Иконописание понималось не мирской, а сакральной профессией. От святости иконного ремесла зависела сила и благодать образа [22. С. 128–129]. В письме идет речь о заказе икон стандартного аналойного размера, который, как правило, составляет 8 на 6 вершков, или 36 × 26,5 см. Кирилл Чуркин сообщает, что «снял с иконы меру». Приведем текст содержания заказа (выносные буквы внесены в строку, сокращения восстановлены; Утраченный текст в круглых скобках, восстановленный – в угловых): «Перва икона Исуса Христа Господа Вседержителя, на (…) // Пречистую Его матерь пресвятую Богородицу, и честнаго и (….) // на той иконе три лика. // Втора икона Пресвятая Богородица скорбящим <радость> // Третья икона святое Воскресение Христово // <ч>етверта икона честное и славное Благовещени<е> // <П>ята икона святого славного апостола Ио<анна Богослова> (? – *Н.П.*) <ст>арости его седин с растворенной книг <ой >. <С >их Е (5) икон». Кирилл Кирикович обращается к адресату письма – «честный иконописче», о себе сообщает – «носитель сего заказа Архангельской губернии Замежного общества и деревни (…) Кирилл Кириков фамилия Чуркин». Автор письма интересуется: «А тебя бы желаю же знать как… твое жительство, далеко ли расстояние». Обещает «кланеюсь и попомню твои труды (…) верно и праведно ото всей совести». Просит – «не оставь меня грешного». Обещает, что «за деньгами дело не станет», «рассчитаюсь до копейки» во время «крещенской ярмоньги в Вашки». На полях приписка: «Еще забыл помянуть два лика на одну страну (…), а на другую (….)», – речь идет о приписке патрональных святых на полях иконы. Письмо представляет собой интересный документ, свидетельствующий о том, что в конце XIX в. пижемские старообрядцы беспоповского поморского согласия заказывали иконы за пределами Усть-Цилемской волости. Получение заказа и расчеты производились на Крещенской ярмарке в Важгорте (на Вашке). Содержание письма говорит о глубоком почтении и искреннем интересе пижемского крестьянина к личности и труду неизвестного иконописца – носителя сакрального искусства, от которого зависит его спасение.

Таким образом, рассмотренные в рамках данной статьи письма содержат информацию о репертуаре и стоимости заказываемых икон, дают косвенные указания на место изготовления икон и способы их доставки заказчикам, отражают характер взаимоотношений между заказчиком и иконописцем. Письма содержат некоторые подробности повседневной жизни и экономического положения иконописцев-крестьян Повенецкого уезда в первой четверти XIX в. Разделенные временной дистанцией почти в столетие, документы свидетельствуют в пользу версии о преимущественно привозном характере икон, бытовавших в XIX в. среди пижемских старообрядцев беспоповского поморского согласия. Сложившийся с первых лет возникновения поморского согласия обычай почитания как единственно истинных икон, освященных авторитетом Выго-Лексинского общежительства, сохранялся до тех пор, пока были живы носители традиций выговской иконописной школы. В конце XIX в. в условиях отсутствия объединяющего и сакрализующего влияния киновии староверу приходилось доверяться личности иконописца, статус которого по традиции приравнивался к статусу наставника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А., Афанасьев Ю. Великопоженская икона // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2011. № 5 (86). С. 4–15.
2. Афанасьев Ю.И. Великопоженская икона // Вторые Мяндинские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 315–317.
3. Афанасьев Ю., Афанасьев А. Краски великопоженских икон // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 5 (96). С. 4–10.
4. Малышев В.И. Пижемская рукописная старина: (отчет о командировке 1955 года) // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1956. Т. 12. С. 461–493.
5. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVII–XX вв. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1960.
6. Малышев В.И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVII–XX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 18. С. 442–457.
7. Махновец Т.А., Пиотровская Е.К., Ярошенко Л.В. Поездка за рукописями на Печору летом 1972 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) ; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. Т. 29. С. 351–352.

8. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 4. Оп. 18. Д. 57/541. Ревизские сказки Олонецкой губернии 1834 г.
9. Бурцев А.Е. Полное собрание библиографических трудов. СПб., 1908. Т. III, вып. 17.
10. Маркелов Г.В. Писания выговцев : каталог-инципитарий, тексты. СПб., 2004.
11. Платонов В.Г. Иконопись // Культура староверов Выга (к 300-летию основания Выговского старообрядческого общежительства): каталог. Петрозаводск, 1994. С. 11–17.
12. Фролова Г.И. Иконописцы Выговской староверческой пустыни // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России : сб. науч. ст. и материалов. СПб., 2003. С. 211–219.
13. НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 28/771. Дело по доношению Повенецкого исправника о воспрещении раскольнику Тимофею Кичугину заниматься иконописанием. 1860.
14. Пивоварова Н.В. Пиккиева моленная в Санкт-Петербурге: страницы истории // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2007. Т. 1. С. 111.
15. НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 21/538. Дело о доставлении сведений об Иване Григорьевиче Кичугине.
16. НА РК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 8/60. Дело по отношению начальника Олонецкой губернии о сделанных им распоряжениях относительно воспрещения раскольнику Тимофею Григорьеву Кичугину и другим заниматься иконописанием.
17. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. / сост. Ю.И. Гринберг. СПб., 1995. Т. 1, кн. 2.
18. Научный архив СПБ ФИРИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Картон 327/14. Л. 39. Воспр: Маркелов Г.В. Книга иконных образцов. 550 подлинных прорисей и переводов. СПб., 2001. Т. II. С. 601.
19. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 47/446. Ревизские сказки казенных поселений Верховской трети Повенецкого уезда. 1816 г.
20. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 22/218. Ревизские сказки экономических крестьян Шунгского погоста 1795 г.
21. Древлехранилище ИРЛИ РАН. УЦн. 324. Л. 1–1 об.
22. Тарасов О.Ю. Икона и благочестие : очерки иконного дела в императорской России. М., 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 февраля 2017 г.

PERSONAL CORRESPONDENCE OF THE OLD BELIEVERS OF PIZHMA AS AN INFORMAION SOURCE ON THE ORIGIN AND EXISTENCE OF ICONS IN THE LOWER PECHORA (19TH CENTURY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 142–146.
DOI: 10.17223/15617793/417/20

Natalia E. Plaksina, National Gallery of the Komi Republic (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: nplaks@mail.ru

Keywords: Old Believers; Pomorians; icon; Vygo-Leksinsky Monastery; Lower Pechora.

The article studies the origins of the Old Believer icons on the territory of modern Ust-Tsilma district of the Republic of Komi. These territories were part of the Mezensky district of Arkhangelogorodsk Province (the Lower Pechora area). There are two main lines in the historiography of the theme. According to one of them, the center of the Old Believer icon painting in the Lower Pechora that continued the tradition of the icon painting school of Vyg was the Velikopozhensky Cell on the Pizhma River. The other view claims that the icons as well as other objects of religious worship came to the region from the Vygo-Leksinsky Monastery. During the study of this issue, analysis of written sources can be useful, namely the correspondence of Pizhma Old Believers of the Bezpopovtsy (Priestless) Danilovtsy (Pomorian Old-Orthodox Church) preserved in the funds of the Archive of the RAS Institute of Russian Literature, e.g., letters of Semen Dorofeevich from Leksa to Ivan Stakhievich Tomilov, mentor of the Velikopozhensky Monastery, of 1824, letters of peasant Kirill Kirikovich Churkin from Pizhma to an unknown master of icons (the last third of the 19th – early 20th centuries). Of particular interest is the 1824 letter of Semen Dorofeyevich from Leksa to the Velikopozhensky Cell which confirms information that in the first quarter of the 19th century monks of the Velikopozhensky Monastery ordered icons from Danilov parish icon painters in Povenets County, they also made icons for the Vygo-Leksinsky Monastery. The letter gives information about the place where the icons were painted (St. Petersburg?). It also shows some details of the economic situation of the Danilov villages in the first quarter of the 19th century. Comparison of data of the 1735–1850 census lists of Povenets County and the already published materials about the icon painters of Vyg helped to specify information about the author's (Semen Dorofeyevich from Leksa) genealogy and to identify icon painters from the Danilov villages in the first quarter of the 19th century, the possible implementers of the order from the Velikopozhensky Monastery. After the destruction of the Vygo-Leksinsky Monastery in the middle of the 19th century, the old-established relations and ways to satisfy the needs of the local Old Believer prayer needs were ruined. In the last third of the 19th century, without the cenoby with its sacral influence, the Old Believers had to trust the icon painter, whose status was traditionally equated to the status of a mentor. This is proved by the letter of peasant Kirill Churkin from Pizhma to an unknown icon painter. It says about the order of five icons of the analogion format and about their delivery to the Epiphany Fair in Vazhgort (on the Vashka River). The letter shows the peasant's respect to the unknown icon master, and his interest in his personality and work, which is common for Pomorian Priestless Old Believers. The letters contain iconographic wishes for icons, as well as information on their cost. The letters prove the idea that icons came to the Lower Pechora from other districts, at least in the first quarter of the 19th century and in the last third of the 19th – early 20th centuries.

REFERENCES

1. Afanas'ev, A. & Afanas'ev, Yu. (2011) Velikopozhenskaya ikona [Velikoporozhenskaya icon]. *Antikvariat: predmety iskusstva i kollektsionirovaniya*. 5 (86). pp. 4–15.
2. Afanas'ev, Yu.I. (2011) [Velikoporozhenskaya icon]. *Vtorye Myandinskie chteniya* [Second Mändin readings]. Proceedings of the all-Russian conference. Vol. 1. Syktyvkar. pp. 315–317. (In Russian).
3. Afanas'ev, Yu. & Afanas'ev, A. (2012) Kraski velikopozhenskikh ikon [Paints of Velikoporozhenskaya icons]. *Antikvariat: predmety iskusstva i kollektsionirovaniya*. 5 (96). pp. 4–10.
4. Malyshev, V.I. (1956) Pizhemskaya rukopisnaya starina: (otchet o komandirovke 1955 goda) [Pizhma manuscript antiquities: (report on the trip of 1955)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 12. pp. 461–493.
5. Malyshev, V.I. (1960) *Ust'-Tsilemskie rukopisnye sborniki XVII–XX vv.* [Ust-Tsilem manuscript collections of the 17th–20th centuries]. Syktyvkar: Komi knizh. izd-vo.
6. Malyshev, V.I. (1962) Perepiska i delovye bumagi ust'-tsilemskikh krest'yan XVII–XX vv. [Correspondence and business papers of Ust-Tsilem peasants of the 17th–20th centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 18. pp. 442–457.

7. Makhnovets, T.A., Piotrovskaya, E.K. & Yaroshenko, L.V. (1974) Poezdka za rukopisyami na Pechoru letom 1972 g. [A trip for manuscripts to the Pechora in the summer of 1972]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 29. pp. 351–352.
8. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 4. List 18. File 57/541. *Revizskie skazki Olonetskoy gubernii 1834 g.* [Census lists of Olonets Province of 1834].
9. Burtsev, A.E. (1908) *Polnoe sobranie bibliograficheskikh trudov* [Complete collection of bibliographic works]. Vol. 3. Is. 17. St. Petersburg: [s.n.]
10. Markelov, G.V. (2004) *Pisaniya vygovtsev: katalog-intsipitariy, teksty* [Writings of the Vygians: catalog-incubation, texts]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
11. Platonov, V.G. (1994) Ikonopis' [Icon painting]. In: *Kul'tura staroverov Vyga (k 300-letiyu osnovaniya Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchezhitel'stva): katalog* [Culture of Old Believers of Vyg (to the 300th anniversary of the founding of the Vyg Old Believers' community): a catalog]. Petrozavodsk: AO "Karpovan Sizarekset".
12. Frolova, G.I. (2003) Ikonopistsy Vygovskoy staroverchеskoy pustyni [Icon painters of the Vyg Old Believer Desert]. In: Pashkov, A.M. (ed.) *Vygovskaya pomorskaya pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii: sb. nauch. st. i materialov* [Vyg Pomor Desert and its significance in the history of Russia: articles and materials]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
13. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 1. List 46. File 28/771. *Delo po donosheniyu Povenetskogo ispravnika o vospreshchenii raskol'niku Timofeyu Kichuginu zanimat'sya ikonopisaniem. 1860* [The case on the report of the Povenetsky police officer on the prohibition for the dissenter Timofey Kichugin to engage in icon painting. 1860.].
14. Pivovarova, N.V. (2007) Pikkieva molennaya v Sankt-Peterburge: stranitsy istorii [Pikkiev's Prayer Room in St. Petersburg: pages of history]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Old Believers: history, culture, modernity]. Vol. 1. Moscow.
15. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 1. List 46. File 21/538. *Delo o dostavlenii svedeniy ob Ivane Grigor'eviche Kichugine* [The case of getting information about Ivan Grigoryevich Kichugin].
16. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 25. List 8. File 8/60. *Delo po otnosheniyu nachal'nika Olonetskoy gubernii o sdelannykh im rasporyazheniyakh otnositel'no vospreshcheniya raskol'niku Timofeyu Grigor'evu Kichuginu i drugim zanimat'sya ikonopisaniem* [The case against the chief of Olonets Province about the orders he made concerning the prohibition for the dissenter Timothy Grigoryev Kichugin and others to engage in icon painting].
17. Grinberg, Yu.I. (1995) *Svod pis'mennykh istochnikov po tekhnike drevnerusskoy zhivopisi, knizhnogo dela i khudozhestvennogo remesla v spiskakh XV–XIX vv.* [Code of written sources on the technique of Old Russian painting, book business and art craft in the lists of the 15th-19th centuries]. Vol. 1. Book 2. St. Petersburg.
18. Scientific Archive of the Branch of the Institute of History of RAS. Coll. 238. List 2. Cardboard 327/14. Page 39. (In Russian).
19. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 4. List 18. File 47/446. *Revizskie skazki kazennykh poseleniy Verkhovskoy treti Povenetskogo uezda. 1816 g.* [Census lists of state settlements of Verkhovsky district of Povenets Uyezd. 1816].
20. National Archive of the Republic of Karelia (NA RK). Fund 4. List 18. File 22/218. *Revizskie skazki ekonomicheskikh krest'yan Shungskogo pogosta 1795 g.* [Census lists of the economic peasants of the Shung Pogost in 1795]
21. Archive of the Institute of Russian Literature of RAS. 324. Page 1–1 rev. (In Russian).
22. Tarasov, O.Yu. (1995) *Ikona i blagochestie: ocherki ikonnogo dela v imperatorskoy Rossii* [Icon and piety: essays on the icon business in imperial Russia]. Moscow: Pushkinskiy fond.

Received: 27 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 147–154. DOI: 10.17223/15617793/417/21

УДК 93/94

А.А. Сорокин

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОЛОСТНОЙ СУД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОСТИ КОНЦА XIX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках проекта проведения научных исследований «Институт выборов в России (XVIII – XXI вв.): тенденции и этапы развития», проект № 17-01-00135.

Изучаются основные взгляды российского общества конца XIX в. на институт крестьянского волостного суда. Рассматриваются оценки волостного суда до и после учреждения земских участковых начальников. Выделяется отношение общественности к обычному праву, использовавшемуся в волостной юстиции, и к крестьянской правовой обособленности. В качестве источниковой базы выступают материалы периодической печати, публицистика, юридические исследования, воспоминания и дневниковые записи государственных и политических деятелей.

Ключевые слова: волостной суд; земские начальники; Комиссия М.Н. Любощинского; Комиссия М.С. Каханова; В.П. Мещерский.

Интерес к крестьянскому волостному суду пореформенной России в современной отечественной историографии нашел свое отражение в десятках статей, диссертаций и монографий. Однако такой аспект, как отношение к этому институту современников, к настоящему времени затронут лишь в небольшом количестве исследований: у А.Г. Галкина [1], Л.И. Земцова [2], А.А. Сорокина [3].

Вся сущность общественно-политических дискуссий о реформе местного суда в Российской империи в широком смысле сводилась к вопросу о целесообразности введения единого низшего суда для всего населения либо, напротив, сохранения самобытного крестьянского суда (в той или иной форме). В этой связи в рамках нашего исследования представляется необходимым вначале более подробно рассмотреть становление и развитие крестьянского волостного суда, включая принципы его формирования и особенности производства.

Волостной суд Российской империи был учрежден в 1861 г. Согласно законодательству в судьи избирались крестьяне на волостном сходе (который, в свою очередь, состоял из волостных и сельских должностных лиц и выборных – по 1 человеку от каждых 10 дворов) [4]. Судьи избирались ежегодно в количестве от 4 до 12 на волость, при этом в самом судебном присутствии должно было быть не менее 3 судей [Там же]. Как правило, судьи исполняли свои обязанности поочередно. Приговоры суда считались окончательными. Суд имело право широкого использования местных обычаев при решении дел.

Сохранились исследования, посвященные изучению деятельности волостных судов как института крестьянской общины. А.А. Чарушин указывает, что «в прежнее время в волостных судах принимались подарки открыто», причем существовала практика принятия подношений с обеих сторон (и тогда судья старался свести решение к примирению) [5. С. 5]. В целом, по публикуемым данным, крестьяне в большинстве своем лояльно относились к волостному суду с его недостатками, и открытое недовольство особенностями работы суда было скорее исключением [Там же. С. 5–6]. Также отмечалось, что применение норм законодательства к решению крестьянских тяжб практически невозможно, ввиду чего в волостной суд не стоит привносить каких-либо изменений за исключением улучшения кадрового состава судейского корпуса [6. С. 11–12]. В этнографических исследованиях мы находим указания на тот факт, что судьи, как правило, решают дело на основании принятых в крестьянском быту обычаев: «ни писарь… ни судьи… не в состоянии отрешится от воззрений, вошедших в их плоть и кровь» [7. С. 27–28].

Современники отмечали, что изначально, сразу после своего учреждения, волостной суд являлся вполне жизнеспособным органом. Так, А.Н. Куломзин указывает, что «в волостные судьи повсеместно в уезде были избраны весьма степенные, рассудительные крестьяне» [8. С. 174]. О доверии к такому суду не только крестьян, но и помещиков писал и В.П. Мещерский, отмечавший, что изначально для крестьянского суда были характерны «тщательные выборы» и «добросовестное решение дел» [9. С. 77]. Высоко ценили волостной суд и славянофилы [10. С. 173].

В то же время, обратившись к источникам, мы можем обнаружить и совершенно иное, более критичное отношение к волостному суду. В этом плане ценнейшим источником являются записки Н.М. Астырева, хорошо знакомого с крестьянской жизнью в бытность волостным писарем. С его точки зрения, волостной суд был подобен человеку, пытавшемуся сесть на два разъезжающихся стула, один из которых – обычай, а второй – закон [11. С. 215]. При этом, в изложении автора, законодательные нормы, ложащиеся в основу судебных решений, часто представляют собой вольные трактовки писарей или самих судей (на фоне плохого знания крестьянами законов).

Критично относились к волостному суду и некоторые государственные деятели. Так, А.А. Половцов писал, что в нем «за стакан вина безграмотные мужики сделают что угодно» [12. С. 168]. Критикуя зависящих от писаря неграмотных судей, он полагал, что такой судебный орган должен разбирать только мелкие дела, не касающиеся других, кроме крестьянства, сословий [Там же. С. 170].

Стоит отметить, что защитники волостного суда не отрицали имеющихся в нем проблем. Здесь вызывает интерес предложенная ими аргументация. В.П. Мещерский, отмечая, что со временем волостные суды лишились доверия крестьянства, пытался свя-

зать это с реформаторским курсом Александра II. Указывая, что сначала были упразднены мировые посредники, а также проведены земская и судебная реформы, он приходит к выводу, что «последние хорошие люди бросили крестьянское дело», в то время как крестьянство нуждается в опеке [9. С. 98–99].

В отечественной историографии оценки волостного суда носят различный характер. На наш взгляд, это является продолжением дискуссий специалистов – современников волостного суда.

В досоветский период цивилисты, дискутируя о волостном суде, преимущественно рассуждали о целесообразности использования норм обычного права. То есть дискуссия сводилась к вопросу о том, следует ли сохранять крестьянскую обособленность в правовом аспекте или же необходимо подчинить регламентацию крестьянской жизни действующим нормам законодательства, обязательным для всех остальных подданных.

Многие исследователи в этом споре полагали, что обычное право и крестьянская обособленность в судебном плане являются положительными характеристиками [13. С. 8; 14]. В качестве аргументов высказывались положения о том, что волостные суды, в отличие от судов общей юрисдикции, больше ориентированы на принцип справедливости при принятии решений, а также менее формализованы и, как следствие, – дешевы и быстры.

С сочувствием к волостной юстиции относился выдающийся правовед, основатель Московского юридического общества и первый редактор «Юридического вестника» Н.В. Калачов. Не отрицая целесообразности в учреждении высшей апелляционной инстанции для крестьянского суда и повышении уровня грамотности и нравственности судей, он высоко оценивал этот институт [15. С. 19–21]. К.И. Тур доказывал, что «необходимо дорожить некоторыми особенностями крестьянского быта», поскольку нормы права не должны расходиться с господствующими в среде крестьян понятиями о справедливости, предостерегая тем самым от навязывания чуждых крестьянству правовых воззрений [16. С. 14].

Сторонники римского права, напротив, утверждали, что «народное право» не имеет четких границ, в связи с чем невозможно положить крестьянские правовые воззрения в основу правовой системы, вследствие чего волостные суды не могут считаться эффективным судебным институтом [17. С. 139; 18. С. 152]. М.М. Ковалевский, рассуждая о природе решений волостных судов, отмечал: «…нелегко определить, в какой степени решения сельских судей продиктованы знанием этих старых обычаев или чувством справедливости и неполным знакомством с существующими законами или, наконец, влияниями скорее безнравственного, нежели нравственного порядка…» [19. С. 316–317].

Подытоживая расхождения во взглядах на волостную юстицию, М.И. Зарудный приходил к выводу, что волостной суд фактически представляет собой неотъемлемый атрибут обособленной крестьянской общины [20. С. 220–222]. То есть, с его точки зрения, изменение системы крестьянского правосудия было нецелесообразно без изменения всех общественно-властных крестьянских институтов (при этом сам исследователь отмечал, что впоследствии было бы целесообразно объединить волостную и мировую юстицию в единый всесословный суд с доступом к занятию судейских должностей для всех сословий и приоритетом образовательного ценза над имущественным).

Советский историк Б.Г. Литвак называл волостной суд «противоречивым», находя в факте его существования стремление крестьянства достичь ограждения от суровых наказаний, полагая при этом, что помещик мог по-прежнему оказывать влияние на крестьянские дела через юридические каналы [21. С. 141–143].

П.Н. Зырянов отмечал, что реформа 1861 г. фактически зафиксировала традиционную структуру крестьянского «мира», но «с большими пробелами и искажениями». То есть волостной суд фактически был призван легализовать отношение общины к тем провинностям, которые совершал тот или иной ее член [22. С. 30–31].

Современный исследователь Л.И. Земцов в своих исследованиях приходит к выводу об оправданности крестьянской правовой обособленности, результатом которой являлось менее формальное рассмотрение тяжб, более направленное на поиск справедливости и примирения [23. С. 31]. Важнейшим фундаментом такой обособленности становится обычное право, поскольку, по мнению исследователя, именно крестьянские обычаи наиболее полно фиксировали понятие справедливости по сравнению с законом при решении дел в волостных судах.

В.Б. Безгин, один из крупнейших исследователей крестьянской жизни и правовых институтов крестьянства, не отрицает нарекания на деятельность волостных судов со стороны крестьян, но отмечает, что система сельского правосудия постепенно совершенствовалась, а сами волостные суды «нельзя обвинить в формальном подходе к оценке преступления» [24. С. 171–173].

Сочувственно о волостном суде отзывается и известный историк Б.Н. Миронов. С его точки зрения, не стоит преувеличивать наметившуюся тенденцию к падению популярности волостных судов среди крестьянства к концу XIX в., поскольку «мировой суд не мог заменить волостной суд» [25. С. 75]. При этом, по его мнению, правительство было заинтересовано в правовой обособленности крестьянства в целях предотвращения влияния города на последнее и поддержания общественного порядка силами традиционных крестьянских общинных институтов [Там же. С. 77].

Напротив, А.Г. Галкин приходит к выводу, что волостной суд хоть и являлся важным институтом в российской деревне, но «неизбежно отставал от потребностей времени» по мере происходивших изменений в социальной жизни крестьянства [1. С. 761–762].

Таким образом, и досоветские, и современные исследователи вычленяют основные присущие волостному суду черты. К ним относятся: минимальный формализм, обширное использование норм обычного права, традиционализм. Соответственно, эти ключевые черты у различных специалистов обозначаются в качестве как положительных, так и отрицательных черт этого судебного института.

Квинтэссенцией дискуссий о сущности волостного суда являются труды Высочайше учрежденной комиссии под председательством сенатора М.Н. Любощинского, которая была образована в 1872 г.

В рамках деятельности вышеуказанной комиссии была дана характеристика современного положения волостного суда, изучена необходимость в местном крестьянском суде и предложены основные меры по реформе волостной юстиции.

Сформулированные рекомендации сводились к следующему. Отмечая, что существовавший волостной суд преимущественно несамостоятелен, безграмотен и бесконтролен, комиссия предлагала его реорганизовать: сохраняя коллегиальную форму, сделать его всесословным, причем для судей ввести условия несменяемости, срочности службы (3 года), образовательного ценза (грамотность). Надзор за таким судом осуществлялся бы со стороны съездов мировых судей (цит. по: [23. С. 407–411]).

Проблемы волостной юстиции обсуждались и в ходе деятельности Особой под председательством статс-секретаря М.С. Каханова Комиссии для составления проектов местного управления (1881–1885 гг.). В качестве подготовительных материалов выступили материалы сенаторских ревизий в 9 губерниях. Так, сенатор А.А. Половцов по итогам ревизии Киевской губернии писал, что волостной суд «служит не столько выразителем крестьянских обычаев, сколько органом произвола волостных писарей и старшин» [26. С. 17]. Сам крестьянский суд, по его мнению, также утрачивает свое значение ввиду безграмотности крестьянства и выбираемых из его среды судей. Неграмотность судей и их зависимость от волостного писаря отмечались и в докладе Тульской губернской земской управы [27. С. 7].

Земства, направлявшие в Комиссию свои заключения, отмечали неграмотность и продажность судейского корпуса, недоверие крестьян к такому суду, однако в большинстве своем не считали возможным полностью упразднить волостной суд [28. С. 295–298].

Обобщая сведения земств, известный публицист и гласный Московской городской думы В.Ю. Скалон в 1885 г. предлагал минимизировать отрицательные черты волостного суда путем сужения его компетенции и устройства, предложив либо избирать судей из членов сельского схода, либо полностью передать сходу судебные полномочия [Там же. С. 309–310].

Этот проект был схож с проектом еще одного представителя московского земства, Д.Ф. Самарина, который предложил Комиссии поставить во главе волостей избираемых земскими собраниями мировых судей, которые при этом осуществляли бы и административные функции. Волостной суд при этом сохранялся бы в качестве второй инстанции [29. С. 89–90].

В итоге волостной суд был реформирован в 1889 г. в ходе учреждения земских участковых начальников. Волостной суд отныне состоял из 4 судей, один из которых, по представлению уездного съезда (в состав которого входили земские начальники уезда и уездный предводитель дворянства), назначался председателем. Сами выборы становились многоступенчатыми: сельские общества выбирали кандидатов в волостные судьи, по 1 от общества (но не менее 8 кандидатов на волость), и из 8 кандидатов земский начальник 4 утверждал в должности волостных судей (остальные числились кандидатами и замещали должность судьи в случае выбытия или временного отсутствия назначенных судей) [30].

Срок службы судей равнялся 3 годам. Требовалось соответствие некоторым цензам: в судьи избирались крестьяне-домохозяева, достигшие 35 лет (ранее возрастной ценз равнялся 25 годам), преимущественно пользующиеся уважением односельчан и грамотные [Там же]. Компетенция суда была значительно расширена. Решения суда могли быть обжалованы у земского участкового начальника.

Таким образом, волостной суд по итогам преобразований 1889 г. был значительно лишен своей автономии. Земские начальники получили возможность влиять на кадровый состав суда. Введение элемента назначения при формировании судейского корпуса частично встраивало крестьянский суд в местную администрацию, возглавляемую земским участковым начальником. Кроме того, административное подчинение волостного суда складывалось и за счет влияния волостных старшин: если по Положению 1861 г. они оставались вне волостного суда, то с 1889 г. они могли назначаться председателями волостных судов. Повышение возрастного ценза давало некоторую гарантию наделения судейскими обязанностями тех лиц, которые менее были подвержены влиянию революционно-народнических настроений.

Н.Е. Ефремова отмечает, что подобными изменениями «был сделан значительный шаг по усовершенствованию волостного судопроизводства», но новшества породили и новые проблемы [31. С. 205]. Положительно оценивает изменения и А.В. Румянцев, с точки зрения которого, «более жесткие основы организации волостного суда, большая четкость в определении проступков и наказаний за них означали существенное продвижение вперед, несмотря на сохранение сословности» [32]. По мнению В.Б. Безгина, появление «опеки» со стороны земских начальников по отношению к крестьянским органам управления и суда объективно соответствовало потребностям российской деревни конца XIX в. [24. С. 121].

Рассмотрим, как периодическая печать оценивала волостной суд после его реформы. В «Гражданине» после подчинения волостного суда земским участковым начальникам в 1889 г. делался вывод о перспективах изменения к лучшему. Отмечая, что крестьянский суд находится в зависимости «от волостного писаря и кулака», издание защищало подчинение земским начальникам, полагая, что судебно-административный институт сможет более тесно взаимодействовать с крестьянством и контролировать качество корпуса судей, а также следить за исполнением приговоров [33]. На страницах консервативного рупора отмечалось, что «народ уже за эти года привык видеть в них блистательных, непосредственных руководителей... Все мы замечаем, что за последнее время так называемые местные правовые обычаи крестьян в значительной степени уступили напору новых юридических начал, построенных уже на печатном законе» [34].

«Гражданин» отстаивал необходимость сохранения волостных судов как народного судебного органа, выдерживая линию, направленную на консервацию

условий деревенской жизни [35. С. 45]. Формируя образ земских начальников как покровителей и хранителей сельской общины с ее самобытностью и обычаями, издание сформулировало тезис о благоприятном воздействии реформы 1889 г. на волостной суд [36]. «Нет никакого сомнения, что новые суды ничего не имеют общего с прежними волостными судами, когда просители иначе не являлись, как со штофами водки и всевозможными подачками» [37], – отмечал помещик-публицист на страницах газеты.

В то же время издание отмечало, что «много придется потрудиться ему, чтобы заставить население не только забыть порядки прежних судов, но и относиться к нему с полным доверием и уважением» [38], и в качестве одной из мер упрощения процесса, «чтобы избавиться от кляузников и сутяг», предлагало установить судебную пошлину, которая шла бы на содержание волостных судей (подчеркивалось, что в содержании волостного суда участвуют лишь крестьяне, в то время как к нему прибегают и мещане, ремесленники и цеховые) [Там же].

В «Новом времени» подчинение волостного суда земским начальникам приветствовалось ввиду его плохой организованности [39].

В «Русской мысли», которая сочувствовала славянофилам и общине, патернализм нового института по отношению к «сельским обывателям», крестьянскому управлению и суду был воспринят вполне лояльно, хотя и была высказана мысль о необходимости введения всесословной волости [40. С. 202].

Напротив, «Русское богатство» критиковало обособленность волостного суда и крестьянской общины вообще, с сожалением находя, что «когда великая реформа 19 февраля 1861 г. прекратила существование на Руси крепостного права, закон не признал еще возможным слить вполне только что освобожденное крестьянство с остальными сословиями в области управления и суда» [41. С. 163].

В «Новом слове», за свой недолгий век существования ставшем главным печатным органом народников, был сделан экскурс к основным заключениям комиссии сенатора М.Н. Любощинского, на основе которых был сформирован тезис об отсутствии необходимости «в особом волостном суде, существующем теперь и вызывающем справедливые на себя нарекания», ввиду зависимости волостного суда от волостного правления [42. С. 30–32]. Это также аргументировалось тем, что «волостное управление, теряя свои исторические корни – общинное землевладение и бессословность – естественно, утрачивает и свое право на существование в современных формах» [Там же. С. 32].

Стоит отметить, что некоторые юристы постарались уйти от политизации в оценках реформы 1889 г. Так, сдержанные оценки дал исследователь обычного права А.А. Леонтьев. В своей монументальной работе, посвященной юридическому быту пореформенного крестьянства, он отметил, что преобразования 1889 г. позволили улучшить кадровый состав корпуса волостных судей, при этом тут же делая ремарку относительно формального характера данного улучшения [43. С. 66–67]. По его мнению, «частные улучшения введены, и довольно существенные, но дело народной юстиции в общем, на наш взгляд, не сделало с этой реформой ни шагу вперед» [44. С. 38].

Не отрицая факта попадания волостных судей в полную зависимость от земских начальников (которые, по его мнению, de facto назначают судей [Там же. С. 39]), А.А. Леонтьев приходит к выводу, что нередко предписания «решить дело в известном смысле» были оправданы и имели положительный результат; весь же «хаос в сфере народной юстиции» им был связан с существованием неписанного обычного права в русской деревне [43. С. 68–69]. Фактически все проблемы местной юстиции правоведом были связаны именно с волостным судом и обычным правом, реформа 1889 г. была охарактеризована как формальная, но как фактор сдерживания распространения обычного права в крестьянской среде земские начальники были удостоены положительной оценки. Предложенный им метод решения проблемы сводился к кодификации обычного права и привлечению в волостной суд интеллигенции [44. С. 35].

А.И. Новиков, имевший шесть лет опыта службы земским начальником в Козловском уезде, в своих «Записках земского начальника» дал подробный обзор крестьянской жизни, затронув и специфику работы своих коллег: «волостные судьи, зависящие всецело от земского начальника, всегда исполнят его приказания» [45. С. 37].

В «Судебной газете» делался вывод, что реформа 1889 г. позволила все же улучшить волостной суд, и в деревне появилось уважение крестьян к такому суду [46]. При этом обозреватель газеты заключал, что необходимо по-прежнему добиваться улучшения кадрового состава волостных судов, в том числе и за счет «толковых писарей», для которых предлагалось введение специального экзамена [Там же]. В то же время деятельность волостного суда в самой своей сущности виделась неудовлетворительной относительно потребностей общества, и известный правовед Н.П. Дружинин со страниц газеты пришел к выводу о необходимости его упразднения [47].

Не отрицал изменений к лучшему и в целом скептично настроенный к волостному суду «Вестник Европы»: «Волостной суд… превратился для уездных обывателей в нормальный суд, ведающий… почти три четверти всех судебных дел» [48. С. 558]. При этом сам журнал призывал «отказаться от новых опытов с волостным судом», отмечая, что если невозможно упразднить его совсем, то следует максимально ограничить его компетенцию и поставить под контроль именно судей, а не земских начальников [Там же. С. 592–593].

Оппонентом «Гражданина» и защищаемых им нововведений выступала и «Юридическая газета». На ее страницах был дан либеральный взгляд на взаимодействие волостного суда и земских начальников: «…в живом составном элементе волостных судов – в его судьях – сплошь и рядом замечается полное отсутствие знаний юридических норм… Во второй инстанции… на выручку беспомощным юристам приходит земский начальник, деятельность которого так тонко подмечена и воспевается “Гражданином”. От него всегда можно услышать утешительное “да уж оставьте так; волостной суд лучше нас знает” или “да ведь волостной суд справедливо отказал ему в иске, ведь он, в самом деле, ка-

налья”» [49]. Обозревателями издания высказывались диаметрально противоположные точки зрения о формировании крестьянского суда на тех же основаниях, что и суд присяжных [49, 50], но общая позиция была единой: «нашему народу для разбора его повседневных и «маловажных» с виду, но в высшей степени важных по значению своему дел его, нужен всесословный, выборный, а в крайнем случае, коронный мировой суд, организованный на основании судебных уставов 20 ноября 1864 года» [51]. Особо газета подчеркивала, что «ссылка на обычай является только в качестве удобного прикрытия для незаконного произвола» [52], равно как и «отсутствие закона, неуловимость совести и шаткость обычаев» [49], характерные для волостных судов.

На страницах «Журнала юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете» была отмечена «полная зависимость последствий проступка от воли частного обвинителя» с намеком на предвзятость волостных судей [53. С. 108].

Таким образом, в конце XIX в. четко обозначилась проблема крестьянского правосудия. Постепенное размывание общины порождало конфликт обычая и закона: в практике нередкими становились случаи, когда решения волостных судов, основанные на обычном праве, отменялись в следующей инстанции на основании законодательных норм. Расширение подсудности волостных судов, произошедшее в 1889 г., требовало объективного повышения уровня квалификации волостных судей. Однако формирование судейского корпуса происходило без каких-либо четких требований к уровню знаний кандидатов, что порождало известные проблемы при осуществлении судопроизводства.

При этом ни в обществе, ни среди специалистов не было единого выработанного мнения по отношению к волостному суду и присущим ему атрибутам (в первую очередь, к обычному праву). Для одних правоведов обычное право представлялось неотъемлемой составляющей крестьянского уклада, для других – не более чем мифом, не имеющим четкого определения.

Отношение периодической печати к волостному суду обусловливалось в основном взглядами на принципы развития общества в целом. Для консервативных изданий, защищавших крестьянскую общину и крестьянскую обособленность, волостной суд представлялся эффективным, дешевым и неформализованным институтом для решения мелких крестьянских тяжб («Гражданин», «Новое время»).

Их оппонентами выступали народники («Новое слово»), отмечавшие отсутствие необходимости в продолжении обособления крестьянства в правовом аспекте.

Негативно к волостному суду относились и специальные юридические издания («Судебная газета», «Юридическая газета», «Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете»). Их позиция основывалась на убеждении в необходимости построения единой правовой системы и уравнении крестьян с другими сословиями в отношении суда. Кроме того, высказывались точки зрения о необходимости повышения требований к кандидатам на судейские должности.

При этом некоторые печатные органы, не являясь сторонниками волостной юстиции вообще, отмечали, что в результате реформы 1889 г. волостной суд несколько изменился к лучшему («Вестник Европы», «Судебная газета»). Нарастание этих дискуссий и противоречий требовало новых законодательных мер и четких сигналов со стороны власти, чем же все-таки должен являться крестьянский суд – обособленным институтом общины или частью единой для всего государства системы местного суда. И в этом отношении либерально настроенные критики волостной юстиции были более последовательны, поскольку крестьянский мир постепенно переставал быть единой монолитной общиной, а с проникновением в жизнь крестьянства новых социокультурных и экономических веяний постепенно утрачивали свое значение и институты этой общины, одним из которых являлся волостной суд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин А.Г. Волостной суд как проблема общественной жизни пореформенной России // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 71. С. 747–763.
2. Земцов Л.И. Борьба за крестьянское правосудие в России в начале XX века // Вестник восстановительной юстиции. 2016. № 13. С. 52–59.
3. Сорокин А.А. Реформа волостного суда в 1890-е годы (по материалам Комиссии Н.В. Муравьева) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 68–74.
4. Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 36, ч. 1. С. 155.
5. Чарушин А.А. Волостные суды в бытовом их освещении. Архангельск, 1912. С. 5.
6. Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии. М., 1872. С. 11–12.
7. Богаевский Н.М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. 1. С. 27–28.
8. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 174.
9. Мещерский В.П. Очерки нынешней общественной жизни в России. Вып. 1: Письма из средних великорусских губерний за 1867 год. СПб., 1868. С. 77.
10. Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли: Научные труды. Н. Новгород, 2008. С. 173.
11. Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. С. 215.
12. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря : в 2 т. Т. 2: 1887–1892. М., 2005. С. 168.
13. Кистяковский А.Ф. Программа для собирания и изучения юридических обычаев и народных воззрений по уголовному праву. Киев, 1878. С. 8.
14. Оршанский П.И. Народный суд и народное право. СПб., 1879.
15. Калачов Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России. СПб., 1880. С. 19–21.
16. Тур К.И. Голос жизни о крестьянском неустройстве (По поводу работ учрежденной при Министерстве внутренних дел Комиссии по пересмотру крестьянского законодательства). СПб., 1898. С. 14.
17. Бразоль Г.Е. Об упразднении волостных и сельских судов. СПб., 1886. С. 139.
18. Обнинский Д. Русский народный суд // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 3. С. 152.
19. Ковалевский М.М. Избранные труды : в 2 ч. М., 2010. Ч. 1. С. 316–317.

20. Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 220–222.
21. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская инициатива. М., 1991. С. 141–143.
22. Зырянов П.Н. Крестьянская община в Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 30–31.
23. Земцов Л.И. Волостной суд в России в 60-х – первой половине 70-х годов XIX в. (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. С. 31.
24. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва ; Тамбов, 2004. С. 171–173.
25. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 75.
26. Записка сенатора А. Половцова о состоянии общественного управления и хозяйства в городах Киевской губернии. Б/м, 1880. С. 17.
27. Доклад Тульской губернской земской управы чрезвычайному Тульскому губернскому земскому собранию по циркулярному предложению г-на министра внутренних дел об устройстве местных по крестьянским делам учреждений. Тула, 1881. С. 7.
28. Скалон В.Ю. По земским вопросам. СПб., 1905. С. 295–298.
29. Страховский И.М. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1904. С. 89–90.
30. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 9. С. 528.
31. Ефремова Н.Е. Реформирование волостных судов в России по закону о земских начальниках от 12 июля 1889 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 205.
32. Румянцев А.В. Усовершенствование волостного суда по закону «О земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. // Проблемы законности. 2011. № 117.
33. Гражданин. 1889. 6 августа.
34. Гражданин. 1894. 27 января.
35. Лукоянов И.В. Российские консерваторы (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. С. 45.
36. Гражданин. 1894. 18 января.
37. Гражданин. 1894. 16 января.
38. Гражданин. 1894. 30 марта.
39. Новое время. 1889. 6 августа.
40. Положения о земских начальниках, преобразовании судебной части и о переменах в волостном суде // Русская мысль. 1889. Кн. 9. С. 202.
41. Анненский Н.Ф. Земские дела // Русское богатство. 1895. № 11. С. 163.
42. Слобожанин М. Коренной вопрос местного управления // Новое слово. 1896. № 11. С. 32.
43. Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. С. 66–67.
44. Леонтьев А.А. Волостной суд и обычное право // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1894. Кн. 9. С. 38.
45. Новиков А.И. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 37.
46. Судебная газета. 1891. 28 апреля.
47. Судебная газета. 1891. 23 июня.
48. Ефимов В. Волостной суд ввиду предстоящей реформы местной юстиции // Вестник Европы. 1896. Кн. 8. С. 558.
49. Юридическая газета. 1896. 25 января.
50. Юридическая газета. 1896. 22 февраля.
51. Юридическая газета. 1896. 11 февраля.
52. Юридическая газета. 1896. 4 августа.
53. Кремлев А. О некоторых недостатках реформы 12 июля 1889 г. // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1894. Кн. 4. С. 108.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2017 г.

THE PEASANT VOLOST COURT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE ESTIMATES OF THE PUBLIC OF THE LATE 19TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 147–154.
DOI: 10.17223/15617793/417/21

Aleksandr A. Sorokin, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: skaliger1989@yandex.ru

Keywords: peasant court; zemstvo district chiefs; Committee for Drafting of Local Governance under the Chairmanship of State Secretary M.S. Kachanov; Committee of Inquiry into Township Court under the Chairmanship of Senator M.N. Luboshchinskiy; Prince V.P. Meshchersky.

This article studies assessments of the peasant volost court of the Russian Empire by the public at the end of the 19th century. The legal basis of the court activities and requirements for the formation of the judiciary are described. Assessments of the establishment of the volost court by the Soviet and modern Russian historians are presented and compared with assessments of its first years by state and public figures, lawyers and liberal, conservative and populist magazines and newspapers. It is noted that the discussion about the volost court was conducted mainly on the possibilities of using customary law in sentencing and on requirements for substitution of judges. Projects of transformation of the volost court during the work of the state advisory committees in the 1870s–1880s are also analyzed. During this period the problem of volost justice was discussed in the Committee for Drafting of Local Governance under the Chairmanship of State Secretary M.S. Kachanov and in the Committee of Inquiry into Township Court under the Chairmanship of Senator M.N. Luboshchinskiy. In the course of their activities, most officials came to a conclusion about the inadequacy of the work of the volost court. Primarily this was due to the low skills of volost judges, and the quality of customs that guided the court in sentencing. Changes in the volost court structure after the establishment of zemstvo district chiefs in 1889, which volost judges were subordinate to are considered. The controversy in the press on this issue, including the views of Russian researchers about the impact of the reforms of 1889 on the work of the volost court, is given. The author comes to a conclusion that the debate about the volost court in society was largely associated with the problem of peasant communities and peasant legal isolation. Due to the fact that, on the one hand, the majority of jurists of the late 19th century supported the Roman law and, on the other, there was a trend in the custody of the peasantry, the problem of the volost justice was broadly discussed in the community, and required specific solutions. In this situation, solutions could be either the preservation of the community and support for peasants' legal isolation, or, on the contrary, the equation of peasants in their rights with other classes, and their subject to a single court.

REFERENCES

1. Galkin, A.G. (2011) Volostnoy sud kak problema obshchestvennoy zhizni poreformennoy Rossii [Volost court as a problem of social life of post-reform Russia]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. 71. pp. 747–763.
2. Zemtsov, L.I. (2016) The Struggle for Peasant Justice in Russia in the Early Twentieth Century. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii.* 13. pp. 52–59. (In Russian).
3. Sorokin, A.A. (2016) Volost Court Reform in the 1890s (Based on the Documents of N.V. Muravyov's Commission). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Ser. Humanitarian and Social Sciences*. 6. pp. 68–74. (In Russian).
4. Russian Empire. (n.d.) Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti [Regulations on the peasants who left the serfdom]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. 36:1:155.
5. Charushin, A.A. (1912) *Volostnye sudy v bytovom ikh osveshchenii* [Volost courts in their domestic coverage]. Arkhangelsk: Gub. tipogr.
6. Yakushkin, E.I. (1872) *Volostnye sudy v Yaroslavskoy gubernii* [Volost courts in Yaroslavl Province]. Moscow: v Universitetskoy tipografii (Katkov i K°).
7. Bogaevskiy, N.M. (1889) Zametki o yuridicheskom byte krest'yan Sarapul'skogo uezda Vyatskoy gubernii [Notes on the legal life of the peasants of Sarapul Uyezd in Vyatka Province]. In: Kharuzin, N. (ed.) *Sbornik svedeniy dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii (obychnoe pravo, obryady, verovaniya i pr.)* [Collection of information for studying the everyday life of the peasant population of Russia (customary law, rituals, beliefs, etc.)]. Vol. 1. Moscow: Tip. A. Levenson i Ko.
8. Kulomzin, A.N. (2016) *Perezhitoe. Vospominaniya* [The experienced. Memories]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
9. Meshcherskiy, V.P. (1868) *Ocherki nyneshney obshchestvennoy zhizni v Rossii* [Essays on the current public life in Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. Ministerstva vnutr. del.
10. Kitaev, V.A. (2008) *XIX vek: puti russkoy mysli: Nauchnye trudy* [The 19th century: the ways of Russian thought: research works]. N. Novgorod: N. Novgorod State University.
11. Astyrev, N.M. (1896) *V volostnykh pisaryakh. Ocherki krest'yanskogo samoupravleniya* [In volost clerks. Essays on peasant self-government]. Moscow: Tipo-litogr. Vysoch. utver. T-va I. N. Kushner i Ko.
12. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t.* [Diary of the state secretary: in 2 vols]. Vol. 2: 1887–1892. Moscow: Tsentrpoligraf.
13. Kistyakovskiy, A.F. (1878) *Programma dlya sobiraniya i izucheniya yuridicheskikh obychaev i narodnykh vozzreniy po ugolovnomu pravu* [The program for collecting and studying legal customs and people's views on criminal law]. Kiev: Universitetskaya tipografiya.
14. Orshanskiy, P.I. (1879) *Narodnyy sud i narodnoe pravo* [People's court and people's law]. St. Petersburg.
15. Kalachov, N.V. (1880) *O volostnykh i sel'skikh sudakh v drevney i nyneshney Rossii* [About volost and rural courts in ancient and present-day Russia]. St. Petersburg: tipografiya V. Bezobrazova i K°.
16. Tur, K.I. (1898) *Golos zhizni o krest'yanskom neustroystve (Po povodu rabot uchrezhdennoy pri Ministerstve vnutrennikh del Komissii po peresmotru krest'yanskogo zakonodatel'stva)* [The voice of life about the peasant disorder (About the work of the Commission for the revision of peasant legislation established under the Ministry of Internal Affairs)]. St. Petersburg: Tipografiya D.V. Chichinadze.
17. Brazol', G.E. (1886) *Ob uprazdnenii volostnykh i sel'skikh sudov* [On the abolition of volost and rural courts]. St. Petersburg.
18. Obninskiy, D. (2010) Russkiy narodnyy sud [Russian People's Court]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava – Journal of Civil and Criminal Law*. 3. pp. 152.
19. Kovalevskiy, M.M. (2010) *Izbrannye trudy: v 2 ch.* [Selected works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
20. Zarudnyy, M.I. (1874) *Zakony i zhizn'. Itogi issledovaniya krest'yanskikh sudov* [Laws and life. Results of the study of peasant courts]. St. Petersburg: Tip. 2 Otd. sobstv. e. i. v. kantselyarii.
21. Litvak, B.G. (1991) *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaya initsiativa* [The coup of 1861 in Russia: why the reform initiative was not realized]. Moscow: Politizdat.
22. Zyryanov, P.N. (1992) *Krest'yanskaya obshchina v Evropeyskoy Rossii v 1907–1914 gg.* [The peasant community in European Russia in 1907–1914]. Moscow: Nauka.
23. Zemtsov, L.I. (2002) *Volostnoy sud v Rossii v 60-kh – pervoy polovine 70-kh godov XIX v. (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [Volost court in Russia in the 1860s — the first half of the 1870s (based on the data of the Central Chernozem Region)]. Voronezh: Voronezh State University.
24. Bezgin, V.B. (2004) *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasant everyday life (traditions of the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow; Tambov: Tambov State Technical University.
25. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social history of Russia in the period of the empire (18th — early 20th centuries): In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
26. Polovtsov, A. (1880) *Zapiska senatora A. Polovtsova o sostoyanii obshchestvennogo upravleniya i khozyaystva v gorodakh Kievskoy gubernii* [Note by Senator A. Polovtsov on the state of public administration and economy in the cities of Kiev Province]. St. Peterburg: [s.n.].
27. Tula Provincial Zemstvo Board. (1881) *Doklad Tul'skoy gubernskoy zemskoy upravy chrezvychaynomu Tul'skomu gubernskomu zemskomu sobraniyu po tsirkulyarnomu predlozheniyu g-na ministra vnutrennikh del ob ustroystve mestnykh po krest'yanskim delam uchrezhdeniy* [Report of the Tula Provincial Zemstvo Board to the Extraordinary Tula Provincial Zemstvo Assembly on the circular proposal of the Minister of the Interior on the organization of local institutions for peasant affairs]. Tula: Tipografiya N.I. Sokolova.
28. Skalon, V.Yu. (1905) *Po zemskim voprosam* [On zemstvo issues]. St. Petersburg: tip. t-va "Obshchestv. pol'za".
29. Strakhovskiy, I.M. (1903) *Krest'yanskie prava i uchrezhdeniya* [Peasant rights and institutions]. St. Petersburg: izdanie tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
30. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. 9:528.
31. Efremova, N.E. (2014) Reformirovanie volostnykh sudov v Rossii po zakonu o zemskikh nachal'nikakh ot 12 iyulya 1889 goda [Reform of volost courts in Russia under the law on zemstvo chiefs of July 12, 1889]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 1 (25). pp. 205.
32. Rumyantsev, A.V. (2011) Usovershenstvovanie volostnogo suda po zakonu "O zemskikh uchastkovykh nachal'nikakh" ot 12 iyulya 1889 g. [Improvement of the volost court under the law "On zemstvo chiefs" of July 12, 1889]. *Problemy zakonnosti*. 117.
33. *Grazhdanin*. (1889). 6 August.
34. *Grazhdanin*. (1894). 27 January.
35. Lukoyanov, I.V. (2003) *Rossiyskie konservatory (XVIII – nachalo XX v.)* [Russian conservatives (18th – early 20th centuries)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
36. *Grazhdanin*. (1894). 18 January.
37. *Grazhdanin*. (1894). 16 January.
38. *Grazhdanin*. (1894). 30 March.
39. *Novoe vremya*. (1889). 6 August.
40. Russkaya mysl'. (1889) Polozheniya o zemskikh nachal'nikakh, preobrazovanii sudebnoy chasti i o peremenakh v volostnom sude [Provisions on zemstvo chiefs, the transformation of the judiciary and the changes in the volost court]. *Russkaya mysl'*. 9. pp. 202.

41. Annenskiy, N.F. (1895) Zemskie dela [Zemsstvo affairs]. *Russkoe bogatstvo*. 11. pp. 163.
42. Slobozhanin, M. (1896) Korennoy vopros mestnogo upravleniya [The root question of local government]. *Novoe slovo*. 11. pp. 32.
43. Leont'ev, A.A. (1895) *Volostnoy sud i yuridicheskie obychai krest'yan* [Volost court and legal customs of peasants]. St. Petersburg: Izd. yurid. kn. mag. N.K. Martynova.
44. Leont'ev, A.A. (1894) Volostnoy sud i obychnoe pravo [Volost court and customary law]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. 9. pp. 38.
45. Novikov, A.I. (1899) *Zapiski zemskogo nachal'nika* [Notes of a zemstvo chief]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
46. *Sudebnaya gazeta*. (1891). 28 April.
47. *Sudebnaya gazeta*. (1891). 23 June.
48. Efimov, V. (1896) Volostnoy sud vvidu predstoyashchey reformy mestnoy yustitsii [Volost court and the forthcoming reform of local justice]. *Vestnik Evropy*. 8. pp. 558.
49. *Yuridicheskaya gazeta*. (1896). 25 January.
50. *Yuridicheskaya gazeta*. (1896). 22 February.
51. *Yuridicheskaya gazeta*. (1896). 11 February.
52. *Yuridicheskaya gazeta*. (1896). 4 August.
53. Kremlev, A. (1894) O nekotorykh nedostatkakh reformy 12 iyulya 1889 g. [On some of the shortcomings of the reform of July 12, 1889]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. 4. pp. 108.

Received: 15 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 155–162. DOI: 10.17223/15617793/417/22

УДК 947.1(571.1)614

А.И. Татарникова

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПОСЕЛКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА, САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX в.».

Характеризуется процесс образования переселенческих поселков на территории Западно-Сибирского региона в конце XIX – начале XX в. Прослеживается эволюция правительственной политики в отношении формирования сети переселенческих поселков, выявляется динамика их численности в период с 1893 по 1911–1912 гг. Автор акцентирует внимание на развитии социальной инфраструктуры образующихся селений и санитарном состоянии жилищ переселенцев в первые годы их водворения на новых землях.

Ключевые слова: Западная Сибирь; переселенческие поселки; инфраструктура; новоселы; жилище; санитарное состояние.

В условиях существования в Российской империи традиционного (аграрного) общества Сибирь как одна из слабозаселенных провинций, имеющих значительный свободный земельный фонд, всегда была объектом пристального внимания как органов власти, так и населения. Земельная теснота в губерниях европейской части страны вынуждала крестьян предпринимать рискованное переселение в отдаленную окраину в поисках удобных для земледелия участков. До 1880-х гг. переселение в сибирский край находилось под правительственным запретом и потому носило преимущественно самовольный характер, что порождало для центральных и местных властей массу трудностей в учете образованных новоселами поселений, их землеустройстве и обложении установленными платежами. В целях облегчения сложившейся ситуации правительство в конце XIX в. сначала легализует самовольных переселенцев, уже прибывших на место водворения, а в начале XX в. полностью снимает запрет на переселение в регион, переходя, таким образом, от запретительной к разрешительной и – далее – поощрительной политике в отношении крестьян, принявших решение о переселении.

Основным районом земледельческой колонизации Сибири в конце XIX – начале XX в. стала западная ее часть, на территорию которой в указанный период вселились около 1,5 млн крестьян [1. С. 202].

Расселение мигрантов на новых землях проходило двумя путями: через приселение к уже существующим населенным пунктам сибиряков-старожилов либо через образование на отведенном под заселение участке нового поселения.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать количественные и качественные результаты правительственной политики в деле формирования сети переселенческих поселков на территории Западной Сибири в конце имперского периода, определив их численность, уровень развития социальной инфраструктуры и санитарное состояние.

Необходимость решения проблемы малоземелья в центральной части страны заставила правительство учредить в 1885 г. Западносибирский землеустроительный отряд, в обязанности которого входила подготовка участков для прибывающих из европейской части России переселенцев. Отряд развернул свою деятельность на юге Тобольской и в Томской губернии, за исключением Алтайского горного округа.

В 1889 г. правительство приняло новый закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Согласно закону мигранты при водворении на новое место жительства могли рассчитывать на получение путевых пособий, ссуд на обзаведение хозяйством. Либерализация законодательства активизировала переселенческое движение за Урал. При этом большая часть переселенцев устремилась в западную часть Сибири, менее удаленную от центральных губерний России, чем восточная. Данные регистрации переселенцев в Тобольской губернии свидетельствуют, что с 1885 по 1890 г. число прибывших в Сибирь крестьян возросло с 11 832 до 47 378 человек в год, а в 1891 г. эта цифра почти удвоилась, достигнув 82 150 человек [2. С. 306].

Массовый наплыв переселенцев актуализировал для правительства задачу своевременного отвода переселенческих участков, нарезки пахотных, сенокосных, пастбищных и иных земель, выделения мест усадебной оседлости для новоселов. В рассматриваемый период началась целенаправленная работа по образованию и развитию новых населенных пунктов, получивших в основном статус переселенческих поселков. Как правило, такой поселок представлял собой населенный пункт, образованный в плановом порядке административными органами власти на предназначенной к заселению территории путем выделения мест усадебной оседлости и определенного количества земельных долей для переселяющегося на новые земли сельского населения.

Количественные и качественные результаты процесса формирования сети переселенческих поселков на территории Западной Сибири зафиксированы в одном из важнейших источников по истории образования и развития сельских поселений – «Списках населенных мест», издаваемых Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел с 1861 г. Первые упоминания в «Списках» переселенческих селений со статусом поселка относятся к 1893 г. В Тобольской губернии таких поселков в указанном году было всего 9, все они находились в Тар-

ском округе [3]. В Томской губернии насчитывалось 45 переселенческих селений, из них 21 (47%) – в Мариинском округе, 12 (27%) – в Бийском, по 6 (13%) – в Томском и Каинском. В Омском округе Акмолинской области к 1895 г. существовало 11 поселков [4].

Начало железнодорожного строительства способствовало ускорению процесса образования переселенческих поселков в регионе. Учрежденный в 1892 г. Комитет Сибирской железной дороги разработал и утвердил 13 июня 1893 г. временные правила о порядке отвода переселенческих и запасных участков в районе пролегания железнодорожной линии. В правилах говорилось, что предназначенные к заселению участки «должны быть обеспечены водою и, по возможности, лесом», а землеустроительные комиссии обязаны были указывать, «какого свойства земельные угодия участка (степные, лесные, требующие искусственного орошения и т.д.), какова на нем почва (черноземная, глинистая, песчаная и т.п.)», «для выходцев какой именно полосы пригоден данный участок» [5. С. 6, 39].

Анализ протоколов заседаний временных комиссий по образованию переселенческих участков на территории Томской губернии в 1907 г. показал, что в большинстве случаев, несмотря на нелестные характеристики ряда отмежеванных участков («сомнительное» или «недостаточное» водоснабжение, «отсутствие строевого леса», «слабые пахотные земли» и пр.), указанные комиссии принимали решение о признании их пригодными под заселение [6. Л. 1 об.–152]. Итогом правительственной политики по заселению прилегающих к железной дороге территорий стало образование большого числа переселенческих поселков.

В 1896 г. при Министерстве внутренних дел было создано Переселенческое управление для непосредственного руководства переселением, учрежден денежный фонд. К этому времени запас пригодных для заселения земель в лесостепной полосе региона истощился, что заставило правительство поднять вопрос о возможности заселения пустопорожних лесных, так называемых урманных, пространств в Тарском, Туринском, Томском, Мариинском и Каинском округах Западной Сибири. С 1896 г. таежная часть названных округов подвергается всестороннему обследованию, результатом которого было принятое правительством решение допускать на всем пространстве тайги, за исключением заказных лесов, свободное водворение переселенцев. Для согласившихся водвориться в урманной полосе был предусмотрен ряд льгот: освобождение на десять лет от казенных сборов, земских и мирских повинностей, отсрочка исполнения воинской обязанности, выплата нуждающимся ссуд [7. С. 291–292].

Благодаря помощи со стороны губернских органов власти заселение тарских урманов проводилось достаточно быстро. Только в 1897 г. в таежную часть Тарского округа было водворено 3 223 переселенца [8. С. 87]. В интересах более успешного заселения названной местности местные власти пытались создать костяк крепких в хозяйственном отношении поселений в полосе первоначального заселения тайги. Надежда возлагалась на то, что такие поселения станут опорными пунктами для дальнейшего водворения переселенцев в лесную глушь и образования новых поселений [9. Л. 22 об.–25].

К 1911–1912 гг. в Тобольской губернии насчитывалось уже 667 поселков. Из них в Тарском уезде – 310, в Тюкалинском – 189, Туринском – 72. Отсутствовали переселенческие селения в Березовском, Сургутском и Ялуторовском уездах [10]. В Томской губернии число переселенческих поселков достигло 1 202. Населенные пункты названного статуса присутствовали во всех уездах губернии. Наиболее часто их можно было встретить в Томском и Каинском уездах (376 и 335 поселков соответственно) [11]. В целом к 1911–1912 гг. переселенческие поселки составляли 12,9% всей поселенческой сети Тобольской губернии и 24,2% сети поселений Томской губернии [10, 11].

Водворение переселенцев заставило правительство разработать правила о порядке образования переселенческих селений и их поземельном устройстве. Нарезая переселенческие участки, землеустроительная комиссия должна была указать предполагаемое место для образования поселка, а также число душевых долей, на которые рассчитан участок. Переселенческий поселок признавался заселенным, когда число всех «действительно водворенных в нем переселенцев» достигало общего числа душевых долей в участке. При этом крестьянский начальник составлял акт об окончательном заселении, согласно которому поселок включался в поселенные списки [12. С. 139].

Согласно циркуляру министерства финансов от 17 ноября 1906 г., адресованному Тобольской казенной палате, «с момента окончательного заселения» поселок переставал считаться переселенческим и переходил в разряд старожильческих селений [13. Л. 72]. Сроки обустройства новоселов на отведенных под заселение участках значительно варьировали. Они зависели от материального положения водворяющихся переселенцев, наличия строительного материала для обзаведения жилищем, уровня оказываемой местными властями помощи и других факторов. В таежной полосе Западной Сибири заселение переселенческих участков происходило гораздо медленнее, чем в лесостепной зоне. В зависимости от природно-климатических условий, плодородия почв, размеров правительственной помощи переселенцам требовалось от 3 до 20–25 лет для прочного обзаведения жилыми и хозяйственными постройками, пахотными, сенокосными, пастбищными угодьями, для становления и развития социальной инфраструктуры.

Помимо выделения усадебных мест административные власти отводили в образующихся переселенческих селениях земельные участки под строительство хлебозапасных магазинов, мельниц, торговых лавок. Если отводимый для заселения участок вмещал более 2 000 дес. удобной земли, в запасе оставлялось 120 дес. под строительство церкви и школы [5. С. 6].

При образовании новых населенных пунктов землеустроительные комиссии учитывали их удаленность от соседних селений, волостного центра, железной дороги, ближайшего рынка или ярмарки, врачебного пункта, школы и других объектов, обеспечивающих связь поселения с внешним миром. Подобные сведения, собранные во время подворных обследова-

ний переселенческих селений, неоднократно издавались губернскими статистическими комитетами. По материалам, касающимся быта переселенцев Тобольской губернии, удалось подсчитать, что в Ишимском округе в 1898 г. среднее расстояние между переселенческим поселком и ближайшим селением составляло 5,8 версты, расстояние до волостного центра – 17,6, до железной дороги – 38,7, доврачебного пункта – 30,6 верст. В Тюкалинском округе, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта, жителю переселенческого поселка надо было проехать 4,7 версты, до волостного центра – 23,7, до железной дороги – 61,0, до врачебного пункта – 39,9 версты (подсчитано по: [14]).

В Тарском округе в 1893–1894 гг. каждое из 32 обследованных переселенческих селений отстояло от ближайшего населенного пункта на 6,3 версты, от волостного центра – на 33,3, от врачебного пункта – на 41,8 и от школы – на 26,3 версты (подсчитано по: [15]).

В Ялуторовском округе в 1893 г. было описано 54 переселенческих поселка. Среднее расстояние от поселка до ближайшего селения составляло 4,7 версты, до волостного центра – 20,5, до врачебного пункта – 38,2, до школы – 16,8 версты [15].

Величина переселенческих поселков в Тобольской губернии к 1912 г. в среднем насчитывала 43 двора, 278 жителей. При этом среднестатистический населенный пункт названной губернии состоял из 52 дворов, 317 жителей. Наиболее крупными были переселенческие поселки Ишимского уезда (78 дворов с 495 жителями), а самыми мелкими – поселки Тюменского уезда (11 дворов с 99 жителями) [10].

В Томской губернии средняя величина переселенческого селения к 1911 г. насчитывала 46 дворов, 293 жителя. Можно говорить о незначительном росте величины томских поселков, если принять во внимание тот факт, что в 1893 г. среднее селение переселенцев губернии состояло из 42 дворов и 246 жителей [4]. К 1911 г. крупные поселки были характерны для Змеиногорского уезда (59 дворов, 407 жителей), мелкие – для Кузнецкого (22 двора, 109 жителей). Величина населенного пункта в Томской губернии, независимо от его типической принадлежности, составляла в среднем 100 дворов, 626 жителей [11].

Таким образом, разница между показателями средней величины переселенческих поселков и населенных пунктов, имеющих другие статусы, в Тобольской губернии в целом была менее значительной, чем в Томской, где поселки переселенцев более чем в два раза уступали по своей величине типичным селениям губернии.

На переселенческие поселки распространялось действие Строительного устава, устанавливавшего общие правила планировки и застройки новых населенных пунктов. Желая образовывать переселенческие селения в плановом порядке, правительство обязало местные власти «наблюдать, чтобы селения были устраиваемы, смотря по местоположению и удобностям, в одну, две и более линий или квадратов; селения же, устраиваемые при речках, протоках и ручьях, располагать по одну или обе стороны оных с наблюдением возможной правильности». Ширина улиц определялась в 10 саженей (21,3 м) [16. С. 244–245].

Сибирский историк Г.А. Ноздрин, изучая материалы обследования быта мигрантов на казенных землях Томской губернии, выяснил, что из 84 переселенческих поселков, образованных в 1880-е гг., 66 были построены в одну улицу, 12 имели несколько улиц, в четырех жители селились беспорядочно. При этом поселками в несколько улиц обычно жили выходцы из Курской и Полтавской губерний, беспорядочно застраивались те населенные пункты, где часть населения составляли сибирские старожилы [17. С. 62].

Экономист и статистик А.А. Кауфман, обследуя в 1894 г. хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, обратил внимание на следующий факт: выходцы из одной губернии, составлявшие в переселенческом поселке новое общество, лучше сживались между собой, чем переселенцы из разных губерний России. В качестве примера исследователь описал взаимоотношения жителей поселка Белгородского Мариинского уезда, заселившегося в 1890–1894 гг.: «Отношения внутри общества неважные: составляющие большинство малороссы недолюбливают курян-великороссов за то, что “шибко ругаются да на сходах кричат”… Напротив, великороссы жалуются на то, что малороссы не уважают трудового начала и распахивают чужие расчистки» [18. С. 294].

При заселении переселенческих участков местные власти старались водворять выходцев из одной губернии компактно, учитывая традиции их землепользования, домообзаводства, ведения быта.

Планировка и застройка переселенческих селений во многом зависели от природных условий и рельефа местности. Особенностями степных поселений являлись простор в их расположении и элементы искусственной планировки: широкая улица (порядок) или несколько улиц, правильно разбитые усадьбы. Населенные пункты таежной части западносибирского региона, напротив, отличались небольшими размерами, плотной застройкой.

Контролировать правильность планировки и застройки образующихся переселенческих селений, наблюдать за соблюдением новоселами мер пожарной безопасности при возведении жилых и хозяйственных строений должны были крестьянские начальники. Им вменялось в обязанность следить за тем, чтобы такие опасные в пожарном отношении постройки, как бани, кузницы, устраивались вне усадеб, на берегах рек, озер и оврагов или при колодцах в отдаленности от усадеб [19. С. 92].

Тем не менее некоторые крестьянские начальники игнорировали предписания вышестоящих органов, редко появлялись в местах водворения переселенцев. Новоселы, предоставленные в таких случаях самим себе, вследствие неведения самовольно выбирали места усадебной оседлости, нарушая при этом правила устройства населенных пунктов. Органы местной власти строго относились к таким нарушителям, заставляя их подчиниться общим правилам и перенести уже отстроенные дворовые и хозяйственные постройки на отведенные под это места.

Чем большее экономическое значение имел поселок для близлежащей округи, тем развитее была его

социальная инфраструктура. Анализ «Списков населенных мест» за 1911–1912 гг. показал, что инфраструктура переселенческих поселков Тобольской губернии была более развитой, нежели соседней Томской. Из 667 тобольских переселенческих поселков элементы инфраструктуры имелись в 359 (54%) селениях. В образующихся селениях часто можно было встретить мельницы, кузницы, маслобойни, торговые лавки и др. Наиболее богатой была инфраструктура переселенческих селений Тюкалинского уезда. Из 189 поселков, расположенных на его территории, 125 (66%) имели мельницы, 120 (63%) – хлебозапасные магазины. Кузницы, торговые лавки и промышленные заведения (преимущественно маслодельни) присутствовали в каждом втором поселении (в 98 населенных пунктах). В 44 поселках имелись образовательные учреждения, в 29 – пожарные сараи, в 21 – религиозные учреждения.

На втором и третьем местах по обеспеченности инфраструктурой были Ишимский и Тарский уезды. Наиболее слабой социальной инфраструктурой отличались переселенческие поселки Тюменского уезда [10].

В Томской губернии достаточно развитой инфраструктурой переселенческих поселков характеризовались Каинский и Бийский уезды. В селениях Каинского уезда наибольшее распространение получили образовательные учреждения, хлебозапасные магазины и мельницы, Бийского – маслодельные заведения и мельницы. Наименее развитой была инфраструктура переселенческих поселков Томского и Кузнецкого уездов [11].

Характерным явлением для социальной инфраструктуры переселенческих селений Западной Сибири стало заметное преобладание образовательных учреждений над религиозными. К примеру, в Тобольской губернии образовательные учреждения имелись в 77 поселках, а религиозные – в 35. Выявленный факт можно объяснить тем, что строительство церквей было более дорогостоящим мероприятием, чем открытие образовательного учреждения, помещением для которого нередко выступал обычный крестьянский дом, арендуемый за небольшую плату крестьянским обществом у кого-то из односельчан.

В целом переселенческие поселки отставали от старожильческих селений по уровню развития инфраструктуры. В зачаточном состоянии находилась торговая сеть поселков, что вынуждало новоселов выезжать далеко за пределы своих селений для покупки предметов первой необходимости (спичек, керосина, чая и др.). Удаленность многих поселков от транспортных путей затрудняла втягивание крестьянских хозяйств в товарное производство. Отсутствие медицинских учреждений лишало возможности получения своевременной квалифицированной помощи, способствовало длительному течению эпидемических заболеваний.

В источниках конца XIX – начала XX в. имеется немало сведений о внешнем виде переселенческих селений. Авторы одних рисуют красочную картину благосостояния переселенцев, добротность и опрятность их жилищ, чистоту улиц в поселках и т.п. [20]. Другие, наоборот, описывают нищету названных селений [21]. Представляется, что внешний вид переселенческих поселков зависел в основном от продолжительности проживания переселенцев на новом месте и уровня их благосостояния.

Массовое обследование переселенческих поселков Томской губернии, проведенное в 1911–1912 гг., показало, что средняя площадь усадьбы новосела достигала здесь 75 аров, а расстояние между жилыми строениями равнялось в среднем 36,5 м. Соответствующие показатели в старожильческих селениях составляли 38 аров и 17,9 м (показатели переведены нами в метрические единицы) [22. С. 160–161]. Таким образом, поселения переселенцев в Сибири отличались более просторным, свободным расположением, чем старожильческие деревни. Вместе с тем переселенческие селения были гораздо хуже обеспечены жильем, качество жилых и хозяйственных построек в них было крайне низким, а санитарно-гигиеническое состояние не выдерживало никакой критики. Материалы массовых обследований переселенческих поселков, проведенных в 1920-е гг. в Сибири санитарными врачами и инженерами, содержат разнообразные сведения, относящиеся ко второй половине XIX – началу XX в., о санитарном состоянии жилищ переселенцев, условиях их жизни в целом [23].

П.Е. Обозненко, описывая в 1897 г. санитарное состояние 23 переселенческих селений Омского округа, образованных в 1893–1896 гг., отметил, что большая их часть расположена в местах, неудобных для жилья, ряд поселков имеет неудовлетворительную питьевую воду, часто соленую на вкус. Большинство новоселов, по свидетельству Обозненко, проживали в землянках по 8–10 человек в каждой. Воздух в них был душным, зловонным, влажным. В переселенческих поселках проживали преимущественно малороссы и немцы, причем землянки последних, по замечанию исследователя, были гораздо просторнее и чище аналогичных жилищ малороссов. Редкие деревянные избы, которыми успели обзавестись к моменту обследования некоторые новоселы, были построены из плохого маломерного леса (березы), отличались чрезвычайно маленькими размерами и в холодное время «совершенно не держали тепла» [24. С. 7–15].

В таежных районах Западной Сибири жилые постройки в переселенческих селениях хотя и строились из более подходящего для этой цели соснового леса, но также отличались своими незначительными размерами, отсутствием вентиляции, недостаточным количеством окон и, как следствие, плохим освещением.

Степные поселения новоселов состояли в основном из глинобитных и саманных изб, еще меньших по своим размерам, чем избы в таежных переселенческих поселках. Материалом для устройства жилищ переселенцев в безлесной части Тюкалинского, Ишимского, Каинского и Омского округов-уездов нередко служили земля и дерн с прибавлением небольшого количества леса (столбов, жердей, двух-трех плах на косяки и двери). Особенно остро недостаток леса ощущался в селениях Каинского округа-уезда. В них преобладали так называемые жилищаямы, представлявшие собой вырытые в земле на 1,5–2 аршина углубления. Вся постройка такого жилища заключалась в крыше, состоящей из жердей и служа-

щей опорой хворосту, на который наваливалась земля и выкладывался дерн. Крыши таких жилищ поднимались на 1/2–1/3 пролета и одновременно служили потолком [25. С. 5–7].

Место выхода переселенцев во многом определяло внешний облик нового населенного пункта, устраиваемого на территории вселения. В источниках второй половины XIX – начала XX в. отмечается стремление прибывших для поселения в Западную Сибирь украинцев, белорусов, латышей и представителей других народов жить на новых местах по традициям своей далекой родины. В результате тип застройки отдельных селений или улиц (концов) в смешанных по национальному составу населенных пунктах имел ярко выраженные этнические особенности. К примеру, в пос. Петровском Мариинского округа Томской губернии, располагавшемся в одну улицу, в одном конце преобладали южнороссийские мазанки, построенные выходцами из Воронежской губернии, а в другом – бревенчатые избы, возведенные тамбовскими переселенцами [18. С. 227–303].

Землянки (мазанки) зимой часто промерзали, трескались, пропуская холод. Чтобы избежать теплопотери, новоселы старались как можно раньше закрыть трубу в печи, что часто приводило к отравлениям угарным газом [14. С. 27]. Чтобы минимизировать потерю тепла, переселенцы углубляли часть жилища в землю, что приводило к тому, что в весенне-осенний период, в дождливое время в землянке стояла вода, было холодно и сыро.

Основным источником водоснабжения для переселенцев, как и для старожильческого населения края, была река. В случае ее отсутствия воду брали из колодцев, прудов, ручьев. Жители селения нередко сбрасывали навоз на берега рек, озер и запруд, поили скот, полоскали белье и тут же брали из этого водоема воду для питья и приготовления пищи.

В условиях одновременного проживания в переселенческой избе большого количества людей, тесноты, отсутствия вентиляции, содержания в холодное время молодняка домашних животных в жилищах нередкими спутниками жизни переселенцев были платяные блохи, клопы, тараканы. При этом большая часть переселенческих изб состояла из одной комнаты, одновременно служившей жильцам и кухней, и гостиной, и спальней. Жилище переселенца часто не имело прочного фундамента, деревянных полов, достаточного количества окон, потолка, специально устроенной системы вентиляции.

Практически полное отсутствие бань в первые два-три года с начала образования поселка негативно сказывалось на личной гигиене крестьян. Устройством специальных отхожих мест, помойных ям новоселы озадачивались лишь после обзаведения жилыми и хозяйственными постройками, на что уходило от трех до десяти лет с момента водворения на отведенном участке [12. С. 104]. В некоторых селениях переселенцы и вовсе не обзаводились отхожими местами, справляя естественную нужду на заднем дворе, где размещался домашний скот. Неудивительно, что такие антисанитарные условия порождали инфекционные, паразитарные и другие заболевания среди населения.

Сырость и грязь жилищ, сомнительное качество питьевой воды, однообразное скудное питание, низкий уровень личной гигиены – главные факторы, приводившие к распространению заболеваний в переселенческой среде. Типичными болезнями новоселов были цинга, брюшной и сыпной тиф, дифтерия, дизентерия, корь, оспа, холера и др. Они приводили к высокой смертности среди переселенцев, особенно детей. По данным В.А. Зверева, посвятившего вопросам санитарного состояния переселенческого жилища в Западной Сибири серию публикаций, в 1903–1904 гг. в переселенческих поселках Акмолинской области, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний 81% всех умерших на новом месте составляли дети в возрасте до 10 лет. В первый год по прибытии на каждые 100 умерших родились лишь 64 человека. При этом и общая, и детская смертность были выше, чем у крестьян-старожилов. По мере обустройства в Сибири, отмечает исследователь, заболеваемость и смертность среди переселенческого населения сокращались [26. С. 128].

Важно отметить, что качество жилищ переселенцев, их обустроенность зависели в первую очередь от финансовых возможностей крестьян-новоселов. Ограниченность в денежных средствах увеличивала сроки обзаведения жильем, дворовыми постройками, затягивала процесс создания прочного хозяйства. Правительственная помощь (выдача ссуд, временное освобождение от уплаты налогов, организация лесных складов, хлебозапасных магазинов и т.п.) не могла удовлетворить даже первоочередные потребности новоселов при устройстве на новом месте (постройка жилища, распашка земли и др.). Антисанитарное состояние переселенческих жилищ, неудовлетворительные бытовые условия, трудности в адаптации к суровому сибирскому климату, высокий уровень заболеваемости и смертности стали типичными чертами, характеризующими жизнь переселенца в Западной Сибири.

Таким образом, результатом правительственной политики по организации массового переселенческого движения в Сибирь стало образование и развитие здесь нового типа населенных пунктов – так называемых переселеческих поселков, образуемых в плановом порядке для водворения прибывающих из европейской части страны крестьян. За период с 1893 по 1911–1912 гг. только на территории Тобольской и Томской губерний численность селений названного типа увеличилась соответственно с 54 до 1 869 (в 34,6 раза!).

Возникшие в конце XIX – начале XX в. переселенческие селения существенно уплотнили поселенческую сеть региона, способствовали росту ее масштабов и усложнению структуры. К 1911–1912 гг. переселенческие поселки составляли почти 13% всей поселенческой сети Тобольской губернии и свыше 24% сети поселений Томской губернии. Переселенческое селение средней величины в Тобольской губернии в это время включало 43 двора, 278 жителей, в Томской – 46 дворов, 293 жителя.

Образуя переселенческие поселки, центральные и местные власти прикладывали усилия для формирования их инфраструктуры, что было особенно актуальным при заселении тарских урманов, удаленных от

относительно обжитых районов Западной Сибири на значительные расстояния. Как правило, среди элементов инфраструктуры в новом поселке присутствовали образовательное учреждение, церковь или часовня, хлебозапасный магазин, пожарный сарай. Анализ источников показал, что наиболее развитой инфраструктурой отличались поселки Томской губернии.

Водворение на новых землях зачастую растягивалось на несколько лет. Переселенец в первые годы пребывания в Сибири был вынужден ютиться во временном жилище – наспех вырытой землянке или сколоченном сарае. На прочное домообзаводство требовались годы. Это обусловило антисанитарное состояние жилищ новоселов, где нередко соседствовали люди и домашний скот, было холодно, сыро, а единственной вентиляцией были многочисленные щели, дающие сквозняки. Санитарным бедствием временных крестьянских жилищ являлись насекомые – клопы, блохи, вши, тараканы. Антисанитарные условия жизни в переселенческих поселках становились причиной распространения инфекционных заболеваний, высокой общей и особенно младенческой смертности.

Тем не менее формирование сети переселенческих поселков оказало положительное влияние на развитие населенных пунктов сибирских старожилов и коренных жителей края. Тесно соприкасаясь со старожилами и аборигенами, переселенцы устанавливали с ними соседские, производственные и культурные связи.

Образуя переселенческие поселки, государство постепенно решало проблему устройства самовольных переселенцев, боролось с царившей неразберихой в землепользовании новых населенных пунктов, проводило их плановую застройку. Несмотря на множество недостатков, сопровождавших процесс образования новых поселений (формальное отношение чиновников, несогласованность их действий, недостаток денежных средств, выделяемых на осушение болот, прокладку дорог к участкам, предназначенным к заселению и т.п.), к началу XX в. на территории Западной Сибири существовало уже около 2 тыс. населенных пунктов, имевших статус переселенческих селений. В совокупности они составляли приблизительно 18,5% всей поселенческой сети Западной Сибири [10, 11]. Многие из образующихся в плановом порядке переселенческих поселков со временем становились административными, торговыми, культурными центрами для близлежащей округи и региона в целом.

С приходом в 1917 г. к власти большевиков поселенческая сеть Западной Сибири претерпела существенные изменения. Политика большевистского правительства по укрупнению населенных пунктов привела к тому, что большинство небольших переселенческих поселков (менее 25 дворов) было ликвидировано, а более крупные селения получили статус колхозов или совхозов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуркин М.К. Переселение крестьян чернозёмного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2006. 375 с.
2. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем : исторический очерк. СПб. : б.и., 1903. 472 с.
3. Подсчитано по данным: Статистика Российской империи: волости и населенные места 1893 г. СПб., 1895. Вып. 10.
4. Подсчитано по данным: Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Томск : Тип. Губ. правления, 1893. 381 с.
5. Сборник узаконений и распоряжений по образованию переселенческих участков. СПб., 1903.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 1. Д. 18.
7. Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1912. Ч. V, кн. VIII.
8. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск : Изд. Губ. стат. ком., 1898.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 359.
10. Подсчитано по данным: Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск : Изд. Тобол. губ. стат. ком., 1912. 634 с.
11. Подсчитано по данным: Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск : Изд. Том. губ. стат. ком., 1911. 576 с.
12. Вощинин В.П. Переселение и землеустройство в Азиатской России : сб. законов и распоряжений / под ред. Г.Ф. Чиркина. Петроград : Тип. Петрогр. тюрьмы, 1915. 509 с.
13. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (БУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. 335. Оп. 598 (1). Д. 12.
14. [Новомбергский Н.Я.] Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии : отчет о двухмесячной командировке. Тобольск : Изд. Тоб. губ. стат. ком, 1898. Вып. 1. XLVIII. 318 с.
15. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. по 1893 г). М., 1895. Т. 1. 372 с.
16. Устав строительный // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Ч. 4/5. 535 с.
17. Ноздрин Г.А. Проблема освоения Сибири в материалах обследования переселенцев на казенных землях Томской губ. (1894 г.) // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма : сб. науч. тр. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1989. С. 58–70.
18. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб. : Тип. В. Безобразова и К, 1895. Т. 1, ч. I. 348, 177 с.
19. Законы и правила Строительного устава: с приложением Устава о наказаниях и ответственности за нарушение строительных правил как в городах, так и деревнях. М. : Тип. Ф.К. Иогансона, 1888. 218 с.
20. Вощинин В.П. На сибирском просторе: картины переселения. СПб. : Типография т-ва «Наш век», 1912. 263 с.
21. Кузнецов В.К. Сибирские переселенцы // Азиатская Россия. СПб. : Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. 578 с.
22. Нагнибеда В.Я. Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 58–166.
23. Гречищев К.М. Материалы для характеристики санитарного состояния переселенческих поселков Сибирского края. Новосибирск : Сиб. краев. отд. здравоохранения, 1928. 32 с.
24. Обозненко П.Е. Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолинской обл. СПб., 1898. 28 с.
25. Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб. : Изд. Переселен. упр., 1902. 214 с.
26. Зверев В.А. Самоходы из Расеи: крестьяне в эпоху массовых переселений // Родина. 2000. № 5. С. 127–129.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 марта 2017 г.

RESETTLEMENT TOWNS IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE IMPERIAL PERIOD: POPULATION, SOCIAL INFRASTRUCTURE, SANITARY CONDITION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 155–162.
DOI: 10.17223/15617793/417/22

Anna I. Tatarnikova, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: tatob777@yandex.ru

Keywords: Western Siberia; resettlement villages; infrastructure; settlers; housing; sanitary condition.

In the late 19th – early 20th centuries after the lifting of the government ban on the resettlement to Siberia, people from European Russia – peasants suffering from the shortage of land – rushed to settle the vast expanses of the region. The central and local authorities carried out land management work, allocating special areas for settlers and agriculture for the needs of the settlers. Mass resettlement is accompanied by the formation of a new type of settlements on the Siberian land, the so-called resettlement settlements, which become an integral part of the rural settlement network. The aim of the article is to characterize the quantitative and qualitative results of the government's policy in the formation of a network of resettlement settlements in the territory of Western Siberia at the end of the imperial period by determining their number and social infrastructure development, and by describing their sanitary condition. As a result of the analysis of the statistical data, it is concluded that from 1893 to 1911–1912 the number of resettlement settlements increased from 54 to 1869 (34.6 times!) in two West Siberian provinces of Tobolsk and Tomsk. By 1911– 1912, resettlement settlements accounted for 12.9 % of the entire settlement network of Tobolsk Province and 24.2 % of the network of settlements in Tomsk Province. The time of the settlement foundation varied from three to twenty-five years and depended on the natural and geographical conditions of the terrain, the level of material well-being of new settlers, the assistance of local authorities, transport accessibility, the degree of remoteness from other settlements and infrastructure facilities. The greater the economic importance of the village for the surrounding district, the more developed its social infrastructure was. Most often resettlement villages had mills, smithies, trading benches. In the early 20th century, with the efforts of the local administration and the inhabitants themselves schools were established, churches were built in the settlements. Unlike settlements of Siberian old residents, resettlement villages were in a poor sanitary condition. In the first years of their stay in Siberia, newcomers often lived in dugouts, tents, sheds. They needed time to build sturdy, warm houses. In the resettlement house, people often lived together with livestock. There were no beds, chairs and other furniture. Floors were mostly earthen, windows had only one frame, and ventilation came from numerous chaps. Settlers' yards had no baths, toilets for a long time after their arrival, they were not cleaned. The bad sanitary condition of houses and lack of personal hygiene provoked infectious diseases – measles, trachoma, scarlet fever, cholera and others. A high level of morbidity and mortality were typical features characterizing the life of settlers in Western Siberia. Nevertheless, resettlement villages of the late 19th – early 20th centuries greatly condensed the settlement network of the region, contributed to the growth of its scale and complication of its structure. The formation of the network of resettlement villages had a positive impact on the development of settlements of Siberian old residents and indigenous residents of the region. Closely in contact with old residents and the natives, settlers had personal, industrial and cultural relations with them.

REFERENCES

1. Churkin, M.K. (2006) *Pereselenie krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [Resettlement of peasants of the chernozem center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk: OmskState Pedagogical University.
2. Sabler, S.V. & Sosnovskiy, I.V. (1903) *Sibirskaya zheleznaya doroga v ee proshlom i nastoyashchem: istoricheskiy ocherk* [The Siberian railway in its past and present: a historical sketch]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Central Statistics Committee. (1895) *Podschitano po dannym: Statistika Rossiyskoy imperii: volosti i naselennye mesta 1893 g.* [Estimated from the data: Statistics of the Russian Empire: volosts and populated areas in 1893]. Vol. 10. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp.
4. Tomsk Statistics Committee. (1893) *Podschitano po dannym: Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii za* 1893 g. [stimated from the data: List of inhabited places of Tomsk province for 1893]. Tomsk: Tip. Gub. pravleniya.
5. Anon. (1903) *Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy po obrazovaniyu pereselencheskikh uchastkov* [Collection of laws and regulations on the allocation of resettlement sites]. St. Petersburg.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 239. List 1. File 18. (In Russian).
7. Russian Empire. (1912) Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of laws of the Russian Empire]. Part V. Book VIII. St. Petersburg: Tip. 2-go otdniya Sobstv. E.I.V. kantselyarii.
8. Tobolsk Statistics Committee. (1898) *Statisticheskiy obzor Tobol'skoy gubernii za 1897 g.* [Statistical overview of Tobolsk Province for 1897]. Tobolsk: Izd. Gub. stat. kom.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1273. List 1. File 359. (In Russian).
10. Tobolsk Statistics Committee. (1912) *Podschitano po dannym: Spisok naselennykh mest Tobol'skoy gubernii* [Estimated by the data: List of inhabited places of Tobolsk Province]. Tobolsk: Izd. Tobol. gub. stat. kom.
11. Tomsk Statistics Committee. (1911) *Podschitano po dannym: Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 g.* [Estimated from the data: List of inhabited places of Tomsk Province for 1911]. Tomsk: Izd. Tom. gub. stat. kom.
12. Voshchinin, V.P. (1915) *Pereselenie i zemleustroystvo v Aziatskoy Rossii: sb. zakonov i rasporyazheniy* [Resettlement and land management in Asian Russia: laws and orders]. Petrograd: Tip. Petrogr. tyur'my.
13. State Archive in Tobolsk. Fund 335. List 598 (1). File 12. (In Russian).
14. [Novombergskiy, N.Ya.]. (1898) *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoy gubernii: otchet o dvukhmesyachnoy komandirovke* [Materials for studying the life of immigrants settled in Tobolsk Province: a report on a two-month business trip]. Vol. 1. Tobolsk: Izd. Tob. gub. stat. kom.
15. Anon. (1895) *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoy gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh gg. po 1893 g* [Materials for studying the life of immigrants settled in Tobolsk Province for 15 years (from the late 1870s to 1893)]. Vol. 1. Moscow: tip. O-va rasprostraneniya polez. kn.
16. Russian Empire. (1842) Ustav stroitel'nyy [Construction Charter]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 4/5. St. Petersburg.
17. Nozdrin, G.A. (1989) Problema osvoeniya Sibiri v materialakh obsledovaniya pereselentsev na kazennykh zemlyakh Tomskoy gub. (1894 g.) [The problem of the development of Siberia in the materials of the survey of immigrants on the state lands of Tomsk Province (1894)]. In:

Goryushkin, L.M. (ed.) *Istochniki po istorii osvoeniya Sibiri v period kapitalizma* [Sources on the history of the development of Siberia in the period of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
18. Kaufman, A.A. (1895) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii* [The economic situation of the settlers, settled on the state lands of Tomsk Province]. Vol. 1. Part 1. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K.
19. Anon. (1888) *Zakony i pravila Stroitel'nogo ustava: s prilozheniem Ustava o nakazaniyakh i otvetstvennosti za narushenie stroitel'nykh pravil kak v gorodakh, tak i derevnyakh* [Laws and Rules of the Construction Charter: with the application of the Charter on penalties and liability for violation of building regulations in both cities and villages]. Moscow: Tip. F.K. Iogansona.
20. Voshchinin, V.P. (1912) *Na sibirskom prostore: kartiny pereseleniya* [In the Siberian space: pictures of the migration]. St. Petersburg: Tipografiya t-va "Nash vek".
21. Kuznetsov, V.K. (1914) Sibirskie pereselentsy [Siberian settlers]. In: Glinka, G.V. et al. *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya.
22. Nagnibeda, V.Ya. (1928) Polozhenie pereselentsev i kolonizatsionnaya praktika v Sibkrae [Situation of settlers and colonization practice in Siberia]. *Trudy Pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s"ezda*. 5. pp. 58–166.
23. Grechishchev, K.M. (1928) *Materialy dlya kharakteristiki sanitarnogo sostoyaniya pereselencheskikh poselkov Sibirskogo kraya* [Materials for the description of the sanitary condition of the resettlement settlements of the Siberian region]. Novo-sibirsk: Sib. kraev. otd. zdravookhraneniya.
24. Oboznenko, P.E. (1898) *Ocherki sanitarnogo sostoyaniya seleniy pereselentsev-novoselov Omskogo uezda Akmolinskoy obl.* [Sketches of the sanitary condition of the settlements of new settlers of Omsk district of Akmola region]. St. Petersburg: tip. Ya. Trey.
25. Molodykh et al. (1902) *Zhilishcha pereselentsev bezlesnoy chasti Sibiri i Stepnogo kraya* [Dwellings of immigrants of the treeless part of Siberia and the Steppe region]. St. Petersburg: Izd. Pereselen. upr.
26. Zverev, V.A. (2000) Samokhody iz Rasei: krest'yane v epokhu massovykh pereseleniy ["Samokhody iz Rasei": Peasants in the era of mass migrations]. *Rodina*. 5. pp. 127–129.

Received: 07 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 163–168. DOI: 10.17223/15617793/417/23

УДК 930:94(430),085

О.Э. Терехов

БОЛЬШЕВИЗМ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

Анализируется оценка известным немецким философом истории, культурологом, идеологом «консервативной революции» Освальдом Шпенглером большевизма в контексте своей культурно-исторической концепции и истории России. Автор рассматривает эволюцию взглядов Шпенглера на русские происхождение и генезис большевизма. Делается вывод о том, что проблемы истории России и русского большевизма занимали важное место в культурно-исторической концепции Шпенглера, так как он отводил России одно из ключевых мест в мировой истории.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер; большевизм; культурно-историческая концепция.

Для эпохи 1920–1930-х гг. большевистский эксперимент в России, несомненно, имел большое значение как в качестве некого примера и образца, так и виде политической и идеологической угрозы существующему порядку вещей. Феномен большевизма в центр дискуссий поставил вопрос о сущности и специфике русской истории. В межвоенный период появилось множество версий «русской истории», которые, и в этом была их главная особенность, отражали главным образом мировоззренческие и идеологические пристрастия их авторов. Осмысление русского Октября 1917 и большевизма являлось важным идейно-политиеским маркером для интеллектуального дискурса на Западе в 1920–1930-х гг. Наличие различных концепций и взглядов на русскую революцию и большевизм в общественном мнении свидетельствовало о сложности и неоднозначности понимания этих феноменов, которые неодинаково воспринимались в русле различных интеллектуальных и политических традиций.

Оригинальный взгляд на большевизм, русскую революцию, а позднее и Советскую Россию был представлен в трудах идеологов немецкой «консервативной революции» периода Веймарской республики в Германии в 1919–1933 гг. Будучи порождением Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, «консервативная революция» стала идейным бунтом части правоконсервативных немецких интеллектуалов против итогов «Ноября», Версальского мира, Веймарской республики и в целом западной буржуазно-либеральной цивилизации [1–3]. Поэтому обращение к опыту большевистской революции в России «имело для представителей “консервативной революции” важный гносеологический и методологический аспект» [4. С. 20]. Осмысление причин и последствий русской революции способствовало уточнению собственных идейных воззрений и концепций «консервативных революционеров» в их борьбе против веймарской демократии.

В ряду идеологов «консервативной революции» Освальд Шпенглер (1880–1936) занимает особое место. Автор одной из самых известных и противоречивых культурно-исторических концепций в истории гуманитарной мысли XX столетия, Шпенглер как консерватор выступал за сохранение традиций, но его консерватизм был иного рода, чем традиционный германский консерватизм кайзеровской эпохи. Он утверждал, что старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены и связь поколений нарушена. Традиция уступила место индивидуализму классов, слоев, индивидуумов. Как и консерваторы XIX в., Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. Шпенглер являлся последователем Ницше, провозгласившим, что «Бог умер». Шпенглер отрицал влияние церкви на процесс формирования государственной политики. По его мнению, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой божественной санкции.

Несмотря на то что Шпенглер основательно занимался русской историей и культурой [5–7], в отечественной гуманитарной мысли проблема «Шпенглер и Россия» затрагивалась лишь частично [8, 9]. Сколь бы дискуссионными с точки зрения современной науки ни выглядели его утверждения о псевдоморфозе как о судьбе русской культуры и грядущей русско-сибирской культуре, понимание им российской истории никоим образом не ограничивается интуицией, откровением либо оригинальной идеей. Это понимание покоилось на внимательном исследовании, интенсивной исторической рефлексии, на попытке культурно-сравнительного сопоставления и не в последнюю очередь – на опыте личного знакомства с русскими эмигрантами. Будучи интеллектуалом, на формирования взглядов которого определенное влияние оказала русская литература (Толстой и Достоевский), Шпенглер в своей философии истории и политической публицистике уделял определенное внимание причинам и последствиям «русской большевистской революции» в контексте русской истории.

К тому же проблема определения и трактовки социализма являлась одной из основных в творчестве Шпенглера. В первом томе «Заката Европы» он попытался обосновать свое понимание этого духовного и политического феномена истории Запада XIX–XX вв. «Социализм есть ставшее иррелигиозным фаустовское жизнечувствование», – писал Шпенглер [10. С. 546]. Социализм в его понимании являлся неким этическим кодексом фаустовского человека эпохи цивилизации, еще не растерявшего свою жизненную активность. Он отверг экономическую трактовку социализма и наполнил понятие «социализм» этическим содержанием. Шпенглер делает вывод о близости принципов этического социализма с прусским духом, основными чертами которого были право на труд,

долг и воля к власти. Таким образом, уже в первом томе «Заката Европы» содержались основные компоненты шпенглеровской концепции «прусского социализма». Поэтому большевистский эксперимент в России привлек пристальное внимание Шпенглера.

К рассмотрению феномена русского большевизма Освальд Шпенглер впервые обратился в своем известном политическом эссе 1919 г. «Пруссачество и социализм», написанным между первым и вторым томами «Заката Европы» как отклик на Ноябрьскую революцию в Германии. В этом эссе он наметил многие основные идеи и мотивы формирующегося «консервативно-революционного» движения. Шпенглер начинает «Пруссачество и социализм» с утверждения о том, что необходимо «освободить немецкий социализм от Маркса, так иного не существует» [11. С. 9]. Говоря о социализме как о начальной стадии цивилизации фаустовского культурно-исторического типа, Шпенглер исходил из концептуально-теоретических построений философии истории «Заката Европы». Три народа фаустовской культуры в ходе развития своего исторического и политического бытия в полной мере воплотили идею социализма: немцы, англичане и испанцы.

Идейный и смысловой центр «Пруссачества и социализма» – трактовка Шпенглером противоположности Пруссии и Англии как максимума и минимума «сверхличной государственной социалистической идеи, государства и его отрицания» [Там же. С. 53–54]. Английский дух, исторический и политический опыт являются воплощением либерализма, прусский – дисциплины, солидарности и чувства долга. «Каждый за себя – это по-английски; все за всех – это по-прусски» [Там же. С. 56]. Противопоставляя прусский (немецкий) и английский дух, Шпенглер вводит в оборот свои знаменитые образы-символы тевтона (рыцаря-служителя ордена) и викинга (разбойника-добытчика). В книге, по мнению известного западногерманского исследователя творчества Шпенглера Д. Фелькена, была осуществлена поразительная интеллектуальная операция по освобождению прусского мифа от шлака реакционного балласта и его примирения с социализмом. Социалистически обновленная прусская идея понималась не как потерпевшая крах, а как незавершенное призвание германской нации и выступала идейным противовесом Веймарскому государству [7. S. 96]. Именно прусский социализм, а не социализм в марксистском его понимании. Маркс, по мнению Шпенглера, «распространил на всю историю картину промышленной Англии, воспринятую им и без того в весьма схематическом и сомнительном понимании» [11. С. 125].

Говоря о большевизме как феномене русской и мировой истории, О. Шпенглер утверждает, что он, как и в целом вся русская история и культура, чужды Западу. Русская культура, русский менталитет отрицают само понятие рациональности в ее западной форме. Большевизм, наряду с реформами Петра I, стал вторым крупным фактором русской истории, который был направлен на ее полное принятие чуждой ей фаустовской культуры. Но петровские реформы породили русскую интеллигенцию, которая в конечном итоге создала большевизм как крайнюю форму русского антизападничества, формально облеченного в одежды западной культуры. Шпенглер в равной мере отрицательно относился к наследию русских западников и русских славянофилов, в которых он видел идеологов панславизма. В панславизме он видел только «западную политическую маску чувства великой религиозной миссии» [12. S. 101].

Русский интеллигент, по мнению Шпенглера, как бы он свято ни верил в могущество и непогрешимость Запада, всегда остается антизападным нигилистом по существу. «Западный пролетарий стремится преобразовать цивилизацию Запада в своем духе; русский же интеллигент стремится ее уничтожить, большей частью вопреки своему знанию, которое составляет тонкую поверхностную оболочку его инстинктов. Таков смысл восточного нигилизма», – резюмирует он [11. С. 151].

Русская тема получила дальнейшее свое развитие у Шпенглера во втором томе «Заката Европы» (1922). Специфику исторического развития России Освальд Шпенглер объясняет через концепцию исторических псевдоморфоз, которая стала составной частью философии истории «Заката Европы». Историческая псевдоморфоза, по Шпенглеру, – это давление более «старой» культуры на «молодую», в результате которого «молодая» культура вынуждена формально заимствовать внешние формы «старой» культуры. Злым гением русской истории стал, по его мнению, Петр I, который своими преобразованиями сфальсифицировал примитивный московский царизм в чуждую России династическую форму правления и втиснул «примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия» [13. С. 197].

Шпенглер выделяет в новой, окрашенной псевдоморфозой истории России три фазы: «Около 1700 г. Петр Великий навязывает народу политическое барокко с его кабинетной дипломатией, династической политикой, управлением и войском по западному образцу. Около 1800 г. распространяются совершенно непонятные для этих людей английские идеи в трактовке французских писателей – для того, чтобы свести с ума головы тонкой верхней прослойки. И еще до 1900 г. книжные шуты преподнесли русской интеллигенции марксизм – в высшей степени сложный продукт западноевропейской диалектики, об основаниях которой они не имели ни малейшего понятия» [12. S. 99].

Реформы Петра были и остаются для русской души чем-то инородным. В действительности, как полагал Шпенглер, появились не одна Россия, а две: мнимая и настоящая, официальная и подпольная. Русскому мышлению дух западного рационализма в XVIII в. и материализма в XIX столетии так и остался недоступен и непонятен. Возник тип городского интеллигента, душевно и духовно опрощенного, опустошенного, развращенного Западной Европой вплоть до цинизма, который под видом русского нигилизма обрел свое карикатурное и опасное бытие среди городской «интеллигенции».

К основным тезисам культурно-исторической концепции Шпенглера принадлежит положение о том,

что каждой из исторических высших культур свойствен собственный прасимвол (Ursymbol). Пробуждение души культуры означает одновременное появление собственного способа пространственного охвата внешнего мира. У русской души также есть подобный прасимвол: это «бесконечная равнина», она «не находит пока твердого выражения как в религиозном, так и в архитектоническом отношении» [13. С. 368], ибо, как полагал Шпенглер, русская культура пока стоит только в самом начале своего развития. Фаустовская культура «есть культура воли» [Там же. С. 489], основанная культе собственного «Я». «Русская безвольная душа, прасимволом которой предстает бесконечная равнина, самоотверженным служением и анонимно тщится затеряться в горизонтальном братском мире» [Там же].

Размышляя об истории России и ее будущем, Шпенглер отдает дань великой русской литературе, в которой, как полагал он, отразились все перипетии внутренней борьбы русского духа с самим собой. Главными выразителями этой борьбы были Толстой и Достоевский. «Толстой – это Русь прошлая, а Достоевский – будущая» [Там же. С. 199]. Толстой всем своим существом связан с Западом как великий выразитель духа петровских реформ. Достоевский же в своих религиозных поисках стал подлинным выразителем возрождающейся русской культуры страдания, терпения, благочестия. Шпенглер сравнивает Достоевского с первыми христианами и признает его святым. Толстой, как западник в душе, стал мастером изображения социального бытия, Достоевский – подлинный русский религиозный метафизик.

Большевизм, согласно Шпенглеру, есть наследие Толстого, а не Достоевского. Большевизм – это «последнее следствие петровского духа» [Там же. С. 201]. В большевизме соединилось все, что принесла на «русскую почву» заимствованная и не правильно прочувствованная и понятая фаустовская культура: цивилизацию, прогресс, крупные города, доминирование социально-политических мотивов в обществе, интеллигенцию, грезившую о свободах и реформах. При этом Шпенглер отмечает, что большевики – это не весь русский народ и даже не часть его. Большевизм – секта, отвергнутая самой же прозападной прослойкой русского общества, а поэтому несгибаемая в своем нигилизме и отрицании западных ценностей при их формальном декларировании.

Быстрая и в ее практических последствиях столь радикальная и решительная победа большевизма доказывала, по мнению Шпенглера, только искусственность предшествующего политического и социального порядка России. «Легкость, с которой большевизм изничтожил в России четыре так называемых сословия Петровской эпохи (дворянство, купечество, мещанство и крестьянство), доказывает, что они были чистым подражанием и порождались административной практикой, которая была лишена всякой символики, – а последнюю силой не удушить» [13. С. 349].

Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер также затрагивает сущность экономической жизни России через призму большевизма. В России, по его мнению, простираются два экономических мира: один – верхний, чужой, проникший с Запада, к которому принадлежат западный и нерусский большевизм; и другой – мир крестьянский, не ведающий городов, живущий в глубине бесконечной русской равнины и не желающий обмениваться своими непосредственными потребностями. Марксизм только терпел высшую экономическую жизнь петровской Руси, но ее не признавал. «Русский не борется с капиталом, нет: он его не постигает» [13. С. 528].

В феврале 1922 г. Шпенглер выступил перед узким кругом германских предпринимателей с докладом «Двойной лик России и немецкие восточные проблемы», в котором он не только суммировал свои представления о русской истории, но и попытался подвести некоторые итоги развития большевистской России. Он призвал аудиторию понять и осознать всемирно-историческое значение России, ее место среди великих старых культур Европы, Китая, Индии, исламской культуры. Взгляд на Россию с точки зрения западных социальных идеологий, чем грешат, по мнению Шпенглера, коммунистические и демократические западные функционеры, ошибочен. «В действительности, настоящий русский духовно нам очень чужд…», – констатирует он [14. С. 5].

Бесконечная русская равнина наложила отпечаток на характер русского народа. «Бесконечная равнина сделала гибкий народ покорным и тоскливым, духовно растекшимся по плоской дали, лишенным личной воли и склонным к подчинению, что явилось предпосылкой большой политики от Чингисхана до Ленина» [Там же. С. 6]. Появление у Шпенглера в 1922 г. Ленина в ряду политиков большого стиля русской истории не было случайным. К началу 20-х гг. он начинает воспринимать большевизм в истории России как событие сродни петровским реформами. Современный большевизм, в глазах философа, имел двойной смысл. С одной стороны, он уничтожил искусственную государственную и политическую систему, которая не опиралась на народ, но при этом сам остался частью старой системы. С другой – большевизм освобождает дорогу новой, поднимающейся русской культуре. Уничтожение петровской системы марксизмом – ложный путь, так как, по мнению Шпенглера, привнесение на русскую почву очередной идеологии Запада беспочвенно. При этом он отмечает важнейшую роль русского крестьянства в революции 1917 года, прозорливо замечая, что большевики будут эксплуатировать крестьянство сильнее, чем монголы и царизм [Там же. С. 16].

Характеризуя экономическую жизнь большевистской России, Шпенглер говорит о том, что экономические связи между Западом и Россией сложны и не до конца понятны. Современные и будущие тенденции русской экономики, которая представляла собой государственный капитализм западного типа, необходимо отличать, по выражению Шпенглера, от «большой экономики» [Там же. С. 18]. Несмотря на то что большевистская России стремится копировать и подражать западным формам хозяйства, индустрия, предпринимательство, деньги, товарное производство и так далее остаются чуждыми русскому духу. Россия, с точки зрения западной экономики, представляет интерес только в качестве территории сбыта товаров.

В 1924 г. выходит крупная публицистическая работа Шпенглера «Воссоздание германского рейха». Рассуждая о международном положении Германии, Шпенглер затрагивает ситуацию в Советской России. В его оценке большевизма появляются новые нюансы. Во-первых, он признает, что Россия стала лидером Азии, ее судьба более неотделима от судьбы Азии. Во-вторых, делает своеобразное признание собственной ошибки в первоначальной оценке большевизма. Он пишет: «Перенеся свою столицу из Петербурга в Москву, Россия символизировала этот поворот в сторону от дела Петра Великого: тот хотел сформировать Россию как европейскую державу…» [15. С. 140]. Ключевую роль в этом повороте большевизма от овеянного западным влиянием политического движения к исконно русскому по духу, цели и задачам движению сыграл Ленин, который, в понимании Шпенглера, постепенно становился имперской фигурой. Хотя изначально ни Ленин, ни большевики, будучи феноменами западноевропейскими по своей сути, не осознавали скрытых возможностей идеологии большевизма как нового русского религиозного движения. Со смертью Ленина закончился романтический период русского большевизма, попытка примерить Европу и Азию.

К проблеме оценки большевизма и, соответственно, русской истории Шпенглер возвращается в начале 1930-х гг. В октябре 1932 г. в предисловии к «Политическим сочинениям» он пишет: «В 1922 г. большевизм был идентичен с Лениным. Со Сталиным пришло решающее изменение. Однако будет ли эта колоссальная масса народа медленно освобождена от духовной ограниченности западноевропейского коммунизма новыми властителями, или же освобождение придет посредством религиозного пробуждения крестьянства? – Таков вопрос сегодняшнего и завтрашнего дней» [12. S. VIII–IX].

В полной мере понимание и восприятие Шпенглером большевизма отразились в его последней значительной работе «Годы решений», вышедшей из печати в июле 1933 г., уже после прихода национал-социалистов к власти в Германии. Книга по праву считается одной из главных в интеллектуальном наследии Шпенглера, итогом его политических воззрений и продолжением культурно-исторических изысканий «Заката Европы». Шпенглер скорбит о разрушении старой Европы – Европы Меттерниха и Бисмарка, Европы династических национальных государств. Два вида опасностей угрожают Западу: «белая революция», под которой Шпенглер понимал безудержное господство рационализма, парламентаризма, демократии в общественном сознании, государственных и политических институтах Запада, «цветная революция» – восстание против Европы неевропейских народов.

Большевизм при таком подходе понимается им в новом свете, как главная составляющая борьбы Азии против Европы. Москва стала после 1917 г. решающим фактором для всего мира. С исторической точки зрения победа большевиков означает, по мнению Шпенглера, нечто иное для истории России, «Азия вновь овладела Россией», – утверждает он [16. С. 63]. Большевизм, рассматриваемый таким образом, теряет свой изначальный «западный» характер и выступает теперь не в качестве новой формы псевдоморфоза русской истории, но как специфически «азиатский» феномен: Шпенглер отказывает большевистскому режиму называться государством в западном смысле этого слова, каким, по его мнению, при всех издержках была петровская Россия. Он сравнивает Советскую Россию с Золотой Ордой и определяет советскую форму власти как татарский абсолютизм, «от настоящего марксизма здесь очень мало – только названия и программы» [16. С. 64].

Шпенглер также задается вопросом: стоит ли воспринимать коммунистическую программу серьезно либо это только уловка правящего режима Советской России для подавления масс? Он считает, что если убрать коммунистическую терминологию, то в России господствует государственный капитализм. Шпенглер не приходит к окончательному ответу. Политическая система Советов искусственна «с ее западноевропейскими рационалистическими признаками, которые происходят из литературного подполья Петербурга» [Там же. С. 65]. И здесь философ делает гениальный ход, который заставляет нас вспомнить лучшие страницы «Заката Европы» и его культурно-исторические предвидения. Шпенглер проводит жесткую границу между двумя течениями русского большевизма: большевизма марксистского образца и националистического большевизма. Он пишет по этому поводу: «На смену Советской России пришла бы какая-нибудь другая Россия, а правящая орда, вероятно, была бы истреблена. Но в то же время был бы преодолен лишь большевизм марксистского стиля, а националистически-азиатский продолжал бы беспрепятственно расти до гигантских размеров» [Там же].

Таково было предвидение Шпенглера о сути русского большевизма, который, в его представлении, оказывается историческим феноменом с двойственной природой: «западный» *и* «восточный», европейский *и* азиатский, марксистский *и* деспотический; с одной стороны, подавляющий якобы нарождающуюся новую русско-сибирскую культуру, но с другой – поддерживающий ее. «В России в 1917 году одновременно разразились обе революции, белая и цветная» [16. С. 178]. Первая – революция городская, с западной верой в программы и партии, была осуществлена на закваске больших городов. «Однако снизу медленно, упорно, безмолвно с верой в будущее, началась другая революция мужика, деревни – подлинно азиатский большевизм» [Там же]. К началу 1930-х гг. эти две формы большевизма пришли в состояние резкого конфликта друг с другом, ибо азиатская сущность России гораздо сильнее ее поверхностной европеизации. «Россия – госпожа Азии. Россия и есть Азия» [Там же. С. 179]. К этому необходимо добавить то, что дальнейшая эволюция Советского государства во многом подтвердила пророчества Шпенглера.

Преломляя русскую историю через призму своей оригинальной культурно-исторической концепции циклического развития истории, Шпенглер сделал ряд интересных наблюдений о происхождении и генезисе русского большевизма, которые не утратили своей актуальности в контексте приближающего столетия

Октябрьской революции. Рассматривая изначально русский большевизм как продукт западной фаустовской культуры, чуждый исконно русско-азиатскому миропониманию, Шпенглер в итоге признал наличие в нем почвенническо-националистических тенденций, которые рано или поздно должны были, по его мнению, одержать вверх над западным марксизмом в его рядах. И сам большевизм оказался воспринят русским народом и сплавился с первоначальными социальными институтами России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2011.
2. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011.
3. Женин И.А. «Октябрь» в контексте консервативной революции в Германии // Горбачевские чтения. М. : Горбачев-Фонд, 2008. Вып. 6. С. 66–73.
4. Женин И.А. Восприятие России консервативными интеллектуалами Германии (1919–1933 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010.
5. Koktanek A.M. Oswald Spengler und seiner Zeit. München : Beck, 1968.
6. Ulmen G.L. Metaphysik des Morgenlandes: Spengler über Rußland // Spengler heute. Sechs Essays / Mit einem Vorwort von Hermann Lübbe. Hrsg. von Peter Christian Ludz. München : Beck, 1980. S. 123–173.
7. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München : Beck, 1988.
8. Афанасьев В.В. Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения. М. : Канон+РОИИ; Реабилитация, 2009. С. 223–526.
9. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1 : Кризис историзма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993.
11. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М. : Праксис, 2002.
12. Spengler O. Politische Schriften. München : Beck, 1933.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М. : Мысль, 1998.
14. Шпенглер О. Двойной лик России и немецкие восточные проблемы // О. Шпенглер. Политические произведения. М. : Канон+РОИИ Реабилитация, 2009. С. 5–20.
15. Шпенглер О. Воссоздание германского рейха. СПб. : Владимир Даль, 2015.
16. Шпенглер О. Годы решений. М. : Скимень, 2006.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 марта 2017 г.

BOLSHEVISM IN OSWALD SPENGLER'S CULTURAL AND HISTORICAL CONCEPT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 163–168.
DOI: 10.17223/15617793/417/23

Oleg E. Terekhov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terehov1968@mail.ru

Keywords: Oswald Spengler; Bolshevism; cultural and historical concept.

The paper considers the views of the prominent German history philosopher and culturologist Oswald Spengler on the emergence, genesis and essence of Russian Bolshevism in the context of his cultural and historical concept. The author aims to analyze the evolution of Spengler's perception of Bolshevism as a phenomenon of the Russian and world history. The paper is based on Spengler's works, where he repeatedly referred to the Russian history and Bolshevism. The author notes that the ideologists of the German "Conservative Revolution" showed considerable interest in the Bolshevism experiment in Russia, Spengler's views being the most comprehensive. His principle ideas about Russian Bolshevism are expressed in his works of the late 1910s – early 1920s: *The Decline of the West* and *Prussianism and Socialism.* The issue of Russian Bolshevism was interesting for Spengler in two ways: firstly, in the context of the history of Russia, to which Spengler attributed an important place in the world history. Secondly, as the most prominent ideologist of "Prussian socialism", Spengler repudiated Marxist socialism, to which he attributed Russian Bolshevism. Speaking of Bolshevism as a phenomenon of the Russian and world history, Spengler claimed that it emerged from Russian culture, which was initially alien to the Faustian culture of the West and rejected the very essence of the Western rationality type. Spengler argued that along with Peter I's reforms Bolshevism became the second attempt of "Westernization of the Russian history". Yet, according to Spengler, despite having emerged from the western influence on Russian culture, Russian Bolshevism showed all the generic features of the latter: the religious struggle of the Russian soul, the Tatar despotism, and the unbridgeable gap between the upper layer of the society and the people (the peasants). Despite the influence of the Marxist ideology on the Russian Bolsheviks, for practical reasons they started transforming it according to the traditions of Russian culture. Spengler also made a paradoxical conclusion about the economic structure of Soviet Russia. Bolshevism tended to imitate and copy the western forms of economy, but implemented them according to the Russian-Asian traditions of the despotic state. In Spengler's works of the early 1930s he called Russia the "Mistress" of Asia. Thus, Spengler understood Bolshevism in a new way, as a component of the struggle of "Asia" against "Europe". The author of the paper concludes that Spengler's original understanding of the essence of Russian Bolshevism lay in acknowledging its dual character, which was expressed in the synthesis of the ideas of the Western Faustian culture and the Russian-Asian worldview.

REFERENCES

1. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v Veymarskoy respublike v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy interpretatsii* [The phenomenon of the "conservative revolution" in the Weimar Republic in the historiography of Germany: the basic concepts and problems of interpretation]. Kemerovo: Kemerovo State University.
2. Artamoshin, S.V. (2011) *Ponyatiya i pozitsii konservativnoy revolyutsii: intellektual'noe techenie "konservativnoy revolyutsii" v politicheskoy zhizni Veymarskoy respubliki* [Concepts and positions of the Conservative Revolution: the intellectual course of the "conservative revolution" in the political life of the Weimar Republic]. Bryansk: Bryansk State University.
3. Zhenin, I.A. (2008) "Oktyabr'" v kontekste konservativnoy revolyutsii v Germanii ["October" in the Context of the Conservative Revolution in Germany]. *Gorbachevskie chteniya*. 6. pp. 66–73.

4. Zhenin, I.A. (2010) *Vospriyatie Rossii konservativnymi intellektualami Germanii (1919–1933 gg.)* [Perception of Russia by conservative intellectuals of Germany (1919–1933)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
5. Koktanek, A.M. (1968) *Oswald Spengler und seiner Zeit* [Oswald Spengler and his time]. Munich: Beck.
6. Ulmen, G.L. (1980) Metaphysik des Morgenlandes: Spengler über Rußland [Metaphysics of the Orient: Spengler over Russia]. In: Ludz, P.C. (ed.) *Spengler heute. Sechs Essays* [Spengler today. Six essays]. Munich: Beck.
7. Felken, D. (1988) *Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur* [Oswald Spengler: Conservative thinker between imperialism and dictatorship]. Munich: Beck.
8. Afanas'ev, V.V. (2009) Liberal'noe i konservativnoe [The liberal and the conservative]. In: Shpengler, O. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Translated from German. Moscow: Kanon+ROII; Reabilitatsiya.
9. Mogil'nitskiy, B.G. (2001) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka: Kurs lektsiy* [History of the historical thought of the 20th century: lectures]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
10. Shpengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Mysl'.
11. Shpengler, O. (2002) *Prussachestvo i sotsializm* [Prussianism and Socialism]. Translated from German. Moscow: Praksis.
12. Spengler, O. (1933) *Politische Schriften* [Political works]. Munich: Beck.
13. Shpengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.
14. Shpengler, O. (2009) In: Shpengler, O. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Translated from German. Moscow: Kanon+ROII; Reabilitatsiya. pp. 5–20.
15. Shpengler, O. (2015) *Vossozdanie germanskogo reykha* [Recreation of the German Reich]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
16. Shpengler, O. (2006) *Gody resheniy* [The Hour of Decision]. Translated from German. Moscow: Skimen'.

Received: 14 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 169–175. DOI: 10.17223/15617793/417/24

УДК 94(571.1)"1918":630*935.4

М.О. Тяпкин

ОХРАНА ЛЕСОВ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 г.

Рассматривается реализация лесоохранных мероприятий в Алтайской и Томской губерниях в период кратковременного установления советской власти в первой половине 1918 г. Основными направлениями деятельности в сфере охраны лесов являлась борьба с самовольными порубками и лесными пожарами. Противодействие самовольным порубкам, а также борьба с лесными пожарами были возложены на местные органы советской власти. Основной идеей являлось обобществление обязанностей по охране лесов, объявленных общенародным достоянием. За непродолжительный период руководства земельно-лесным хозяйством региона советская власть не внесла кардинальных перемен в систему лесоохраны. После перехода власти к Временному Сибирскому правительству все нововведения советов и принятые ими нормативные акты были отменены.

Ключевые слова: лесоохрана; национализация; самовольная рубка леса; лесные пожары; народная лесная стража; советская власть.

Одним из важнейших направлений модернизации социально-экономической сферы российского общества в дореволюционный период являлся поиск способов решения земельного вопроса и его составляющей – вопроса о лесных ресурсах страны, их эксплуатации и охране. Смена политического режима, произошедшая в России в результате революционных событий 1917 г., поставила перед властью и обществом задачу формирования новой государственной лесной политики, важнейшей частью которой должна была стать организация лесоохраны.

Отдельные аспекты заявленной нами темы рассматривались историками в рамках изучения аграрной политики государства и ее реализации в период революционных событий и последовавшей за ними Гражданской войны. Безусловно, при изучении аграрной истории, в том числе способов решения земельного вопроса, невозможно уйти от аспектов, связанных с лесохозяйственной деятельностью. Вместе с тем лесоохрана должна рассматриваться в качестве самостоятельного предмета исследования, особенно на примере такого региона, как юг Западной Сибири, где в дореволюционный период сложилась достаточно развитая система лесного хозяйства. Региональный аспект лесоохраны изучается нами на основе привлечения разнородных исторических источников, преимущественно архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

После октябрьской революции началось формирование новой государственной лесной политики, в основу которой был положен принцип национализации и социализации земель и лесов, провозглашенный декретом II Всероссийского Съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «О земле» (27 октября 1917 г.) [1. С. 4–6]. Относительно лесов декрет, а точнее, его часть «Крестьянский наказ о земле», закреплял норму, согласно которой «леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин при условии заведывания ими местными органами самоуправления» [2. С. 10]. Лес был объявлен всенародным достоянием, что повлекло за собой коренной пересмотр содержания всех элементов лесохозяйственного механизма.

Реализация решения о национализации земли привела к тому, что за сибирскими крестьянами были закреплены те земли, которые находились в их пользовании, являясь собственностью казны или Кабинета ЕИВ. Самовольные захваты крестьянами бывших арендных участков и казенных оброчных статей, начавшиеся еще весной 1917 г., после объявления о национализации активизировались. На крестьянских волостных и уездных съездах самыми обсуждаемыми становились вопросы «о власти и земле с лесными угодьями» [3. С. 39]. После установления в регионе советской власти самовольные захваты были узаконены. Оказались захваченными многие сенокосные и пашенные участки, находившиеся в пользовании лесной администрации и лесной стражи, что дало почву для новых конфликтов лесников и объездчиков с крестьянами, а в некоторых лесничествах поставило лесную стражу на грань выживания. В условиях экономического кризиса и катастрофического обесценивания денег личные подсобные хозяйства лесников и объездчиков являлись в некоторых случаях единственным источником средств к существованию. В некоторых лесничествах для предотвращения голода среди служащих руководство стало практиковать централизованную закупку продовольствия, выделяя на это часть средств из лесных доходов.

После февральской революции практически во всех регионах страны колоссальные масштабы приобрели самовольные порубки леса. Уже в начале весны 1917 г. лесничие в своих докладах отмечали, что население повсеместно «путает» государственный лес с крестьянским и не видит между этими понятиями отличий [4. Л. 58]. Как в период первой русской революции, так и в 1917 г. объявление гражданских свобод было воспринято большинством населения как одобрение вседозволенности. «Масла в огонь» подлило Временное правительство, которое в марте 1917 г. приняло ряд указов, постановлений и деклараций об амнистии, в том числе по делам о лесонарушениях [5. С. 99]. Пока на страницах периодической печати и заседаниях профессиональных лесоводческих форумов решалось будущее отечественного лесного хозяйства, леса уничтожались «ударными» темпами.

Западная Сибирь с ее богатейшими ресурсами приобретала для центральной власти особое значение. После заключения мира с Германией, оккупации Украины немецкими войсками и начала Гражданской войны центральная часть страны и обе столицы ока-

зались отрезаны от продовольственных запасов. Центр рассчитывал превратить Западную Сибирь в хлебную житницу страны. Большие надежды возлагались на сибирские леса, которые должны были стать важнейшей статьей экспорта и источником формирования доходной части государственного бюджета. Проблема удовлетворения внутренних потребностей в древесине, прежде всего в топливе, возникшая еще во время Первой мировой войны, после революции вылилась в жесточайший топливный кризис. Древесина становилась стратегическим материалом, а после потери советской властью угольных месторождений Донбасса – практически единственным средством обеспечения работы железнодорожного транспорта, промышленных предприятий, поддержания жизни учреждений и граждан в замерзающих городах. Решить эту проблему удалось ценой колоссального увеличения эксплуатационной нагрузки на лесные массивы в ущерб принципам рационального ведения лесного хозяйства и неистощительного лесопользования. Не случайно В.И. Ленин утверждал, что «лес спас революцию».

Перед местными органами советской власти и лесотехническими специалистами (так стали именоваться представители бывшей лесной администрации) была поставлена задача сохранения лесных ресурсов от бесконтрольного лесопользования и сокращения потерь от лесных пожаров. Охрана лесов была объявлена всеобщей гражданской обязанностью, поэтому задача по организации и осуществлению лесоохраной деятельности была возложена на местные советы. Непосредственное управление лесами должны были осуществлять земельные отделы исполнительных комитетов советов, а за бывшей лесной администрацией оставались чисто технические функции. Без участия специалистов, имеющих специальное образование, ведение лесного хозяйства было бы невозможным, поэтому местные советские учреждения предупреждались центром о недопустимости их необоснованного увольнения.

В октябре 1917 г. начинается период, продолжавшийся до февраля–марта 1918 г., который В.И. Ленин называл «триумфальным шествием советской власти». В соответствии с установкой центра на монополизацию власти советскими органами советы на местах стремились подчинить себе все учреждения административного, хозяйственного, финансового и культурно-просветительского значения [1. С. 190–191]. Следуя этим руководящим предписаниям, советские структуры Алтайской и Томской губерний взяли курс на ликвидацию существовавшей административно-хозяйственной системы и замену ее новыми коллегиальными органами. Достаточно укрепившись и устранив своих политических конкурентов, прежде всего земские учреждения, от управления национализированными земельно-лесными ресурсами в Западной Сибири к весне 1918 г., советы оказались вынуждены самостоятельно решать вопросы охраны лесов. Мероприятия, осуществляемые советской властью в сфере лесного хозяйства на юге Западной Сибири, являлись частью новой общегосударственной лесной политики. Свое концентрированное выражение она получила в принятом 27 (14) мая 1918 г. декрете ВЦИК РСФСР «О лесах», практически сразу получившем неофициальное наименование «Основной закон о лесах». Он был подготовлен в развитие норм декрета «О социализации земли».

Декрет «О лесах» определил основные направления развития советского лесного хозяйства, в том числе в сфере лесоохраны. На всех граждан советской республики была возложена обязанность «всеми доступными средствами охранять леса от пожаров, потрав, порчи, нападения насекомых и т.п. и принимать все меры к заботливому отношению к общенародному благу» [1. С. 567–580]. Этим же нормативным актом предусматривалась возможность привлечения любого гражданина по требованию советской власти к временному исполнению общественных обязанностей и службе по охране лесов как при общественных лесных бедствиях (например, пожары, нападение насекомых), так и в другое время. Участие в общественных лесных работах, а в случае невозможности личного участия – внесение специального лесного сбора, было названо необходимым условием для получения от государства строевой и дровяной древесины.

Первоначально лесная политика советской власти характеризовалась значительными уступками крестьянству в вопросах лесопользования и принятием таких решений, которые находили отклик у населения, однако могли идти вразрез с интересами лесного хозяйства. Был установлен новый порядок основного и побочного лесопользования и отпусков лесных материалов потребителям. Лесоотпускные таксы для железных дорог и коммерческих предприятий по сравнению с существовавшими с 1916 г. увеличивались в три раза, а при отпуске леса на общественные нужды и для населения предусматривались льготы в виде понижения таксовой стоимости, а также бесплатный отпуск для нужд «отдельных, единичных, бедных домохозяев, острая нужда которых в лесных материалах и бедное состояние зафиксированы в общественном приговоре» [6. Л. 22 об.]. Право понижать стоимость леса при продаже его населению и выносить решение о бесплатной выдаче лесоматериалов получали земельно-лесные управы. Единственным ограничением объемов льготных или бесплатных отпусков являлось условие, чтобы размер отпускаемой древесины не превышал годового отпуска из лесной дачи. За нецелевое использование полученного или приобретенного по льготной цене леса, в частности за его перепродажу, предусматривалось взыскание с нарушителя штрафной таксовой стоимости лесоматериалов.

Правом получения бесплатно валежника стали обладать все категории населения, в отличие от дореволюционного периода, когда подобную привилегию имели только малоимущие семьи солдат, призванных в действующую армию [6. Л. 25–25 об.]. Безусловно, система льготного лесоотпуска всегда рассматривалась как способ снижения остроты лесного вопроса путем удовлетворения нуждающихся в древесине законным путем, однако в условиях глубочайшего кризиса меры по увеличению социальной нагрузки на лесную отрасль себя не оправдывали [7. С. 165–170]. Доходы от отпусков лесных материалов резко сокра-

щались, а «расходы по управлению, устройству, охранению и эксплуатации лесов в связи с чудовищным ростом современной дороговизны с каждым днем возрастают все в большей и большей степени, в настоящее время уже достигают огромных многомиллионных сумм, превышающих расходы довоенного времени во много раз» [6. Л. 29]. В результате местные власти были вынуждены повысить таксовую стоимость лесных материалов для всех категорий лесопользователей.

По мере нарастания топливного кризиса указания, приходившие из центра, все более жестко требовали не допустить истребления лесов. В целях повышения эффективности лесоохранной деятельности было предложено увеличить объемы финансирования этого направления. Так, в Алтайской губернии на 1918 г. предлагалось увеличить штат объездчиков на 90 человек (30 старших и 60 младших) и выделить на содержание лесной стражи на 2 097 670 руб. больше сметы 1917 г. (всего 2 629 800 руб.). Кроме того, планировалось выделение 38 500 руб. на особые расходы по надзору за самовольными порубками (найм «летучих отрядов»), что было больше запланированного в 1917 г. на 31 300 руб. [8. Л. 2–2 об.].

К весне 1918 г. самовольные порубки на юге Западной Сибири приобрели, по отзывам лесничих, «беспощадный» характер. Борьба с самовольными порубками становилась все более сложной и приобретала политический подтекст. Провозглашение лесов общенародным достоянием было понято населением, долгое время находившимся в состоянии конфронтации с администрацией по вопросам лесопользования, слишком буквально. Преследование самовольных порубок воспринималось крестьянами как ущемление гражданских прав и свобод, провозглашенных революцией.

В лес выезжали целыми селами на десятках подвод. Разгоняли лесную стражу и рубили лес без ограничений и правил, выбирая спелый строевой лес. Так, в Верх-Обском лесничестве Алтайской губернии в начале 1918 г. были вырублены все семенные деревья, оставленные на гарях в рамках реализации программы лесовозобновления. Иногда объездчиков угрозами заставляли выдавать билеты на рубку леса и клеймить самовольно вырубленный лес, чтобы придать некую легитимность своему промыслу и избежать возможной конфискации древесины [4. Л. 113]. Жители приборовых сел и деревень активно включились в строительство жилья и подсобных построек из свежесрубленного леса. При этом в ход пошел лучший лес, который не предназначался к отпуску, а составлял стратегический запас лесничеств. Для многих крестьян появилась возможность заняться прибыльным промыслом – продавать самовольно срубленный или полученный на льготных основаниях лес в отдаленные от боров населенные пункты.

Учет вырубленного леса был крайне затруднен, а чаще всего просто невозможен. Кроме того, значительная часть подобных сведений была уничтожена в ходе погромов контор лесничеств и кордонов лесной стражи. По оценкам лесничих, леса было вырублено такое количество, что некоторые дачи, в особенности боровые, можно было уже не считать лесными. Остро стоял вопрос об искусственном облесении вырубленных участков, так как появление на них песков грозило экологической катастрофой.

Весной 1918 г., после того как снег стаял и зимние дороги для вывозки леса стали непригодными, в лесах открылась неприглядная картина. Лесные дачи оказались завалены лесным мусором, порубочными остатками, а также приготовленными, но не вывезенными бревнами. Бревна лежали не только в лесу, но и на кордонах, куда их привозили сами крестьяне для клеймения. По распоряжению лесничих такая древесина поступала под охрану лесной стражи с дальнейшей продажей на лесных торгах. Осенью 1918 г., когда политическая ситуация в регионе уже поменялась, лесничим было предписано продавать самовольно вырубленный лес тем же порубщикам, но с уплатой ими по таксам 1916 г. тройной стоимости древесины [9. Л. 12].

Лесничие обращались в уездные и волостные земельные комитеты, а позже советы крестьянских и солдатских депутатов с просьбами оказать содействие прекращению самовольных порубок и угроз страже и принять меры для защиты от «беспощадного истребления общенародного достояния» [9. Л. 9 об.–10; 10. Л. 5 об.]. Какой-либо существенной помощи местные власти оказать не могли. Так, Усть-Пристанский совет Алтайской губернии предложил Верх-Обскому лесничему В. Родзевичу прислать в его распоряжение летучий отряд, состоящий из двадцати солдат, но за особую плату в размере 25 руб. каждому солдату. Средств на оплату «услуг» вооруженного отряда у лесничего не оказалось. Часть полномочий по охране лесов была возложена на милицию, однако какого-либо положительного эффекта это не дало.

Наиболее законопослушная часть деревни сама обратилась к городу с призывом восстановить порядок [11. Л. 28–28 об., 84, 134–135, 164–165]. Отдельные сельские общества пытались поставить под свой контроль массивы, располагавшиеся в непосредственной близости от них, что приводило к конфликтам между жителями приборовых селений и тех, кто проживал в безлесной местности.

Рост числа самовольных порубок воспринимался советской властью очень болезненно, поэтому к порубщикам применялись достаточно жесткие меры. Например, Славгородский уездный совет весной 1918 г. постановил привлекать самовольных порубщиков без суда и следствия к значительным штрафам или тюремному заключению до 3 лет. Сельским обществам было дано право устанавливать для своих членов, виновных в самовольной порубке, дополнительные штрафные санкции. При этом необходимо признать, что сил и средств для реализации подобных карательных мер у местных властей было крайне мало.

Важнейшим фактором борьбы с самовольными порубками являлось состояние нижнего звена лесоохранного механизма – лесной стражи. Она являлась для населения олицетворением старой административно-хозяйственной машины со всеми ее недостатками. Старший лесничий Алтайского округа К.П. Перетолчин в своих воспоминаниях приводит случай,

произошедший с ним весной 1917 г., когда он вместе с другими представителями лесной администрации был отправлен в командировку «для личных переговоров по вопросам земельно-лесного хозяйства» с земельными комитетами [12. Л. 643]. Во время одной из поездок у него состоялся диалог с крестьянкой: «Из Тальменки мы поехали в Чингисы. Нас везла одна женщина, взамен ямщика, и вот дорогой она говорит: “А чего же это царя-батюшку спихнули? Это ведь не он виноват, а объездчики!”» [13. Л. 250]. Именно на объездчиков и лесников выплеснулось все народное недовольство существовавшей до революции системой лесопользования. Лесную стражу выгоняли из казенных кордонов, уничтожали имущество, применяли физическое насилие, убивали. В результате началось массовое бегство лесников и объездчиков со службы.

Проблемы с кадровым составом лесной стражи обозначились еще во время Первой мировой войны и были связаны с мобилизацией лесников и объездчиков в действующую армию. Весной и летом 1917 г. под давлением со стороны местного населения началась массовая замена постоянной лесной стражи на выборную, устраивавшую крестьян. Осенью 1917 г. исполнительный комитет Томского народного собрания и Томский губернский земельный комитет разработали правила, определявшие порядок выбора и назначения временной лесной стражи [14. Л. 15; 15. Л. 8–8 об.]. При появлении вакантных должностей лесной стражи лесничие были обязаны уведомлять об этом волостные земельные комитеты, в распоряжении которых был месяц для поиска подходящего кандидата. Лесничий в случае несогласия с предложенным кандидатом мог вынести вопрос на рассмотрение уездной земельной управы, а также назначить «своего» кандидата при отсутствии предложений со стороны местных комитетов. Решение лесничего о приеме на работу или увольнении лесника (объездчика) подлежало утверждению приказом управляющего государственными имуществами или начальника Алтайского округа. Новые объездчики вместо присяги давали подписку о подчинении Временному правительству и своим законным начальникам. При этом они должны были исполнять все обязанности по службе и отвечать за свои действия наравне с постоянной стражей и пользоваться всеми правами и преимуществами своего служебного положения. Работа такой временной лесной стражи находилась под контролем сельских и волостных земельных комитетов. Данные решения были вынужденными и лишь юридически закрепили фактически сложившееся положение, когда лесная стража могла быть назначена и уволена без согласия лесничего властью местных коллегиальных органов.

К началу 1918 г. практически по всем лесничествам Алтайской и Томской губерний ощущался некомплект лесников и объездчиков, а на тех, кто продолжал нести службу, по отзывам лесничих, рассчитывать не приходилось. Должности лесной стражи в большинстве случаев занимали случайные люди, нанимавшиеся на короткий срок и старавшиеся использовать служебные полномочия с максимальной для себя выгодой. Администрация возлагала большие надежды на начавшуюся в 1918 г. демобилизацию военнослужащих, среди которых были лесники и объездчики, начинавшие службу еще до революции. Было необходимо заменить «малоопытных и слабых по физическому состоянию здоровья лиц, принятых на службу за отсутствием соответствующих кандидатов по обстоятельствам военного времени, старыми, испытанными и знающими дело» [16. Л. 3]. Увольняемым временным объездчикам выплачивалась компенсация в размере месячного оклада жалования.

После установления советской власти была предпринята попытка повсеместного введения выборной народной лесной стражи. Она должна была назначаться и действовать от имени народа и под его контролем. Каждый гражданин, желавший занять должность объездчика, мог подать прошение в местный волостной исполнительный комитет, прилагая одобрительный приговор односельчан. Была разработана процедура комплектования должностей лесной стражи без участия лесной администрации властью местных земельно-лесных управ – коллегиальных органов, управлявших лесничествами. Рекомендовать кандидата на службу должен был волостной исполком, собирая сведения о кандидате и отбирая от него подписку о желании посвятить себя охране леса, получившего статус общенародного достояния, и беспрекословно исполнять законные требования и поручения земельно-лесной управы лесничества. Подписка заменяла собой присягу, которую приносил лесник или объездчик при поступлении на службу в дореволюционный период. Окончательное решение о готовности кандидата к несению службы выносила земельно-лесная управа, которая определяла уровень его грамотности и физические данные [6. Л. 19–19 об.].

Право на ношение оружия за объездчиками было оставлено. Нагрудные знаки, являвшиеся традиционным символом власти лесника и объездчика, планировалось заменить красной нарукавной повязкой, носимой на левой руке, с белыми буквами Н.Л.С. (народная лесная стража). Однако последнее, казалось бы, самое простое нововведение оказалось весьма проблематично реализовать. От лесничих стали поступать рапорты, в которых указывалось на полное отсутствие материала для изготовления нарукавных повязок [8. Л. 6].

Выборная народная стража должна была проживать в своих же деревнях и селах, что было вызвано желанием сэкономить на строительстве кордонов. Более того, со стражников, проживавших в казенных квартирах, стал удерживаться определенный процент жалования. В результате лесники и объездчики в массовом порядке оставляли кордоны и переселялись в деревни. Мнимая экономия и не обоснованное интересами лесного хозяйства желание «приблизить» лесную стражу к народу привели к тому, что она попала в полную зависимость от местного населения. Выборная лесная стража отличалась крайне низким уровнем компетентности, а также полным отсутствием заинтересованности в сохранении лесов. В этом отношении показателен случай, произошедший в одном из лесничеств и нашедший отражение в служеб-

ной переписке. На замечание лесничего о недостаточной бдительности при охране леса выборный объездчик совершенно спокойно заметил: «Сапоги сносим, а они стоят 60 рублей» [4. Л. 114 об.].

Неоднозначным решением советской власти стало также фактическое упразднение должности старшего объездчика в Алтайской губернии, последовавшее в результате установления всем объездчикам одинакового месячного оклада в размере 150 руб. Однако уравнивание в жаловании не означало, что младшие объездчики автоматически приобретали требуемую квалификацию. Необходимость наблюдения за правильным исполнением возложенных на младших объездчиков обязанностей, выдачей лесорубных билетов, оценкой произведенных порубок сохранялась, поэтому было принято решение наиболее «опытных, грамотных и энергичных» объездчиков освободить от охраны объездов и, установив суточную доплату (1 руб.), возложить на них выполнение ряда лесохозяйственных операций [6. Л. 27].

Предложенная схема не продержалась и месяца: упразднение должности старших объездчиков негативно сказалось на работоспособности лесной стражи. Решением коллегии Алтайского губернского отдела по управлению имуществами республики в конце мая 1918 г. было принято решение восстановить деление объездчиков на старших и младших с размером окладов 180 и 150 руб. в месяц соответственно (оклад месячного жалования лесничего составлял 5 000 руб.) [Там же. Л. 35].

Вторым важнейшим направлением лесоохранной деятельности на юге Западной Сибири в рассматриваемый период являлась борьба с лесными пожарами. Ослабление надзора за лесами со стороны лесной стражи, отказы местного населения от участия в тушении пожаров в лесах вкупе с неблагоприятными природными условиями резко обострили проблему сохранения лесов от огня весной–летом 1917 г. Кратковременное установление советской власти в Западной Сибири совпало с началом нового пожароопасного сезона 1918 г. Это обстоятельство предопределило необходимость принятия конкретных мер по предупреждению и ликвидации лесных пожаров.

Советская власть не стала вносить коррективы в основополагающие принципы обеспечения пожарной безопасности в лесах. В частности, было подтверждено требование о рубке и вывозке заготовленного леса из боровых и степных дач исключительно зимой, т.е. вне пожароопасного сезона. На период повышенной пожарной опасности должны были закрываться лесные дороги, а летняя заготовка леса допускалась только в исключительных случаях. Однако на крупных лесозаготовителей это ограничение не распространялось, если имелись договоры, «гарантирующие строгое соблюдение всех предосторожностей против возникновения пожаров, а также уплату убытков» [Там же. Л. 26–26 об.]. Заготовка древесины была объявлена важнейшей задачей всех местных советских органов, поэтому любые ограничения действий лесозаготовителей рассматривались как контрреволюционная деятельность.

Традиционно основная угроза пожарной безопасности лесам в весенний период исходила от сельхозпалов, запускаемых крестьянами на своих сенокосных и пашенных участках, прилегающих к лесу или находящихся в границах лесных дач. Выжигание прошлогодней травы в весенний период считалось сибирскими крестьянами обязательным элементом агрономической технологии. Очень часто при проведении палов огонь «упускался» и заходил в лес, провоцируя начало лесного пожара. Чаще всего страдали от таких пожаров ленточные сосновые боры, природной особенностью которых являлась повышенная горимость, обусловленная большим количеством жарких дней, сухостью воздуха, постоянными сильными юго-западными ветрами засушливого характера, соседством со степями и преобладанием хвойных лесов [17. С. 126]. Единственным способом борьбы с распространением напольных пожаров было проведение опалок – контролируемого выжигания прошлогодней травы на границах лесных участков или внутри лесных дач.

В конце апреля 1918 г. в Алтайской и Томской губерниях были разработаны и разосланы на места в форме обязательных постановлений губернских земельных отделов подробные правила проведения опалок, в которых устанавливались порядок и процедура проведения этого противопожарного мероприятия [6. Л. 32–32 об.; 18. Л. 1]. Общее наблюдение за выжиганием травы было возложено на волостные исполкомы, к которым должны были обращаться сельские общества за разрешением произвести опалку на своих участках. Исполком должен был назначить время проведения опалки и ответственных лиц, обязанных лично на местах следить за выжиганием травы. Виновные в несоблюдении правил опалки должны были привлекаться к ответственности.

На исполкомы возлагались осуществление других противопожарных мероприятий, а также обязанность «немедленно и совершенно устранять всякого рода трения на почве предупреждения и тушения пожаров между лесничествами и населением» [6. Л. 21 об.]. Лесничие лишились властных полномочий по организации тушения лесных пожаров, сохранив за собой чисто технические функции по непосредственному руководству ликвидацией огня.

Волостные и сельские власти были обязаны оказывать всемерную поддержку земельно-лесным управам в предупреждении или немедленной локализации уже начавшихся лесных пожаров. Охрана лесов от пожаров была названа «нравственным долгом» всего населения, проживавшего вблизи лесных дач и пользовавшегося лесными материалами из них. Норма об оплате труда населения на тушении лесных пожаров была оставлена, однако при установлении размера вознаграждения за тушение пожаров учитывался «нравственный долг» охраны лесных дач со стороны сельских обществ, пользующихся лесными материалами. Это означало, что не слишком высокий размер оплаты труда участвовавших в тушении пожаров компенсировался предоставлением им права получения древесины из близлежащих лесных дач.

В Алтайской губернии размер оплаты труда взрослого мужчины составлял 3–4 руб. в день (в зависимости от месяца), а женщин и подростков – на один

рубль меньше. Также предусматривалась доплата за использование лошади в размере 2–3 руб. [6. Л. 20–20 об.]. Поденная плата являлась еще и компенсацией за использование пожарными своего инвентаря и корма для лошадей. По сравнению с ранее действовавшей таксой 1916 г. размер оплаты был увеличен в несколько раз, что стало отражением значительного удорожания жизни и обесценивания денег. В Томской губернии пожарные таксы, определявшие размер вознаграждения лицам, участвующим в тушении лесных пожаров, были несколько выше, что объясняется преобладанием там труднодоступных таежных лесов и меньшей плотностью населения. Так, взрослый мужчина мог получить за участие в тушении пожара от 4 руб. 50 коп. до 6 руб. в день (в зависимости от месяца), женщины и подростки – от 3 руб. до 4 руб. 50 коп. Доплата за использование лошади составляла от 3 руб. до 4 руб. 50 коп. Предусматривались доплаты в таких же размерах тем работникам, которые прибывали из сел и деревень, находившихся на расстоянии далее 35 верст от места тушения пожара [18. Л. 8].

Говоря о размере оплаты труда на тушении лесных пожаров, необходимо понимать уровень цен на продовольственные и промышленные товары, а также различные услуги, существовавший в рассматриваемый период. По данным региональной периодической печати первой половины 1918 г. («Западная Сибирь», «Бийская правда», «Сибирская земская деревня», «Алтайский луч», «Алтай» и др.), твердая цена на говядину составляла в зависимости от сорта от 16 до 29 руб. за пуд; краковская колбаса первого сорта в розничной продаже стоила 2 руб. 20 коп. за фунт; стоимость папирос первого сорта составляла 3 руб. 50 коп. за пачку (50 шт.), махорки – 1 руб. 60 коп. за фунт; пуд сена оценивался в 2 руб. 50 коп.; за 60 коп. можно было пообедать в специальной столовой для безработных, а за 1 руб. приобрести чайную чашку самогона; один час езды на извозчике мог обойтись в 3 руб. 50 коп. Цены на товары первой необходимости могли меняться практически каждый день, преимущественно в сторону увеличения. При определении ценности денег необходимо также учитывать фактор «твердых цен», которые устанавливало правительство на продовольственные товары в условиях глубокого финансового кризиса и гиперинфляции. Как правило, реальные рыночные цены могли во много раз превышать твердые [19. С. 91].

Сельские исполнительные комитеты обязывались немедленно отправлять достаточное количество граждан для тушения пожара со своим инвентарем, провизией и питьевой водой. Было оставлено без изменений правило, действовавшее в дореволюционный период, о порядке прибытия на тушение лиц, согласно которому проживавшие в пределах 35 верст прибывали в тот же день, жители отдаленных деревень – на следующий. В случае уклонения местных обществ от тушения предусматривалось сокращение или прекращение отпуска леса для их нужд. Однако подобные угрозы не могли существенно повлиять на динамику лесных пожаров. В это период участились умышленные поджоги с целью отвлечения лесной стражи от мест массовых порубок, а население продолжало отказываться тушить пожары.

Таким образом, преобразования советской власти в сфере лесного хозяйства были ориентированы на долгосрочную перспективу формирования общенародного лесного фонда, находящегося под управлением, надзором и охраной коллегиальных общественных структур. Охрана лесов рассматривалась как общественная обязанность, реализуемая каждым гражданином во имя общего блага. Организующей и направляющей силой в земельно-лесной отрасли должны были выступать местные советские органы, заменившие в этой роли земельные комитеты. За бывшей лесной администрацией оставались чисто технические функции поддержания, насколько это было возможно, правильного режима хозяйствования в лесах. Однако реализовать в полной мере программные установки центра в сфере земельно-лесной политики в регионе не удалось в силу кратковременности пребывания советов у власти, в связи с чем можно говорить лишь о точечных изменениях в сфере лесопользования и лесоохраны. Существенных изменений в лесоохранный механизм внесено не было. Реализация в Сибири декрета «О социализации земли» не привела к существенному увеличению объемов крестьянского землепользования, а также не предоставила крестьянам возможности неограниченного пользования лесами. Западносибирский лес рассматривался центром в качестве стратегического ресурса, поэтому допустить его бесконтрольное пользование, граничащее с уничтожением, власть не могла. Однако постепенная утрата авторитета советской власти среди крестьян способствовала её быстрому свержению летом 1918 г. Организационная модель лесоуправления и лесоохраны, основывавшаяся на принципе общенародной собственности на лес и коллегиальности, была отменена после прихода к власти Временного Сибирского правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942.
2. Гойхбарг А.Г. Советское земельное право. М., 1921.
3. Ц-ч. В Западной Сибири // Западная Сибирь. 1918. № 3.
4. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 540.
5. Пасична Ю.Г. Первые законопроекты в сфере аграрной политики Временного правительства (март 1917 г.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2014. № 1 (9).
6. ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 10.
7. Тяпкин М.О. Льготные отпуски древесины населению как элемент системы охраны лесов юга Западной Сибири в первой четверти XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411.
8. ГААК. Ф. 133. Оп. 1. Д. 14.
9. ГААК. Ф. 133. Оп. 1. Д. 9.
10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 241. Оп. 1. Д. 117.

11. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4786.
12. ГААК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 19.
13. Алтайский государственный краеведческий музей. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1299.
15. ГАТО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 123.
16. ГАТО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 115.
17. Бугаев В.А., Косарев Н.Г. Лесное хозяйство ленточных боров Алтайского края. Барнаул, 1988.
18. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 855.
19. Тишкина А.В. Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2008. № 6 (10).

Статья представлена научной редакцией «История» 27 февраля 2017 г.

FOREST CONSERVATION IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF 1918

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 169–175.
DOI: 10.17223/15617793/417/24

Mikhail O. Tyapkin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tyapkin@rambler.ru

Keywords: forest conservation; nationalization; unauthorized felling of wood; wildfires; national forest guards; Soviet power.

Regional peculiarities of organization and implementation of forest protection activities are of real significance for the history of Russian forestry. This article aims to research the main directions of the Soviet power activity concerning forest protection in the south of Western Siberia in the first half of 1918. The complex of the archive and published data from regional archives and libraries is the basis of the article. In the first half of 1918, the Soviet power was established and a new state forest policy began to be implemented. All forests were nationalized and declared national property; any property on woods was canceled. The state began to take care of the condition of forests. Revolutionary events and change of the political regime in the country led to a large-scale social and economic crisis which influenced the forest industry. The number of unauthorized fellings of the wood dramatically increased, and complete destruction threatened valuable forests. Weakened control of woods also caused an increase of forest fires. Forest protection from fires and unauthorized fellings was of real importance for activities of the central and local authorities, of forest officers. Forest protection was declared a general civil duty and non-fulfilment of it caused legal responsibility. The local population had to carry out fire-prevention measures, take part in extinguishing of forest fires and protecting woods from illegal use. Control of forest exploitation and organization of forest protection was assigned to local authorities of the Soviet power as represented by land departments of executive committees. Forest officers did not solve major issues of forest management, first of all, related to the supply of the population and other consumers with wood. Forest management began to base on the principle of collective leadership. The new principles of the organization of forest protection activities were fixed in several regulations of the Soviet government, the most important of which was the decree “About the Woods” passed in May, 1918. Due to the short period of the activity of the Soviet government in the south of Western Siberia in this period, the new model of forest management only began to take shape. After accession to power of the Provisional Siberian Government in the early summer of 1918, all decisions of the Soviet government, including forest protection laws, were canceled.

REFERENCES

1. Council of People’s Commissars. (1942) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel’stva za 1917–1918 gg.* [Collection of laws and orders of the government for 1917–1918]. Moscow: Upravlenie delami SovNarkKoma SSSR.
2. Goykhbarg, A.G. (1921) *Sovetskoe zemel’noe pravo* [Soviet land law]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo.
3. Ts-ch. (1918) V Zapadnoy Sibiri [In Western Siberia]. *Zapadnaya Sibir’*. 3.
4. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 4. List 1. File 540. (In Russian).
5. Pasichna, Yu.G. (2014) Pervye zakonoproekty v sfere agrarnoy politiki Vremennogo pravitel’stva (mart 1917 g.) [The first bills in the field of agrarian policy of the Provisional Government (March 1917)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 1 (9).
6. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 73. List 2. File 10. (In Russian).
7. Tyapkin, M.O. (2016) Preferential releases of wood to the population as part of the system of forest protection in the south of Western Siberia in the first quarter of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 165–170. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/22
8. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 133. List 1. File 14. (In Russian).
9. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 133. List 1. File 9. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 241. List 1. File 117. (In Russian).
11. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 4. List 1. File 4786. (In Russian).
12. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 126. List 1. File 19. (In Russian).
13. Altai State Museum of Local Lore. Fund R-3. List 1. File 3. (In Russian).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 45. File 1299. (In Russian).
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 241. List 1. File 123. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 241. List 1. File 115. (In Russian).
17. Bugaev, V.A. & Kosarev, N.G. (1988) *Lesnoe khozyaystvo lentochnykh borov Altayskogo kraya* [Forestry of the belt forests of Altai Krai]. Barnaul.
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 240. List 1. File 855. (In Russian).
19. Tishkina, A.V. (2008) Tovary i tseny v Sovetskoy Rossii v 1917–1921 gg. (na materialakh Srednego Povolzh’ya) [Goods and prices in Soviet Russia in 1917–1921. (On the materials of the Middle Volga region)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (10).

Received: 27 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 176–181. DOI: 10.17223/15617793/417/25

УДК 94/908

Э.А. Хайницкая

ВЛИЯНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА МИРОВЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В XX в.

Приводятся методы и формы борьбы советской власти с верующими Еврейской автономной области. Антирелигиозная пропаганда в области базировалась на постановлениях, декретах. Атеистическая работа в основном состояла из проведения лекций, вечеров вопросов и ответов и т.д. Представлена работа общества «Знание» как главного агитационного органа в стране. Исследуется деятельность религиозных культов. Выявлены особенности существования мировых и этнических религий ЕАО. Представлена хронология изменения религиозной ситуации в области.

Ключевые слова: Еврейская автономная область; советская власть; мировые и этнические религии; антирелигиозная пропаганда.

Взаимоотношение государства и религии на протяжении веков было разное: от поддержки и лояльности до борьбы с верующими. XX в. – это период, когда советская власть проводила антирелигиозную политику, вследствие чего были закрыты многие религиозные храмы, а верующие были подвержены гонениям.

В XX–XXI вв. ученые активно исследуют сферу непростых отношений органов советской власти с различными религиозными организациями Дальнего Востока. В научных трудах раскрываются не только общие принципы взаимодействия местных органов власти с верующими, но и определяется религиозная ситуация на Дальнем Востоке [1. С. 130–140]. Антирелигиозная политика советской власти в 30-е гг. XX в. подробно изучена в работе Т.И. Чурилиной [2. С. 65–67]. Особое внимание в её статье уделяется особенностям отношений власти и православной церкви. Этой теме посвящена работа М.Б. Сердюк [3. С. 30–39]. Формы и методы атеистической работы Советского государства в 50–70-х гг. XX в. изложены в труде О.П. Федирко. Она анализирует эффективность методов и особенность организации атеистической пропаганды [4. С. 88–94].

Взаимоотношения советской власти и религии определялись множеством декретов, постановлений начиная с 1918 г. Принятый в 1918 г. «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» определил отношения государства к религии. «Декрет» разрешал свободное исполнение религиозных обрядов, государственная власть не может вмешиваться в их исполнение. Вместе с этим «Декрет» передает обязанности церкви по ведению актов гражданского состояния государственным органам. Кроме этого был определен экономический, юридический и социально-образовательный статус церкви. Важным элементом данного документа является то, что верующие могут обучаться основам религии самостоятельно. В учебных заведениях преподавание религии отменялось [5. С. 272–273].

Хотя «Декретом об отделении церкви от государства…» исповедание какой-либо религии не запрещалось, но по факту советская власть была настроена против неё. Примером этого является борьба власти с религией в Приамурье, а именно в Еврейской автономной области.

Борьба советской власти с мировыми и этническими религиями не только по всей стране, но и в ЕАО определялась методами пропагандисткой работы, проводимой властями. Ещё с 1919 г. VIII съезд РКП(б) определил, какую культурно-просветительскую работу нужно проводить в стране. Причём уже тогда была запрещена религиозная проповедь. Хотя подчёркивалось, что граждане имеют полную свободу вероисповедания. Ущемление этого права должно было быть подвергнуто строгому взысканию [6. С. 435].

План работы агитационно-пропагандистского Приамурского губкома РКП(б) об антирелигиозной пропаганде за май – август 1923 г. определял конкретные методы борьбы с религией в регионе, куда и входила территория будущей ЕАО. Среди этих методов выделяются следующие:

1. Сбор и издание материалов, направленных на разоблачение духовенства, в периодических изданиях Приамурья.
2. Использование церковных праздников для проведения агитации и пропаганды. В эти дни должны быть проведены постановки пьес, политические суды, лекции, имеющие антирелигиозный характер.
3. Особое внимание уделялось разработке и проведению лекций на темы истории культуры, исторического материализма. По словам О.П. Федирко, лекции в основном организовывались в клубах культуры. С 60-х гг. XX в. они стали проходить на предприятиях и полевых станах [4. С. 90].
4. Работа по расколу церкви.
5. Работа по преодолению традиционных предрассудков.
6. Проведение проверки школ и государственных учреждений с целью изъятия религиозной символики и предметов культа.
7. Организация антирелигиозного кружка при коммунистическом клубе. В данном кружке должны обсуждаться вопросы антирелигиозной пропаганды [7. Л. 158–159, 162–163].

Данные методы агитационно-пропагандистской работы в ЕАО были основными начиная с 30-х гг. XX в. Ярким примером такой работы с 1949 г. была деятельность общества «Знание». Регулярно общество проводило лекции и зачитывало доклады на атеистические темы, оформляло книжные выставки, проводило встречи-вечера вопросов и ответов. Такие встречи, как правило, проводились в городах Биробиджан, Облучье. Предполагалось, что у населения будет много вопросов. Для ответов на эти вопросы приглаша-

лись специалисты – три лектора, которые разбирались в различных научных областях. Проведение таких встреч всегда шло строго по заранее разработанному плану. Первоначально определялись тематика вечеров, аудитория, собирались вопросы. Затем печатались пригласительные, оформлялась выставка литературы и наглядных пособий [4. С. 91–92]. Кроме этого, общество неоднократно задействовало прокуроров, депутатов, председателей, секретарей районов для проведения лекций о религиозных культах [8. Л. 40–41].

По мнению О.П. Федирко, такая агитационная работа была достаточно неэффективной, так как проводимые мероприятия зачастую имели «показной характер» и были однообразны. Антирелигиозные мероприятия посещали в основном участники местных атеистических обществ, поэтому вопросы, которые они на них разбирали, были однотипными [4. С. 92, 94]. Поэтому существование верующих в Приамурье не прекращалось. Религиозная ситуация в XX в. в Еврейской автономной области была представлена иудаизмом, православием, адвентистами 7 дня, баптистами, старообрядцами.

Первое упоминание о религиозной жизни евреев в области датируется 1928 г. Тогда недалеко от Бирофельда действовало молитвенное помещение (строение напоминало собой полуземлянку), созданное первыми переселенцами [9. С. 209]. Евреи-переселенцы не испытывали давления со стороны властей, но в то же время в области в 30-е гг. XX в. не существовало каких-либо еврейских религиозных организаций. Об этом свидетельствует информация облисполкома Еврейской автономной области от 20 мая 1936 г., составленная председателем В. Либербергом, об отсутствии в области зарегистрированных служителей культа каких-либо течений [10. Л. 6].

Первая синагога в области была открыта в 1947 г. Раввином стал Герш-Мойше Хаймович. В область он приехал в 1933 г. и устроился работать бригадиром в Биробиджанский райпотребсоюз. В 1948 г. раввина Каца община отправила в Москву для того, чтобы он получил разрешение на открытие магазина продуктов. Он с этими поручениями обращался в Совет по делам религиозных культов, который данное обращение оставил без удовлетворения [9. С. 212].

В справке Б.М. Гребенникова о религиозной ситуации в ЕАО, которая была адресована в крайком ВКП(б) И.В. Щепину, от 28 октября 1950 г. говорится о численности верующих первой официально зарегистрированной еврейской общины. В справке подробно приводятся сведения о занятости верующих, на каких предприятиях они работают. Особенно выделяются сведения о том, что ни одна женщина не работает, а является либо домохозяйкой, либо иждивенкой [11. Л. 53–58]. Кроме зарегистрированной еврейской общины в области имелись и еврейские группы (миньяны), которые собирались в чьих-либо квартирах по 15–20 человек и совершали обряды религиозного характера. Миньян – это кворум из 10 взрослых мужчин (старше 13 лет). Миньян необходим для общественного богослужения или для ряда религиозных церемоний. Такие группы находились в селе Ленинское и колхозе «Валдгейм» [Там же].

В 50-х гг. XX в. наблюдался религиозный спад среди евреев. Председатель правления еврейской общины Лейб Гершевич Гефен отмечал снижение количества верующих. В 1951 г. несколько членов правления вышли из состава общины, вследствие чего возник ряд экономических проблем (нехватка средств на покупку свечей, ремонт синагоги), а также проблемы внутри самого правления. Из-за этого Л. Гефен поднял вопрос о невозможности исполнять свои обязанности. В 1951 г. из Биробиджана пришлось уехать раввину Кацу [9. С. 214]. К 1985 г. религиозное общество иудейского вероисповедания прекратило своё существование, оно распалось самостоятельно [12. Л. 5].

Не менее сложной ситуацией было и взаимоотношение советской власти с христианскими конфессиями. Большинство проживающих на территории ЕАО были приверженцами православия. До 20-х гг. XX в. в области насчитывалось 24 православных храма и походных церквей и 22 часовни. В некоторых отдалённых поселениях имелись молитвенные дома. С 1918 г. постепенно начинается процесс искоренения православия. В январе того же года Народной комиссариат государственного призрения издал приказ «О прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов». Этот «Приказ» прекращал выдачу денежного содержания священнослужителям. При закрытии православных предприятий (причтов) священнослужителям выплачивалось денежное пособие. Причту, который остался без работы, предлагалось переквалифицироваться в предприятие, прикреплённое к комиссариату государственного призрения. Этот приказ не запрещал совершение церковных служб, но для этого требовались специальное разрешение и ходатайство от коллектива верующих, которые и должны были взять на себя обязательства по содержанию помещений и священнослужителей [13. С. 260–261].

С изданием данного «Приказа» и проводимых пропагандистских работ влияние православных служителей резко начало падать. Поэтому стали повсеместно закрывать церкви и молитвенные здания, многие священнослужители стали безработными. К 20-м гг. XX в. в области не осталось ни одной действующей церкви, а священники вынуждены были эмигрировать в Китай.

В 40-х гг. наблюдалось некоторое потепление в отношении советской власти к православным верующим. Об этом свидетельствует постановление СНК СССР №1643-486 «О православных церквях и молитвенных домах». Основные положения этого постановления:

1) запрещалось закрытие ранее зарегистрированных церквей, действующих молитвенных домов и т.д.;

2) предоставлялись помещения под церкви, пока верующие не найдут постоянного для них помещения;

3) разрешалось открытие новых церквей по ходатайству значительного количества верующих или возрождение ранее закрытых и т.д. [14. Л. 3–4].

Постановление «О православных церквях и молитвенных домах» породил ряд противоречий, связанных с открытием молитвенных помещений. Для разрешения этих противоречий в июле 1944 г. были

изданы специальные указания Совета по делам РПЦ при СНК СССР. Заключались они в следующем:

– при решении вопроса об открытии церквей Совет депутатов трудящихся должен выяснить, действительно ли верующие выражают данные желания от лица всех, а не от себя лично; какое здание будет использовано под церковь, его состояние; количество церквей, существующих в регионе ходатайствующих.

– в течение десяти дней должна быть собрана информация о церковном состоянии в регионе, ходатайство верующих. Эти сведения должны быть направлены в крайисполком для рассмотрения.

– местным исполкомам запрещалось давать какие-либо разъяснения верующим по поводу их ходатайств без согласия вышестоящих органов власти.

– если Совет по делам РПЦ при СНК СССР и Правительство СССР одобрили решение об открытии молитвенного здания, то местные власти должны будут заключить с верующими двухсторонний договор [15. Л. 8–10].

По имеющимся архивным данным, со стороны православных верующих ЕАО заявления об открытии молитвенных зданий в облисполком не поступало.

Из информации исполкома ЕАО об использовании зданий недействующих церквей от 8 января 1944 г. известно, что все закрытые ранее церкви в ЕАО используются в культурно-хозяйственных целях (школы, библиотеки, избы-читальни, пограничные заставы, рабочие станции МТС) [16. Л. 48].

Активность православных верующих области стала заметна только в 50-х гг. XX в. Это было связано с переселением в ЕАО большого числа жителей Черниговской, Каменц-Подольской, Винницкой областей. В справке Б.М. Гребенникова «о религиозной ситуации в ЕАО» от 28 октября 1950 г. отмечено, что в колхозе им. Хрущёва (с. Жёлтый Яр) 34 семьи, которые приехали из Каменц-Подольской области, были православными верующими. Отмечалось, что они в воскресенье не работали, даже во время сбора урожая. Православные из числа переселенцев также проживали в колхозе им. Чкалова (с. Самара), колхозе «Красное Знамя» (с. Добринское). Переселенцы привезли с собой большое количество икон.

Православные переселенцы оказывали сильное влияние на колхозников. Так, в колхозе им. Калинина (Ленинский район) они собирались группой около 40 человек и совершали религиозные обряды, молитвы.

Кроме этого Б.М. Гребенников упоминает, что в 1949 г. в область приезжал православный священник. Этот священник побывал в Биробиджане, в Ленинском, Смидовичском районах. Он совершал обряд крещения детей разных возрастов. Со стороны властей данный религиозный обряд и присутствие священника не встречали никаких сопротивлений [11. Л. 48–53].

По состоянию на 1 апреля 1960 г. в Облученском районе (в селе Бира и в городе Облучье) имелись две группы православных верующих от 15 до 25 человек [17. Л. 1–2, 7–8]. Все эти группы не являлись зарегистрированными официально. С.М. Дударенок утверждает, что православие не только на Дальнем Востоке, но и в Приамурье стало укреплять свои позиции только с конца 80-х гг. XX в. [1. С. 134].

Соблюдающими частично каноны православной веры, но отличающимися в принципах богослужений и в совершении молитв, являются приверженцы старообрядчества. Упоминания о старообрядцах в архивных документах датируются лишь 1950 г. Хотя они на территории области существовали ещё с середины XIX в. Первые старообрядцы вместе с казаками входили в состав первых переселенцев на Амур, которые и заложили 18 станиц в этом регионе. Позже старообрядческие семьи расселились по станицам Козулиха, Новотроицкая, Биджан (ныне Ленинский район). Среди причин переселения старообрядцев Ю.В. Аргудяева выделяет экономические, религиозные. Веротерпимость со стороны местных властей и привлекала старообрядцев [18. С. 212]. Точное количество старообрядцев, проживающих на территории области до середины XX в., нигде не упоминается, предположительно их было не более 100–150 человек [19].

Из справки Б.М. Гребенникова от 28 октября 1950 г. известно, что в поселках Августовском и Безымянка (Биробиджанский район) проживает группа старообрядцев. У них имелось множество икон и плакатов с изображением крестов. Гребенников отмечает, что старообрядцы в основном проживают в лесных глубинках, вдалеке от крупных посёлков. Ярким таким примером является существование села Кайлан (Калан) в Облученском районе, где все жители – старообрядцы [11. Л. 48–53].

Его жители в десяти километрах от села основали в 1952 г. посёлок Новый. Само село Кайлан было затем ликвидировано, так как оно опустело. Название «Новый» дала местная администрация, хотя сами жители его называют Кабала, так как недалеко протекает река Кабала (Кабалинка). Долгое время поселок Новый являлся уникальным в ЕАО, так как его жители не входили ни в какое коллективное хозяйство. Старообрядцы отвергали все предложения властей как-то организоваться или вступить в ближайшие колхозы. Только несколько лет спустя жители Нового вступили отдельной бригадой в Облученский пчелосовхоз [19].

Кроме старообрядцев в архивных документах сохранились упоминания о так называемых духоборах и староверах-кержаках. Духоборы – это конфессия христианского направления (вышедшая из православия и не принимаемая Русской православной церковью), которая отвергала внешнюю обрядность церкви. Упоминание о духоборах на территории ЕАО датируется 1 апреля 1949 г. В перечне незарегистрированных общин говорится, что в г. Биробиджане проживало 13 духоборов [20. Л. 16–17]. Староверы-кержаки – этнографическая группа русских старообрядцев. С XVIII в. кержаки стали переселятся из Нижегородской области на Урал, а оттуда в Сибирь, Алтай, Дальний Восток. Староверы-кержаки вели достаточно замкнутый общинный образ жизни. Они были строгими приверженцами религиозных, православных правил и традиционной культуры. Староверы-кержаки впервые упоминаются в «информации Облученского райисполкома от 22 февраля 1979 г.». Согласно этой информации кержаки проживали в поселках Новый и Тёплые Ключи в количестве 15 человек [8. Л. 40–41]. Местные власти зачастую объединяли

староверов-кержаков и обычных старообрядцев в одну религиозную группу. В архивных источниках 80-х гг. XX в. и духоборы, и староверы-кержаки больше не упоминаются. Скорее всего, из-за небольшого количества верующих они либо растворились среди местного населения, либо переселились в соседние области, края, либо перестали существовать естественным способом (многие духоборы, кержаки были рождены ещё в конце XIX в.).

Сведения о существовании в области баптистов изложены в «перечне незарегистрированных религиозных общин, проводящих собрания…» по состоянию на 1 апреля 1949 г. Баптисты проживали в Облученском районе, в самом городе Облучье и на станции Бира. Число верующих тогда варьировалось от 20 до 25 человек. Баптисты Облучья один раз подавали ходатайство на регистрацию своей деятельности и получили отказ [20. Л. 16–17]. С 50-х гг. прошлого века число приверженцев баптисткой веры растёт. Так, баптисты проживали на станции Кимкан, в посёлках Известковое, Теплоозёрск (Облученский район), в Николаевке, Дежнёвке, Смидовичах (Смидовичский район). Имелись также группы баптистов в городе Биробиджане, в посёлке Обозном и на 2-м Биробиджане [11. Л. 48–53].

Местные власти негативно относились к тому, что не только верующие баптисты, но и приверженцы многих религиозных направлений по воскресеньям не работали [Там же]. Воскресенье для баптистов является днём, в который происходит главное их богослужение, поэтому все баптисты старались не пропускать его. В 1978 г. была зарегистрирована первая религиозная община евангельских христиан-баптистов в г. Биробиджане. Н.Д. Моляр в своей справке о религиозной обстановке в Хабаровском крае от 12 августа 1980 г. говорит, что верующие баптисты Облучья и посёлка Бира неоднократно просили о своей регистрации и что они с разрешением местных советских властей регулярно собираются на богослужебные собрания [21. Л. 114–116].

Небольшая группа адвентистов седьмого дня появилась в области в середине XX в. Адвентисты седьмого дня являются одним из направлений протестантизма. Особо почитаемым днём у адвентистов является суббота. Б.М. Гребенников в 1950 г. отмечал, что одна верующая адвентистка каждую субботу не выходила на работу (она работала кочегаром городской бани). За систематичные прогулы её не раз администрация бани штрафовала, но это не приносило никаких результатов. Вследствие этого администрации пришлось перенести ей выходной день с субботы на воскресенье [11. Л. 48–53]. В 1979 г. появилась также небольшая группа верующих адвентистов седьмого дня в посёлке Кульдур Облученского района [8. Л. 40–41].

Проанализировав религиозную ситуацию в Еврейской автономной области за период существования советской власти, мы пришли к следующим выводам:

1. До конца 40-х гг. XX в. религиозная ситуация в ЕАО была сложной. В области не было ни одной зарегистрированной религиозной общины. Это связано не только с проводимой антирелигиозной политикой, но и с процессом начала заселения области людьми, приверженцами атеизма.

2. С 50-х гг. начинается резкая активность деятельности верующих. Наряду с иудеями в области появляются православные, адвентисты 7 дня, баптисты, пятидесятники, католики и т.д. Хотя их численность и оставалась небольшой, они оказывали значительное влияние на общество ЕАО. Резкой активности способствовало и лояльное отношение советских властей, проводящих противоречивую антирелигиозную политику. С одной стороны, они боролись с проявлением религиозности в обществе, а с другой – нередко позволяли самим верующим открыто проводить богослужения. Для этого периода характерно вовлечение молодёжи в число приверженцев религиозных культов.

3. С конца 70-х гг. XX и до распада СССР для области в ряде случаев характерен процесс возрождения, становления религиозной составляющий общества. Представители разных религиозных групп начали регистрировать свою деятельность. Регистрация давала право открыто проводить богослужения, активно проповедовать основы религиозных убеждений.

Кроме вышеуказанных положений, было выявлено, что большинство верующих проживали в Облученском и Ленинском районах. Это было связано с тем, что многие населённые пункты находились далеко от областного центра, и, скорее всего, эта отдалённость влияла на проводимую антирелигиозную борьбу.

Религиозная ситуация в Еврейской автономной области стала меняться только в середине 80-х – начале 90-х гг. XX в.: активизировалась деятельность верующих разных религиозных направлений, появились первые зарегистрированные культы (1985 г. избрание пресвитера общины Евангельских христиан-баптистов, 1991 г. – появление первого православного прихода, 1993 г. – регистрация общины адвентистов седьмого дня).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дударенок С.М. Религиозная ситуация на Российском Дальнем Востоке: История и современность // Россия и АТР. 2004. № 2. С. 130–140.
2. Чурилина Т.И. Антицерковная политика Советского государства на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 65–67.
3. Сердюк М.Б. Русская православная церковь на советском Дальнем Востоке (1939–1955 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 30–39.
4. Федирко О.П. Коллективные формы атеистической работы на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 2 (47). С. 88–94.
5. Научно-справочная библиотека Государственного архива Хабаровского края (далее – НСБ ГАХК). СУР РКП. Отдел первый. 1918. 26 янв. С. 272–273 (Инв. № 2549).
6. НСБ ГАХК. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 435 (Инв. № 4413).
7. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. П.-138. Оп. 1. Д. 3. Л. 158–159, 162–163.
8. ГАХК. Ф. Р.-1359. Оп. 4. Д. 73. Л. 40–41.

9. Бренер И.С. Страна Биробиджан. Биробиджан: Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2013. 252 с.
10. ГАХК. Ф. Р.-137. Оп. 10. Д. 236. Л. 6.
11. ГАХК. Ф. Р.-1359. Оп. 3. Д. 6. Л. 48–58.
12. ГАХК. Ф. Р.-1359. Оп. 4. Д. 129. Л. 5.
13. НСБ ГАХК. СУР РКП. Отдел первый. 1918. 23 янв. № 17. С. 260–261 (Инв. № 2549).
14. ГАХК. Ф. Р.-137. Оп. 8. Д. 45. Л. 3–4.
15. ГАХК. Ф. Р.-1359. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–10.
16. ГАХК. Ф. Р.-1359. Оп. 2. Д. 1. Л. 48.
17. ГАХК. Ф. Р.-1359. Оп. 3. Д. 18. Л. 1–2, 7–8.
18. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы в Приамурье и Приморье // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в. : развитие и взаимодействие : материалы Всерос. науч. конф. Иркутск : Оттиск, 2005. С. 212–214.
19. Новый – таежное селение старообрядцев // Биробиджанер Штерн. 2012. 18 апр. URL: http://www.gazetaeao.ru/novyj-taezhnoe-selenie-staroobrydtsev html, свободный.
20. ГАХК. Ф. Р.-1359. Оп. 3. Д.5. Л. 16–17.
21. ГАХК. Ф. Р.-1359. Оп. 4. Д. 83. Л. 114–116.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 ноября 2016 г.

THE INFLUENCE OF THE COMMUNIST IDEOLOGY ON WORLD AND ETHNIC RELIGIONS IN THE JEWISH AUTONOMOUS REGION IN THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 176–181.
DOI: 10.17223/15617793/417/25

Eleonora A. Khainitskaya, *Sholem Aleichem* Amur *State University* (Birobidzhan, Russian Federation). E-mail: lera_hainickaya@mail.ru

Keywords: Jewish Autonomous Region; Soviet Authority; world and ethnic religions; anti-religious propaganda.

There were different religions such as Judaism, Orthodoxy, Seventh-day Adventism, Baptism and other Christian denominations in the 20th century in the Jewish Autonomous Region. The aim of this paper is to determine the degree of the Soviet government influence on the existence of religious communities. The tasks of the research are: 1) to analyze the methods of anti-religious struggle in the Jewish Autonomous Region; 2) to consider the religious situation; 3) to determine the stages of interaction of public authorities with the believers. Methods of this study are historical-comparative, historical-typological, the method of historical periodization. This article is based on archival materials, i.e. the works of S.M. Dudarenok, O.P. Fedirko, T.I. Churilina, M.B. Serdyuk, Yu.V. Argudyaeva. Judaism and Christian denominations appeared simultaneously in the Jewish Autonomous Region. They were brought by immigrants from the western regions of Russia. By 1936, there were no registered religious communities in the JAR. The number of believers was small and virtually unchangeable for many years. Communist authorities were very energetic in their anti-religious propaganda. In 1923, the Amur Gubkom (Regional Committee) of the R.C.P.(B.) (the Russian Communist Party (Bolsheviks)) defined specific methods of struggling against religion in the region. There were atheist propaganda methods, i.e. the split of the church, eradication of religious holidays, lectures, anti-religious clubs. Outreach activities (propaganda) were expanded by the society Znanie. It organized book exhibitions, anti-religious meetings. Specially trained lecturers performed anti-religious reports there. The society Znanie invited officials and public prosecutors to organize these meetings. In 1948, the first Jewish community was registered and the first synagogue was opened. But in 1985 this community ceased to exist. Besides the Jewish community there were Minya groups. In the 1950s, Orthodox believers became active. They publicly held religious services. In the late 1980s, Orthodoxy began to strengthen its position. Old Believers, Doukhobors (Spirit Wrestlers), Old Believers-Kerzhaks lived in the JAR. The Soviet authorities often united them into one religious group. In 1978, the first religious community of Evangelical Christians-Baptists was registered. A small group of Seventh-day Adventists was formed in the middle of the 20th century in the JAR. In the process of the study the author came to the following conclusion: the religious situation in the Jewish Autonomous Region was ambiguous. There were no registered religious cults in the region for a long time. Since the 1950s, the faithful became more active; they publicly held services, sermons, meetings, and since the 1970s, many religious communities began to register their activities, which contributed to the formation of the religious outlook of the Jewish Autonomous Region citizens.

REFERENCES

1. Dudarenok, S.M. (2004) Religioznaya situatsiya na Rossiyskom Dal'nem Vostoke: Istoriya i sovremennost' [The Religious Situation in the Russian Far East: History and Modernity]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 2. pp. 130–140.
2. Churilina, T.I. (2016) Antitserkovnaya politika Sovetskogo gosudarstva na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine 1930-kh gg. [The anti-church policy of the Soviet state in the Far East in the second half of the 1930s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 5. pp. 65–67.
3. Serdyuk, M.B. (2007) Russkaya pravoslavnaya tserkov' na sovetskom Dal'nem Vostoke (1939–1955 gg.) [Russian Orthodox Church in the Soviet Far East (1939–1955)]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 1. pp. 30–39.
4. Fedirko, O.P. (2009) Kollektivnye formy ateisticheskoy raboty na Dal'nem Vostoke v 50–70-e gody XX v. [Collective forms of atheistic work in the Far East in the 1950s–1970s]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2 (47). pp. 88–94.
5. Research and Reference Library of the State Archive of Khabarovsk Krai (NSB GAKhK). SUR RCP. Division 1. 1918. 26 January. pp. 272–273 (Inventory No. 2549). (In Russian).
6. Research and Reference Library of the State Archive of Khabarovsk Krai (NSB GAKhK). Eighth Congress of the RCP (B.). March 1919 Protocols. Moscow, 1959. P. 435 (Inventory No. 4413). (In Russian).
7. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund P.-138. List 1. File 3. L. 158–159, 162–163. (In Russian).
8. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-1359. List 4. File 73. Pages 40–41. (In Russian).
9. Brener, I.S. (2013) *Strana Birobidzhan* [The country of Birobidzhan]. Birobidzhan: Sholem Aleichem Amur State University.
10. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-137. List 10. File 236. Page 6. (In Russian).
11. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-1359. List 3. File 6. Pages 48–58. (In Russian).
12. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-1359. List 4. File 129. Page 5. (In Russian).
13. Research and Reference Library of the State Archive of Khabarovsk Krai (NSB GAKhK). SUR RCP. Division 1. 1918. 23 January. No. 17. pp. 260–261 (Inventory No. 2549). (In Russian).
14. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-137. List 8. File 45. Pages 3–4. (In Russian).

15. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-1359. List 1. File 2. Pages 8–10. (In Russian).
16. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-1359. List 2. File 1. Page 48. (In Russian).
17. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-1359. List 3. File 18. Pages 1–2, 7–8. (In Russian).
18. Argudyaeva, Yu.V. (2005) [Old Believers in the Amur and Primorye]. *Konfessii narodov Sibiri v XVII – nachale XX v.: razvitie i vzaimodeystvie* [Confessions of the Peoples of Siberia in the 17th – early 20th centuries: development and interaction]. Proceedings of the all-Russian conference. Irkutsk: Ottisk. pp. 212–214. (In Russian).
19. Birobidzhaner Shtern. (2012) *Novyy – taezhnoe selenie staroobryadtsev* [Novyy – a taiga village of Old Believers]. 18 April. [Online] Available from: http://www.gazetaeao.ru/novyj-taezhnoe-selenie-staroobrydtsev html.
20. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-1359. List 3. D.5. Pages 16–17. (In Russian).
21. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R.-1359. List 4. File 83. Pages 114–116. (In Russian).

Received: 21 November 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 182–190. DOI: 10.17223/15617793/417/26

УДК 94(571.1-21)"1941/1945"

О.А. Черемных, А.С. Шевляков

САНИТАРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВО В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются основные проблемы, возникшие в санитарно-эпидемиологической сфере в городах Западной Сибири. В начале ВОВ в Западную Сибирь были эвакуированы многие промышленные предприятия, учреждения и значительное количество населения. Тяжелые условия труда, плохое питание, дефицит жилья создавали условия для развития массовых заболеваний. Санитарные мероприятия и работы по благоустройству, проводившиеся в городах региона, способствовали стабилизации эпидемиологической обстановки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; санитарные мероприятия; городское благоустройство.

С началом Великой Отечественной войны из европейской части страны в Западную Сибирь началась эвакуация большого количества заводов и различных учреждений. Вместе с промышленными предприятиями и учреждениями прибыло большое количество эвакуированного населения.

Условия эвакуации и размещения населения были нелегкими. В осеннее ненастье и суровые морозы сибиряки вместе с эвакуированными рабочими и служащими разгружали оборудование, из-за нехватки механизмов часто вручную. Монтаж оборудования нередко производится под открытым небом. Прибывшие с заводами рабочие тут же превращались в строителей: валили лес, копали котлованы под фундаменты для тяжёлых станков, часть их устанавливали под открытым небом; жили тут же, у костров, обогревались, перекусывали, отдыхали. Эвакуированные специалисты страдали от холода и недоедания, ютились в душных каморках.

Эвакуация, тяжёлые условия труда, плохое питание, недостаточное снабжение населения топливом, дефицит жилых площадей создавали благоприятные условия для развития различных заболеваний. Распространению эпидемий способствовали контакты эвакуированным и местным населением. Так, в Новосибирске в декабре 1942 г. 60% всех случаев заражения приходилось на очаги, связанные с заболеваемостью эвакуированных и распространением инфекций среди местного населения [1. С. 196].

В Томске с 27 октября по 29 декабря 1941 г. был зарегистрирован 351 случай сыпного тифа. За декабрь сыпно-тифозная заболеваемость резко увеличилась, что указывало на ее эпидемический характер и создавало напряженную обстановку в городе [2. Л. 125].

Наибольшее количество инфицированных больных пришлось на 1942 г. Например, в городах Кузбасса количество больных сыпным и брюшным тифом, дизентерией и скарлатиной возросло по сравнению с 1940 г. в 1,8 раза. При этом рост заболеваемости брюшным тифом составлял 260%, сыпным – 630%. В целом в городах Новосибирской области число заболевших сыпным тифом в 1942 г. по сравнению с 1940 г. увеличилось в 6,4 раза, брюшным тифом – в 3,3 раза, скарлатиной – в 5,2 раза. В Томске по сравнению с довоенным периодом случаи заболевания брюшным тифом в 1942 г. возросли в 4,8 раза, дизентерией – в 4,9 раза, сыпным тифом – в 2,1 раза [3. С. 104].

В 1942 г. в Кемерово на 5 врачей и их помощников приходилось свыше 1 000 очагов тифопаратифозных заболеваний, а в 1943 г. – уже свыше 2,5 тыс.; значительно возросло количество случаев дизентерии, скарлатины, туберкулёза, тифа, кори, коклюша, малярии [4. С. 71].

Смертность от инфекционных заболеваний была высокой в городах Кемеровской области. Для Сталинска этот показатель за апрель 1943 г. составлял 3,4%, для Анжеро-Судженска – 1,5%, для Кемерово – 9,1%. Причинами смерти населения в Кемерово за апрель 1943 г. чаще всего становился туберкулез (17,3% умерших) [5. Л. 163]. В 1943 г. в Новосибирской области от туберкулеза умерло 1 748 чел., от воспаления легких – 824, от желудочно-кишечных инфекций – 806 чел. [6. Л. 88]. Следует отметить, что рост распространения некоторых инфекций продолжался до 1944 г.

Органы власти пытались исправить ситуацию. Например, решением горисполкома население Томска, а также все руководители предприятий и учреждений обязывались к 15 февраля 1942 г. закончить генеральную уборку занимаемых помещений, ликвидировать грязь и захламленность внутри комнат, коридоров, кухонь, уборных. В дальнейшем им предписывалось поддерживать указанные помещения в хорошем санитарном состоянии, а также ликвидировать личную антисанитарию, используя для этой цели кипячение и обработку белья и одежды в дезостанциях и русских печах, проглаживание утюгом, обработку одежды пиретрумом или табачной пылью. В январе 1943 г. были введены единого образца справки о санитарной обработке, так как имели место злоупотребления при выдаче этих документов. Дезсанобработку выезжавших из Томска и въезжавших граждан предписывалось производить в коммунальных банях № 1 и 6, гарнизонной бане, железнодорожной бане при станции Томск-2 и в санпропускнике при дезо-станции, которым предоставлялось право выдачи справок о прохождении дезсанобработки [7. Л. 12]. Помимо этого, председатели райисполкомов были обязаны организовать районные чрезвычайные «тройки» по борьбе с эпидемией, обеспечивать дезостанцию необходимым количеством транспорта [8. Л. 43]. Горздравотделу поручалось организовать регулярные подворные обходы для проверки выполнения данного решения, используя работников и студентов всех учебных и лечебно-профилактических медицинских учреждений, комсомол Российского общества Красного Креста (РОКК), общественный актив домоуправлений [8. Л. 45].

В Кемерово специальным решением ГКО от 2 февраля 1942 г. в районах были созданы чрезвычайные противоэпидемиологические комиссии, с целью снижения инфекционных заболеваний были организованы подворные обходы с привлечением всех медработников города. Кроме медработников в их проведении участвовали общественная санитарная инспекция, уличные комитеты, домкомы [9. С. 67].

В Томске все управляющие домами, коменданты, директора предприятий, руководители государственных учреждений и общественных организаций, имевших в своем ведении здания и предприятия, а также граждане, владевшие домами на правах личной собственности, аренды или застройки, обязывались производить очистку территорий предприятий и усадеб от нечистот, мусора и захламлённости [10. Л. 55]. Горисполком заставил администрацию учреждений, предприятий, организаций, домоуправлений, частных владельцев домов, строителей и арендаторов, в ведении которых находились участки, примыкавшие к улицам, площадям и тротуарам, систематически производить очистку тротуаров, не допускать загрязнения усадебных участков мусором и помоями; отвести специальные места для зимних помоек (не ближе 10 м от жилых зданий) и производить очистку и вывозку отбросов по мере их накопления в установленные «свалочные пункты»: за жилыми строениями в конце Московского тракта; в лог по правой стороне Иркутского тракта (между городом и заводом «Шарикоподшипник»); на правый берег р. Томи против Картасного переулка; на правый берег р. Ушайки между Киевской и Казанской улицами; на правый берег р. Ушайки в конце Крестьянской улицы; в конец Садовой улицы; в конец Московского тракта за пивзаводом и с левой стороны Московского тракта; в конец Красноармейской улицы, против ипподрома; в конец проспекта Фрунзе и Никитинской и Ремесленной улиц; в конец Подгорной улицы; на отвал в конце улицы К. Маркса, около Сухого озера; за переезд около станции Томск-2, вдоль правой стороны Иркутского тракта; на ассенизационный отвал по Иркутскому тракту (8-й км Иркутского тракта).

Очистка мест общественного пользования, обработка песком взвозов производилась трестом очистки, а содержание в чистоте и исправности базарных площадей возлагалось на базарно-рыночное управление [8. Л. 27].

Проблема загрязненности городов была актуальна в течение всех военных лет. Наружные уборные, помойные ямы часто были переполнены и не очищались. Вывозимые нечистоты и мусор сваливались в неустановленных местах, как правило, они просто выбрасывались на улицу. В городах образовались целые свалки. Так, в Томске свалки находились в различных районах города: площадка за зданием бывшего стадиона «Медик», конец Татарского переулка, угол Обруба и Набережной р. Томи, оба берега р. Ушайки на всем её протяжении в черте города, правый берег р. Томи в районе города, Дальне-Ключевской переулок, конец Иркутского тракта, конец Московского тракта, конец Красноармейской улицы, район Белого озера, район Сухого озера, Пионерский и Уржатский переулки [11. Л. 4]. Целый ряд улиц города находился в запущенном состоянии. Были разрушены мостовые и тротуары при прокладке подземных сооружений и подъездных путей, которые не были приведены в порядок.

Райисполкомам предписывалось наводить элементарный порядок на каждой площади и улице своего района: ремонтировать, белить и красить фасады домов, ворота, заборы, тротуары, мостовые, переходы, лестницы, крыши, водосточные трубы зданий [12. Л. 4–5]. Утреннюю очистку улиц, мостовых, тротуаров и других мест общественного пользования полагалось производить с 4 до 7 часов утра и в сухую погоду обязательно поливать мостовые и тротуары Ленинского, Тимирязевского, Коммунистического проспектов [13. Л. 56].

В начале 1944 г. в Томске были организованы квартально-уличные комитеты, в задачи которых входило оказание практической помощи районным исполнительным комитетам в работе по благоустройству района, улучшению санитарно-бытового состояния усадьб, жилищ и сохранению жилого фонда. В Томске таких комитетов было организовано 77 и утверждено на заседаниях райисполкомов 56, из них: в Кировском – 25, в Куйбышевском – 15 и Вокзальном – 16 [14. Л. 20].

В годы войны периодически проводились недели [15] и даже месячники чистоты [16]. Например, в Новосибирске 7 и 14 марта 1943 г. были проведены воскресники по очистке города. 7 марта было очищено около 1 500 домовых усадеб, 14 марта – 2 000 усадеб. За два дня было вывезено около 10 тыс. тонн отбросов. В первом воскреснике участвовало 10 тыс. горожан, во втором – 16 тыс. [17].

В Новосибирске также была развернута борьба с эпидемиологическим неблагополучием. С марта 1942 г. ежегодно все владельцы строений (обобществленного и частного сектора) были обязаны очищать от снега, льда, нечистот и мусора примыкающие к их домовладениям улицы и тротуары, а также содержать в порядке и чистоте дворы, помойные ямы, уборочные и мусорные ящики. Тротуары и места для прохода должны были посыпаться песком. С наступлением весеннего времени водосточные канавы, трубы для прохождения весенних вод, зимние помойные ямы, уборные и мусорные ящики, крыши зданий должны были полностью очищаться от снега, льда, нечистот и мусора. Очистку крыш, выходящих на улицу домов, предписывалось производить только с 2 ч ночи до 6 ч утра с обязательным устройством на тротуарах временного ограждения и сохранением деревьев от поломок. Сбрасывать снег в полисадники запрещалось. Лица, виновные в нарушении указанного решения, подвергались штрафу до 100 руб. или исправительным трудовым работами сроком до 1 месяца [18].

В апреле 1942 г. исполнительным комитетом Новосибирского областного совета депутатов трудящихся было принято решение «О чрезвычайных мероприятиях по ликвидации антисанитарного состояния городов и населенных пунктов Новосибирской области». В целях предохранения населения области от

эпидемических заболеваний и решительной борьбы с антисанитарным состоянием городов и других населённых пунктов исполком обязал исполкомы районных и городских советов депутатов трудящихся, кроме повседневной работы, провести чрезвычайные меры по очистке городов и населенных пунктов. В этом же году 12, 16, 19, и 26 апреля была организована массовая очистка от мусора и нечистот улиц, дворов, уборных, помойных ям, площадей, скверов, предприятий общественного питания, общежитий, вокзалов, станций и других мест общественного пользования.

В каждом городе отводились специальные места для свалки отбросов, обеспечивалось их обезвреживание [19]. Для свалок снега и мусора в Новосибирске в зимнее время начиная с 1942 г. были открыты следующие места на середине р. Оби: против Чернышевского спуска, против Сузунского спуска, по Мазутному переулку, против спуска у завода «Труд». На этих местах свалок были поставлены указатели. Вывозку на отвалы можно было производить круглые сутки. Лица, замеченные в вывозе нечистот на другие участки, привлекались к уголовной ответственности [20].

Такая же работа проводилась и в других городах Западной Сибири. В Кемерово очисткой города от твердых и жидких бытовых отходов занималось предприятие гужевого транспорта, которое было образовано специально для этих целей еще в 1940 г. 240 лошадей вывозили 28 тыс. куб. м за год [21. С. 25].

Немаловажную роль в очистке городов от нечистот играли ассенизаторские обозы (ассобозы). В кратком обзоре работы коммунальных предприятий Новосибирской области за 1942 г. отмечалось, что коммунальных ассобозов в области имелось 12. На 1 января 1943 г. у них числилось на балансе 256 рабочих лошадей, что было на 95 голов меньше против планового количества.

План вывозки нечистот по области был выполнен всего только на 55,7%, т.е. вывезено было 95,2 тыс. куб. м. Кемеровский, Киселёвский, Мариинский, Тайгинский обозы свои планы по вывозке нечистот перевыполнили. В остальных городах было допущено невыполнение плана (табл. 1).

Таблица 1

Выполнение плана 1942 г. по ассобозам Новосибирской области [22. Л. 20]

Город	Фактическое число лошадей на 01.01.1943 г.	Вывезено нечистот, куб. м	
		по плану	фактически
Новосибирск	95	77,6	28,4
Анжерка	11	12,7	8,7
Кемерово	44	20,6	25,6
Мариинск	2	1,7	2,2
Прокопьевск	17	6,4	2,8
Сталинск	24	15	12
Тайга	1	0,7	1
Томск	19	22,7	7,5
По области	256	170,9	95,2

Невыполнение плана по вывозке нечистот объяснялось, с одной стороны, уменьшением поголовья лошадей в ассобозах в результате мобилизации их для Красной армии, с другой – отрывом лошадей на гужевые перевозки (вывозка топлива) для нужд коммунальных предприятий и сельскохозяйственные работы [22. Л. 9].

Высокая концентрация населения в Сталинске заставила организовать санитарную очистку территории. Следует отметить, что первая канализация была построена в 1932 г., но твердые отходы до 40 тыс. куб. м в год ещё долго вывозили на лошадях. Ситуация изменилась в годы Великой Отечественной войны. В 1943 г. был создан Трест очистки. В его штате насчитывалось 30 чел., а годовой объём вывозимых отходов составлял около 40 тыс. куб. м [21. С. 104].

Анжеро-Судженск единого ассенизационного хозяйства не имел, что отражалось на интенсивности очистки. Количество лошадей и бочек было недостаточным. По количеству населения в обозе должно было насчитываться не менее 80 работающих лошадей с бочками (вместо 20 наличных). Город не имел полей ассенизации. Свалочных мест в городе также не было, мусор если и вывозился, то выбрасывался на случайные и не отведенные места. Уборные общего пользования в городе отсутствовали. В уборных при учреждениях и жилых домах наблюдалась антисанитария, известь для обработки отсутствовала. В 1944 г. силами населения значительная часть дворов была очищена от мусора и навоза. Для очистки дворов, тротуаров и прилегающих улиц в апреле и мае было отработано 2 956 дней. Кроме того, 372 дня в общей сложности отработали лошади, было задействовано 12 автомашин. За это время (месячник очистки города) вывезено 1 256 куб. м нечистот. Решением горисполкома от 27 мая 1944 г. с 1 июля в Анжерке был введён институт дворников для владений, расположенных на основных улицах. На 1 июля 1944 г. в городе имелось 18 дворников [23. Л. 205].

В Новосибирской области коммунальные ассобозы в первом полугодии 1943 г. работали в 5 городах, имея (на 1 июля 1943 г.) 113 голов инвентарных рабочих лошадей. Фактически на очистке использовалась только 71 лошадь, а остальные находились на других работах (гужевые перевозки, сельское хозяйство). Нередкими были и простои из-за болезней животных [22. Л. 43].

Поскольку фактически рабочих лошадей в ассобозах было меньше, чем предусмотрено по плану, годовая программа по вывозке нечистот не была выполнена ни одним ассобозом (табл. 2).

Таблица 2

Наличие лошадей и выполнение плана по очистке в городах Новосибирской области (за исключением Новосибирска) за 1943 г. [22. Л. 43]

Город	Рабочих лошадей на конец года		Вывезено нечистот, снега и мусора, тыс. куб. м	
	по плану	фактически	по плану	фактически
Барабинск	3	–	0,95	–
Колпашево	3	1	1,4	0,4
Куйбышево	7	1	3,8	0,5
Татарск	3	1	1,6	0,5
Томск	22	21	9	6,6
По области	38	24	16,75	8

В Новосибирске в 1943 г. реально использовались в работе по очистке города 60 лошадей (из 90 рабочих лошадей). Фактически за первое полугодие 1943 г. план по вывозке нечистот, мусора и снега был выполнен на 101,7% (вывезено 23,4 тыс. куб. м) [22. Л. 43].

Таблица 3

Работа ассобозов по городам Новосибирской области за первое полугодие 1944 г. (за исключением Новосибирска) [24. Л. 71]

Город	Число рабочих лошадей, занятых на очистке	План вывозки нечистот и мусора на 1-е полугодие, м^3	Фактическое выполнение плана, м^3	Количество конедней работы по очистке
Барабинск	–	400	–	–
Колпашево	–	600	–	–
Куйбышево	2	1 426	400	122
Татарск	1	600	155	52
Томск	20	3 800	4 000	2 299
Итого	23	6 626	4 555	2 473

В 1944 г. ситуация в Новосибирской области коренным образом не изменилась. За первое полугодие 1944 г. (табл. 3) ассобозы области полугодовой план по вывозке нечистот, мусора и снега выполнили только на 67,2% (к годовому плану 32,7%), затратив на это 2 473 рабочих дня [24. Л. 71].

В среднем в первом полугодие 1944 г. по области работало на очистке городов только 15 рабочих лошадей, хотя всего числилось 23, остальные лошади использовались не по прямому назначению, т.е. на вывозке фуража и перевозке леса и других грузов по решениям местных горисполкомов, несмотря на то что имелось прямое запрещение на привлечение лошадей ассобозов на другие работы. Следует отметить работу ассобоза г. Томска, который, несмотря на привлечение лошадей на другие работы, всё же план полугодия перевыполнил на 11% [Там же].

В Новосибирске в апреле 1944 г. в постановлении исполнительного комитета городского совета депутатов трудящихся и бюро Новосибирского горкома ВКП(б) отмечалось, что территории домоуправлений и предприятий находились в запущенном состоянии, не были очищены от скопившихся нечистот, мусора и снега. Подчеркивалось, что на улицах, площадях, дорогах и тротуарах, в садах и скверах не была произведена уборка льда, мусора. В связи с этим было принято решение провести 9 апреля общегородской воскресник по очистке дворов, дорог, тротуаров, площадей, садов и улиц от нечистот, мусора, льда и снега. Райисполкомам и райкомам ВКП(б) к 8 апреля предписывалось установить и закрепить за заводами, учреждениями, домоуправлениями и частными домовладениями участки дорог, площадей, скверов, тротуаров и улиц, которые они на свои средства должны были тщательно очистить от мусора и вывезти его на места свалок [25].

В Томске с целью поддержания чистоты было принято решение горисполкома № 398 от 18 сентября 1944 г., которое запрещало производить всякого рода разгрузку на железнодорожных ветках по нечётной стороне от переулка Совпартшкольный к улице Дальне-Ключевская, а лес и дрова предписывалось разгружать только на площади Дальне-Ключевского базара и на отведённом участке в районе инструментального завода [26. Л. 7].

Силами предприятий, учреждений и общественности проводились работы по благоустройству Белого озера, парка им. Кирова, площади Революции, детского парка, Городского сада, Пушкинского сквера и т.д. [12. Л. 3], осуществлялось озеленение города [Там же. Л. 4]. В апреле 1945 г. было принято решение № 126 горисполкома «Об утверждении правил пользования городскими парками, садами и скверами и таксы за их нарушение», которое запрещало: хождение вне дорожек и аллей; срывание цветов, порчу газонов, поломку деревьев, сбор плодов и ягод; езду на велосипедах; выброс окурков, бумаг, скорлупы орехов и семечек и другого мусора мимо урн; выпас лошадей, коров, телят, овец и другого скота; поломку изгородей, газонников, скамеек, беседок и прочих сооружений. За нарушение этого решения гражданам грозил денежный штраф (например, за срыв цветов – по 25 руб. за каждый цветок; за поломку деревьев или веток по – 50 руб. и т.д.) [27. Л. 64].

Несмотря на военное время, Томский горисполком пытался решить проблему освещения города. Так, в решении № 356 говорилось: «...из имеющихся в городе 273 установленных уличных фонарей исправно горят только лишь 15 штук. Приусадебные номерные фонари бездействуют, в результате чего город в ночное время совершенно не освещён» [10. Л. 4]. В связи с этим все домоуправы домов местного Совета, арендаторы и частные владельцы обязывались «привести в порядок номерные фонари на фасадах домов, а где таковых не имеется – приобрести, и производить включение таковых с наступлением темноты и выключать с наступлением рассвета» [Там же. Л. 24]. Помимо этого, устанавливалась норма освещения для каждого номерного знака в 25 Вт. Нарушители данного решения подвергались в административном порядке предупреждению, штрафу до 100 руб., или исправительно-трудовым работам сроком до 30 дней [Там же].

В Новосибирске общее протяжение освещаемых частей улиц, проездов и набережных по состоянию на январь 1943 г. составляло 77,6 км. Общее число световых точек равнялось 2 131, общая световая мощность всех точек – 312,1 кВт. Общее протяжение освещаемых улиц и число световых точек уменьшилось по Кагановическому району: часть линий была снята на оборудование заводов и строек оборонного значения, по причине полной непригодности на них линий, отсутствия арматуры и ламп [28. Л. 55–56].

Работы по благоустройству проводились во всех городах региона. В Новосибирске 26 апреля 1943 г. исполнительным комитетом Новосибирского городского совета депутатов трудящихся было принято решение об охране зелёных насаждений в селитебной части города. Так, все учреждения, предприятия, организации, домоуправления и частные лица были обязаны содержать в сохранности и порядке находящиеся в их ведении зелёные насаждения и выполнять мероприятия по борьбе с вредителями и заболеваниями этих насаждений. В случае ведения работ в местах их произрастания было необходимо: регистрировать адреса работ в райкомхозах и получать письменное разрешение на работу; ограждать деревья прочными щитами, а корни – настилом; при мощении или асфальтировании оставлять вокруг деревьев свободное пространство 1,2–1,5 м. Также запрещались рубка леса без разрешения горземлетреста, ломка деревьев, привязка к деревьям лошадей и других животных. Не

разрешалось ходить по газонам, рвать цветы в общественных садах, бульварах и скверах, а также ездить на велосипедах и с грузовыми ручными тележками по аллеям и пешеходным дорожкам; выливать помои, всякого рода кислоты, растворы солей и химикаты на газоны, деревья, кустарники; разводить огонь во всех садах и скверах, а также около отдельных деревьев, выпускать в сады общественного пользования, скверы и бульвары животных и домашних птиц, засорять аллеи, дорожки и газоны бумагой, мусором [29].

Кроме того, производились работы по озеленению городов региона и мощению улиц. Так, в газете «Советская Сибирь» в мае 1943 г. говорилось, что трудящиеся Томска вызывают новосибирцев на социалистическое соревнование. Томичи обязались за лето и осень устроить новые и отремонтировать старые булыжные и грунтовые дороги на 11 улицах, привести в порядок все тротуары, заборы, переходные мостики, образцово содержать сады, скверы и бульвары, посадить 50 тыс. новых деревьев, покрасить и побелить фасады домов. В Томске коллективы предприятий и учебных заведений и учреждений к маю посадили около 20 тыс. молодых деревьев, привели в порядок площадь Революции, проспект Кирова. Школьники 43-й, 10-й и др. школ взяли шефство над городским садом [30].

В Новосибирске к январю 1943 г. общее протяжение всех улиц, проездов и улиц-набережных составило 489,3 км, из них замощенные части улиц – 89,21 км. Общая площадь всех тротуаров составила 347,4 кв. м. Число всех мостов, авиадуков, путепроводов в пределах города – 49. К общему протяжению замощенных улиц прибавилось за 1942 г. 4,76 км по ул. Трудовой и в Кировском районе [28. Л. 67].

В июне 1943 г. распоряжением Новосибирского горкомхоза начальнику сектора благоустройства поручалось обеспечить ежедневное, начиная с 11 июня, производство работ по асфальтированию центральной части города силами конторы № 81 «Коммунстрой». Заведующему райкомхозом Центрального района и заведующему сектором благоустройства горкомхоза поручалось установить обязательную ежедневную очистку бульвара (аллеи, газоны) по Красному проспекту, закрепив необходимое количество рабочих для этих целей, поставить скамейки и закрепить их столбиками, обеспечить высадку цветов и вазы по бульвару, убрать столб с тротуара проспекта между улицами Рабочей и М. Горького. Были установлены дорожные знаки, запрещавшие движение всех видов транспорта по ул. Щетинкина от здания горсовета до белой колонки и обратно, а также въезд на площадь и Красный проспект с ул. М. Горького [31. Л. 64].

За 1943 г. была проведена заметная работа по внешнему благоустройству Новосибирска. Было посажено до 125 тыс. зелёных саженцев, приведены в порядок сад завода им. Чкалова, сад им. Сталина, сад им. Кирова, произведён внутренний ремонт и архитектурное оформление кинотеатра им. Маяковского. Были выполнены значительные работы по окончанию «недоделок» в театре оперы и балета, произведён ремонт мощёных дорог в количестве 21 тыс. кв. м. Построено новых тротуаров 14 тыс. погонных метров, отремонтировано 24 тыс. погонных метров. Силами населения города была отремонтирована Заельцовская дамба. Однако план капремонта дорог был выполнен только на 50%, строительство новых тротуаров – на 19%, восстановление разрушенных тротуаров – на 51%. Не были выполнены в значительной части мероприятия по благоустройству магистральных улиц, ремонту фасадов зданий, заборов, ворот и палисадников. На многих улицах были сломаны заборы, полисадники [32. Л. 83].

В 1944 г. фактически было высажено цветочных корней по Новосибирской области 8 500 (по плану – 34 400), устроено газонов (кв. м) по области 100 (план – 2 475). Было построено новых и капитально отремонтировано существовавших ограждений садов, парков, бульваров, газонов, цветников (кв. м) по области – 2 788 (по плану 13 690), в том числе в Барабинске – 1 700, Болотном – 300, Куйбышево – 228. Вновь замощено улиц, площадей, проездов по области (кв. м) – 77 710 (по плану – 217 400), в том числе в Барабинске – 710, Болотном – 60 тыс., Татарске – 17 тыс. Построено новых тротуаров – 2 161, переходных дорожек – 202 (по плану – 41 765), в том числе в Болотном – 100 тротуаров и 3 переходных дорожки, в Татарске – 1 100 тротуаров и 66 переходных дорожек. Капитально отремонтировано существовавших тротуаров и переходных дорожек – 7 660, в том числе в Барабинске – 250 тротуаров и 72 переходные дорожки [24. Л. 13].

За 1944 г. в Бердске, Куйбышеве, Татарске, Барабинске отпущенные на благоустройство средства были использованы на 96%, в том числе замощено 81,5 тыс. кв. м полотна дороги, отремонтировано 6,7 тыс. кв. м мостовых, построено 6 и отремонтировано 93 моста, построено 203 переходных мостика, посажено саженцев 35,6 тыс. шт., отремонтировано 44 тыс. погонных метров кюветов [33. Л. 49].

Война застала Кемерово городом деревянным, одноэтажным, с грязными неблагоустроенными улицами и заболоченными пустырями. Жилой массив в основном состоял из бараков каркасно-засыпного типа. Несколько капитальных домов на Притомском участке, восемь четырехэтажных школьных зданий, Дворец Труда и кинотеатр «Москва» были украшением города [34. С. 78].

В годы Великой Отечественной войны на благоустройство города выделялись деньги, но полностью они не осваивались. Например, в 1942 г. по состоянию на сентябрь по Центральному району было освоено средств: по ремонту мостовых – на 23%, по ремонту мостов и труб – на 15,4%, по строительству новых тротуаров – на 15,10%, по ремонту тротуаров – на 61,9%. По Рудничному району было освоено средств по благоустройству района 34,4%. В Кировском районе и пос. шахты «Пионер» к освоению средств вовсе не приступали. По весеннему озеленению города план был выполнен на 90,7% [35. Л. 174].

В справке о мероприятиях по благоустройству Кемерово за 1943 г. говорилось, что в городе отсутствует элементарное благоустройство. Город не был замощен. Даже центральные его улицы летом после небольшого дождя становились непроезжими, не говоря уже об осенних и весенних месяцах. Зелёные

массивы Кемерова с его развитой химической промышленностью были совершенно недостаточными. Целый ряд больших жилых районов города не имел детских площадок, скверов, зелёных насаждений [36. Л. 1]. По большому счету, город не был освещён. Так, на конец 1942 г. количество осветительных точек в городе составляло 63, а протяженность освещаемых улиц – 6,3 км [Там же. Л. 14].

В апреле 1943 г. в решении Кемеровского горисполкома отмечалось, что работа коммунальных предприятий горкомхоза была неудовлетворительной. Улицы города не убирались, тротуары не ремонтировались, древесные насаждения не ограждались и истреблялись. На мостовых имелись выбоины, сточные трубы были засорены, на многих улицах и проездах наблюдались непроходимая грязь и огромные лужи [37. Л. 12].

В этот же день исполнительным комитетом Кемеровского городского совета депутатов трудящихся было принято решение «О содержании в чистоте и уборке улиц, тротуаров, площадей и дворов». В соответствии с ним устанавливались следующие обязательные правила уборки улиц: ответственность за очистку улиц, площадей, тротуаров возлагалась на руководителей учреждений, директоров предприятий, управляющих домами и частных домовладельцев, в пользовании которых находятся участки, примыкающие к улицам, площадям и тротуарам. Владельцы и арендаторы уличных киосков, павильонов, ларьков и лотков были обязаны очищать арендованные места и прилегающие к ним улицы или площади в радиусе 3 м от киоска, ларька или стоянки и во избежание пыли в сухую весеннюю, летнюю погоду и в течение всего времени торговли поливать эту территорию водой. Образовавшиеся после дождей лужи должны были немедленно устраняться. В случае большого скопления воды на проходах, впредь до её удаления, устанавливать трапы. Основная утренняя очистка улиц, мостовых, тротуаров, дворов и других мест должна была производиться в период с 1 мая до 1 октября с 4 до 7 ч утра, а в остальное время года – с 4 до 8 ч утра. Было решено также обязать управляющих домами и домовладельцев иметь во дворах мусорные ящики для сбрасывания мусора до его вывозки [Там же. Л. 14].

Для того чтобы указанное решение выполнялось, Кемеровский горисполком обязал в июне 1943 г. все учреждения, предприятия и домоуправления иметь дворников. В дворники могли наниматься лица обоего пола, достигшие 18 лет. Приём дворников на работу и увольнение производились управляющим домом (заведующим хозяйством учреждения) по согласованию с начальником отделения милиции. Дворник допускался к работе после его регистрации в отделении милиции и выдачи ему нагрудного знака. Выполняя служебные обязанности дворник должен был носить одежду установленной формы и иметь нагрудный знак. Форменная одежда выдавалась ему домоуправлением бесплатно сроком на один год и при увольнении с работы сдавалась управляющему домом. Дворнику во время работы предоставлялась служебная жилая площадь с бесплатными коммунальными услугами и отоплением. Дворники были обязаны, помимо уборки территории, нести очередные ночные дежурства у своих подъездов и ворот, являться по первому свистку милиционера и оказывать ему помощь. В дополнительные обязанности входило: участвовать вместе с милицией в обходах домовладений; в случае необходимости заменять постового милиционера на территории, примыкающей к домовладению, не допускать расклейки афиш, объявлений плакатов в местах, не предназначенных для этой цели. Дворникам предписывалось не допускать проживания в доме лиц без прописки, немедленно сообщать участковому инспектору милиции о всех случаях нарушения правил прописки. В домоуправлениях, где имелось более двух дворников, приказом назначался старший дворник [37. Л. 119].

Обязанность следить за чистотой территорий возлагалась не только на управляющих и заведующих, но и на граждан. Так, в марте 1944 г. Кемеровский горисполком принял решение «Об уборке улиц, тротуаров, площадей, дворов и содержании их в чистоте». Оно гласило, что все граждане, проживающие в общежитиях, домах общественного сектора как коммунального фонда горкомхоза, а также всех других ведомств, были обязаны производить очистку своих территорий, тротуаров и раскайловку помойных ям, куч мусора, кухонных отбросов, для его беспрепятственного вывоза транспортом. Граждане, проживавшие в индивидуальных домах предприятий, ведомств и учреждений, а также имевшие собственные дома, были обязаны производить очистку своих территорий, тротуаров, уборку помойных ям и навоза и вывозить мусор в отведенные места свалок своими средствами и транспортом [38. Л. 109].

В фондах Государственного архива Кемеровской области имеются документы, которые подтверждают, что за нарушение санитарных правил горожане наказывались. Например, гражданин И.В. Романов (преподаватель автошколы), проживавший в Кировском районе, должен был заплатить штраф 100 руб., так как не произвёл очистку сарая от навоза; штраф в размере 100 руб. должен был выплатить гражданин Ковров. Наказание в виде штрафа получила гражданка Евдокия Васильевна Кондратьева, работницы завода № 652, проживавшая по адресу ул. 1-я Заречная № 60, за то, что высыпала шлак в неуказанное место. Отметим, что все эти граждане подали в горисполком ходатайства о снятии штрафов и обязались впредь не допускать подобного [37. Л. 46].

Одним из способов мотивации горожан к работам по очистке и благоустройству улиц была организация социалистических соревнований. Так, в марте 1944 г. в Кемерове соревнование проходило между уличными и домовыми комитетами на лучшие организацию очистки улиц и территорий у жилых домов, общежитий, учреждений, общественных зданий и содержание их в образцовом порядке, а также на лучшую организацию помощи в строительстве и ремонте дорог, тротуаров, колодцев и других работ, озеленению своих улиц и территорий у жилых домов и общественных зданий. Было решено ежемесячно подводить итоги социалистического соревнования между уличными и домовыми комитетами с выдачей премий участникам,

наиболее проявившим себя в очистке и благоустройстве города. Устанавливались 10 премий: 2 премии – по 500 руб., 3 – по 300, 5 – по 200 руб. [38. Л. 126]. По состоянию на 12 мая 1944 г. в ходе соревнования было посажено деревьев – 14 800, кустарников – 32 тыс., вывезено нечистот и различного мусора – 15,2 тыс. куб. м, спланировано площадок у жилых и служебных зданий – 1 500 кв. м, по обочинам улиц – свыше 250 кв. м, отремонтировано уборных – 30 шт., построено новых уборных – 21 шт., отремонтировано штакетника – 680 погонных метров, сделано нового штакетника и изгороди – 1 070 погонных метров, побелено оградок – 4 500 кв. м [Там же. Л. 212].

Работы по благоустройству проводились в годы войны и в других городах Кемеровской области. В Сталинске к благоустройству города активно привлекались граждане. В 1942–1943 гг. их силами был построен водопровод протяженностью 3,5 км, в 1943 г. силами горожан была отремонтирована дорога Сталинск – Кузнецк протяженностью 6 км, 12 тыс. кв. м жилой площади [39. Л. 98].

В Прокопьевске в течение весны 1944 г. было посажено 31 222 дерева и кустарника, 13 435 цветов. Были озеленены: вокзал (до Кузбасскомбината) – посажено 559 деревьев, инфекционная больница – 205, госпитали – 300, детдом № 3 – 300, жилой фонд шахты им. Сталина – 1 200, школа № 9 – 200, завод 651 – 180 деревьев и т.д. Были приведены в порядок Зенковский парк культуры и отдыха, городской сад, сад Мелькомбината, вокзальный сад, скверы по улицам Фасадной и Артёмовской [23. Л. 183].

Помимо этого, была проведена большая работа по очистке улиц от различных временных построек, загромождавших их. От таких построек была очищена ул. Фабричная, Ильича, Интернациональная. Уделялось внимание и архитектурному оформлению фасадов зданий, особенно на центральных улицах города. Так, были приведены в порядок фасады клуба им. Кирова, санбаклаборатории, Горноспасательной станции, Дома специалистов, домов по ул. Кирова, здания комбината шахты им. Сталина, гостиницы [23. Л. 184].

В течение весны и июня 1944 г. в Прокопьевске было построено 2 100 погонных метров новых тротуаров (98% плана) и отремонтировано 9 960 погонных м существовавших. Был положен новый тротуар по ул. Революции до клуба им. Ворошилова протяженностью 450 м, по ул. Артемовской и др. Новым штакетником были ограждены дома и зелёные насаждения по улицам Артемовской, им. Кирова, Фабричной, Трудовой. Из намеченных планом было отремонтировано 3,5 км мощёных дорог по улицам К. Либкнехта, Артемовской, Ленинской, Черногорской, им. Кирова. Начато строительство дорог на заводе 1 206 (полотно протяженностью 1 км), на шахте Манеиха (полотно 600 м). Была построена улучшенная грунтовая дорога по улицам Революции и Интернациональной протяженностью 2 км [Там же].

Таким образом, даже в условиях военного времени проводились работы по очистке и благоустройству городов. Тресты очистки были в состоянии вывозить лишь десятую часть нечистот. Ведомственный ассенизационный обоз был малым. Большая часть мусора и других нечистот оставалась во дворах и на улицах. Проблема усугублялась еще и тем, что в бытовой жизни населения очищенная воды, соответствующая санитарным нормам, фактически отсутствовала [40. С. 194]. Эти проблемы пытались решить разными способами, но в условиях войны изменить ситуацию коренным образом было практически невозможно. В связи с этим органы власти принимали меры организационно-распорядительного характера. Основной причиной такого положения являлась нехватка ресурсов и рабочих рук, так как в первую очередь всё было подчинено выпуску военной продукции и удовлетворению нужд фронта. По этой причине заметным явлением стало участие граждан в общественных мероприятиях, направленных на санитарную обработку территории и благоустройство. В условиях войны это было особенно важно. Субботники, воскресники, декадники и месячники чистоты сдерживали распространение массовых заболеваний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова Ю.А. Причины и факторы возникновения заболеваемости в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны // Из прошлого Сибири : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2001. Вып. 4, ч. 1. С. 194–204.
2. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 80. Оп. 3. Д. 6.
3. Зяблицева С.В. Гражданское здравоохранение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // 65-летие Сталинградской битвы и Кемеровской области : сб. науч. тр. Кемерово, 2008. С. 100–105.
4. Иванов С.В. Деятельность санэпидслужбы в годы Великой Отечественной войны // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны : материалы науч. конф. (14 апреля 2000 г.). Кемерово, 2000. С. 70–71.
5. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 102.
6. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22.
7. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 830.
8. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 813.
9. Закиров А.И. Здравоохранение города в годы Великой Отечественной войны // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны : материалы науч. конф. (14 апреля 2000 г.). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2000. С. 64–72.
10. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 867.
11. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 864.
12. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 798.
13. ГАТО. Ф. Р-430.Оп. 1. Д. 885.
14. ГАТО. Ф. Р-430.Оп. 1. Д. 868.
15. Красное знамя. 1942. 26 февраля.
16. Красное знамя. 1941. 19 марта.
17. Советская Сибирь. 1943. 17 марта.
18. Советская Сибирь. 1943. 18 марта.

19. Советская Сибирь. 1942. 11 апреля.
20. Советская Сибирь. 1943. 11 января.
21. Жилищно-коммунальное хозяйство Кемеровской области: 60 лет истории / редкол.: Т.И. Калицкая, П.М. Немирович-Данченко. Томск : ГалаПресс, 2002. 237 с.
22. ГАНО. Ф. Р-1365. Оп. 1. Д. 24а.
23. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 19.
24. ГАНО. Ф. Р-1365. Оп. 1. Д. 30а.
25. Советская Сибирь. 1944. 8 апреля.
26. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 839.
27. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 875.
28. Новосибирский государственный городской архив (далее – НГГА). Ф. 331. Оп. 1. Д. 170.
29. Советская Сибирь. 1943. 21 мая.
30. Советская Сибирь. 1943. 18 мая.
31. НГГА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 173.
32. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 13.
33. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 19.
34. Балибалов И. А. Кемерово: вчера, сегодня, завтра. Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1976. 180 с.
35. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 15.
36. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 15.
37. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 18а.
38. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 19.
39. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 18.
40. Черемных О.А. Городское водоснабжение Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 190–195.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 декабря 2016 г.

SANITATION AND PUBLIC SERVICES AND UTILITIES PROVISION IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 182–190.
DOI: 10.17223/15617793/417/26

Olga A. Cheremnykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olqga375@sibmail.com
Aleksandr S. Shevlyakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

Keywords: Great Patriotic War; sanitary way; provision of urban amenities.

The article discusses the causes of the epidemiological problem, which appeared to be typical of Western Siberia and to be conditioned by the burden of the War time. From the very beginning of the Great Patriotic War, a lot of industrial enterprises and a considerable number of people were evacuated to Western Siberia. Conditions of the evacuation and distribution of the population were quite hard. In the nasty autumn weather and in the deep frost local people together with evacuated workers unloaded technical equipment, often by-hand because of the lack of machines. Equipment often had to be installed in the open air. People who came with evacuated enterprises started to work as construction worker to fell timber, dig foundation ditches for heavy industrial machines, part of them were installed in the open air. Workers lived right there, got warm, cooked, had a rest by the fire. Evacuated professionals suffered from cold and malnutrition, lived in small storerooms. Evacuation, harsh working conditions, poor nutrition, lack of fuel, housing shortage provided a supportive environment for mass diseases. In 1942, in the towns of Novosibirsk Oblast the number of people suffering from typhus increased by 6.4 times, from typhoid fever by 3.3 times, from scarlatina by 5.2 times in comparison with the pre-war period. In Tomsk, the number of typhoid fever cases increased by 4.8 times, dysentery cases increased by 4.9 times, typhus cases by 2.1 times. However, this key problem had to be resolved. Under the circumstances, sanitation measures and provision of urban amenities were directed to prevent further spread of epidemics. Archival records give evidence of disinfection of the population organized by the authorities. Special committees with sweeping powers to protect from epidemics were formed in cities. Health workers had the support of volunteers and social activists. Severe regulations were made to provide administrative responsibility in the form of fines and community labor for the violation of rules for cleaning streets, yards, common areas, for unauthorized landfill and others. The Soviet authorities took steps for provision of urban amenities: street lighting, tree planting, repair of building facades, roads and sidewalks. Works on provision of urban amenities were limited due to the lack of funds, materials, constant and sufficient human resources in municipal services. Cleaning factories could take out only a tenth part of the dirt. The state sanitary brigade was small. Most rubbish and other sewage was outside in the streets as all main resources were sent to defense plants to provide for their work. The conclusion is that, under extreme circumstances of the war time, solution of the problem with the sanitary ill-being of the urban population in Western Siberia did not seem possible because of the lack of resources. In this regard, local authorities followed the line of organizational-administrative measures. The main form of provision of urban amenities were volunteer clean-ups on Saturdays, Sundays, once in ten days, once a month. Dozens of thousands of people cleaned the cities from snow and garbage without charge in Western Siberia during the war. Under the conditions of the war it was particularly important. Sanitation measures and provision of urban amenities made it possible to prevent further spread of mass diseases and stabilize the epidemiological situation in the region.

REFERENCES

1. Davydova, Yu.A. (2001) Prichiny i faktory vozniknoveniya zabolevaemosti v gorodakh Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Causes and factors of sickness rates uprising in towns of Western Siberia during the Great Patriotic War]. In: Kazakov, E.E. (ed.) *Iz proshlogo Sibiri* [From the past of Siberia]. Vol. 4. Part 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 6. (In Russian).
3. Zyablitseva, S.V. (2008) Grazhdanskoe zdravookhranenie Kuzbassa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Civil Healthcare Service in Kuzbass during the Great Patriotic War]. In: Galaganov, Z.P. (ed.) *65-letie Stalingradskoy bitvy i Kemerovskoy oblasti* [65 years of the battle of Stalingrad and Kemerovo Oblast]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

4. Ivanov, S.V. (2000) [Functioning of the Sanitary and Epidemiological Service during the Great Patriotic War]. *Gorod Kemerovo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kemerovo during the Great Patriotic War]. Proceedings of the conference. 14 April 2000. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 70–71. (In Russian).
5. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-18. List 3. File 102. (In Russian).
6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 8. File 22. (In Russian).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 830. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 813. (In Russian).
9. Zakirov, A.I. (2000) [Healthcare Service in the city during the Great Patriotic War]. *Gorod Kemerovo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kemerovo during the Great Patriotic War]. Proceedings of the conference. 14 April 2000. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 64–72. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 867. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 864. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 798. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430.List 1. File 885. (In Russian).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430.List 1. File 868. (In Russian).
15. *Krasnoe znamya*. (1942). 26 February.
16. *Krasnoe znamya*. (1941). 19 March.
17. *Sovetskaya Sibir'*. (1943). 17 March.
18. *Sovetskaya Sibir'*. (1943). 18 March.
19. *Sovetskaya Sibir'*. (1942). 11 April.
20. *Sovetskaya Sibir'*. (1943). 11 January.
21. Kalitskaya, T.I. & Nemirovich-Danchenko, P.M. (eds) (2002) *Zhilishchno-kommunal'noe khozyaystvo Kemerovskoy oblasti: 60 let istorii* [Housing and communal services in Kemerovo Oblast: 60 years of history]. Tomsk: GalaPress.
22. 6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1365. List 1. File 24a. (In Russian).
23. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 19. (In Russian).
24. 6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1365. List 1. File 30a. (In Russian).
25. *Sovetskaya Sibir'*. (1944). 8 April.
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 839. (In Russian).
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 875. (In Russian).
28. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 331. List 1. File 170. (In Russian).
29. *Sovetskaya Sibir'*. (1943). 21 May.
30. *Sovetskaya Sibir'*. (1943). 18 May.
31. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 331. List 1. File 173. (In Russian).
32. 6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 8. File 13. (In Russian).
33. 6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 8. File 19. (In Russian).
34. Balibalov, I.A. (1976) *Kemerovo: vchera, segodnya, zavtra* [Kemerovo: yesterday, today, tomorrow]. Kemerovo: Kemerov. knizh. izd-vo.
35. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-18. List 5. File 15. (In Russian).
36. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 15. (In Russian).
37. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-18. List 5. File 18a. (In Russian).
38. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-18. List 5. File 19. (In Russian).
39. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 18. (In Russian).
40. Cheremnykh, O. A. (2015) Urban water supply in Western Siberia during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2015. 401. pp. 190–195. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/401/28

Received: 22 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 191–194. DOI: 10.17223/15617793/417/27

ПРАВО

УДК 347.1

В.В. Груздев

О МЕТОДЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Исследована категория «метод гражданского права» в ее содержательном аспекте. Доказано, что данная категория предстает в качестве совокупности только приемов правового регулирования, в то время как средства и способы последнего есть инструменты, с помощью которых применяются образующие метод приемы. При этом метод гражданского права, как и методы иных частноправовых отраслей, составляют следующие взаимосвязанные приемы: координация общего правового положения субъектов, правонаделение, общее дозволение, конкретное дозволение.

Ключевые слова: метод гражданского права; прием правового регулирования; способ правового регулирования; средство правового регулирования; принципы гражданского права.

Современное состояние учения о гражданско-правовом методе соответствует достигнутому во второй половине двадцатого столетия уровню исследования проблемы общеправового метода, характеризуемому следующим образом: во-первых, как правило, в содержание метода включаются не только приемы, но также средства и способы правового регулирования [1. С. 45], во-вторых, метод изучается в свете процесса и отдельных элементов механизма правового регулирования [2. С. 248], а также с позиции норм права и правоотношений [3. С. 54], в-третьих, специфика отраслевого метода усматривается в ряде свойств, в которых он проявляется [4. С. 23].

Между тем понятия «средство» и «способ» правового регулирования несут собственную смысловую нагрузку. Включение их в той или иной интерпретации в содержание категории «правовой метод» представляется неверным, так как в этом случае данная категория освещается путем описания отдельных качеств иных феноменов юридической действительности – собственно средств правового регулирования (норм права, правоотношений, правосубъектности, актов реализации прав и обязанностей и т.п.) [2. С. 248], способов правового регулирования [5. С. 115, 117–118], тех и других вместе взятых [6. С. 69–70], что во многом лишает ее самостоятельности.

Кроме того, наука должна стремиться к познанию сущности изучаемого предмета посредством обобщения ее внешних проявлений и выведения на данной основе объективных закономерностей. Отдельные признаки правового метода, улавливаемые под различным углом зрения, еще не есть сам этот метод.

Средства правового регулирования принято считать элементами его механизма [7. С. 267], а понятие способа правового регулирования целесообразно употреблять для обозначения строго определенной группы правовых явлений – обязываний, дозволений, запретов [Там же. С. 217, сн. 1].

При таком подходе искомая категория предстает в качестве совокупности только приемов правового регулирования, а средства и способы последнего – как инструменты, с помощью которых применяются образующие метод приемы. Иными словами, правовой метод исчерпывается совокупностью приемов, осуществляемых, однако, с использованием средств и способов (не следует забывать, что любой метод являет собой совокупность действий, призванных помочь достижению желаемого результата; прием же – это всегда действие).

Как видно, метод правового регулирования, с одной стороны, и средства, способы правового регулирования – с другой, различные, но в то же время взаимосвязанные понятия: известные средства и способы обязательно задействуются методом, который иначе оказался бы бессильным. По этой причине средства и способы правового регулирования в их конкретном сочетании выступают своего рода «лакмусовыми бумажками», которые позволяют определить приемы, образующие данный правовой метод.

Так, проведение и общедозволительного, и разрешительного приемов требует применения, хотя и в принципиально различном сочетании, одних и тех же средств (например, императивных и диспозитивных норм) и способов воздействия – дозволения и обязывания (положительного или негативного).

Для выявления сущности исследуемого явления методологически важно установить его связь с правовыми принципами.

Под принципами права понимаются выраженные в праве нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни [7. С. 75].

Принципы демонстрируют самое понимание законодателем существа общественных связей и соответствующие этому пониманию цели нормативной регламентации. Обладая руководящим значением и пронизывая дух правовой материи, они действуют как на этапе формирования права, так и на всех стадиях процесса правового регулирования.

Метод находится в зависимости от принципов, ведь приемы регулирования подбираются исходя из основных начал права с тем, чтобы в максимальной степени претворить в жизнь идеи законодателя, – будучи обусловленными осознанной законодателем природой регулируемых отношений, принципы ставят цели, для достижения которых требуется система адекватных приемов. Следовательно, отражая существо регламентируемых правом отношений, принципы выполняют роль связующего звена между предметом и методом, обеспечивающего диалектическое единство указанных явлений.

Значит, правовой метод формируется под непосредственным воздействием юридических принципов,

испытывающих, в свою очередь, заметное влияние со стороны предмета регулирования.

Так, общеправовой метод выражает общеправовые принципы, отраслевой метод – принципы соответствующей отрасли, сходство в методах различных отраслей – межотраслевые принципы. В этом заключается соотношение рассматриваемых понятий. Смешение же метода и принципов категорически неприемлемо, поскольку приемы правового регулирования образуют собственную систему, представленную единством и дифференциацией неизменных компонентов. Напрямую зависит от основных начал лишь содержание данных компонентов. Отмеченное обстоятельство приводит к тому, что, несмотря на возможную утрату ряда цивилистических принципов, метод гражданского права сохранит свое существование.

Например, принцип диспозитивности находит проявление в образующих современный гражданско-правовой метод приемах. Однако если законодатель по каким-то причинам отказывается от принципа диспозитивности, метод гражданского права, хотя и в уродливом виде, сохраняется. Следовательно, гражданско-правовой метод присутствует и там, где диспозитивности по существу может не быть.

Допустим, что завтра общественные отношения, традиционно составляющие предмет гражданского права, окажутся подвергнутыми нормированию посредством жесткого распределения и перераспределения экономических благ в обществе, а именно: государство, исходя из выбранных им принципов правового регулирования, станет устанавливать, кто, кому, когда и на каких условиях должен доставлять имущественные ценности, одновременно запретив все иные акты обмена[1]. Более того, подлежащее передаче имущество будет изыматься специальными органами у одного субъекта и передаваться другому без учета их воль, что называется, «насильно». Можно ли утверждать, что юридические нормы, предусматривающие подобный порядок вещей, не образуют цивилистическую отрасль?

Конечно, нет. Несмотря на всю несуразность описанного метода правового регулирования, переход благ между приводимыми в равное юридическое положение участниками сохранится как дозволенный. Безусловно, нормативное исключение иных, помимо предписываемых, актов обмена не приведет к их полному исчезновению – в этом случае в народном хозяйстве всего лишь возрастет до невиданных масштабов доля так называемой теневой экономики, т.е. указанные акты выйдут за пределы гражданского оборота как совокупности обязательств – *признанных государством* отношений.

Однако если вообще запретить акты обмена, между юридически несоподчиненными субъектами продолжат возникать, оформляя натуральное хозяйство, правоотношения собственности, т.е. окажется дозволенной статика имущественного оборота. Значит, к отмиранию гражданского права как отрасли способно привести только полное запрещение на обладание экономическими благами, сопровождаемое, помимо прочего, приведением участников социальных связей в имущественное состояние «гол как сокол», что трудно представить даже гипотетически – при таком предположении ad absurdum вслед за цивилистической отраслью исчезнет и само общество.

Итак, гражданское право неизбежно возникает вместе с государством, которое не может не разрешить присвоения индивидуумом экономических благ. В этом случае уже получают известное упорядочивание социальные связи, составляющие основу предмета цивилистической отрасли, а именно отношения собственности. При отсутствии же запрета товарообменных актов дополнительно подвергается воздействию динамика имущественного оборота с учетом того, что в условиях нормативного «вакуума» незапрещенные акты выходят на авансцену механизма гражданско-правового регулирования.

Следовательно, в идее мыслима цивилистическая отрасль, не содержащая конкретных юридических предписаний, в том числе диспозитивных правил, когда государство ограничивается одним дозволением оборота, о чем, в свою очередь, свидетельствует отсутствие адресованного субъектам прямого запрета на вступление в имущественные связи. Соответственно, определенное жизненное обстоятельство порождает гражданско-правовые последствия независимо от наличия на данный счет отдельных юридических норм (например, незапрещенный законом, а поэтому дозволенный акт присвоения имущества влечет возникновение правоотношения собственности). Здесь, помимо прочего, кроется суть общедозволительного приема правового регулирования по типу «разрешено все, что не запрещено».

В отличие от этого публично-правовые отрасли не могут существовать, не будучи наполненными конкретным нормативным материалом. Как следствие, исключается возникновение публичного правоотношения, если отсутствует законодательное правило, придающее данному жизненному обстоятельству юридическое значение.

Так, управленческое действие, не входящее в круг полномочий органа исполнительной власти, не порождает административно-правового отношения, хотя бы указанному действию фактически и подчинилось подвластное лицо; деяние, не предусмотренное специальным законом в качестве преступления, не влечет уголовно-правовых последствий, в связи с чем субъекта нельзя привлечь к уголовной ответственности, даже если он сам этого пожелает и т.п. Ведь разрешительный прием правового регулирования по типу «разрешено только то, что разрешено» не допускает прямо не разрешенного законом поведения, что в равной мере касается и властной, и подвластной деятельности.

Таким образом, существуют методы частноправового и публично-правового регулирования. Метод гражданского права, как и методы иных частноправовых отраслей, образуют следующие взаимосвязанные приемы: 1) координация общего правового положения субъектов, гарантирующая автономию их воль, самостоятельность и независимость друг от друга при вступлении в юридическую связь (прием координации); 2) правонаделение, обеспечивающее инициативу координируемых субъектов в осуществлении принадлежащих им юридических возможностей (право-

наделительный прием)[2]; 3) общее дозволение правоотношений, не предусмотренных, но вместе с тем не запрещенных положительным правом (общедозволительный прием); 4) конкретное дозволение, формирующее с учетом отраслевых принципов особенности динамики, элементов и юридических форм обеспечения гражданских правоотношений (конкретно-дозволительный прием)[3].

По данным компонентам наблюдается и различие частноправовых методов, причем в наибольшей степени – на уровне конкретно-дозволительного приема[4]. В частности, в современном гражданском праве названный прием, выражая отраслевые принципы, создает условия для обеспечения строгого равенства субъектов в конкретной юридической связи[5], их широчайшей свободы в установлении, изменении и прекращении по своему усмотрению прав и обязанностей, как регулятивных, так и охранительных, т.е. устанавливает не что иное, как цивилистический режим[6].

Например, многие охранительные гражданско-правовые нормы состоят из гипотезы и диспозиции, что выражает специфику юридических форм обеспечения соответствующих правоотношений [8. С. 54–56]; общая для права форма обеспечения – ответственность, которая представлена здесь мерами принудительного характера, выражающимися в лишении нарушителя государством имущественного права, – становится в определенном смысле исключением (свойство «экзотичности» гражданско-правовой ответственности), лишь необходимо дополняя в конкретных ситуациях гражданско-правовую защиту как деятельность носителя нарушенного (оспоренного) права, осуществляемую им строго своей волей и в своем интересе [9. С. 115–119].

Конкретное дозволение в каждой частноправовой отрасли имеет собственные черты, неизбежно сказывающиеся на специфике динамики, элементов и юридических форм обеспечения соответствующих правоотношений.

Так, в трудовом праве дозволительное начало ограничено необходимостью обеспечения баланса интересов работодателя и работника как более уязвимого лица, физические и интеллектуальные способности которого вовлекаются в производственный процесс. В этой связи, с одной стороны, работник в конкретном правоотношении подчинен устанавливаемым работодателем правилам, включая внутренний трудовой распорядок, а с другой – работнику предоставлены гарантии, не допускающие произвола работодателя. Точно так же брак, родство и т.д. требуют особой заботы государства, которая на уровне отдельного отношения неизбежно проявляется как в личных неимущественных правах и обязанностях членов семьи, так и в имущественных правах и обязанностях супругов. В итоге в трудовой и семейной отраслях рассматриваемый прием, помимо прочего, допускает неравную расстановку субъектов в конкретном юридическом отношении, необходимую, однако, для достижения цели данного отношения (власть работодателя над работником в производственном процессе, родительская власть, власть мужа над женой в известных исторических правопорядках и т.п.). Указанное обстоятельство, в свою очередь, приводит к специфике ограничения инициативы и свободы усмотрения субъектов в движении правоотношения, определении его содержания и т.д. Следовательно, координация общего правового положения субъектов не во всех случаях должна приводить к достижению равенства в конкретных юридических связях. На фоне сказанного выглядят заранее обреченными на неудачу, попросту смешными попытки возвратить всеми «правдами и неправдами» трудовое право и семейное право обратно в цивилистическую отрасль, откуда они в свое время выделились под воздействием исключительно объективного фактора – качественного разобщения регулируемых отношений вследствие их количественного роста.

Итак, гражданско-правовой метод есть совокупность проистекающих непосредственно из юридических принципов приемов ограничения гражданским правом свободы воли участников регулируемых данной отраслью общественных отношений. В числе таких приемов – координация, правонаделение, общее дозволение, конкретное дозволение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Как это, по существу, делалось в советское время при регулировании экономического поведения государственных предприятий (учреждений, организаций), что, наряду с прочим, привело к появлению известного юридического монстра – концепции «хозяйственного права». Неправильно было бы отрицать наличие гражданского права и в годы «военного коммунизма».

[2] Эти два приема создают необходимые условия для результативности двух последующих приемов.

[3] Нельзя согласиться с использованием в целях характеристики метода гражданского права такого признака, как судебный порядок разрешения возникающих конфликтов. Судебная деятельность, во-первых, регламентируется процессуальными отраслями посредством публично-правового метода и, во-вторых, приобретает в правовом государстве характер общей юрисдикционной формы защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и охраняемых законом интересов.

[4] Соответственно, сходство и различие методов публично-правовых отраслей обнаруживается в следующих приемах: 1) субординации; 2) правообязывания; 3) общего запрета; 4) конкретного запрета.

[5] Отсюда видно, что равенство – это достигаемое применением конкретно-дозволительного приема свойство именно гражданского правоотношения как уже урегулированного, а не еще регулируемого общественного отношения. Говоря иначе, равенство в гражданском праве есть результат использования метода гражданско-правового регулирования, но отнюдь не качество предмета данной отрасли.

[6] Нельзя, однако, забывать, что полному отраслевому самоопределению гражданского права наряду с методом служит другая (главная) диалектическая составляющая правового регулирования – предмет, образуемый имущественным оборотом (волевыми экономическими отношениями вещной и интеллектуальной собственности в их статике и динамике).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское право : учеб. : в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. М., 2004. Т. 1.
2. Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права // Собр. соч. : в 10 т. М., 2010. Т. 1.

3. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974.
4. Явич Я.С. Право – регулятор общественных отношений // Правоведение. 1958. № 2.
5. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.
6. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.
7. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008.
8. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита: теория и практика. М., 2015.
9. Груздев В.В. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Государство и право. 2013. № 6.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 февраля 2017 г.

ON THE METHOD OF CIVIL LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 191–194.
DOI: 10.17223/15617793/417/27

Vladislav V. Gruzdev, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvlad@rambler.ru

Keywords: method of civil law; legal regulation technique; method of legal regulation; means of legal regulation; principles of civil law.

The article describes the current state of the doctrine of the civil law method that corresponds to the level of research of the problem of the general law method achieved in the second half of the twentieth century: first, the content of the method includes not only techniques, but also means and ways of legal regulation; second, the method is studied in the light of the process and individual elements of the mechanism of legal regulation, from the perspective of law and legal relations; thirdly, the specifics of the branch of the method is seen in a number of properties in which it occurs. However, means of legal regulation are considered to be elements of its mechanism, and it is appropriate to use the concept of the process of legal regulation to refer to a strictly defined group of legal phenomena – obligations, permissions, prohibitions. With this approach, the category appears as a set of techniques of legal regulation only, and its means and methods as tools to apply techniques that form the method. To reveal the essence of the studied phenomenon, its connection with legal principles is established. In particular, it is noted that the method depends on the principles, because methods of regulation are selected on the basis of the fundamental principles of law so that they maximally implement the ideas of the legislator. As the principles are grounded by the legislator's awareness of the nature of regulated relations, they set goals the achievement of which requires a system of adequate techniques. Thus, reflecting the essence of relations regulated by law, the principles serve as a liaison between the subject and the method which provides the dialectical unity of these phenomena. Starting from the above premises, the author concludes that there are methods of private law and public law regulation. The method of civil law, like private law methods of other industries, consists of the following interrelated methods: 1) coordination of the general legal framework of subjects that guarantees the autonomy of their wills, autonomy and independence from each other when entering into a legal relationship (coordination technique); 2) right empowerment that provides for the initiative of coordinated subjects in the implementation of their legal possibilities (right empowerment technique); 3) general permission of legal relations neither provided for nor prohibited by positive law (general permission technique); 4) specific permission that forms features of dynamics, elements, and legal forms of ensuring civil legal relations (specific permission technique). These components show the difference of private law methods, mainly on the level of specific permission techniques.

REFERENCES

1. Sukhanov, E.A. (2004) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo "Volters Kluver".
2. Alekseev, S.S. (2010) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Work: in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Statut.
3. Vitchenko, A.M. (1974) *Metod pravovogo regulirovaniya sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnosheniy* [The method of legal regulation of socialist social relations]. Saratov: Saratov State University.
4. Yavich, Ya.S. (1958) Pravo – regulyator obshchestvennykh otnosheniy [Law as the regulator of social relations]. *Pravovedenie*. 2.
5. Sorokin, V.D. (2003) *Pravovoe regulirovanie: predmet, metod, protsess (makrouroven')* [Legal regulation: the subject, method, process (macrolevel)]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
6. Yakovlev, V.F. (1972) *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy* [Civil-law method of regulation of public relations]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
7. Alekseev, S.S. (2008) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: VELBI, Prospekt.
8. Gruzdev, V.V. (2015) *Grazhdansko-pravovaya zashchita: teoriya i praktika* [Civil-law protection: theory and practice]. Moscow: Yurlitinform.
9. Gruzdev, V.V. (2013) Problemy grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti [Problems of civil liability]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6.

Received: 17 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 195–202. DOI: 10.17223/15617793/417/28

УДК 343.114

В.И. Качалов

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ХОДЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Рассматривается специфика уголовно-процессуального обжалования и пересмотра в апелляционном порядке судебных решений, принятых в ходе исполнения приговора. Определяется круг решений, подлежащих обжалованию, и предлагается их классификация. Определяются субъекты обжалования, рассматривается возможность самостоятельного обжалования решений, носящих промежуточный характер, в уголовно-исполнительном производстве. Делается вывод об общих основаниях к отмене либо изменению данных решений в суде кассационной инстанции.

Ключевые слова: исполнение приговора; право обжалования; пересмотр судебных решений; суд апелляционной инстанции; апелляционная жалоба (представление); промежуточные судебные решения.

Пересмотр судебных решений в уголовном судопроизводстве является важнейшим инструментом судебной защиты прав и свобод человека.

Возможность проверки законности и обоснованности судебного решения выступает в качестве одной из составляющих прав человека на справедливое правосудие. Право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [1]; гарантированность для каждого судебной защиты его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ); возможность судебного обжалования решений и действий (или бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ) в совокупности создают основу для возможности исправления судебных ошибок, которые могут возникать при принятии судом решении в ходе производства по исполнению итоговых судебных решений.

О.В. Качалова верно отмечает: «Положения ст. 6 УПК РФ, определяющие назначение уголовного судопроизводства, смысл и содержание основных институтов уголовно-процессуального права как предназначенных для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, определяют и значение института пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводств» [2. С. 154–155].

Конституционные положения об обеспечении прав личности применительно к институту пересмотра судебных решений находят свое развитие и продолжение в ст. 19 УПК РФ, регламентирующей право на обжалование процессуальных действий и решений, п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, определяющем право вышестоящего суда отменить или изменить решение, принятое нижестоящим судом, а также гл. 45.1, 47.1 и 48.1 УПК РФ, регламентирующих порядок пересмотра судебных решений, как не вступивших, так и вступивших в законную силу.

Проверка законности, обоснованности и справедливости судебных решений со стороны вышестоящих судов является деятельностью по осуществлению правосудия, которая реализуется в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом, с соблюдением определенных процессуальных процедур и может осуществляться в строго процессуальных формах: апелляции; кассации; надзора; возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Особую актуальность проблемы пересмотра судебных решений, вынесенных ходе уголовно-исполнительных производств, приобретают в связи с их особым юридическим и социальным значением. Как уже отмечалось ранее, разрешение уголовного дела по существу означает лишь разрешение уголовно-правового, но не социального конфликта, возникающего между осужденным и потерпевшим, осужденным и обществом и т.д. Окончательное разрешение данного конфликта происходит по окончании исполнения итогового судебного решения, в связи с чем вопросы проверки законности, обоснованности и справедливости решения, корректирующего решение, разрешающее дело по существу, имеют принципиальное значение, поскольку именно в судебно-проверочной инстанции может быть поставлена окончательная точка в данном деле и конфликт окончательно разрешен.

Специфика судебно-проверочной деятельности применительно к решениям, принимаемым в ходе исполнения приговора, обусловлена совокупностью факторов, носящих как процессуальный, так и внепроцессуальный характер. К числу этих факторов можно отнести следующие:

Процессуальные:

1. Правовая природа самих решений, принимаемых в ходе исполнения приговора.
2. Характер и юридическая сущность обжалования данного вида решений.
3. Круг субъектов данного вида обжалования.
4. Перечень судебных решений, подлежащих обжалованию.
5. Приемлемость предусмотренных законом судебно-проверочных действий в соответствующих инстанциях для пересмотра вышеуказанных решений.

Внепроцессуальные:

1. Социальное значение судебно-проверочных производств в ходе производство по делу, как правило, уже окончательно прекращается.
2. Общественный резонанс, который вызывают громкие уголовные дела, завершающиеся производством по исполнению итоговых судебных решений (дело об условно-досрочном освобождении Е. Васи-

льевой по делу «Оборонсервис», выдача Н. Савченко Украине для исполнения приговора и др.).

Рассмотрим эти факторы более подробно. Правовая природа решений, принимаемых в ходе уголовно-процессуальных исполнительных производств, поразному оценивалась в юридической науке. Были высказаны точки зрения о том, что эти решения представляют собой самостоятельный вид судебных решений (наряду с итоговыми и промежуточными) – решения, обеспечивающие исполнение приговора [3. С. 13–14]; что они являются промежуточными «в широком смысле слова», «носят дополнительный, производный от итоговых судебных решений характер и весьма к ним близки, в то же время… имеют свою специфику и существенные отличия от промежуточных решений, выносимых на стадиях, предшествующих постановлению итогового судебного решения» [4. С. 211]; что эти решения являются промежуточными судебными решениями [5]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» данные решения отнесены к числу промежуточных.

Для определения правовой природы данного вида решений попробуем очертить их условный круг. К их числу относятся:

1. Постановления суда, завершающие данные виды производства, являющиеся по сути итоговыми для этих производств:

1) об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайств по разрешению вопросов, предусмотренных ст. 397 УПК РФ (об условно-досрочном освобождении, об освобождении от наказания в связи с болезнью, об отмене отсрочки отбывания наказании и др.);

2) о продлении, изменении либо прекращении принудительной меры медицинского характера (ч. 7 ст. 445 УПК РФ);

3) о признании и об исполнении приговора суда иностранного государства либо об отказе в этом (ст. 472 УПК РФ).

2. Промежуточные судебные решения, принимаемые в ходе данного вида производств:

1) об отложении рассмотрения дела и запросе необходимых сведений и документов;

2) о направлении материалов дела по подсудности;

3) об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайств, подаваемых в ходе рассмотрения дела и носящих промежуточный характер;

4) о применении мер принуждения в ходе исполнения итоговых судебных решений (заключение осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора, под стражу и т.д.);

5) об отказе в принятии ходатайства (так, например, в случае повторного обращения осужденного с ходатайством об освобождении от наказания либо смягчении наказания на основании п. 13 ст. 397 УПК РФ суд отказывает в его принятии, если оно заявлено по тем же основаниям, что и уже рассмотренное судом, в удовлетворении которого было отказано [6], в силу ч. 5 ст. 400 УПК РФ повторное ходатайство о снятии судимости может быть возбуждено перед судом не ранее, чем по истечении одного года) и др.

А.С. Червоткин определяет промежуточные судебные решений как решения, «имеющие целью создание надлежащих условий для осуществления судопроизводства, принятые с соблюдением предусмотренных законом процедур… зафиксированные в документальной форме, подлежащие, как правило, немедленному исполнению и не решающие вопросы о виновности или назначении наказания» [4. С. 204]. Определяя круг промежуточных судебных решений, автор пишет о том, что в них не содержится выводов суда о виновности лица, назначении наказания либо об освобождении от него [Там же. С. 200].

Вместе с тем ряд решений, предусмотренных ст. 397 УПК РФ, освобождающих лицо от наказания (об освобождении от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного и др.) по сути являются окончательными, завершающими данное дело, не носят промежуточный характер, но также и не могут быть отнесены к категории «итоговые судебные решения».

Полагаем наиболее точным определить решения, принимаемые в ходе уголовно-процессуальных исполнительных производств, определить как дополнительные, поскольку они принимаются уже после вступления итогового судебного решения в законную силу и корректируют его.

В свою очередь дополнительные судебные решения могут быть условно классифицированы на несколько групп:

1) по характеру принимаемого решения – на решения, завершающие уголовно-процессуальное производство, и промежуточные решения;

2) по субъекту инспирирования принятого решения – на решения, принимаемые судом по ходатайству сторон, и решения, принимаемые судом по собственной инициативе;

3) по возможности обжалования – на решения, подлежащие самостоятельному обжалованию и не подлежащие таковому.

Определяя характер и виды обжалования промежуточных судебных решений (к которым автор условно относит и решения, принимаемые в ходе исполнения приговора), А.С. Червоткин выделяет особый самостоятельный вид их обжалования, которое в соответствии с терминологией, предложенной разработчиками Устава Уголовного судопроизводства 1864 г., называет частным обжалованием. Этот вид обжалования предусматривается для решений, которые могут быть обжалованы отдельно от итоговых судебных решений [Там же. С. 227–228].

Применительно к решениям, принимаемым в ходе исполнения итоговых судебных решений, самостоятельное (частное) обжалование является единственным возможным видом обжалования, поскольку итоговые судебные решения уже вступили в законную силу.

Среди предусмотренных уголовно-процессуальным законом судебно-проверочных инстанций приемлемыми для пересмотра решений, принятых в ходе уголовно-процессуальных производств, являются апелляция, кассация и надзор, хотя ст. 401 УПК РФ

прямо указывает на возможность лишь апелляционного порядка пересмотра данных решений. Однако в силу общего смысла и содержания института обжалования в уголовном судопроизводстве кассационное и надзорное производства также применимы для проверки судебных решений, принятых в ходе исполнения итоговых судебных решений. На это указывает и п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Определяя круг лиц, обладающих правом обжалования решений, принятых, в том числе, в ходе уголовно-исполнительных производств, Пленум Верховного Суда РФ называет в их числе осужденного, оправданного лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено, лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, лицо, в отношении которого принято решение о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора, их защитников, законных представителей, прокурора и (или) вышестоящего прокурора, потерпевшего, а также иных лиц в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы [7]. В круг данных лиц включаются такие участники процесса, как реабилитированный; лицо, в отношении которого рассматривается ходатайство о снятии судимости; российский гражданин, в отношении которого разрешается вопрос о признании и исполнении приговора иностранного государства и др., поскольку они охватываются общими родовыми понятиями «осужденный», «оправданный», «лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело».

Неоднозначно в научной литературе разрешается вопрос о том, должны ли органы, исполняющие наказание, обладать правом обжалования решений, принимаемых в ходе уголовно-процессуальных исполнительных производств. Судебная практика исходит из того, что решения, принимаемые в ходе исполнительных производств в уголовном процессе, не могут быть обжалованы органами и учреждениями, исполняющими наказание. В случае подачи ими таких жалоб производство по ним подлежит прекращению. Так, 13 января 2015 г. судебный пристав-исполнитель МОСП по ИОИП УФССП по Тамбовской области Б.Ю.Н. обратилась в суд с представлением о замене М. уголовного наказания в виде штрафа иным видом наказания. Мордовский районный суд Тамбовской области отказал в удовлетворении такого ходатайства. Судебным приставом-исполнителем была подана жалоба на данное решение суда. Тамбовский областной суд прекратил апелляционное производство по данной жалобе ввиду того, что судебный пристав-исполнитель не относится к числу лиц, права и интересы которого затрагиваются судебным решением, вынесенным при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, и не обладает правом апелляционного обжалования данного решения [8].

Еще в конце 60-х гг. И.Д. Перловым было высказано предложение о том, что органы, исполняющие наказание, а также комиссии по делам несовершеннолетних должны быть наделены правом обжалования таких решений [9. С. 67]. О необходимости предоставления администрации учреждения, исполняющего наказание, права обжаловать судебное решение, писали также М.К. Свиридов, В. Вырастайкин, А.А. Крымов и др. [10. С. 52–55; 11. С. 32–35; 12. С. 234–235]. В частности, А.А. Крымов пишет о том, что на практике нередки случаи, когда суд фактически не учитывает мнение представителя администрации учреждения, исполняющего наказание, игнорирует поступившие из учреждения или органа официальные документы по рассматриваемому вопросу, а принимает во внимание не проверенные в рядке случаев и недостоверные данные, предоставленные осужденным и его адвокатом [12. С. 235]. А.С. Червоткин пишет о том, что представители учреждения, исполняющего наказание, не только являются полноправными участниками процесса, но и инициаторами обращения в суд, в связи с чем им следовало бы предоставить право на жалобу в случаях защиты ими интересов осужденных и в пределах, не ухудшающих положение последних [4. С. 243].

Полагаем, что при разрешении вопроса о возможности обжалования судебных решений учреждениями уголовно-исполнительной системы следует руководствоваться устоявшейся правовой позицией, неоднократно высказанной в решениях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, согласно которой правом обжалования могут быть наделены только те участники производства по делу, чьи права и законные интересы затрагиваются принятым судебным решением.

В данном случае учреждения уголовно-исполнительной системы не имеют в деле самостоятельного интереса. Защита публичного интереса не входит в компетенцию данных органов и учреждений, а осуществляется прокурором, защита интересов осужденных также осуществляется иными участниками данного вида производств – защитником и представителем осужденного. В связи с этим полагаем излишним предоставление органам и учреждениям, исполняющим наказание, права обжалования принятого судом решения.

Неоднозначным в науке и практике является и вопрос о том, вправе ли потерпевший обжаловать решения, принятые в ходе уголовно-исполнительного производства. В 2007 г. Конституционным Судом РФ была высказана правовая позиция, согласно которой потерпевший не вправе обжаловать решение суда об условно-досрочном освобождении, поскольку участие потерпевшего в решении данного вопроса противоречило бы правовой природе и целям наказания, исполнение которого не может зависеть от его волеизъявления [13]. Однако в дальнейшем потерпевший был законодательно наделен правом участвовать в рассмотрении ряда вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора. Однако судебная практика идет по пути, согласно которому решения, принимаемые судом в ходе рассмотрения вопросов, в которых может принимать участие потерпевший (об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания; о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания; о замене неотбытой части наказания

более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы), могут быть обжалованы потерпевшим только по процедурным вопросам – в случае их неизвещения о рассмотрении данного дела при наличии в деле ходатайства об этом, а также нарушении иных процессуальных прав потерпевшего.

При этом потерпевший вопрос о возможности обжаловать принятое судом решение по существу поразному разрешается в судебной практике. В одних регионах жалобы потерпевших по существу принятого решения к рассмотрению не принимаются, в других рассматриваются вышестоящими судами. Так, например, Московский областной суд отменил постановление Электростальского городского суда Московской области об условно-досрочном освобождении С. по жалобе потерпевшей в связи с тем, что осужденный С. в содеянном не раскаялся, не принес извинений в связи с гибелью ее сына, гражданский иск о возмещении морального и материального вреда не погасил, выплаченная сумма в размере 22 тыс. руб. из присужденных 880 тыс. руб. незначительна [14].

В ряде регионов суды стали принимать к апелляционному рассмотрению жалобы потерпевших, не согласных с условно-досрочным освобождением осужденного в связи с неполным возмещением им вреда, причиненного преступлением. Апелляционным постановлением судьи Красноярского краевого суда от 14 октября 2014 г. по жалобе потерпевшей Ш. отменено Постановление Богучанского районного суда Красноярского края от 11 июня 2014 г. об условно-досрочном освобождении осужденного К., в том числе и ввиду того, что «судом оставлено без внимания наличие суммы иска, взысканной по приговору суда в возмещение вреда, причиненного преступлением. При этом сведения о погашении гражданского иска судом не исследовались, не установлены причины невозмещения вреда, не проверены данные о наличии на личном счете осужденного денежных средств» [15].

О.В. Качалова совершенно обоснованно пишет о важности проблемы роли и места потерпевшего в публичном уголовном процессе, соотношении в нем частных и публичных интересов, а также влиянии этого на регламентацию отдельных процессуальных вопросов, в том числе вопросов о правах и процессуальных возможностях потерпевшего [16. С. 105].

Оценивая положительно в целом общую тенденцию усиления гарантий прав потерпевших и упрочения его процессуального статуса [17. С. 154–165; 18. С. 151–154; 19. С. 89–95], ряд ученых и практических работников все чаще говорят о том, что потерпевший в публичном уголовном процессе находится под защитой государства, а пределы расширения прав потерпевших не могут быть безграничными и должны иметь границы, определяемые публичным характером уголовного судопроизводства [20; 21. С. 66–73].

Рассматривая вопрос о конституционности ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ, 18.03.2014 г., Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том участие потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя в судебном заседании при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания не обусловливает разрешение судом данного вопроса по существу позицией потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя [22].

В.В. Николюк и В.А. Терекян полагают, что потерпевший, а также его представитель имеют право обжаловать данные судебные решения, если эти решения затрагивают их интересы, причем независимо от того, участвовали ли они в судебном заседании при рассмотрении данных вопросов, полагая, что разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» распространяются, в том числе, и на данный вид уголовно-процессуального производств [23].

Авторы также поднимают вопрос о том, насколько юридически значима жалоба потерпевшего на постановление об УДО осужденного, если жалоба не связана с обеспечением его личной безопасности, защиты его семьи и близких от угроз со стороны лица, совершившего преступление, возмещением причиненного этим преступлением вреда и каким образом суд апелляционной инстанции должен на нее реагировать: отказать в принятии жалобы к рассмотрению и возвратить ее потерпевшему; принять жалобу к рассмотрению и прекратить производство по ней; принять жалобу к рассмотрению и отказать в ее удовлетворении? [Там же].

Полагаем, что наделение потерпевшего правом участия в рассмотрении судом вопросов, затрагивающих их права и законные интересы, должно предопределять и право потерпевшего (а также его представителя) обжаловать принятые судом решения в случаях, когда они затрагивают права и законные интересы потерпевших. В случае подачи жалобы на судебное решение, не затрагивающее права и законные интересы потерпевшего, в принятии жалобы должно быть отказано. Иные участники уголовно-процессуальных исполнительных производств также должны быть наделены правом обжаловать принятые судом решения в случаях, когда эти решения затрагивают их права и законные интересы.

Определяя круг судебных решений, вынесенных в уголовно-процессуальных производствах по исполнению итоговых судебных решений, следует отметить, что обжалованию подлежат все решения, завершающие данные производства и разрешающие производство по существу дела, а также судебные решения, которые в этих производствах носят промежуточный характер. Возникает вопрос о том, могут ли эти промежуточные судебные решения быть предметом самостоятельного обжалования? Ни законодатель, ни судебная практика не дают четкого ответа на данный вопрос. Представляется, что в данном случае следует руководствоваться общим правилом о том, что промежуточные решения, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела, подлежат

самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке, а законность и обоснованность иных промежуточных судебных решений могут быть проверены судом апелляционной инстанции одновременно с проверкой законности и обоснованности решения по делу, завершающему уголовно-исполнительное производство. При этом не должны подлежать самостоятельному апелляционному обжалованию, а обжаловаться одновременно с судебным решением, завершающим уголовно-исполнительное производство, постановления суда о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного производства и т.п. Таким образом, критериями, определяющими возможность обжалования промежуточных судебных решений, не завершающих уголовно-процессуальные исполнительные производства, должны выступать способность этих решений:

– затрагивать конституционные права участников уголовного судопроизводства;

– нарушать доступ участников данного вида производств к правосудию;

– нарушать право участников на рассмотрение дела в разумные сроки;

– препятствовать дальнейшему движению дела.

Процедура пересмотра дополнительных судебных решений, принятых в ходе исполнения итоговых судебных решений, также имеет свою специфику.

Эта специфика заключается в особых правилах инстанционности при рассмотрении таких жалоб. Судебные решения данного вида, принятые областными и приравненными к ним судами, подлежат рассмотрению не вышестоящими судами, а судебной коллегией по уголовным делам того же суда (п. 3 ч. 2 ст. 389.3 УПК РФ). Как верно пишет А.С. Червоткин, такой порядок значительно облегчает доступ граждан к правосудию, приближает его к месту проживания участников процесса с тем, чтобы дело было рассмотрено без неоправданной задержки, а заинтересованные лица имели реальную возможность принять участие в судебном заседании [4. С. 229].

Специфика обжалования данного вида заключается также в том, что вышестоящий суд, как правило, в большинстве случаев может принять решение по существу рассматриваемого вопроса без передачи дела на новое судебное рассмотрение. Так, судебная коллегия Костромского областного суда, установив, что суд, вмешавшись в стадии исполнения в ранее постановленные приговоры, не обозначил подлежащее отбыванию К. наказание так, чтобы при его дальнейшем исполнении не возникало никаких сомнений относительно его вида и размера, изменила Постановление Свердловского районного суда г. Костромы от 23 августа 2016 г. о пересмотре приговора в отношении К., дополнив резолютивную часть постановления указанием на то, что К. следует считать по приговору осужденным по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима [24].

При пересмотре данного вида судебных решений ревизионное начало при проверке жалобы носит весьма и весьма ограниченный характер. Материалы дела, как правило, не проверяются в полном объеме, а суд проверочной инстанции ориентируется, в первую очередь, на пределы жалобы или представления.

Анализируя процессуальный порядок пересмотра промежуточных судебных решений, А.С. Червоткин пишет о том, что такая процедура должна быть более четкой и компактной, чем процедура обжалования итоговых судебных решений, и, кроме того, она не должна быть сложнее процедуры принятия этих решений. В то же время автор предостерегает от излишнего упрощенчества, вполне обоснованно полагая, что общие положения о порядке обжалования, восстановлении пропущенных сроков, требованиях к жалобам, необходимость извещения заинтересованных лиц и направления им копий поступивших жалоб должны распространяться и на обжалование промежуточных судебных решений [4. С. 263–265].

С учетом специфики обжалуемых судебных решений, в суде апелляционной инстанции не должны проводиться судебное следствие и прения сторон. Суд, рассматривающий жалобу, должен обеспечить возможность участия заинтересованных лиц в судебном разбирательстве, в том числе и посредством видеоконференцсвязи, однако неявка данных лиц не может препятствовать рассмотрению жалобы.

Предмет проверки в судебном разбирательстве суда апелляционной инстанции определен ст. 389.9 УПК РФ как законность, обоснованность и справедливость судебного решения. Это означает необходимость проверки судом апелляционной инстанции фактических обстоятельств вопроса, подлежащего разрешению, соблюдения закона при его разрешении в суде, а также соответствия принятого судебного решения обстоятельствам дела и его мотивированности. Л.А. Воскобитова пишет о том, что «апелляционная проверка начинает играть определяющую роль в механизме проверки… судебных актов, становясь важным и необходимым элементом механизма реализации судебной власти в целом… сама судебная власть несет бремя огромной социальной ответственности за законность, обоснованность и справедливость своих актов» [25. С. 1620]. В полной мере это относится к проверке судебных решений, принятых в уголовно-процессуальных исполнительных производствах.

Пределы полномочий суда апелляционной инстанции определяются возможностью суда принять решение, полностью замещающее решение суда первой инстанции. Суд апелляционной инстанции правомочен принять решение по существу дела самостоятельно либо направить дело в нижестоящие инстанции для принятия решения ими в тех случаях, когда допущенные нарушения не могут быть устранены судом апелляционной инстанции.

Вопрос об основаниях отмены промежуточных судебных решений в суде является недостаточно изученным в науке уголовно-процессуального права. В.А. Лазарева и А.Ф. Закотянская пишут о том, что закон не дифференцирует основания для отмены и изменения промежуточных судебных решений [26. С. 17]. А.С. Червоткин, проанализировав судебную практику, в качестве фактических оснований отмены и изменения промежуточных судебных решений в

апелляции называет несоответствие выводов суда, изложенных в судебном решении, фактическим обстоятельствам дела (45,1%), нарушение уголовно-процессуального закона (49,3%) и неправильное применение уголовного закона (5,6%) [4. С. 272–273]. Полагаем, что основаниями к отмене судебного решения, принятого в ходе исполнительного производства, могут быть все перечисленные.

Так, апелляционным постановлением Московского городского суда от 16 февраля 2015 г. по делу № 10-***/2015 были отменены Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москва от 07 октября 2014 г. о внесении изменений в резолютивную часть приговора Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 10 декабря 2013 г. в отношении Б. и Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 07 октября 2014 г. о внесении изменений в резолютивную часть Постановления Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 07 октября 2014 г., а дело направлено на новое судебное разбирательство в тот же суд ввиду нарушения уголовно-процессуального закона (надлежащим образом не были извещены начальник ФКУ ИК-* УФСИН России по Республике Мордовия и осужденной Б. о рассмотрении 07 октября 2014 г. в 15 часов 00 минут представления начальника ФКУ ИК-* УФСИН России по Республике Мордовия о решения вопроса в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 397 УПК РФ) [27].

Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, выражающееся, как правило в необоснованности принимаемых судом решений, влечет его отмену. Так, например, Постановлением Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 8 ноября 2012 г. было отказано в условно-досрочном освобождении И., так как, по мнению суда, И. не доказал своего исправления. Вывод об этом суд обосновал тем, что И. ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности, освобождался условно-досрочно, но вновь совершил преступление. Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда, отменяя 6 февраля 2013 г. постановление, в кассационном определении указала, что отказывая И. в условно-досрочном освобождении, суд не дал должной оценки данным о его личности и поведении в период отбывания наказания. Между тем из представленных материалов видно, что И. характеризуется положительно, добросовестно относится к труду, на мероприятия воспитательного характера реагирует правильно и делает для себя положительные выводы, поддерживает социальные связи, взысканиям не подвергался, имеет поощрения, вину в совершенных преступлениях признал, аттестован по 2-й степени исправления, взысканий не имеет, имеет шесть поощрений. Администрация исправительного учреждения и психолог положительно характеризуют И. и считают целесообразным его УДО [28].

Неправильное применение уголовного закона при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, также влечет за собой отмену либо изменение принятого решения. Так, Новгородский районный суд Новгородской области с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 326-ФЗ, пришел к верному выводу о том, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ, декриминализовано, однако не освободил осужденного К. от наказания за данное преступление, в связи с чем Новгородский областной суд внес изменение в постановление Новгородского районного суда [29].

Несправедливость принимаемого решения в части назначаемого при приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом наказания также может являться основанием к отмене принятого решения [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколы к ней // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.
2. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2016. 243 с.
3. Шмелева Е.С. Правовое регулирование апелляционного производства в современном российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2010.
4. Червоткин А.С. Классификация и виды промежуточных судебных решений // Апелляция в уголовном судопроизводстве. М. : Право, 2013. 351 с.
5. Афанасьева С.И. Судебные решения, подлежащие обжалованию в апелляционном порядке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. URL: http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/23-2010-12-01-13-31-58/-2-20-2013/428-afanaseva-sudebnye-resheniya-podlezhashhie-obzhalovaniyu-v-apellyaczionnom-poryadke (дата обращения: 01.02.2017).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 # 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».
8. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда по делу № 22-521/2015 // Архив Тамбовского областного суда за 2015 г.
9. Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1968. 396 с.
10. Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. Томск, 1972. С. 52–55.
11. Вырастайкин В.В. Устранить коллизии в правоприменительной практике // Преступление и наказание. 2006. № 3. С. 32–35.
12. Крымов А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России. М. : Проспект, 2015. 463 с.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2007 г. № 330-О-О.
14. Архив Московского областного суда за 2014 г. Дело № 22-6739.
15. Архив Красноярского краевого суда за 2014 г. Дело № 22-6034/2014.
16. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. 498 с.
17. Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая. Продолжение реформ. М., 2002. С. 154–165.
18. Шадрин В.С. Проблемы обеспечения прав потерпевшего в связи с решением вопроса о возбуждении уголовного дела // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 151–154.

19. Брусницын Л.В. О правах потерпевшего в стадии исполнения приговора // Уголовное право. 2013. № 6. С. 89–95.
20. Заключение на законопроект «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Гарант.ру.
21. Гричаниченко А.В. Об изменении роли потерпевшего в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2014. № 8. С. 66–73.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 № 5-П.
23. Николюк В.В., Терекян В.А. Вправе ли потерпевший обжаловать судебное постановление об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания? // Уголовное право. 2015. № 3.
24. Апелляционное постановление Костромского областного суда по делу № 22-1056 от 13 октября 2016 г. // Архив Костромского областного суда за 2016 г.
25. Воскобитова Л.А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12.
26. Лазарева В.А., Закотянская А.Ф. Порядок пересмотра промежуточных судебных решений суда: изъяны правовой регламентации // Уголовный процесс. 2011. № 8.
27. Апелляционное постановление Московского городского суда от 16.02.2015 по делу № 10-***/2015
28. О Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г. // Гарант.ру. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70546908/#ixzz4ZEPucFP1
29. Апелляционное постановление Новгородского областного суда № 4/17-677/16-22-184/17 // Архив Новгородского областного суда за 2017 г.
30. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июня 2007 г. № 37-Д07-22 // СПС Консультантплюс.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 марта 2017 г.

CRIMINAL PROCEDURAL FEATURES OF THE APPELLATE REVIEW OF JUDICIAL DECISIONS MADE DURING THE EXECUTION OF THE SENTENCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 195–202.
DOI: 10.17223/15617793/417/28
Viktor I. Kachalov, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: okukel@yandex.ru
Keywords: execution of sentence; right to appeal; judicial review; court of appeal; appeal (submission); intermediate judgments.

The article considers the peculiarities of the appeal and review of judicial decisions made in criminal enforcement proceedings. The author concludes that the problem of the review of such decisions is highly relevant due to their specific legal and social value, as the socio-legal conflict, which formed the basis of the criminal proceedings, is often finally resolved at the end of the execution of the final court judgment. The specificity of forensic verification activities in relation to decisions made in the course of execution of the sentence is determined. It is concluded that this specificity is due to a set of procedural and extra-procedural factors: the legal nature of certain decisions made in the course of execution of the sentence, the nature of the appeal of this type of decision, the range of subjects of appeal, the list of judgments to appeal, etc. A classification of decisions made by the courts when considering the issues that arise during the execution of the sentences is proposed: they are conditionally differentiated into intermediate and final. The criteria by which intermediate decisions may be appealed separately from final ones are determined. Among them are the properties of intermediate court decisions made in the course of execution of the sentence: affecting the constitutional rights of participants in criminal proceedings; violating the access of participants of this type of production to justice; violating the right of participants to a trial within a reasonable time; preventing further development of the case. The specificity of the instance rule for handling complaints and petitions on decisions made in the execution order is determined. The range of subjects of the right to appeal such decisions. It includes only those participants of the proceedings, whose rights and legitimate interests are affected by judicial decisions. These do not include bodies and institutions of the penitentiary system, because they do not have their own interest in this case, public interest in this type of production is protected by the prosecutor. Victims can be subjects of the right to appeal if their rights and legal interests are affected by the decision. Given the specificity of the contested judgments, the court of appeal should not conduct a judicial investigation and an oral hearing. The court considering the appeal should provide an opportunity for interested persons to participate in the proceedings, including by a video conference, but absence of these persons can not prevent the consideration of the complaint. The grounds for cancelling or changing the judgment made in the course of enforcement proceedings are fixed in Art. 389.15 of the RF Code of Criminal Procedure: inconsistency of the court conclusions on the facts of the case, incorrect application of criminal law, violation of criminal procedure law, injustice of the decision.

REFERENCES

1. Russian Federation. (1998) Evropeyskaya konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyabrya 1950 goda i Protokoly k ney [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and Protocols to it]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 20. Art. 2143.
2. Kachalova, O.V. (2016) *Uskorennoe proizvodstvo v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Simplified proceedings in the Russian criminal trial]. Moscow: Yurlitinform.
3. Shmeleva, E.S. (2010) *Pravovoe regulirovanie apellyatsionnogo proizvodstva v sovremennom rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Legal regulation of the appeal process in the modern Russian criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Orenburg.
4. Chervotkin, A.S. (2013) Klassifikatsiya i vidy promezhutochnykh sudebnykh resheniy [Classification and types of intermediate judgments]. In: Ershov, V.V. (ed.) *Apellyatsiya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Appeal in criminal proceedings]. Moscow: Pravo.
5. Afanas'eva, S.I. (2013) Sudebnye resheniya, podlezhashchie obzhalovaniyu v apellyatsionnom poryadke [Judicial decisions subject to appeal in the appellate order]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2. [Online] Available from: http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/23-2010-12-01-13-31-58/-2-20-2013/428-afanaseva-sudebnye-resheniya-podlezhashhie-obzhalovaniyu-v-apellyaczionnom-poryadke. (Accessed: 01st February 2017).
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 2011 No. 21 "On the practice of the courts applying legislation on the enforcement of the sentence". (In Russian).
7. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2012 No. 26 (as amended on December 01, 2015) "On the application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing the proceedings in courts of appeal". (In Russian).
8. Archive of the Tambov Regional Court for 2015. *Appeal Decision of the Tambov Regional Court in case No. 22-521/2015*. (In Russian).

9. Perlov, I.D. (1968) *Kassatsionnoe proizvodstvo v sovetskom ugolovnom protsesse* [Cassation proceedings in the Soviet criminal trial]. Moscow: Yurid. lit.
10. Sviridov, M.K. (1972) *Poryadok razresheniya del ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot nakazaniya* [The procedure for resolving cases of parole]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Vyrastaykin, V.V. (2006) Ustranit' kollizii v pravoprimenitel'noy praktike [Eliminating conflicts in law enforcement practice]. *Prestuplenie i nakazanie – Crime and Punishment*. 3. pp. 32–35.
12. Krymov, A.A. (2015) *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' organov i uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii* [Criminal-procedural activity of the bodies and institutions of the penitentiary system of Russia]. Moscow: Prospekt.
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 3, 2007 No. 330-O-O. (In Russian).
14. Archive of the Moscow Regional Court for 2014. *Case No. 22-6739*. (In Russian).
15. Archive of the Krasnoyarsk Krai Court for 2014. *Case No. 22-6034/2014*. (In Russian).
16. Kachalova, O.V. (2016) *Uskorennoe proizvodstvo v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Simplified proceedings in the Russian criminal trial]. Law Dr. Diss. Moscow.
17. Boykov, A.D. (2002) *Tret'ya vlast' v Rossii* [The third power in Russia]. Book 2. Moscow: Yurlitinform.
18. Shadrin, V.S. (2014) Problemy obespecheniya prav poterpevshego v svyazi s resheniem voprosa o vozbuzhdenii ugolovnogo dela [Problems of ensuring the rights of the victim in connection with the decision to initiate a criminal case]. *Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2 (17). pp. 151–154.
19. Brusnitsyn, L.V. (2013) O pravakh poterpevshego v stadii ispolneniya prigovora [On the rights of the victim in the stage of execution of the sentence]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 6. pp. 89–95.
20. Garant.ru. (n.d.) *Zaklyuchenie na zakonoproekt "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 83 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 399 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Conclusion on the bill "On Amendments to Article 83 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 399 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"].
21. Grichanichenko, A.V. (2014) Ob izmenenii roli poterpevshego v ugolovnom protsesse [On changing the role of the victim in the criminal trial]. *Ugolovnyy protsess*. 8. pp. 66–73.
22. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 18, 2014 No. 5-P. (In Russian).
23. Nikolyuk, V.V. & Terekyan, V.A. (2015) Vprave li poterpevshiy obzhalovat' sudebnoe postanovlenie ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennogo ot otbyvaniya nakazaniya? [Is the victim entitled to appeal the judicial decision on parole of the convicted person?]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 3.
24. Archive of the Kostroma Regional Court for 2016. *Appeal Resolution of the Kostroma Regional Court in Case No. 22-1056 of October 13, 2016*. (In Russian).
25. Voskobitova, L.A. (2013) Konstitutsionnye osnovy apellyatsii v ugolovnom sudoproizvodstve [Constitutional bases of appeal in criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 12.
26. Lazareva, V.A. & Zakotyanskaya, A.F. (2011) Poryadok peresmotra promezhutochnykh sudebnykh resheniy suda: iz"yany pravovoy reglamentatsii [The order of revision of inermediate court decisions: flaws in legal regulation]. *Ugolovnyy protsess*. 8.
27. Appeal Decision of the Moscow City Court of 16.02.2015 in Case No. 10-***/2015. (In Russian).
28. Garant.ru. (2014) *On the Supreme Court of the Russian Federation on April 29, 2014*. [Online] Available from: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70546908/#ixzz4ZEPucFP1. (In Russian).
29. Archive of the Novgorod Regional Court for 2017. Appeal Decision of the Novgorod Regional Court No. 4/17-677/16-22-184/17. (In Russian).
30. Konsul'tantplyus. (2007) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 6 iyunya 2007 g. № 37-D07-22* [The Resolution of the Chamber of Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 6, 2007 No. 37-D07-22].

Received: 13 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 203–209. DOI: 10.17223/15617793/417/29

УДК 343.533

И.В. Лозинский

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены некоторые изменения, внесённые в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности». Анализируются изменения, которым данная глава подвергалась, в частности, в 2003, 2011, 2015, 2016 гг. Рассматривается, какие пробелы в ней восполнены, какие ещё остались, какие деяния, утратившие свою общественную опасность, декриминализированы. Даётся предложение о необходимости установления уголовной ответственности за совершение таких деяний, как промышленный шпионаж и дискредитация деловой репутации организации.

Ключевые слова: перспективы; развитие; Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления в сфере экономической деятельности.

В течение января – июля 2016 г. Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющая общественные отношения в сфере экономической деятельности, вновь подверглась существенным изменениям. В частности, на основании Федерального закона РФ от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ указанная глава была дополнена ст. 172.2, устанавливающей ответственность за «организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества». Это деяние представляет собой «организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счёт привлечённых денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц».

Таким образом, отечественным законодателем впервые вводится специальная норма, позволяющая привлекать к уголовной ответственности как создателей, так и организаторов классических «финансовых пирамид». До криминализации указанного деяния создатели и организаторы «финансовых пирамид» привлекались к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», что противоречило принципу законности, закреплённому в ст. 3 УК РФ, поскольку имело место применение уголовного закона по аналогии. Установление законодателем уголовной ответственности за совершение рассматриваемого деяния позволит устранить серьёзный пробел в действующем уголовном законодательстве [1. С. 10].

Одновременно в соответствии с Федеральным законом РФ от 01 мая 2016 года № 139-ФЗ Глава 22 УК РФ дополнена и ст. 200.3 «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости». Как и в предыдущей, в указанной ситуации законодателем устраняется значительный пробел в действующем уголовном законодательстве.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 03 июля 2016 года № 324-ФЗ изменениям подверглась ст. 184 УК РФ, которая устанавливает ответственность за «оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». В частности, указанные изменения коснулись её ч. 1. В новой редакции ею предусмотрена уголовная ответственность за «передачу спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передаётся, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, либо принуждение или склонение таких лиц к оказанию этого влияния, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях». В ранее действующей её редакции уголовная ответственность предусматривалась за «подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований, а равно организаторов или членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов в целях оказания влияния на результаты этих соревнований или конкурсов». Таким образом, в новой редакции ч. 1 ст. 184 УК РФ законодателем впервые даётся определение такого её элемента, как «подкуп». Представляется, что в результате внесения указанных изменений у правоприменителя не возникнет затруднений с практическим применением рассматриваемой нормы, поскольку станет невозможным произвольное толкование обозначенного элемента.

Одновременно в соответствии с этим Законом, изменения внесены и в ч. 3 указанной нормы. В новой редакции она предусматривает уголовную ответственность за «получение спортсменом, тренером, руководителем спортивной команды или другим участником официального спортивного соревнования, а равно участником зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также пользование им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию такого лица имущество передаётся, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному

физическому или юридическому лицу) либо предварительный сговор таких лиц в целях противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». В предыдущей её редакции уголовная ответственность была предусмотрена фактически за те же деяния, однако в ней имел место такой элемент, как «извлечение указанными лицами других выгод и преимуществ». В новой редакции ч. 3 ст. 184 УК РФ указанный элемент законодателем исключён. Вместо него последним введена ответственность за «пользование указанными лицами иными имущественными правами» с указанием некоторых из них. Таким образом, в рассматриваемой редакции законодателем вносится точность в диспозицию исследуемого уголовно-правового запрета, что позволит избежать затруднений, связанных с применением его на практике.

Этим же Законом ст. 184 УК РФ дополнена ч. 5, которая устанавливает ответственность за «посредничество в совершении деяний, предусмотренных ч. 1–4 настоящей статьи, в значительном размере». Таким образом, действие рассматриваемой уголовно-правовой нормы в новой её редакции распространяется и на субъектов-«посредников» в совершении запрещаемых ею деяний. В результате внесения указанного изменения окажется устранённым значительный пробел в действующем уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в исследуемой сфере.

Также в соответствии с этим Законом ст. 184 УК РФ дополнена примечаниями. В примечании 1 законодателем раскрывается «значительный размер», имеющий место в её ч. 5. В примечании 2 последним закреплены условия освобождения от уголовной ответственоcти лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1, 2 или 5 ст. 184 УК РФ. В отличие от ранее действующего, указанное примечание дополнено новым условием освобождения виновного лица от уголовной ответственности в случае, «если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления». Таким образом, наряду с «расширением» действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы в новой её редакции имеет место и «расширение» перечня условий освобождения лиц, совершивших запрещаемые ею деяния, от уголовной ответственности.

Одновременно согласно Федеральному закону РФ от 03 июля 2016 года № 325-ФЗ, изменениям подверглось достаточно большое количество норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ. В частности, изменения внесены в примечание к ст. 169 УК РФ. В новой редакции её, в отличие от ранее действующей, размер «крупного ущерба» установлен только применительно к указанной норме. Таким образом, имеет место дифференциация уголовной ответственности.

Также в соответствии с этим Законом ст. 170.2 УК РФ дополнена примечанием, согласно которому «крупный размер» превышает 2 250 тысяч рублей, «особо крупный» – 9 000 тысяч рублей. По сравнению с предыдущей редакцией, данные размеры увеличены законодателем в 1,5 раза. Таким образом, в новой редакции, наряду с дифференциацией уголовной ответственности, наблюдается и экономия репрессии, что представляет собой частичную гуманизацию действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

То же следует отметить и об изменениях, внесённых этим Законом в ст. 171.1 УК. В её новой редакции также увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры – соответственно они составляют 400 тысяч рублей и 1 500 тысяч рублей против 250 тысяч рублей и 1 000 тысяч рублей, имевших место в действующей ранее редакции. Кроме этого, обозначенная норма дополнена ч. 1.1, устанавливающей ответственность за совершение запрещаемого ею деяния «группой лиц по предварительному сговору». В ранее действующей редакции предусматривалась одинаковая уголовная ответственность за совершение обозначенного деяния как «группой лиц по предварительному сговору», так и «организованной группой». Таким образом, в данной редакции имело место отсутствие дифференциации уголовной ответственности за деяние, совершённое в соучастии различных форм. Внесение законодателем в диспозицию ст. 171.1 УК РФ изменений, в результате которых имеет место чёткая дифференциация уголовной ответственности за совершение запрещаемого ею деяния в соучастии, следует рассматривать как правильный шаг законодателя.

В соответствии с этим Законом ст. 171.2 УК РФ дополнена примечанием, устанавливающим как «крупный», так и «особо крупный» размеры дохода применительно к указанной норме. Как и в предыдущих, в рассматриваемой ситуации также имеет место дифференциация уголовной ответственности.

Наряду с рассмотренными, согласно этому же Закону, изменениям подверглась и ст. 180 УК. В новой её редакции, в отличие от предыдущей, рассматриваемая уголовно-правовая норма дополнена ч. 4, предусматривающей ответственность за совершение запрещаемого ею деяния «организованной группой». Таким образом, наблюдается дифференциация уголовной ответственности за совершение обозначенного деяния в различных формах соучастия, что также является правильным шагом законодателя.

Аналогичные изменения этим Законом внесены и в ст. 185 УК. Новая её редакция дополнена законодателем ч. 3, которая устанавливает уголовную ответственность за совершение деяния, запрещаемого ею, «организованной группой». Таким образом, как и в предыдущей ситуации, имеет место дифференциация уголовной ответственности за совершение данного деяния в различных формах соучастия. Кроме того, изменения были внесены и в примечание к данной норме. В результате в 1,5 раза увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, о которых отмечено в обозначенном примечании. Таким образом, в новой редакции указанного уголовно-правового запрета имеет место и экономия репрессии, также представляющая собой частичную гуманизацию уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в исследуемой сфере.

Одновременно изменениям подверглись и примечания к ст. 185.3, 185.6 УК. В их новой редакции, как

и в новой редакции примечания к ст. 185 УК, в 1,5 раза увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, что также свидетельствует об экономии репрессии, а следовательно, и о некоторой гуманизации Главы 22 УК РФ.

Кроме того, изменения внесены и в примечание к ст. 191.1 УК. В его новой редакции также увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры – с 50 до 80 тысяч рублей и со 150 до 230 тысяч рублей. В рассматриваемой ситуации также имеет место частичная гуманизация действующего уголовного законодательства РФ, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Одновременно законодателем внесены изменения и в ст. 193 УК РФ. Наряду с введением дифференцированной ответственности за совершение запрещаемого ею деяния в различных формах соучастия, законодателем в примечании к данной уголовно-правовой норме в 1,5 раза увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, что также свидетельствует о некоторой гуманизации исследуемого законодательства. Аналогичные изменения коснулись и примечания к ст. 193.1 УК РФ.

По сравнению с предыдущей, в соответствии с Федеральным законом РФ № 325-ФЗ, в новой редакции примечаний к ст. 194, 198 и 199 УК РФ также значительно увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры. В частности, применительно к ст. 194 УК обозначенные размеры увеличены в 2 раза; применительно к ст. 198 УК – в 1,5 раза; применительно к ст. 199 УК – в 2,5 раза увеличены «крупный размер», а также «доля неуплаченных налогов и (или) сборов» применительно к «крупному» и «особо крупному» размерам и в 1,5 раза – «особо крупный размер». Таким образом, в настоящей ситуации также наблюдается экономия репрессии, свидетельствующая о гуманизации уголовного законодательства, направленного на борьбу с преступлениями рассматриваемой группы.

Представляется, что рассмотренных изменений явно недостаточно для совершенствования Главы 22 УК РФ. В юридической литературе обоснованно отмечается о недостатках отдельных уголовно-правовых норм, составляющих Главу 22 УК РФ. В частности, ст. 170.2, которой установлена ответственность за «внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории». В связи с бланкетным характером диспозиции данной нормы, для уяснения её содержания обязательно обращение к нормам иных отраслей права – земельного, гражданского, а также к нормативно-правовым актам в сфере как регистрации недвижимости, так и её оборота [2. С. 62]. Одновременно достаточно сложно определить и субъекта исследуемого преступления. В качестве указанного субъекта, по мнению учёных, возможно рассматривать как кадастрового инженера, так и, например, собственника объекта недвижимости [Там же. С. 67]. Таким образом, этот субъект оказывается «размытым», что способно привести к затруднениям, которые могут возникнуть при практическом применении ст. 170.2 УК РФ. Проанализировав диспозицию указанной нормы, следует согласиться с мнением М.В. Феоктистова, согласно которому субъектом запрещаемого ею деяния следует рассматривать только кадастрового инженера [2. С. 68]. Данное мнение вполне обоснованно, поскольку на основании действующего законодательства только кадастровый инженер имеет право составлять документы для государственного кадастра недвижимости. В рассматриваемой ситуации имеет место специальный субъект преступления – кадастровый инженер [Там же. С. 67]. Таким образом, автором чётко определяется субъект исследуемого преступления. По нашему мнению, во избежание затруднений, которые могут возникнуть при применении на практике рассматриваемой уголовно-правовой нормы, представляется необходимым законодательное закрепление указанного субъекта.

Рассмотренный пример не является единичным. В юридической литературе вполне обоснованно отмечено о сложностях, возникающих при определении предмета такого преступления, как «приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины», ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 191.1 УК РФ [3. С. 41]. Во избежание этих сложностей, по мнению С.А. Петрова, в качестве предмета указанного преступления следует рассматривать «конкретно древесину» [Там же. С. 44]. Данное толкование позволит разграничить действия ст. 191.1 и 175 УК РФ, поскольку на практике имеет место применение именно последней из этих норм [Там же]. Таким образом, окажется невозможным и противоречащее принципу законности применение уголовного закона по аналогии.

Одновременно в юридической литературе высказываются и вполне обоснованные мнения о «расширении» действия некоторых норм, составляющих Главу 22 УК РФ. Пример – возможность применения к лицам, которые осуществляют добычу воды из подземных водных объектов без специальной лицензии, положений ст. 171 УК РФ, устанавливающей ответственность за «незаконное предпринимательство» [4. С. 74]. В пользу «расширения» действия указанного уголовно-правового запрета учёными приводится тот факт, что благодаря лицензированию некоторых видов деятельности возможно предотвратить ущерб, который при осуществлении предпринимательской деятельности может быть причинён личности, обществу и государству [Там же]. Поскольку лицо осуществляет предпринимательскую деятельность без лицензии, оно имеет право не соблюдать как санитарные, так и иные обязательные для осуществления указанной деятельности требования. К последним в рассматриваемой ситуации следует отнести специальные требования, предъявляемые к добыче воды из подземных водных объектов, несоблюдение которых способно привести к причинению значительного ущерба окружающей среде. Таким образом, высказанное ранее мнение об определении данной деятельности как незаконного предпринимательства вполне обосновано, поскольку здесь имеет место не столько

проявление недобросовестной конкуренции, сколько угроза причинения ущерба экологии государства.

Приведённый пример не является единичным. Л.М. Прозументовым, А.В. Архиповым вполне обоснованно высказывается точка зрения о применении ст. 186 УК РФ к лицам, сбывающим поддельные денежные купюры через банкоматы [5. С. 83]. По мнению последнего, «с учётом увеличивающейся распространённости банкоматов, можно предположить, что число подобных преступлений будет только увеличиваться» [Там же. С. 79]. Таким образом, в результате «расширения» действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы, о котором упоминается в приведённой точке зрения, возможно устранение серьёзного пробела в действующем уголовном законодательстве, направленном на борьбу с преступлениями исследуемой группы.

На наш взгляд, совершенствование Главы 22 УК РФ предусматривает не только «расширение» действия отдельных норм, составляющих её. Для решения этой проблемы законодателю необходимо внесение соответствующих поправок не только в диспозиции указанных ранее норм, но и в диспозиции иных норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений рассматриваемой группы. Пример – ст. 178 УК РФ, предусматривающая ответственность за «ограничение конкуренции». В результате внесённых законодателем в 2015 г. поправок в Главу 22 УК РФ в диспозиции рассматриваемой нормы возник серьёзный пробел, поскольку вне зоны её действия оказалось такое средство подавления конкуренции, как «ограничение доступа на рынок». Таким образом, в целях устранения указанного законодательного пробела необходимо внесение поправок в ст. 178 УК РФ. На наш взгляд, внесение этих поправок не исключает и «восстановление» уголовной ответственности за «ограничение доступа на рынок хозяйствующих субъектов».

Представляется необходимым и реформирование ст. 185.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за «злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах». Диспозиция указанной нормы, как и диспозиции большинства иных норм, составляющих Главу 22 УК РФ, является бланкетной; для уяснения состава запрещаемого ею преступления следует принять во внимание положения Федерального закона РФ «О рынке ценных бумаг», а также положения Федерального закона РФ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». Таким образом, рассматриваемая уголовно-правовая норма имеет достаточно сложную законодательную конструкцию. В результате могут возникнуть проблемы, связанные с её применением на практике. В юридической литературе проводится сравнение ст. 185.1 УК РФ с аналогичными нормами уголовного законодательства Республики Казахстан (УК РК): ст. 225 УК РК, устанавливающей ответственность за «непредоставление информации либо предоставление заведомо ложных сведений должностным лицом эмитента ценных бумаг», а также ст. 227 УК РК, устанавливающей ответственность за «предоставление заведомо ложных сведений профессиональными участниками рынка ценных бумаг» [6. С. 107]. Результаты обозначенного сравнения, по мнению учёных, достаточно противоречивые. С одной стороны, ст. 185.1 УК РФ, по сравнению с указанными нормами УК РК, выглядит более совершенной, поскольку ею «предусмотрена ответственность за предоставление не только ложной, но и неполной информации. Под предоставлением заведомо неполной информации следует понимать передачу сведений не в том объёме, который установлен действующим законодательством». С другой стороны, согласно ст. 185.1 УК РФ, «уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством о ценных бумагах, уголовно наказуемо только тогда, когда данное деяние является злостным – оценочный признак» [6. С. 107]. Указанный признак в аналогичных нормах УК РК отсутствует. Таким образом, учёными делается предложение об исключении рассматриваемого признака и из диспозиции ст. 185.1 УК РФ как излишнего. По их мнению, «сложно представить ситуацию, когда лицо действует не “злостно”, причиняя с прямым умыслом крупный ущерб потерпевшим» [6. С. 107]. Поэтому указанное предложение, по нашему мнению, вполне обоснованно, поскольку для применения на практике ст. 185.1 УК РФ в её настоящей редакции обязательным является доказательство, что обозначенное в её диспозиции «уклонение» является именно «злостным». Представляется, что доказать «злостный» характер данного уклонения невозможно, так как мнение, является ли уклонение «злостным», – субъективное. Таким образом, несмотря на возможное «расширение» действия ст. 185.1 УК РФ, предлагаемое нами направление её совершенствования является необходимым.

Приведённые примеры неточного формулирования законодателем диспозиций уголовно-правовых норм, составляющих Главу 22 УК РФ, – далеко не единичные. По нашему мнению, из-за этого могут возникнуть проблемы с применением на практике и ст. 189 УК РФ, которой устанавливается ответственность за «незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники». Проблемы состоят в том, что не ясно, в каком случае возможно привлечение лица к ответственности: либо если лицо совершило только незаконный экспорт технологий; либо только незаконный экспорт научно-технической информации и услуг; либо только незаконный экспорт сырья; либо только незаконный экспорт материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, вооружения и военной техники; либо же лицо привлекается к ответственности только в том случае, если оно совершило незаконный экспорт всего, о чём отмечено в диспозиции указанной нормы. Таким образом, имеет место неточное формулирование законодателем диспозиции ст. 189 УК РФ. Представляется, что в целях его устра-

нения, а следовательно, и для эффективной борьбы с запрещаемыми рассматриваемой нормой деяниями необходимо чётко установить, в каком случае лицо привлекается к уголовной ответственности. Для этого, на наш взгляд, следует в её диспозицию ввести разделительные союзы «или» между перечисляемыми в ней элементами, поскольку без использования их однозначное толкование исследуемого состава преступления правоприменителем окажется невозможным. Одновременно благодаря введению этих союзов законодательная конструкция ст. 189 УК РФ станет понятной для любого адресата уголовного закона.

Представляется необходимым внесение изменений и в ст. 190 УК РФ, устанавливающую ответственность за «невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей». По нашему мнению, «проблемным» и требующим законодательной корректировки её элементом следует рассматривать «культурные ценности». В настоящей ситуации этот элемент законодателем оказался не определён. Таким образом, эффективная борьба с незаконным вывозом из Российской Федерации культурных ценностей оказывается невозможной, поскольку не ясно, что следует к ним относить. Представляется, что для правильного решения упомянутой проблемы понятие «культурных ценностей» следует выделить в отдельное примечание к ст. 190 УК РФ.

Приведённые предложения далеко не единичны. Несмотря на постоянно вносимые законодателем в Главу 22 УК РФ поправки, отношения конкуренции, являющиеся «нервом» рыночной экономики, до сих пор охраняются уголовным законом не в полном объёме. По нашему мнению, актуальной является проблема уголовно-правовой охраны указанных отношений от дискредитации деловой репутации юридических лиц. В качестве дискредитации следует понимать распространение ложных, неточных либо искажённых сведений, которые способны причинить убытки одним предпринимателем другому хозяйствующему субъекту, являющемуся юридическим лицом, либо нанести ущерб деловой репутации последнего. Существующая в УК РФ ст. 128.1, устанавливающая ответственность за клевету, не способна в полной мере защитить общественные отношения, возникающие в сфере предпринимательской деятельности, поскольку она, в силу её расположения в Главе 17 – «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», может быть применена только к физическим лицам. Составляющие подавляющее большинство участников делового оборота юридические лица фактически находятся вне уголовно-правовой охраны. Таким образом, необходима криминализация рассматриваемого вида недобросовестной конкуренции.

Следующей, не менее актуальной, на наш взгляд, является проблема уголовно-правовой защиты отношений конкуренции от введения в заблуждение потребителей, под которым следует понимать действия хозяйствующего субъекта либо группы лиц, которые направлены на формирование у участников рынка товаров, работ и услуг, не соответствующих действительности представлений. Несмотря на то что эти действия прямо не влияют на потребительский спрос, они порождают у участников рынка ожидания, способные в определённых ситуациях отвлечь клиентов в некоторых его сегментах с целью их направления в нужный для недобросовестного участника рынка сегмент. Рассматриваемое деяние не является мошенничеством, поскольку потерпевшим в исследуемой ситуации является не покупатель, а добросовестный предприниматель, который, с одной стороны, в результате использования им честной информации, не содержащей ложные, но привлекательные сведения, лишается определённого количества потребителей; с другой – он лишается доверия потребителей в результате обманных действий недобросовестных коммерсантов. В итоге такого проявления недобросовестной конкуренции добросовестному предпринимателю может быть причинён значительный материальный ущерб, который впоследствии может привести и к его банкротству с одновременным уходом последнего с рынка. Таким образом, необходимость криминализации проявления недобросовестной конкуренции также бесспорна.

По нашему мнению, дальнейшее развитие экономики не исключает и новых проявлений недобросовестной конкуренции. В обозначенной ситуации указанные проявления возможны и с использование различных технических средств. Таким образом, неизбежны криминализация их и, как следствие, «расширение» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу. Обозначенное «расширение», как и в предыдущих ситуациях, вполне обоснованно, поскольку направлено на устранение законодательных пробелов.

Одновременно дальнейшее развитие экономики предусматривает и постепенное «отмирание» некоторых деяний, совершение которых предусмотрено нормами, составляющими Главу 22 УК РФ, с их последующей декриминализацией. Начиная с 2003 г., декриминализированы: «лжепредпринимательство» (ст. 173 УК РФ); «заведомо ложная реклама» (ст. 182 УК РФ); «контрабанда» (ст. 188 УК РФ); «обман потребителей» (ст. 200 УК РФ). На наш взгляд, декриминализация лжепредпринимательства вполне обоснованна, поскольку ст. 173 УК РФ предусматривалась ответственность за создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Об этом же свидетельствовали и конструктивные признаки рассматриваемого преступления, отмеченные в диспозиции указанной нормы. Таким образом, имело место решение «искусственно созданной задачи». В соответствии с Федеральным законом РФ от 07 апреля 2010 года № 60-ФЗ ст. 173 была исключена из УК РФ.

На наш взгляд, обоснованна и декриминализация в 2003 г. Федеральным законом РФ от 08 декабря № 162-ФЗ ст. 182, 200 УК РФ, поскольку преступления, запрещаемые указанными нормами, являлись преступлениями небольшой тяжести.

В результате декриминализации в 2011 г. Федеральным законом РФ от 07 декабря № 420-ФЗ контрабанды вне зоны действия УК РФ оказалась «товарная» контрабанда. При этом в течение 2013–2014 гг. законодателем в УК РФ были введены ст. 200.1–200.2,

устанавливающие ответственность за совершение контрабанды денежных средств, а также контрабанды отдельных товаров – алкогольной продукции, табачных изделий. Таким образом, имеет место частичное «восстановление» нормы, утратившей силу. В этой ситуации, по нашему мнению, налицо «интуитивный» путь принятия законодателем решения о декриминализации рассматриваемого деяния, не имеющий ничего общего с научным подходом решения вопроса о декриминализации тех либо иных деяний. Представляется, что с целью избежания таких негативных последствий необходим анализ практического применения тех или иных уголовно-правовых запретов, направленных на борьбу с преступлениями в сфере экономической деятельности.

На наш взгляд, не исключена декриминализация и иных деяний, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими рассматриваемую главу. Например, злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, наказуемого ст. 177 УК РФ. По своему составу оно представляет частный случай неисполнения физическими лицами вступившего в законную силу соответствующего судебного акта, ответственность за совершение которого отражается в ст. 315 УК РФ – «Неисполнение приговора суда, решения или иного судебного акта», размещённой в Главе 31 УК «Преступления против правосудия». Оба деяния являются преступлениями небольшой тяжести. При этом ст. 315 УК, по сравнению со ст. 177 УК, имеет более «широкую» зону действия. По нашему мнению, ст. 177 УК РФ решает искусственно созданную задачу, поскольку она «работает» только при условии, если наказуемое ею «злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности» совершено «в крупном размере». Таким образом, в перспективе возможно её исключение из УК РФ. Одновременно, в целях избежания законодательных пробелов в диспозиции ст. 315 УК РФ, следует предусмотреть ответственность и за «злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг».

Таким образом, перспективами дальнейшего развития Главы 22 УК РФ, наряду с совершенствованием отдельных составляющих её норм, видятся как криминализация новых форм проявления недобросовестной конкуренции, так и исключение из неё уголовно-правовых запретов, которые по мере развития отечественной экономики перестанут быть необходимыми. По нашему мнению, в связи с подготавливаемыми в настоящее время предложениями по смягчению действующего уголовного законодательства в отношении предпринимателей как основную перспективу дальнейшего развития этой Главы следует выделить именно исключение из неё указанных уголовно-правовых запретов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркелов Р. Больше не занимать // Российская газета. 2016. 1 апреля. С. 10.
2. Феоктистов М.В. Криминализация девиантного поведения в сфере государственного кадастрового учёта и последующей регистрации недвижимости // Уголовное право. 2015. № 6. С. 62–68.
3. Петров С.А. Уголовно-правовая характеристика предмета преступления, предусмотренного ст. 191.1 УК РФ // Законность. 2016. № 5. С. 41–44.
4. Хромов Е.В. Проблемы квалификации незаконного предпринимательства, связанного с незаконной добычей воды // Уголовное право. 2016. № 1. С. 74–83.
5. Прозументов Л.М., Архипов А.В. Квалификация сбыта поддельных банкнот посредством банкоматов // Уголовное право. 2016. № 2. С. 79–83.
6. Клепицкий И.А., Тогайбаев А.И., Тогайбаева Ш.С. Уголовные правонарушения, связанные с ценными бумагами, по новому УК Казахстана // Государство и право. 2016. № 3. С. 106–109.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 марта 2017 г.

ON THE DEVELOPMENT PROSPECTS OF CHAPTER 22 OF THE RF CRIMINAL CODE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 203–209.
DOI: 10.17223/15617793/417/29

Igor V. Lozinsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: prospects; development; Criminal Code of the Russian Federation; economic crimes.

The article is devoted to the analysis of some changes in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation (RF CC) concerning “crimes in the sphere of economic activity”. This chapter was under the influence of repeated legislative changes within the course of implementing the RF CC, particularly in 2003, 2011, 2015, 2016. The task to be undertaken in the research is to scrutinize what legislative deficiencies have been corrected. The method of comparison and analysis within the comparative and historical method is used in consideration of these changes. The research shows that since 2003 “false entrepreneurship” (Article 173 of the RF CC); “deliberate false advertising” (Article 182 of the RF CC); “smuggling” (Article 188 of the RF CC); “consumer fraud” (Article 200 of the RF CC) have been decriminalized. In the author’s view, decriminalization of false entrepreneurship is fully justified as Article 173 of the RF CC provided for the responsibility for organizing business with deliberate omission of business activity. The constructive features of the crime under consideration indicated in the law confirm this fact. Under the amendments on the ground of Federal Law 78 of the RF of 30 March 2016, the Chapter was supplemented with Article 172.2 that establishes criminal responsibility for “activity for involvement of money or other property”. Thus, a special legislative rule has been introduced for the first time that makes it possible to institute criminal proceedings against heads of “financial pyramids” and to eliminate a serious deficiency in the current criminal law. In accordance with Federal Law 139 of the RF of 1 May 2016, this Chapter was also supplemented with Article 200.3 that establishes criminal responsibility for “involvement of citizens’ money against the legislative rules of the RF affecting block construction sharing and other real estates”. The indicated article provides a significant addition to the current criminal law as well. All the changes set forth into the given chapter appear to have eliminated some ‘gaps’ in the law and decriminalized the

criminal acts which are now not of public danger. Thus, for the purpose of developing the chapter under discussion, criminalization of some acts is viewed as an essential issue concerning particularly industrial espionage, deformation of company's reputation. Criminal responsibility for those acts should be imposed to have business owners' interests properly protected.

REFERENCES

1. Markelov, R. (2016) Bol'she ne zanimat' [Not to borrow anymore]. *Rossiyskaya gazeta*. 1 April. pp. 10.
2. Feoktistov, M.V. (2015) Kriminalizatsiya deviantnogo povedeniya v sfere gosudarstvennogo kadastrovogo ucheta i posleduyushchey registratsii nedvizhimosti [Criminalization of deviant behavior in the sphere of state cadastral registration and subsequent registration of real estate]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 6. pp. 62–68.
3. Petrov, S.A. (2016) Ugolovno-pravovaya kharakteristika predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 191.1 UK RF [Criminal-legal characteristics of the crime subject, stipulated by Art. 191.1 of the RF Criminal Code]. *Zakonnost'*. 5. pp. 41–44.
4. Khromov, E.V. (2016) Problemy kvalifikatsii nezakonnogo predprinimatel'stva, svyazannogo s nezakonnoy dobychey vody [Problems of qualification of illegal business associated with illegal water production]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 1. pp. 74–83.
5. Prozumentov, L.M. & Arkhipov, A.V. (2016) Kvalifikatsiya sbyta poddel'nykh banknot posredstvom bankomatov [Qualification of the sale of counterfeit banknotes through ATMs]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2. pp. 79–83.
6. Klepitskiy, I.A., Togaybaev, A.I. & Togaybaeva, Sh.S. (2016) Ugolovnye pravonarusheniya, svyazannye s tsennymi bumagami, po novomu UK Kazakhstana [Criminal offenses related to securities under the new Criminal Code of Kazakhstan]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 3. pp. 106–109.

Received: 13 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 210–213. DOI: 10.17223/15617793/417/30

УДК 342.56

Т.И. Ряховская

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ МЕРАМИ ОХРАНЫ

Статья посвящена проблемам теоретико-методологических основ прямого действия Конституции. В рамках исследования осуществлен анализ деятельности Конституционного Суда РФ в сфере обеспечения прямого действия Конституции РФ и, в первую очередь, представлена идея об обеспечении им прямого действия Конституции РФ мерами охраны, что проиллюстрировано некоторыми примерами из практики. Проанализированы постановления Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ и предложен вывод.

Ключевые слова: Конституция РФ; прямое действие Конституции РФ; Конституционный Суд; юридические свойства конституции; правовая деятельность; охрана Конституции; система обеспечения прямого действия Конституции.

Вопрос о прямом действии норм Конституции РФ по-прежнему остается дискуссионным и актуальным, что связано с обсуждением предложений, касающихся внесения изменений в Основной закон государства, а также отсутствием юридического закрепления расшифровки указанного термина.

Полагаем, прямое действие Конституции Российской Федерации – это юридическое свойство норм Основного закона, имеющее легальный характер, выражающее правило действия и реализации конституционно-правовых норм независимо от наличия конкретизирующих их нормативно-правовых актов. В целях наиболее эффективной реализации прямого действия Конституции Российской Федерации предлагается ввести термин «система обеспечения прямого действия Конституции», включающий в себя взаимосвязанные формы правовой деятельности публичных органов государственной власти и местного самоуправления, направленные на реализацию свойства прямого действия Конституции. Существование системы обеспечения прямого действия Конституции обусловливается совокупностью юрисдикций органов власти различных уровней, их взаимосвязью, структурой самой Конституции, выражающейся в согласованности конституционных положений, определяющих концептуальное единство последней.

Применительно к системе обеспечения прямого действия Конституции РФ ее базовыми элементами являются: правовая деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, граждан (как представителей гражданского общества) в форме охраны прямого действия Конституции и их правовая деятельность в форме его защиты.

Существуют различные подходы к разграничению понятий охраны и защиты Конституции РФ; не ставя целью исследования их разграничение, обращаясь к накопленному опыту ученых по этому вопросу, присоединимся к идее Д.А. Авдеева, высказанной в контексте разграничения терминов «охрана» и «защита» прав и свобод человека и гражданина [1. С. 11]. И предположим, что в контексте системы обеспечения прямого действия Конституции РФ правовая деятельность в форме охраны может быть расшифрована как взаимосвязанные меры, осуществляемые органами государственной власти и местного самоуправления, общественными организациями, гражданами, направленные на предупреждение нарушений положений конституционно-правовых норм и способствование их процессу реализации.

Особый же интерес к правовой деятельности Конституционного Суда в системе обеспечения прямого действия Конституции РФ обусловлен его специфической правовой природой, основными чертами которой являются следующие существенные характеристики: правовой статус – судебный орган; функции – осуществление конституционного контроля; главные принципы деятельности – самостоятельное и независимое осуществление судебной власти; процессуальная форма деятельности – конституционное судопроизводство [2. С. 58–60]. Более того, по мнению Б.С. Эбзеева, Конституционный Суд РФ является гарантом политического мира в обществе и государстве [3. С. 6].

Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, разрешая конкретные дела о конституционности оспариваемых законодательных положений и тем более осуществляя непосредственное толкование Основного закона, Конституционный Суд РФ раскрывает содержание конституционных норм, оценивает проверяемые положения отраслевого законодательства в их системной взаимосвязи, одновременно утверждая на основе конституционных императивов верховенство и прямое действие Конституции РФ (ст. 15), непосредственность действия и самих по себе прав и свобод человека и гражданина (ст. 18) – как для законодателя, так и для всех правоприменителей [4. С. 4–5].

Т.И. Алиев и Е.В. Бердникова предлагают считать, что Конституционный Суд РФ по отношению к Конституции играет двоякую роль: как институционального гаранта, позволяющего реализовать свойство юридического верховенства Основного закона страны и осуществлять его правовую охрану, а также как органа, фактически наделенного правом нетекстового преображения конституционных норм [5. С. 13]. Полагаем, это весьма справедливо. Своей деятельностью в сфере толкования Конституции РФ Конституционный Суд обеспечивает не только ее прямое действие, но и устойчивость, внося корректировки своим правовыми позициями, подстраивая базовый текст под современные реалии, не меняя его сущности. В этом и заключается идея обеспечения прямого действия Конституции РФ мерами охраны.

Таким образом, Конституционный Суд РФ занимает особое место в системе обеспечения прямого

действия Конституции как специализированный орган конституционного контроля, созданный с целью обеспечения прямого действия Конституции, причем, несмотря на то что законодательно закреплено лишь его полномочие осуществлять защиту прямого действия Конституции, этот орган осуществляет и ее правовую охрану, что справедливо отмечает С.А. Савченко [6. С. 355–356]. Давая официальное нормативное толкование Конституции РФ, Конституционный Суд РФ обеспечивает условия для наиболее полной реализации ее положений.

Конституция РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» отделили официальное нормативное толкование от других категорий дел, которые вправе разрешать Конституционный Суд РФ. Поводом для толкования является неопределенность норм Конституции, которую в науке предлагается понимать как нарушение качества закона, требований, предъявляемых к нему, в частности точности и ясности формулировок. Именно анализ лексики Конституции РФ, выявление оттенков значений слов, терминов и терминологических оборотов позволяют правильно понять смысл правовых положений, избежав тем самым ошибок в процессе законотворчества и правоприменения. По проблеме, связанной с пределами и границами толкования Судом конституционных норм, нет однозначного решения. По нашему мнению, Конституционный Суд ограничен в первую очередь конституционными нормами, которые имеют «презумпцию». Кроме того, здесь нельзя исключать еще и самоограничение рассматриваемого нами органа государственной власти, т.е. при любой своей деятельности он не вправе подменять законодателя. Однако, если речь идет об отсутствии какой-либо нормы, то, на наш взгляд, Суд имеет право временного устранения пробела с условием, что впоследствии необходимый для регулирования конкретных отношений правовой акт будет принят. Сам Конституционный Суд неоднократно выражал свою позицию об отсутствии намерения подменять законодателя, что впервые установлено в Определении от 20 ноября 1995 г. № 77-О [7].

Вместе с тем имеются и примеры проявления правотворческих функций Суда, например дело о толковании ст. 136 Конституции РФ, где Конституционный Суд установил, что из предусмотренной Конституцией РФ процедуры принятия поправок к гл. 3–8 вытекает, что поправки в смысле ст. 136 принимаются в форме особого правового акта – Закона РФ о поправке к Конституции РФ [8], который, по идее, нигде не предусмотрен.

За период 1995–2015 гг. Конституционным Судом толковались положения ст. 91 и 92 (ч. 2); 84 (п. «б»); 99 (ч. 1, 2 и 4); 109 (ч. 1); 92 (ч. 2 и 3); 71 (п. «г»); 76 (ч. 1); 112 (ч. 1); 111 (ч. 4); 125–127; 66 (ч. 4); 107; 137 (ч. 2); 136; 103 (ч. 3); 105 (ч. 2 и 5); 107 (ч. 3); 108 (ч. 2); 117 (ч. 3); 125 (ч. 2); 105 (ч. 4), 106 и др., где основное место занимали дела, связанные с законодательным процессом. (Всего же постановлений о толковании норм Конституции за указанный период было принято 13 [9], что говорит не только о малой востребованности этой процедуры, но и об отсутствии неопределенности норм Основного закона.)

Вместе с тем деятельность Конституционного Суда практически всегда соприкасается с другими видами государственной деятельности, подчиняя их необходимости следовать высшему закону государства – Конституции РФ, обладающей прямым действием.

Конституционный Суд интерпретировал и толковал в соответствии с доктриной и логикой Основного закона многие конституционные положения о новом федерализме, организующей роли центра и равноправии субъектов Федерации, организации региональной государственной власти и местного самоуправления. Есть ряд объективных и субъективных причин, обусловивших эти процессы: 1) переход на прямое и непосредственное применение Конституции Российской Федерации; 2) отставание законодательного процесса от реального хода социально-экономических и политических преобразований, пробельность и противоречивость действующего федерального законодательства; 3) трудности становления и развития регионального законодательства, проблемы, связанные с реализацией функции законодательствования в отдельных субъектах [10. С. 264–265]. Бесспорно, в таких условиях положительные результаты деятельности Конституционного Суда сложно переоценить.

Например, проблема, ставшая предметом разбирательства в Конституционном Суде, возникла в связи с коллизией, заключенной в Конституции РФ: с одной стороны, автономным округам придается статус равноправных субъектов Федерации (ч. 1, 4 ст. 5), а с другой – сохраняется их включенность в состав другого образования – края или области [11. С. 85]. Свою правовую позицию, выраженную в Постановлении от 14.07.1997 № 12-П, Конституционный Суд основывал на том, что вхождение автономного округа в состав края, области по смыслу ч. 4 ст. 66 Конституции РФ означает такое конституционное состояние, при котором автономный округ, будучи равноправным субъектом России, одновременно составляет часть другого субъекта РФ – края или области. Однако вхождение не умаляет статуса автономного округа как равноправного субъекта Российской Федерации, поскольку он вправе по своему усмотрению распоряжаться тем объемом полномочий, которые предоставлены ему Конституцией РФ [12]. Обозначенное имеет общее значение, распространятся на все автономные округа, входящие в состав края, области.

Конституционный Суд при официальном нормативном толковании должен учитывать приоритет основ конституционного строя. Вместе с тем интересным представляется и мнение самого Суда по этому поводу, которое выражено в различных определениях, содержащих правовые позиции. Например, Государственная Дума требовала признать недействующим положение ч. 2 ст. 95 Конституции Российской Федерации в части, противоречащей принципу разделения властей, на что обращающиеся получили ответ: «В компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, установленную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, не входит проверка конституционности конституционных положений, призна-

ние их недействующими, утратившими силу» [13]. Похожими формулировками наполнены и иные определения, содержащие в себе отказы о принятии к рассмотрению: «Конституционный Суд не вправе проверять конституционность Конституции Российской Федерации ни по каким параметрам» [14].

По верному замечанию В.Д. Зорькина, официальное, общеобязательное толкование Конституции Конституционным Судом служит для преодоления имеющихся неконституционных положений в законодательстве, тем самым обеспечивая охрану Конституции и ориентируя правотворчество, правоприменение и всю сеть конкретных правоотношений на положения Конституции, являющиеся, в свою очередь, нормативной основой постоянно меняющегося мира. И в данном контексте именно путем интерпретации норм Основного закона возможно обеспечение стабильности и динамизма общества [15. С. 27–28].

Таким образом, обеспечение прямого действия Конституции РФ мерами охраны имеет важнейшее значение. Это не абстрактная деятельность, а вполне конкретная, результатом которой является предотвращение нарушения принципа прямого действия Конституции РФ. Рассмотренная правовая деятельность Конституционного Суда РФ в этой сфере связана с конкретизацией и уяснением смысла конституционных положений. А главным критерием построения этой «надстройки» Конституции РФ являются сами ее нормы, в которых закреплены: 1) основные положения, которым требуется дополнительное развитие; 2) основные направления такого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Д.А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 20 с.
2. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Изд-во БЕК, 1998. 462 с.
3. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации: новая страница жизни // Человек и закон. 1994. № 11. С. 3–12.
4. Бондарь Н.С. Решения Конституционного Суда как мера свободы и ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 10. С. 2–5.
5. Алиев Т.И., Бердникова Е.В. Конституция Российской Федерации: пределы стабильности и перспективы модернизации // Современное право. 2013. № 12. С. 9–14.
6. Савченко С.А. Конституционный процесс реализации норм, закрепляющих основы конституционного строя России. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2011. 464 с.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 1995 г. № 77-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 года “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4867.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 45. Ст. 4408 (Комментарий: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М. : Юристъ, 2001. С. 149).
9. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Pages/Decision.aspx (дата обращения: 9.04.2016).
10. Митюков М.А., Барнашов А.М. Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 405 с.
11. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / отв. ред. Б.С. Эбзеев : в 2 т. М. : Юристъ, 2000. Т. 1: Государственная власть. Местное самоуправление. 651 с.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3581.
13. Определение Конституционного Суда от 28 декабря 1995 г. № 137-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Федерального Собрания о толковании положений статьи 80 и части 2 статьи 95 Конституции Российской Федерации» // СПС «Гарант» (текст определения официально опубликован не был).
14. Определение Конституционного Суда РФ от 1 апреля 1996 г. № 13-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 15 октября 1993 года № 1633 “О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации” в части утверждения Положения о всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года» // Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : ОАО Издательский дом «Городец»; Формула права, 2003. С. 131 (текст определения официально опубликован не был).
15. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма; ИНФРА-М, 2011. 720 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 марта 2017 г.

THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ENSURING THE DIRECT ACTION OF THE CONSTITUTION BY SECURITY MEASURES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 210–213.
DOI: 10.17223/15617793/417/30

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ryahovskaya.ti@gmail.com

Keywords: Russian Federation Constitution; direct action of Constitution; Constitutional Court; legal properties of Constitution; legal activities; protection of Constitution; system of ensuring direct action of Constitution.

The article is devoted to problems of theoretical and methodological foundations of the direct action of the Constitution, the delimitation of the concepts of security and protection of the Constitution. The aim of the research is to analyze the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation (particular interest in it is due to its specific legal nature) in the field of ensuring the direct action of the Constitution and, above all, to introduce the idea of ensuring it by security measures. In the author’s opinion, the proposed theme is highly relevant in view of the fact that in today’s realities, when the Russian Federation is committed to building the rule of law and civil society development based on the core values proclaimed in the Universal Declaration of Human Rights, 1948, and reflected in the 1993 Constitution of Russia, theoretical and methodological foundations of the direct action of the Consti-

tution and its implementation in the course of legal action require scientific justification. The study analyzed the theoretical (works by D.A. Avdeev, T.I. Aliyev, E.V. Berdnikov, N.S. Bondar, V.D. Zorkin, M.A. Mityukov, V.A. Kryazhkov, L.V. Lazarev, S.A. Savchenko, B.S. Ebzeev) and empirical (the Russian Constitution; the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation"; Terms and Definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation) material. The methodological basis of the research was the formal-logical method, which allowed to clarify the properties of the Constitution that distinguish it in the statics and dynamics from other normative legal acts; the systematic method used to ensure the comprehension of the system of the direct action of the Constitution and the establishment of regularities in the activities of state authorities and local self-government, thus forming a specific system of state-legal protection and protection of the direct action of constitutional norms. As a result, the author came to a conclusion that ensuring the direct action of the Constitution of the Russian Federation by security measures is essential. It is a specific rather abstract activity, the result of which is to prevent the violation of the principle of the direct action of the Constitution. The legal activity of the Constitutional Court of the Russian Federation in this area is connected with the specification and clarification of the meaning of constitutional provisions. The main criterion for the construction of this "superstructure" of the Constitution is its own rules that fix the basic provisions that require further development and the main directions of the development.

REFERENCES

1. Avdeev, D.A. (2004) *Pravovoy mekhanizm obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [The legal mechanism for ensuring the rights and freedoms of man and citizen]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
2. Kryazhkov, V.A. & Lazarev, L.V. (1998) *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Justice in the Russian Federation]. Moscow: Izd-vo BEK.
3. Ebzeev, B.S. (1994) Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii: novaya stranitsa zhizni [The Constitutional Court of the Russian Federation: a new page of life]. *Chelovek i zakon*. 11. pp. 3–12.
4. Bondar'. N.S. (2006) Resheniya Konstitutsionnogo Suda kak mera svobody i otvetstvennosti [Decisions of the Constitutional Court as a measure of freedom and responsibility]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 10. pp. 2–5.
5. Aliev, T.I. & Berdnikova, E.V. (2013) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: predely stabil'nosti i perspektivy modernizatsii [The Constitution of the Russian Federation: limits of stability and prospects of modernization]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 12. pp. 9–14.
6. Savchenko, S.A. (2011) *Konstitutsionnyy protsess realizatsii norm, zakreplyayushchikh osnovy konstitutsionnogo stroya Rossii* [The constitutional process of implementing the norms that establish the foundations of the constitutional system of Russia]. Tyumen: Tyumen State University.
7. Russian Federation. (1995) Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20 noyabrya 1995 g. № 77-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya i zaprosa Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii o proverke konstitutsionnosti ryada polozheniy Federal'nogo zakona ot 21 iyunya 1995 goda "O vyborakh deputatov Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii"" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 20, 1995, No. 77-O "On refusal to accept the request of a group of deputies of the State Duma of the Federal Assembly and the request of the Supreme Court of the Russian Federation to verify the constitutionality of a number of provisions of the Federal Law of June 21, 1995 "On Election of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation""]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 1995. № 49. St. 4867.
8. Russian Federation. (1995) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 31 oktyabrya 1995 g. № 12-P "Po delu o tolkovanii stat'i 136 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 1995 No. 12-P "On the case of the interpretation of Article 136 of the Constitution of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 45. Art. 4408.
9. The Constitutional Court of the Russian Federation. [Online] Available from: http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Pages/Decision.aspx. (Accessed: 09th April 2016).
10. Mityukov, M.A. & Barnashov, A.M. (1999) Ocherki konstitutsionnogo pravosudiya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki) [Essays on constitutional justice (comparative legal study of legislation and jurisprudence)]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Ebzeev, B.S. (ed.) (2000) *Kommentariy k postanovleniyam Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: v 2 t.* [Commentary to the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurist".
12. Russian Federation. (1997) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 iyulya 1997 g. № 12-P "Po delu o tolkovanii soderzhashchegosya v chasti 4 stat'i 66 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii polozheniya o vkhozhdenii avtonomnogo okruga v sostav kraya, oblasti" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 1997 No. 12-P "On the case of the interpretation of the provision contained in Part 4 of Article 66 of the Constitution of the Russian Federation on the entry of the Autonomous Okrug into a krai, an oblast"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 29. Art. 3581.
13. Garant.ru. (1995) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda ot 28 dekabrya 1995 g. № 137-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya o tolkovanii polozheniy stat'i 80 i chasti 2 stat'i 95 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii"* [Decision of the Constitutional Court of December 28, 1995 No. 137-O "On refusal to accept the request of the State Duma of the Federal Assembly on the interpretation of the provisions of Article 80 and Part 2 of Article 95 of the Constitution of the Russian Federation"]. (Unpublished).
14. Lazarev, L.V. (2003) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. Moscow: OAO Izdatel'skiy dom "Gorodets"; Formula prava. pp. 131.
15. Zor'kin, V.D. (2011) *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow: Norma; INFRA-M.

Received: 24 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 214–218. DOI: 10.17223/15617793/417/31

УДК 343.13

Н.С. Соколовская, И.В. Чаднова

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ОБЪЯСНЕНИЙ ГРАЖДАН

Рассматриваются вопросы реализации положений УПК РФ, позволяющих полученное в рамках проверки сообщения о преступлении объяснение использовать в качестве доказательства по уголовному делу. Устанавливается, что в условиях отсутствия прямого указания закона о процедуре придания объяснению статуса доказательства, признавать объяснение «иным документом» можно только при соблюдении ряда обязательных требований, вытекающих из теории доказывания и положений УПК РФ о доказательствах и их свойствах.

Ключевые слова: процессуальные действия; стадия возбуждения уголовного дела; объяснение; доказательство; иные документы; допустимость.

В постоянном желании что-либо усовершенствовать в российском законодательстве законодатель не оставляет без внимания Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ). Таким образом, в уголовном процессе часто появляются новые правила или трансформируются имеющиеся, причем далеко не всегда такие нововведения отличаются системностью и обоснованностью. Так, благодаря Федеральному закону от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ч. 1 ст. 144 УПК РФ появились дополнения, в соответствии с которыми при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе производить ряд проверочных действий, в результате которых могут быть получены сведения, имеющие значение для определения наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела, которые, в свою очередь, в соответствии с ч. 1.2 этой же статьи могут быть в дальнейшем использованы в качестве доказательств по уголовному делу (при условии соблюдения требований допустимости доказательств). В качестве одного из таких проверочных действий законодатель называет получение объяснений, которые в дальнейшем, после возбуждения уголовного дела, следуя логике положений ст. 144 УПК РФ, могут быть использованы в качестве доказательств.

Исходя из формулировки, мы приходим к выводу, что законодатель указывает на возможность использования в доказывании по уголовному делу объяснений граждан в качестве самостоятельного доказательства. В этой связи возникает целый ряд вопросов, которые требуют разрешения.

Итак, в качестве какого вида доказательства могут быть использованы в доказывании объяснения? Перечень видов доказательств, которые могут быть использованы в доказывании по уголовному делу, содержится в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Указанный перечень имеет закрытый характер и не содержит такого вида доказательства, как объяснение, следовательно, объяснения не могут рассматриваться и использоваться в доказывании в качестве самостоятельного вида доказательств. Тогда что же имеет в виду законодатель?

В научной литературе встречаются предложения рассматривать объяснения лиц в качестве доказательства, приравняв их к показаниям (подозреваемого, потерпевшего, свидетеля) [1. С. 78]. Для этого, по мнению авторов такого предложения, необходимо предусмотреть в УПК РФ уголовно-процессуальное оформление полученных в ходе проверки сообщений о преступлении объяснений, реализовав это через закрепление в законе *протокола объяснений,* составление которого должно отвечать требованиям ст. 166 УПК РФ. Возможность использования протокола объяснений в качестве доказательства по уголовному делу, как полагают авторы, будет обусловлена следующими обстоятельствами:

1) протокол производится непосредственно следователем и дознавателем;

2) производство протокола регулируется нормами УПК РФ и облечено в форму, предусмотренную законом;

3) п. 2 ч. 3. ст. 226.5 УПК РФ позволяет дознавателю не допрашивать лиц, у которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения.

Приведенные аргументы вызывают недоумение. Во-первых, исходя как из нормативных установлений уголовно-процессуального законодательства, так и из практики работы правоохранительных органов, очевидно, что объяснения могут быть получены не только следователями или дознавателями, но и иными должностными лицами, которым поручено производство проверки сообщения о преступлении. Во-вторых, даже реализация первого условия – составления протокола объяснения соответствующим должностным лицом (следователем или дознавателем) – не обеспечит соблюдение правил допустимости полученного таким образом доказательства. Факт того, что именно следователь (дознаватель) произведет опрос лица и составит некий протокол объяснений, не будет свидетельствовать о допустимости, поскольку, с точки зрения допустимости доказательств, важно, чтобы сведения были получены надлежащим должностным лицом, принявшим уголовное дело к своему производству. В данном же случае это исключено, так как решение о возбуждении уголовного дела еще не принято. В-третьих, тезис о том, что протокол объяснения регулируется нормами УПК РФ и облечен в форму, предусмотренную законом, имеет, на наш взгляд, два существенных недочета, не позволяющих с ним согласиться. Поскольку регулируются, как правило, отношения, деятельность, права и др., но не процессуальный акт, протокол не может регулироваться. Протокол как процессуальный акт все-таки закрепляется, фиксируется, устанавливается какой-то нормой. И вот тут главный вопрос – какой? В какой норме действу-

ющего УПК РФ определяется, что в целях фиксации сведений, полученных при производстве опроса лиц, должен быть составлен протокол объяснений? Использовать правила, установленные ст. 166 УПК РФ, – значит допустить применение уголовно-процессуального закона по аналогии, так как указанная статья относится к следственным действиям, каковым объяснение не является. Создавать отдельную статью, специально предусматривающую протокол объяснения, или вводить объяснение в перечень следственных действий, дублируя допрос? И тот и другой варианты некорректны. В новейшей истории уголовного процесса уже встречались и до сих пор сохраняются ситуации наличия упрощенного (суррогатного) варианта определенного следственного действия или доказательства, что приводит к возможностям злоупотреблений на практике (например, заключение специалиста вместо заключения эксперта, исследование вместо экспертного заключения), потому как, с точки зрения следователя (дознавателя), не нужно проводить полноценное процессуальное или следственное действие, требующее значительных временных и процессуальных затрат, значительно быстрее и удобнее обойтись суррогатом.

Что касается отсылки к норме, предусмотренной п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, то хотелось бы заметить, что данная норма сама по себе также весьма сомнительна, с ее реализацией на практике возникает масса вопросов и перспектива использования полученных таким образом доказательств весьма неоднозначна. Поэтому вряд ли предусмотренная УПК РФ возможность при производстве дознания в сокращенной форме не допрашивать лиц, у которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, может рассматриваться аргументом в пользу использования объяснений в качестве доказательств по всем уголовным делам.

На практике встречаются случаи, когда объяснения используются в процессе доказывания в качестве одного из существующих видов доказательств, закрепленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ – «иного документа». Таким образом, по мнению правоприменителей, решается проблема дублирования в ходе предварительного расследования сведений, полученных до возбуждения уголовного дела, отпадает необходимость в вызове и допросе лица в качестве свидетеля, если ранее от него были получены объяснения, что положительно сказывается на сроках расследования преступления и престиже правоохранительных органов [2. С. 65].

В то же время вопрос о возможности использования в уголовном процессе объяснений в качестве «иного документа» новизной не отличается, он активно обсуждался еще в 90-е гг. прошлого столетия. Так, например, еще в то время известный процессуалист В.В. Золотых отмечал, что «иные документы» зачастую используются в качестве «восполнения “ущербных” доказательств», как ««запасной выход», через который проходят недопустимые доказательства [3. С. 81]. Н.М. Кипнис также отмечал недопустимость использования объяснений в качестве «иных документов» [4. С. 60].

В связи с вышеуказанными изменениями в УПК РФ дискуссия о возможности использования в доказывании объяснений в качестве «иных документов» вновь обострилась. Дополнительную интригу в обсуждение процессуального статуса объяснений добавил Конституционный Суд РФ, который в своем определении от 28 мая 2013 г. фактически одобрил практику использования объяснений в качестве «иных документов», указав следующее: «УПК РФ в пункте 6 части второй статьи 74 признает доказательствами иные, помимо в ней названных, документы, которые допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в статье 73 данного Кодекса (часть первая статьи 84). Иные документы, в том числе объяснения, которые в соответствии с частью первой статьи 144 УПК РФ вправе получать следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания при проверке сообщения о преступлении, используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве» [5].

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо вспомнить, что такое «иные документы» как вид доказательств и каковы условия правомерности их использования в доказывании по уголовному делу.

Иные документы – документы, как правило, изготовленные не в ходе процессуальной деятельности, но используемые в уголовном процессе, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Сведения, зафиксированные в документе, могут быть как в письменном, так и в ином виде: материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном законом (ч. 2 ст. 84 УПК РФ). Этот вид доказательств включает в себя все виды материальных носителей информации за исключением протоколов следственных и судебных действий, а также документов, которые обладают признаками вещественных доказательств. Очевидно, что речь идет о самых разнообразных документах. Так, например, В.А. Лазарева выделяет следующие виды документов: 1) личные документы, составленные и выданные официальными органами власти; 2) документы, составленные в ходе определенного технического, производственного процесса, сопровождающего функционирование учреждения, организации, предприятия, содержащие описание события, ставшего предметом исследования по уголовному делу; 3) документы, составленные официальными должностными лицами по требованию органа расследования и суда, а также по запросу защитника, на основании имеющейся в их распоряжении информации; 4) документы, составленные и полученные органами следствия и дознания в процессе проверки оснований к возбуждению уголовного дела и фиксирующие обстоятельства, имеющие значение для дела; 5) документы, полученные в процессе оперативно-розыскной деятельности [6. С. 336]. В отличие от протоколов следственных действий иные документы составляют-

ся в свободной от уголовно-процессуальных предписаний форме; авторами (составителями) таких документов выступают органы и лица, не являющиеся официальными участниками уголовного процесса. Иные документы появляются в уголовном деле, если можно так сказать, «в готовом виде», поскольку процессуальный закон не регламентирует процедуру их составления и не предъявляет к документам никаких требований, кроме обладания способностью устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела, т.е. свойством относимости [6. С. 324].

Условием правомерности использования «иных документов» в качестве доказательств в УПК РФ выступает то самое ранее упомянутое, единственное – документы должны иметь значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. В то же время, думается, это как раз лишнее замечание, поскольку требование относимости распространяется на все виды доказательств и «иные документы» не исключение. Других требований ст. 84 УПК РФ не содержит.

В то же время в научной литературе разными учеными и в разное время выделялись вполне адекватные условия, при которых «иные документы» могут быть использованы в доказывании. Так, А.И. Трусов указывал на возможность использования «иных документов» в качестве доказательств при условии, когда их использование не ведет к подмене чьих-либо требуемых по закону устных показаний, даваемых на допросе, письменным сообщением о тех же фактах, не обеспеченным надлежащими гарантиями его проверки [7. С. 162], т.е. недопущение подмены одного доказательства другим независимо от целей такой подмены. Н.М. Кипнис и С.А. Шейфер подчеркивают необходимость обязательного соблюдения условия проверяемости этих документов [4. С. 62; 8. С. 113], к чему обязывает свойство достоверности доказательств. С.А. Шейфер в качестве важнейшего условия правомерности появления «иного документа» также отмечает законность способа получения доказательства [8. С. 116]. Так, УПК РФ на сегодняшний день содержит указание на три способа получения доказательства: путем производства следственных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), путем истребования документов в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ и путем получения документов от участников процесса, не наделенных самостоятельным правом на собирание доказательств (в порядке ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Кроме того, Р.В. Костенко и В.В. Золотых отмечают следующие условия допустимости «иного документа» в качестве доказательства: в распоряжении органов предварительного расследования, во-первых, должны быть данные, указывающие на то, каким образом он попал в материалы дела; во-вторых, должны быть указаны реквизиты служебных документов или данные о гражданине, от которого документ исходит; в-третьих, должен быть указан источник осведомленности составителя. При отсутствии таких данных составитель документа должен быть допрошен в качестве свидетеля [3. С. 82; 9. С. 186].

Все эти требования призваны обеспечить допустимость «иного документа» в качестве доказательства по уголовному делу. Соблюдение указанных требований обеспечивает формирование надлежащей формы доказательства. Допустимость же, в свою очередь, имеет своей целью обеспечить надежность, достоверность используемых в процессе доказательств [8. С. 112]. Все это выступает гарантией установления истины по уголовному делу.

Достоверность же сведений, изложенных в объяснениях, изначально достаточно сомнительна. Это продиктовано рядом обстоятельств. Во-первых, объяснения получаются непроцессуальным способом, т.е. вне уголовно-процессуальной формы (только упоминание в ст. 144 УПК РФ возможности получить объяснение, в условиях слабой урегулированности производства доследственной проверки в целом); во-вторых, лицо, дающее объяснения, не несет уголовной ответственности за дачу заведомо ложных объяснений; в-третьих, должностное лицо, отбирающее объяснение, может не иметь необходимой профессиональной квалификации и навыков для проведения эффективного опроса и получения качественной информации в условиях необходимости как разъяснения (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ), так и реального обеспечения прав и свобод опрашиваемого лица. Так, например, из 30 изученных методом случайной выборки объяснений адвокат (как представитель пострадавшего) присутствовал только в двух случаях, причем присутствие представителя обеспечивалось самим опрашиваемым.

Исходя из вышеизложенного следует, что при отсутствии в УПК РФ иного механизма закрепления объяснения как доказательства по уголовному делу объяснения граждан могут быть использованы в качестве доказательства в виде «иного документа» только при условии соблюдения определенных требований, призванных обеспечить допустимость и достоверность полученных таким образом доказательств.

1. В качестве одного из важнейших условий правомерности использования объяснений в качестве доказательства по уголовному делу следует рассматривать невозможность получения от ранее опрошенного лица показаний в рамках допроса. Полагаем, что объяснение может быть использовано в доказывании в качестве «иного документа» только в том случае, если опрошенный умер, тяжело заболел или его местонахождение не известно и по объективным причинам он не может быть вызван для допроса и дать показания в порядке, предусмотренном УПК РФ.

2. Сведения, изложенные в объяснениях, должны обладать таким обязательным условием достоверности, как проверяемость. В случае если полученные путем взятия объяснения сведения не могут быть проверены, то они и не могут быть использованы в доказывании по уголовному делу. Следовательно, либо в рамках проверки сообщения о преступлении, либо уже в рамках предварительного расследования в материалах уголовного дела должны появиться документы, подтверждающие достоверность изложенных в объяснении сведений.

3. Для обеспечения большей достоверности и для разрешения возникающих у сторон и суда вопросов по обстоятельствам проведенного опроса как сторо-

ны, так и суд должны иметь право и возможность допросить в качестве свидетеля должностное лицо, получившее объяснения (нередко, как ранее уже упоминалось, получением объяснения в рамках проверки сообщения о преступлении занимаются различные должностные лица правоохранительных органов (участковые уполномоченные, оперативные сотрудники, сотрудники отделов по делам несовершеннолетних и др.), а следователь получает в производство материал уже после возбуждения уголовного дела).

4. Объяснения должны быть получены при условии соблюдения всех требований ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [9] и УПК РФ (ч. 1.1 ст. 144 и п. 6. ч. 3 ст. 49). В случае если станет известно, что права лица, давшего объяснения, были каким-либо образом нарушены, объяснения не могут быть использованы в качестве доказательств. Несмотря на невозможность, как указывалось ранее, замены допроса объяснением, поскольку УПК РФ допускает данное процессуальное действие и оно имеет вербальный характер, то требует и минимальных правил к его производству. Полагаем, что на получение объяснений должны быть распространены требования УПК РФ, касающиеся времени производства следственного действия (ч. 3 ст. 164 УПК РФ) и продолжительности допроса (ст. 187, 191 УПК РФ).

5. Разделяя высказанную профессором С.А. Шейфером точку зрения, считаем, что необходимо соблюдать правило о законности способа получения доказательства. В частности, законным способом получения оперативно-розыскной информации и последующего ее использования в качестве доказательства по уголовному делу может выступать только **представление** предметов, документов (в нашем случае документа), полученных в результате оперативно-розыскного мероприятия, для приобщения его в качестве доказательства по уголовному делу в соответствии с «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» от 05.12.2013 г. [10].

6. В целях соблюдения правила о надлежащем закреплении доказательств следователю, дознавателю необходимо в каждом случае выносить постановление о приобщении материалов (объяснения) к уголовному делу в качестве «иных документов».

В заключение хотелось бы отметить, что предусмотренная в настоящее время законодателем возможность использования объяснений в качестве самостоятельного доказательства, по сути, приравнивает объяснения, например, полученные оперативно-розыскным путем, к показаниям (подозреваемого, потерпевшего, свидетеля), что вряд ли может свидетельствовать о развитии уголовно-процессуальной мысли и способствует «законной подмене» допроса (с его строгими правилами производства) получением объяснения. Соблюдение вышеизложенных правил избавит органы предварительного расследования и суд от соблазна использования в качестве доказательств объяснения вместо полноценных доказательств – «показаний», и обеспечит тем самым достоверность используемой в качестве доказательства информации по уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чабукиани О.А. Получение объяснения в ходе первоначальной проверки сообщений о преступлении // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (59). С. 75–81.
2. Алексеев И.М. К вопросу о доказательствах в уголовном процессе // Наука. Теория. Практика. 2013. № 2. С. 64–67.
3. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 288 с.
4. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М. : Юрист, 1995. 128 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Документ опубликован не был).
6. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М. : Высш. образование, 2009. 344 с.
7. Советский уголовный процесс : учеб. / под ред. А.С. Кобликова. М. : Изд-во ВПА, 1972.
8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М. : Норма, 2009. 125 с.
9. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.
10. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Российская газета. 13.12.2013. № 282.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 марта 2017 г.

ON THE USE OF CITIZENS' EXPLANATIONS IN PROVING IN A CRIMINAL CASE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 214–218.
DOI: 10.17223/15617793/417/31

Natalia S. Sokolovskaya, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: amika4@yandex.ru
Irina V. Chadnova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rolandab@yandex.ru

Keywords: legal proceedings; stage of initiation of criminal case; justification; evidence; other documents; admissibility.

The subject of the study in the article is the procedural status of explanation, the production of which is possible within the verification of the report on a crime and which, after the initiation of a criminal case, following the logic of the provisions of Art. 144 of the RF Code of Criminal Procedure, can be used as evidence. The problems unsolved by the legislator are identified, arising both in obtaining an explanation and in determining its possible evidentiary value. The aim of the work is to determine the legal nature of explanation for establishing the optimal mode of its production. Within the scope of the problem, issues relating to the correlation of

explanation with interrogation are resolved, as well as the advisability of introducing such a procedural document as an explanatory protocol that actually duplicates the interrogation protocol, but without the possibility of observing general rules for the production of investigative actions when drafting it. The article also explores the possibility of attributing explanation to one of the existing types of evidence fixed in Part 2 of Art. 74 of the RF Code of Criminal Procedure – the "other document". As a result, the article draws the following conclusions. Explanation can not be equated to such evidence as the testimony of a suspect, victim, witness, since by virtue of a number of procedural features it will not meet such a proof property as admissibility. The protocol of explanation in case of its introduction in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation will be a surrogate document, to which the rules established by Art. 166 of the Code of Criminal Procedure can not be applied. To create a separate article specifically providing for the explanation protocol or including explanation into the list of investigative actions duplicating interrogation is inappropriate. If there is no other mechanism for fixing explanation in the RF Code of Criminal Procedure as evidence in a criminal case, explanations of citizens can be used as evidence in the form of the "other document" under a number of requirements designed to ensure the admissibility and reliability of the evidence thus obtained: an explanation can be used in proving as the "other document" only if the person interviewed died, is seriously ill or their whereabouts are not known and for objective reasons they can not be called for interrogation and give evidence in the procedure provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; information stated in explanations should have such an obligatory condition of reliability as verifiability, including the right and the possibility of the parties and the court to interrogate the official who received the explanation as an eyewitness; obtaining an explanation is possible only if the requirements of the criminal procedural legislation are fulfilled both in terms of observing the rights of the person who gave explanations and in the part of verbal procedural actions; in order to comply with the rule on the proper securing of evidence, the investigator must make a decision on the attachment of materials (explanations) to the criminal case as "other documents" in each case.

REFERENCES

1. Chabukiani, O.A. (2013) Poluchenie ob"yasneniya v khode pervonachal'noy proverki soobshcheniy o prestuplenii [Obtaining an explanation during the initial verification of reports on a crime]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 3 (59). pp. 75–81.
2. Alekseev, I.M. (2013) K voprosu o dokazatel'stvakh v ugolovnom protsesse [On the issue of evidence in a criminal trial]. *Nauka. Teoriya. Praktika*. 2. pp. 64–67.
3. Zolotykh, V.V. (1999) *Proverka dopustimosti dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Verification of the admissibility of evidence in a criminal trial]. Rostov-on-Don: Feniks.
4. Kipnis, N.M. (1995) *Dopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve* [Admissibility of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist.
5. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.05.2013 No. 723-O "On refusal to accept the complaint of citizen Sergey Semenovich Zhudin for violation of his constitutional rights by Paragraph 6 of Part 2 of Article 74, Paragraph 1 of Part 3 of Article 413 and provisions of Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" (Unpublished). (In Russian).
6. Lazareva, V.A. (2009) *Dokazyvanie v ugolovnom protsesse* [Proving in a criminal trial]. Moscow: Vyssh. obrazovanie.
7. Koblikov, A.S. (ed.) (1972) *Sovetskiy ugolovnyy protsess* [Soviet criminal trial]. Moscow: Izd-vo VPA.
8. Sheyfer, S.A. (2009) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam* [Evidence and proving in criminal cases]. Moscow: Norma.
9. Russian Federation. (1995) Federal'nyy zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ (red. ot 06.07.2016) "Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti" [Federal Law of August 12, 1995, No. 144-FZ (amended on July 06, 2016) "On Operational-Search Activities"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 33. Art. 3349.
10. Rossiyskaya gazeta. (2013) Prikaz MVD Rossii № 776, Minoborony Rossii № 703, FSB Rossii № 509, FSO Rossii № 507, FTS Rossii № 1820, SVR Rossii № 42, FSIN Rossii № 535, FSKN Rossii № 398, SK Rossii № 68 ot 27.09.2013 "Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke predstavleniya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti organu doznaniya, sledovatelyu ili v sud" (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 05.12.2013 № 30544) [The order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 776, the Ministry of Defense of Russia No. 703, the Russian Federal Security Service No. 509, the Federal Security Service of Russia No. 507, the Federal Customs Service of Russia No. 1820, the Foreign Intelligence Service of Russia No. 42, the Federal Penitentiary Service of Russia No. 535, the Federal Drug Control Service of Russia No. 398 of September 27, 2013, "On Approval of the Instruction on the Procedure for Submitting the Results of the Operative-Investigative Activities to the Inquiry Body, the Investigator or the Court" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on December 05, 2013, No. 30544)]. *Rossiyskaya gazeta*. 13 December. 282.

Received: 13 March 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Татьяна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru

БОЙКО Владимир Петрович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vpbojko@yandex.ru

БУДАНОВА Ирина Борисовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: irinakorniltseva@mail.ru

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); ст. науч. сотр. лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: venariy@ngs.ru

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ». E-mail: gruzvlad@rambler.ru

ГРУЗДИНСКАЯ Виктория Сергеевна – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: vik11910314@yandex.ru

ЕЛКИН Максим Евгеньевич – аспирант кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: scat-rat@yandex.ru

ЕФРЕМОВА Дарья Андреевна – преподаватель кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений. E-mail: efremovadarya@yandex.ru

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: emmaluk@yandex.ru

ЗАЛЯЛОВА (МИХЕИЧЕВА) Валентина Леонидовна – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: mikheicheva92@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИВОНИНА Ольга Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ivonina@ngs.ru

КАЧАЛОВ Виктор Иванович – канд. юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия (г. Москва). Okukel@yandex.ru

КАЧИН Николай Андреевич – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: Kachinnikolay@mail.ru

КЕРН Кристина Евгеньевна – магистрант кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: k-k-13@mail.ru

КОНОНЕНКО Анатолий Анатольевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: a-kononenko@yandex.ru

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: lozin@mail.tsu.ru

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ksenia.kgm@mail.ru

НОСОВА Наталья Петровна – д-р ист. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета. E-mail: nosova-np@mail.ru

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: medicinahistory@yandex.ru

ПАШИН Василий Петрович – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. E-mail: pashinvp@mail.ru

ПЕРЕВОЩИКОВ Дмитрий Викторович – мл. науч. сотр. отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск). E-mail: dmitryizh76@mail.ru

ПЛАКСИНА Наталия Евгениевна – зам. директора по научной работе Национальной галереи Республики Коми (г. Сыктывкар). E-mail: nplaks@mail.ru

ПРОНИН Александр Алексеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: prozin@mail.ru

РЯХОВСКАЯ Татьяна Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Новосибирск). E-mail: ryahovskaya.ti@gmail.com

СОКОЛОВСКАЯ Наталья Сергеевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: amika4@yandex.ru

СОРОКИН Александр Анатольевич – инженер-лаборант Центра краеведческих исследований Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: skaliger1989@yandex.ru

ТАТАРНИКОВА Анна Ивановна – канд. ист. наук, начальник отдела гуманитарных исследований Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: tatob777@yandex.ru

ТЕРЕХОВ Олег Эдуардович – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: terehov1968@mail.ru

ТЯПКИН Михаил Олегович – канд. ист. наук, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: tyapkin@rambler.ru

ФОМИНЫХ Сергей Федорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergey.fominyh1940@mail.ru

ХАЙНИЦКАЯ Элеонора Андреевна – аспирант кафедры истории и архивоведения Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан). E-mail: lera_hainickaya@mail.ru

ЦЫДЕНОВА Дарима Цыденовна – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: ruta22@rambler.ru

ЧАДНОВА Ирина Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: rolandab@yandex.ru

ЧЕРЕМНЫХ Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: olqga375@sibmail.com

ШЕВЛЯКОВ Александр Семенович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017 № 417 Апрель

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 апреля 2017 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 23. Тираж 250 экз.
Заказ № 2516. Цена свободная.

Дата выхода в свет 5 мая 2017 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru